РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2

Москва
2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 2

Moscow
2020

ISSN 1681-1062 e-ISSN 2658-5022
DOI 10.31912/rjano-2020.2

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США
Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша
Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН
Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария
фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., профессор, Йенский университет им. Фридриха Шиллера, Германия
Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;
Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;
Dmitrij O. Dobrovol'skij, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;
Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Ди Сальво М.— Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
Иткин И. Б. – к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
Igor Meľčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia
Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Стойнова Н. М. – к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Тимберлейк А.— Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020
© Авторы, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова, А. Е. Сомова.
Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени 11
А. Н. Барулин.
Морфолого-синтаксические янтарные конструкции в русских композитах с морфемами {МЕЖ} и {МЕЖД} 33
П. А. Бычкова.
Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций *ты что* и *что ты* 88
В. Ю. Шатин.
Фонетические особенности костромских диалектов первой половины XVII в. и их дальнейшая судьба 112
А. С. Алексеева.
Русскоязычные тексты Олонецкого сборника: фонетика и грамматика 128
М. Н. Шевелёва.
Ещё раз о перфекте и аористе в ранних восточнославянских текстах 151
А. А. Пичхадзе.
Перфект и книжный плюсквамперфект в древнерусском: место сентенциального отрицания и вспомогательного глагола 185
К. В. Вершинин.
Ремарки книжников в древнерусских толковых компиляциях 206
Ж. Ж. Варбот.
Об этимологии праслав. **kasti* 218
И. Б. Иткин.
Еще раз о надписи на ручке кувшина из Тьмутаракани 222

Материалы диалектологических экспедиций

А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова.
Селигеро-торжковский говор деревни Лужниково и ее окрестностей.....227
I. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в лужниковском говоре: количественный аспект (*А. В. Малышева*)
II. Возвратная частица *-ся* в лужниковском говоре (*А. В. Малышева*)
III. Перфектные конструкции в лужниковском говоре (*А. В. Тер-Аванесова*)
IV. Тексты (*расшифровка А. В. Малышевой*)

С. В. Дьяченко.
Говор д. Скнятино Калязинского района Тверской области 292

Адреса университетов и институтов 329
Правила подачи статей 330

CONTENTS

Articles

Dmitry M. Savinov, Ekaterina S. Skachedubova, Alexandra E. Somova.
Active processes in the prosodic system of the Russian language:
Accentuation of past tense verbs 11
Alexandr N. Barulin.
Morphologic amber constructions with morphemes {mezh} and {mezhd} 33
Polina A. Bychkova.
Features of discourse formulae: A case study of Russian *ty čto* and *čto ty* 88
Vladimir Yu. Shatin.
Phonetic features of Kostroma dialects in the first half of the 17th century
and their further fate 112
Alina S. Alekseeva.
Russian texts in Olonetsky sbornik from the 17th century:
Phonetics and grammar 128
Maria N. Sheveleva.
Once more on the Perfect and Aorist in Early East Slavic texts.....151
Anna A. Pichkhadze.
Perfect and Pluperfect in Old Russian:
The position of sentential negation and the auxiliary verb.....185
Konstantin V. Vershinin.
Bookmen's notes in Old Russian exegetical compilations.....206
Zhanna Zh. Varbot.
Towards the etymology of Proto-Slavic **kastь*.....218
Ilya B. Itkin.
Once more on the inscription on the handle of the jug from Tmutarakan.....222

Materials of dialectological expeditions

Anna V. Malysheva, Alexandra V. Ter-Avanesova.
Seliger-Torzhok dialect of the village Luzhnikovo and its surroundings.....227
Svetlana V. Dyachenko.
The dialect of the village Sknyatino in the Kalyazinsky district, Tver' region 292

Adresses of universities and institutes.....297
Notes for contributors 298

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.1

Д. М. САВИНОВ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
crillon@yandex.ru

Е. С. СКАЧЕДУБОВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
skaekaterina@yandex.ru

А. Е. СОМОВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
alsomova@yandex.ru

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: АКЦЕНТУАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ*

Статья посвящена акцентуации невозвратных и возвратных глаголов непродуктивного класса в форме прошедшего времени. В настоящей работе на основе сопоставления вариантов ударения, кодифицированных современными орфоэпическими словарями, и данных, полученных в результате серии экспериментов, которые отражают актуальный произносительный узус носителей современного русского литературного языка, анализируются причины изменений, происходящих в акцентной парадигме соответствующих глаголов прошедшего времени, поднимаются проблемы кодификации норм в орфоэпических словарях.

Ключевые слова: глагол, акцентуация, современный русский литературный язык, ударение, орфоэпический словарь.

0. Введение

Как известно, в русском языке большинство глаголов при словоизменении сохраняют ударение исходной словоформы, то есть имеют неподвижное

* Предлагаемое исследование выполнено в рамках плановой темы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Произносительная норма в узусе и кодификации» (руководитель М. Л. Каленчук).

ударение как в основе настоящего (будущего простого) времени, так и в основе инфинитива. Подвижное ударение в прошедшем времени свойственно лишь небольшой группе глаголов, относящихся к непродуктивным классам[1]. Эти же глаголы обычно характеризуются и высокой степенью вариативности ударения в соответствующих формах.

Исторически формы женского рода большинства этих глаголов были акцентно противопоставлены всем другим формам прошедшего времени, что связано с противопоставлением в раннедревнерусском языке у *l*-причастий ортотонической словоформы ж. р. с фонологически ударным окончанием *-а* другим формам-энклиноменам, не имевшим фонологически ударных слогов. Наличие у глаголов-энклиноменов только фонологически безударных слогов предполагало «автоматическое» позиционное усиление начального слога, что в соответствующих тактовых группах обусловило оттяжку ударения на проклитики, а также перенос ударения на энклитику *-ся*, бывшую фонологически ударной. С исчезновением фонетического различия между автономным (на любом слоге ортотонических форм) и автоматическим (на первом слоге энклиноменов) ударением акцентная система становится фонетически необусловленной, а место ударения — традиционным. Возникают акцентные подвижные парадигмы типа *лил*, *лила́*, *ли́ло*, *ли́ли*; *о́тдал*, *отдала́*, *о́тдало*, *о́тдали*; *про́пил*, *пропила́*, *про́пило*, *про́пили*; *принялся́*, *приняла́сь*, *приняло́сь*, *приняли́сь*, частично сохранившиеся в русском литературном языке до настоящего времени.

Однако процессы унификации, способствующие закреплению неподвижного ударения, постепенно устраняют, во-первых, акцентное противопоставление форм внутри парадигм, во-вторых, различия в акцентуации производных и производящих основ, что способствует расширению вариативности, то есть приводит, по выражению М. В. Панова, к «нефункциональному многообразию единиц». О вариантах, существующих в разговорном узусе носителей русского литературного языка, уже не раз писали лингвисты [Воронцова 1979: 168–193; 2000: 308–309; Суханова 1980: 689; Касаткина 2008: 380–383; Куракина 2011а: 267–272; 2011б: 24–29; Касаткин 2014: 238–240], однако большинство нормативных словарей продолжают искусственно последовательно поддерживать в формах прошедшего времени старые акцентологические нормы.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в исследуемых глаголах, была проведена серия экспериментов, в которых приняли участие 112 респондентов, москвичей во втором-третьем поколении, с высшим образованием (или студенты старших курсов ВУЗов), носители литературной нормы русского языка. Информанты обоих полов были

[1] В современном русском языке в прошедшем времени отмечается три типа акцентных парадигм: *a* — неподвижное ударение на основе (*грел*, *гре́ла*, *гре́ло*, *гре́ли*), *b* — неподвижное ударение на флексии (*нёс*, *несла́*, *несло́*, *несли́* и *c* — подвижное ударение (*был*, *была́*, *бы́ло*, *бы́ли*).

разделены на три равные возрастные группы (младшая — до 29 лет включительно, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше). Респонденты читали с листа, без предварительного ознакомления, тексты достаточно большой протяженности, содержащие глагольные формы, допускающие варианты ударения в живой непринужденной речи. Всего было изучено 390 форм 206 невозвратных глаголов и 211 форм 88 возвратных глаголов. В общей сложности получено более 18 000 дикторских ответов.

В эксперимент входили следующие невозвратные глаголы и их префиксальные производные: *брать*, *быть*, *вить*, *врать*, *гнать*, *дать*, *драть*, *ждать*, *жить*, *жрать*, *звать*, *клясть*, *красть*, *лгать*, *лить*, *пить*, *плыть*, *рвать*, *слать*, *спать*, *стлать*, *ткать*, а также префиксальные образования с корнями *бы-*, *-я-* (*ня-*), *мер-* и *пер-* (типа *убыть*, *принять*, *умереть*, *запереть*). Среди возвратных глаголов были исследованы *браться*, *виться*, *гнаться*, *даться*, *драться*, *житься*, *клясться*, *литься*, *рваться*, *спаться*, а также префиксальные производные типа *облиться*, *отдаться*, *погнаться* и др.

Рассматриваемые глаголы разделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*бы-*, *ви-*, *да-*, *жи-*, *кля-*, *ли-*, *пи-*, *плы-*, *-ня-*) и глаголы, в которых ранее был редуцированный, т. е. исконно двусложные (*бра-*, *вра-*, *гна-*, *дра-*, *жда-*, *жра-*, *зва-*, *лга-*, *рва-*, *сла-*, *спа-*, *стла-*, *тка-*). На различное поведение этих глаголов с точки зрения акцентуации указал еще Л. А. Булаховский [1948: 22–24]. Отмечалось, что «применительно к позднему периоду развития литературного языка это различие выявлялось в более интенсивном выравнивании ударения у глаголов второй группы (в прошлом двусложных)» [Воронцова 1979: 171].

1. Невозвратные глаголы

Подавляющее большинство исследованных глаголов в раннедревнерусском языке были энклиноменами, соответственно, ударение во всех формах прошедшего времени, кроме формы ж. р. ед. ч., исконно должно было падать либо на корень или суффикс *-а* (у непроизводных бесприставочных глаголов), либо на приставку (у их префиксальных производных). По данным Л. А. Булаховского и Н. А. Еськовой, этот принцип в целом сохранялся до конца XVIII — начала XIX в.: *óбвил*, *óбвило*, *прúбрал*, *прúбрало*, *пóплыл*, *пóплыло*, *сóрвал*, *сóрвало* и др. [Булаховский 1948: с. 20–22, 24–25; Еськова 2008: 375–389].

Однако уже с первой половины XIX в. прослеживается тенденция «к “выравниванию” ударения приставочных глаголов по оснóвному» [Воронцова 2000: 308], то есть к перемещению ударения у приставочных глаголов на корень или суффикс *-а* — по аналогии с производящими бесприставочными глаголами в соответствующих формах. Сначала этот процесс затрагивает глаголы с исторически двусложной основой (при стабильном сохранении ударения на префиксе в односложных глаголах); затем тенденция

к переносу ударения с префикса на корень распространяется также и на вторую группу глаголов. К середине XX в. ударение переместилось с префикса на корень, суффикс или окончание во всех двусложных глаголах (за исключением форм *со́звал*, *со́звало*), а также в большинстве односложных, где данный процесс идет «медленно и избирательно» [Воронцова 1979: 179].

Е. Б. Куракина в 2005–2010 гг. провела серию орфоэпических экспериментов среди школьников и студентов и на основе полученных данных описала современную «младшую» норму в ее московском варианте. По данным Е. Б. Куракиной, в префиксальных глаголах, «характерной особенностью акцентной вариативности которых является перемещение старшего ударения с префикса на корень в глаголах в формах мужского рода, среднего рода и множественного числа прошедшего времени ⟨…⟩, употребление корневого ударения ⟨…⟩ перешагнуло 50 %-й барьер и более распространено в речи молодых москвичей, нежели префиксальное» [Куракина 2011б: 25].

Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что большинство глаголов в формах м. р. ед. и мн. ч. произносятся в настоящее время с ударением на корне или суффиксе, количество подобных произнесений в разных возрастных группах равняется 80–100 %. Почти исключительно с наосновным ударением в средней и младшей возрастных группах произносятся глаголы, производные от исконно односложных *дать*, *жить*, *лить*, *пить* и *плыть*. Наиболее высокий процент произнесений с ударением на префиксе отмечается у соответствующих глаголов с приставкой *про-* (*про́дал*, *про́жил*, *про́лил*, *про́пил*, а также *про́клял*), что свидетельствует о ее высокой акцентогенности.

Однако небольшое количество префиксальных глаголов в м. и ср. р. ед. ч. и во мн. ч. произносится преимущественно с ударением на приставке. Так, в формах ср. р. подобную акцентуацию сохраняют следующие глаголы: *предпри́няло* (100 % ст., 90 % ср. и мл.), *по́няло* (90 % ст., 70 % ср., 60 % мл.), *на́няло* (80 % ст. и ср., 60 % мл.), *при́няло* (100 % ст., 80 % ср. и мл.), *при́было* (100 % ст. и ср., 90 % мл.), *за́перло* (75 % ст., 90 % ср. и мл.), *о́тбыло* (30 % ст., 60 % ср., 40 % мл.), *у́было* (90 % ст. и ср., 80 % мл.), *про́было* (70 % ст. и мл., 80 % ср.), *за́мерло* (100 % ст., 80 % ср., 60 % мл.), *у́мерло* (100 % ст. и ср., 90 % мл.). В м. р. ед. и мн. ч. эти глаголы произносятся почти исключительно с ударением на префиксе: процент таких произнесений во всех возрастных группах равен 90–100 %. По всей видимости, здесь произошла лексикализация места ударения, которая, возможно, обусловлена постепенным «затемнением» словообразовательной мотивированности данных слов, их отрывом от производящей основы (*прибыть*, *отбыть*, *убыть*), а также наличием в глаголах связанного корня (*понять*, *нанять*, *принять*, *запереть*). К последней группе примыкают глаголы *замереть* и *умереть*, соотносимые с малоупотребительным разговорным глаголом *мереть*, который в современном русском языке имеет дефектную парадигму и употребляется исключительно в устойчивых сочетаниях (*мрут как мухи*). В случае с глаголом *предпринять* также действует тенденция к ритмическому равновесию.

Проведенный нами анализ текстов XVIII–XIX вв. поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) дал возможность обнаружить немалое количество примеров исследованных приставочных и бесприставочных глаголов, в которых ударение в ср. р. падает не только на приставку, корень или суффикс, но и на окончание. По данным НКРЯ, наиболее часто нафлективное ударение встречается в бесприставочных глаголах. Так, первое употребление формы *дало* с ударным окончанием отмечено еще в середине XVIII в.: «Не думай, чтоб свершила зло: Умри, коль смерти мне желаешь; Сама себя теперь караешь, Тебе злодейство то ***далó***» (И. Ф. Богданович, 1761). Приведем некоторые другие примеры: «Меж бледных звёзд Как человеческое было Лицо луны, и слёзы ***лúло***» (А. Н. Майков, 1853) — «Оно, горевшее светло, Как бы зияющая рана Болезни смрадные ***лилó***» (А. М. Жемчужников, 1867); «По плечам твоим высоким Солнце блеск ***разлúло*** свой. И знакомые мне косы Льнут к волнам своей волной» (К. К. Случевский, 1897) — «И чудное, исполненное ласки Создание — на щёки, на чело Как будто воск холодный ***разлилó***, И я застыл в окаменелой маске» (К. М. Фофанов, 1892); «Весь свет непрестанно Терпит отмены, и то чудно лишь бы было, Если б мое в тех валах судно равно ***плы́ло***» (А. Д. Кантемир, 1731–1743) — «***Плылó*** бы все ко мне: из темныя конурки Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях; Явился бы и кит с огромными усами, И нильский крокодил в узорных чешуях» (В. А. Жуковский, 1819); «Светила чудные сияли в вышине И, улыбаяся, смотрели в душу мне; Чистейшим серебром поля вдали сияли, Леса пустынные недвижимо стояли; Всё ***спáло***…» (А. Н. Апухтин, 1854) — «Сидела мать у колыбели; Дитя ***спалó***, но в странном сне…» (Н. П. Огарев, 1841); «Что ***звáло*** жить, что силы горячило — Далеко за горой» (А. А. Фет, 1853) — «Надменное ветрило Его ***звалó*** к брегам чужой земли…» (А. С. Пушкин, 1814); «Я пел одинок, но тужить и роптать Мне, старому, было б грешно и нестать — Наград моё сердце не ***ждáло***!» (А. К. Толстой, Слепой, 1873) — «Это всё, поверь, Нас ***ждалó*** давно, И сбылось теперь, чему быть должно» (А. Н. Апухтин, 1854–1892) и др.

Современные орфоэпические словари формы ср. р. с ударением на окончании (типа *лилó*, *разлилó*, *гналó*, *загналó*, *бралó*, *набралó*, *ждалó* и др.) дают с запретительной пометой «не рекомендовано», допустимыми признаются формы *взялó* и *далó* [Еськова 2014; ОС; Резниченко 2015] или только *далó* [Штудинер 2016]. В. М. Суханова, автор раздела «Ударение глаголов» в академической «Русской грамматике», квалифицирует формы с нафлективным ударением типа *бралó*, *гналó*, *обдалó*, *отдалó*, *предалó*, *ждалó*, *жилó* и мн. др. как просторечные [Суханова 1980: 689]. Лишь в Большом орфоэпическом словаре варианты с нафлективным ударением в форме ср. р. трактуются как нормативные и снабжены пометой «допустимо младшее» [БОС 2017].

На значительную распространенность нафлективного ударения у префиксальных невозвратных глаголов ср. р. указала Е. Б. Куракина: «При анкетировании современной московской молодежи проявилась также инте-

ресная особенность: респонденты неожиданно употребили флективное ударение в глаголах в прошедшем времени в форме среднего рода (например, *обдало́* — 94 %), что можно объяснить выравниванием места ударения по аналогии с кодифицированным ударением на флексии в форме женского рода данных глаголов» [Куракина 2011б: 26].

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка произносят формы ср. р. преимущественно с ударением на окончании, причем зачастую процент таких произнесений имеет тенденцию к возрастанию от старшей к младшей возрастной группе. Обращает внимание, что в непроизводных бесприставочных глаголах процент произнесения с ударным окончанием значительно выше, чем в производных, для ряда лексем он приближается (а в некоторых возрастных группах равен) к 100 %. Наиболее часто формы ср. р. ед. ч. с нафлективным ударением встречаются в глаголах *лить*, *дать*, *звать*, *взять* и их префиксальных производных: *ли́ло* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *лило́* (90 % ст. и мл., 100 % ср.); *за́лило* (30 % ст., 20 % ср., 0 % мл.), *зали́ло* (20 % ст., 0 % ср., 10 % мл.) и *залило́* (50 % ст., 80 % ср., 90 % мл.); *разли́ло* (30 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *разлило́* (70 % ст., 90 % ср., 100 % мл.); *да́ло* (0 % ст. и мл., 10 % ср.) и *дало́* (100 % ст. и мл., 90 % ср.); *по́дало* (40 % ст., 30 % ср., 30 % мл.), *пода́ло* (10 % ст. и мл., 30 % ср.) и *подало́* (50 % ст., 40 % ср., 60 % мл.); *пере́дало* (17 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *переда́ло* (8 % ст., 20 % ср., 0 % мл.) и *передало́* (75 % ст., 60 % ср., 90 % мл.); *зва́ло* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *звало́* (90 % ст. и мл., 100 % ср.); *подозва́ло* (80 % ст., 50 % ср., 20 % мл.) и *подозвало́* (20 % ст., 50 % ср., 80 % мл.); *призва́ло* (50 % ст., 60 % ср., 20 % мл.) и *призвало́* (50 % ст., 40 % ср., 80 % мл.) и др.

Глаголы *брать*, *гнать*, *жить* и *лгать* в целом вписываются в общий процесс переноса ударения на окончание, о чем свидетельствуют некоторые словоформы: *бра́ло* (40 % ст., 20 % ср. и мл.) и *брало́* (60 % ст., 80 % ср. и мл.); *набра́ло* (50 % ст., 30 % ср., 10 % мл.) и *набрало́* (50 % ст., 70 % ср., 90 % мл.); *отобра́ло* (17% ст., 40 % ср., 10 % мл.) и *отобрало́* (83 % ст., 60 % ср., 90 % мл.); *прибра́ло* (30 % ст., 20 % ср. и мл.) и *прибрало́* (70 % ст., 80 % ср. и мл.); *гна́ло* (30 % ст., 40 % ср., 10 % мл.) и *гнало́* (70 % ст., 60 % ср., 90 % мл.); *загна́ло* (30 % ст., 50 % ср., 20 % мл.) и *загнало́* (70 % ст., 50 % ср., 80 % мл.); *обогна́ло* (40 % ст., 60 % ср., 40 % мл.) и *обогнало́* (60 % ст., 40 % ср., 60 % мл.); *жи́ло* (30 % ст., 60 % ср., 10 % мл.) и *жило́* (70 % ст., 40 % ср., 90 % мл.); *о́бжило* (0 % ст. и мл, 10 % ср.), *обжи́ло* (30 % ст. и мл., 40 % ср.) и *обжило́* (70 % ст. и мл, 50 % ср.); *за́жило* (60 % ст., 30 % ср., 20 % мл.), *зажи́ло* (0 % ст. и мл., 10 % ср.) и *зажило́* (40 % ст., 60 % ср., 80 % мл.); *о́жило* (40 % ст., 20 % ср., 50 % мл.), *ожи́ло* (10 % ст., 0 % ср. и мл.) и *ожило́* (50 % ст. и мл., 80 % ср.); *лга́ло* (50 % ст., 20 % ср., 0 % мл.) и *лгало́* (50 % ст., 80 % ср., 100 % мл.); *солга́ло* (40 % ст., 60 % ср., 20 % мл.) и *солгало́* (60 % ст., 40 % ср., 80 % мл.).

Однако довольно большое количество приставочных образований от этих глаголов последовательно сохраняет наосновное ударение: *избра́ло* (60 % ст., 100 % ср., 70 % мл.) и *избрало́* (40 % ст., 0 % ср., 30 % мл.); *разо-*

бра́ло (60 % ст., 50 % ср., 70 % мл.) и *разобрало́* (40 % ст., 50 % ср., 30 % мл.); *перебра́ло* (80 % ст., 40 % ср., 70 % мл.) и *перебрало́* (20 % ст., 60 % ср., 30 % мл.); *обобра́ло* (40 % ст., 70 % ср. и мл.) и *обобрало́* (60 % ст., 30 % ср. и мл.); *изгна́ло* (42 % ст., 80 % ср., 50 % мл.) и *изгнало́* (58 % ст., 20 % ср., 50 % мл.); *пригна́ло* (90 % ст., 100 % ср., 30 % мл.) и *пригнало́* (10 % ст., 0 % ср., 70 % мл.); *догна́ло* (80 % ст., 60 % ср., 50 % мл.) и *догнало́* (20 % ст., 40 % ср., 50 % мл.); *нагна́ло* (70 % ст., 80 % ср. и мл.) и *нагнало́* (30 % ст., 20 % ср. и мл.); *о́тжило* (20 % ст. и мл., 30 % ср.), *отжи́ло* (60 % ст. и мл., 40 % ср.) и *отжило́* (20 % ст. и мл., 30 % ср.); *до́жило* (70 % ст., 40 % ср., 20 % мл.), *дожи́ло* (20 % ст. и ср., 50 % мл.) и *дожило́* (10 % ст., 40 % ср., 30 % мл.); *по́жило* (20 % ст. и ср., 0 % мл.), *пожи́ло* (60 % ст. и мл., 50 % ср.) и *пожило́* (20 % ст., 30 % ср., 40 % мл.); *пе́режило* (10 % ст., 20 % ср. и мл.), *пережи́ло* (70 % ст., 30 % ср., 60 % мл.) и *пережило́* (20 % ст. и мл., 50 % ср.); *оболга́ло* (90 % ст., 80 % ср., 70 % мл.) и *оболгало́* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.).

Есть и другие исключения. Во-первых, особняком стоят глаголы *вить* и *пить*, относящиеся к одному классу. Так, в глаголе *вить* и префиксальных производных в ед. ч. ср. р. ударение чаще падает на основу: *ви́ло* (80 % ст. и ср., 100 % мл.) и *вило́* (20 % ст. и ср., 0 % мл.), *зави́ло* (70 % ст. и мл., 80 % ср.) и *завило́* (30 % ст. и мл., 20 % ср.), *прови́ло* (60 % ст., 90 % ср., 80 % мл.) и *привило́* (40 % ст., 10 % ср., 20 % мл.), *сви́ло* (60 % ст., 80 % ср. и мл.) и *свило́* (40 % ст., 20 % ср. и мл.), *уви́ло* (75 % ст., 90 % ср., 100 % мл.) и *увило́* (25 % ст., 10 % ср., 0 % мл.).

Глаголы с корнем *пи-* имеют нафлективное ударение несколько чаще, чем глаголы с корнем *ви-*, однако количество респондентов, поставивших ударение на окончание, обычно не превышает 30–40 %: *пи́ло* (90 % ст., 80 % ср., 70 % мл.) и *пило́* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.), *отпи́ло* (80 % ст., 40 % ср., 70 % мл.) и *отпило́* (20 % ст., 60 % ср., 30 % мл.), *допи́ло* (80 % ст. и ср., 70 % мл.) и *допило́* (20 % ст. и ср., 30 % мл.), *попи́ло* (60 % у всех групп респондентов) и *попило́* (40 % у всех групп респондентов).

В отличие от всех остальных глаголов с исконно подвижной акцентной парадигмой, у *вить* и *пить* максимальное количество произнесений с ударением на флексии фиксируется не в производящих бесприставочных глаголах, а в префиксальных производных: количество произнесений *привило́*, *свило́*, *завило́*, *попило́*, *отпило́* значительно превышает количество произнесений *вило́* и *пило́*. Возможно, стабильное сохранение ударения на основе в ср. р. связано с влиянием других глаголов данного класса, большинству которых в прошедшем времени свойственно неподвижное ударение на основе: *бить*, *шить*, *брить* и др. Необходимо также отметить и действие в данной глагольной группе прагматического фактора: у более употребительных глаголов процент произнесения с наосновным ударением ниже, чем у менее употребительных. Неслучайно более частотный глагол данного класса *лить* и его производные значительно чаще имеют нафлективное ударение в соответствующих формах, чем менее частотные глаголы *пить* и *вить* и их производные. Ср.: широко употребительный *лило́* (90 % ст. и мл.,

100 % ср.), менее частотный *пило́* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.) и еще менее частотный *вило́* (20 % ст. и ср., 0 % мл.). Прагматический фактор действует даже при акцентуации однокоренных глаголов: ср. форму более частотного глагола *завило́* (30 % ст., 20 % ср., 30 % мл.) и форму менее частотного — *увило́* (25 % ст., 10 % ср., 0 % мл.).

Кроме того, в случае с глаголом *вить* и его префиксальными производными такая акцентуация объясняется разграничением омонимии с формами глагола *вести́* и соответствующими производными: *ви́ло*, но *вело́*, *приви́ло*, но *привело́* и др.

Во-вторых, большинство глаголов со связанным корнем *-пер-*: *подпереть*, *распереть*, *упереть* (в том числе грубопросторечные типа *допереть*, *напереть* и др.), исконно имевшие маргинально-подвижную акцентную парадигму, унифицировали ударение не на окончании, а на корне (в том числе и в форме ж. р.): *подпёр*, *подпёрла*, *подпёрло*, *подпёрли* и т. д. Старая акцентуация в этих словах до сих пор сохраняется лишь в некоторых диалектных системах: *по́дпер*, *ро́сперло*, *у́перли* [Даль[4]: 3: 499, 1611; 4: 1037]. В литературном языке, по данным лексикографических источников, в прошедшем времени только глаголы *запереть* и *отпереть* сохраняют старую подвижную парадигму: *за́пер*, *заперла́*, *за́перло*, *за́перли*. Однако результаты эксперимента свидетельствуют о том, что в глаголе *отпереть* развивается та же тенденция к переносу ударения на корень, что и в других лексемах с корнем *пер-*: вариант *отпёрло* предпочли 40 % ст. и 50 % ср. и мл., а *отпёрла* — 20 % ст., 10 % ср. и 20 % мл. Та же тенденция отмечена и у возвратного глагола *отпереться*: вариант *отпёрлось* предпочли 40 % ст. и ср., 50 % мл., *отпёрлась* — 0 % ст., 10 % ср. и мл.

Возможно, различное поведение глаголов *отпереть* (*-ся*) и *запереть* (*-ся*) связано с их частотностью[2]: более употребительный *запереть* (*-ся*) в прошедшем времени лучше сохраняет старую акцентную парадигму, чем менее употребительный *отпереть* (*-ся*), в формах которого отмечается тенденция к акцентной «семантизации», то есть к переносу ударения на корень.

В-третьих, у глаголов *слать*, *стлать*, *красть*, *ткать* с исконно неподвижным наосновным ударением в формах прошедшего времени процент произнесений форм ср. р. с ударением на окончании не превышает 10–20 %, причем обычно в младшей или, реже, в средней группе респондентов. Респонденты старшей возрастной группы произносят эти формы преимущественно с ударением на основе: *сла́ло*, *засла́ло*, *посла́ло*, *пересла́ло*, *досла́ло*, *стла́ло*, *устла́ло*, *разостла́ло*, *постла́ло*, *кра́ло*, *укра́ло*; *тка́ло*, *натка́ло* и др.

У глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму, ударным в ед. ч. ж. р. было окончание. По данным НКРЯ, нафлек-

[2] Например, в газетном подкорпусе НКРЯ (СМИ 2000-х гг.) форма *заперла* встречается 55 раз, форма *заперлась* — 44 раза, тогда как форма *отперла* — всего 3 раза, а форма *отперлась* вообще отсутствует.

тивное ударение в этой форме стабильно сохранялось вплоть до начала XIX в. Примеры с ударением на основе начинают встречаться с первой половины XIX в., однако они немногочисленны и отражают «преимущественно южнорусские влияния» [Булаховский 1948: 19]: «Когда небесные все силы ***Призва́ла***, дни свои кляня, И застонала: “Милый, милый, Ужель разлюбишь ты меня!”» (В. И. Туманский, 1833); «Совершенно умирала; Силы все свои ***собра́ла***, Взлезла лишь — и всё прошло, Сердце будто расцвело» (И. П. Мятлев, 1840). Их количество несколько увеличивается только к началу XX в.

В современных орфоэпических словарях и справочниках для глагольных форм ж. р. прошедшего времени в качестве нормативного дается только вариант с нафлективным ударением (*жила́*, *изжила́*, *рвала́*, *нарвала́* и др.). Результаты эксперимента показывают, что в этих формах в большинстве случаев ударение на окончании последовательно сохраняется. Более того, нафлективное ударение в формах ж. р. становится возможным и для глаголов, ранее имевших в прошедшем времени неподвижное ударение на основе: *слать*, *стлать*, *красть*. Так, вариант *слала́* предпочли 20 % ст., 20 % ср., 40 % мл., *послала́* — 30 % ср. и 30 % мл., *отослала́* — 10 % ср., 50 % мл.; *стлала́* — 10 % ст., 50 % ср., 40 % мл.; *постлала́* — 10 % ст., 30 % ср., 10 % мл.; *крала́* — 60 % ст., 50 % ср., 70 % мл. Очевидно, что количество произнесений с ударением на окончании в этих глаголах постепенно увеличивается.

Варианты *слала́* и *стлала́* спорадически фиксируются в поэзии начиная с конца XIX в.: «И не подумаешь, что злобно Здесь ночью снежная метель С своею песнею надгробной ***Стлала́*** холодную постель» (К. М. Фофанов, 1887); «Еще Аравия тирана Сюда такого не ***слала́***, Еще над селами Ирана Тень не была такого зла» (Г. В. Адамович, 1918–1920). В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова формы *стла́ла* и *стлала́* признаются равноправными, а вариант *слала́* снабжается пометой «областное» [ТСРЯ: т. 4, с. 256, 522]. В других орфоэпических источниках нормативным в этих формах считается только вариант с наосновным ударением.

Акцентные варианты *крала́*, *украла́* в НКРЯ не зафиксированы, во всех источниках (включая словарь под редакцией Д. Н. Ушакова) единственно правильным признается произношение с ударением на корне: *кра́ла*, *укра́ла*. Лишь в Большом орфоэпическом словаре вариант *крала́* признается нормативным и дается с пометой допустимо младшее [БОС 2017: 320].

Особо следует остановиться на префиксальных производных от глаголов *гнать* и *ткать*, которые, по данным эксперимента, довольно часто произносятся в ж. р. с ударением на суффиксе: *изгна́ла* (30 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *погна́ла* (70 % ст., 10 % ср., 30 % мл.), *вогна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *пригна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *догна́ла* (30 % ст., 10 % ср. и мл.), *угна́ла* (50 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *обогна́ла* (10 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *перегна́ла* (10 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *нагна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *тка́ла* (30 % ст. и ср., 10 % мл.), *натка́ла* (20 % ст. и ср., 30 % мл.).

Исконно все формы, образованные от основы инфинитива этих глаголов, имели акцентную парадигму *а*, то есть неподвижное ударение на основе, см. [Зализняк 1985: 125–139]. Позднее в результате влияния аналогии со стороны других глаголов с основой на *-а*, имевших подвижную акцентную парадигму (*брать*, *врать*, *драть* и др.), у *гнать* и *ткать* в формах прошедшего времени колонное ударение на основе сменилось подвижным: в ж. р. оно перешло на флексию, а в остальных формах закрепилось на суффиксе. При этом следы старой парадигмы *а* сохранялись еще долгое время. Так, в поэзии XVIII в. широко представлены формы с наосновным ударением в ж. р. ед. ч. соответствующих глаголов: «***Нагна́ла*** бабушка пред свадьбой внучке скуку, Рассказывая ей про свадебну науку» (А. П. Сумароков, 1759); «Иль сами естество оставили в саду, Или Натура их ***изгна́ла*** за вражду» (Ф. Я. Козельский, 1769); «***Погна́ла*** всё зима, — один ты всех упряме» (М. Н. Муравьев, 1776); «И там бы для утех открылся новый трон; На нем бы Дашинька запела, заплясала, Лучом веселости ***прогна́ла*** б вечну ночь» (Н. А. Львов, 1796); «Не быв наследником Аттала, Не обитаю я дворцов И тканей в дар, что Спарта ***тка́ла***, Не получаю от льстецов» (В. В. Попугаев, 1799).

На принадлежность в прошлом этих глаголов к парадигме *а* указывает еще один факт: в отличие от остальных глаголов, имевших исконно подвижную парадигму *с*, в префиксальных производных от глаголов *гнать* и *ткать* в формах м. и ср. р. ед. и мн. ч. довольно редко встречается перенос ударения на приставку. Так, Л. А. Булаховский приводит два примера употребления формы *про́гнал* в одной из «Песен западных славян» А. С. Пушкина и далее пишет: «Возможно, что эти обособленные случаи оттянутого ударения при основе *-гна-* не есть факт литературный, а представляют естественную здесь стилизацию в соответствии с ударением, изредка встречающимся в северных говорах» [Булаховский 1948: 21].

Подобный перенос акцента на префикс по аналогии наблюдается и в некоторых других глагольных формах, исторически не относившихся к энклиноменам. Например, глагол *бить* и его префиксальные производные до сих пор сохраняют в прошедшем времени исконную парадигму *а* (*бил*, *би́ла*, *би́ло*, *би́ли*; *заби́л*, *заби́ла*, *заби́ло*, *заби́ли*). Однако глагол *проби́ть* в значении ‘дать сигнал ударами (о часах, времени)’ в м. и ср. р. ед. ч., а также во мн. ч. имеет варианты с ударением на префиксе (*про́бил*, *про́било*, *про́били*) и только в форме ж. р. сохраняется исконный тип парадигмы (*проби́ла*). Видимо, перенос акцента с основы на префикс произошел под влиянием глаголов того же класса с подвижным ударением (*про́пил*, *про́лил*).

Следует особо отметить, что префикс *про-* исконно обладал высокой акцентогенностью, то есть способностью сохранять и даже перетягивать на себя ударение. Например, А. Д. Кривоносов, изучивший одну из рукописей XVI в., отмечал, что в этом памятнике письменности «приставки *по-* и *про-* чаще, чем другие, несут на себе иктическую оттяжку» [Кривоносов 1989: 15].

По данным проведенных экспериментов, и сегодня префикс *про-* стабильно сохраняет исконное ударение в соответствующих формах глаголов с подвижной акцентной парадигмой (*про́жил*, *про́лил* и др.), включая полные и краткие формы страдательных причастий (типа *про́житый*, *про́жит*, *про́литый*, *про́лит* и т. п.) [Скачедубова 2020].

Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова квалифицирует формы *тка́ла* и *ткала́* как равноправные варианты (но только *наткала́*, *соткала́* и др.) [ТСРЯ]. В более поздних орфоэпических источниках равноправными вариантами признаются также *натка́ла* и *наткала́*, *сотка́ла* и *соткала́* и др. [ОС; Резниченко 2015]. Большой орфоэпический словарь как основные дает формы с ударением на окончании: *ткала́*, *наткала́*, *соткала́* и др., формы с ударением на суффиксе снабжаются пометой «допустимо» [БОС 2017]; М. А. Штудинер считает единственно правильными варианты с ударением на окончании: *ткала́*, *наткала́* и др. [Штудинер 2016].

Наосновное ударение в ж. р. фиксируется и у глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму. Наиболее часто такая акцентуация отмечается в некоторых префиксальных производных от глаголов *вить*, *пить*, *драть*, *брать*, *рвать* и *жрать*. Приведем самые частотные формы, в которых процент подобной акцентуации равняется или превышает в отдельных возрастных группах 40 %: *ви́ла* (60 % ст., 50 % ср. и мл.), *уви́ла* (30 % ст., 60 % ср. и мл.), *привы́ла* (20 % ст., 50 % ср. и мл.), *нави́ла* (30 % ст., 40 % ср., 70 % мл.), *зави́ла* (40 % ст., 30 % ср. и мл.), *сви́ла* (40 % ст., 0 % ср., 30 % мл.), *пропи́ла* (8 % ст., 0 % ср., 40 % ст.), *испи́ла* (40 % ст. и ср., 20 % мл.), *распи́ла* (40 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *ободра́ла* (20 % ст., 40 % ср. и мл.), *разодра́ла* (40 % ст., 10 % ср. и мл.), *удра́ла* (50 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *подра́ла* (40 % ст., 30 % ср. и мл.), *обобра́ла* (20 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *изорва́ла* (20 % ст., 50 % ср., 0 % мл.), *прорва́ла* (40 % ст., 20 % ср., 0 % мл.), *пожра́ла* (60 % ст., 0 % ср., 20 % мл.), *сожра́ла* (40 % ст., 0 % ср. и мл.).

Широкое распространение форм с наосновным ударением в ж. р. глаголов *вить* и *пить* и их производных, видимо, связано с влиянием других глаголов соответствующего класса (*бить*, *шить* и др.), которым свойственна акцентная парадигма *а* (см. выше). Таким образом, для данного глагольного класса характерно формирование единой акцентной парадигмы с постоянным ударением на основе (из этой тенденции выпадает только частотный глагол *лить*).

В остальных глагольных корнях ударение на основе в ж. р. характеризует обычно только отдельные слова, как правило, с двухсложной приставкой: *недоли́ла*, *препода́ла*, *перевра́ла*, *перепле́ла*, *оболга́ла*, что можно считать проявлением тенденции к ритмическому равновесию. В целом данные проведенного эксперимента противоречат выводам М. С. Сухановой, написавшей в «Русской грамматике», что глаголы с исконно подвижной акцентной парадигмой «в разг⟨оворной⟩ речи широко употребительны с ударением на основе в форме жен. р. прош. вр.: *призва́ла*, *избра́ла*, *собра́ла*,

прогна́ла, *изгна́ла*, *сожра́ла*, *солга́ла*, *разорва́ла*, *сорва́ла*, *поплы́ла*, *изодра́ла*, *слы́ла*, *созда́ла*» [Суханова 1980: 689]. Таких примеров немного, и обычно подобная акцентуация характеризует только отдельные глаголы; в речи москвичей в этих формах «флективное ударение имеет более сильные позиции по отношению к корневому ударению» [Куракина 2011б: 26].

Возникает вопрос: почему некоторые информанты в форме ж. р. ряда глаголов, имевших исконную подвижную парадигму, ставят ударение на основу: *удра́ла*, *прорва́ла*, *сожра́ла*? Эти случаи нельзя объяснить ни ритмическим фактором, ни историческими причинами, ни даже тенденциями развития русского литературного языка. В. Л. Воронцова отмечала, что унификация ударения в формах прошедшего времени возможна не только за счет распространения в ср. р. нафлективного ударения, но и за счет распространения в ж. р. наосновного ударения: «Об этом свидетельствуют многочисленные колебания, с одной стороны, типа *спа́ла*, *бра́ла*, *ожи́ла*, *добы́ла*, *пода́ла* и под., с другой — *на́чала*, *до́была*, *по́дала* и под.» [Воронцова 2000: 309]. Однако Р. Ф. Касаткина подчеркивает, что подобное произношение не характерно для узуса носителей русского литературного языка: «В наших материалах случаи наосновного[3] ударения в формах женского рода в речи лиц, говорящих на литературном языке, не зафиксированы» [Касаткина 2008: 380].

Можно предположить, что перенос ударения на основу в ж. р. глаголов с подвижной акцентной парадигмой у некоторых информантов объясняется региональным влиянием, поскольку в западной диалектной зоне русского языка, а также в других восточнославянских языках части исследуемых глаголов свойственно неподвижное ударение на основе (*бра́ла*, *дра́ла*, *спа́ла* и др.). Появление предконечного ударения в этих формах связано с процессом дефинализации ударения, развивавшимся в соответствующих диалектных системах начиная с XIV в. [Зализняк 1985: 182–188]. При этом акцентологические нормы русского литературного языка сложились на базе акцентной системы, свойственной восточной зоне, в которой дефинализации ударения не было.

Как показывают данные эксперимента, сегодня ударение на основе в форме ж. р. глаголов с подвижной парадигмой (кроме форм глаголов *пить*, *вить* и их производных) характеризует лишь некоторых носителей старшей и частично средней групп-информантов, имевших среди предков выходцев с западных территорий. В младшей возрастной группе количество таких произнесений обычно минимально, что говорит о том, что в речи молодежи окончательно «побеждает» восточная система, для которой характерно в соответствующих формах нафлективное ударение. Этот вывод подтверждают данные орфоэпического эксперимента, проведенного Е. Б. Куракиной: в среднем 85 % респондентов — москвичей в возрасте от

[3] В статье Р. Ф. Касаткиной написано «нафлективного», что в общем контексте рассуждений должно трактоваться как опечатка.

16 до 25 лет — предпочли в форме ж. р. соответствующих глаголов ударение на флексии [Куракина 2011б: 26].

О региональном распределении форм типа *бра́ла*, *спа́ла* — *брала́*, *спала́* в русских говорах см. [Касаткин (ред.) 2013: 165–166]. Следует отметить, что акцентуация *бра́ла*, *спа́ла* обычно характеризует не только диалектный узус, но и речь местной интеллигенции, таким образом, наосновное ударение в форме ж. р. можно считать чертой, присущей западному региональному варианту русского литературного языка [Букринская, Кармакова 2012: 160]. Однако подобное произношение чуждо московскому варианту произносительной нормы русского литературного языка.

2. Возвратные глаголы

В формах ср. р. ед. и мн. ч. с постфиксом типа *приняло́сь*, *приняли́сь* довольно рано произошла перемаркировка предпоследнего слога, который стал фонологически ударным [Зализняк 1985: 125], что и обусловило передвижку ударения с постфикса *-ся* на окончания *-о* и *-и* в соответствующих формах[4]. В результате у исследуемых возвратных глаголов в прошедшем времени сформировалась следующая акцентная система, просуществовавшая до XVIII — начала XIX в.: в форме м. р. ед. ч. ударение падало на постфикс *-ся*, а в остальных — на окончание: *дался́*, *дала́сь*, *дало́сь*, *дали́сь*; *поддался́*, *поддала́сь*, *поддало́сь*, *поддали́сь* и т. д.

Однако постепенно в языке стал развиваться процесс переноса ударения с постфикса на корень или глагольный суффикс. Так, по данным Л. А. Булаховского, уже в XIX в. в форме м. р. возвратных глаголов «намного чаще выступают формы с ударением на корне, отражающие влияние инфинитивов». Л. А. Булаховский пишет, что для середины XX в. «литературной нормой является только ударение — нанялся́ (занялся́, принялся́), начался́; при двух префиксах — приподнялся́ и приподня́лся» [Булаховский 1948: 39]. В современных орфоэпических источниках допустимыми (не устарелыми) вариантами обычно признаются формы: *занялся́*, *нанялся́*, *поднялся́*, *принялся́*, *обнялся́*, *отнялся́*, *отперся́*, *заперся́*, *начался́*, а также *родился́* [Касаткин 2014: 239; Штудинер 2016].

Наши наблюдения над речевым узусом носителей литературного языка свидетельствуют о том, что сегодня произошло завершение устаревания этого типа ударения. Так, по данным орфоэпического эксперимента, проведенного Е. Б. Куракиной, 92 % респондентов — москвичей в возрасте 16–25 лет — «предпочли постфиксальному ударению наосновное в возвратных глаголах в форме мужского рода прошедшего времени, образованных от невозвратных глаголов с подвижным ударением, что указывает

[4] По данным Л. А. Булаховского, изменение безударного «*-ся* в *-сь* после гласных, как результат редукции конечного гласного, не существенного для характеристики формы, датируется XIV веком» [Булаховский 1939: 164].

на ярко выраженную тенденцию завершения переноса ударения с постфикса *-ся* на основу (корень либо префикс в некоторых глаголах) ⟨…⟩; ударение на постфиксе *-ся* в исследуемой глагольной группе может считаться окончательно устаревшим не только в глаголах *собра́лся* и *взя́лся*, но и в тех глаголах, единственным нормативным или предпочтительным ударением в которых является именно постфиксальное ударение: *заперся́*, *обнялся́*, *нанялся́*, *поднялся́*» [Куракина 2011а: 271].

Ударение на окончании у возвратных глаголов в ср. р. ед. и мн. ч. стабильно сохранялось вплоть до конца XVIII в. Именно в это время в русском литературном языке наряду с формами, имеющими во мн. ч. нафлективное ударение, появляются формы с ударением на основе. Зачастую у одного автора можно встретить соответствующие акцентные варианты: «Я хочу, чтоб слезы ***ли́лись***, Сам их чувствую урон!» (М. Н. Муравьев, 1776) — «Рассеивалась мгла, и чувствованья страстны Неволею ***лили́сь*** в сердца их непричастны…» (М. Н. Муравьев, 1784); «В душе Нерона вспыхнула гроза. Он побледнел: виски ***нали́лись*** кровью…» (Л. А. Мей, 1855) — «…Как сердечко в лебяжия груди толкнулося, Как зажглися глаза синим яхонтом, Молоком ***налили́сь*** руки белые» (Л. А. Мей, 1857); «Долго ***дра́лись***; Спиридон Вдвое больше был силен…» (Н. А. Некрасов, 1840) — «Со всею яростью врагов, Миримых лишь за дверью гроба, ***Драли́сь*** два витязя; их слов Постигнуть смысл могла лишь злоба» (Н. А. Некрасов, 1840).

Примеры переноса ударения в формах ср. р. ед. ч. появляются несколько позднее — с начала XIX в., но подобных примеров немного, и все они отмечаются почти исключительно у поэтов — выходцев с западных русских территорий, тогда как нафлективное ударение во мн. ч. встречается также у поэтов из центральных и восточных областей России. Приведем некоторые примеры: «Мое веселие ***прерва́лось***, И сына моего уж нет» (В. В. Капнист, 1806); «Всё это ***ли́лось***, кружилось, мелькало, Вон из размеров своих выступало…» (К. К. Случевский, 1860–1878).

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка по-прежнему произносят формы ср. р. ед. и мн. ч. преимущественно с ударением на окончании. Однако почти у всех исследованных глаголов процент произнесений с наосновным ударением в формах мн. ч. последовательно выше на 10–30 % по сравнению с аналогичными формами ср. р.: *ли́лось* (10 % ст., 0 % ср. и мл.) и *лило́сь* (90 % ст., 100 % ср. и мл.), *ли́лись* (20 % ст., 0 % ср. и мл.) и *лили́сь* (80 % ст., 100 % ср. и мл.); *обли́лось* (10 % ст. и ср., 0 % мл.) и *облило́сь* (90 % ст. и ср., 100 % мл.), *обли́лись* (25 % ст., 30 % ср., 40 % мл.) и *облили́сь* (75 % ст., 70 % ср., 60 % мл.); *созда́лось* (20 % ст., 0 % ср. и мл.) и *создало́сь* (80 % ст., 100 % ср. и мл.), *созда́лись* (25 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *создали́сь* (75 % ст., 90 % ср., 100 % мл.); *разда́лось* (0 %) и *раздало́сь* (100 %), *разда́лись* (20 % ст., 10 % ср. и мл.) и *раздали́сь* (80 % ст., 90 % ср. и мл.); *рва́лось* (0 % ст. и ср., 10 % мл.) и *рвало́сь* (100 % ст. и ср., 90 % мл.),

рва́лись (20 % ст., 40 % ср., 10 % мл.) и *рвали́сь* (80 % ст., 60 % ср., 90 % мл.); *ворва́лось* (10 % ст. и ср., 0 % мл.) и *ворвало́сь* (90 % ст. и ср., 100 % мл.), *ворва́лись* (20 % ст. и ср., 10 % мл.) и *ворвали́сь* (80 % ст. и ср., 90 % мл.); *порва́лось* (20 % ст. и ср., 0 % мл.) и *порвало́сь* (80 % ст. и ср., 100 % мл.), *порва́лись* (50 % ст. и ср., 30 % мл.) и *порвали́сь* (50 % ст. и ср., 70 % мл.) и др.

Следует отметить, что в приставочных образованиях процент произнесений с наосновным ударением в этих формах обычно выше, чем в бесприставочных: приставка (особенно двусложная) способствует оттягиванию ударения на основу, что, видимо, связано с тенденцией к ритмическому равновесию: *воссозда́лось* (0 % ст., 30 % ср. и мл.) и *воссоздало́сь* (100 % ст., 70 % ср. и мл.), *воссозда́лись* (60 % ст., 70 % ср., 60 % мл.) и *воссоздали́сь* (40 % ст., 30 % ср., 40 % мл.); *изорва́лось* (20 % ст., 30 % ср. и мл.) и *изорвало́сь* (80 % ст., 70 % ср. и мл.), *изорва́лись* (40 % ст., 70 % ср., 10 % мл.) и *изорвали́сь* (60 % ст., 30 % ср., 90 % мл.); *оторва́лось* (20 % ст., 20 % ср., 10 % мл.) и *оторвало́сь* (80 % ст., 80 % ср., 90 % мл.), *оторва́лись* (30 % ст., 50 % ср., 40 % мл.) и *оторвали́сь* (70 % ст., 50 % ср., 60 % мл.).

Глаголы со связанным корнем *приняться*, *наняться*, *заняться*, *запереться* в речи представителей старшего поколения довольно часто отмечаются с ударением на приставке, в средней и младшей возрастных группах количество подобных примеров, как правило, ниже; в форме мн. ч. этих глаголов у некоторых респондентов встречается также ударение на корне: *при́нялось* (50 % ст., 20 % ср., 10 % мл.) и *приняло́сь* (50 % ст., 80 % ср., 90 % мл.), *при́нялись* (50 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *приня́лись* (10 % ст., 20 % ср., 20 % мл.) и *приняли́сь* (40 % ст., 60 % ср., 70 % мл.); *на́нялось* (20 % ст. и ср., 0 % мл.) и *наняло́сь* (80 % ст. и ср., 100 % мл.); *на́нялись* (20 % ст. и ср., 0 % мл.), *наня́лись* (30 % ст., 60 % ср., 70 % мл.) и *нанялись* (50 % ст., 20 % ср., 30 % мл.); *за́нялось* (20 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *заняло́сь* (80 % ст., 90 % ср., 100 % мл.), *за́нялись* (10 % ст., 20 % ср., 10 % мл.) и *заняли́сь* (90 % ст., 80 % ср., 90 % мл.); *за́перлось* (30 % ст., 20 % ср. и мл.) и *заперло́сь* (70 % ст., 80 % ср. и мл.), *за́перлись* (40 % ст., 50 % ср., 20 % мл.) и *заперли́сь* (60 % ст., 50 % ср., 80 % мл.).

Практически все орфоэпические источники признают вариативность ударения в формах ср. р. ед. и мн. ч. и для большинства исследуемых глаголов допускают ударение как на окончании, так и на корне/суффиксе: [ОС; Касаткин 2014: 240; Резниченко 2015; БОС 2017], лишь в словаре М. А. Штудинера [2016] нормативными признаются только варианты с нафлективным ударением. В соответствующих формах возвратных глаголов со связанным корнем *ня-*, а также глаголов *запереться* и *отпереться* единственно правильным считается нафлективное ударение. Лишь «Большой орфоэпический словарь» признает равноправными формы *на́нялось* и *наняло́сь*, *на́нялись* и *нанялись*, при этом варианты *за́нялось* и *за́нялись* этот словарь квалифицирует как неправильные [БОС 2017][5].

[5] Глагол *приняться* в «Большом орфоэпическом словаре» отсутствует.

Анализ поэтического подкорпуса НКРЯ свидетельствует о том, что формы ж. р. исследованных возвратных глаголов стабильно сохраняют нафлективное ударение. Примеры с ударением на основе в этой форме встречаются начиная с середины XIX в., однако они единичны и отмечаются почти исключительно у выходцев с западных русских территорий: «В смертный мой час мне не лгать на духу: Вольной я волей ***отда́лась*** греху…» (К. К. Случевский, 1860–1878); «Нет, он не выдержал!.. В сердце кипевшая ***рва́лась*** наружу гроза» (Н. М. Минский, 1881).

О стабильном сохранении ударения на окончании в ж. р. возвратных глаголов свидетельствуют и данные Е. Б. Куракиной: «По результатам устного и письменного исследований удалось выявить высокую устойчивость нормативного флективного ударения в постфиксальных глаголах в форме женского рода прошедшего времени: его предпочли 92 % респондентов» [Куракина 2011б: 28].

Результаты проведенного нами орфоэпического эксперимента подтверждают выводы Е. Б. Куракиной: практически все исследованные возвратные глаголы в 90–100 % случаев произносятся с нафлективным ударением представителями всех возрастных групп. Безальтернативное ударение на окончании отмечено в формах *лила́сь*, *налила́сь*, *пролила́сь*, *слила́сь*, *дала́сь*, *задала́сь*, *отдала́сь*, *подала́сь*, *предала́сь*, *продала́сь*, *сдала́сь*, *удала́сь*, *набрала́сь*, *зажила́сь*, *нажила́сь*, *рвала́сь*, *заняла́сь*, *наняла́сь*, *отняла́сь*, *приняла́сь*, *сняла́сь*, *сбыла́сь*, *залгала́сь*.

Исключение — глаголы с корнем *ви-*: *виться*, *завиться*, *обвиться*, *привиться*, у которых процент вариантов с ударением на основе может достигать 30–40 %: *ви́лась* (10 % ст. и ср., 20 % мл.) и *вила́сь* (90 % ст. и ср., 80 % мл.), *зави́лась* (0 % ст., 30 % ср., 40 % мл.) и *завила́сь* (100 % ст., 70 % ср., 60 % мл.), *обви́лась* (10 % ст., 0 % ср., 30 % мл.) и *обвила́сь* (90 % ст., 100 % ср., 70 % мл.), *приви́лась* (20 % ст., ср. и мл.) и *привила́сь* (80 % ст., ср. и мл.).

3. Заключение

Таким образом, для большинства невозвратных глаголов, исследованных в эксперименте, характерно формирование акцентного противопоставления единственного и множественного числа: в ж. и ср. р. ед. ч. ударение падает на флексию, во мн. ч. — на основу. В частности, наличие этой тенденции подтверждает полное отсутствие в формах мн. ч. исследованных глаголов смещения ударения на окончание — его нет не только в разговорном узусе носителей русского литературного языка, но и в московском просторечии, тогда как формы с ударным окончанием в ед. ч. ср. р. широко распространены и постепенно становятся основными акцентными вариантами.

О реальности формирования подобной акцентной оппозиции единственного и множественного числа свидетельствует еще один факт. По данным А. С. Бабаниной, для регионального варианта современного русского

языка на Нижнем Поднепровье (Днепропетровская, Запорожская и Херсонская области Украины) характерна следующая особенность: «Сохранение ударения на основе глагола в формах единственного числа женского и среднего рода прошедшего времени: *взял — взя́ла*, *взя́ло*, *дал — да́ла*, *да́ло*, *брал — бра́ла*, *бра́ло*, *по́нял — по́няла*; переход ударения на глагольную флексию в формах множественного числа: *взял — взяли́*, *дал — дали́*, *брал — брали́*, *по́нял — поняли́*» [Бабанина 2016: 49][6]. Иначе говоря, в местном региолекте в формах прошедшего времени сформировалась акцентная система, тождественная русской литературной по основной языковой тенденции (акцентное противопоставление единственного и множественного числа), но противоположная по конечному результату.

В возвратных глаголах в целом прослеживается та же тенденция к противопоставлению единственного и множественного числа: перенос ударения на основу чаще встречается в формах мн. ч., чем в формах ср. р. ед. ч. Отличия в последовательности проявления этой тенденции между невозвратными и возвратными глаголами связаны не собственно с хронологией развития данного процесса (сначала тенденция затронула невозвратные глаголы, а затем — возвратные), а с отличиями в исходном распределении акцентов в соответствующих формах. Исследованные невозвратные глаголы в ср. р. и мн. ч. исконно не имели нафлективного ударения, поэтому тенденция противопоставления чисел обусловливала перенос акцента с основы на флексию только в ср. р. Возвратные глаголы, напротив, характеризовались нафлективным ударением, и указанная тенденция проявлялась как сдвиг акцента с флексии на основу, что прежде всего происходило в формах мн. ч., однако затронула также и ср. р.

Асимметричность проявления тенденции к акцентному противопоставлению форм ед. и мн. ч. обусловлена сущностью самой грамматикализации. Процесс перехода языковых единиц из разряда неграмматических в грамматические развивается постепенно: ударение, маркирующее определенные грамматические формы, никогда не распространяется механически и безальтернативно в акцентных парадигмах, но всегда реализуется на конкретных словах, постепенно распространяясь на всё большее количество слов.

Изменениям в акцентуации конкретных глаголов способствует и грамматическая аналогия со стороны глаголов того же класса: так, под влиянием акцентной парадигмы *а*, исконно свойственной глаголам *бить*, *шить* и *брить* в прошедшем времени, такая же неподвижная акцентная парадигма постепенно формируется у глаголов *вить* и *пить*, ранее характеризовавшихся подвижным ударением. Напротив, акцентная парадигма *с*, характеризующая в прошедшем времени ряд глаголов с суффиксом *-а* (*брать*,

[6] А. С. Бабанина пишет о «сохранении» наосновного ударения в формах ж. р. ед. ч. Для того чтобы эта формулировка была корректной, в статье необходимо было разъяснить, какую акцентную систему для местного региолекта автор считает исходной.

звать, *драть* и др.), обусловливает формирование подвижной акцентной парадигмы и в глаголах *ткать*, *слать*, *стлать*, *красть*, исконно имевших в соответствующих формах колонное ударение на основе.

Убыстрять или замедлять этот процесс могут и другие факторы, например прагматический: чем менее употребительна лексема или ее конкретная форма, тем более вероятно сохранение ударения или его перемещение на основу — корень или глагольный суффикс.

Влияние оказывают также общие акцентологические тенденции русского языка, например тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова и особенно наглядно прослеживается в русском литературном языке в сложных словах [Горбачевич 1978: 64-68], а в нашем материале — в глаголах с двусложными приставками, которые способствуют оттягиванию ударения на основу в формах типа *недолúла*, *преподáла*, *переврáла*, *переплы́ла*, *воссоздáлись*, *изорвáлись*, *оторвáлись* и др.

Очевидно, что унификация ударения в описанных глаголах непродуктивных групп — длительный процесс, действие которого избирательно, но направление которого вполне очевидно: во всех формах ед. ч. ударение стремится закрепиться на флексии, а во множественном — на основе. Но, как известно, узус не может претендовать на полную реализацию потенциала языковой системы: в литературном языке не только понятие «узус» всегда шире понятия «норма», но и возможности языковой системы всегда шире речевого узуса. Система воздействует на узус, а норма уже обновляется через узуальные инновации.

Необходимо подчеркнуть, что тенденция к акцентному противопоставлению чисел в прошедшем времени соответствующих глаголов характерна только для русской языковой системы. В украинском и белорусском литературных языках акцентная унификация произошла во всех формах прошедшего времени как производящих, так и производных глаголов: в исконно двусложных глаголах ударение падает на основу (*брав*, *брáла*, *брáло*, *брáли*, *брáвся*, *брáлася*, *брáлося*, *брáлися*; *забрáв*, *забрáла*, *забрáло*, *забрáли*, *забрáвся*, *забрáлася*, *забрáлося*, *забрáлися* или *браў*, *брáла*, *брáлі*, *брáўся*, *брáлася*, *брáліся*; *забрáў*, *забрáла*, *забрáлі*, *забрáўся*, *забрáлася*, *забрáліся*), в исконно односложных — на окончание (*дав*, *далá*, *дало́*, *дали́*, *дáвся*, *далáся*, *дало́ся*, *дали́ся*; *подáв*, *подалá*, *подало́*, *подали́*; *подáвся*, *подалáся*, *подало́ся*, *подали́ся* или *даў*, *далá*, *дало́*, *далі́*, *дáўся*, *далáся*, *дало́ся*, *далі́ся*; *падáў*, *падалá*, *падало́*, *падалі́*, *падáўся*, *падалáся*, *падало́ся*, *падалі́ся*) [Жовтобрюх (ред.) 1973; Русак (рэд.) 2013].

Литература

Бабанина 2016 — А. С. Бабанина. Лингвистические особенности нижнеднепровского региолекта современного русского языка // Перспективы интеграции науки и практики. 2016. № 3. С. 43–49.

БОС 2017 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2017.

Букринская, Кармакова 2012 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 153–164.

Булаховский 1939 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1939.

Булаховский 1948 — Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 18–48.

Воронцова 1979 — В. Л. Воронцова. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979.

Воронцова 2000 — В. Л. Воронцова. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 305–325.

Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978.

Даль[4] — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 4-е изд. СПб.; М., 1912. Т. I–IV.

Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Еськова 2014 — Н. А. Еськова. Словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Жовтобрюх (ред.) 1973 — Українська літературна вимова і наголос / Від. ред. М. А. Жовтобрюх. Київ: Наукова думка, 1973.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Касаткин (ред.) 2013 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Касаткин 2014 — Л. Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2014.

Касаткина 2008 — Р. Ф. Касаткина. Изменения в просодической системе русского литературного языка // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 375–398.

Кривоносов 1989 — А. Д. Кривоносов. К акцентной характеристике глагольных морфем в севернорусской рукописи XVI в. // Севернорусские говоры. Вып. 5 / Отв. ред. А. С. Герд. Л., 1989. С. 14–23.

Куракина 2011а — Е. Б. Куракина. Колебание места ударения в постфиксальных глаголах прошедшего времени мужского рода единственного числа в речи современных молодых москвичей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 267–272.

Куракина 2011б — Е. Б. Куракина. Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М.: Русский язык, 1999.

Резниченко 2015 — И. Л. Резниченко. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2015.

Русак (рэд.) 2013 — Граматычны слоўнік дзеяслова / Навук. рэд. В. П. Русак. 2-е выд., дапрац. Мінск.: Беларуская навука, 2013.

Скачедубова 2020 — Е. С. Скачедубова. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация страдательных причастий прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (в печати).

Суханова 1980 — М. С. Суханова. Ударение глаголов // Русская грамматика. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 681–702.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Штудинер 2016 — М. А. Штудинер. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: АСТ-Пресс, 2016.

Статья получена 01.06.2020

Dmitry M. Savinov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
crillon@yandex.ru

Ekaterina S. Skachedubova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
skaekaterina@yandex.ru

Alexandra E. Somova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
alsomova@yandex.ru

ACTIVE PROCESSES IN THE PROSODIC SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE: ACCENTUATION OF PAST VERBS

The article is devoted to the accentuation of the past-tense forms of non-reflexive and reflexive verbs of the unproductive class in Russian. Based on the comparison of stress variants codified by modern orthoepic dictionaries and the data obtained in a series of experiments that reflect the actual pronunciation used by speakers of Modern Standard Russian, the causes of changes occurring in the accent paradigm of non-reflexive verbs of the past tense are analyzed and the problems of codification of norms in the orthoepic dictionaries are raised.

The majority of non-reflexive verbs studied in the experiments are characterized by the formation of an accentual opposition of the singular and plural forms: in the feminine and neuter singular, the stress falls on the inflection, in the plural, on the stem. In particular, this trend results in the complete absence of stressed ending bias in the plural forms of the verbs

under discussion. It is not only absent in the colloquial usage of native speakers of Standard Russian, but also in the Moscow vernacular, while singular neuter forms with stress on the ending are widely distributed and are gradually becoming the main accentual variants.

In reflexive verbs, in general, the same tendency to contrast singular and plural forms is observed: shift of stress to the stem is more common in plural forms than in singular neuter forms.

Keywords: verb, orthoepic dictionary, Modern Standard Russian, accent, codification

References

Avanesov, R. I. (Ed.). (1999). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* (6th ed.). Moscow: Russkii yazyk.

Babanina, A. S. (2016). Lingvisticheskie osobennosti nizhnedneprovskogo regiolekta sovremennogo russkogo yazyka. *Perspektivy integratsii nauki i praktiki*, 3, 43–49.

Bukrinskaya, I. A., & Karmakova, O. E. (2012). Yazykovaia situatsiia v malykh gorodakh Rossii. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* (Issue 15, pp. 153–164). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Eskova, N. A. (2008). *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poiasnitel'nye stat'i*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Eskova, N. A. (2014). *Slovar' trudnostei russkogo yazyka. Grammaticheskie formy*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Gorbachevich, K. S. (1978). *Variantnost' slova i yazykovaia norma*. Leningrad: Nauka.

Kasatkin, L. L. (2013). *Russkaia dialektologiia* (3rd ed.). Moscow: AST-Press.

Kasatkin, L. L. (2014). *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* (3rd ed.). Moscow: Akademia.

Kasatkin, L. L. (2017). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* (2nd ed.). Moscow: AST-Press.

Kasatkina, R. F. (2008). Izmeneniia v prosodicheskoi sisteme russkogo literaturnogo yazyka. In L. P. Krysin (Ed.), *Sovremennyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* (pp. 375–398). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Krivonosov, A. D. (1989). K aktsentnoi kharakteristike glagol'nykh morfem v severno-russkoi rukopisi XVI v. In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorusskie govory* (Issue 5, pp. 14–23). Leningrad: Izd-vo LGU.

Kurakina, E. B. (2011a). Kolebanie mesta udareniia v postfiksal'nykh glagolakh proshedshego vremeni muzhskogo roda edinstvennogo chisla v rechi sovremennykh molodykh moskvichei. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1(31), 267–272.

Kurakina, E. B. (2011b). *Tendentsii razvitiia aktsentologicheskikh norm v rechi sovremennykh molodykh moskvichei* (Doctoral dissertation summary). Sholokhov Moscow State Humanitarian University, Moscow.

Reznichenko, I. L. (2015–). Slovar' udarenii russkogo yazyka (Vols. 1–). Moscow: AST-Press.

Rusak, V. P. (Ed.). (2013). *Gramatychny slounik dzeiaslova* (2nd ed.). Minsk: Belaruskaia navuka.

Shtudiner, M. A. (2016). *Slovar' trudnostei russkogo yazyka dlia rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskie formy*. Moscow: AST-Press.

Sukhanova, M. S. (1980). Udarenie glagolov. In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Russkaia grammatika* (Vol. 1, pp. 681–702). Moscow: Nauka.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: OGIZ.

Vorontsova, V. L. (1979). *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv*. Formy slovoizmeneniia. Moscow: Nauka.

Vorontsova, V. L. (2000). Aktivnye protsessy v oblasti udareniia. In E. A. Zemskaia (Ed.), *Russkii yazyk kontsa XX stoletiia* (1985–1995) (2nd ed.) (pp. 305–325). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zhovtobriukh, M. A. (1973). *Ukrains'ka literaturna vimova i nagolos*. Kyiv: Naukova dumka.

Received on June 1, 2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.1.2

А. Н. БАРУЛИН

Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
anbarulin@gmail.com

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯНТАРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКИХ КОМПОЗИТАХ С МОРФЕМАМИ {МЕЖ} И {МЕЖД}*

Статья посвящена морфологическому, морфолого-синтаксическому и семантическому анализу конструкций с морфемами {МЕЖ} и {МЕЖД}. Работа выполнена в рамках морфологической теории (МСТБ), развиваемой автором с 1977 г. Краткое изложение основных ее положений дается в первом параграфе. Для адекватного описания исследуемых морфем и конструкций с ними вводится новый тип конверсии, названный в статье конструктивным, т. е. тип конверсии, меняющий синтактику морфемы таким образом, что ее ранг в иерархии корень — клитика — аффикс повышается или понижается. Приводятся примеры, для описания которых целесообразно было бы использовать вновь введенный тип конверсии, например так называемые отделяемые префиксы в немецком языке, переход от корневой связки к клитической в турецком языке, переход от клитических первообразных предлогов к префиксам в русском языке, переход от клитик к корневым морфам в английском языке. Обсуждаются проблемы объединения алломорфов и вариаморфов с разными конструктивными статусами в морфему. Для адекватного описания морфолого-синтаксических конструкций с {МЕЖ} и {МЕЖД} используется введенное в [Барулин 2018] понятие рекурсивной операции изменения таксономического статуса (РОИТС) или, для краткости, янтарной операции, которая осуществляет изменение таксономического статуса произвольной языковой единицы от идеофона или слога до предложения на статус словообразовательной базы. В конце статьи обсуждаются правила предпочтения в выборе из синонимичных корнеклитических композитов с МЕЖ и МЕЖДУ.

Ключевые слова: морфология, словообразование, морф, морфема, толкование морфемы, синтактика морфемы, словоформа, композиты, {МЕЖ}, {МЕЖД}, МЕЖДУ.

0. Вводные замечания

Толчком к написанию данной статьи послужило ознакомление с работой [Иткин, Пекарская 2017], в которой делается попытка сформулировать

* Автор выражает глубокую благодарность своему ученику и другу И. Б. Иткину за внимательное, доброжелательное и критическое прочтение данной статьи, за исправления и замечания по ее тексту, а также за помощь в ее публикации. Автор выражает глубокую благодарность А. А. Шведовой за участие в сборе некоторых материалов для настоящей публикации.

правила выбора, как пишут авторы, первых компонентов сложных слов «на меж-, между-» [Там же: 433] и их «вариантов (? — *А. Б.*) меже- и междо-» [Там же: 438]. В своем описании авторы пытаются обойтись без серьезного морфологического анализа структуры как указанных «компонентов», так и композитов в целом. Достаточно сказать, что выбранные для анализа «элементы» неоднородны: «меж-» имеет двойной статус, в «изолированном употреблении» эта морфема используется как клитика, в композитах — и как клитика, и как корневая морфема. Значения клитики и корня, как и модели управления в этих контекстах, разные, что при отсутствии дополнительного распределения позволяет считать их омонимами. «Меже-» — двухморфемное сочетание, состоящее из корневой морфемы {МЕЖ} и коннектора {О}[1]. *Между* — двухморфемная клитическая словоформа, состоящая, как будет показано ниже, из заимствованной корневой основы и заимствованной же флексии {У}. «Междо-» — сочетание заимствованной корневой морфемы {МЕЖД} и коннектора {О}. Значения всех этих морфем, как и их таксономический статус, не принимаются во внимание. Все это, на мой взгляд, приводит авторов названной статьи к ошибочным выводам и формулированию правил распределения, не выдерживающих критики. Задача настоящей статьи — восполнить недостающую информацию об указанных морфемах и скорректировать правила выбора морфем {МЕЖ} и {МЕЖД} в различных морфологических конструкциях. Работа написана в рамках морфолого-синтаксической теории автора (МСТБ), основные положения которой отражены в работах [Барулин 1977а; 1978; 1979; 1980а; 1980б; 1982; 1983; 1984; 1985; 1988; 1990; 1996а; 1996б; 2017; 2018; 2019].

1. Базовые положения теории

Поскольку в данной статье речь пойдет только о морфологическом компоненте проектируемой автором теории, мы ограничимся изложением базовых положений лишь этой ее части. Полная схема интегральной модели языка содержится в [Барулин 1996а]. О роли морфолого-синтаксического компонента в структуре интегральной теории см. [Барулин 1980а; 1980б; 1982; 1983; 1985; 1996а; 1996б; 1988; 2019; Барулин, Айхенвальд 1988]. Основная идея конструкции интегральной модели языка опирается, с одной стороны, на идеи Дакшипутры Панини [Pāṇini 1987], с другой стороны, на идеи Г. П. Павского [1841], И. А. Бодуэна де Куртенэ [1963] и Н. И. Жинкина [1998], с третьей стороны — на идеи И. А. Мельчука, изложенные в его «Опыте теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»» [Мельчук 1999] и пятитомном труде «Курс общей морфологии» [Мельчук 1997; 1998; 2000; 2001; 2006].

[1] О термине «коннектор», его статусе и функциях см. [Барулин 2017].

Вслед за Панини автор теории рассматривает словоформу не как элемент парадигмы, а как синтагматическую единицу и опирается в описании ее как морфолого-синтаксической конструкции на правила построения основы, правила присоединения к основе флексий, правила сочетаемости морфем в словоформе и толково-комбинаторный словарь морфем.

У Г. П. Павского автору МСТБ оказывается важной мысль, изложенная в работе [Павский 1841]: «Въ человѣческомъ словѣ два властителя: смыслъ и выговоръ. Смыслъ требуетъ, чтобъ каждая значительная буква (т. е. в современных терминах фонема, отвечающая за отличение значения данной единицы от значений других. — *А. Б.*) оставалась на своемъ мѣстѣ. Иначе съ потерею ея потеряется значенiе слова. По этому требованiю смысла глазъ везде хочетъ находить значительныя буквы въ надлежащем ихъ мѣстѣ и видѣ. Но выговоръ, другой властитель слова, во многихъ случаяхъ не терпитъ сближенiя буквъ, требуемыхъ смысломъ. Съ выговоромъ соглашается и ухо. Для примиренiя смысла съ выговоромъ и глаза съ ухомъ мы употребляемъ обыкновенно тѣ средства, которыя исчислены въ предшествующей главѣ, то есть, вносимъ въ слоги гласныя буквы, по отношенiю къ смыслу ничего не значащiя, но способствующiя къ облегченiю выговора; также выпускаемъ буквы, перестанавливаемъ ихъ и пр.» [Там же: 115–116]. Из этого теоретического постулата Г. П. Павского следует, что языковые единицы строятся по правилам двух типов: правилам, для которых существенным является различение единиц по смыслу, и правилам, для которых существенны ритмика и правила артикулирования и сочетаемости звуков. Между ними могут быть конфликты, при которых первый тип правил строит цепочки, запрещенные вторым их типом. Эти конфликты устраняются третьим типом правил. При этом, когда адресату необходимо понять, как выглядит языковая единица с точки зрения правил первого типа, он автоматически приводит в действие механизм демонтажа действий правил второго и третьего типов[2]. Все это должно определенным

[2] А. А. Реформатский в связи с двойным членением речи писал: «В силу своей принципиальной линейности сегментация звучащей речевой цепи (в моих терминах — сегментация на метрические единицы. — *А. Б.*) в своей прямой данности не требует парадигматики (на самом деле — семантической связности. — *А. Б.*). ⟨…⟩ Зато это членение абсолютно доступно экспериментальному анализу и дает последовательно фразы, такты, слоги и звуки (в моей терминологии, соответственно, — такты, фонетические слова, слоги и звуки. — *А. Б.*) ⟨…⟩ Совершенно ясно, что никаких синтагм, слов, морфем и фонем (в моей терминологии, соответственно, — словосочетаний (групп), словоформ (грамматических слов), морфов и фонем. — *А. Б.*) фиксация такой сегментации не обнаруживает и не может обнаружить. Поэтому все попытки от данных сегментационного анализа речи перейти сразу к структурным элементам языка обречены на неудачу. Членение речи, связанное с парадигматикой (в моей терминологии — членение на сигнификативные единицы. — *А. Б.*) не может исходить из прямой данности речевой цепи, а требует структурного анализа» [Реформатский 1987: 93].

образом учитываться при построении метаязыков и при построении интегральной модели языка.

И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем «Введении в языковедение», не ссылаясь на предшественника, уточняет и развивает мысль Г. П. Павского:

> Резюмируя все выше изложенное и многое другое, мы приходим к следующему выводу относительно делимости произносительно-слухового языка (= «выговор» Г. П. Павского. — *А. Б.*):
>
> I. Постепенное деление с точки зрения фонетической, произносительно-слуховой.
>
> 1) Ряды произносимых слов (это место может быть неверно истолковано в том смысле, что И. А. Бодуэн де Куртенэ начинает свое членение со словосочетания; выше (на с. 252) он рассматривает процедуру расчленения на конкретном примере, а именно на примере пословицы *Что написано пером, того не вырубишь топором*; первое членение этого периода, по И. А. Бодуэну де Куртенэ, ориентируется, очевидно, на паузы: *Что написано пером* и *того не вырубишь топором.* — *А. Б.*). Самым ярким доказательством подобной делимости являются стихи.
>
> 2) Произносимые слова, объединяемые подчинением всего произносимого слогу акцентированному, слогу ударяемому, как слогу в этом отношении господствующему (выше И. А. Бодуэн де Куртенэ предлагает для обозначения единиц, объединенных одним ударением, два термина: ФОНЕТИЧЕСКОЕ СЛОВО и ПРОИЗНОСИТЕЛЬНО-СЛУХОВОЕ СЛОВО («Это будут фонетические или произносительно-слуховые слова» — с. 252); в лингвистике прижился первый. — *А. Б.*).
>
> 3) Слоги, определяемые отдельными экспирациями, или выдыханиями, воздуха из грудной полости при участии голосовых связок гортани.
>
> 4) Фонемы, объединяемые одновременностью нескольких произносительных работ и единством общего акустического впечатления.
>
> 5) Отдельные свойства фонемы: с произносительной стороны — представления отдельных работ органов речи; с точки зрения слуховой, акустической — отдельные оттенки общего впечатления, обусловливаемые именно указанными отдельными работами органов речи.
>
> II. Постепенное деление с точки зрения семасиологически-морфологической (с точки зрения смысла по Г. П. Павскому. — *А. Б.*).
>
> 1) Фразы, предложения. Синтаксические целые и их сочетания.
>
> 2) Синтагмы, знаменательные слова, слова со значением и с морфологической делимостью, с синтаксической точки зрения не делимые единицы: а) постоянные выражения, неизменяемые сочетания нескольких слов, б) слова. ⟨…⟩
>
> 3) Морфемы. ⟨…⟩
>
> 4) Психические (морфологически-семасиологические) составные части морфем» [Бодуэн 1963: 255–256].

Независимо от И. А. Бодуэна де Куртенэ ввести в лингвистический оборот идею двух линий усложнения языковых единиц предлагали без ссылки на него А. М. Пешковский [б/г], называвший выделенные И. А. Бодуэном де Куртенэ линии ритмико-мелодической и грамматической, по со-

общению А. М. Пешковского, Д. Н. Ушаков, предложивший ему называть единицы «ритмико-мелодического ряда» сказами, и А. А. Реформатский [1987: 95]. Ее поддерживали (с соответствующей ссылкой на И. А. Бодуэна де Куртенэ) Г. А. Климов, Т. В. Булыгина [Булыгина и др. 1972: 101–102] и Н. Д. Арутюнова [Арутюнова и др. 1972: 236–237]. Близкие к идее И. А. Бодуэна де Куртенэ концепции развивали А. Мартине и Ч. Хоккет.

Чтобы избежать использования устаревшей терминологии (произносительно-слуховое слово, сказ), к тому же различной у разных авторов идеи двойного членения языковых единиц, автор данной статьи ввел современные, отражающие суть проблемы, термины: метрические и сигнификативные единицы соответственно. Метрическая линия усложнения единиц — это *фонема — слог — фонетическое слово*[3] *— такт — период — (сложное) предложение*, а сигнификативная линия — это *фонема — морф — словоформа — словосочетание — (сложное) предложение.*

Идеи Павского — Бодуэна де Куртенэ на нейрофизиологическом эксперименте были подкреплены исследованиями Н. И. Жинкина [1958], обнаружившего, что процесс порождения речи управляется из двух координированных центров: подкорки, а именно, ствола мозга, управляющего дыхательными ритмами, и коры, управляющей когнитивными речевыми процессами [Жинкин 1958; 1998]. В относительно недавнее время к похожим мыслям пришли антрополог Терренс Дикон [Deacon 1997] и нейрофизиолог Филипп Либерман [Lieberman 2002].

Тем не менее серьезного развития мысль выдающихся лингвистов, антропологов и нейрофизиологов не получила. Современные интегральные теории языка строят иерархические модели усложнения только сигнификативных единиц (ср., например, теорию уровней Э. Бенвениста [1974: 129–140]) или смешивают метрические и сигнификативные единицы (ср., например, парадигматическую модель словоизменения А. А. Зализняка [2002], оперирующего понятием акцентуированной словоформы).

Идея И. А. Мельчука (также обращающего внимание только на сигнификативные единицы), повлиявшая на конструкцию ярусов и уровней в МСТБ, состоит в том, что синтез структуры предложения представляет собой последовательную смену аспектов рассмотрения сентенциональной структуры: семантического, глубинно-синтаксического, поверхностно-синтаксического, глубинно-морфологического, поверхностно-морфологического,

---

[3] А. А. Реформатский и вслед за ним А. А. Зализняк вместо термина «фонетическое слово» используют термин «такт». Я следую здесь установившейся позже традиции бодуэновского способа именования непрерывной цепочки морфем, несущей одно ударение, — «(простое) фонетическое слово». За термином «такт» закрепляется значение ‘цепочка фонетических слов, расположенная между двумя ближайшими паузами’. Термин «период», используемый здесь вслед за А. М. Пешковским, обозначает простое или сложное предложение, ограниченное справа одним из нескольких кодовых интонационных движений, сигнализирующих о конце реплики (повествовательной, вопросительной или восклицательной).

морфонологического, фонологического и фонетического или орфографического. Каждый аспект — отдельный уровень представления предложения, описанный с помощью специального метаязыка, обеспечивающего адекватный способ моделирования единиц данного уровня и отношений между ними. Каждое смежное представление предложения отличается от предыдущего бóльшим плеоназмом при синтезе и меньшим плеоназмом при анализе.

В основе схемы интегральной модели языка МСТБ лежит идея Э. Бенвениста об иерархизации системы уровней по сложности языковых единиц. Единицы увеличивают сложность в рамках яруса представления языковой структуры по вертикали. На каждом ярусе выделяются минимальные единицы (конституенты) и предельно большие единицы данного яруса (интегранты[4]). Задача яруса состоит в том, чтобы на основе сюжетного задания и правил номинации из конституентов синтезировать интегранты, затем с помощью правил линейного синтеза и свертки преобразовать их в конституенты следующего яруса: элементарные семантические единицы → значения морфем ⇒ морфемы → словоформы ⇒ словоформы → словосочетания ⇒ словосочетания → предложения ⇒ предложения → сложные предложения… Внутри яруса идет преобразование глубинных структур в поверхностные, поверхностных структур в линейные, в линейных структурах происходит преобразование морфонологического представления в архифонемное, фонологическое и затем — в фонетическое. Синтез опирается на толково-комбинаторный словарь морфем (подробнее см. [Барулин 1996а; 2019]).

В морфологическом ярусе конституентами считаются слог и морфема, а интегрантами — грамматическое и фонетическое слово. Границы между слогами будут обозначаться с помощью дефиса (*по-лу-чил*, *ско-во-ро-да*), границы фонетических слов — двумя косыми чертами (*Мне//на плечи//кидается//век-//волкодав//Но//не волк//я//по крови//своей*). Границы между морфами в грамматическом слове будут обозначаться двумя разными знаками: границы между деривативными аффиксами, деривативными аффиксами и корнем будут обозначаться знаком ⊗, границы между грамматическими суффиксами, грамматическими суффиксами и корнем, грамматическими и деривативными суффиксами будут обозначаться знаком ⊕ (*про⊗ис⊗ход⊗я⊗щ⊕им*, *люб⊗и⊕л⊕и*). Границы между клитическим и корневым грамматическим словом (см. о них ниже) обозначаются знаком #, границы между корневыми грамматическими словами обозначаются знаком ## (*Но##не#волк##я##по#крови##своей*).

Имена поверхностных морфем даются в фигурных скобках, например {МЕЖ}, {МЕЖД}, {У}, значения морфем — в марровских кавычках, например ‘⟨действие⟩ Р ⟨происходит⟩ в пространстве, ограниченном ⟨объектами⟩ X и Y’; в угловых скобках — семантика аргументов толкования. Кроме поверхностных морфем, мы будем выделять морфемы, которым приписывается статус глубинных, в трех следующих случаях: а) когда в

[4] Термины «конституент» и «интегрант» ввел в употребление Э. Бенвенист.

качестве единицы морфологического уровня выступают операции, например конверсии, меняющие синтактику морфем и синонимичные сегментным морфемам, б) когда в одной поверхностной морфеме кумулятивно объединены два семантических компонента, не имеющих с морфолого-синтаксической точки зрения друг к другу никакого отношения, как, например, падеж и число в грамматическом показателе русского существительного, в) когда несколько грамматических и, иногда, лексических значений, в общем случае имеющих в данном языке свое собственное означающее, обозначаются неделимым на означающие других морфов означающим (случай мегаморфа, подробнее об этом см. [Мельчук 1997: 141–143; 2001: 401–418]). Глубинные морфемы, исчезающие в поверхностном линейном представлении цепочки морфем, в глубинном линейном представлении будут обозначаться в двойных угловых скобках (см. [Барулин, Шведова 2019]), например ⟨⟨ИМ. П.⟩⟩, ⟨⟨МН. Ч.⟩⟩.

После введения И. А. Мельчуком в научный обиход понятия языковой операции [Мельчук 1975; 1997; 2001: 309–368] работы, не использующие этого понятия, кажутся неполными и не вполне адекватными по отношению к материалу. Под языковой операцией понимается языковое или речевое действие над языковой единицей, программу которого можно разделить на три части: аргумент (то, над чем производится действие), производимое над ним действие и сферу действия (количество итераций одного и того же действия, или сегмент, состоящий из однородных единиц, над которыми должно быть произведено одно и то же действие). Лингвистика всегда имеет дело не с самим языковым или речевым действием, а с его моделью, отображаемой специальными средствами метаязыка. Модель операции в метаязыке мы будем называть оператором. В моем представлении оператор должен состоять из трех компонентов: эксплицитной инструкции, аргумента, над которым производится операция, и сферы действия оператора. В инструкции содержится информация об «алгоритме» действия, аргументом оператора является переменная, определенная на множестве конкретных моделей языковых единиц (элементах означающего, означающем, знаке, элементе означаемого, означаемом или синтактике языковых единиц), или переменная, определенная на множестве языковых единиц, обозначенном в компоненте «сфера действия»; сфера действия — это информация о том, сколько раз нужно произвести последовательность действий с одним и тем же аргументом, или о том, на каком множестве единиц определена аргументная переменная, т. е. на каком сегменте текста следует произвести действия, указанные в инструкции. Операторов насчитывается несколько видов. Основные — перестановки, усечения (элиминации), вставки (эпентезы), замены (подстановки одних единиц на место других), мультипликации (т. е. удвоения, утроения единиц и т. д.), трансформации (например, увеличение долготы гласной, продвижения в артикуляции, смена степени подъема у гласных, смягчение у согласных, смена режима работы голосовых связок и т. д.). По типу аргумента операции де-

лятся на модификации (термин И. А. Мельчука, в моей концепции термин для оператора — модификаторы) — операции над сегментными или суперсегментными единицами — и конверсии (термин И. А. Мельчука, в моей концепции термин для соответствующих операторов — конверсивы) — операции над синтактикой языковых единиц. Как элемент означающего оператор может функционировать так же, как цепочка фонем. Он может самостоятельно ничего не обозначать (как, например, чередование *д*/*ж* в *ходить*/*хожу*), а может и служить самостоятельным означающим отдельного языкового знака, как, например, в случае действия оператора мультипликации в сочетаниях *быстро-быстро*, *часто-часто*, *редко-редко*, где он имеет значение ‘очень’.

Для дальнейшего изложения нам будет важно, что в МСТБ морфемы, согласно конструктивной классификации, подразделяются не на два (корни и аффиксы), а на три класса: корни, клитики и аффиксы. Специально следует отметить, что под клитиками понимаются не клитические словоформы, как это имеет место, например, у А. А. Зализняка в [Зализняк 1985; 2008], а также у западных исследователей (см., например, [Anderson 2005]), а именно морфемы. К корневым морфемам будут относиться такие, которые способны образовывать[5] порядковый центр и минимум[6] простых фонетических и простых грамматических слов. К клитикам будут относиться морфемы, способные образовывать порядковый центр и минимум простых грамматических слов, но не способные образовывать порядковый центр фонетических слов. К аффиксам будут относиться морфемы, не способные образовывать порядковый центр ни грамматических, ни фонетических слов.

Все простые словоформы делятся на корневые, клитические и корнеклитические (определения см. в [Барулин 2018: 45–46; 2019]).

Все морфемы в грамматическом слове непрерывно связаны морфолого-синтаксическими отношениями. Как и лексико-синтаксические отношения, морфолого-синтаксические состоят из трех компонентов: самого факта морфолого-синтаксической связанности (моделируется линией, соединяющей связанные морфы), отношения доминантности-подчинения (модели-

[5] Под словосочетанием «способны образовывать» имеется в виду, что во всех случаях, когда данная морфема встречается в правильно построенных простом фонетическом и/или простом грамматическом словах, она образует порядковый центр данной единицы, что, в свою очередь, означает, что порядок всех прочих морфем этих единиц определяется относительно данной. Под словосочетанием «не способна образовывать» имеется в виду, что в данном языке не может существовать такой правильно построенной словоформы и такого правильно построенного фонетического слова, в которых бы данная морфема была способна образовывать порядковый центр.

[6] Под минимумом здесь будет пониматься способность ядра данного класса морфем выступать в качестве единственной морфемы фонетического и/или грамматического слова.

руется стрелкой на одном из концов линии, обозначающей факт связанности морфов)[7] и имени класса морфолого-синтаксического отношения, перечень которых приведен и прокомментирован в [Барулин 2019: 28–51].

2. Морфологическая трактовка фактов

Рассмотрим, какими значениями и какой синтактикой обладают морфемы {МЕЖД} и {МЕЖ} в разных конструкциях.

2.1. Словоформа межд⊕у

2.1.1. Морфолого-синтаксическая структура словоформы

Появление предлога МЕЖДУ в древнерусском и наследование его современным русским языком можно было бы считать просто результатом заимствования из церковнославянского языка и трактовать его как нечленимое целое: это морфосочетание функционировало как предлог уже в языке-доноре. Однако наличие в современном русском языке композитов, образованных с помощью корневой морфемы {МЕЖД} (МЕЖДОМЕТИЕ, МЕЖДОУЗЛИЕ, МЕЖДОУЗЕЛЬНЫЙ, МЕЖДОУСОБИЦА, МЕЖДОУСОБНЫЙ и др.), не позволяет считать подобную трактовку адекватной. Мы принимаем здесь точку зрения, по которой заимствованы были и морфема {МЕЖД}, и грамматический показатель {У}, и операция, которая преобразовала в церковнославянском языке субстантивную форму локатива двойственного числа в проклитический предлог. В соответствии с этой точкой зрения морфологическая структура словоформы *между* выглядит следующим образом. В ней выделяется субстантивный корень {МЕЖД} и заимствованный из этого же языка показатель локатива двойственного числа {У} [Фасмер 1986] с буквальным значением ‘в пространстве, ограниченном двумя ⟨объектами⟩, Y и Z, относящимися к классу объектов X’. Уже в церковнославянском языке это морфосочетание идиоматизировалось и стало обозначать ‘⟨действие или состояние P, имеющее место⟩ в пространстве/части ⟨объекта⟩ Z, ограниченном/й ⟨объектами⟩ X и Y, или ⟨отношение/направленное друг на друга действие P⟩ ⟨объектов⟩ X и Y, выступающих в роли агента и контрагента’. Таким образом, **значение предлога было сведено к значению локатива двойственного числа**, значение же корневой морфемы свелось к нулю. Об этом свидетельствует и тот факт, что валентность показателя числа, которая должна заполняться корневой морфемой той же словоформы, у предлога заполняется другой сло-

[7] Определение доминантного члена морфолого-синтаксически связанной пары, как и в лексическом синтаксисе, определяется по правилу Базелла (см. о нем [Тестелец 2001: 82; Барулин 2019: 22 и далее]).

воформой или другими словоформами. Тем не менее членимость *между* на две морфемы формально сохранилась. В морфологической конструкции *межд⊕о⊕узл⊗и⊕е* выделяется корневой морф МЕЖД (ни клитики, ни аффиксы в качестве одной из основ грамматического композита с коннектором {О} выступать не могут (см. [Барулин 2017])) безо всякого /у/, из чего следует, что сегмент /у/ тоже должен быть признан означающим отдельного морфа. Складывается парадоксальная ситуация. В принципе, значения грамматического суффикса здесь достаточно для того, чтобы добавить в речевую конструкцию необходимый интенсиональный компонент. Однако правила грамматики не позволяют суффиксу образовывать отдельное грамматическое слово, поэтому при нем остается семантически ненужная, пустая корневая морфема, необходимая только для того, чтобы была построена правильная словоформа, содержащая структурный грамматический минимум субстантивной словоформы: R + F. Эффект идиоматизации морфосочетания проявился здесь, во-первых, в том, что корень стал представлять означающее всей идиоматической конструкции, заместив свое значение значением флексии: интенсионалы морфа МЕЖД и конструкции *межд(+)у* совпадают, МЕЖД в *междоузлие* обозначает ‘⟨часть объекта X⟩, ограниченная ⟨узлами⟩ Y и Z’, а во-вторых, в том, что формально валентная на корень глубинная морфема двойственного числа из-за того, что ее значение стало значением всей конструкции, как уже сказано выше, стала валентна, как и полагается предлогу, на подчиненные ему субстантивные словоформы, которые должны при нем стоять в творительном или родительном падеже.

Таким образом, *межд⊕у* в русском языке функционирует как слабая морфологическая идиома, означаемое которой не выводится из интенсионалов, составляющих конструкцию морфем, но сводится к значению одного из членов морфосочетания. При этом идиоматичность конструкции не означает нечленимости ее на морфы и отсутствие между морфами, пусть и формальных, но вполне определенных морфолого-синтаксических отношений (см. об идиомах в морфологических конструкциях подробнее [Барулин 2018: 50 и далее]), а именно юнктивно-актантного морфолого-синтаксического отношения (см. о классификации морфолого-синтаксических отношений [Барулин 2019]), т. е. такого, при котором один из членов синтаксически связанной пары валентен на другой и является зависимым в паре. Это стандартное отношение между субстантивным корнем, заполняющим одну из валентностей глубинной морфемы падежа и единственную валентность глубинной морфемы числа, и этими глубинными морфемами. Морфолого-синтаксическое отношение с глубинной морфемой числа у этого корня такое же, юнктивно-актантное: глубинная морфема числа формально валентна на субстантивную корневую морфему и является зависимой в паре.

Из проведенного анализа следует, что идиоматическую конструкцию в нашем случае составляет пара «субстантивный корень + флексия». Со-

гласно этому выводу словоформа *межд⊕у* должна относиться к классу субстантивных корневых словоформ с уникальной флексией местного падежа двойственного числа[8]. Однако такая словоформа должна быть самостоятельным акцентным словом, поскольку порядковым центром ее является корень, что доказывается и его способностью быть одной из основ в композите *межд⊕о⊕узл⊗и⊕е*. Эта характеристика противоречит реальному статусу словоформы МЕЖДУ: в конструкциях с существительными она не несет собственного ударения, примыкает к корневому грамматическому слову слева, не может стоять к нему в постпозиции и, следовательно, представляет собой проклитическое грамматическое слово. Методами традиционной морфологии это противоречие в трактовке словоформы *между* объяснить не удастся. Однако оно легко объясняется, если использовать введенное И. А. Мельчуком понятие конверсии как операции над синтактикой морфемы. Определение конверсии у И. А. Мельчука выглядит следующим образом: «*Конверсией*$_1$ называется элементарная подстановка [в математическом смысле], производимая над некоторой морфологической синтактикой, превращающая ее в некоторую другую морфологическую синтактику» [Мельчук 2000: 139]. В случае с МЕЖДУ происходит замена сочетаемостных свойств корневой морфемы на сочетаемостные свойства, характерные для клитики. У корневой морфемы {МЕЖД} способность образовывать порядковый центр как грамматического, так и фонетического слова ограничивается способностью образовывать грамматический центр только грамматического слова и добавляется обязательная для клитики характеристика — примыкать к корневому грамматическому слову с какой-нибудь одной стороны, в данном случае — слева. Смена конструктивного статуса основы словоформы автоматически влечет за собой и смену конструктивного статуса словоформы: из корневого грамматического слова, способного иметь собственное ударение, она превращается в проклитическое грамматическое слово.

Изменение конструктивного статуса морфемы ранее не рассматривалось в качестве подкласса конверсий ни в традиционной морфологии, ни в фундаментальном труде И. А. Мельчука. Тем не менее это изменение вполне подходит под цитированное выше определение, с чем в личной переписке согласился и сам автор приведенного выше определения конверсии, И. А. Мельчук. Этот новый тип конверсии мы будем далее называть конструктивным (КК). Самым ярким примером КК в русском языке является преобразование проклитического предлога в префикс. {ДО}$_{\text{прокл.}}$ — {ДО}$_{\text{преф.}}$, {ЗА}$_{\text{прокл.}}$ — {ЗА}$_{\text{преф.}}$, {НА}$_{\text{прокл.}}$ — {НА}$_{\text{преф.}}$, {НАД}$_{\text{прокл.}}$ — {НАД}$_{\text{преф.}}$, {О}$_{\text{прокл.}}$ — {О}$_{\text{преф.}}$, {ОТ}$_{\text{прокл.}}$ — {ОТ}$_{\text{преф.}}$, {ПЕРЁД}$_{\text{корень}}$ — {ПЕРЕД}$_{\text{прокл.}}$ — {ПРЕД}$_{\text{преф.}}$ и т. д. Как известно, соответствующие префиксы и предлоги-

[8] По форме это /у/ совпадает с местным падежом ед. ч. (ср. *в лесу*, *в носу*, *в полу*), но местный падеж всегда управляется предлогом, а при *между* предлога быть не может, из чего следует, что в одну морфему эти два /у/ не сводятся.

проклитики очень близки по семантике. Синтактика у них разная. В частности, они отличаются тем, что предлоги управляют определенным падежом существительных, префиксы же сочетаются с глагольными корнями и управлять существительными не могут (см. об этом подробнее [Барулин 2018: 49 и далее]). КК достаточно широко представлена в разных языках, и работает она в них по-разному. Так, в немецком языке с помощью этого типа конверсии можно было бы описывать регулярное изменение порядка следования предлогов-клитик в конструкциях с наречиями DA ‘здесь’ и WO ‘где’ и с обычной именной группой (***mit#meinem##****Bruder* ‘с моим братом’, но *Weil er* ***da#mit*** *nichts zu tun hatte* ‘потому что он с этим никак не был связан’; в первом примере предлог MIT стоит в препозиции к корневому грамматическому слову, а во втором — в постпозиции; *Das ist der letzte Brief* ***von#meinem****##Bruder* ‘Это — последнее письмо от моего брата’, но ***Da#von*** *wurde ich nicht mal träumen* ‘Об этом я даже бы не мечтал’, ***Wo#von*** *ist die Rede?* ‘О чем речь?’). Конструкции с DA и WO требуют теоретического осмысления в двух отношениях: во-первых, эти лексемы — наречия и, следовательно, не могут вступать с предлогами в синтаксические отношения. Во-вторых, предлоги-проклитики типа MIT, VON, AUS, AN и другие должны стоять по отношению к корневому грамматическому слову в препозиции, а они стоят в постпозиции. Объяснение первой аномалии состоит в том, что DA и WO в конструкциях с предлогами субстантивируются, меняют значение и становятся синонимами соответственно, DAS, ES ‘это’ и WAS ‘что’. По большому счету именно конверсией наречие → существительное объясняется и факт конструктивной конверсии у предлогов — проклитика → энклитика, и восстановление перед гласными древнего /r/ (*da**r**#an*, *da**r**#auf*, *da**r**#aus*, *da**r**#um*, *wo**r**#an*, *wo**r**#auf*, *wo**r**#aus*, *wo**r**#um* и т. д.). Операция изменения порядка присоединения предлогов, преобразование их в послелоги, появление перед клитической границей фонемы /r/, чередующейся с нулем, обозначают сам факт частеречной конверсии и размежевания DA и WO наречий с DAR и WOR — существительными, в синтактике которых предусмотрена возможность сочетания с предлогами.

С помощью понятия КК можно непротиворечиво описать и так называемые отделяемые глагольные префиксы в том же немецком языке. В конструкции типа *Stellen Sie sich vor, Sie wären schwerelos* ‘Представьте себе, что вы невесомы’ префикс (в данном случае {VOR}) отделяется от глагола (в данном случае (*sich*) *vorstellen* ‘представлять (себе)’) и ставится в постпозиции к глаголу в конец предложения. При этом он преобразуется в отдельное фонетическое слово, что возможно только тогда, когда это *vor* — корень. Понятие «отделяемого префикса», которым пользуются грамматисты в этом случае, при определении аффикса как неотделяемой части грамматического слова, становится полным нонсенсом и ставит в тупик теоретика, пытающегося дать адекватное определение аффикса. Понятие конструктивной конверсии расставляет все по своим местам. Конверсия

глагольного префикса в корневую морфему с превращением ее в отдельное фонетическое слово и помещением его в конце простого предложения является синтактическим средством обозначения границы предложения. Отмечу сразу, что при такой трактовке отделяемости префикса, а также конструкций типа *damit* и русских предлогов, конвертированных в префиксы, необходимо решить вопрос об идентичности префикса, конвертированного в корень, и префикса неконвертированного, субстантивированного DA и наречия DA, проклитического предлога и энклитического послелога MIT, русских предлогов и результатов их конверсии в префиксы.

Подробный анализ ситуации показывает, что однозначности в этом вопросе нет. В работе [Барулин 2018: 58 и далее] было показано, что субстантивация бывает категориальной и контекстной. При категориальной субстантивации конвертируемая лексема меняет все свои синтаксические и лексические свойства. Так, например, лексема УЧЕНЫЙ теряет способность изменяться по родам (ср. *Она — хороший ученый*), к ней, например, можно присоединить адъективное определение и нельзя присоединить наречие (**Она — хорошо ученый*). Субстантивированное прилагательное в таком случае преобразуется в другую лексему, не идентичную исходной. Конверсия носит здесь знаковый характер и должна быть приравнена к субстантивирующей морфеме, обозначающей первую валентность прилагательного, как, например, {ОК} в лексеме ЖЕЛТОК. Результат конверсии следует рассматривать как сочетание словообразовательной базы с деривативной морфемой. Поэтому теряется идентичность исходной для конвертации лексемы и конвертированной.

При контекстной субстантивации лексические свойства словоформы сохраняются. Рассмотрим предложение *Она была прекрасна в зеленом платье, но в ослепительно белом она мне нравится еще больше.* В его предложной группе *в ослепительно белом* «*белом*» — несомненно субстантивированное прилагательное, иначе оно не могло бы состоять в синтаксической связи с предлогом. Однако оно не потеряло своей лексической идентичности, своих категориальных адъективных свойств, иначе оно бы не могло состоять в синтаксической связи с наречием. Анафорически оно связано с лексемой среднего рода ПЛАТЬЕ, поэтому оно тоже среднего рода. Если бы на месте лексемы ПЛАТЬЕ была лексема ЮБКА, оно было бы женского рода, из чего следует, что оно не потеряло способности изменяться по родам. Все это говорит о том, что указанная словоформа относится к адъективной, а не субстантивной лексеме, ее субстантивация не затрагивает исходной категориальной адъективности. Таковы свойства этого типа конверсии. Обычно контекстная субстантивация — следствие эллипсиса (факультативного или обязательного), когда один из членов синтаксической группы опускается и оставшийся ее член обозначает кроме своего интенсионального и референциального компонента еще и интенсиональные и референциальные компоненты опущенного члена конструкции. Другой контекст, в котором требуется контекстная конверсия, — конст-

рукции с глаголами бытия типа *Луг был уже совершенно зеленым.* См. подробный анализ примеров этого типа в [Барулин 2018: 58 и далее].

То же можно сказать и о немецких примерах. В сочетаниях DA и WO с предлогами и DA, и WO подвергаются категориальной субстантивации. Операция конверсии здесь носит знаковый характер. У них меняется не только синтактика, но и значение. И результат субстантивации следует рассматривать как сочетание корневой морфемы и словообразовательного суффикса.

Для предлога ситуация носит обратный характер: конверсия не затрагивает его синтаксические и семантические характеристики и, следовательно, не носит знакового характера. Идентичность значений препозитивной и постпозитивной клитики, распределенность в их употреблении позволяют объединить их в одну морфему. Для предлога это контекстная конверсия. То же можно сказать и об отделяемых префиксах. Сам факт отделения префикса и преобразование его в корень не изменяет ни его семантических характеристик, ни его роли по отношению к глаголу, из чего следует, что конструктивная конверсия носит здесь незнаковый характер, а результат конверсии следует объединить с исходным морфом в одну морфему, приравняв КК к незначащему чередованию.

Совершенно другая ситуация с конверсией русских предлогов в префиксы. Здесь при конверсии меняется не только синтактика, но и семантика языковой единицы. КК носит в этом случае знаковый характер. Результат конверсии следует рассматривать как сочетание морфем, а предлоги и соответствующие префиксы не могут быть объединены в одну морфему.

В турецком языке регулярным способом выражения конверсии R → Encl является формальное преобразование корневого /i/ в чередование y/Ø с гармонизацией следующих после энклитики суффиксов клитического грамматического слова (*baba-|s|-ı##idi* — *baba-|s|-ı#ydı* ‘он был ее отцом’, *köy⊗lü##i⊕di* — *köy⊗lü#y⊕dü* ‘он был крестьянином’). Это преобразование не отражается ни на семантике, ни на функциях грамматических слов, образуемых корневым и энклитическим морфами копулатива. Поведение клитического и корневого грамматического слова отличаются лишь метрическими характеристиками: клитический копулатив не способен образовывать отдельное фонетическое слово, а корневой — способен. Из всего этого следует, что конверсия носит здесь незнаковый характер, и корневой и клитический морфы могут быть объединены в одну морфему. Но причина объединения клитического и корневого морфов здесь другая, нежели у распределенных в употреблении немецких предлогов. Упомянутые морфы находятся не в отношении алломорфии, а в отношении вариаморфии, как, например, русские показатели творительного падежа в первом склонении /ой/ — /ою/ (*женой* ~ *женою*). Напомним, что два морфа называются вариаморфами одной и той же морфемы (находятся в отношении вариаморфии), если они обладают одним и тем же значением и их синтактики пол-

ностью совпадают. Два разных морфа находятся в отношении алломорфии (являются алломорфами одной и той же морфемы), если они обладают одним и тем же значением и распределены в употреблении.

Вернемся теперь к корневой морфеме {МЕЖД}. Нам нужно понять, является ли КК R → Procl категориальной или контекстной. Как уже было сказано, значения их идентичны, и они распределены в употреблении: корень межд появляется только в грамматических композитах, клитика межд — только в грамматической клитической словоформе в соседстве с показателем локатива двойственного числа {У}. Из этого следует, что конверсия здесь носит контекстный характер, а корневой и клитический морфы объединяются в одну морфему.

Для преобразования клитической субстантивной словоформы в предлог нам потребуется еще одна операция, теперь уже частеречной (категориальной) конверсии (ЧК) существительное → предлог. Эта операция обрывает лексическую связь словоформы с парадигмой склонения не прижившейся в русском языке, несуществующей лексемы *МЕЖДА, полностью меняет сочетаемость субстантивной словоформы на синтактику, характерную для предлога.

Отсутствие в русском языке лексемы *МЕЖДА может зародить сомнение в том, что описанные выше преобразования носят синхронический, а не диахронический характер. И здесь нам будет трудно обойти вопрос о сути противопоставления синхронии и диахронии у Ф. де Соссюра. В противопоставлении синхронических и диахронических фактов Ф. де Соссюр прежде всего подчеркивал различие двух типов равенств: синхронического равенства двух языковых единиц и их диахронического равенства. В качестве примера Ф. де Соссюр приводит нечленимое, с точки зрения современного французского языка, слово *enfant* ‘ребенок’, восходящее к латинскому *infans* ‘неговорящий’. Если мы поставим между французским и латинским словами, а также между сегментом /en/ французского слова и сегментом /in/ латинского слова знак равенства, мы должны будем признать, что *enfant* членимо, поскольку латинское слово можно разделить на префикс {IN} и форму причастия настоящего времени от глагола *for* ‘говорить’, и выделить в *enfant* префикс {EN} со значением ‘не’ и *fant* со значением ‘говорящий’, что, с точки зрения современного французского языка, неверно. Столь же неверным было бы утверждение, по которому *infans* нечленимо. «Подобная морфология просто ужасна» [Соссюр 2000: 82].

Приведем еще один пример. Скажем, с диахронической точки зрения русское /ц/ в словоформе *целый* равно праславянскому /к/, из которого оно произошло. Исследуя равенство морфем с точки зрения их происхождения из одного и того же древнего корня, мы должны помнить об этом равенстве /ц/ и /к/. А. А. Зализняку знание об историческом равенстве этих фонем позволило исправить неверный перевод одной из древнейших новгородских грамот, грамоты № 247, а именно фразу «а замъке кѣле а двьри кѣлѣ», и установить, что в древненовгородском идиоме не было второй палатали-

зации: /к/ там не поменялось на /ц/. Однако носителю современного русского языка незнание об этом равенстве не мешает правильно использовать словоформы с корнями {ЦЕЛ}, {ЦВЕТ} и т. п. Оно необходимо только лингвистам и историкам, имеющим дело с древними текстами. Зато носителю русского языка необходимо знать о равенстве /к/ и /ч/, чередующихся в словоформах *рука — ручка*, *строка — строчка*, *стрелка — стрелочка*, *белка — белочка*, *лук — лучок*, *сук — сучок* и т. д., о равенстве /г/ и /ж/, чередующихся в словоформах *друг — дружок*, *луг — лужок*, *бог — божок* и т. д. Это — другой тип равенства, равенство фонем, стоящих в определенной позиции определенных морфов, относящихся к одной и той же морфеме. Носитель языка должен подсознательно «знать» обо всех равенствах такого рода, чтобы порождать правильно построенные формы русских лексем.

К той же категории относится подсознательное «знание» о тождестве морфов, относящихся к одной и той же морфеме. Носителю русского языка, в частности, необходимо знать, что проклитический морф межд, используемый в основе предлога МЕЖДУ, и корневой морф межд, используемый в композитах типа *междоузлие*, относятся к одной и той же морфеме и что, если ему будет нужно построить словоформу со значением ‘X, такой, что X располагается в пространстве, ограниченном объектами Y_1 и Y_2’, он может в качестве окказионализма воспользоваться конструкцией композита типа {МЕЖД}⊕Conn⊕B⊗{И}/{J}⊕{ИМ. П. ЕД. Ч}, построить правильные словоформы типа *междокаменье*, *междоволосье*, *междогубье*, *междодверье*[9] и быть правильно понятым своим собеседником. При этом он, естественно, должен понимать и даже чувствовать, что словоформы такого типа — искусственное построение, оживляющее теперь непродуктивную конструкцию с корневым морфом {МЕЖД}, доживающую свой век в считанных лексемах специальных подъязыков.

Соглашение. Далее полученная интерпретация предлога для простоты записи будет изображаться без скобок и обозначения операторов.

2.1.2. Значения проклитического грамматического слова МЕЖДУ

Укоренившись в качестве отдельной лексической единицы, обросшей парадигматическими отношениями с другими предлогами, лексема МЕЖДУ обросла и полисемическими ответвлениями от главного, пространственного значения. Ниже они эксплицируются.

---

[9] Ср. правильно построенные с этими неологизмами русские предложения: *В междокаменье сноровисто паучьей походкой бегали многочисленные младенцы крабов. Междоволосье у мальчика было какого-то необычно белого цвета. Междогубье бомжа было всегда заполнено беловатой пеной, как будто он постоянно жевал мыло. Полы ее пальто застряли в междодверье вагона метро, и это мешало ей как следует разглядеть молодого человека.*

2.1.2.1. Пространственные

2.1.2.1.1. Линейные и плоскостные

Присутствие в морфологической конструкции словоформы МЕЖДУ морфемы двойственного числа сказывается на данной группе значений совершенно особым образом. В ситуации исчисления, как это следует из известной статьи Э. Сепира «Totality» [1930], в качестве ее компонентов выделяются исчислитель (квантификатор — единица исчисления), исчисляемое множество (квантифицируемое) и число как отношение между исчислителем и исчисляемым. Каждому из этих компонентов в выражении, обозначающем исчисленное множество (квантификат), может соответствовать своя номинация, например *две чашки чая*, где *чашки* — исчислитель, *чая* — исчисляемое, а *две* — число. Однако в случаях, когда имя исчислителя и имя исчисляемого совпадают, имя исчисляемого подвергается эллипсису, например в словосочетании *две чашки* ЧАШКА обозначает и единицу исчисления, и исчисляемое множество *чаш*⊗*к*⊕***и***. Бывает так, что квантификат состоит из двух исчислителей и двух чисел, при каждом из которых должно быть свое исчисляемое, например *две пары чашек кофе.* В этом словосочетании у лексемы ПАРА есть свой исчислитель — ЧАШКА, который здесь совпадает с именем исчисляемого. Вместе с *чашкой* лексема ПАРА составляет сложное наименование второго исчислителя — *пара чашек*, у которого есть свое исчисляемое — *кофе*. В такого рода сложных обозначениях при совпадении имени исчислителя и имени исчисляемого наблюдается двойной эллипсис, например в словосочетании с квантитативным исчислителем ДЕСЯТОК — *два десятка яиц* — последняя словоформа представляет собой номинацию исчисляемого и сложного исчисляемого, и всего выражения в целом. Бывает и наоборот, скажем, в выражении *командир второй сотни* опущено исчисляемое (например, *казаков*).

В нашем случае семантика двойственности, которая должна была определить квантитативный исчислитель множества (‘в локусе X / в локусах $X_1 \ldots X_n$, ограниченном/ограниченных парой/парами объектов Y_1 и Z_1 / $[Y_1, Z_1]$, $[Y_2, Z_2] \ldots [Y_n, Z_n]$’), обозначаемого корневой морфемой, переориентируется на семантику подвалентных МЕЖДУ субстантивных лексем, обозначающих элементы пар, или все множество пар. И при обозначении подвалентной лексемой некоторого множества имя множества обозначает не множество элементов, а множество пар элементов. Например, в предложении *Между окнами на высоких подставках стояли цветы* словосочетание *между окнами* обозначает ‘в локусах, ограниченных (каждой) парой окон, (стояли цветы)’.

1. Локативные. ‘⟨Действие/состояние/объект⟩ Р ⟨имеет место / располагается⟩ в пространстве, ограниченном одной или несколькими парами ⟨объектов⟩ (X_1, Y_1), $(X_2, Y_2) \ldots (X_n, Y_n)$’, например:

(1) (i) *Девушки равномерно разместились между юношами*/ $^{+}$*юношей*;
(ii) *Авария произошла между деревнями Ахтимнеево и Квашёнки* (**между деревень Ахтимнеево и Квашёнки*);

(iii) *Пьер сидел между женою и старою графинею* (**между жены и старой графини*) (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

Примечание. Родительный падеж при предлоге МЕЖДУ невозможен в случае, когда зависимые от него существительные стоят в единственном числе.

(iv) *Он метался между Москвой и Петербургом*;
(v) *Фирма осуществляет перевозки между городами*;
(vi) *Между островом и материком ходил паром*;
(vii) *Лайнер курсировал между Европой и Северной Америкой.*

2. Директивные/транслативные. ‘⟨Действие P направлено⟩ в/через пространство, ограниченное одной или несколькими парами объектов (X_1, Y_1), (X_2, Y_2)…(X_n, Y_n)’, например:

(2) (i) *Мяч пролетел между его/их руками* (*рук*) *и упал на игровое поле*;
(ii) *Ну, он и врезал ему между глаз* (**глазами*).

3. ‘⟨Протяженный/протяженные объект(ы) Z, такой/такие, что Z(-ы)⟩ попарно соединяет/соединяют ⟨объекты⟩ (X_1, Y_1), (X_2, Y_2)…(X_n, Y_n)’ (синонимично ‘⟨Протяженный/протяженные объект(ы)⟩ Z, попарно соединяющий/е объекты (X_1, Y_1), (X_2, Y_2)…(X_n, Y_n)’), например:

(3) (i) *подвесной мост/подвесные мосты между деревнями* (= *подвесной мост/подвесные мосты, соединяющий (-ие) деревни*);
(ii) *переход(ы) между зданиями* (= *переход(ы), соединяющий (-ие) здания*);
(iii) *Дорога между Москвой и Ленинградом была перерезана*;
(iv) *Между городами была установлена телефонная связь.*

4. ‘⟨Протяженный объект⟩, такой, что X разделяет Y_1 и Y_2’ (синонимично ‘⟨протяженный объект X⟩ разделяет Y_1 и Y_2’), например:

(4) (i) *между ними была стена* (*пропасть, ширма…*) (= *нас разделяла стена,* (*пропасть, ширма*));
(ii) *расстояние между городами — 700 км* (= *города разделяет* (**соединяет*) *расстояние в 700 км*).

2.1.2.1.2. Нелинейные

В рассматриваемых ниже случаях двойственное число МЕЖДУ проявляется другим способом, нежели это было в предыдущих примерах. В этих последних пары составляли точечные одиночные объекты. В примерах, рассматриваемых в данном параграфе, мы имеем дело с парами протяженных объектов, которые намечаются либо сплошными границами, либо дискретными объектами, образующими стороны коридора как бы пунктиром.

1) Локативные. ‘⟨Линейный объект X располагается/линейное действие P происходит⟩ в коридоре, стороны которого ограничены протяженным(и)

объектом/объектами Y_1, находящим(и)ся по одной стороне X, и протяженным(и) объектом/объектами Y_2, расположенным(и) по другую сторону X’, например:

(5) (i) *Тропинка петляла между деревьями* (*между деревьев*);
(ii) *Дорога шла между лесом и полем* (**между леса и поля*);
(iii) *Корабль шел между отвесными берегами фьорда* (*между отвесных берегов фьорда*).

2.1.2.2. Циркумлативные значения лексемы МЕЖДУ

В рассматриваемых в данном параграфе значениях интересующего нас предлога двойственное число уходит на задний план, на передний выходят места, свободные от разделяющих пространство объектов.

‘⟨Объект X находится/действие P происходит⟩ в местах, свободных от множества объектов Y, разделяющих пространство’, например:

(6) (i) *А в лесу, между деревьев* (*между деревьями*)*, таился полк его личной охраны.* (В. Гроссман. НКРЯ);
(ii) *Невесомые, они свободно плавали между деревьев* (*между деревьями*) (И. Краева. НКРЯ);
(iii) *…⟨Т⟩ем отчетливей становилось видно, что домов между деревьев* (*между деревьями*) *нет* (В. Михальский. НКРЯ);
(iv) *Между торгующими людьми ходил высокий худощавый мужчина* (В. Солоухин. «За синь-морями». НКРЯ);
(v) *После расчесывания она аккуратно выбирала из щетки волосы, застрявшие между щетинками* (*между щетинок*).

(7) (i) *Ему казалось, что он различает между деревьев* (*между деревьями*) *в траве их белые неподвижные тела* (П. Н. Краснов. НКРЯ);
(ii) *В синем просвете между деревьев* (*между деревьями*) *четкие фигуры их казались внезапно выплывшими из тьмы*;
(iii) *седой парк с просвечивающими между деревьев* (*между деревьями*) *огнями* (А. А. Богданов. НКРЯ);
(iv) *Карам ⟨…⟩ кинулся в сторону и замелькал между деревьев* (*между деревьями*) (В. Ремизов. НКРЯ).

2.1.2.3. Обозначение отрезка условной шкалы

В значениях этого параграфа вновь появляется идея двойственности либо двух точек на шкале, либо двух отрезков шкалы с маркированными концом предыдущего и началом следующего. Пары здесь, кроме всего прочего, строго упорядочены.

2.1.2.3.1. Шкала времени

2.1.2.3.1.1. Конструкции с числительными

‘⟨Состояние/действие объекта P имеет место⟩ в пределах времени, ограниченного моментами t_1 и t_2 и $t_1 < t_2$’, например:

(8) (i) *Человек современного типа сформировался между трёхсотым и двухсотым тысячелетиями* (**между трёхсотого и двухсотого тысячелетия*) *до н. в.*;
(ii) *Монтер придет между двумя и тремя часами дня.*

2.1.2.3.1.2. Конструкции с существительными, обозначающими период времени

‘⟨Состояние/действие объекта P имеет место⟩ в пределах отрезка условной шкалы времени, ограниченного концом/концами ⟨временного отрезка⟩ X_1 и началом смежного ⟨временного отрезка⟩ X_2’, например:

(9) (i) *Между лекцией и заседанием кафедры оставался час*;
(ii) *Между парами мы обычно ходили в буфет.*

2.1.2.3.2. Прочие типы шкал

‘⟨Состояние/действие объекта P имеет место⟩ в пределах отрезка условной шкалы, ограниченного точкой (концом/концами) X_1 и точкой/началом смежного ⟨отрезка⟩ X_2’, например:

(10) (i) *рост преступника — между ста семьюдесятью и ста восьмьюдесятью сантиметрами*;
(ii) *истина — между добром и злом*;
(iii) *температура — между высокой и очень высокой.*

2.1.2.4. Взаимное паритетное действие двух и более объектов

‘Пара ⟨субъектов, пара групп субъектов или несколько пар субъектов⟩ $\langle X_1, Y_1\rangle$, $\langle X_2, Y_2\rangle \ldots \langle X_n, Y_n\rangle$ осуществляют взаимное действие P или находятся в паритетном отношении или состоянии P’.

2.1.2.4.1. С анафорическим местоимением СОБОЙ (глагольные группы)

(11) (i) *Они боролись* (*дрались, взаимодействовали, общались, спорили, конфликтовали, грызлись, обменивались* (*пластинками, мнениями*), *выясняли* (*отношения*), *конкурировали, говорили, соревновались, обсуждали* (*проблему*), *сцеплялись, переглядывались, спорили и т. д.*) *между собой* (**между себя*).

Примечание. Конструкция [X и Y P между собой] эквивалентна конструкции с реципроком [X и Y P друг с другом], оформленной предлогом С. Лексема СОБОЙ в этой конструкции может быть кореферентна как первому актанту глагола, так и второму (см. пример (ii)).

(ii) *Мальчишки стравливали* (*знакомили, связывали, склеивали, соединяли, объединяли*) *их между собой.*

Примечание. Конструкция МЕЖДУ СОБОЙ недопустима в случаях, когда эквивалентная ей конструкция с реципроком ДРУГ ДРУГА употребляется не с предлогом С. Ср.: *орали друг на друга* vs. **орали между собой*; *любили друг друга* vs. **любили между собой*; *почитали друг друга* vs. **почитали между собой.*

2.1.2.4.2. Конструкции с субстантивными группами

2.1.2.4.2.1. Конструкции со словосочетанием МЕЖДУ СОБОЙ

При преобразовании глагола в подчиненный предикат запреты на сочетаемость с МЕЖДУ СОБОЙ сохраняются лишь частично. Ср.:

(12) (i) *драка* (*борьба, взаимодействие, общение, спор, конфликт, грызня, обмен и т. д.*) *Васи и Пети между собой* vs. **ор(ание) Васи и Пети между собой*, **почитание Петра Ильича и Фоки Мокиевича между собой*;

(ii) *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Евангелие от Иоанна 13:35, синодальный перевод. Ср. другие переводы этой фразы: *И если у вас будет любовь друг к другу, то всякий будет знать, что вы Мои ученики* (пер. World Bible Translation Center), *И если будет любовь между вами, все будут знать, что вы — ученики Мои* (пер. под ред. Кулаковых), *По этой взаимной любви в вас будут узнавать Моих учеников* (открытый перевод), *Все узнают, что вы Мои ученики, если вы будете любить друг друга!* (Слово Жизни)).

2.1.2.4.2.2. Прочие сочетания МЕЖДУ с субстантивными группами

При этом в сочетании МЕЖДУ с данным значением с субстантивными группами появляются новые возможности, а именно, актантные позиции могут быть оформлены сочетанием с этим предлогом:

(13) (i) *драка* (*борьба*, *взаимодействие*, *общение*, *спор*, *конфликт*, *грызня*, *склока*, *обмен* и т. д.) *между Петей и Васей* (= *драка Пети и Васи друг с другом*);

(ii) *трагическая любовь между человеком и орком* (В. Пелевин. НКРЯ);

(iii) *знакомство между Христофором и Кристиной* (НКРЯ);

(iv) *согласия между различными категориями патриотов на счет Ленина не было* (НКРЯ);

(v) *солидарность между властью и обществом*.

2.1.2.5. Глагольные конструкции со значением распределения

‘⟨Действие Р, такое что каждый элемент / подавляющее большинство множества M_1 получает часть элементов множества M_2⟩ таким образом, что не остается элементов множества M_2, которые не были бы получены каким-либо элементом M_1’, например:

(14) (i) *Деньги были поделены между членами семьи* (**между членов семьи*);
(ii) *распределение ролей между актерами труппы* (**между актеров труппы*);
(iii) *Он разрывался между двумя семьями* (**между двух семей*).

Примечание. Для модели управления глагола РАСПРЕДЕЛИТЬ важно, идет ли речь об одушевленных или неодушевленных объектах. Ср.:

(iv) *распределить корм между животными* (**по животным*) vs.
(v) *распределить шарики по ячейкам*;
(vi) *распределить карточки по ящичкам*.

2.1.2.6. Значение лексемы МЕЖДУ в ситуации выбора

‘⟨Действие P может быть осуществлено с любым(и) объектом/объектами множества $M_1 = \{X_1 \ldots X_n\}$, но в реальном мире — только с M_2 из M_1, где $M_2 \subset M_1$ и субъект P должен остановиться на тех объектах из M_1, с которыми он совершит P⟩ и никакие объекты, кроме тех, которые входят в M_1, не входят в рассмотрение субъекта P’, например:

(15) (i) *Он выбирал между МГУ и воронежским университетом*;
(ii) *Она никак не могла сделать выбор между Колей и Сережей*;
(iii) *Он выбирает между картинками, которые хранит на память*;
(iv) *Директор выбирал между одноклассниками трех-четырех сильных ребят и отправлял их на олимпиаду*.

2.1.2.7. Значение предлога МЕЖДУ в ситуации результатов сравнения

‘⟨Различие/различия⟩ в парах объектов X_1 и X_2, … X_n и X_{n+1}’, например:

(16) (i) *Это самое существенное различие между мужчиной и женщиной* (Л. Улицкая. НКРЯ);
(ii) *Мостовского удивляло различие между дневным и ночным Гарди* (Л. Гроссман. НКРЯ).

2.1.2.8. Значение предлога МЕЖДУ,
эквивалентное значению предлога СРЕДИ

‘⟨Объект X находится/действие P происходит в реальном или условном пространстве, ограниченном множеством объектов Y⟩’, например:

(17) (i) [*Владимир*] *занялся разбором бумаг покойного. — Между ними попался ему пакет с надписью: письма моей жены* (А. С. Пушкин. Дубровский) (= *Среди них попался ему…, в их числе попался ему…*);
(ii) *Скажите, — спросила его Елена, — между вашими товарищами были замечательные люди?* (И. С. Тургенев. Накануне) (= *Среди ваших товарищей были…, в числе ваших товарищей*).

2.1.3. О модели управления предлога МЕЖДУ

2.1.3.0. Вводные замечания

В последней академической грамматике русского языка о предлоге МЕЖДУ говорится только, что он первообразный (а следовательно, морфологически простой) и что он альтернативно управляет двумя падежами: творительным и родительным [Грамматика 1980: 709]. Уже на основании приведенных выше примеров можно сказать, что этого для формулирования правил употребления указанного предлога, конечно, недостаточно. Прежде всего необходимо описать поверхностную и глубинную лексико-синтаксическую модель управления МЕЖДУ.

2.1.3.1. Глубинная модель управления предлога МЕЖДУ

Число валентностей описываемого предлога зависит от количества переменных в его толковании (см. по этому поводу [Апресян 1995: 119–120]). А в разных его толкованиях их разное количество. В тех случаях, когда древнее двойственное число предлога играет существенную роль в его толковании, он трехвалентен: первая валентность — на предикат (что происходит в месте X?), вторая и третья — на объекты, ограничивающие локус. В тех случаях, когда идея двойственности в толковании не играет никакой роли, предлог — двухвалентен: первая валентность — на предикат (что происходит в месте X?), вторая — на множество объектов, среди которых происходит действие или на множество объектов, вовлеченных в действие.

2.1.3.2. Поверхностная модель управления предлога

Валентность на предикат у предлога МЕЖДУ может заполняться как финитным глаголом, так и всеми формами зависимой предикации, например:

(18) (i) *протиснулся между стеной и шкафом*;
(ii) *ухитрился протиснуться между стеной и шкафом*;
(iii) *Сам процесс протискивания между стеной и шкафом занял немного времени*;
(iv) *мальчик, протиснувшийся между стеной и шкафом*;
(v) *протискиваясь между стеной и шкафом…*

Вторая валентность может быть выражена творительным или родительным падежом мн. ч. Во мн. ч. их формы во многих случаях взаимозаменимы. В ед. ч. для обозначения второго актанта используется только творительный падеж. Распределение между двумя этими падежными формами мн. ч. носит довольно сложный характер, требующий отдельного исследования, не входящего в мои цели (примеры см. выше). Для обозначения третьего актанта предлога в подавляющем большинстве случаев используется конструкция с союзом И. Хотя и редко, но все же встречаются случаи использования квазикомитативных конструкций. Ср.:

(19) (i) *Завтра между нами с тобой будут поставлены все точки над «i»* (В. Черкасов. НКРЯ);
(ii) *Той простоты в отношениях, как между нами с ним, — с ней не было* (Т. Л. Щепкина-Куперник. О Чехове. НКРЯ);
(iii) *В самой ранней нашей юности между нами с Висленевым обнаружились непримиримые и несогласимые разности во взглядах и симпатиях* (Н. С. Лесков. На ножах. НКРЯ);
(iv) *Что произошло между вами с Полиной?* (И. Э. Гейнце. Коронованный рыцарь. НКРЯ).

Множественная референция как в случаях трехвалентного, так и в случаях двухвалентного МЕЖДУ строится следующими способами: существительным с показателем собирательной множественности ед. ч., существительным с показателем мн. ч. в творительном или родительном падеже, существительным в творительном падеже ед. ч. в сочетании с конструкцией с союзом И, существительным в творительном падеже в сочетании с конструкцией с союзом И. Иногда встречаются также случаи, когда множество объектов, участвующих на одной стороне взаимодействия обозначаются комитативной конструкцией, а противостоящие стороны — словосочетанием с союзом И. Примеры на редкие способы обозначения множества:

Обозначение множества с помощью собирательного существительного в ед. ч.:

(20) (i) *А там, между бабьем, и Макридина лисья рожа виднеется* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. НКРЯ);
(ii) *На чердаке, над квартирой, со зловещим топотом они лазили всюду, сгибаясь между теплыми трубами, между бельем, и забили слуховое окно* (М. А. Булгаков. Белая гвардия. НКРЯ);
(iii) *Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел* (А. Ф. Кони. Иван Дмитриевич Путилин. НКРЯ);
(iv) *Какое же общество может быть между мужичьем?* (Н. В. Гоголь. Мертвые души. НКРЯ);
(v) *Отец Паншина ⟨...⟩ весь свой век терся между знатью* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо. НКРЯ).

Обозначение множества с помощью собирательного существительного во мн. ч.:

(21) (i) *С величайшим удовольствием согласился бы наш герой пролезть теперь в какую-нибудь мышиную щелочку между дровами* (Ф. М. Достоевский. Двойник. НКРЯ);
(ii) *Впрочем, он объяснил это тем, что ужасно боится кошек, которых множество ползает между дров* (А. Н. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус. НКРЯ).

Обозначение сторон, вовлеченных в действие, с помощью комитативных конструкций:

(22) *Конфликты между мужем с сыном и мной с нашей дочерью возникали обычно на бытовой почве.*

2.2. Морфолого-синтаксическая структура грамматических композитов с {МЕЖД}

2.2.0. Теперь поговорим о моделях управления полученной с помощью рекурсивной операции изменения таксономического статуса (РОИТС, см. о ней ниже) и конверсии проклитической словоформы и составляющих ее морфем. Субстантивный корень {МЕЖД} может участвовать в морфолого-синтаксических конструкциях грамматических композитов[10] двух типов:

1) [[{МЕЖД}+{O}+{RB_{subst}}]+{Suf_{subst}}]+{F}, где {O} коннектор, {RB_{subst}} — корневая субстантивная база, Suf_{subst} — субстантивный суффикс, а {F} — флексия, например *межд⊕о⊕узл⊗и⊕е*.
2) {МЕЖД}+{O}+{RB_{verb}}+{Suf_{subst}}+{F}, где {RB_{verb}} — корневая глагольная база, например *межд⊕о⊕мет⊗и⊕е*.

Конструкции обоих типов не являются в русском языке продуктивными и представлены единичными примерами.

2.2.1. Морфолого-синтаксическая конструкция типа {МЕЖД}+{O}+{RB_{subst}}+{Suf_{subst}}+{F}

Рассмотрим морфолого-синтаксическую структуру конструкций этого типа на примере словоформы *междоузлие*. Его значение — ‘⟨часть⟩ W ⟨объекта⟩ X, локализованная в пространстве, ограниченном узлами Y и Z’. Все известные нам словари позиционируют лексему, которую представляет рассматриваемая словоформа, как ботанический термин, где корень {УЗЕЛ} обозначает место на стебле, к которому прикреплены листья. Однако благодаря многозначности указанного корня термин этот используется и в других науках, например в кристаллографии, где под узлом понимается ячейка кристаллической решетки, в которой может разместиться атом

[10] Под грамматическим композитом будет пониматься морфолого-синтаксическая конструкция, построенная из двух и более корневых основ, между которыми располагается коннектор, отменяющий границу между основами, заменяющий флексии всех основ, кроме последней, и содержащая одну флексию, «обслуживающую» всю конструкцию целиком. Например, *хор⊕о⊕вод⊗*$Ø_{акц}$*⊕о⊕фил⊗*$Ø_{ас}$*⊕о⊕фоб⊗*$Ø_{ас}$*⊕*$Ø_{им.ед.}$ — грамматический композит, так же как и *капитан⊕*$Ø_{коннект.}$*⊕лейтенант⊕*$Ø_{им.ед.}$, поскольку в этих конструкциях соблюдены все условия грамматичности композита, а *пят⊕и##десят⊕и* таковым не является (здесь две флексии и, соответственно, две словоформы; это акцентный композит), равно как и $[$*дв⊗у⊕х##метр*$]_{F \to Ø \cdot WG \to B(Subst)}$*⊗ов⊕ый*, где также две флексии (это, как это видно по скобкам, композит, построенный с помощью специальной операции, о которой речь пойдет ниже).

кристалла. Вместе с тем при отклонениях от идеальной структуры атом может находиться вне ячейки, т. е. в междоузлии, и называется междоузельным (структуру адъективной конструкции со словообразовательной базой *междоузел+* мы рассмотрим позже). Термин МЕЖДОУЗЕЛЬНЫЙ используется и в анатомии, где узлами называются элементы сочленений (позвонки, кости ног, рук, сосуды, нервы) (ср. *Жидкость в этом пространстве (в пространстве между позвонками или суставами), называемая* ***междоузельной*** *жидкостью, состоящей из внеклеточной жидкости и ее растворенных веществ…*), и в строительстве, где узел обозначает сочленение деталей (ср. *определение междоузельного расстояния*).

В железнодорожной терминологии эпизодически используется лексема МЕЖДОУЗЛИЕ, где {УЗЕЛ} обозначает пункт пересечения нескольких железнодорожных линий.

Вполне возможны и другие использования этой лексемы, например для обозначения промежутка между узлами в кипу или просто для обозначения части нити, веревки или каната между смежными узлами на них.

Вершинным компонентом морфолого-синтаксической конструкции словоформы является суффикс {И}, у которого довольно много значений, распределенных относительно контекста: он может обозначать второй актант действия, например *наследие* (‘то, что наследуется/унаследовано’), ‘признак объекта / черта характера’, например *жизнелюбие*, ‘место’ (часто сужаемое значение), например *предместье* (где корень {МЕСТ} обозначает ‘город’ (ср. МЕСТЕЧКО, например, в пушкинском «Выстреле»: *Мы стояли в местечке* ***)), ‘район, примыкающий к городу’, ‘промежуток времени’, например *тысячелетие*, и т. д. Значение ‘⟨часть⟩ X ⟨объекта⟩ Y’ у суффикса {И}, кроме лексемы МЕЖДОУЗЛИЕ, можно найти, например, в существительном *предсердие*, где {ПРЕД} — неточный перевод латинского atrium ‘передняя, гостиная, первая комната от входа’, полное толкование — ‘передняя часть сердца’. Корень в этой конструкции, как и в некоторых других (ср. *сердобольный*), обходится без пустого суффикса {$Е_4$Ц}. Глубинная морфолого-синтаксическая структура основы этой словоформы выглядит следующим образом:

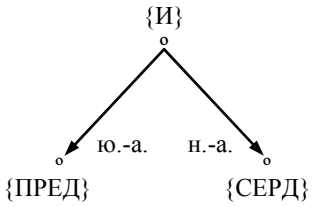

Схема 1

По правилам глубинно-синтаксическая конструкция такого типа должна оформляться как грамматический композит, т. е. с помощью коннектора

{О} и адъективизатора {Н}: **переднесердие* (ср. *переднежаберный*, *передненебный*, *переднеязычный*). Однако в конструкциях с суффиксом {И} и его синонимом {J} {ПЕРЕД}, и особенно его неполногласный синоним {ПРЕД}, воспринимается как предлог[11] (ср. *преддверие*, *предместье*, *предвестие*, *предвечерие*, *предвесенье*, *предосенье*, *предзимье*, *предгорье*, *предгрозье*, *предмостье*, *предплечье*, *предновогодье*) и объединяет эту конструкцию с аналогичной, очень продуктивной конструкцией (построенной с помощью РОИТС), в которой сочетание предлога с существительным лишается субстантивной флексии, понижается в ранге до основы и присоединяет к себе суффикс {И} или его синоним {J}: *бесплодие*, *подножие*, *бессоюзие*, *безначалие*, *междуначалие*, *бессилие*, *безволие*, *бессмыслие*, *бесхлебье*, *надлобье*, *безрыбье*, *надбровье*, *межбровье*, *безводье*, *бездождье*, *безлюдье*, *междурядье*, *приовражье*, *безденежье*, *бесснежье*, *прибрежье*, *прибережье*, *побережье*, *бездорожье*, *подстожье*, *подглазье*, *междуглазье*, *предгрозье*, *безделье*, *подземелье*, *похмелье*, *бездолье*, *заполье*, *предполье*, *подполье*, *застолье*, *подстолье*, *зазимье*, *бездумье*, *подстепье*, *надворье*, *нагорье*, *подгорье*, *угорье*, *заполярье*, *поднебесье*, *залесье*, *подлесье*, *подперсье*, *надхвостье*, *междупутье*, *заплечье*, *предплечье*, *запечье*, *заречье*, *приречье*, *междуречье* и т. д. (см. подробнее [Барулин 2018: 69–73]). В угоду аналогии с продуктивной конструкцией для оформления глубинной морфолого-синтаксической структуры средствами поверхностного морфологического синтаксиса выбирается не нормативный способ преобразования глубинной структуры в поверхностную, а «аналогический». Полученная конструкция по правилам должна толковаться как ‘локация, предстоящая сердцу, или объект, непосредственно примыкающий к сердцу спереди’ (т. е. при входе в сердце). Это — причуда языка. В результате получаем близкое к нормативному, но все же другое, теперь уже идиоматизированное толкование основы (см. выше). Поверхностная морфолого-синтаксическая структура словоформы *предсердие* выглядит следующим образом:

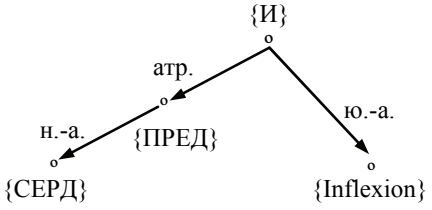

Схема 2

[11] С точки зрения морфологии субстантивный корень {ПЕРЕД} и клитика *перед* соотносятся друг с другом точно так же, как субстантивная корневая морфема {МЕЖД} и преобразованное с помощью РОИТС сочетание проклитического морфа с флексией локатива двойственного числа $[\{\text{МЕЖД}\}_{R \rightarrow Procl} + \{\text{У}\}]_{Subst \rightarrow Prep}$.

Вернемся к *междоузлию*. Морфолого-синтаксическая структура этой конструкции выглядит сходным образом. В вершине конструкции находится суффикс {И}, валентный на внешний по отношению к основе субстантив (‘часть’ чего?). Субстантивный корень {МЕЖД} не валентен на {И}, валентен только на {УЗЕЛ} и предикат, который в структуре основы в эксплицитном виде отсутствует. Тем не менее {МЕЖД} синтаксически связано с {И}. По классификации морфолого-синтаксических связей, представленной автором в работе [Барулин 2019], два субстантивных морфа, не валентных друг на друга, связываются атрибутивным отношением, т. е. таким, при котором ни один из членов синтаксически связанной пары не валентен на другой, и оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание синтаксической связи и подчиненного вершинному члену пары, в данном случае этим предикатом является «локатив» ‘находиться’. По правилу Базелла [Тестелец 2001: 82] определяем главный и зависимый член синтаксически связанной пары. Для этого ставим эксперимент: вставляем конструкцию в синтаксически правильное предложение с эксплицитно выраженным предикатом, валентным на всю пару, например: *По мере роста стебля междоузлия удлиняются*. *Удлиняться* — одновалентный предикат, валентный на всю конструкцию, а конкретно — на морф, обозначающий интенсиональный компонент ‘часть X ⟨объекта⟩ Y’, его обозначает морф *и*. Перефразируем это наблюдение: морфосочетание *межд*–attr—⟩*и* пассивно валентно на глагол *удлиняется*, и морф *и* пассивно валентен на тот же глагол. Пассивные валентности всего морфосочетания совпадают с пассивными валентностями *и*, из чего следует, что *и* в паре является главным, а *межд* — зависимым. Теперь подчиняем интенсиональный предикат синтаксической связи ‘находиться’ интенсиональному компоненту морфа *и* и получаем производное толкование пары ‘часть W объекта X, находящаяся в пространстве, ограниченном ⟨объектами⟩ Y и Z’. Поскольку *межд* валентен на парный, множественный объект, подставляем вместо семантики валентного места «⟨объектами⟩» интенсиональный компонент морфа *узл*: ‘часть W объекта X, ограниченная узлами Y и Z’.

2.2.2. Морфолого-синтаксическая конструкция типа {МЕЖД} + {О} + {RB_{verb}} + {Suf_{subst}} + {F}

Рассматриваемая конструкция представлена в русском языке всего одной лексемой — МЕЖДОМЕТИЕ. Это, как известно, изобретенный Мелетием Смотрицким лингвистический термин, представляющий собой кальку с латинского interjectio ‘введение, вставка, междометие, вводное предложение, промежуточное время’ от глагола jacio, имеющего, в частности, значение ‘нечаянно произнести’. С префиксом inter имеется и глагол interjicio, который, в частности, обозначает ‘вводить в речь’. Смотрицкий так определяет этот термин: «Междометїе есть часть слова несклонѧемаѧ содержащаѧ в себѣ словеса смысла страсть изѧвлѧющаѧ и междоу прочаѧ

слова части вмѣтаемаѧ» [Смотрицкий 2000: 388]. С морфологической точки зрения в значении морфем нет предпосылок для обнаружения в значении всей конструкции таких интенсиональных компонентов, как ‘несклоняемый’, ‘обозначающий боль, страдание, похоть’, ‘часть речи’, из чего следует, что перед нами идиома. Однако, как уже отмечалось (см. [Барулин 2019: 51]), идиоматичность языковой единицы совершенно не отменяет наличия у нее синтаксической структуры. Корень {МЕТ} в основе этой лексемы выступает как трехвалентный предикат (кто мечет? что мечет? и куда?). Суффикс {И} и его синоним {J} при глагольном корне, как уже было отмечено, обозначает либо процесс, как, например, в словоформе *пение*, либо второй актант переходного глагольного корня, как, например, в конструкциях типа *изделие* или *питие*/*питьё*, либо первый актант непереходного глагольного корня, как, например, в морфологической конструкции типа *благовоние.* В данном случае {И} обозначает второй актант переходного глагольного корня, ‘то, что мечут’ или, как написано у М. Смотрицкого, вметают. Корень {МЕЖД} в этой конструкции заполняет третью валентность корня. Валентности самого этого корня остаются не только не заполненными, но и неопределенными с точки зрения того, чем, собственно, их можно было бы заполнить. Как известно, у каждого валентного места есть своя семантика, накладывающая ограничения на морфемы и лексемы, которые по правилам могут заполнять аргументные места. Она может быть шире или уже семантики языковой единицы, заполняющей валентность. У трехвалентного корня {МЕТ}, выступающего в роли основы глагола МЕТАТЬ, нет таких значений, которые касались бы речевых действий и не были бы метафорой, метафора же должна быть всегда эксплицирована: например, в предложениях *Он метал в него слова обвинения, будто кинжалы*; *Можно только метать безадресные проклятия в небеса* (НКРЯ); *а юнкер Достоевский, настигая, метал, как дротик: «Шиллер! Шиллер!»* (НКРЯ); *Я буду сочинять гимны родине и метать стихотворные и прозаические молнии в ее врагов* (НКРЯ). В случае эксплицитно не заполненных валентностей значения валентных мест остаются неопределенными, что нарушает правила синтеза сложных интенсионалов из простых. Таким образом, термин М. Смотрицкого в русском лингвистическом подъязыке как идиома прижился, но морфолого-синтаксическая конструкция, построенная с нарушениями правил синтеза сложных интенсионалов, не имела никаких шансов как-то угнездиться в современном русском языке. Вот как выглядит морфолого-синтаксическая структура основы термина:

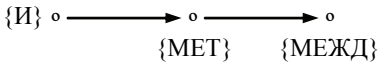

Схема 3

2.3. Конструкции с МЕЖДУ, построенные с помощью РОИТС

В последней академической грамматике русского языка [Грамматика 1980], не признающей ни клитик в качестве отдельного конструктивного класса морфем, ни операций в качестве материала для построения означающих, морфологические конструкции с МЕЖДУ трактуются как префиксальные (§§ 507, 694, 727), т. е., например, в словоформе *междуречье* МЕЖДУ — префикс. Префиксом же считается и *междо-* в *междоузлие*. Формулируется это так: «В *междоузлие* (спец.) префикс принимает форму *междо-*». Никаких разумных объяснений переходу /у/ в /о/ В. В. Лопатин, писавший данный раздел, не дает. Между тем ни фонологических, ни морфонологических условий для этой замены нет, из чего следует, что никакого чередования здесь постулировать нельзя.

В статье [Иткин, Пекарская 2017] предлагается другое объяснение выбора из *межд⊕о⊕* и *межд⊕у#*. Оно также опирается на соображения сочетаемости фонем:

> «Если оставить в стороне старый искусственно созданный термин *междометие*, во всех остальных случаях использование вариантов *междо-* и *меже-* обусловлено стремлением избежать стыка двух гласных *у*. В то время как вариант *меже-* встречается только перед корнем *-ум-*, модель “*междо- + у...*” опять-таки способна окказионально проявлять продуктивность, ср. пользующийся некоторой популярностью в Интернете (примечательным образом, не только русском, но и болгарском (!)) иронический неологизм *междоушие* “мозги, пространство между одним и другим ухом”.
>
> Запрет на сочетание двух *у* не является абсолютно строгим: основа *междоусоб-* встретилась в НКРЯ 1483 раза, основа *междуусоб-* — 121 раз; наряду с *междоушие* в Интернете попадается и вариант *междуушие*» [Иткин, Пекарская 2017: 438].

Не буду вступать с авторами этого наблюдения в сложную полемику. Замечу только, что если бы данное утверждение было верным, оно проявлялось бы и в композитах с другими основами. В качестве опровергающего примера приведу конструкции с корневой морфемой {ДВ}: ДВУУГЛЕКИСЛЫЙ, ДВУУГОЛКА, ДВУУСТКА, ДВУУСЫЙ, ДВУУТРОБКА. Во всех этих лексемах сочетания двух /у/ можно было бы вполне избежать, используя образованную с помощью янтарного оператора (см. о нем ниже) более продуктивную конструкцию с полной словоформой родительного падежа лексемы ДВА — *двух* — в качестве первого компонента композитов (ср., например, *двухатомный*, *двухкомнатный*, *двухмоторный*, *двухэтажный*, *двухуровневый*): *двухуглекислый*, *двухуголка*, *двухустка*, *двухусый*, *двухутробка*. Однако соотношение частотности словоформ *двууглекислый* и *двухуглекислый* в Яндексе — 112 млн. : 320, частотные характеристики словоформ *двууголка* и *двухуголка* — 7000 : 2000, *двуустка* и *двухустка* — 3000 : 248, *двуусый* и *двухусый* — 5000 : 2000, *двуутробка* и *двухутробка* — 5000 : 12. Количественно преобладают упомянутые лексемы с двумя /у/ над лексемами с разделяющим их /х/ и в НКРЯ. О каком же запрете здесь может идти речь?

Это соображение говорит о том, что причина смены /у/ на /о/ не имеет никакого отношения к сочетаемости фонем. Причина кроется не в фонологических, а в морфологических правилах, причем совершенно очевидных. Мы имеем здесь дело с разными суффиксами с двумя разными означающими: как уже неоднократно указывалось, с древним показателем локатива двойственного числа {У}, не утратившим ни своего морфологического, ни семантического статуса[12], и с коннектором {О}, функции которого были подробно описаны в [Барулин 2017]. А замена одной морфемы на другую связана с выбором двух разных морфологических конструкций: непродуктивной конструкции с коннектором, используемой в сочетании с очень ограниченным числом корневых морфем, и продуктивной конструкции, в которой используется не корень, а полная словоформа *между*. Основной функцией коннектора является устранение флексии и отмена границы словоформы. Именно поэтому в конструкциях с его участием при {МЕЖД} исчезает флексия {У} и две корневые основы «сплавляются» в основу одного грамматического слова. Наличие же упомянутой флексии в *междуречье* говорит нам о том, что основа словоформы образована другим механизмом. Это другая морфологическая конструкция, которая не может быть адекватно описана теоретическим аппаратом традиционной морфологии.

Для описания подобного рода конструкций в работе [Барулин 2018: 69 и далее] я ввел понятие **рекурсивной операции изменения таксономического статуса** (**РОИТС**). Как указывается в упомянутой статье, РОИТС представляет собой класс упорядоченных цепочек операций, главная из которых состоит в изменении таксономического статуса языковой единицы. Как и всякая операция, она состоит из аргумента, над которым она производится, инструкции, в которой указывается, что нужно сделать с аргументом, чтобы получить нужный результат, и сферы действия операции. Аргументом РОИТС может быть любая языковая единица от фона до предложения. И в этом состоит главная ее особенность. Действие ее состоит в том, что она меняет статус яруса данной единицы. Конечной целью операции является преобразование исходной единицы в словообразовательную базу.

Так, в морфологической конструкции *а⊗к⊗а⊗н⊗j⊕е* РОИТС повышает статус фона \â\ с заменой \â\ на \а\ до связанной корневой морфемы ($[\text{\textbackslash â\textbackslash}]_{\text{phone}\rightarrow\text{R}} \rightarrow \{[\text{a}]\}$) с определенной синтактикой и семантикой (‘замена в безударном слоге после твердых согласных архифонемного[13] [О] на фонологическое /â/’), затем к новообразованному корню по известным правилам присоединяется глагольный суффикс {К} с последующим присоединением отглагольных именных суффиксов. Результат действия РОИТС по построению вновь создаваемой словообразовательной базы я буду назы-

[12] Рассуждение о вопросах семантики и статуса означающего отдельного морфа сегмента /у/ см. выше.

[13] О понятии архифонемы см. [Барулин, Шведова 2019].

вать далее **янтарной конструкцией** (в работе [Барулин 2018] подобный результат был назван клубной системой, или клубом[14]; однако, как мне было справедливо указано одним из рецензентов статьи, клубной системой В. Б. Борщев и М. В. Хомяков назвали математический конструкт, лингвистический конструкт должен получить другое название). В приведенном примере янтарной конструкцией является вновь образованная морфема {[а]} с приписанной ей семантикой и синтактикой. Следует специально отметить, что РОИТС отличается от конверсии тем, что при конверсии происходит преобразование исходной единицы в однородную с ней другую единицу: одной части речи в другую, морфа одного конструктивного класса в морф другого конструктивного класса, РОИТС же, как было сказано, производит межъярусные преобразования — фонему преобразует в морф, словосочетание в словообразовательную базу, предложение в словообразовательную базу.

В морфологической конструкции *в⊕ы⊗к⊗а⊕ть* словоформа $[в⊕ы]_{WF→B}$ понижается в ранге до основы с определенной синтактикой и семантикой (‘X обращается к Y излишне вежливо’). Янтарной конструкцией в указанной словоформе является $[в⊕ы]_{WF→B}$. А в собственном имени *Непейвода* в предложении $[Не\#пе⊕й\#\#вод⊕у]_{Fininfl→\wedge\cdot\#\#→+}$ → $[не\#пе⊕й\#\#вод]_{SNT→B⊕infl(FinB)}$ → $[не\#пей\#\#вод]⊕а$ отсекается последняя флексия (Fininfl), полученное выражение в метаязыке берется в скобки для обозначения границ аргумента, усеченное предложение понижается в ранге до основы и затем к полученной основе присоединяется нужная в данном контексте флексия из набора флексий, которого требует последняя словообразовательная база (в данном случае — {ВОД}). Янтарной конструкцией словоформы является: $[не\#пе⊕й\#\#вод]_{SNT→B⊕infl(\{ВОД\})}$.

Наличие показателя лексико-синтаксической связи, флексии, в «теле» морфолого-синтаксической конструкции основы, — первый признак того, что ее адекватное описание может быть осуществлено только с помощью РОИТС. Если признать, что *между* в этой словоформе префикс, то а) невозможно будет объяснить, почему в *междоузлие* этот префикс ведет себя как корень: префиксам не нужен никакой коннектор для присоединения их к корневой морфеме, б) невозможно будет объяснить, почему к префиксу присоединена флексия (например, в [*межд⊕у##реч*]*ье*): к префиксам флексии не присоединяются.

---

[14] Термин происходит из предложенных в 1976 г. математиками В. Б. Борщевым и М. В. Хомяковым терминов «клуб» и «клубная система» (см. [Борщев, Хомяков 1976]). Авторы указанной статьи разработали формальный аппарат для описания графов, в которых узлы могут представлять собой автономную субструктуру, элементы которой могут быть связаны синтаксически с элементами структуры данного уровня. Такие узлы в указанной выше работе и называются клубами — по аналогии с элементами структуры английского клуба, членом которого могли быть не только отдельные люди, но и организации.

В образованиях, которые выше были названы янтарными, конструкции, возможные только на других, нежели морфолого-синтаксический, ярусах, с точки зрения морфологического синтаксиса неанализируемы. В поверхностной морфолого-синтаксической конструкции они могут занимать только один узел, но этот узел, в отличие от обычных морфолого-синтаксических узлов, сложный, поскольку имеет собственную внутреннюю структуру. Они как бы обволакиваются специальным невидимым материалом как результат действия не оставляющего следов оператора. Их иноярусная структура нам видна, именно благодаря ее осознанию нам понятно ее содержание, но ее иноярусные функции в морфолого-синтаксической конструкции отменены или изменены, прозрачному сложному узлу формально приписана другая синтактика, он приобретает функции неделимой единицы, а именно статус корневой словообразовательной базы, к которой можно присоединять различные аффиксы и которая должна стать порядковым центром фонетического слова. Внутри вновь образованной базы синтаксические связи по-прежнему оформляются, как в лексическом синтаксисе, поэтому там присутствуют флексии, однако у последней основы, как правило, флексия отсекается[15]. При всем этом синтаксическая конструкция янтарной базы подсоединяется к прочим морфемам словоформы «на общих основаниях».

Рассмотрим морфолого-синтаксическую структуру словоформы *междугорье*. Ее толкование — ‘место X, ⟨находящееся⟩ в пространстве, ограниченном горами Y и Z’ или ‘место/места X, находящееся/находящиеся в пространстве, свободном от разделяющих его гор Y_1, …, Y_n’. Интенсиональный компонент ‘место X’ обозначается морфом j (ср. то же значение этого суффикса в других словоформах, образованных с помощью РОИТС: *надбровье*, *надглазье*, *прибрежье*, *приовражье*, *подземелье*, *междуречье* и т. п.). Интенсиональный компонент ‘в пространстве, ограниченном ⟨объектами⟩ X и Y’ обозначает клитическая словоформа *между*, и, наконец, интенсиональный компонент ‘горами’, которому мы не будем здесь давать развернутого толкования, обозначает морф гор. Отмечу, морф этот в данном контексте однозначно обозначает множественный объект, несмотря на отсутствие в структуре конструкции показателя множественности. Этот эффект обеспечивается семантикой множественности соответствующего

[15] Ср., например, [*дв*⊗*у*⊕*х*##*этаж*]⊗*н*⊕*ый*, где сохраняется тематический морф У и флексия родительного падежа {X}, чего в принципе достаточно для того, чтобы показать, что словосочетание *двух этаж*⊕*ей* должно стоять в родительном падеже. У последней словоформы отсекается флексия, что должно продемонстрировать результат действия янтарной операции (РОИТС). Тот факт, что флексия в таких конструкциях отсекается только у последней словоформы, можно продемонстрировать на примере, где подобные основы состоят из более чем двух словоформ, например:

[*дв*⊗*у*⊕*х*##*сот*⊕$Ø_{род.п.}$##*пят*⊕*и*##*десят*⊕*и*##*тр*⊗*’ё*⊕*х*##*этаж*]⊗*н*⊕*ый*.

валентного места предлога, что еще раз доказывает: итоговая семантика лексемы, заполняющей валентность предиката, складывается в результате взаимодействия семантики валентного места и семантики лексемы[16]. Компонент ‘находящийся’, взятый нами в угловые скобки, составляет семантику морфолого-синтаксической связи, которая относится в данном случае к классу атрибутивных, т. е. таких, при которых ни один из членов синтаксически связанной пары не валентен на другой, но оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание морфолого-синтаксической связи. Предикат этот в глубинной морфолого-синтаксической структуре должен быть подчинен вершинному члену пары. По правилу Базелла определяем главный и зависимый член в парах и получаем поверхностную морфолого-синтаксическую структуру словоформы:

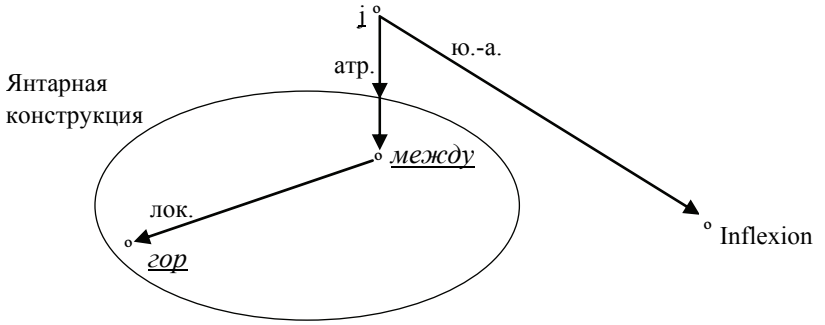

Схема 4

Фрагмент, обведенный овалом, представляет собой не анализируемый с точки зрения морфологического синтаксиса узел морфолого-синтаксической структуры словоформы, узел, имеющий собственную сложную структуру, оформленную показателями синтаксической связи, используемыми в лексическом синтаксисе. Особенностью данной морфолого-синтаксической структуры, образованной с помощью РОИТС, является способность словоформ янтарной конструкции вступать в синтаксическую связь с не входящими в нее морфами основы через вершинный компонент[17]. Этой проницаемостью морфолого-синтаксических связей в лексико-синтаксический узел объясняется синонимичность конструкций с коннектором {О} типа *междоузлие* и конструкций, построенных с помощью РОИТС, типа рассмотренной выше. В глубинной морфолого-синтаксической структуре, где уже не отмечается различие в способе оформления синтаксических связей, эти два типа структур будут выглядеть одинаково (см. схему 5):

[16] Впервые этот факт был отмечен в [Барулин 1977: 15].

[17] Этого, например, не происходит в янтарных конструкциях императивного типа: [*не#за⊗бу⊗д*]⊗*к*⊕*а*, [*держ*⊕*и##дерев*]⊕*о*, [*не#пе*⊕*й##вод*]⊕*а*, [*через#за⊗бор*⊕*Ø*$_{вин.п.}$*##ног*⊕*у##за⊗дер*⊕*и*]⊗*щ⊗ен⊗к*⊕*о*.

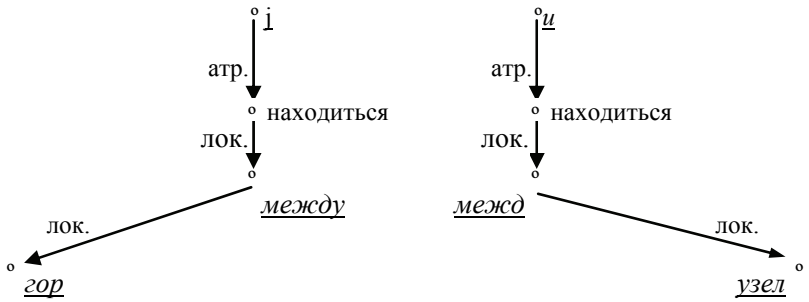

Схема 5

Точно так же выглядят поверхностная и глубинная морфолого-синтаксическая структура всех предложных янтарных конструкций с пространственным значением: *междубровье*, *междуглазье*, *междупутье*, *междуречье*, *междурядье* — и образованные с помощью РОИТС прочие конструкции с пространственными предлогами: *надбровье*, *приовражье*, *прибережье*, *побережье*, *подстожье*, *подглазье*, *подземелье* и т. д.

Рассмотрим теперь адъективную конструкцию, образованную с аналогичной янтарной базой, например словоформу *междуэтажное (перекрытие).* Она толкуется так: ‘X, такое, что X помещается/находится в пространство/е, ограниченное/м двумя (смежными) этажами Y и Z’. В отличие от предыдущего случая, в качестве атрибута *между* здесь выступает не суффикс, формирующий вершину основы, а отдельное существительное, на которое сам предлог не валентен, он, как это было указано в описании модели управления предлога, валентен на предикат, моделирующий ситуацию, имеющую место в ‘пространстве, ограниченном двумя объектами, Y и Z’. Этот предикат в рассматриваемой словоформе обозначается суффиксом {H}, в общем случае имеющим общее значение неопределенного предиката P, уточняемого по эксплицитно выраженным морфам, заполняющим его валентности. В нашем случае — по локативному значению первого валентного места предлога *между*, которое сужает значение предиката до ‘находиться’ или его каузатива (директива) ‘каузировать находиться’ (= ‘помещать’). {H}, таким образом, обеспечивает наличие у основы валентности на существительное, что должно быть отражено в его модели управления, и на предлог, связывая вершину янтарной базы (*между*) и вершинное в словосочетании (например, *междуэтажное перекрытие*) существительное.

Словоформа *этажами* в исходном аргументе РОИТС, как и словоформа *горами* в исходном аргументе *междугорья*, сокращается на флексию, сохраняя при этом и семантику синтаксической связи между предлогом и субстантивным корнем, и семантику двойственного числа, до которого сужается значение множественности, благодаря семантике валентного места предлога. С помощью правила Базелла определяем главные и зависимые в парах и получаем аналогичную предыдущей структуру (см. схему 6).

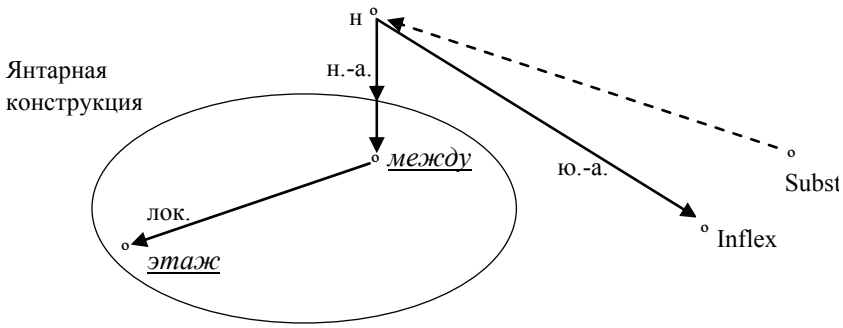

Схема 6

Выше уже упоминалось, что наряду с существительным *междоузлие* имеются прилагательные *междоузельный* (например, *междоузельный дефект*, *междоузельный ион*, *междоузельный атом*, *междоузельное пространство*, *междоузельная диффузия*, *междоузельный механизм диффузии*) и *междоузловой* (например, *междоузловой срез лозы*, *междоузловой черенок*, *междоузловые перегородки*, *междоузловой механизм диффузии*). Проанализируем первую из этих словоформ. Она толкуется так: ‘⟨объект X⟩, такой, что X помещается/находится в пространство/е, ограниченное/м двумя (смежными) узлами Y и Z’. Так же как и в словоформе *междуэтажный*, {Н} обозначает здесь предикат ‘находиться’ или его каузатив. И точно так же атрибут корня {МЕЖД} обозначается отдельным существительным (например, *атом* в словосочетании *междоузельный атом*). Морфема {Н} валентна на это существительное и на корень {МЕЖД}, интенсионал которого в точности совпадает с таковым предлога МЕЖДУ: ‘в пространство/е, ограниченное/м объектами X и Y’. Убедиться в том, что {Н} в основе является вершинным компонентом конструкции, можно с помощью чисто морфологического рассуждения: флексия в словоформе определяется морфолого-синтаксической вершиной основы. Здесь она адъективная, а во всей конструкции адъективным является только морф н. Следовательно, именно он и определяет тип флексии, следовательно, именно он и является вершинным. К такому же выводу мы пришли бы, если бы в экспериментальном порядке ввели в словосочетание внешний предикат, валентный на всю основу и на вершинный компонент, таким внешним предикатом мог бы быть, например, союз И, вводящий однородную конструкцию, например *междоузельный и узловой атомы.* Однородными здесь являются прилагательные, следовательно, И валентен на морфему, превращающую всю основу в адъективную, а ею может быть только {Н}. Синтаксическая структура словоформы *междоузельный* показана на схеме 7[18].

[18] Пунктирной стрелкой помечено лексико-синтаксическое отношение.

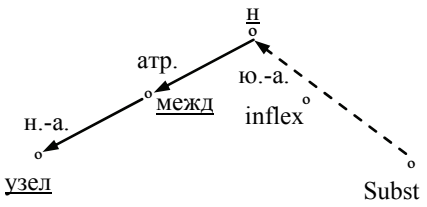

Схема 7

Как и в предыдущем случае, в глубинной структуре различия между янтарной конструкцией и морфосочетанием корня {МЕЖД} и субдоминантного члена конструкции в композите нивелируются. Это приводит к тому, что в глубинной структуре обе конструкции выглядят идентично (схема 8).

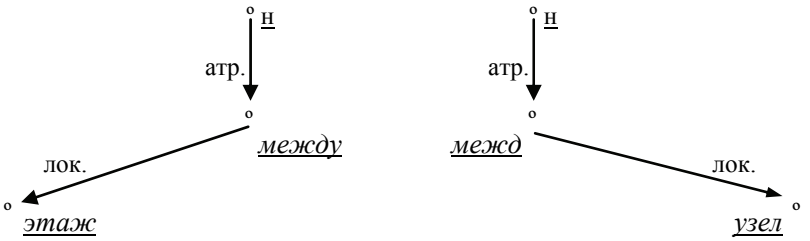

Схема 8

Словоформы типа *междугородный* образованы с помощью РОИТС по той же схеме, которая рассмотрена выше: у словосочетания *между городами* отсекается последняя флексия, полученное выражение понижается в ранге до субстантивной основы [межд⊕у##город], к которой далее присоединяется адъективный суффикс {Н}, а к нему — флексия. Морфолого-синтаксическая структура этого образования выглядит точно так же, как и структура словоформы, рассмотренной выше. Единственное, что здесь меняется, — значения предлога, которые, впрочем, чаще всего не выходят за пределы приведенного выше списка.

Пространственные.

(2.1.2.1.1. Линейные и плоскостные)

1. Локативные. ‘⟨Действие/состояние/объект⟩ Р ⟨имеет место/находится⟩ в пространстве, ограниченном одной или несколькими парами ⟨объектов⟩ (X_1, Y_1), $(X_2, Y_2)\ldots(X_n, Y_n)$’:

междубровье, *междуглазье*, *междугорье*, *междупалубный*, *междуреберный*, *междуэтажный*

‘⟨Протяженный/протяженные объект(ы) Z, такой/такие, что Z(-ы)⟩ попарно соединяет/соединяют ⟨объекты⟩ (X_1, Y_1), $(X_2, Y_2)\ldots(X_n, Y_n)$’:

междугородная телефонная связь, *междугородний телефон*, *международные коммуникации*, *международная трасса*.

5. Перемещение из пункта А в пункт Б и из пункта Б в пункт А.

‘⟨Субъект X перемещает объект Y/перемещается⟩ в пространстве, ограниченном объектами Z_1 и Z_2’:

междугородние перевозки, *междугородний автобус*.

(2.1.2.1.2. Нелинейные)

1) Локативные. ‘⟨Линейный объект X располагается / линейное действие P происходит⟩ в коридоре, стороны которого ограничены протяженным(и) объектом/объектами Y_1, находящим(и)ся по одной стороне X, и протяженным объектом/объектами Y_2, расположенным(и) по другую сторону X’:

междуречье, *междуречный*, *междупутье*, *междурядье*, *междустрочный*.

(2.1.2.3.1.2. Конструкции с субстантивными морфами, обозначающими период времени)

‘⟨Состояние/действие объекта P имеет место⟩ в пределах отрезка условной шкалы времени, ограниченного концом/концами ⟨временного отрезка⟩ X_1 и началом смежного ⟨временного отрезка⟩ X_2’:

междувластие, *междуначалие*, *междупарье*, *междурейсовый*, *междуцарствие*.

(2.1.2.4. Взаимное паритетное действие двух и более объектов)

‘⟨Субъект(ы), группа(-ы) субъектов, или представитель(-и) групп(ы)⟩ $X_1 \ldots X_n$ ⟨осуществляют взаимное действие / находятся в состоянии/отношении⟩ P с другим(и) ⟨субъектом(-ами), группой(-ами) субъектов или представителем(-ями) группы⟩ $Y_1 \ldots Y_n$, соответственно, на паритетной основе’:

междуведомственный скандал, *междуведомственные переговоры*, *междугородние соревнования*, *международные состязания*, *международные переговоры*, *междусоюзнические договоренности*.

Примечание. Такое толкование композитов с предлогом МЕЖДУ возможно лишь в тех случаях, когда валентность адъективной основы заполняется отглагольным существительным. В случае, когда эту валентность заполняет существительное, обозначающее предметный референт, прилагательное с МЕЖДУ обнаруживает толкование, не имеющее аналогов в лексическом синтаксисе. Если словосочетания типа *межведомственные переговоры* синонимичны словосочетаниям типа *переговоры между ведомствами*, то, например, словосочетание *межведомственная комиссия* не имеет своего эквивалента в лексических конструкциях с МЕЖДУ (**комиссия между ведомствами*). Аналогично, например, *международная конференция* не может быть преобразована в синонимичное словосочетание — **конференция между народами*. Причина различия между двумя

этими способами заполнения валентности прилагательного с МЕЖДУ состоит в том, что во втором случае у предлога другие толкования:

‘⟨массовое мероприятие/организация⟩ X, такая что некоторые ⟨участники/члены⟩ Y этих X имеет/имеют отношение к не менее, чем двум (разным) Z’, например, *международная конференция* (**конференция между народами*), *международный комитет*, *международный центр*;

‘⟨организация⟩ X, ⟨распространяющая свою деятельность⟩ на несколько разных Y⟩’, например *международный терроризм* (**терроризм между народами* (*странами*)) = ‘террористические организации, распространяющие свою деятельность на несколько стран’, международный капитал (**капитал между народами* (*странами*)) = ‘капиталистические организации, распространяющие свою деятельность на несколько стран’, *международный рынок ценных бумаг*, *междуведомственная комиссия* (**комиссия между ведомствами*), *междугородная телефонная станция* (**телефонная станция между городами*).

2.4. Корень {МЕЖ} и проклитика МЕЖ

У субстантивного корня {МЕЖ$_1$} два основных значения: 1. ‘Граница X земельных владений Y’ (*Межа между областями проходит по реке* [Кузнецов 2000]). 2. ‘Нераспаханная узкая полоса X между полями Y’ (*старшина ленивой походкой пошел по меже вдоль нивы* (В. Быков. НКРЯ)). В первом значении лексема эта двухвалентна («что является межой?» и «между чем и чем она проходит?»). В предложениях, не содержащих копулатива, МЕЖА обозначает свою первую валентность, вторую заполняет предлог МЕЖДУ. Во втором значении МЕЖА синтаксически одновалентна («что является межой?»). В предложениях, не содержащих копулатива, МЕЖА обозначает свою единственную валентность, которая в такого рода предложениях заполнена быть не может (см. по этому поводу [Барулин 1990]). И значение, и синтактика этого корня не имеет ничего общего с клитической морфемой {МЕЖ$_2$}, функционирующей как предлог. В интересующих нас морфолого-синтаксических конструкциях {МЕЖ$_1$} не встречается, поэтому мы оставим ее за пределами моего исследования. Далее нас будет интересовать только морфема {МЕЖ$_2$}, образующая словообразовательную базу предлога МЕЖ[19].

2.4.1. Морфологический анализ словоформы *меж*

В отличие от словоформы *между*, словоформа *меж*, на мой взгляд, состоит всего из одной морфемы, и нам не потребуется использовать КК для постулирования ее клитического статуса. Поскольку в русском словообразовании она не встречается в качестве первого компонента грамматиче-

[19] Далее мы будем считать, что в композитах МЕЖЕУМОК и МЕЖЕУМОЧНЫЙ фигурирует тот же корень, что и в словоформах лексемы МЕЖА.

ских композитов, мы будем считать, что она — клитика по словарным характеристикам. Таким образом, в дальнейшем мы будем исходить из того, что в словоформе *меж* всего одна морфема, она относится к конструктивному классу проклитик, поэтому образует простое проклитическое грамматическое слово.

2.4.2. Значения предлога МЕЖ

Анализ материала показывает, что в лексическом синтаксисе МЕЖ полный синоним МЕЖДУ. Во всех приведенных выше примерах на разные значения МЕЖДУ его можно заменить на МЕЖ. Единственным различием между ними, пожалуй, является то, что МЕЖ стилистически не так универсален, как МЕЖДУ. Так, например, в научных, юридических и подобных типах текстов стилистически не очень правильно использовать МЕЖ. Ср.: $^{+}$*Человек современного типа сформировался меж трёхсотым и двухсотым тысячелетиями* (**меж трёхсотого и двухсотого тысячелетия*) *до н. э.*, или: $^{+}$*Рост преступника — меж ста семьюдесятью и ста восьмьюдесятью.* Но это, действительно, небольшая стилистическая погрешность, а не нарушение грамматической правильности или лексической сочетаемости.

Для подкрепления этого утверждения приведем несколько примеров на употребление предлога МЕЖ. *И медленно, пройдя меж пьяными, // Всегда без спутников, одна, // Дыша духами и туманами, // Она садится у окна.* (А. Блок). *Меж высоких хлебов затерялося // Небогатое наше село* (Н. А. Некрасов). *…⟨С⟩талинских домов, меж которых, как в ущелье, текла, разделённая на два рукава зелёным сквером Автозаводская улица* (А. Варламов. НКРЯ). *…⟨С⟩традания и испытания, причудливо и неравномерно поделённые меж людьми кровавого столетия* (А. Варламов. НКРЯ). *…Дорога, извивавшаяся меж дачных участков* (А. Варламов. НКРЯ). *Высушенные меж страниц чужой книги осенние цветы* (А. Варламов. НКРЯ). *…⟨Б⟩родил по лунным дорожкам меж яблонь* (А. Варламов. НКРЯ). *…⟨П⟩ойдет в пыли меж колосящейся ржи* (А. Варламов. НКРЯ). *Я прошу о вещах, которые меж приличными людьми сами собой разумеются* (А. Волос. НКРЯ). *Множество переплетенных меж собой путей* (А. Волос. НКРЯ). *Посыпалась вниз в щели меж плах перетёртая солома* (В. Астафьев. НКРЯ). *Меж этих холмов торчал курносый носишко* (В. Астафьев. НКРЯ). *Меж недавно побелённых колонок виднелись деревянные цветочные ящики* (В. Астафьев. НКРЯ). *Лента асфальта лежала меж снегов* (Б. Екимов. НКРЯ). *Ругая меж своими новую власть* (Б. Екимов. НКРЯ). *Но легла меж сестрой и братом какая-то неловкость* (В. Астафьев. НКРЯ). *…⟨М⟩еж горестей, забот и треволненья* (С. Г. Бочаров. НКРЯ). *…⟨П⟩ерепутье меж тьмою и светом* (В. Астафьев. НКРЯ). *Тогда вокруг него, мелькая меж елей, вольно бегали белки* (М. Палей. НКРЯ). *Вот и началась меж ними и царём катавасия* (Ф. Горенштейн. НКРЯ). *Дайте русским людям меж собой поговорить* (Ф. Горенштейн. НКРЯ).

2.2.4. О морфологическом статусе {МЕЖ$_2$} и {МЕЖД}

Поскольку морфы меж$_2$ и межд имеют одно и то же значение, необходимо поднять вопрос о возможной их принадлежности одной и той же морфеме. Ответ на этот вопрос — отрицательный. Межд, как было показано, — субстантивный корень, тогда как меж — изначально клитический. В качестве проклитического конверсива корневого субстантивного морфа межд встречается только в сопровождении флексии локатива двойственного числа, с которым меж, как предлог, сочетаться не может. О значении меж можно сказать только, что оно идентично идиоматизированному сочетанию межд с {У}, в качестве проклитического предлога межд изолированно не используется. Из всего этого следует, что ни полного совпадения синтактик, ни распределенности в употреблении с межд у меж нет. Эти морфы относятся к разным морфемам.

2.2.5. Композиты с {МЕЖ$_2$}

Все композиты с {МЕЖ$_2$} построены с помощью РОИТС. Для доказательства этого тезиса необходимо и достаточно доказать, что морф меж в них — проклитика. Если доказать этот факт удастся, будет доказано и то, что конструкция словообразовательной базы в этих композитах янтарная. Пойдем в доказательстве от противного. Возьмем в качестве примера такого рода композитов словоформу *межгалактический.* Его толкование — ‘X, такой что X имеет место в пространстве, ограниченном двумя и более галактиками $Y_1 \ldots Y_n$’. Первый компонент композита морф меж, второй — морф галактич, принадлежащий той же морфеме, что и морф галактик в словоформе и одновременно фонетическом слове *галактика*, где всего две морфемы, флексия {А} и {ГАЛАКТИК}, которая не может быть ничем иным, кроме корня (только корень может быть порядковым центром фонетического слова, и корень составляет морфологический минимум фонетического слова). Две эти морфемы представляют собой словообразовательную базу, к которой могут быть присоединены суффиксы, в данном случае — {СК}, как и {Н}, конвертирующий субстантивные основы в адъективные. Предположим теперь, что меж — корень. В этом случае сочетание двух корневых морфем в обязательном порядке требует наличия в конструкции коннектора, который бы отменил границу между двумя корневыми базами и превратил ее в словообразовательную базу грамматического композита. На роль коннектора могут претендовать два морфа — нулевой (ср. *капитан-лейтенант*, *адрес-календарь*, *бельфлёр-китайка*, *лорд-канцлер*, *матч-турнир*), который используется в строго определенных конструкциях типа приведенной выше конструкции с параметрическим отношением между базами (см. о параметрическом типе синтаксической связи [Барулин 2019: 50 и далее]) и {О}, с которым и должен был бы сочетаться корневой меж (ср. *межеумок*, *междоузлие* и др.). Поскольку нужного для этой конструкции коннектора в ней нет, вариант с корнем отметается. Предположим те-

перь, что меж — префикс. В этом случае он должен представлять собой конверсию проклитического предлога. Однако все русские предлоги, конвертированные в префиксы, сочетаются не с субстантивными, а с глагольными корнями. {ГАЛАКТИК} же — именной корень. Из этого следует, что и префиксальная гипотеза не проходит проверки. Остается один вариант: меж — проклитический предлог. Из этого утверждения следует, что синтаксическая связь между ним и субстантивной основой лексическая, а это значит, что присутствие лексической именной группы в морфолого-синтаксической конструкции может быть только результатом действия РОИТС: $[\textit{меж\#галактик}\oplus\textit{ами}]_{\text{infl}\rightarrow\text{л}} \rightarrow [\textit{меж\#галактик}]_{\text{PrepGroup}\rightarrow\text{SubstB}}\otimes\text{е}\otimes\text{ск}\oplus\text{ий}$. При дальнейшей обработке линейной структуры /к/ будет по морфонологическим правилам преобразовано в /ч/ и мы получим правильную морфолого-синтаксическую конструкцию. С морфолого-синтаксической точки зрения конструкции с меж ничем не отличаются от конструкций с *межд⊕у*, поэтому мы их рассматривать не будем. Единственное, что остается добавить к сравнительным характеристикам с *меж* и *между*, так это то, что они меняются местами, если рассматривать большую или меньшую универсальность их сочетаемости. Если в лексическом синтаксисе, как было показано, *между* имеет меньше ограничений в употреблении, чем *меж*, то в морфологическом синтаксисе все наоборот: *меж* менее ограничен в употреблении, чем *между*. Этот факт, но с упором на изменения частотности в употреблении *меж* и *между* во времени, является и основным итогом рассуждений авторов упоминавшейся статьи [Иткин, Пекарская 2017]. Однако мы расходимся с ними во всем, что касается утверждений о правилах выбора *меж* и *между* в композитах. Ниже это будет показано на материале.

3. К вопросу о распределении в употреблении МЕЖ и МЕЖДУ в янтарных конструкциях

Ни морфолого-синтаксических, ни семантических, ни прагматических предпосылок для формирования правил распределенности в употреблении синонимичных предлогов в янтарных конструкциях не обнаруживается. Все конструкции с ними поморфемно синонимичны. У особенно частотных композитов с этими предлогами в качестве первых их компонентов не все значения морфем могут оказаться реализованными, их полисемия в сравнении с тем, что можно было бы ожидать при задействовании всех значений морфем, входящих в конструкцию основы, оказывается суженной. В таких случаях вторые члены противопоставленных пар могут дополнять контекстное использование конструкции. Покажу это на примере пары МЕЖДУНАРОДНЫЙ и МЕЖНАРОДНЫЙ. В стихотворении Д. Хармса «Берег правый межнародный // Своемудрием сердитый // обойденный мной и сыном…» прилагательное *межнародный* обозначает ‘находящийся в месте, ограниченном территориями двух разных народов’, т. е. в значении,

близком к ‘пограничный’ (имеется в виду берег пограничной реки, Немана, который упоминается в стихотворении ниже). Использование в стихотворении именно прилагательного МЕЖНАРОДНЫЙ, а не ПОГРАНИЧНЫЙ, нужно Хармсу для того, чтобы далее сжато выразить мысль о воинственной противопоставленности картин мира приграничных народов (*своемудрием сердитый*). Указанного выше значения не могут иметь ни синонимичное *межнародному* прилагательное *международный*, лексическое значение которого сужено, ни прилагательные *пограничный* или *приграничный*, в составе которых нет морфемы, обозначающей ‘народы’. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что о лексеме с правильно построенной основой нельзя говорить как о не существующей в том или ином языке. Она в любой момент может быть воспроизведена (заново построена) носителем языка для выражения смысла, который она принципиально может выражать и который не выражается ее синонимами. Задача лингвистики состоит в том, чтобы выявлять и фиксировать правила конструирования основ из морфем, позволяющие, в частности, отличать правильные конструкции от неправильных.

В поэтических текстах важную роль в выборе того или иного члена синонимичной пары лексем играет количество слогов в каждом из предлогов.

Совершенно другие механизмы в исследуемых конструкциях определяют частотность использования того или иного предлога в композитах. Думаю, дело здесь обстоит примерно так же, как с нормативным порядком слов. Носитель языка всегда помнит о том, что нормативный порядок слов в русском языке — SVO, при этом ни синтаксис, ни семантика предложений не создают предпосылок ни для его изменения, ни для его соблюдения, но существует масса других контекстных условий, которые заставляют носителя языка изменять нормативный порядок, например структура текста, логическое выделение и т. д.

Как представляется, таким дополнительным фактором предпочтения того или другого члена синонимичной пары предлогов и конструкций с ними является метрическая структура словоформы[20], к которой относятся деление словоформы на слоги и место ударного слога в акцентном слове. Как известно, частотность той или иной единицы или конструкции определяется на материале выборки. Включение лексемы в словарь в массе своей так или иначе задает нижний порог ее частотности, если, конечно, она не идиома, поэтому было решено проверку тенденции в предпочтении выбора МЕЖ/МЕЖДУ осуществить на материале словарей.

Ниже приводится полный список лексем, обнаруженных в словарях [Ушаков 1935–1940; МАС 1999; Ожегов, Шведова 1999; Кузнецов 2000; Каленчук и др. 2018] и [Лопатин 2007]. Слова разбиты на классы, отличающиеся друг от друга характеристиками второй словообразовательной

[20] О противопоставлении метрических и сигнификативных единиц в языке см. выше.

базы, а именно, количеством слогов в ней и местом ударения. В каждом классе лексемы разделены на две колонки. В левой — конструкции с МЕЖДУ, в правой — с МЕЖ. Это позволяет сразу увидеть, какова тенденция предпочтения в употреблении этих предлогов в композитах. Под словообразовательной базой в данном случае мы будем иметь в виду морфолого-синтаксическую янтарную конструкцию, полученную с помощью РОИТС из соответствующего словосочетания (см. об этом выше).

1. 2-й компонент — односложная ударная словообразовательная база.

Междубровье	межбровье
Междугорье	межгорье
Междуглазье	межглазье
Междувластие	межфазный
Междупарье	межсловный
Междуречный	межзубный
Междуречье	межкостный
Междурядный	межшахтный
Междурядье	межклетный
Междустрочный	межплодник
Междуцарствие	межзвездный
Междузвездный	межцентровый
Междупутье	межбанковский
Междурейсовый	межвузовский
	межклассовый
	межблоковый
	межблочный
	межклановый
	межклетник
	межрамный
	межрасовый
	межсменный
	межтекстовый
	межтканевый
	межферменный
	межшкольный

2. 2-й компонент — двусложная словообразовательная база с ударением на ее первом слоге.

Междурёберный	межвременье
Междупалубный	межрёберный
Междукамерный	межрёберье
Междуведомственный	межведомственный
	Межкомнатный
	Межъярусный
	Межатомный

Межродственный
Межжаберный
Межйеменский
Межкорпусный
Межличностный
Межмодульный
Межпалубный
Межприступный
Межклеточный

3. 2-й компонент — двусложная словообразовательная база с ударением на ее втором слоге.

Междугородний
Междугородный
Международник
Международный
Междуначалие
Междусобойный
Междусобойчик
Междуусобица
Междуусобный
Междуэтажный
Междупланетный
Междугородка

межполосье
межколхозный
межобщинный
межпартийный
межбригадный
межпородный
межрайонный
межозёрье
межозёрный
межсезонье
межсоюзный
межарабский
Межквартирный
Межпланетный
Межсезонный
Межсовхозный
Межфабричный
Межэтажный
Межбюджетный
Межвоенный
Межзадачный
Межкорейский
Межкультурный
Межмашинный
Межморенный
Межремонтный
Межоконье
Межотсечный
Межпассатный
Межполосный
Межпредметный
Межпрограммный
Межрайонец

Межрегистровый
Межсегментный
Межселенный
Межсистемный
Межсословный
Межхозяйственный
Межэтажный

4. 2-й компонент — односложные словообразовательные базы с ударением за их пределами.

Межзональный
Межкраевой
Межкурсовой
Межродовой
Межэтнический
Межвидовой
Межигровой
Межсортовой
Межцеховой
Межбиржевой
Межсетевой
Межтекстовой

5. 2-й компонент — двусложные словообразовательные базы с ударением за их пределами.

Межледниковый
Межледниковье
Межнациональный
Межокружной
Межотраслевой
Межплеменной
Межсессионнный
Межъязыковой
Межчелюстной
Межвозрастной
Межзаводской
Межобластной
Межафриканский
Межостровной
Межфракционный
Межъязыковой

6. 2-й компонент — более, чем двусложные словообразовательные базы с ударением на их первом слоге.

Межуровневый

7. 2-й компонент — более, чем двусложные словообразовательные базы с ударением на их втором слоге.

Междусоюзнический

межсоюзнический
межпарламентский
межправительственный

8. 2-й компонент — более, чем двусложные словообразовательные базы с ударением более, чем на их втором слоге.

Межамериканский
Межбиблиотечный
Межгалактичекий
Межгосударственный
Межконтинентальный
Межлитературный
Межнациональный
Межпозвоночный
Межреспубликанский
Межинститутский
Межминистерский
Межмолекулярный
Межнавигационный
Межфакультетский
Межгалогенный
Междинастический
Междисциплинарный
Межиздательский
Межконфессиональный
Межкристаллитный
Межматериковый
Межмицеллярный
Межмуниципальный
Межокеанский
Межолимпийский
Межпоколенческий
Межреволюционный
Межрегиональный
Межрелигиозный
Межтерриториальный
Межучрежденческий
Межчеловеческий
Межъевропейский
Межэшелонный

9. Более, чем двухбазовые лексемы.

Межцентромер

Как видно из приведенного материала, в тенденции предпочтения выбора МЕЖ и МЕЖДУ второй предлог проигрывает первому, как правильно указывается в статье [Иткин, Пекарская 2017], во всех типах метрических конструкций. Как-то он еще держится в янтарных конструкциях с односложной ударной второй базой, с двухсложной второй базой, где ударение падает не далее, чем на второй слог второго компонента. Однако если оно передвигается за пределы второй словообразовательной базы, если второй компонент — более чем двухсложная словообразовательная база, тенденция предпочтения предлога МЕЖ становится абсолютной.

4. Заключение

Главным результатом данной работы является введение и использование теоретического аппарата для описания морфологических конструкций не парадигматическими, а синтагматическими методами, использующими, в частности, введенное И. А. Мельчуком понятие операции, действующей в метаязыке не как у Н. Хомского в качестве инструмента преобразования исходной или идеальной конструкции в реальную (такого рода операции в теории И. А. Мельчука тоже есть), а как языковое средство, подобное цепочкам сегментов, в частности, как один из видов означающего знака. В качестве полигона для испытания новых теоретических инструментов были выбраны композиты, в которых в качестве первого компонента выступают не корневые морфемы, а проклитики, которые греко-латинская парадигматическая традиция описывает как префиксы. Одной из задач статьи была аргументация точки зрения, по которой проклитики в таких конструкциях, как, например, *междуречье*, *заречье*, *поречье*, не могут трактоваться как префиксы. И предлог МЕЖДУ очень хорошо подходит для демонстрации ложности этой точки зрения. Если для таких предлогов, как ЗА или ПО, доказательство их отнесенности к классу проклитик осложняется тем, что предлоги не содержат никаких внешних признаков, указывающих на их конструктивный класс, а флексия управляемой ими словоформы элиминируется механизмом РОИТС, то с МЕЖДУ все обстоит иначе. МЕЖДУ содержит флексию, которая исчезает в грамматических композитах (ср. *междоузлие*), где морф <u>межд</u> обозначает в точности то же, что и предлог. В *междуречье* же флексия сохраняется, что означает, что компонентом композита оказывается не корневая морфема, требующая в конструкциях этого типа коннектора {O}, а целостная словоформа, языковая единица не морфологического, а лексико-синтаксического яруса. Сочетания проклитик с синтаксически связанными с ними словоформами — элемент лексико-синтаксической структуры, которая не может быть напрямую вставлена в конструкцию морфологического яруса. Для этого требуется специальное преобразование, трансформирующее структуру одного яруса в структуру другого. Преобразование это, как правило, состоит в от-

сечении последней флексии основы, что и знаменует собой преобразование лексико-синтаксической подструктуры в янтарную конструкцию, относящуюся теперь к морфологическому ярусу и приравненную к простой словообразовательной базе.

Интересным, с моей точки зрения, побочным результатом морфологического анализа предлога МЕЖДУ является обнаружение механизмов, способствовавших историческому преобразованию словоформы местного падежа двойственного числа в предлог и изменению семантики и синтактики корневой морфемы, а вместе с ними и синтактики предлога. Этот результат позволил также проследить, какие следы в семантике и синтактике современной лексемы МЕЖДУ оставило древнее двойственное число флексии.

Литература

Апресян 1967 — Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

Арутюнова и др. 1972 — Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина. Морфология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 210–258.

Барулин 1977 — А. Н. Барулин. О противопоставлении местоимений КТО, ЧТО // Тезисы конференции молодых научных сотрудников и аспирантов. М.: Институт востоковедения, 1977. С. 14–17.

Барулин 1977а — А. Н. Барулин. Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания». М.: Институт востоковедения АН СССР, 1977. С. 23–27.

Барулин 1978 — А. Н. Барулин. Модель склонения личных местоимений алюторского языка // Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 107. М.: Институт русского языка АН СССР, 1978. С. 3–8.

Барулин 1979 — А. Н. Барулин. Некоторые проблемы описания турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1979. С. 16–69.

Барулин 1980а — А. Н. Барулин. Место модели словообразования в общей модели языка // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1980. С. 9–15.

Барулин 1980б — А. Н. Барулин. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1980. С. 15–19.

Барулин 1982 — А. Н. Барулин. К проблеме описания синтаксиса словоформы (на материале турецкого языка) // Теоретические проблемы восточного языкознания. Т. 5. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 23–54.

Барулин 1983 — А. Н. Барулин. К проблеме построения семантического представления числительных в языках разных систем // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений школы-семинара. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1983. С. 172–173.

Барулин 1984 — А. Н. Барулин. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Дис. … канд. филол. наук. М., 1984.

Барулин 1985 — А. Н. Барулин. Морфосинтаксические этюды // Тезисы докладов школы-семинара «Семиотические проблемы формализации интеллектуальной деятельности». М.: Изд-во ВИНИТИ, 1985. С. 278–282.

Барулин 1988 — А. Н. Барулин. К проблеме классификации русских композитов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов и сообщений. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1988. С. 279–282.

Барулин 1990 — А. Н. Барулин. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М.: Наука, 1990. С. 51–76.

Барулин 1996а — А. Н. Барулин. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление) // Московский лингвистический журнал.1996. № 2. С. 27–53.

Барулин 1996б — А. Н. Барулин. Сверх-естественная морфология // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 107–108.

Барулин 2017 — А. Н. Барулин. О статусе и семантике так называемого «интерфикса» о/е в русских композитах // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 9. 2017. С. 79–93.

Барулин 2018 — А. Н. Барулин. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Ч. 1. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 10. 2018. С. 19–76.

Барулин 2019 — А. Н. Барулин. Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 11. 2019. С. 11–57.

Барулин, Айхенвальд 1988 — А. Н. Барулин, А. Ю. Айхенвальд. К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 36–44.

Барулин, Бронников, Чичулина 2020 — А. Н. Барулин, Г. К. Бронников, М. А. Чичулина. Об одном возможном способе описания словообразовательных отношений между полными и короткими личными именами в русском языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 12. 2020. С. 3–60.

Барулин, Кононов 1987 — А. Н. Барулин, А. Н. Кононов. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М.: Прогресс, 1987. С. 5–36.

Барулин, Шведова 2019 — А. Н. Барулин, А. А. Шведова. О корне глагола ИДТИ // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 11. 2019. С. 58–101.

Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Бодуэн 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 246–293.

Борщев, Хомяков 1976 — В. Б. Борщев, М. В. Хомяков. Клубные системы (формальный аппарат для описания сложных систем) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1976. № 8. С. 3–6.

Булыгина и др. 1972 — Т. В. Булыгина, Г. А. Климов. Уровни языковой структуры // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 92–119.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000.

Жинкин 1958 — Н. И. Жинкин. Механизмы речи / Академия педагогических наук РСФСР. Институт психологии. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958.

Жинкин 1998 — Н. И. Жинкин. Язык — речь — творчество. Избранные труды // М.: Лабиринт, 1998.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Иткин, Пекарская 2017 — И. Б. Иткин, В. Д. Пекарская. Международный скандал (сложные слова с первым компонентом *меж-* ~*между-* в истории русского литературного языка) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. XIII. Культура русской речи. М.: Институт русского языка РАН, 2017. С. 432–440.

Каленчук и др. 2018 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века, норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аст-Пресс Школа, 2018.

Кузнецов 2000 — С. А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Лопатин 2007 — В. В. Лопатин (отв. ред.). Русский орфографический словарь. М.: Институт русского языка РАН, 2007.

МАС 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.

Мельчук 1975 — И. А. Мельчук. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1975. С. 5–50.

Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach: Издательская группа «Прогресс», 1997.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach, 1998.

Мельчук 1999 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 3. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach, 2000.

Мельчук 2001 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 4. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach, 2001.

Мельчук 2006 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 5. М.; Вена: Языки славянских культур: Wiener slawistischer Almanach, 2006.

Ожегов, Шведова 1999 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Павский 1841 — Г. П. Павский. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе. СПб., 1841.

Пешковский б/г — А. М. Пешковский. Наш язык. Ч. 1. Книга для учителя. 3-е изд. М.: Госиздат, б/г.

Реформатский 1987 — А. А. Реформатский. К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова // А. А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М.: Наука. 1987. С. 90–104.

Сепир 1930 — Э. Сепир. Totality // Language monograph. 1930. № 6. P. 6–28. (Русский перевод: Целостность // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 386–408).

Смотрицкий 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Соссюр 2000 — Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

Ушаков 1935–1940 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.

Anderson 2005 — S. R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford: Oxford University Press. 2005.

Deacon 1997 — T. Deacon. The symbolic species. The co-evolution of language and the brain. N. Y.; London: W. W. Norton & Company. 1997.

Lieberman 2002 — P. Lieberman. On the Nature and Evolution of the Neural Bases of Human Language // Yearbook of Physical Anthropology 2002. Vol. 45. P. 36–62.

Pāṇini 1987 — Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Roman transliteration and English translation by Sumitra M. Katre. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987.

Статья получена 21.04.2020

Alexandr N. Barulin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
anbarulin@gmail.com

MORPHOLOGIC AMBER CONSTRUCTIONS WITH MORPHEMES {MEZH} AND {MEZHD}

The paper is devoted to morphological, morpho-syntactic, and semantic analysis of the Russian morphemes {MEZH} and {MEZHD} and compounds containing these morphemes as the first component. The analysis is based on the author's morphological theory the essen-

tials of which are given in the 1st paragraph, in development since 1977. For the adequate analysis of compounds containing the above-mentioned morphemes, the notion of recursive operation changing a taxonomic status of a language unit (ROCTS, [Barulin 2018]), or otherwise the *amber operation* for brevity, is used. The amber operation executes the taxonomic status change of any language unit, be it an ideophone, syllable, or a phrase, into the derivational base. That is, it changes the morpheme's syntactics in the way that it can move either to the higher or to the lower level in the root–clitic–affix hierarchy. Examples showing the advisability of this conversion are also provided: separable prefixes in German, or transition of the copula from root to clitic in Turkish, or transition of prepositions from clitics to prefixes in Russian, or finally, transition of clitics to root-morphs in English. The paper also deals with the issues of grouping allomorphs and variomorphs with different constructive status into a morpheme. The last part of the paper is devoted to the rules of choice between synonymic root-clitic compounds containing MEZH and MEZHDU.

Keywords: morphology, word-building, morph, morpheme, morpheme's description, morpheme's syntactics, wordform, compounds

References

Anderson, S. R. (2005). *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford University Press.

Apresyan, Yu. D. (1967). *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola*. Moscow: Nauka.

Arutiunova, N. D., & Bulygina, T. V. (1972). Morfologiia. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Obshchee yazykoznanie. Vnutrenniaia struktura yazyka* (pp. 210–258). Moscow: Nauka.

Barulin, A. N. (1977a). O protivopostavlenii mestoimenii KTO, CHTO. In *Tezisy konferentsii molodykh nauchnykh sotrudnikov i aspirantov* (pp. 14–17). Moscow: Institut vostokovedeniia.

Barulin, A. N. (1977b). Nekotorye teoreticheskie problemy, voznikaiushchie pri opisanii turetskogo imennogo slovoizmeneniia. In *Tezisy dokladov I Mezhdunarodnogo simpoziuma uchenykh sotsialisticheskikh stran na temu: «Teoreticheskie problemy vostochnogo yazykoznaniia»* (pp. 23–27). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.

Barulin, A. N. (1978). Model' skloneniia lichnykh mestoimenii aliutorskogo yazyka. *Institut russkogo iazyka AN SSSR. Predvaritel'nye publikatsii*, 107, 3–8.

Barulin, A. N. (1979). Nekotorye problemy opisaniia turetskogo sushchestvitel'nogo. In *Problemy yazykov Azii i Afriki* (pp. 16–69). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.

Barulin, A. N. (1980a). Mesto modeli slovoobrazovaniia v obshchei modeli yazyka. In *Tezisy rabochego soveshchaniia po morfeme* (pp. 9–15). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.

Barulin, A. N. (1980b). O sintaksise slovoformy (na materiale turetskogo yazyka). In *Tezisy rabochego soveshchaniia po morfeme* (pp. 15–19). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.

Barulin, A. N. (1982). K probleme opisaniia sintaksisa slovoformy (na materiale turetskogo yazyka). In I. F. Vardul', V. M. Solntsev, & Yu. Ya. Plam (Eds.), *Teoreticheskie problemy vostochnogo yazykoznaniia* (Vol. 5, pp. 23–54). Moscow: Nauka.

Barulin, A. N. (1983). K probleme postroeniia semanticheskogo predstavleniia chislitel'nykh v yazykakh raznykh sistem. In *Semioticheskie aspekty formalizatsii intellektual'noi deiatel'nosti. Tezisy dokladov i soobshchenii shkoly-seminara* (pp. 172–173). Moscow: Izd-vo VINITI.

Barulin, A. N. (1984). *Teoreticheskie problemy opisaniia turetskoi imennoi slovoformy* (Doctoral dissertation). Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow.

Barulin, A. N. (1985). Morfosintaksicheskie etiudy. In *Tezisy dokladov shkoly-seminara «Semioticheskie problemy formalizatsii intellektual'noi deiatel'nosti»* (pp. 278–282). Moscow: Izd-vo VINITI.

Barulin, A. N. (1988). K probleme klassifikatsii russkikh kompozitov. In A. I. Mikhailov (Ed.), *Semioticheskie aspekty formalizatsii intellektual'noi deiatel'nosti. Vsesoiuznaia shkola-seminar «Borzhomi-88». Tezisy dokladov i soobshchenii* (pp. 279–282). Moscow: Izd-vo VINITI.

Barulin, A. N. (1990). Tipy semantiko-sintaksicheskoi organizatsii slovoformy i raspredelenie ikh po chastiam rechi. In V. M. Alpatov et al. (Eds.), *Chasti rechi. Teoriia i tipologiia* (pp. 51–76). Moscow: Nauka.

Barulin, A. N. (1996a). K postroeniiu modeli sinteza russkikh numerativov (glubinnoe i poverkhnostno-semanticheskoe predstavlenie). *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, 2, 27–53.

Barulin, A. N. (1996b). Sverkh-estestvennaia morfologiia. In S. I. Gindin, N. P. Grintser, & E. P. Shumilova (Eds.), *Materialy mezhdunarodnogo kongressa «100 let R. O. Yakobsonu»* (pp. 107–108). Moscow: Izd-vo RGGU.

Barulin, A. N. (2017). O statuse i semantike tak nazyvaemogo «interfiksa» *o*/*e* v russkikh kompozitakh. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 9, 79–93.

Barulin, A. N. (2018). Russkoe imennoe slovoizmenenie A. A. Zalizniaka i dal'neishie puti razvitiia ego idei. Ch. 1. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 10, 19–76.

Barulin, A. N. (2019). Proekt sozdaniia tolkovo-kombinatornogo slovaria morfem. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 11, 11–57.

Barulin, A. N., & Aikhenval'd, A. Yu. (1988). K grammatike sinteza form slova. In *Sinkhroniia i diakhroniia v lingvisticheskikh issledovaniiakh* (pp. 36–44). Moscow: Nauka.

Barulin, A. N., & Kononov, A. N. (1987). Teoreticheskie problemy turetskoi grammatiki. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, 19*, 5–36.

Barulin, A. N., & Shvedova, A. A. (2019). O korne glagola IDTI. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yiazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 11, 58–101.

Barulin, A. N., Bronnikov, G. K., & Chichulina, M. A. (2020). Ob odnom vozmozhnom sposobe opisaniia slovoobrazovatel'nykh otnoshenii mezhdu polnymi i korotkimi lichnymi imenami v russkom yazyke. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie periodicheskiy zhurnal*, 12, 3–60.

Benveniste, É. (1974). *Obshchaia lingvistika*. Moscow, Progress.

Borshchev, V. B., & Khomiakov, M. V. (1976). Klubnye sistemy (formal'nyi apparat dlia opisaniia slozhnykh sistem). *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia. Ser. 2*, 8, 3–6.

Bulygina, T. V., & Klimov, G. A. (1972). Urovni yazykovoi struktury. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Obshchee yazykoznanie. Vnutrenniaia struktura yazyka* (pp. 92–119). Moscow: Nauka.

Daniel, M. A. (2000). *Tipologiia assotsiativnoi mnozhestvennosti* (Doctoral dissertation). Russian State University for The Humanities, Moscow.

Deacon, T. (1997). *The symbolic species. The co-evolution of language and the brain*. New York; London: W. W. Norton & Company.

Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Russkii yazyk; Poligrafresursy.

Itkin, I. B., & Pekarskaia, V. D. (2017). Mezhdunarodnyi skandal (slozhnye slova s pervym komponentom *mezh-* ~ *mezhdu-* v istorii russkogo literaturnogo yazyka). In A. D. Shmelev (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 13. Kul'tura russkoi rechi* (pp. 432–440). Moscow: Institut russkogo yazyka RAN.

Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., & Kasatkina, R. F. (2018). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka, norma i ee varianty* (2nd ed.). Moscow: Ast-Press Shkola.

Katre, S. M. (Transl.). (1987) *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. Delhi: Motilal Banarsidass.

Kuzminova, E. A. (Ed.). (2000). *Grammatiki Lavrentiia Zizaniia i Meletiia Smotritskogo*. Moscow: Izd-vo MGU.

Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St Petersburg: Norint.

Lieberman, P. (2002). On the nature and evolution of the neural bases of human language. *Yearbook of Physical Anthropology, 45*, 36–62.

Lopatin, V. V. (Ed.). (2007). *Russkii orfograficheskii slovar'*. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN.

Mel'čuk, I. A. (1975). Opyt razrabotki fragmenta sistemy poniatii i terminov dlia morfologii (k formalizatsii yazyka lingvistiki). In Yu. A. Shreider (Ed.), *Semiotika i informatika* (Issue 6, pp. 5–50). Moscow: Izd-vo VINITI.

Mel'čuk, I. A. (1997–1998). *Kurs obshchei morfologii* (Vols. 1–2). Moscow; Vienna: Yazyki russkoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach; Progress.

Mel'čuk, I. A. (1999). *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst»*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Mel'čuk, I. A. (2000–2006). *Kurs obshchei morfologii* (Vols. 3–5). Moscow; Vienna: Yazyki russkoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach.

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (Eds.). (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik.

Reformatsky, A. A. (1987). *Lingvistika i poetika*. Moscow: Nauka.

Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). *Russkaia grammatika. Vol. 1*. Moscow: Nauka.

Testelets, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moscow: Izd-vo RGGU.

Zaliznyak, A. A. (1980). *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (2002). *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zhinkin, N. I. (1958). *Mekhanizmy rechi*. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.

Zhinkin, N. I. (1998). *Yazyk — rech' — tvorchestvo*. Izbrannye trudy. Moscow: Labirint.

Received on April 21, 2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.3

П. А. БЫЧКОВА
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
polyatomson@gmail.com

СВОЙСТВА ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ КОНСТРУКЦИЙ *ТЫ ЧТО* И *ЧТО ТЫ**

В статье обсуждается проблема описания значения так называемых дискурсивных формул — идиоматических реакций на чужое высказывание в диалоге. Они рассматриваются с точки зрения теории грамматики конструкций и определяются в отдельный класс единиц, имеющий ряд отличительных особенностей. На материале синонимичных конструкций *ты что* и *что ты* разрабатывается структура представления семантики русских дискурсивных формул, куда предлагается включать сведения не только о характере самой реакции, но и о свойствах речевого акта-стимула. При анализе вхождений *ты что* и *что ты* в Национальном корпусе русского языка выделяются пять основных типов употреблений: 1) негативная оценка решения собеседника, 2) вопрос о причине происходящего, 3) прерывание действия или состояния собеседника (запрет на продолжение речевого акта, утешение и уговоры), 4) удивление и 5) отрицание. Этот набор употреблений дает представление о том, какой семантикой могут обладать другие выражения, принадлежащие к классу дискурсивных формул. Количественный анализ показывает, что употребления *ты что* и *что ты* по-разному распределяются между выделенными семантическими классами. Различия в функционировании этих двух формул объясняются в свете их диахронического развития.

Ключевые слова: дискурсивные формулы, грамматика конструкций, ответные реплики, полисемия, прагматикализация.

1. Введение

В данной работе будет представлено исследование русских выражений *ты что* и *что ты*. Имеются в виду следующие употребления:

(1) [Саша] А буфет там? [Ульяна] **Что вы**, Саша! Есть перед началом спектакля — дурной тон (Дура, к/ф, 2005).

Ты что и *что ты* относятся к особому типу конструкций (в понимании Грамматики конструкций, см. [Hoffmann, Trousdale 2013; Goldberg 2006;

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. Автор выражает благодарность Е. Л. Шнитке и Е. В. Рахилиной за ценные замечания относительно работы.

2016] и др.), которые мы называем ***дискурсивными формулами***, — сложным объектам, представляющим ряд трудностей и для лексикографического описания, и, как мы увидим, для Грамматики конструкций. Выбранные нами формулы близки по внешней форме и значению, но к ним сложно *впрямую* применить те хорошо разработанные (прежде всего в рамках Московской семантической школы — см. [Апресян 1974; 2014] и др.) лингвистические техники, которые применяются к «простым» квазисинонимам. Дело в том, что одним из главных свойств дискурсивных формул является изолированность, а следовательно, отсутствие синтаксического контекста внутри предложения, позволяющего сравнить их употребления. Значимый в их случае контекст, их переменные, находятся вне предложения: это предыдущие реплики других участников диалога, и для различения значений дискурсивных формул сравнивать необходимо их.

Разработка данной темы началась в рамках проекта «Русский конструктикон» — базы данных по русским конструкциям (см. [Janda et al. 2018])[1]. При классификации конструкций, попавших в базу, обнаружился подкласс синтаксически изолированных неоднословных дискурсивных реплик — таких реакций на предшествующий дискурс, как *да ну*, *вот это да*, *еще бы*, во многих случаях состоящих из служебной лексики. Выбранный для этого класса термин ***дискурсивные формулы***, как и общая теоретическая парадигма нашего проекта, восходит к Ч. Филлмору. Незадолго до выхода [Fillmore et al. 1988], положившей начало теории Грамматики конструкций, были опубликованы статьи [Fillmore 1979; 1984], где шла речь о “speech formulas” — лингвоспецифичных фразеологизованных фиксированных выражениях, обладающих прагматической функцией — например *you should talk* (≈ ’кто бы говорил’)[2]**.** Можно предполагать, что Грамматика конструкций началась именно с обсуждения дискурсивных формул.

Наряду с оценочной лексикой, дискурсивные формулы (в силу их разговорности и экспрессивности) — очень подвижный пласт языка. Они образуются стяжением часто употребляемых конструкций, в результате изменений, свойственных грамматикализации: десемантизации (с утратой композициональности), расширения контекстов употребления, декатегоризации и иногда фонетической эрозии [Heine, Kuteva 2002: 2]. Однако при-

[1] Круг конструкций, добавляемых в базу, примерно ограничен областью малого синтаксиса — это нестандартные синтаксические конструкции и синтаксические фраземы, см. [Иомдин 2013].

[2] В российской традиции термин *речевые формулы*, который был бы более близким переводом названия “speech formulas”, используется преимущественно в работах о речевом этикете и вежливости и относится к общепринятым способам приветствия, прощания, извинения, поздравления и пр. Ср., например, [Брагина 2013]. Наш материал как раз исключает такие выражения и содержит только ответы на содержание предыдущего высказывания.

обретения грамматического значения мы здесь не наблюдаем: значения дискурсивных формул не входят в так называемый грамматический набор [Плунгян 1999]. Возникающее значение — не грамматическое, а прагматическое, поэтому в отношении развития дискурсивных формул правильнее говорить о ***прагматикализации***. Этот термин встречается в работах о близких дискурсивным формулам единицах (см. [Erman, Kotsinas 1993; Aijmer 1997; Onodera 2011]) и означает процесс включения в языковую единицу отношения говорящего к собеседнику.

Говоря о смежных дискурсивным формулам явлениях, необходимо упомянуть, во-первых, так называемые *routines* (см. прежде всего [Coulmas 1981; Aijmer 1996]). Они определяются как институциональные фразы, неотрывно связанные с конкретными ситуациями в данной культуре, и в работах о них, как правило, используется социологический или антропологический подход (иногда под рутинами понимаются целые ритуализированные диалоги, как, например, — *Спасибо — Не за что* — ср. [Ameka 1987]). Так, за рутинным выражением всегда стоит социальный сценарий, который вынуждает говорящего его произнести. Этим они отличаются от совместимых с большим количеством контекстов дискурсивных формул.

Во-вторых, существует обширный класс специальных единиц — ***дискурсивных*** (или прагматических, см. [Fraser 1996]) ***маркеров*** — отдельных слов или выражений, регулирующих речь, таких как *well*, *you know*, *I mean* [Shiffrin 1982]. В отличие от дискурсивных формул, они не могут быть употреблены автономно и вступают во взаимодействие с семантикой пропозиции, задавая презумпции. То же относится к кругу единиц, который рассматривается в исследованиях русских частиц и дискурсивных слов, — см. путеводитель по дискурсивным словам [Баранов и др. 1993; Кобозева 2007] о проблеме их полисемии и [Баранов, Кобозева 1988] об использовании частиц *ну* и *да* в ответных репликах.

Есть исследования, в которых напрямую затрагивается интересующий нас языковой материал. Обратим внимание на работу [Wierzbicka 1985], где предлагается метаязык для описания иллокутивной силы высказываний. В статье отдельно обсуждаются фиксированные некомпозициональные выражения, обладающие прагматическим значением — *how dare you* (‘как ты смеешь!’) и *go and jump into the lake* (‘≈ ага, щас / еще чего’, букв. ‘пойди прыгни в озеро’). Для них предлагаются толкования, учитывающие не только намерения говорящего, но и его отношение к собеседнику и его действиям.

В работах по русской фразеологии, в частности в [Баранов, Добровольский 2009], в числе других идиом описываются такие, которые представляют собой речевые акты, ср. *так и быть* [Там же: 53], *я вас умоляю* [Там же: 562]. Однако, поскольку в этих случаях они составляют лишь небольшую часть разнородного материала, общий инструментарий описания не всегда позволяет учесть их специфические свойства.

Наконец, на русском материале очень близкий класс языковых выражений — ***коммуникативы*** выделяет И. А. Шаронов (см. [Шаронов 1997;

2016; 2018] и др.). К коммуникативам относятся любые реплики-реакции на высказывание собеседника (в том числе однословные и междометия)[3]. В подходе И. А. Шаронова акцент делается скорее на иллокутивном результате, чем на устройстве этих единиц и сопутствующих им несегментных эффектах. Так, объем класса коммуникативов и подход к их описанию отличается от предлагаемого нами.

В рамках нашего проекта о дискурсивных формулах поставлено несколько разных задач, а именно:

а) классификация формул по значению;

б) исследование процессов их прагматикализации;

в) описание связанных с ними интонации и жестов (см. [Бычкова и др. 2019]);

г) соотнесение высказываний-стимулов с типами речевых актов;

д) составление базы данных;

е) типологическое исследование, поиск переводов.

В настоящей работе мы остановимся на семантических и прагматических аспектах. Будучи полисемичными, формулы *ты что* и *что ты* хорошо подходят в качестве пилотного материала для решения данных задач: они представляют сразу несколько классов дискурсивных формул. Профилем каждого класса является комбинация типа речевого акта, который представляет собой формула в конкретном значении (с этой точки зрения анализируются коммуникативы в подходе И. А. Шаронова [Мосалева, Шаронов 2017]), и набора возможных речевых актов, которые выступают в качестве ее стимулов (близкая идея лежит в основе описания употребления финских ответных частиц в [Sorjonen 2001][4]). Анализ будет производиться с опорой на данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и позволит определить структуру семантического описания для будущей базы данных, которая составляется на основе списка русских дискурсивных формул, полученного в работе [Пужаева и др. 2018].

2. Классификация употреблений ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ

Как и другие дискурсивные формулы, *что ты* и *ты что* находятся на периферии словарного описания. Если в лексикографической статье о местоимении *что* упоминается выражение *что ты*, толкование обычно ограничивается перечислением основных его значений, ср. в [Ожегов, Шведова 2003]: «*Что ты (вы)!* — выражение удивления, испуга или возражения».

[3] В работе [Колокольцева 2001: 69] в качестве прототипических коммуникативов рассматриваются *да* и *нет*.

[4] Автор благодарит анонимного рецензента за ссылку на эту работу, которая посвящена несколько другому материалу, но по методологии очень близка нашей.

В [Шаронов 2002] на примере междометий обсуждаются проблемы такого общего описания. Во фразеологических словарях эти значения могут рассматриваться отдельно — в частности, в [Лубенская 1997: 802] у *что ты* выделяются три: удивление или испуг, скептическая реакция на слова собеседника — и несогласие или отрицание. Согласно статье, первому из них свойственно употребление с частицей *да*, а двум другим — с частицей *ну*. Вариант *ты что* при этом не упоминается.

По данным НКРЯ, для обеих дискурсивных формул *ты что* и *что ты* существует вариативность: слово *что* может стоять в форме родительного падежа (*ты чего* и *чего ты*), а в начале могут добавляться частицы *ну* и *да* (*ну что ты!*, *да что ты!*, *да чего ты!* и т. д.). Вместе с тем *ты что* и *что ты* взаимодействуют с двумя этими параметрами по-разному.

Вариант формулы с вопросительным словом в родительном падеже намного более характерен для *ты что*/*чего*, чем для *что*/*чего ты* (см. Таблицу 1). Поскольку использование лексемы *что* в форме родительного падежа вместо формы винительного является маркированным разговорным явлением (ср. помету «сниженное» в [Лопатин, Иванова 2012: 819]), данный факт должен говорить о большей маркированности этой формулы.

Таблица 1

Количество вхождений вариантов формул *ты что* и *что ты* в основном корпусе НКРЯ с 2000 по 2015 г. χ^2 = 18.943, df = 1, p-value = 1.347e-05

	ты _____	_____ ***ты***
что	339	**153**
чего	**203**	38

Что касается сочетаемости с частицами, *ну* значительно чаще встречается со *что ты*, а сочетания с *да* скорее свойственны *ты что* (см. Таблицу 2). Эти частицы помогают в различении значений формулы.

Таблица 2

Количество вхождений формул *ты что* и *что ты* с частицами в НКРЯ с 2000 по 2015 г. χ^2 = 54.617, df = 2, p-value = 1.381e-12

	ты что	***что ты***
да ___	**114**	20
ну ___	16	**34**
ø	412	137

Для описания полисемии формул *ты что* и *что ты* мы составили таблицу, где каждое из употреблений, зафиксированных в основном корпусе НКРЯ с 2000 по 2015 г., описывается по модели, схожей с моделью описания речевых формул, предложенной в [Fillmore 1984]. В этой таблице указывался стимул — действие или речевой акт собеседника, реакцией на которые является формула, прагматический контекст — исходная информация о представлениях говорящего и о ситуации диалога, — и функция, которую приобретает формула в этом контексте.

Очевидно, что некоторые типы употреблений имеют между собой больше общего, чем другие, и далее мы предложим их классификацию.

Все употребления выражений *что ты* и *ты что* (пока для простоты мы будем считать их вариантами одной формулы, см., однако, ниже раздел 3, где речь пойдет об их различиях) можно разделить на пять больших классов. Первые три из них включают в себя употребления формулы как реакции на неправильную с точки зрения говорящего ситуацию (возникшую в результате действий или высказывания собеседника). Реакция может быть трех видов:

а) простое выражение отношения говорящего к ситуации;

б) вопрос о причине происходящего;

в) попытка изменить ситуацию — повлиять на собеседника.

Мы перечисляем их в таком порядке по усилению перлокутивности, а не потому, что каждое следующее производно от предыдущего. Наверняка исходным среди этих трех типов употреблений все-таки был вопрос: на это указывает и составляющая *что* внутри формул. Для удобства мы дадим названия каждому виду употреблений: первый (выражение оценки) будет далее называться ‘с ума сошел!’, второй (вопрос) — ‘в чем дело?’ и третий (попытка остановить) — ‘перестань!’.

Два других класса употреблений — удивленная реакция на новость (‘неужели?’) и выражение несогласия с предположением собеседника (‘нет, конечно’).

2.1. Класс ‘с ума сошел!’ (отрицательная оценка)

С т и м у л 1: сообщение собеседника о принятом им решении (в терминах речевых актов — комиссив [Searle 1975]):

(2) — [девочка-подросток, перед уходом из дома] Мам / я не одену куртку / жарко. — **Да ты что!** Холод собачий! (Домашние разговоры, 1991–2002).

С т и м у л 2: предложение собеседника, обращенное к говорящему.

(3) — Ой / Волк! Давай лучше мы его съедим. — **Да что ты** / **что ты** / он же такой маленький (Волк и теленок, м/ф, 1984).

Семантический фон и презумпции участников:

- отрицательная оценка связана с тем, что обсуждаемое действие, по мнению говорящего, должно иметь негативные последствия для собеседника, самого говорящего или некоторого третьего участника событий, ср.:

(4) — Пошли домой! — **Ты что!** Сейчас же поймают, бить будут! (М. Тырин. «Будет немножечко больно», 2014)

- решение собеседника, с точки зрения говорящего, выходит за рамки нормального поведения и противоречит здравому смыслу;
- произнося формулу, говорящий ставит себя в позицию более разумного и здравого человека, чем тот, кому он ее адресует, предполагая, что его точка зрения, в отличие от точки зрения адресата, опирается на некоторые универсальные представления о том, как полагается поступать. Неслучайно формула в этих употреблениях часто дополняется фразами *опомнись*, *с ума сошел* и т. п. — как, например, в (5):

(5) Хоть бы мумий мой пропал тоже. — **Опомнись**, **ты что?** — удивилась Татьяна ⟨…⟩ (А. Слаповский. Синдром Феникса, 2006).

Семантика:

— ‘говорящий считает, что планируемое собеседником действие неправильно и необдуманно;
— до сих пор говорящий считал, что собеседник и сам это понимает, и удивлен тому, что это не так;
— говорящий призывает собеседника трезво оценить происходящее и перенять его точку зрения’.

Наличие этих компонентов в значении *ты что* и *что ты* можно продемонстрировать, например, сравнив их с квазисинонимичной дискурсивной формулой ***ну ты даешь***. Она тоже выражает удивление по поводу действий собеседника и тоже представляет их оценку как выходящих за рамки ожидаемого, однако не может передавать беспокойства за собеседника (потому что в значении формулы не содержится предположения о том, что совершить такое действие может только человек, который находится не в себе) и скорее выражает собственную точку зрения говорящего, без ее соотнесения с общественными нормами, в связи с чем в зависимости от контекста легко меняет характер оценки на положительную.

2.2. Класс ‘в чем дело?’ (вопрос)

Стимул 1: действие или сообщение собеседника о принятом решении.

Семантика 1: ‘вопрос о причине происходящего с собеседником; удивление’.

Семантический фон и презумпции: действия или намерения собеседника отличаются от ожиданий говорящего, но представляются ему объяснимыми.

Говорящий при помощи формулы выражает свое удивление, но не дает действиям собеседника отрицательной оценки. Хотя ему неизвестна конкретная причина, по которой собеседник совершает действие, он полагает, что у собеседника могли быть разумные на это основания:

(6) Уже поздно вечером я заплакала. — **Что ты?** — подошла мама (М. Трауб. Плохая мать, 2010).

Стимул 2: повелительное высказывание — команда, просьба. Ср., например, требование остановиться, как в (7).

Семантика 2: ‘говорящий, произнося формулу, задает вопрос о том, чем обусловлено требование собеседника’:

(7) — Тормози! — прикрикнул Егор. — **Чего ты?** — Паша остановился. — Назад подай! (С. Шаргунов. Чародей, 2008).

Стимул 3: вопрос, на который, по представлениям говорящего, собеседник должен был бы и сам знать ответ.

Семантика 3: ‘говорящий интересуется, почему вопрос был задан’:

(8) — Полетные листы — где? — Какие листы? — искренне удивился Волков. — Как какие? **Ты что?** Первый раз летишь? (М. Ходаренок. Зенитные ракетные страсти, 2001).

Стимул 4: самое первое в диалоге обращение к говорящему или просто появление собеседника, в котором читается намерение вступить в контакт.

Семантика 4: ‘говорящий вступает в контакт и одновременно интересуется, для чего собеседнику понадобилось с ним заговорить’:

(9) — Валька, привет! — Привет-привет! **Ты чего?** — Я тебя ищу (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч, 2004).

2.3. Класс ‘перестань!’

Употребления этого класса делятся на три подгруппы: первая больше напоминает класс ‘с ума сошел’, а вторые две — ‘в чем дело?’.

Стимул 1: речевой; наиболее частый контекст — собеседник затрагивает некоторую табуированную тему, например заговаривает о собственной смерти, как в (10).

Семантика 1: ‘говорящему становится дискомфортно; он не хочет, чтобы собеседник продолжал говорить на начатую им тему’:

(10) — Мам, похорони меня в Павловском Посаде. — Ой, **что ты!**.. Что ты говоришь? (Н. Мордюкова. Казачка, 2005).

Стимул 2: собеседник демонстрирует, что обижен на говорящего, расстроен или встревожен.

Семантика 2: ‘утешение; говорящий знает о существовании проблемы, которая вызывает у собеседника негативные чувства. Он хочет, чтобы собеседник почувствовал себя лучше, и считает возможным охарак-

теризовать проблему как недостаточно существенную — прибегает к стратегии девалоризации’:

(11) ⟨…⟩ Ритка получила четверку. Страшна была не четверка, а рыдающая Ритка ⟨…⟩ — Ритк, **ты чего?** — утешал ее Витька. — Перестань (М. Трауб. Не вся la vie, 2008).

Заметим, что произнесение формулы *ты что* или *что ты* в качестве утешения или ободрения неуместно при большом горе или смертельной обиде: в этих случаях неуместна девалоризация. А вот, например, выражения *не плачь*, *не бойся*, *не обижайся* и даже, возможно, *не волнуйся*, которые могут быть реакцией на те же стимулы и тоже произносятся с целью облегчения переживания для собеседника, его причину не обесценивают и поэтому допустимы в «серьезных» контекстах.

Стимул 3: собеседник отказывается выполнить просьбу говорящего[5].

Семантика 3: ‘уговоры, попытка представить просьбу незначительной’:

(12) — Ну пусть он пойдет с нами, а? — [Нет] — **Ну что ты?** А? (Т. Набатникова. День рождения кошки, 2001).

2.4. Класс ‘неужели’ (реакция на новость)

Стимул: новость — сообщение о событии или обстоятельствах, о которых, в представлении собеседника, еще неизвестно говорящему.

Семантика формулы:

- информация до сих пор была неизвестна говорящему и актуальна для него;
- он не ожидал ее услышать;
- он принял услышанное на веру, сказанное собеседником изменило его представление о ситуации;
- он дает оценку событию — как радостному (13), так и неприятному (14).

(13) — Он завтра прилетает! — **Да ты что!** — заулыбался Степан ⟨…⟩. (А. Геласимов. Дом на Озерной, 2009);

(14) — Живот болит, — буркнула я. — **Да ты что!** — Неподдельный восторг слегка подернулся налетом сочувствия (Г. Рудых. Такой устойчивый мир, 2002).

В случае если в утверждении речь идет о самом собеседнике, при помощи формулы заодно проявляют эмпатию — радость за него или сочувствие.

---

[5] В списке русских дискурсивных формул (см. [Пужаева и др. 2018]) встречаются и другие формулы, которые требуют трехчастной структуры диалога, то есть такие, для которых релевантна не только непосредственно предыдущая реплика, но и предшествующая ей (например, формула *А что тут такого!* может быть только ответом на удивление собеседника собственному высказыванию говорящего).

2.5. Класс ‘нет, конечно’ (отрицание)

Стимул 1: оценочное суждение, мнение относительно некоторого вопроса.

Семантика 1: ‘несогласие с собеседником’ (дальше говорящий обязательно высказывает свою альтернативную позицию):

(15) Я без ума от Евгения Миронова! ⟨…⟩ — Юрий Яковлев был лучше ⟨…⟩ — **Да ты что!** ⟨…⟩ Женечка — гений ⟨…⟩! (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда», 2004).

Говорящий дискредитирует высказывание собеседника, дает понять, что он лучше осведомлен в вопросе (эта семантика пересекается с употреблениями класса ‘с ума сошел’). Сохраняется общий для всех классов компонент нарушения ожидания: говорящий удивлен, что точка зрения собеседника отличается от его собственной (= правильной). Это усиливает его высказывание и объясняет возможность употребления формулы совместно со стандартным показателем отрицания *нет*.

Стимул 2: общий вопрос или высказанное в утвердительной форме предположение о некотором положении дел; подозрение.

Семантика 2: ‘отрицательный ответ на вопрос, опровержение предположения’ (возможно изолированное употребление):

(16) [Люба] Вы учились играть на аккордеоне? [Полетаев] **Ну что вы**. Я слухач-самоучка (П. Тодоровский. Анкор, еще анкор, к/ф, 1992);

(17) [Доктор Симпсон] Он слеп? [Один из горожан] **Ну что вы** / сэр / декан прекрасно видит. Но часто видит всё наоборот (Марк Захаров и др. Дом, который построил Свифт, к/ф, 1982).

Семантика 2’: ‘утвердительный ответ на вопрос; отрицание распространяется на содержащуюся внутри вопроса презумпцию — предположение, что возможны разные варианты ответа’:

(18) — Ну а что он вообще — мужчина-то настоящий? — **Что ты!** Обеспечен прекрасно! (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008).

Стимул 3: совет, высказывание с директивным компонентом.

Семантика 3: ‘отказ следовать совету, указание на очевидную, с точки зрения говорящего, невозможность или бессмысленность осуществления предложенного’:

(19) — А ты его отдай в спортивную секцию, — посоветовала Екатерина Андреевна. — **Да ты что?** От спорта мозги атрофируются (М. Трауб. Нам выходить на следующей, 2011).

Стимул 4: предложение угощения или помощи («комиссивный» директив — от адресата речевого акта требуется только санкциони-

ровать действие говорящего, бенефициантом которого будет являться он сам).

Семантика 4: ‘отказ из соображений вежливости’:

(20) [Учительница] Угощайтесь / девочки! [Марина] **Ну что вы**… [Девочка1] **Ну что вы** / Маргарита Ивановна! (Р. Быков, В. Железников. Чучело, к/ф, 1983);
(21) — Помоги гостю, Наташа, — голос старухи стал низким и властным. — Я сам, спасибо, **что вы!** (Н. Катерли. Все что угодно, 1981).

Стимул 5: Извинение (22), комплимент (23)–(24).

Семантика 5: ‘девалоризация ситуации, послужившей поводом для речевого акта собеседника; девалоризация самого речевого акта собеседника’.

(22) [Майор] Спасибо / товарищи / извините. Вы свободны. [Понятой] **Ну что вы / что вы** / да сколько угодно (В. Сергеев, И. Агеев. Гений, к/ф, 1991);
(23) [Мать Леонидия] Хорошеешь! [Анастасия] **Ну что вы!** (С. Дружинина и др. Гардемарины, вперед!, к/ф, 1987);
(24) [Хоботов] Вы… вы прекрасно кололи. [Людочка] **Ну что вы**. [Хоботов] Вы знаете / я ничего не почувствовал (М. Козаков, Л. Зорин. Покровские ворота, к/ф, 1982).

Обобщенные сведения о выделенных типах употребления формул *ты что* и *что ты* представлены в Таблице 3.

Несмотря на то что при описании возможных значений *ты что* и *что ты* мы разделили их на группы, нужно понимать, что все они близко связаны и выводятся из вопросительной семантики.

То, что обе эти формулы развивают перечисленные значения, на самом деле не удивительно. Если мы возьмем любой другой специальный вопрос, например *куда ты идешь?*, мы обнаружим у него похожий риторический потенциал: он может быть невинным вопросом о том, куда направляется собеседник, выражением недовольства без вопросительной прагматики (‘с ума сошел’), а может выражать намерение остановить собеседника (‘перестань’)[6]. Образование новых значений формул происходит при изменении контекста — и здесь, конечно, играет роль их дискурсивность, автономность и связь с прагматикой.

[6] Эквиваленты переходам, произошедшим в двух оставшихся классах употреблений *ты что* и *что ты*, — удивлению и отрицанию — найти уже сложнее. По всей видимости, в них все-таки сохраняется составляющая речи — ‘что ты говоришь’. Это коррелирует и с тем обстоятельством, что стимулом для произнесения формул в этих двух классах, в отличие от ‘с ума сошел’, ‘что с тобой?’ и ‘перестань’, может быть только речевой акт, но не ситуация.

Таблица 3

Типы употребления формул *ты что* и *что ты*

Класс употребления	Тег	Стимул	Пример
осуждение	‘с ума сошел’	сообщение о решении (комиссив)	*— Ты что! — закричала в ответ Нина Михайловна ⟨…⟩ — Ты как с матерью разговариваешь, скотина!* («Новый мир», 2001)
вопрос	‘в чем дело’	сообщение о решении, команда, вопрос (появление собеседника, обращение к говорящему)	*— Здравствуй и ты, — глухо произнес Мэбэт и сел напротив. — Чего ты? — обиженно, но все же радостно сказал Езанга* («Новый мир», 2011)
уговоры	‘перестань’	плач, обида или отказ выполнить действие	*— Давай / распаковывай чемодан! Всё! — Ну ладно / Вася чё ты? Ну чё ты / ну на кой чёрт он те / галстук-то?* (Любовь и голуби, к/ф, 1984)
удивление	‘неужели’	новость	*— А / Алёнку переманили в Инглиш-фёрст ⟨…⟩ — Да ты что!* (Телефонный разговор с однокурсницей, 2015)
несогласие	‘нет, конечно’	оценочное суждение, предположение, совет, предложение услуги, комплимент или извинение	*— Я думал… что… я один такой. — Что ты. Нас много* (Ночной продавец, к/ф, 2004)

3. Различия в употреблении ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ

В исследованном материале и *ты что*, и *что ты* встретились во всех описанных типах контекстов[7]. Однако формулы распределены по этим контекстам неравномерно, и одни контексты значительно больше свойственны *ты что*, а другие — *что ты*. Употребление формулы в менее характерном для нее контексте сопровождается более маркированной интонацией.

В размеченной нами выборке, состоящей из 725 примеров в основном корпусе НКРЯ за 2000–2015 гг., 537 были вхождениями дискурсивной формулы *ты что* (сюда же относятся *ты чего* и все их комбинации с час-

[7] Нашей исходной гипотезой было, что в определенных контекстах исключено употребление одной из формул. Однако анализ корпуса показал обратное. Ср., например, формулу *что ты* в на первый взгляд несвойственном ей вопросительном значении: [Вера ⟨разговаривает по телефону⟩] У вас всё в порядке? Хорошо. Да. Конечно / звоните. ⟨приходит Витя, Вера обращается к нему⟩ **Что ты?** [Витя] Мам / можно я Сименона возьму? [Вера] Возьми (В. Аристов, Д. Асанова. Жена ушла, к/ф, 1979).

тицами *ну* и *да*), а 188 — *что ты* (и таких же ее вариаций). Результаты разметки можно увидеть в Таблице 4. При статистической проверке распределения мы следуем методу, который подробно описан в [Janda, Lyashevskaya 2013]. Те полученные из выборки числовые значения, которые значимо превосходят ожидаемые, в таблице выделены полужирным шрифтом.

Таблица 4

Типы употреблений, притягивающиеся конструкциями *ты что* и *что ты*

	N вхождений в выборке		**Ожидаемое значение**		**Критерий Фишера**	
Значение формулы	*ты что*	*что ты*	*ты что*	*что ты*	p-value[8]	95 % доверительный интервал
‘с ума сошел’	**[+] 150**	5	**115**	40	2.516e-16	5.7 — 44.7
‘нет, конечно’	71	**[+] 97**	124	**43**	< 2.2e-16	4.8 — 10.7
‘в чем дело?’	**[+] 208**	30	**177**	61	4.631e-09	2.1 — 5.3
‘перестань’	49	**[+] 45**	70	**24**	8.453e-07	2 — 5
‘неужели’	**[+] 55**	8	**47**	16	0.01495	1.2 — 6.3
Всего:	537	188	537	188		

Согласно подсчетам, формула *ты что* сильнее всего притягивает употребления в значении ‘с ума сошел’. Также для этой конструкции несколько более, чем для *что ты*, характерны употребления, относящиеся к типу ‘в чем дело?’ и ‘неужели’.

Конструкция *что ты* притягивает употребления в значении ‘нет, конечно’ — количество вхождений превышает ожидаемое значение более чем в два раза, и вероятность случайности такого распределения очень низка. Значение ‘перестань’ также больше свойственно конструкции *что ты* — за счет употреблений, где эта формула используется в качестве утешения.

Более наглядно различия показаны на рисунке 1: например, процент употреблений *что ты* в качестве отрицания от общего числа вхождений *что ты* значительно выше, чем соответствующий показатель у *ты что*.

Итак, для *ты что* характернее всего самый экспрессивный класс употреблений — ‘с ума сошел’, а для *что ты* — более оценочно нейтральные классы отрицания, утешений и уговоров. Это отображает разницу в природе двух дискурсивных формул: в принципе, даже в одном и том же классе употребления *ты что* имеет более агрессивный и грубый оттенок, чем *что ты*. Мы считаем, что причина расхождения лежит в истории развития этих дискурсивных формул.

[8] Вероятность, что соотношение между полученным значением и ожидаемым могло бы быть таким же, если бы закономерности между вариантом конструкции и семантическим классом употреблений не существовало. Низкое p-value свидетельствует о статистической значимости, то есть неслучайности распределения.

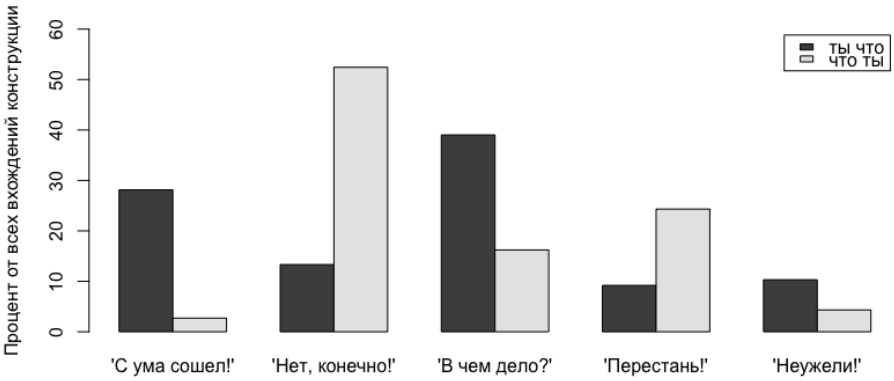

Рис. 1. Сравнение распределения вхождений *ты что* и *что ты* по семантическим классам

4. История формирования ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ как дискурсивных формул

4.1. Время появления дискурсивных формул ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ

Формулы *что ты* и *ты что* появились в языке не одновременно. Формула *что ты* начинает встречаться в текстах с середины XVIII в. Первые ее вхождения найдены в пьесах А. П. Сумарокова 1750-го г. — самых ранних драматургических произведениях НКРЯ:

(25) **Что ты**, мать моя, не с ума ли сошла? (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой, 1750).

Передача устной речи нечасто встречается в других жанрах текстов того времени, и формула могла существовать в разговорном употреблении значительно раньше.

Первое вхождение формулы *ты что* (26), на первый взгляд очень похожее на (25), относится к тексту 1817-го г.

(26) Ты, душенька, ⟨…⟩ поступай по-нашему просто, ⟨…⟩ а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. (Жене) **Ты что**, моя душа! не сердишься? (А. С. Грибоедов. Студент, 1817).

Далее, в середине XIX в., для обеих формул появляются варианты с формой *чего* вместо *что*:

(27) Вставай... **Да чего ты**? о чем плачешь-то? (Д. В. Григорович. Переселенцы, 1855–1856);

(28) **Ты чего?** — закричал он дрожавшему от страха Гавриле, вошедшему в комнату (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели, 1859).

И *что ты*, и *ты что* произошли от обычных вопросительных конструкций — *что ты VP?* и *ты что VP?*. Произошедшая редукция глагольной группы объясняется избыточностью обозначения действия собеседника: это тот же эффект, что, например, в вопросе *куда ты* [идешь]*?*.

Несмотря на сходство конструкции *что ты VP?* и *ты что VP?*, мы считаем, что производные от них формулы сначала существовали как разные и до сих пор сохраняют некоторые семантические доминанты, которые позволяют их различить даже в одинаковых контекстах.

4.2. Путь развития дискурсивной формулы ЧТО ТЫ

Исторически дискурсивная формула *что ты* — это простой вопрос. Ее каноническая семантика представлена примерами из числа самых первых вхождений *что ты* в корпусе:

(29) Федька (вбегает). Ох! прости, господи! какая тяжелая рука! Звёздова. **Что ты?** Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось (А. С. Грибоедов. Студент, 1817).

Классические вопросительные предложения имеют характерный сдвиг в сторону риторического вопроса. Первое риторическое значение формулы *что ты*, которое мы встречаем в корпусе, — это негодование, обращенное на собеседника, негативная оценка:

(30) Дюфиза. ⟨…⟩ стыдно показать, написано не на синей и на красной бумаге, на белой. Деламида. **Что ты, мать моя, не с ума ли сошла?** Уж по белой бумаге писать стала (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой, 1750).

В первой половине XIX в. у *что ты* возникает целый кластер риторических значений — отрицательное (31), удивление (32) и прохибитив (33).

(31) — Пехотинец? — **И! Что ты?** верно, кавалерист (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830);
(32) ⟨…⟩ Дементий ⟨…⟩ тотчас [сказал] что искомый офицер есть его барин. — Как так? **Что ты?** Врешь! Неужто? (М. П. Погодин. Невеста на ярмарке, 1827–1832);
(33) Младший намеревался было обратиться в бегство, но старший вскричал: — **Что ты?** чего испугался? (В. Т. Нарежный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам, 1825).

Установить очередность их появления затруднительно, поскольку корпус фиксирует только небольшое число употреблений *что ты* — за весь период с ее первого вхождения в корпусе до 1825-го г. найдено меньше тридцати примеров.

4.3. Путь развития дискурсивной формулы ТЫ ЧТО

Возникновение формулы *ты что* происходит в результате инверсии личного местоимения по отношению к вопросительному слову в исходной конструкции *что ты VP?*.

В начале существования формулы инверсия связана со смещением фокуса. Так, характерным историческим употреблением является переключение внимания на собеседника. Например, это происходит в случае, когда собеседник спрашивает говорящего о том, как он поживает, а говорящий в ответ спрашивает собеседника о его жизни. В таких контекстах очевидно наличие противопоставления, и оно часто маркируется противительными частицами *а* и *да*. Ср. также близкий недиалоговый контекст — в нем происходит переключение с некоторых других референтов на собеседника:

(34) Элиза приготовляется къ смерти мученической, и уже написала мнѣ трогательное прощаніе. **Ты́ что?** Вышелъ-ли Фон-Визинъ изъ Ценсуры и поступилъ-ли въпечать (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 1831.07.03).

Именно переключение референтов и противопоставление им собеседника проявляется в самом первом вхождении дискурсивной формулы *ты что* в НКРЯ 1817-го г. (26), где говорящий по очереди обращается к нескольким людям и, обращаясь к последнему, произносит формулу. В таких примерах *ты* — ударное, а местоимение *что*, вопреки обыкновению, выступает в роли клитики. Такое *ты́ что?* эквивалентно *а ты́ что?* — акцент выделяет первое слово точно так же, как его выделяет сочетание с *а* или *да*.

Как мы видим, первое значение — обращение к собеседнику, переключение на него внимания. Появление употреблений *ты что* в качестве вопроса о причине действия и без заметной семантики противопоставления происходит позже — во второй половине XIX в., см. первое вхождение:

(35) Савва посидит-посидит и вдруг, без всякой видимой причины, пересядет на другое место. — **Ты чего?** ⟨…⟩ Чего ты не посидишь толком, Савва? (Н. Н. Златовратский. Крестьяне-присяжные, 1874).

В ранних вхождениях формулы есть еще один характерный контекст, в котором не говорящий обращается по очереди к разным людям, а наоборот: у него есть несколько потенциальных собеседников, например посетителей, и он выясняет, что нужно каждому из них:

(36) Так выпроводил великий князь всех своих дельцов-домочадцев, кроме дворецкого. Русалка остался и умиленно посмотрел на великого князя, как бы хотел доложить ему, что имеет надобность нечто сказать. — **Ты что?** — спросил Иван Васильевич (И. И. Лажечников. Басурман, 1838).

В этой ситуации естественно, чтобы такой вопрос со стороны говорящего выражал не только намерение узнать о том, что у собеседника к нему

за дело, но и — риторически — раздражение на него из-за очередного обращения.

Сдвиг вопроса в риторическую зону может провоцировать появление не одного значения, а кластера значений, как это произошло со *что ты*. Однако у *ты что* был особый, собственный порядок возникновения этих риторических употреблений. Мы считаем, что это обусловлено противительной семантикой, которая изначально стимулировала инверсию.

Развитие «раздраженного» употребления (выражения негативной оценки) происходит у *ты что*, как и у *что ты*, первым:

(37) **Ты что?** аи, вздумал бунтовать против начальников? (М. Н. Загоскин. Брынский лес, 1846).

Употребления формулы *ты что* в качестве отрицания и реакции на новость (причем для реакции на новость — только в сочетании с частицей *да*)[9] развиваются значительно позже, чем у *что ты*. До середины XX в. в нашей выборке встречались лишь единичные примеры, что соотносится с тем, как в этот период изменилось соотношение частотности обеих формул — см. рис. 2.

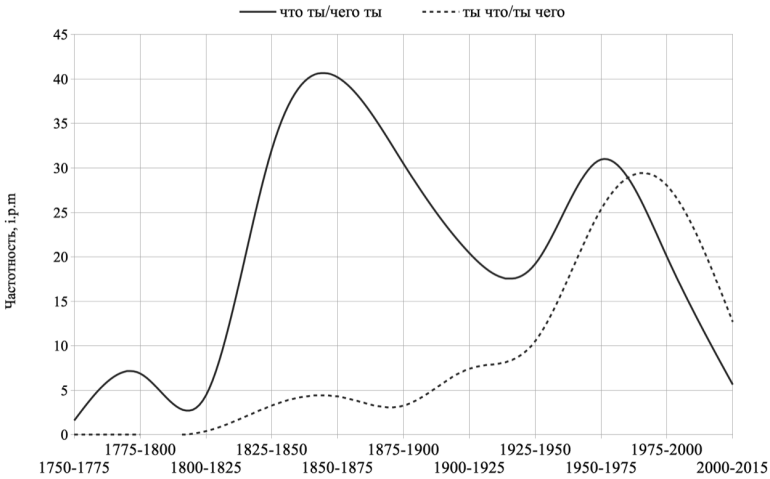

Рис. 2. Изменение частотности *ты что* и *что ты*

Очевидно, что позднее появление двух значений *ты что* произошло под влиянием уже имеющейся семантики у *что ты*, в результате смешения этих двух формул, которое оказалось возможно из-за совпавшего у них значения выражения негативной оценки (употреблений класса ‘с ума сошел’)[10].

[9] Частицы *да* и *ну* помогают поддерживать распределение обеих дискурсивных формул по контекстам.

[10] Одного формального сходства для такого сближения было бы недостаточно, ср. *да ну* и *ну да*.

Поскольку *ты что*, в отличие от *что ты,* — исходно вторая реплика, реакция на то, что собеседник вступает в коммуникацию, она все еще содержит отпечаток противительности. То, что говорящий произносит высказывание, вызвано обстоятельствами; у него нет исходной цели выяснить что-то у собеседника. А для *что ты* первична семантика обычного вопроса, который, в отличие от вопроса-реакции, является инициативой спрашивающего. Поэтому даже если рассмотреть употребления в одном и том же значении, где формула выражает негативную оценку, *ты что* будет более маркированным, чем *что ты*, и поэтому, как было показано в предыдущем разделе, формула *что ты* больше характерна для выражения сочувствия, а *ты что* — для демонстрации раздражения. Кстати, *что ты* чаще встречается с вопросительным знаком, а *ты что* — с восклицательным, см. рис. 3.

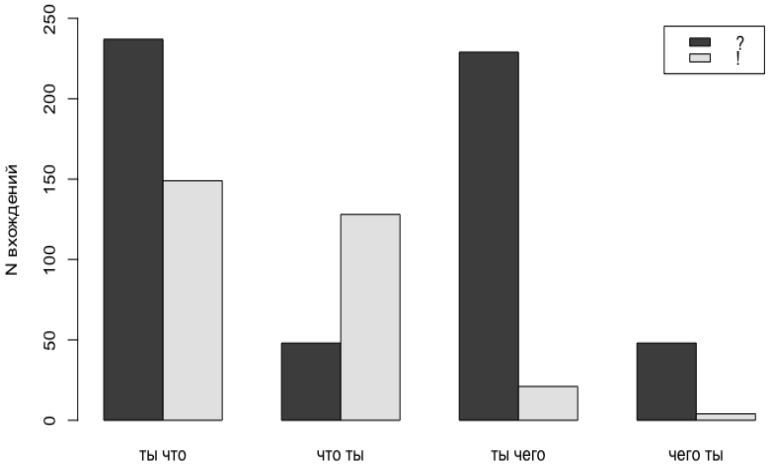

Рис. 3. Количество вхождений конструкций с восклицательным и вопросительным знаками в основном корпусе НКРЯ с 2000 по 2015 г.

5. Заключение и перспективы работы

В статье были проанализированы конструкции *ты что* и *что ты* как примеры класса дискурсивных формул. Показано, что исторически они восходят к вопросительным предложениям, которые подверглись прагматикализации. Подробно рассмотрены употребления *ты что* и *что ты*, релевантные для современного русского языка, и предложена их классификация на основе типов речевых актов, представленных в предшествующих репликах.

Представленное описание *ты что* и *что ты* уже используется в качестве прототипа в создаваемой нами базе данных дискурсивных формул.

Важнейшая характеристика дискурсивных формул, которой невозможно было уделить должного внимания в тексте данной статьи, — лингвоспецифичность. В рамках нашего проекта уже запущено исследование дискурсивных формул с применением лексико-типологического подхода [Рахилина, Резникова 2013]. Оно позволит глубже понять классификацию употреблений дискурсивных формул внутри одного языка и увидеть неочевидные семантические связи между ними, а полученные результаты можно будет использовать на практике — при переводе и преподавании иностранного языка.

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Апресян 2014 — Активный словарь русского языка. Т. 1–2 / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Баранов и др. 1993 — А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.

Баранов, Добровольский 2009 — Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009.

Баранов, Кобозева 1988 — А. Н. Баранов, И. М. Кобозева. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенсиональности. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 45–69.

Брагина 2013 — Н. Г. Брагина. Невежливость как ритуал (речевые формулы антикоммуникативного поведения) // Ритуал в языке и коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 45–55.

Бычкова и др. 2019 — П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки, 2019. С. 257–284.

Иомдин 2013 — Л. Л. Иомдин. Некоторые микросинтаксические конструкции в русском языке с участием слова *что* в качестве составного элемента // Јужнословенски филолог. 2013. Т. 69. С. 137–147.

Кобозева 2007 — И. М. Кобозева. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 250–255.

Колокольцева 2001 — Т. Н. Колокольцева. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Перемена, 2001.

Лопатин, Иванова 2012 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.

Лубенская 1997 — С. И. Лубенская. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.

Мосалева, Шаронов 2017 — С. В. Мосалева, И. А. Шаронов. Особенности употребления коммуникативов группы подтверждения и согласия // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 11 (32). С. 46–56.

Ожегов, Шведова 2003 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.

Плунгян 1999 — В. А. Плунгян. О понятии универсального грамматического набора // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 1991. С. 151–153.

Пужаева и др. 2018 — С. Ю. Пужаева, Е. А. Герасименко, Е. С. Захарова, Е. В. Рахилина. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 2. С. 5–18.

Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. Т. 2. С. 3–31.

Шаронов 1997 — И. А. Шаронов. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1997. № 2. С. 89–111.

Шаронов 2002 — И. А. Шаронов. Толкование эмоциональных междометий как знаков восприятия (The Interpretation of Emotive Interjections as Signs of Perception) // Russian Linguistics. 2002. Т. 26. № 2. С. 235–254.

Шаронов 2016 — И. А. Шаронов. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 605–615.

Шаронов 2018 — И. А. Шаронов. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. № 51. С. 58–68.

Aijmer 1996 — K. Aijmer. Conversational Routines in English: Convention and Creativity. London: Longman, 1996.

Aijmer 1997 — K. Aijmer. I think — an English modal particle // Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. 99 (1). P. 1–47.

Ameka 1987 — F. Ameka. A comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe // Journal of Pragmatics. 1987. 11 (3). P. 299–326.

Austin 1975 — J. L. Austin. How to do things with words. Oxford: Oxford university press, 1975.

Coulmas 1981 — F. Coulmas (ed.). Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton, 1981.

Croft 1994 — W. Croft. Speech act classification, language typology and cognition // S. L. Tsohatzidis (ed.). Foundations of Speech Act Theory: Philosophical and Linguistic Perspectives. London: Routledge, 1994. P. 460–477.

Erman, Kotsinas 1993. — B. Erman, U. B. Kotsinas. Pragmaticalization: the case of ba'and you know // Studier i modern språkvetenskap, 1993. 10. P. 76–93.

Fillmore 1979 — C. J. Fillmore. On fluency // C. Fillmore, D. Kernfiler, William Wang (eds.). Individual differences in language ability and language behavior. New York: Academic Press, 1979. P. 85–101.

Fillmore 1984 — C. J. Fillmore. Remarks on contrastive pragmatics // J. Fisiak (ed.). Contrastive linguistics: Prospects and problems. Berlin: Walter De Gruyter, 1984. P. 119–142.

Fillmore et al. 1988 — C. J. F i l l m o r e, P. K a y, M. C. O'C o n n o r. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language. 64 (3). P. 501–538.

Fraser 1996 — B. F r a s e r. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. 6. P. 167–190.

Goldberg 2006 — A. E. G o l d b e r g. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Goldberg 2016 — A. E. G o l d b e r g. Partial productivity of linguistic constructions: Dynamic categorization and statistical preemption // Language and cognition. 2016. 8 (3). P. 369–390.

Heine, Kuteva 2002 — B. H e i n e, T. K u t e v a. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Hoffmann, Trousdale 2013 — T. H o f f m a n n, G. T r o u s d a l e (eds.). The Oxford handbook of construction grammar. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Janda, Lyashevskaya 2013 — L. J a n d a, O. L y a s h e v s k a y a. Semantic Profiles of Five Russian Prefixes: Po-, s-, za-, na-, pro- // Journal of Slavic Linguistics. 2013. 21 (2). P. 211–258.

Janda et al. 2018 — L. J a n d a, O. L y a s h e v s k a y a, T. N e s s e t, F. M. T y e r s. A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps // B. Lyngfelt, T. T. Torrent, L. Borin, K. H. Ohara (eds.). Constructicography: Constructicon development across languages, 2018. P. 165–182.

Onodera 2011 — N. O. O n o d e r a. The grammaticalization of discourse markers // H. Narrog, B. Heine (eds.). The Oxford Handbook of Grammaticalization, Oxford: Oxford University Press, 2011.

Searle 1975 — J. R. S e a r l e. Indirect Speech Acts // P. Cole, J. L. Morgan (eds.). Syntax and Semantics III: Speech Acts. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 59–82.

Shiffrin 1982 — D. S h i f f r i n e. Discourse markers: semantic resource for the construction of conversation. PhD Philosophy. Philadelphia, 1982.

Sorjonen 2001 — M. L. S o r j o n e n. Responding in conversation: A study of response particles in Finnish. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2001.

Wierzbicka 1985 — A. W i e r z b i c k a. A Semantic Metalanguage for a Cross-cultural Comparison of Speech Acts & Speech Genres // Language in Society. 1980. 14. P. 491–519.

Статья получена 28.08.2019

Polina A. Bychkova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
polyatomson@gmail.com

FEATURES OF DISCOURSE FORMULAE:
A CASE STUDY OF RUSSIAN *TY ČTO* AND *ČTO TY*

The paper discusses the semantic description of the so-called discourse formulae, idiomatic expressions used as the speaker's reactions in a dialogue. They are considered in the framework of construction grammar, as a peripheral class of constructions with its specific properties. A case study of two synonymous Russian discourse formulae *ty čto* and *čto ty* provides an account of the components that need to be represented in the description of the con-

structions that belong to this class: namely, the characteristics of the speech act to which the discourse formula reacts and the characteristics of the reaction itself. The analysis of entries of the two constructions in the Russian National Corpus reveals that the range of meanings that can be expressed by them includes: 1) negative assessment of the interlocutor's decision; 2) questioning the cause of the ongoing situation; 3) interrupting the interlocutor's action (speech act) or state of mind (i.e., consolation and reasoning); 4) surprise, and 5) negation. These results give an estimate of the set of meanings that may be attributed to other discourse formulae. A quantitative corpus analysis of the use of these two constructions is also conducted, showing that their distribution between the defined types of the given contexts is not identical: in particular, *čto ty* tends to express negation and is rarely used to express negative assessment. These differences are discussed in the light of the diachronic change of *ty čto* and *čto ty*, suggesting different patterns of their pragmaticalization.

Keywords: discourse formulae, construction grammar, dialogical replies, polysemy, pragmaticalization

References

Aijmer, K. (1996). *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London: Longman.

Aijmer, K. (1997). I think — an English modal particle. *Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives*, *99*(1), 1–47.

Ameka, F. (1987). A comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe. *Journal of Pragmatics*, *11*(3), 299–326.

Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow: Nauka.

Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2014). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Austin, J. L. (1975). *How to do things with words*. Oxford: Oxford university press.

Baranov, A. N., & Dobrovolskii, D. O. (2009). *Frazeologicheskii ob"iasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Eksmo.

Baranov, A. N., & Kobozeva, I. M. (1988). Modal'nye chastitsy v otvetakh na vopros. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Pragmatika i problemy intensional'nosti* (pp. 45–69). Moscow: INION AN SSSR.

Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka*. Moscow: Pomovskii i partnery.

Bragina, N. G. (2013). Nevezhlivost' kak ritual (rechevye formuly antikommunikativnogo povedeniia). In L. L. Fedorova (Ed.), *Ritual v yazyke i kommunikatsii* (pp. 45–55). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Bychkova, P. A., Rakhilina, E. V., & Slepak, E. A. (2019). Diskursivnye formuly, polisemiia i zhestovoe markirovanie. In V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina, & S. O. Savchuk (Eds.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: issledovaniia i razrabotki* (pp. 257–284). Moscow: IRIA RAN.

Coulmas, F. (Ed.). (1981). *Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. The Hague: Mouton.

Croft, W. (1994). Speech act classification, language typology and cognition. In S. L. Tsohatzidis (Ed.), *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives* (pp. 460–477). London: Routledge.

Erman, B., & Kotsinas, U. B. (1993). Pragmaticalization: the case of ba'and you know. *Studier i modern språkvetenskap*, 10, 76–93.

Fillmore, C. J. (1979). On fluency. In C. Fillmore, D. Kernfiler, & W. Wang (Eds.), *Individual differences in language ability and language behavior* (pp. 85–101). New York: Academic Press.

Fillmore, C. J. (1984). Remarks on contrastive pragmatics. In J. Fisiak (Ed.), *Contrastive linguistics: Prospects and problems* (pp. 119–142). Berlin: Walter De Gruyter.

Fillmore, C. J., Kay, P., & O'Connor, M. C. (1988). Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, *64*(3), 501–538.

Fraser, B. (1996). Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6, 167–190.

Goldberg, A. E. (2006). *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press.

Goldberg, A. E. (2016). Partial productivity of linguistic constructions: Dynamic categorization and statistical preemption. *Language and cognition*, 8(3), 369–390.

Heine, B., & Kuteva, T. (2002). *World Lexicon of Grammaticalization.* Cambridge: Cambridge University Press.

Hoffmann, T., & Trousdale, G. (Eds.). (2013). *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press.

Iomdin, L. L. (2013). Nekotorye mikrosintaksicheskie konstruktsii v russkom yazyke s uchastiem slova *chto* v kachestve sostavnogo elementa. *Juzhnoslovenski filolog, 69*, 137–147.

Janda, L., & Lyashevskaya, O. (2013). Semantic Profiles of Five Russian Prefixes: *Po-*, *s-*, *za-*, *na-*, *pro-*. *Journal of Slavic Linguistics*, *21*(2), 211–258.

Janda, L., Lyashevskaya, O., Nesset, T., & Tyers, F. M. (2018). A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps. In B. Lyngfelt, T. T. Torrent, L. Borin, & K. H. Ohara (Eds.), *Constructicography: Constructicon development across languages* (pp. 165–182). Amsterdam: John Benjamins.

Kobozeva, I. M. (2007). Polisemiia diskursivnykh slov i vozmozhnosti ee razresheniia v kontekste predlozheniia (na primere slova *vot*). In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007»* (pp. 250–255). Moscow: Izd-vo RGGU.

Kolokoltseva, T. N. (2001). *Spetsificheskie kommunikativnye edinitsy dialogicheskoi rechi*. Volgograd: Peremena.

Lopatin, V. V., & Ivanova, O. E. (Eds.). (2013). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* (4th ed.). Moscow: AST-Press Kniga.

Lubenskaya, S. I. (1997). *Russko-angliiskii frazeologicheskii slovar'*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Mosaleva, S. V., & Sharonov, I. A. (2017). Osobennosti upotrebleniia kommunikativov gruppy podtverzhdeniia i soglasiia. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie*, 11, 46–56.

Onodera, N. O. (2011). The grammaticalization of discourse markers. In H. Narrog, & B. Heine (Eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization* (pp. 450–461), Oxford: Oxford University Press.

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (Eds). (2003). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik.

Plungyan, V. A. (1991). O poniatii universal'nogo grammaticheskogo nabora. In A. B. Kopeliovich (Ed.), *Grammaticheskie kategorii i edinitsy: sintagmaticheskii aspekt* (pp. 151–153). Vladimir: VGPU.

Puzhaeva, S. Yu., Gerasimenko, E. A., Zakharova, E. S., & Rakhilina, E. V. (2018). Avtomaticheskoe izvlechenie diskursivnykh formul iz tekstov na russkom yazyke. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia, 16*(2), 5–18.

Rakhilina, E. V., & Reznikova, T. I. (2013). Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. *Voprosy yazykoznaniia*, 2, 3–31.

Searle, J. R. (1975). Indirect speech acts. In P. Cole, & J. L. Morgan (Eds.). *Syntax and semantics III: Speech acts* (pp. 59–82). New York: Academic Press.

Sharonov, I. A. (1997). Kommunikativy kak funktsional'nyi klass i kak ob"ekt leksikograficheskogo opisaniia. *Rusistika segodnia*, 2, 89–111.

Sharonov, I. A. (2002). Tolkovanie emotsional'nykh mezhdometii kak znakov vospriiatiia. *Russian Linguistics, 26*(2), 235–254.

Sharonov, I. A. (2016). Diskursivnye slova i kommunikativy. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (pp. 605–615). Moscow: Izd-vo RGGU.

Sharonov, I. A. (2018). Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty opisaniia vvodnykh slov i kommunikativov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiia*, 51, 58–68.

Shiffrin, D. (1982). *Discourse markers: semantic resource for the construction of conversation* (Doctoral dissertation) University of Pennsylvania, Philadelphia.

Sorjonen, M. L. (2001). *Responding in conversation: A study of response particles in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Wierzbicka, A. (1980). A semantic metalanguage for a cross-cultural comparison of speech acts and speech genres. *Language in society*, *14*(4), 491–519.

Received on August 28, 2019

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.4

В. Ю. ШАТИН

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
vl.shatin@gmail.com

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОСТРОМСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. И ИХ ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА

В статье рассматриваются особенности фонетики костромских говоров начала XVII в., а также проводится их сравнение с современной ситуацией на территории треугольника Кострома — Солигалич — Кологрив. Основным материалом исследования является костромская отказная книга 1619–1634 гг., для сравнения берутся главным образом данные, представленные в ДАРЯ. Севернорусские костромские говоры, как оказалось, в своем развитии претерпели целый ряд модификаций: изменились рефлексы фонемы <ê> перед мягкими согласными, в районе Чухломы появился обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, гораздо более регулярным стало совпадение в безударных слогах после мягких согласных гласных неверхнего подъема в звуке [е] (независимо от качества последующего согласного), распространилось прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных, реликтово мягкие реализации шипящих <ш> и <ж> практически исчезли, полностью утратились также реликтово мягкие реализации фонемы <ц>.

Ключевые слова: русская деловая письменность XVII в., историческая диалектология, историческая фонетика русского языка, костромские говоры, севернорусские говоры.

Русская историческая лингвистическая география применительно к диалектам исконной территории распространения русского языка разработана уже достаточно хорошо. Реконструированы фонетические особенности говоров XVI — первой половины XVII в.: белозерско-бежецких [Бегунц 2006], вологодских [Копосов 1971], ладого-тихвинских [Галинская 1985], московского [Горшкова 1947; Васеко 1973], холмогорского и шенкурского [Лопухина 2011], ряда южных (верхне-деснинских, елецких, оскольских, курско-орловских [Котков 1963; Хабургаев 1966; 1967]) и др. В ряде случаев прослежено также их развитие до современного состояния. Однако применительно к XVI — первой половине XVII в. остались еще некоторые необследованные диалектные территории. В частности, до сих пор не были реконструированы костромские говоры этого периода.

В настоящей статье будут рассмотрены особенности фонетики костромских говоров начала XVII в., при дальнейшем сравнении которых с современной ситуацией на территории треугольника Кострома — Солигалич —

Кологрив можно будет определить, что́ в их системе на протяжении трех с небольшим веков осталось неизменным, а где обнаруживаются инновации.

Основным материалом исследования послужила костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, 1315 лл.), сравнение проводилось главным образом с данными, представленными в [ДАРЯ 1]. Материалы для ДАРЯ собирались в середине и второй трети XX в., но мы будем условно называть говоры, отраженные в атласе, современными.

1. Ударный вокализм

Фонема <ê> в ударной позиции в рассматриваемых говорах к XVII в. уже исчезла.

В позиции перед твердыми согласными было, по всей видимости, представлено преимущественно *е*-образное звучание, которое писцы чаще передавали буквой **е** (примеры не приводятся ввиду их стандартности). Число прямых замен на **и** крайне незначительно (приблизительно в тридцать раз меньше, чем замен на **е**, почти все примеры можно трактовать и как сохранение мягкого варианта склонения), обратных замен **и** на **ѣ** не наблюдается вовсе. Соотношение этимологически правильных употреблений буквы **ѣ** и замен составляет в данной позиции приблизительно 2:1.

Для позиции перед мягким согласным примеров этимологически верного употребления буквы **ѣ** приблизительно в полтора раза больше, чем для позиции перед твердым, однако наряду с заменами **ѣ** на **е** было обнаружено значительное число прямых замен **ѣ** на **и** (*дити* 589; *мире* loc. sg. 35; *миря*^{л} 32, 34 об.; *одиле* loc. sg. 27; *о*^{т}*диле* loc. sg. 35, 85, 460 об. 2x; *о*^{т}*ди*^{л}*ные* acc. pl. 86, 590; *ри*^{ч}*ке* loc. sg. 493, 650; *ричьке* loc. sg. 85 об., 88, 88 об.; *ро*^{з}*ди*^{л}*ны*^{м} dat. pl. 870 2x; *умие*^{т} 744 об. и др.). Соотношение количества прямых замен **ѣ** на **и** с количеством прямых замен **ѣ** на **е** в этой позиции составляет примерно 2:1. Единичные обратные замены **и** на **ѣ**, количество которых крайне невелико (*секѣрина* gen. sg. 75; *секѣрине* loc. sg. 74, 74 об.), обнаруживаются только в данной позиции. Можно, таким образом, предполагать реализацию фонемы <ê> в позиции перед мягкими либо в [и͡е], либо в [и].

Что касается ситуации в современных говорах на рассматриваемой территории — картина очень пестрая. Перед твердыми согласными, кроме преобладающего стандартного [е], отдельными островами представлены: шире всего [ê] (в том числе в единичных случаях), на равных (но на разных территориях) представлены [и] и [и͡е] (обе реализации в том числе и в единичных случаях). Перед мягкими согласными севернее Волги почти всюду в сосуществовании с [е] начинает преобладать [и], лишь в отдельных случаях обнаруживается также [ê]. Имеются, как видим, реализации, схожие с предполагаемыми для говоров первой половины XVII в., однако в позиции перед мягкими согласными преобладает [е], зачастую сосуществуя с [и],

тогда как [i͡e] отсутствует [ДАРЯ 1: 40, 41]. Можно, таким образом, сделать вывод, что в костромских говорах произошла унификация рефлексов старого *ê* в сторону преобладания [е].

Переход [е] в [о] в исследуемых говорах к XVII в. осуществился последовательно: как фонетический в корнях (*ольфо*^{р}*ко* nom. sg. 484 об.; *попе-ро*^{г} 417 об.; *поперо*^{к} 107 2х; *по*^{т}*рь* 450 об.; *семона* gen. sg. 38, 852 и др.) и аффиксах (*кара\\со*^{в}*сково* 63 об. — 64; *ковалова* gen. sg. 116 об., 117; *но*^{м} loc. sg. 642 об. и др.), так и аналогический (который можно объяснить и морфологически, заменой «мягкого» морфа на «твердый») перед мягкими согласными (*кавалове* loc. sg. 117 об.; *ме*^{н}*шое* nom. sg. 141, 146 об., 921 об., 948; *ме*^{н}*шою* instr. sg. 740 об.; *чижове* loc. sg. 317; *ястре*^{п}*цове* loc. sg. 620, 621 и др.) и в позиции конца слова (*се*^{л}*цо* 202, 384, 642 и др.). Подобное состояние без каких-либо существенных изменений отражено и на диалектных картах, фиксирующих состояние костромских говоров в XX в. [Там же: 38].

Изменение [а] в [е] между мягкими согласными в исследованной рукописи представлено лишь немногочисленными и спорными примерами. Среди них, впрочем, имеются как прямые (*кне*^{з} *о*^{н}*дреѣвича* gen. sg. 856 об.; *мишенино* nom. sg. 642; *про*^{з}*вище замете*^{н}*ка* nom. sg. 647; *ф пе*^{т} *че-*^{т}*и*^{и} 154 2х и др.), так и позволяющие предполагать гиперкоррекцию (*кле-мя*^{н}*тие*^{в} 624 об.; *клемянтье*^{в} 948). Данное явление, как кажется, вряд ли было систематически характерно для рассматриваемых говоров в первой половине XVII в. Отметим, что на карте [Там же: 43] основной его ареал расположен севернее, в центральном же массиве костромских говоров сколь-либо последовательно в XX в. оно не представлено.

2. Безударный вокализм

В позиции после твердых согласных в первой половине XVII в. во всех слогах относительно ударения было представлено полное оканье. Имеются характерные для носителей окающих говоров написания ряда лексем и приставки *роз-* (*кропи*^{вка} nom. sg. 136; *кропи*^{в}*ницѣ* loc. sg. 30; *поро*^{с}*ли* 44; *поросло* 161, 260, 416 об., 418; *ро*^{з}*дели*^{л} 21, 52, 90 об.; *ро*^{з}-*дериши*^{н} nom. sg. 47; *ро*^{з}*деришина* gen. sg. 297 об.; *ро*^{з}*ѣзде* 455 и др.).

В современных костромских говорах полное оканье также присутствует, однако в районе Солигалича и Чухломы находится обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, появившийся там в 20-х гг. XVII в. [Грехова 1964: 502]. Кроме того, ближе к Костроме растет число примеров, в которых на месте <а> во втором предударном слоге представлен [ъ] либо [ы], а в единичных случаях даже [о] (переход от полного к неполному оканью) [ДАРЯ 1: 1, 9, 16–18].

В первой половине XVII в. в рассматриваемых говорах в безударных слогах во всех позициях после мягких согласных широко пред-

ставлены мены в паре букв **е** — **ѣ**, мены же в паре **и** — **ѣ**, если исключить ономастику, единичны, что явно свидетельствует об утрате фонемы <ê> в безударном положении и ее совпадении с фонемой <е>.

Что касается ёканья в безударных слогах, обнаруживается оно по большей части лишь в элементах, которые могли легко заимствоваться в той своей разновидности, которая следовала за твердым согласным (*бе*^{з}*стужо*^{в} nom. sg. 726 об.; *моро*^{з}*цова* gen. sg. 306 об. и др.). Однако два примера позволяют предполагать ёканье в безударных слогах в корне: *зомъско*^{и} nom. sg. 121–121 об. (а. п. *с*, минусовая маркировка суффикса [Зализняк 2014: 34, 595]), *озо*^{р}*ские* gen. sg. 599 (старая а. п. *с* [Там же: 446]). Регулярным это явление, однако, считать нельзя, так как число примеров крайне ограничено, количество стандартных написаний с **е** превосходит их многократно.

В первом предударном слоге гласные неверхнего подъема различались в позиции перед твердыми согласными и совпадали в [е] в позиции перед мягкими согласными, о чем свидетельствуют следующие примеры: *десети*^{н} gen. pl. 34 об., 59 об. 2х, 88 об., 344; *еки*^{м}*ко* nom. sg. 92 об., 139, 140 об.; *мекиница* nom. sg. 848 об.; *свеще*^{н}*ни*^{к} nom. sg. 726 об., 909 об. 2х; *трицети* dat. sg. 682 об.; *ѣки*^{м} nom. sg. 158 об. и др.

Возможны были также и окказиональные реализации фонемы <е> как [’а], причем как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Впрочем, некоторые из имеющихся примеров небесспорны: *емяляно*^{в} (возможна описка под влиянием буквы следующего гласного) 152; *имяно*^{м} dat. pl. (можно предполагать влияние формы *имя* nom. sg.) 358, 488 об., 639 об.; *пясо*^{ч}*не* loc. sg. (ср. *песо*^{ч}*не* loc. sg. 898 об., микротопоним) 798, 898–898 об. и др.

Надо сказать, что подобные реализации (на месте этимологического **ě* как перед твердым, так и перед мягким согласным) в костромских говорах фиксируются и в XX в. [ДАРЯ 1: 5].

Для второго и прочих предударных слогов данных в исследованной рукописи крайне мало.

Для з а у д а р н ы х с л о г о в следует предполагать совпадение гласных неверхнего подъема в [е] перед мягкими согласными, в особенности в конечном закрытом слоге (*деве*^{т} 398, 469, 718, 935; *десе*^{т} 101, 290, 344, 657, 728, 842, 947; *паме*^{т} 376 об.; *тридесе*^{т} nom. sg. 768 об. 2х и др.), при их различении в остальных заударных позициях. В конечном открытом заударном слоге были возможны также реализации <е> как [’а] (*дияконица* nom. sg. 798; *кр*^{с}*тьяня* nom. pl. 761; *петрица* nom. sg. 799; *помѣ*^{с}*тья* acc. sg. 746 об.; *пригожа* adv. 43 об.; *четыря* 40, 702, 874 и др.).

Итак, в первой половине XVII в. безударный вокализм костромских говоров зависел от последующего согласного: перед мягким нередким было совпадение гласных неверхнего подъема в [е], гораздо менее последовательное в остальных позициях.

В XX в. на рассматриваемой территории совпадение гласных неверхнего подъема после мягких согласных в [е] стало гораздо более регулярным и

перестало зависеть от качества последующего согласного: оно представлено не только перед мягкими согласными, но и перед твердыми (что является безусловной инновацией) [Образование… 1970: 299].

3. Консонантизм

Для фонемы <в> в первой половине XVII в. регулярной была реализация в слабой позиции как [ф] (перед глухими согласными: *виту*^{ф}*тову* dat. sg. 682 об.; ^{ф}*торово* acc. sg. 20 об., 21; *фторо*^{и} 776 об.; *ф поле* 28 об. 2х, 29 об. 2х; *ф пя*^{т}*деся*^{т} 30 об.; *ф че*^{т} 786 об.; *яко*^{в}*ле*^{ф}*скова* gen. sg. 353 об., — или же на конце слова: *семено*^{ф} 280; *третяко*^{ф} 489 об. и др.). Перед [т] и [п] в середине слова была возможна также реализация посредством [х] (*вито*^{х}*това* gen. sg. 299–299 об.; *виту*^{х}*това* gen. sg. 815; *х поле* loc. sg. 804, 805). Каких-либо следов реализации данной фонемы посредством звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w] обнаружено не было.

В современных костромских говорах реализации фонемы <в> посредством лабиовелярного аппроксиманта [w] в слабой позиции остаются опциональны и периферийны [Там же: 302–304]. В целом позиционные реализации фонемы <в> в говорах на рассматриваемой территории остались такими же, как и в первой половине XVII в.

Предлог *ув* в костромских говорах в первой половине XVII в. если и был представлен, то — вследствие своей связи с реализациями <в> посредством [w], следов которых обнаружено не было, — чрезвычайно непоследовательно, имеется лишь один пример (*ув усадище* loc. sg. 93 об.).

Надо сказать, что предлог *ув*, хотя и не распространенный сейчас в северных областях западной диалектной зоны, свободно отражается в памятниках деловой новгородской, псковской и тихвинской письменности, а значит, на территориях, с которых данные памятники происходят, в конце XVI — первой половине XVII в. он точно присутствовал [Галинская 2002: 218]. Однако наличие в костромской отказной книге лишь одного примера свидетельствует о практически полном отсутствии предлога *ув* в костромских говорах начала XVII в.

В XX в. это явление, по данным карты [ДАРЯ 1: 59], в костромских говорах не было зафиксировано, что свидетельствует о его нехарактерности для рассматриваемого массива говоров.

Как протетическое, так и эпентетическое [в] представлены среди обнаруженных примеров: эпентеза, впрочем, обнаруживается лишь в именах собственных (*клевопи*^{н} 782; *лариво*^{н} 459, 706, 870; *левани*^{д} 377 об.; *навумо*^{в} nom. sg. 867; *тиву*^{н}*цово* 944 и др.), протеза же максимальное развитие получала в лексемах *восемь* и *вотчина*, в которых данный процесс проходил по всем говорам последовательно. Окказиональные ее примеры имеются также и в следующих корнях: *воко*^{лш}*шно*^{и} loc. sg. 104 об.; *во*^{н}*чеи* nom. sg. 131 2х; *вопчие* gen. sg. 106; *вострое* 412 и др.

В современных костромских говорах протеза вне лексем *восемь* и *вотчина* и эпентеза представлены лишь крайне небольшими ареалами, преобладает отсутствие этого явления [ДАРЯ 1: 60].

В рассматриваемых говорах, по всей видимости (как и в говорах центра), еще до начала XVII в. сформировались соотносительные пары фонем <в> — <ф> и <в’> — <ф’>. Однако в исследованной отказной книге на месте фонемы <ф> присутствует и небольшое число замен и нестандартных написаний (по большей части в ономастике), которые, вероятно, отражают еще некоторую неустойчивость отношений.

Замены **ф** на **х**: *ону*^{х}*реи* 448; *стахи*^{и} 927; *стахѣ*^{и} nom. sg. 927; *стахѣико* nom. sg. 662 об.

Замены **х** на **ф** гиперкорректного характера: *а*^{н}*филофе*^{и} 48 об.; *евтифьевь* 163 об.; *евтифѣико* nom. sg. 871 об.; *(еу)тифѣ*^{и} nom. sg. 297 об.; *малафе*^{и} 699 об.; *малафие*^{в} nom. sg. 930 об.

Замены **ф** на **кф**: *по*^{п} *кфедоръ* nom. sg. 407 об.

Замены **ф** на **в**: *вила*^{т}*ко*^{м} instr. sg. 412; *ма*^{т}*ве*^{и} 850; *ма*^{т}*вие*^{в} 627; *матвиевъ* 944; *с ви*^{л}*кою* так в ркп. «Филькою» 823 об.

Замены **ф** на **вф**: *тимо*^{в}*фе*^{и} 850 об.

В современных костромских говорах корреляция губно-зубных крайне стабильна и практически не знает исключений [Образование… 1970: 302–304].

Фонема <г> в рассматриваемых говорах в первой половине XVII в. последовательно реализовалась посредством [г], о чем свидетельствуют написания типа *попере*^{к} 26, 29 об. 2х, 30, 708 об. и др. (ср. исконное *попере*^{г} 584 и др. [Фасмер III: 327]), отражающие оглушение звонкого заднеязычного в глухой взрывной звук. Можно, однако, предположить присутствие элементов церковной (книжной) орфоэпии, а также окказиональные (возможно, инодиалектные) фрикативные реализации. Замены обнаруживаются как прямые: *кныхо*^{м} dat. pl. 107 об.; *ту*^{р}*хенева* gen. sg. 313, — так и обратные: *паганые* gen. sg. (так в ркп. «паханые») 585 об. 2х; *пригожа*^{н} gen. pl. 718.

В современных костромских говорах, как и во всем массиве средне- и севернорусских говоров, представлена последовательная реализация фонемы <г> посредством [г]. Отдельные островки фрикативных реализаций (всегда в сосуществовании со взрывными) разбросаны по всему русскому северу, однако увидеть здесь какую-либо связь с инодиалектными особенностями (например, с чухломским акающим островом) не представляется возможным [ДАРЯ 1: 44]. Именно подобные окказиональные фрикативные реализации и могли найти отражение в исследованной рукописи.

Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в говорах, отраженных в отказной книге, вряд ли присутствовало, так как не встретилось ни одного написания, позволяющего предполагать его наличие, хотя это явление свободно отражается, например, в южнорусских текстах XVII в. [Котков 1963: 125–126].

Таким образом, прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных появилось на рассматриваемой территории после XVII в.

Значительная его экспансия в не столь отдаленном прошлом становится очевидна даже при сравнении данных, зафиксированных в ДАРЯ [1: 66], с данными, представленными в [Зеленин 1913: 514–518]. Сейчас в костромских говорах прогрессивное ассимилятивное смягчение местами возможно не только после парных по твердости–мягкости согласных и <ч>, но даже и после <j> [ДАРЯ 1: 66].

Мягкость <ш> и <ж> в первой половине XVII в. в интересующих нас говорах, как предполагается, хотя и реликтово, но все же присутствовала (примеры с глухим коррелятом: *мишю*^{т}*нино* 641 об.; *ошянина* gen. sg. 305 об.; *ошянину* dat. sg. 306, 307 об.; *пустошя*^{х} 266, 454; *шювалова* gen. sg. 723; *шю*^{л}*гино* 148 об.; *шюрина* gen. sg. 282 об., 283 об.; *шя*^{п}*ковке* loc. sg. 165 и др.; примеры со звонким коррелятом: *жюко*^{в} 138; *жюкъ* 144 об.; *жюлебина* gen. sg. 308 об.; *жябина* gen. sg. 305 об., 306 и др.).

В современных говорах на рассматриваемой территории мягкие реализации данных шипящих представлены лишь в ряде островных ареалов, число примеров редко превышает десять, зачастую наблюдается также зависимость мягкой реализации от последующего парного мягкого согласного или гласного переднего ряда [Там же: 63], что и позволяет видеть здесь инновацию, так как подобной закономерности в примерах, обнаруженных в исследованной рукописи, не наблюдается.

В первой половине XVII в. в костромских говорах были представлены преимущественно д о л г и е, а не сложные шипящие согласные (кластеры). Соответствующий вывод можно сделать исходя из обнаруженных буквенных замен.

Замены **ш** на **щ**: *бо*^{л}*щие* 490; *бо*^{л}*щое* nom. sg. 908 об.; *въръщинъ* loc. sg. 935; *е*^{р}*щова* gen. sg. 196 об.; *кощкина* gen. sg. 427; *наще*^{г} gen. sg. 69 об.; *паще*^{н}*но*^{г} 476–476 об. 2х, 904 об., 906 об., 907–907 об. и др.

Замены **щ** на **ш**: *заими*^{ш} gen. pl. 349; *заимише* nom. sg. 824 об.; *заимиши* instr. pl. 940; *о*^{т}*каши*^{к} 290; *помъшико*^{в} nom. sg. 822 об., 941 об. 2х; *прикаши*^{к} nom. sg. 118, 325, 409, 424, 430, 593, 835–837 и др.

Замены **щ** на **шщ**: *па*^{ш}*ще*^{н}*наго* gen. sg. 805; *прика*^{ш}*щи*^{к} 429, 768 об.; *ро*^{ш}*щи* gen. sg. 467, 472; *усади*^{ш}*ще* acc. sg. 806; *усади*^{ш}*щу* 100, 804 2х, 804 об.; *хмели*^{ш}*щава* nom. sg. 470 об. и др.

Написания буквы **ж** на месте долгого звонкого шипящего: *доежа*^{л} 73; *доъжа*^{л} 710 об.; *порожи*^{х} gen. pl. 708 об.; *приежа*^{л} 431, 432; *приъжа*^{л} 596, 655 и др.

Единственное гиперкорректное написание **зж** на месте стандартного <ж>: *рубе*^{з}*же* loc. sg. 297.

Т в е р д о с т ь глухого коррелята отражена написаниями *нищы*^{х} gen. pl. 135; *помъщыко*^{в} nom. sg. 323 об.; *прика*^{з}*щы*^{к} 267 х3, 267 об., 321 2х; *прика*^{з}*щыки* instr. pl. 325; *рощы* gen. sg. 322, 324. О твердости либо мягкости звонкого согласного данных в рукописи нет, однако, учитывая общие тенденции развития в рассматриваемой паре, можно предполагать и его отвердение [Аванесов 1949: 127].

В современных говорах представлены именно долгие, а не сложные шипящие согласные (кластеры). При этом твердая реализация для обоих анализируемых звуков весьма последовательна. Доля же мягких реализаций (как для глухого, так и для звонкого долгого шипящего) растет лишь при приближении к западной периферии костромских говоров [ДАРЯ 1: 48, 52].

Реализации фонемы <ц> в рассматриваемых говорах в первой половине XVII в. были, вероятно, также реликтово мягкими, о чем может свидетельствовать целый ряд обнаруженных примеров (*два*^{т}*ця*^{т} 475 об.; *двацят* 947–947 об., 948; *осмнацят* 948 об.; *пя*^{т}*нацят* 478; *пятнацят* 947 об.; *се*^{м}*на*^{т}*ця*^{т} 476 об.; *триця*^{т} 948–948 об. и др.). Предположение это поддерживается также и достаточным количеством написаний с сочетанием **ци**, которые, впрочем, были традиционны для церковной письменности, что могло каким-то образом повлиять и на деловую письменность. Многочисленные написания с сочетанием **цы**, опять же в силу их традиционности, на сей раз в письменности деловой, решающего значения, судя по всему, иметь не могут, см. [Бегунц 2006: 176–178].

В современных говорах на интересующей нас территории представлена лишь последовательная реализация фонемы <ц> в виде твердого [ц] [ДАРЯ 1: 46].

Фонема <ч> в первой половине XVII в. в костромских говорах, отраженных в отказной книге, реализовалась в виде [ч’]. Примеров с сочетанием **чы**, которые свидетельствовали бы о твердом [ч], обнаружено не было, однако встретилось множество написаний с сочетаниями **чю** и **чя**, которые указывают на произношение [ч’]: *васи*^{л}*евичя* gen. sg. 27, 28; *дачю* 106, 400 об., 403, 443 об., 444, 477, 611 об., 612 об., 613 об., 640, 789 об.; *додачю* acc. sg. 30 об.; *зачя*^{т}*цко*^{и} nom. sg. 672; *ключярева* gen. sg. 160 об., 177, 303; *пичюже* loc. sg. 615 об., 616, 621 об.; *федоровичю* 449 об., 451; *чюдо* nom. sg. 491 об. и др.

Сейчас на рассматриваемой территории преобладает реализация [ч’] [Там же: 45], и лишь на северо-востоке с различной регулярностью обнаруживается мягкое цоканье [Там же: 45, 46], а отдельными вкраплениями, но крайне рассеянно, присутствует и мягкая шепелявая реализация [ч’$^{ш’}$], и твердая [ч], однако доля их весьма незначительна [Там же: 45].

Непозиционная мена твердых и мягких согласных в первой половине XVII в., судя по обнаруженным примерам, могла быть представлена в костромских говорах. Ряд написаний позволяет предполагать отвердение губных в середине фонетического слова: *вадени*^{х}*та* gen. sg. 431 об.; *деваносту* 37 об.; *дева*^{т}*ко* nom. sg. 805 об.; *па*^{т} (так в ркп. «пять») 805 2х, 806; *па*^{т}*нацеть* 318 об. и др. Имеется также и достаточное число примеров, за которыми можно было бы усмотреть отвердение зубных согласных: *а* ^{в} *ны*^{х} 806; *вороныно* nom. sg. 585 об.; *всакие* nom. pl. 405; *дере*^{в}*ну* acc. sg. (**у** исправлено на **ю**) 157 об.; *зате*^{м} instr. sg. 663 об.; ^{з}*ате*^{м} instr. sg. 258 об.; ^{к}*нязу* 432; *понатые* nom. pl. 683 об.; *че*^{т}*верта*^{м} dat. pl. 37 об. и др. Под-

черкнем, что примеров, позволивших бы предположить отсутствие мягких губных согласных на конце слова нами найдено не было.

Сейчас на рассматриваемой территории обнаруживается лишь несколько островных ареалов, где полумягкие и твердые согласные в соответствии с парными мягкими представлены в форманте инфинитива и на конце склоняемого слова [Там же: 65]. Создается впечатление, что ареал, некогда растягивавшийся от территорий между Вологдой и Тотьмой и до обширных ареалов за Ветлугой и в ее верховьях, где полумягкость и твердость в указанной позиции представлены гораздо шире, оказался разорван.

В хрестоматии «Русские народные говоры: звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры» [Касаткина 1991] в тексте № 29, записанном в Межевском районе к востоку от Кологрива за рекой Унжей (другие тексты в данном издании относятся к еще более дальней периферии исследуемых говоров, а потому их вряд ли можно считать хотя бы приблизительно отражающими ситуацию в треугольнике Кострома — Солигалич — Кологрив), непозиционная мена твердых и мягких согласных отражения не находит [Там же: 29].

Непозиционная мена глухих и звонких согласных, если судить по примерам, отраженным в отказной книге, могла быть свойственна костромским говорам XVII в., так как число примеров, некоторые из которых достаточно нестандартны, относительно велико:

[п] — [б]: *полота* gen. sg. («болота») 347 об. и др.

[ф] — [в]: *а* ^{в} *дфу* (так в ркп. «а в дву») 37 об.

[т] — [д]: *те*^{х}*тя*^{р}*ка* nom. sg. (название пустоши «Дегтярка», ср. *де*^{х}*тя*^{р}*ка* nom. sg. 698, 915 об.) 704 об. и др.

[с] — [з]: *солотухины*^{м} instr. sg. («Золотухиным») 44 об. и др.

[к] — [г]: *говезины*^{м} instr. sg. (**г** исправлено на **к**) 60 об.; *уко*^{д}*е* nom. sg. (**к** исправлено на **г**, «угодье») 297 и др.

Данная особенность в ДАРЯ не картографирована, не находит она отражения и в звучащей хрестоматии [Там же: 29].

Таким образом, можно заключить, что четкая оппозиция твердых и мягких (а также глухих и звонких) согласных, свойственная преимущественно говорам центра, в костромских говорах XVII в., по всей видимости, отсутствовала. На современном этапе мы наблюдаем уже результат перестройки этого сегмента системы и установление межфонемных отношений, свойственных говорам центра.

Здесь нелишним будет напомнить, что ряд примеров (см. выше) показывает, что и вполне константные, как может показаться на первый взгляд, соотносительные пары фонем <в> — <ф> и <в’> — <ф’> не были, вероятно, для XVII в. совершенно устоявшимися.

В первой половине XVII в. в костромских говорах губные и зубные фонемы были представлены в позиции сандхи (внешнего) перед фонемой <и> в своем основном виде (без смягчения), о чем свидетельствует целый ряд обнаруженных примеров. Для губных: *в ывановo* acc. sg. 354, 487; *в ыва*^{н}-

чю^{ш}*кове* loc. sg. 795 об., 799, 902; *в ыигна*^{т}*ево* acc. sg. (здесь, а также в ряде последующих примеров можно наблюдать характерное для некоторых писцов отражение произношения, совмещенное со следованием орфографической норме: за написанием, обладающим фонетической значимостью, следует стандартное) 585; *в ы*^{л}*якове* loc. sg. 441. и др.; для зубных: *из ыванова* gen. sg. 694, 705 об., 916; *с ывано*^{м} instr. sg. 58, 65 об., 120 об. 2х; *с ывашко*^{м} instr. sg. 646, 647, 665 об., 771 об., 772, 773 об., 777, 810–810 об., 872 об., 889 об.; *с ыгна*^{ш}*ко*^{м} instr. sg. 346 об.; *с ыле*^{и}*кою* instr. sg. 664 об. и др. Что касается заднеязычных, имеется лишь один сомнительный пример: *при\\ка*^{з}*щик ыива*^{н} 867–867 об. Конечно, единичность такого написания можно объяснить не только отсутствием соответствующего фонетического явления, но и отсутствием подходящего графического образца, то есть малой распространенностью сочетаний типа **кы**. Однако данные говоров, распространенных вблизи рассматриваемой территории в XX в., позволяют предполагать, что заднеязычные в позиции сандхи перед [и] все же смягчались. В тексте № 29 из звучащей хрестоматии [Касаткина 1991: 29] встретилось три интересных примера, которые, возможно, позволят уяснить судьбу заднеязычных согласных в позиции сандхи перед [и] (даются в упрощенной транскрипции): [*да́кь и заво́ют*], [*та́кь и сва́талися*], [*жени́хь и выкупа́ат*] [Там же: 29].

Как видим, представлены примеры для двух различных по способу образования заднеязычных согласных, которые, хотя и были обнаружены в речи лишь одного информанта, позволяют предположить, что в позиции сандхи перед [и] в костромских говорах и в более ранний период — в первой половине XVII в. — заднеязычные согласные действительно могли либо выступать в смягченном виде, либо крайне непоследовательно сохранять основной вид. Что касается зубных и губных согласных, то их реализация в этот период в основном виде (без смягчения) несомненна, так как материал отказной книги в этом отношении в целом вполне надежен. Для XX в. более точными данными, чем те, которые обнаруживаются в звучащих текстах, мы не располагаем, поскольку в ДАРЯ [1] эта особенность не картографирована.

Рассматриваемым говорам было свойственно позиционное оглушение согласных перед согласными: *^{в}ра*^{ш}*ку* dat. sg. 769 об.; *гряска* nom. sg. 675 об.; *лу*^{ш}*ку* dat. sg. 774, 831 об., 832 об., 833 об., 839 об., 840 об.; *сере*^{ш}*ка* nom. sg. 168, 598 об., 739 об., 796, 859 об.; *фе*^{т}*кою* 647 об. 2х; и др. В равной степени характеризовало их и озвончение в данной позиции (впрочем, появившись после падения редуцированных, оно вскоре распространилось на весь русский язык): *г девяносту г девети* 179 об.; *^{г} дере*^{в}*ня*^{м} 851 об.; *о*^{д}*дели*^{т} inf. 724 об., 725 и др. В звучащей хрестоматии [Касаткина 1991: 29] позиционное оглушение тоже зафиксировано.

Оглушение в позиции конца слова в первой половине XVII в. уже также имело место: *ме*^{д}*ве*^{т} nom. sg. 902 об.; *окла*^{т} acc. sg. 179, *попере*^{к} 26, 29 об. 2х, 30, 708 об. и др., — однако следует отметить, что сейчас несколько восточнее рассматриваемой территории (за рекой Унжей по реке Ветлуге)

находится значительный ареал сохранения звонкости в конечной позиции. В основном же массиве костромских говоров конечная звонкость в позиции оглушения сохраняется нерегулярно и лишь в отдельных небольших ареалах [ДАРЯ 1: 73].

Что касается ассимиляции согласных по твердости–мягкости, орфографические особенности исследованных памятников деловой письменности, написанных великорусской скорописью (широкое использование выносных букв, особенно согласных перед согласными; редкость написаний с использованием букв редуцированных в середине слова; частое совпадение начерков букв **ъ** и **ь**), не позволяют нам сделать каких-либо выводов о ее наличии в костромских говорах в первой половине XVII в.

Ныне регрессивная ассимиляция по мягкости определенно присутствует в говорах на рассматриваемой территории и представлена достаточно широко, в чем можно убедиться, изучив примеры из звучащей хрестоматии [Касаткина 1991: 29].

Среди прочих ассимиляций отметим типичное для современных говоров изменение начального [вн] → [мн], представленное в исследованной отказной книге целым рядом написаний: *мну*^{к} 832; *мнукими* 789; *мнука*^{ми} 790 об.; *мнуко*^{м} instr. sg. 789 об.; *мнучаты* instr. pl. 829.

Сейчас изменение [вн] → [мн] в центральном массиве костромских говоров последовательно, значительное число примеров этой фонетической особенности приведено в [Образование… 1970: 302–304].

Что касается диссимиляций, то в рассматриваемых говорах фонема <к> в первой половине XVII в. могла реализоваться посредством [х] перед [к], [п] и [т] и посредством [ɣ] перед [д]: *х кинешемъскому* 715; ^{х} *костро*^{м}*скому* 328 об.; *х пре*^{ж}*не*^{и} dat. sg. 859; *х пятидеся*^{ти} 447; *вадени*^{х}*та* gen. sg. 431 об.; *х тому* 292; *х тои* 153, 302 об., 476 об.; *х двѣмасто*^{м} 37 об.; *х двѣсти* 763 об.; *х девяносту* 763 об. Подобные реализации являются для севернорусских говоров достаточно стандартными, варьируется лишь набор позиций. Однако отмечена и крайне редкая особенность: перед звуком [к] фонема <к> реализовалась в звуке [ф].

[кк] → [фк]: *к волого*^{т}*цкому да в костромскому помѣ*^{с}*тью* 884 об.; *к старому е*^{г} *в костро*^{м}*скому помѣ*^{с}*тию* 81; *к старому его в костро*^{м}*скому помѣ*^{с}*тью* 451; *потулову в костро*^{м}*скому ево* 400 об.

Ранее подобная диссимиляция была обнаружена также в соседних пошехонских и вологодских говорах XVII в. [Галинская 2008: 158]. Сохраняется она, хотя и в несколько иных позициях, в двух деревнях (Никитино и Хорошее) на северо-западе интересующей нас территории и в XX в. [Бурова 1967: 220].

Подводя итоги, можно заключить, что севернорусские костромские говоры в своем развитии претерпели следующие изменения:

1. На месте старой фонемы <ê> в позиции перед мягкими согласными теперь преобладает, везде сосуществуя с [и], звук [е], тогда как реализация [i͡e] исчезла.

2. Полное оканье сохраняется, однако в районе Чухломы находится обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, а ближе к Костроме растет число примеров, где на месте <а> во втором предударном слоге представлен [ъ] либо [ы], а порой даже [о], что свидетельствует о переходе от полного оканья к неполному (владимирско-поволжскому).
3. В безударных слогах после мягких согласных совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [е] (независимо от качества последующего согласного) стало гораздо более регулярным: оно осуществляется не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными.
4. Протетический и эпентетический [в] вне лексем *восемь* и *вотчина* представлены лишь крайне небольшими ареалами, преобладает отсутствие данного явления, что свидетельствует о сужении его распространения.
5. Широко распространилось прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных (не только после парных по твердости–мягкости согласных и <ч>, но даже и после <j>).
6. Реликтово мягкие реализации шипящих <ш> и <ж> практически отсутствуют, а немногочисленные имеющиеся примеры обусловлены зависимостью от последующего согласного и/или гласного переднего ряда. Подобной закономерности в примерах, обнаруженных в исследованной отказной книге, не наблюдается.
7. Полностью утратились реликтово мягкие реализации фонемы <ц>. В современных костромских говорах обнаруживается лишь последовательная реализация данной фонемы в виде твердого [ц].
8. Утратилась, по всей видимости, непозиционная мена твердых/мягких и глухих/звонких согласных.
9. Данных о диссимиляции предлога *к* в [ф] перед [к] в современных говорах на территории треугольника Кострома — Солигалич — Кологрив у нас нет. Следует предполагать нивелировку этой особенности.

Остальные особенности рассматриваемых говоров каких-либо изменений не претерпели:

1. Переход [е] в [о] осуществлялся и осуществляется последовательно во всех позициях.
2. Изменение [а] в [е] между мягкими согласными крайне непоследовательно и нерегулярно.
3. В костромских говорах еще до начала XVII в. сформировалась корреляция фонем <в> — <ф> и <в’> — <ф’>, ныне практически не знающая исключений. Каких-либо следов реализации <в> посредством звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w] (в современных говорах они опциональны и периферийны) в исследованных документах обнаружено не было. Предлог *ув*, ныне отсутствующий, в первой половине XVII в. если и был представлен, то чрезвычайно непоследовательно.

4. Последовательная реализация фонемы <г> посредством [г] сохраняется в костромских, как и во всем массиве средне- и севернорусских говоров.
5. Долгие твердые шипящие, широко распространенные в современных костромских говорах, возникли уже к началу XVII в.
6. На рассматриваемой территории преобладала и преобладает реализация фонемы <ч> как [ч’].
7. В позиции сандхи перед <и> в первой половине XVII в. (равно как и в XX в.) заднеязычные согласные, по всей видимости, могли и могут либо выступать в смягченном виде, либо же крайне непоследовательно сохранять основной вид, тогда как зубные и губные представлены определенно своим основным видом (без смягчения).
8. Позиционное оглушение согласных перед согласными — давняя неизменная особенность костромских говоров.
9. Оглушение в позиции конца слова в первой половине XVII в. уже имело место, в XX в. сохранение звонкости в данной позиции рассматриваемых говоров представлено лишь окказионально.
10. Типичное для современных говоров на рассматриваемой территории изменение начального [вн] → [мн], последовательное в их центральном массиве, обнаруживается в костромских говорах уже в первой половине XVII в.
11. В XX в. в костромских говорах в различных комбинациях сосуществуют реализации <к> в звуке [х] перед [к], [п] и [т] и их звонкие корреляты. Имеются ареалы, где представлена модель, аналогичная отраженной в исследованных текстах XVII в.: [х] перед [к], [п] и [т]; [ɣ] перед [д].

Источники

Костр. — Отказные, отдельные, разыскные, отписные, обыскные, межевые и мерные книги поместий, вотчин и пустых земель Костромского уезда 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, 1315 лл.).

Литература

Аванесов 1949 — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949.

Бегунц 2006 — И. В. Бегунц. Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в. Дис. … канд. филол. наук. М., 2006.

Бурова 1967 — Е. Г. Бурова. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 211–227.

Васеко 1973 — Е. Ф. Васеко. Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности. Дис. … канд. филол. наук. М., 1973.

Галинская 1985 — Е. А. Галинская. История формирования говоров Ладого-Тихвинской группы (Фонетика. Фонология). Дис. … канд. филол. наук. М., 1985.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Издательство Московского университета, 2002.

Галинская 2008 — Е. А. Галинская. Нестандартная реализация предлога «к» в истории русских диалектов // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 154–161.

Горшкова 1947 — К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык писем и бумаг Петра Великого // Вестник Московского государственного университета. 1947. № 10. С. 111–118.

Грехова 1964 — Л. П. Грехова. К истории аканья в костромских говорах // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Т. 148. Вып. 10. 1964. С. 499–506.

ДАРЯ 1 — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика. М.: Наука, 1986.

Зализняк 2014 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Зеленин 1913 — Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Б. и., 1913.

Касаткина 1991 — Русские народные говоры: звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Ред. Р. Ф. Касаткина. М.; Бохум: Наука, 1991.

Копосов 1971 — Л. Ф. Копосов. Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1971.

Котков 1963 — С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М.: Наука, 1963.

Лопухина 2011 — А. А. Лопухина. Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в. Дис. … канд. филол. наук. М., 2011.

Образование… 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970.

Фасмер III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987.

Хабургаев 1966 — Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Введение. Вокализм) // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 163. Вып. 12. 1966. С. 271–314.

Хабургаев 1967 — Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Т. 204. Вып. 14. 1967. С. 167–183.

Статья получена 27.12.2019

Vladimir Yu. Shatin
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
vl.shatin@gmail.com

PHONETIC FEATURES OF KOSTROMA DIALECTS IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY AND THEIR FURTHER FATE

The article considers phonetic features of Kostroma dialects of the 17th century and compares them to the present situation in the Kostroma – Soligalich – Kologriv triangle. As the primary source for this research, the Kostroma registry book for the years 1619-1634 was used. Its data were compared with those present in the Dialectological Atlas of the Russian Language. Northern Russian Kostroma dialects have undergone several modifications: reflexes of the phoneme /ê/ in anteposition to palatalized consonants have changed; in the Chukhloma region, there is nowadays an area where genetically southern Russian dialects representing *akanje* are present; there is a much stronger tendency towards neutralization of all unstressed non-high vowels in postposition to palatalized consonants in the sound [e] (regardless of the quality of the following consonant); progressive assimilative palatalization of velar consonants has become common, while relic palatal realizations of hushing phonemes /š/ and /ž/ have become almost extinct, and relic palatal realizations of phoneme /c/ have completely disappeared.

Keywords: Russian business style documents of the 17th century, historical dialectology, historical phonetics of the Russian language, Kostroma dialects, northern Russian dialects

References

Avanesov, R. I., & Bromlei, S. V. (Eds.). (1986). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka (Tsentr evropeiskoi chasti SSSR)* (Issue 1). Moscow: Nauka.

Begunts, I. V. (2006). *Foneticheskii stroi belozersko-bezhetskikh govorov pervoi poloviny XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Burova, E. G. (1967). Dialektnye izmeneniia i zameny *k* pri sochetanii ego s posleduiushchimi vzryvnymi soglasnymi (v predlozhno-padezhnykh konstruktsiiakh). In *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* (pp. 211–227). Moscow: Nauka.

Galinskaya, E. A. (1985). *Istoriia formirovaniia govorov Ladogo-Tikhvinskoi gruppy (Fonetika. Fonologiia)* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Galinskaya, E. A. (2002). *Istoricheskaia fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Galinskaya, E. A. (2008). Nestandartnaia realizatsiia predloga «k» v istorii russkikh dialektov. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(16), 154–161.

Gorshkova, K. V. (1947). Iz istorii moskovskogo govora v kontse XVII — nachale XVIII veka. Yazyk pisem i bumag Petra Velikogo. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10, 111–118.

Grekhova, L. P. (1964). K istorii akan'ia v kostromskikh govorakh. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoi, 148*(10), 499–506.

Kasatkina, R. F. (Ed.). (1991). *Russkie narodnye govory: zvuchashchaia khrestomatiia* (Part 1). Moscow: Bokhum; Nauka.

Khaburgaev, G. A. (1966). Zametki po istoricheskoi fonetike iuzhnovelikorusskogo narechiia (Vvedenie. Vokalizm). *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta, 163*(12), 271–314.

Khaburgaev, G. A. (1967). Zametki po istoricheskoi fonetike iuzhnovelikorusskogo narechiia (Konsonantizm). *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoi, 204*(14), 167–183.

Koposov, L. F. (1971). *Vologodskie govory XVI–XVII vv. po dannym mestnoi delovoi pis'mennosti: Fonetika i morfologiia* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Kotkov, S. I. (1963). *Iuzhnovelikorusskoe narechie v XVII stoletii: fonetika i morfologiia*. Moscow: Nauka.

Lopukhina, A. A. (2011). *Fonetika kholmogorskogo i shenkurskogo dialektov XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Orlova, V. G. (Ed.). (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov (po materialam lingvisticheskoi geografii)*. Moscow: Nauka.

Vaseko, E. F. (1973). *Fonologicheskaia sistema moskovskogo govora pervoi poloviny XVI v. po pamiatnikam delovoi pis'mennosti* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Zaliznyak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zelenin, D. K. (1913). *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smiagcheniem zadnenebnykh soglasnykh v sviazi s techeniiami pozdneishei velikorusskoi kolonizatsii*. St Petersburg: [s.n.].

Received on December 27, 2019

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.5

А. С. АЛЕКСЕЕВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
alevtina.sergeevna@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ТЕКСТЫ ОЛОНЕЦКОГО СБОРНИКА: ФОНЕТИКА И ГРАММАТИКА*

Олонецкий сборник (БАН. 21.9.10) представляет собой одно из крупнейших собраний рукописных заговоров первой половины XVII в. Изучение фонетических и грамматических особенностей рукописи и сопоставление как с современным, так и поздним диалектным материалом позволило установить, что оба писца были носителями новгородского диалекта или говоров северо-восточной новгородской периферии. В обеих частях рукописи были обнаружены следующие диалектные особенности: переход ударного [ê] > [и], полное оканье, твердое качество <ж>, реализация долгого глухого шипящего в виде [ш̄'], звонкого — [ж̄], неразличение аффрикат, синкретизм сущ. **ā*-скл. Р.–Д.–М. ед., флексия *-ыма*/*-има* у прилагательных в Т. мн., конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени. Во второй части рукописи дополнительно отмечаются предлог *ув*, взрывной характер звонкого задненебного, флексия *-амы*/*-ямы* у существительных в Т. мн., И. п. в клаузах с причастиями. Отражение двух типов синкретизма Р.–Д.–М. ед. существительных **ā*-скл. может свидетельствовать как о смешении, типичной черте диалекта данной половины столетия, так и об использовании нескольких разновременных источников.

Ключевые слова: Олонецкий сборник, рукописные заговоры, древнерусский язык, севернорусские говоры, историческая лингвогеография.

Рукопись БАН. 21.9.10[1], так называемый Олонецкий сборник (далее — ОС), представляет собой ценный источник по древнерусской фольклорно-книжной традиции и истории русского языка. На основании филиграней источник датирован промежутком между 1618–1644 гг., что поддерживается характерными особенностями почерка и упоминанием в одном из текстов имени царя Михаила Федоровича, правившего в 1613–1645 гг. (подробнее о датировке см. [РЗРИ 2010: 88]). Сборник состоит из двух частей,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90061. Автор благодарит Е. А. Галинскую, Я. А. Пенькову и А. Л. Топоркова за возможность обсудить настоящую работу и членов редколлегии за ценные замечания.

[1] Описание рукописи см. в [РЗРИ 2010: 87–88].

написанных скорописью двух почерков на 46 листах. В первой части содержится 36 текстов (№ 1а–35, причем в одном тексте есть несколько слов на карельско-вепсском наречии[2]), во второй — 94 (№ 36–125, из них 13 заговоров на карельско-вепсском наречии). Обширный текстовый и жанровый состав сборника — 130 записей — привлекал внимание многих исследователей, однако первое полное издание рукописи появилось лишь в 2010 г. под редакцией А. Л. Топоркова[3] [Там же: 37–310].

Чрезвычайно интересен вопрос о месте создания рукописи. В 1876 г., в первом издании ОС, учитель Петрозаводской духовной семинарии Л. Л. Малиновский указывает, что за рамками публикации остаются «заговоры, содержащіеся въ рукописи на Корельскомъ языкѣ, Повѣнецкого нарѣчія» [ОГВ: 161]. При этом репертуар сборника, как замечает А. Л. Топорков, действительно имеет параллели с севернорусским фольклором (в частности, с записями из Каргопольского р-на Архангельской обл. и Вытегорского р-на Вологодской обл.) [РЗРИ 2010: 83]. О происхождении рукописи высказывался и проанализировавший иноязычные заговоры А. П. Баранцев, который считал, что памятник был записан на территории распространения людиковских говоров (см. подробнее [Там же: 50–51]). Поскольку и русские, и карельско-вепсские тексты были записаны одновременно[4], пролить свет на этот вопрос может помочь изучение языковых особенностей русскоязычной части[5], что является предметом исследования настоящей работы.

1. Фонетические особенности ОС

1.1. Ударный вокализм: судьба фонемы <ê>

В рукописи наряду с обычной для позднерусских текстов меной *ѣ*/*е* встречается спорадическая мена *ѣ*/*и*, которая свидетельствует об осуществившемся переходе [ê] > [и] во всех позициях (минимальное число примеров не противоречит данному выводу, поскольку писец ориентировался на книжную норму): перед твердыми и мягкими согласными и в абсолютном конце слова.

---

[2] Определение С. А. Мызникова, подробнее см. [Там же: 52].

[3] О предшествующих публикациях и истории рукописи см. в [Там же: 39–46].

[4] Об этом свидетельствует наличие двух иноязычных текстов между записями № 117 и № 125, которые представляют собой разделенный на две части заговор: такое явление возможно только в случае наличия единого протографа для этого отрезка [Алексеева, Гиппиус 2019: 152–153].

[5] Ранее средства выражения принадлежности в русском языке были исследованы Н. В. Логуновой [1984] на материале разных рукописей, включая ОС, однако комплексный анализ с точки зрения диалектологии до сих пор не проводился.

Перед твердыми согласными: *взлети*^{л}[6] (л. 8 об., № 15), *горисо*, т. е. *горило*[7] (л. 16 об., № 33); *прилети*^{л} (л. 32 об., № 93; л. 33, № 95).

Перед мягкими согласными: *вини*^{к} ‘веник’[8] (л. 7, № 10), *зви*^{р} (л. 15 об., № 32); *пристри*^{ч}*нои* (л. 29, № 80), *на желизе* (л. 45, № 124), *ви*^{т}*е* (л. 43, № 122).

В абсолютном конце слова: *на реки* (л. 7, № 10), *в руки* (л. 11 об., № 25 × 2); *в руки* (л. 19, № 38), *сквоз*^{и} (л. 19 об., № 39; л. 27, № 75 × 3; л. 38 об., № 114), *на рѣки* (л. 29, № 80; л. 38, № 114), *средѣ Иердани рѣки* (л. 30, № 85), *сред*^{и} (л. 32 об., № 93), *на мура*^{в}*и* (л. 34 об., № 103), *на <со>би* (л. 42 об., № 121).

Необходимо прокомментировать некоторые примеры. Единственный показательный случай мены *ѣ*/*и* в конце слова — написание местоимения *себѣ*, поскольку, во-первых, в древнерусских текстах отмечается широкая вариативность при записи предлога *средѣ*/*среди* (ср. [СЛРЯ, 27: 135–136]), что не может однозначно свидетельствовать о мене букв. Во-вторых, акцентуация предлога *сквози* подразумевала два варианта, соответственно, конечный гласный может оказаться неударным. В-третьих, окончание *-и* у существительных в Р.–Д.–М. может не носить фонетического характера, т. к. в рукописи отмечается синкретизм данных падежных флексий (см. подробнее 2.1).

Заметим, что в целом мена *ѣ*/*и* встречается в несколько раз меньше, чем мена *ѣ*/*е*, однако даже такое количество примеров показательно. Особенно подчеркнем, что в ряде случаев написание неэтимологического *-и* может поддерживаться аналогическим влиянием со стороны соседних форм. См., например: *при ч҃ри Двде море ѡжесточ<u>и</u>ло*^{с}*, гора ѡжесточ<u>и</u>ла, прилет<u>и</u>*^{л} *вра*^{н} (л. 33, № 95).

Произношение [и] в ударном слоге на месте **ě* во всех позициях характеризовало новгородский диалект кон. XVI — первой пол. XVII в. [Галинская 2002: 42] и северную часть белозерско-бежецких говоров первой пол. XVII в. [Бегунц 2006: 69]. В говорах северо-восточной новгородской периферии, по данным Е. А. Галинской, перед мягкими согласными [ê] > [и], а перед твердыми фонема сохранилась, продолжая реализовываться в дифтонге [и͡е], что отражается в соотношении количества замен *ѣ*/*е*/*и*. К сожалению, ОС не располагает достаточным арсеналом примеров, чтобы определить процент, но наличие мены *ѣ*/*и* перед твердыми согласными позволяет сопоставить рукопись и с северо-восточной новгородской периферией. Что интересно, в Повенецкой таможенной книге 1612 г., в происхождении которой можно не сомневаться, ни разу не отмечается мена *ѣ*/*и* [Чернякова 2006].

---

[6] Здесь и далее примеры приводятся по рукописи в упрощенной орфографии. Номера листа и заговора по изданию [РЗРИ 2010] указываются в скобках. Примеры из второй части рукописи отделяются точкой с запятой.

[7] Вероятно, буква *с* появилась под влиянием начальной буквы следующего слова: *горисо ср*^{д}*це*.

[8] В издании приводится чтение *винук* [РЗРИ 2010: 96], однако в рукописи виднеется полузатертая правая мачта второй буквы *и*.

1.2. Ударный вокализм: результаты изменения [е] в [о]

Большинство орфограмм, свидетельствующих об осуществлении перехода [е] в [о] после мягкого согласного перед твердым, находится во флексиях или в позиции абсолютного конца слова, а также есть несколько показательных примеров в корне слова во второй части ОС.

В абсолютном конце слова: *яицо* (л. 5, № 5; л. 11 об. × 2, № 25; л. 12, № 25; л. 20, № 42; л. 39 × 2, № 116б; л. 42 × 2, № 121).

В окончании: *яицо*^{м} (л. 42 об., № 121), *ла*^{р}*цо*^{в} (л. 13 об., № 29).

В корне: *шо*^{л}*ковы*^{е} (л. 32 об., № 93), *шо*^{л}*ковая* (л. 41 об., № 120).

Ввиду того, что вторым почерком зафиксированы примеры с переходом [е] в [о] в фонетически обусловленной позиции перед твердым согласным, можно сделать вывод, что позиция конца слова в этом отрезке также показательна: как результат аналогического изменения. Позиция во флексиях перед твердыми согласными, однако, недостаточно надежна для определения широты перехода [е] в [о], поскольку может иметь не фонетическое, а морфологическое объяснение.

Изменение [е] в [о] после мягких согласных перед твердыми произошло практически во всех русских говорах, за исключением части рязанских говоров [Галинская 2002: 201], поэтому этот показатель не релевантен для определения диалекта. Однако широкое отражение данного процесса, характерное для новгородских текстов второй пол. XVI — первой пол. XVII в., позволило Е. А. Галинской предположить, что это явление становится нормой для писцов-новгородцев, в связи с чем следует обратить особое внимание на написания без *о*, которые в ряде случаев могут свидетельствовать о нерегулярности перехода [Там же: 18]. Что касается ОС, оба писца последовательно соблюдают книжную норму, изредка отклоняясь от нее под влиянием реального произношения.

1.3. Ударный вокализм: вопрос об изменении ['а] в [е]

В рукописи представлен только один пример с написанием *е* вместо *я* под ударением — однако перед твердым согласным: *и хоте*^{б} *посо*^{х} *мо*^{ш}*но здѣла*^{т} (л. 34 об., № 103). Написания, отражающие переход ['а] в [е] между мягкими согласными, отсутствуют: эта черта, отмечавшаяся в древненовгородском диалекте, в XVII в. в новгородских говорах, говорах северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002: 203] и бежецкой зоне белозерско-бежецких говоров [Бегунц 2006: 234], уже находилась в стадии нивелировки, в отличие от холмогорского, шенкурского [Лопухина 2011: 6, 14] и белозерских говоров [Бегунц 2006: 234], которым переход был известен.

1.4. Безударный вокализм. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова: первый предударный слог

В большинстве случаев буквы *а* и *о* употребляются в соответствии с этимологией (в том числе приставка *роз-*; единственное исключение —

ра^{з}боиника (л. 23, № 56)): *бора^{н}* (л. 11 об., № 25); *борана* (л. 33 об., № 100), *пола^{т}* (л. 37, № 111), *рощѣпа* (л. 28, № 76), *росколе^{т}* (л. 33 об., № 98) и др. Тем не менее зафиксированы и написания *а* на месте **о*: *наровы* (л. 1 об., № 1а), *дабу^{ди}* (л. 11 об., № 25); *са а͡ггл͡ы* (л. 27 об., № 76) — последний пример может быть как опиской, так и изменением гласной в проклитике под влиянием следующего [а] (ср. с написанием *ка Ан*[*и*] в берестяной грамоте № 377 (XIII в.) [Зализняк 2004: 74]). Запись слова *покоя^{н}я* (л. 5, № 5) в первой части рукописи, возможно, является как отражением замены *а* на *о* перед [á], так и опиской, повтором буквы гласного.

Полное оканье характеризовало северо-восточную новгородскую периферию [Галинская 2002: 204], холмогорские, шенкурские [Лопухина 2011: 6], вологодские [Копосов 1971: 61], белозерско-бежецкие [Бегунц 2006: 84], великоустюжские говоры [Сущева 1974: 76] кон. XVI — первой пол. XVII в., а для собственно новгородских говоров, как и для первой части ОС, в это время было характерно оканье с элементами неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных. В Повенецкой таможенной книге 1612 г. отмечается написание *с носаду* (л. 26) [Чернякова 2006], которое следует скорее интерпретировать не как смешение букв *а* и *о* в первом предударном слоге, а как лексикализацию [Зализняк 2008: 145]: по предположению И. Б. Иткина, в результате вероятного влияния слова *носъ* (в письме).

1.5. Безударный вокализм. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова: второй и другие предударные слоги

Буквы *а* и *о* также употребляются в соответствии с этимологией, однако обнаруживается один ненадежный пример неразличения гласных неверхнего подъема не перед [ó]: *да закату* (л. 44, № 123). С другой стороны, следует отметить существительное Р. ед. *тово(л)ги* (л. 28, № 76) с непрозрачной этимологией, вероятно, имеющее наконечное ударение [ЭСРЯ, 4: 8]. Однако, как и в предыдущем примере, подобное написание могло возникнуть в результате ошибки писца.

1.6. Безударный вокализм. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова: заударные слоги

В ОС последовательно различаются *а* и *о* в заударных слогах. Отсутствие мены букв *а* и *о* в заударных слогах было характерно для рукописей, составленных на территории распространения говоров северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002: 206], вологодских [Копосов 1971: 8] и великоустюжских говоров [Сущева 1974: 77] первой половины XVII в.

1.7. Безударный вокализм. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова: вопрос о гласном [у] на месте безударного [о] и нелабиализованном гласном на месте [у]

В ОС отмечаются два примера с написанием *у* на месте безударного [о]: во-первых, в слове *арьхиепи(с)купи* (л. 15 об., № 32) — где отражается архаичное произношение [ЭСРЯ, 1: 91]. Во-вторых, в слове *непу*^{т} ‘подозрение (?)’[9] (л. 25 × 2, № 60), которое, вопреки точке зрения А. И. Алмазова, восходит не к греч. *ὕποπτον* ‘подозрение’ [Алмазов 1904: 9], а к праслав. **pъt-* [ЭСРЯ, 3: 64]. Не исключено, что в этом случае произошло сближение со словом *непут-*: ср. *непутныи* ‘способный причинить вред, несчастье’ в рязанских диалектах [СРНГ, 21: 136]. Таким образом, в рукописи нет надежных примеров, свидетельствующих об усилении лабиализации заударного [о], что изредка наблюдается, например, в новгородских говорах конца XVI — первой пол. XVII в. [Галинская 2002: 22–23].

1.8. Безударный вокализм: позиция после мягких согласных

В первом предударном слоге часто встречается мена *ѣ*/*е*, а также имеется один ненадежный пример написания *и* вместо *ѣ* во второй части сборника: *пострили*^{т} (л. 29, № 79) — поскольку здесь также вероятна описка под влиянием буквы *и* в следующем слоге.

Произношение [и] на месте **ě* перед мягким согласным отмечается в новгородских говорах, говорах северо-восточной новгородской периферии, белозерской зоне белозерско-бежецких говоров, шенкурском говоре, вологодском диалекте [Галинская 2002: 210; Бегунц 2006: 234; Лопухина 2011: 15]. Намного чаще отмечается мена *ѣ*/*и* в заударных слогах — в позиции перед твердым согласным (только в первой части рукописи) и в абсолютном конце слова — подобное явление характерно для новгородских, тихвинских [Галинская 2002: 214], вологодских [Копосов 1971: 8], белозерско-бежецких [Бегунц 2006: 105–106] и шенкурских [Лопухина 2011] рукописей кон. XVI — нач. XVII в.

Приведем примеры подобной мены *ѣ*/*и*.

Перед твердым согласным: *wкамени*^{л} (л. 5 об., № 6).

В абсолютном конце слова: *в леси* (л. 5 об., № 6), *на окияни* (л. 9 об., № 18), *на острови* (л. 9 об., № 18), *в лет*^{и} (л. 6, № 7), *в вечери* (л. 14, № 29; л. 14 об. — 15, № 30), Д. ед. *мату*^{ш}*ки* (л. 17, № 34); *на про⟨сви⟩ри* (л. 25, № 60), *в ступи* (л. 27, № 72), *на… wкияни* (л. 27 об., № 76), *на крова*^{т}*ки* (л. 33 об., № 99), *в зыбки* (л. 35 об. × 2, № 106), *на воздуси* (л. 36 об., № 110), Д. ед.

[9] По-видимому, лексема имеет значение, близкое к толкованию слов *непщевание* в значении ‘необоснованное мнение, подозрение’ и *непьщь* ‘мнение, подозрение’ [СЛРЯ, 11: 261–262].

ко^{л}дунихи (л. 40, № 117), *w… закати* (л. 42, № 121), *в коробо^{ч}ки* (л. 42, № 121), *вь ямки* (л. 42, № 121).

Гиперкорректное употребление *ѣ* вместо *и*: *кр^{с}тѣяне* (л. 30 об., № 86), *к Настасѣи* (л. 32 об., № 93), В. мн. *лѣшѣ*[x10] (л. 35, № 104), *прѣедае^{т}*[11] (л. 37, № 111).

Здесь необходимо прокомментировать написание глагола *wкамени^{л}*. С течением времени лексема *ка́менѣти* изменяет акцентуацию на *камене́ть* [Зализняк 2019: 392], поэтому гипотетически возможно произнесение *и* без ударения. С другой стороны, буква *и* в этой позиции могла появиться под влиянием инфинитивных основ на суффиксальный [і].

Примеры мены букв в абсолютном конце слова также могут иметь объяснение с точки зрения морфологии: поскольку в рукописи отмечается синкретизм Р.–Д.–М. ед. (см. подробнее 2.1), существительные жен. р. были способны принять флексию *-и* под влиянием мягкого типа (*на про⟨сви⟩ри*, *в ступи*) или в результате перехода [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи] (примеры с основой на заднеязычный согласный). Что касается слов муж. и ср. р., употребление флексии *-и* также можно объяснить воздействием мягкого типа.

В форме *кр^{с}тѣяне* буква *ѣ* также может заменять *ь*, поскольку в других примерах эта лексема записывается исключительно с бывшим редуцированным: *кр^{с}тьѧ^{н}ству* (л. 30 об., № 86), *кр^{с}тьѧнѣ* (л. 31, № 88). Аналогичный эффект может быть представлен в примере *Настасѣи*, однако это предположение менее вероятно, потому что в данной части рукописи встречается запись *анастасиѧ* (л. 32 об., № 93).

Далее, во втором предударном слоге один раз пишется *е* вместо *и*: *пероговъ* (л. 24 об., № 59).

Относительно реализации <’а> следует отметить наряду с этимологическими написаниями варианты с *е* на месте *я* во второй части: *паметь* (л. 27 об., № 75; л. 37, № 111; л. 39, № 116в), *паметна* (л. 42 об., № 121) — такая реализация зафиксирована в говорах северо-восточной новгородской периферии, в собственно новгородском диалекте [Галинская 2002: 215].

1.9. Безударный вокализм: позиция после шипящих согласных и [ц]

В заударных слогах отмечается написание с *о* на месте *е* после шипящих: *м҃цо^{в}* (л. 8, № 14), *м^{с}цо^{м}* (л. 13, № 27; л. 31 об., № 89), *верете^{н}цо* (л. 39, № 116г). Окончания инфинитивов и форм презенса 3 л. ед. возвратных глаголов записываются не только в соответствии с наддревнерусской нормой, но и при помощи сочетаний *-тца* или *-тце* (только в первой части): *пригоди^{т}ца* (л. 3, № 3), *ѡ^{т}дѣла^{т}це* (л. 13 об., № 28), *имае(т)ца* (л. 22, № 53) и др.

[10] В рукописи записано простой литореей: *сѣвѣ(ж)*.

[11] Здесь также может отражаться смешение приставок *пре-*/*при-*.

1.10. Консонантизм. Губные спиранты: фонема <в> и ее позиционные варианты, эпентетическое и протетическое [в], фонема <ф>

В слабой позиции оба писца ОС пишут *в* в соответствии с этимологией, за исключением написания *Еѳимѣяно(в)* (л. 30, № 86), где отражается упрощение *Еѵѳѵмии* ⇒ *Еввѳимии* ⇒ *Еѳимии*. В первой части встречается протетическое [в]: *вострее востро*^{г} (л. 14 об., № 29), а во второй — мена сонорных согласных [в]/[j]: *ѡдѣвала*^{ми} (л. 45, № 124), однако эти образования могут быть лексикализованными ввиду их большой распространенности [СЛРЯ, 12: 266; 3: 63–64]. Еще один пример имеет дискуссионный характер: *а буде*^{т} *наскорѣ надо*^{б}*но, ино припес*[*и*] *у вогня слѣды* (л. 25 об., № 61) — здесь можно видеть как написание *вогня* с протетическим [в], так и употребление предлога *ув* перед словом, начинающимся с гласного. В пользу второго предположения свидетельствуют написания без протетического [в] во второй части рукописи: *ѡго*^{н} (л. 19, № 38), *ѡгне*^{н}*ную* (л. 23, № 56), *огне*^{н}*наго* (л. 28, № 76). Предлог *ув* известен говорам северо-восточной новгородской периферии, новгородским, псковским, смоленским, великолукским в кон. XVI — первой пол. XVII в. [Галинская 2002: 218].

1.11. Консонантизм. Заднеязычные согласные: качество звонкого заднеязычного согласного, вопрос о прогрессивном ассимилятивном и переходном смягчении заднеязычных согласных, вопрос о сочетаниях [кы], [гы], [хы]

В обеих частях рукописи можно отметить написания с пропуском *г*, что свидетельствует о произношении фрикативного звонкого заднеязычного в лексике церковнославянского характера: *а*^{н}*е*^{л}*ско*^{і} (л. 17, № 34); *арха*^{н}*ело*^{м} (л. 21 об. × 2, № 52), *арха*^{н}*елская* (л. 32, № 91). Во втором почерке встречается написание *тресня*^{к} ‘камыш, тростник’ — при форме М. ед. *в золотѣ тре*^{с}*нягѣ* (л. 32, № 91), — в котором отражается позиционное оглушение конечного согласного в суффиксе *-яг-* (ср. в берестяной грамоте Торж. 9: *вьрьбяго* ‘ивовая заросль’ [Зализняк 2004: 456, 717]), что можно расценивать как свидетельство взрывного качества звонкого задненебного. На первый взгляд противоречащий данному предположению пример из той же части рукописи — *па*^{з}*нохтки* ‘крайние суставы пальцев’ (л. 31, № 88) — скорее отражает диссимилятивное изменение [кт] > [хт], широко представленное в обеих частях сборника: *х*^{то} (л. 2 об. — 3, № 3; л. 12 об., № 26), *нихто* (л. 24, № 57; л. 31, № 88 × 2; л. 36 об., № 110; л. 40, № 17). Тем самым наиболее предпочтительным является заключение о взрывном характере заднеязычного: такое образование отражается в рукописях кон. XVI — первой пол. XVII в. тихвинского, псковского, новгородского [Галинская 2002: 221], белозерско-бежецкого [Бегунц 2006: 233], холмогорского и шенкурского происхождения [Лопухина 2011: 10, 17]. Прогрессивное ас-

симилятивное и переходное смягчение заднеязычных согласных в рукописи не наблюдается: в единственном написании *ско*^{л}*ке* (л. 22, № 52), вероятнее всего, следует предполагать не смягчение [к] после [л’], а результат лексикализации в севернорусских говорах. Примеры произношения [ы] после заднеязычных также отсутствуют.

1.12. Консонантизм. Шипящие согласные: качество <ш> и <ж>, долгие шипящие согласные

Примеры, позволяющие определить качество <ш>, в обеих частях рукописи отсутствуют. Что касается звонкого коррелята фонемы, наряду с этимологически верными написаниями часто отмечается написание *жы*, свидетельствующее об отвердении шипящего: *лежы*^{т} (л. 3 об., № 4; л. 21, № 51; л. 22 об., № 54; л. 28 об., № 78; л. 32, № 90), *положы*^{ти} (л. 2 об., № 2; л. 3 об., № 3; л. 18 об., № 37; л. 22, № 52; л. 22, № 53), *жылы* (л. 3 об., № 4; л. 8, № 13), *хажыва*^{т} (л. 4, № 4), *мужыка* (л. 8, № 12), *Б҃жы*^{и} (л. 11, № 23; л. 22 об., № 54), *ножыко*^{м} (л. 11 об., № 25), сущ. *жы*^{л} (л. 14, № 29), *грыжы* (л. 18 об., № 37), *положы* (л. 20, № 41; л. 21, № 48; л. 24 об., № 59; л. 34, № 102), *завяжы* (л. 23, № 56), *свяжы* (л. 25, № 60), *жы*^{ти} (л. 26, №63; л. 31 об., № 89), *лежы*^{ш} (л. 27 об., № 75), *скажы* (л. 29 об., № 82), *жылныи* (л. 32 об., № 93), *положыте* (л. 35, № 104), *кряжыны* (л. 36 об., № 110), *положы*^{ш} (л. 42, №121), *де*^{р}*жыте* (л. 42 об., № 121). Показательно, что в ОС не зафиксировано ни одного отклонения от орфографической нормы, которое могло бы быть интерпретировано как свидетельство в пользу мягкости шипящего. Твердые шипящие отмечаются в рукописях, происходящих из северо-восточной новгородской периферии, Пскова, Великого Устюга [Галинская 2002: 222], Холмогор и Шенкурска [Лопухина 2011: 10, 18], Белозерска и Бежецка [Бегунц 2006: 233].

Судя по двум написаниям: *могущю* (л. 10 об., № 21), *защищю*^{с} (л. 31, № 88), — долгий глухой шипящий, скорее всего, был мягким. В обеих частях рукописи также отмечается мена *ш*/*щ*: *ще*^{л}*ко*^{м} (л. 5 об., № 6), *лоща*^{д} (л. 26 об., № 69), — которую ввиду небольшого числа примеров следует объяснять не графическими особенностями сборника, а некоторой близостью произношения краткого и долгого шипящих, состоящей в том, что шипящий, обычно обозначаемый буквой *щ*, был долгим, а не сложным. Однако не вполне понятна замена *ш* на *щ*, поскольку [ш], скорее всего, был твердым, как и [ж], твердость которого была доказана.

В совокупности эти написания позволяют предположить, что долгий глухой шипящий, во-первых, звучал мягко, а во-вторых, реализовывался одним звуком — [ш̄’]. Такая реализация находит отражение в новгородских говорах [Галинская 2002: 224–225]. В говорах северо-восточной новгородской периферии и белозерской зоны белозерско-бежецких говоров отмечается только твердый [ш̄]; в бежецкой зоне — [ш̄] наряду с [шт’] [Галинская 2002: 224; Бегунц 2006: 234].

Долгий звонкий шипящий передается сочетанием *жж*, которое выявляет его долготу: *ви*^{ж}*жала* (л. 6, № 7), *ви*^{ж}*жа*^{л} (л. 6, № 7), *поть*^{ж}*жана*^{м} (л. 18 об., № 37), — но не позволяет сделать выводы о мягкости или твердости согласного. В таком случае, основываясь на примерах реализации <ж>, правомерно восстановить произношение долгого звонкого шипящего как [ж̄]. Эта реализация известна белозерско-бежецким говорам (наряду с [ж'д']) [Бегунц 2006: 234], шенкурскому диалекту, холмогорскому говору [Лопухина 2011: 10, 18], новгородским и говорам северо-восточной новгородской периферии, псковским (наряду с [жд']) и вологодским говорам (наряду с [жд], [жд'] и [ждж]) [Копосов 1971: 9; Галинская 2002: 225–226].

1.13. Консонантизм. Аффрикаты

Такое диалектное явление, как цоканье, в рукописях XVI–XVII вв. отражается чрезвычайно редко — по мнению И. В. Бегунц, это явление связано с укоренившейся в XVII в. орфографической нормой, согласно которой после *ч* записываются преимущественно *и*, *я*, *ю*, а после *ц* — *ы*, *а*, *у* [Бегунц 2007: 40]. Эта норма, скорее всего, появилась в приказном языке центра (в московском говоре аффриката <ц> отвердела), откуда была заимствована другими региональными традициями деловой письменности. Близкая система обнаруживается и в ОС. После *ч*, однако, всегда пишется *а* (по-видимому, эта буква воспринимается писцами как нейтральная, т. е. допустимая при написании с любой аффрикатой). Другим отклонением от выделенной И. В. Бегунц системы является пример во второй части рукописи: *по*^{р}*чу* (л. 46, № 125), — в котором *ч* сочетается с *у*.

Интересные данные касательно количества аффрикат в говорах писцов содержат исправления: так, можно отметить как минимум три примера, в которых *ц* правится на *ч*. Что важно, вся правка вносится той же рукой. Приведем изначальные написания: *веце*^{р}*ние* (л. 15 об., № 32), *на цасовнѣ* (л. 17 об., № 35), *Ива*^{н} *Пр*^{д}*тца* (л. 37 об., № 112); вероятно, сюда же относится пример *Г*^{с}*ді Б҃же, бл*^{г}*ві, W*^{ч} (л. 11, № 23), если писец имел в виду Зв. ф. Что касается второй части сборника, следует добавить еще один пример отражения цоканья — заимствование *церенкан* 'черница' в одном из карельско-вепсских текстов [Мызников 2010: 303]. Мягкое цоканье обнаружено в белозерской зоне белозерско-бежецких говоров (в бежецкой зоне И. В. Бегунц предполагает наличие твердого цоканья или различение аффрикат) [Бегунц 2006: 235], холмогорском говоре и шенкурском диалекте [Лопухина 2011: 11, 18]; неразличение аффрикат отмечается в говорах северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002: 72–73].

1.14. Консонантизм. Непозиционная твердость–мягкость и глухость–звонкость согласных

В рукописи отмечается, во-первых, непозиционное отвердение согласных (особенно широко представлено отвердение [р']): прил. *горка* (л. 6 об.,

№ 7; л. 33 об., № 101а), *отроковы*^{цы} (л. 8, № 12), *товарыща*^{м} (л. 10, № 19), *го*^{с}*подару*[12] (л. 16, №32), *крукамы* (л. 21 об., № 52), *пасты* (л. 23, № 56), *лва*[13] (л. 22 об., № 56; л. 23, № 56; л. 30 об., № 87; л. 31, № 88), *угрысты* (л. 26, № 63), *крыча*^{л} (л. 35 об., № 106). Вероятно, к этим примерам можно причислить написание *д҃ны*: *в пе*^{р}*вы*^{и} *д҃ны молода м҃ца* (л. 2, № 1б), — если интерпретировать эту фразу не как ошибку (*ы* вместо *ь*), а как указание на несколько дней, с книжной флексией прилагательного в И. мн. муж. Также обращает на себя внимание склонение двух прилагательных по твердому подтипу: *ве*^{р}*хная с ни*^{ж}*но*^{и} (л. 14 об., № 30). С другой стороны, в первой части рукописи можно обнаружить примеры непозиционного смягчения согласных: *негото(к)* (л. 1, № 1а), *за га*^{и}*тя*^{н} (л. 3, № 3), и склонение слова *сахаръ* по мягкому подтипу: *сахаре*^{м} (л. 13 об., № 28). Во второй части ОС отмечается пример с написанием звонкого согласного вместо глухого: *су*^{д}*ки* (л. 26 об., № 70), и, наоборот, глухого согласного вместо звонкого: *мо*^{ш}*но*[14] (л. 34 об., № 103). В первом случае может быть также представлено гиперкорректное написание, т. к. писец чувствовал, что в позициях ассимиляции часто пишется звонкий согласный там, где слышится глухой. Особенно отметим этимологически верные написания приставок *воз-* и *роз-*: *во*^{з}*ходи*^{т} (л. 15, № 32), *ро*^{з}*шиби* (л. 21, № 49), *во*^{з}*хищающа*^{я} (л. 30 об., № 87), *ро*^{з}*сыпали*^{с} (л. 44, № 123), и правильную форму императива без оглушения: *съѣжь* (л. 24 об., № 59).

1.15. Консонантизм. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

В обеих частях ОС имеются написания, отражающие изменение *и* > *ы* после губных и зубных согласных в сандхи, т. е. согласные выступают в основных вариантах, без смягчения: *в Ыва*^{н}*скую* (л. 9, № 18), *в ызбу* (л. 24, № 57); *с ыго*^{л}*ные* (л. 7, № 9), *з ы*^{з}*бе* (л. 17, № 34), *из ы*^{з}*бы* (л. 28 об., № 76), *из ы*^{з}*бы* (л. 29 об., № 82). В остальных случаях представлены этимологически верные написания: *І҃с Х*^{с}*с Ива*^{н}*ну Б҃гослову* (л. 10 об., № 21), *рабо*^{м} *Б҃жии*^{м} *имя*^{р} (л. 116 об., № 33), *чере*^{з} *и*^{з}*городу* (л. 26 об., № 70) и др. Все случаи употребления заднеязычного согласного в позиции сандхи соседствуют с *и*: *и*^{х} *имена* (л. 2, № 1а); *трие*^{х} *исповѣдникъ* (л. 25, № 60), *ка*^{к} *Июда* (л. 33 об., № 101а) — однако написания *кы*, *гы*, *хы* в рукописи полностью отсутствуют.

В севернорусских говорах отмечаются две системы корреляции согласных по глухости–звонкости перед <и>: одна из них соответствует русско-

---

[12] Записано простой литореей: *чо(л)ноцаму*.

[13] Пример ненадежный, поскольку между буквой *л* и согласным *ь* часто не записывался.

[14] Возможно, по аналогии с написанным ранее наименованием сумки: *да взѧ(в) рѧбина, да де(р)жа(т) в* <u>*мо(ш)н*[*и*]</u>*, и хоте (б) посо(х)* <u>*мо(ш)но*</u> *здѣла(т) да в рука(х) де(р)жа(т)*.

му литературному языку, а вторая близка системе украинского языка, в котором перед гласными переднего ряда возможны только мягкие согласные, поскольку согласные не противопоставляются по твердости–мягкости [Пауфошима 1983: 56–58]. При этом, как отмечает Р. Ф. Пауфошима, разные группы согласных в сандхи могут реализовываться неодинаково: например, есть говоры, в которых испытывают смягчение либо губные, либо заднеязычные, либо и те и другие, — в то время как переднеязычные сохраняют твердость [Там же: 62]. В целом, как кажется, в обеих частях ОС представлена система корреляции согласных по глухости–звонкости в сандхи, близкая второй системе. Сходное произношение губных и зубных согласных в кон. XVI — нач. XVII в. отмечается в новгородских говорах [Галинская 2002: 38]. Ослабление корреляции по твердости–мягкости встречается и в белозерско-бежецких говорах XVII в. [Бегунц 2006: 204].

1.16. Консонантизм. Позиционное оглушение согласных

Во второй части рукописи представлены лишь ассимилятивные оглушения звонких согласных [б, ж, з] перед глухим: *ря*^{п}*чея* (л. 26, № 63), *тру*^{п}*кою* (л. 27, № 74), *отры*^{ш}*ки* (л. 32 об., № 93), *бли*^{с}*ко* (л. 21 об., № 52), *вылѣсти* (л. 26 об., № 67), *росколе*^{т} (л. 33, № 93).

1.17. Консонантизм. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных

В обеих частях рукописи широко распространено отражение диссимиляции и упрощения групп согласных.

[кт] ⇒ [хт]: *хто* (л. 2 об. — 3 об., № 3; л. 12 об., № 26; л. 36 об., № 110), *нихто* (л. 24, № 57; № 88, л. 31 × 2; л. 40, № 117); [кр] ⇒ [хр]: *хр*^{с}*тиянѣ* (л. 31 об., № 89), *хр*^{с}*тия*^{н}*скии* (л. 31 об., № 89);

[с’т’] ⇒ [с’]: *е*^{с} (л. 3 об., № 3; л. 7, № 10; л. 9 об. × 8, № 18; л. 10, № 20; л. 17 × 2, № 34; л. 26, № 63; л. 32, № 90; л. 38 об., №114), *тро*^{с} (л. 10 × 2, № 20), *пу*^{с} (л. 11 об., № 25), *бы*^{с} (л. 8, № 14), *крото*^{с}*ю* (л. 15, № 31), *че*^{с} (л. 25, № 60), да^{с} (л. 29 об. × 2, № 81)[15];

[ст] ⇒ [с]: *накре*^{с} (л. 22, № 54), *ч*^{с}*нои* (л. 42 об., № 121); [чт] ⇒ [шт]: *што* (л. 3 об., № 3; л. 28, № 76; л. 43, № 122); [чн] ⇒ [шн]: *со*^{л}*ны*^{ш}*но*^{м} (л. 6, № 7);

[ндр] ⇒ [р]: *арьхимарити* (л. 15 об., № 32);

[з’н’] ⇒ [з’]: *боле*^{з} (л. 6 об., № 8; л. 10 об., № 20);

[з’н’] ⇒ [з’] ⇒ [с’]: *боле*^{с} (л. 3 об., № 3);

[дк] ⇒ [тк] ⇒ [к]: *поки*^{н} (л. 5 об., № 5);

[вс] ⇒ [фс] ⇒ [с]: *стречю* (л. 9, №1 8);

---

[15] Данный пример отражает именно этот переход, а не упрощение [ст] ⇒ [с], поскольку в тексте приведены формы аориста 3 л. ед., нормативно имеющие окончание *-сть*.

[кн] ⇒ [н]: *то*^{л}*ну*^{т} (л. 17, № 34);
[бч] ⇒ [ч]: *ωче*^{р}*ти* (л. 23 об., № 57);
[рг] ⇒ [р]: *че*^{т}*ве*^{р} (л. 26 об., № 71);
[дч] ⇒ [ч]: *почерпни* (л. 22, № 52);
[сг] ⇒ [г]: *гла(з)* (л. 33, № 97);
[рдц] ⇒ [рц]: *серце* (л. 43–43 об., № 122).

Исследование фонетических особенностей ОС показало, что в рукописи отмечается такая яркая северно-русская черта, как произношение [и] в ударном слоге на месте **ě* во всех позициях, что характерно для новгородского диалекта и говоров северо-восточной новгородской периферии. Другие особенности фонетики — отражение полного оканья и оканья с элементами неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных, цоканье, взрывное качество звонкого задненебного (во второй части) и твердые шипящие — подтверждают, что оба писца были носителями севернорусских диалектов.

2. Грамматические особенности ОС

*2.1. Существительные *ā-скл. Р.–Д.–М. ед.*

В современных диалектах выделяются два типа синкретизма форм Р.–Д.–М. ед.**ā*-скл.: с синкретичной флексией *-е* в южных говорах и *-ы*/*-и* в говорах генетически новгородского типа. До XI в. в древненовгородском диалекте происходит унификация Р.–Д.–М. ед. твердого и мягкого типов основ на **ā-* и образование синкретичной формы с окончанием *-ѣ* [Галинская 1991]. Современный тип падежного синкретизма — с флексией *-ы*/*-и* — формируется под влиянием перехода [ê] > [i] в северо-западных говорах, однако на протяжении длительного времени *-ѣ* и *-ы* сосуществуют друг с другом в разном соотношении. Так, в XI–XIII вв. флексия *-ѣ* является единственно возможным вариантом окончания в Д.–М. ед. и господствующим в Р. ед. (спорадическое употребление *-ы* в берестяных грамотах объясняется проникновением наддиалектного древнерусского языка). Окончание *-ы* в Д.–М. ед. появляется лишь в XIV в., но уже в XVI в. отмечено сосуществование двух синкретичных форм (с преобладанием нового типа в первой пол. XVII в.), что преодолевается в кон. XVII в. за счет вытеснения флексии *-ѣ* и тем самым установления падежного синкретизма современного типа. Однако старая форма с *-ѣ* (*-е*) изредка встречается и в современных говорах как реликт. Подчеркнем, что флексия *-ы* отмечается и в Повенецкой таможенной книге 1612 г.: *по уста*^{в}*нои грамоты* (л. 25) [Чернякова 2006].

Исследуя систему Р.–Д.–М. ед. в ОС, мы учитываем только лексемы твердой разновидности **ā*-скл. (основы на заднеязычные при ударных окончаниях не учитывались, потому что у них [кы] > [ки], т. е. возникал тот же эффект, что и при переходе [ê] > [и]); ввиду немногочисленности

примеров отдельная статистика по ударным/безударным окончаниям и синтаксическим контекстам не приводится (тем не менее в рукописи имеются формы Р. ед. с предлогами *у*/*подле*/*съ*, *отъ*, а М. ед. выступает в собственно местном значении с предлогами *въ*, *на*). Как показал анализ, в записях представлены три системы распределения флексий: 1) в соответствии с этимологией: Р. ед. *-ы*, Д.–М. ед. *-ѣ*[16], 2) *-ѣ* в Р.–Д.–М. ед., 3) *-ы* в Р.–Д.–М. ед. Если первая система полностью нейтральна, то принципиальным отличием второй и третьей является наличие контраста, который выражается в появлении диалектных окончаний на фоне нейтральных. Для удобства выведем данные по группам № 2–3 в таблицу (первая система не показательна в силу своей нормативности, поэтому ее мы не будем рассматривать). Окончания Р. ед. *-ы* и Д.–М. ед. *-ѣ* не приводятся ввиду их нормативности.

Таблица 1

Группа	1-й писец	2-й писец
№ 2. Синкретизм старого типа	№ 12: Р. ед. *по^{о}ле то^{i} ступе* (л. 7 об.); № 34: Р. ед. *з ы(з)бе* (л. 17)	№ 41: Р. ед. *w^{т} животине* (л. 20); № 107: Р. ед. *у то^{и} рабѣ* (л. 36)
№ 3. Синкретизм нового типа	№ 7: Д. ед. *ко всяко^{и} стрелы* (л. 6 об.); № 18: Д. ед. *к высоты* (л. 9 об.), М. ед. *на воды* (л. 9); № 21: Д. ед. *ко А^{н}ны* (л. 10 об.)	№ 59: М. ед. *на воды* (л. 24 об. × 2); № 73: М. ед. *на травы* (л. 27); № 81: *в раны* (л. 29 об.); № 93: Д. ед. *не быва^{ти} руды* (л. 32 об.); № 96: М. ед. *в раны* (л. 33); № 98: М. ед. *на сосны* (л. 33 об.); № 100: М. ед. *в раны* (л. 33 об.); № 104: Д. ед. *по воды, к могилы* (л. 35); № 106: М. ед. *на хоромины, в сеи избы, в головы* (л. 35 об.); № 111: М. ед. *на перины, в глубины* (л. 37); № 124: Д. ед. *к осины* (л. 42); № 125: М. ед. *на бесѣды* (л. 45 об.)

Проникновение флексии *-ы* в Д. ед. в подчеркнуто книжный текст № 21: *ко А^{н}ны*, — как кажется, можно объяснить за счет текстологических особенностей рукописи (см. подробнее [Алексеева, Гиппиус 2019: 143]). Необходимо отметить, что в рукописи синкретизм нового типа преобладает над старым оформлением Р.–Д.–М. ед.

2.2. Флексия Т. мн.

Как отмечает Г. А. Хабургаев, «своеобразие условий унификации флексий в Т. мн. ч. сказалось в разнообразии результатов этого процесса по го-

[16] В т. ч. примеры с отражением [ê] > [i] и меной *-ѣ*/*-е*.

ворам» [Хабургаев 1990: 139]. В качестве формального показателя Т. мн. в ОС отмечаются шесть вариантов окончаний существительных: *-ы/-и*, *-ами/-ями*, *-амы/-ямы*, *-ыма/-има*, *-ми*, *-мы* (при этом первый писец употребляет лишь этимологический вариант *-ы/-и* и диалектный *-амы/-ямы*, а второй писец использует все модели). Если окончания *-ы/-и*, *-ами/-ями*, *-ми* употребляются в древнерусских рукописях вне зависимости от места их создания, то остальные варианты являются диалектными.

Флексия *-амы/-ямы* встречается, во-первых, в говорах, пограничных с украинскими и белорусскими, и, во-вторых, на севере Руси, где ее происхождение обусловлено контаминацией унифицированного окончания *-ами* и диалектного *-ама*, которое также фиксируется в говорах Прионежья [Хабургаев 1990: 141–142]. В ОС эта флексия встречается только у существительных: *своима думамы и смысламы* (л. 10 об., № 22 × 2), *ни з бра*^{т}*ямы, ни с сестрамы, ни с суседамы не ω*^{т}*седе*^{т}*це* (л. 13 об., № 28), *ка*^{к} *завяжу сю рябину ко*^{н}*цамы* (л. 5 об., № 6); *крукамы ва* ^{с}*закрючи*^{м}*, паличми убьемъ* (л. 21 об., № 52), *замыка*^{ш} *ср*^{д}*це г҃ѳ брато*^{в} *г҃ѳ замкамы, г҃ѳ ключами* (л. 43 об., № 122). Употребление флексии Т. мн. *-мы* известно говорам, однако в ОС эта флексия встречается только в составе одной фразы и является, на наш взгляд, результатом языковой игры, построенной на задействовании флексии другого словоизменительного класса: *из ы*^{з}*бы две*^{р}*мы*, *из воро*^{т} *воро*^{т}*мы* (л. 27 об., № 76; л. 29 об., № 82). Далее, в одной записи из первой части рукописи зафиксировано окончание *-ыма/-има* (контаминация этимологического окончания *-ы/-и* и форманта *-ма*), которое, согласно Г. А. Хабургаеву, встречается в говорах на территории Карелии, Архангельской и Псковской обл. [Там же: 141–142]: *своима* <u>*ногтима*</u> (л. 31, № 88).

Что касается адъективного склонения, в рукописи также отмечается окончание *-ыма/-има*: *1 стре*^{л} *гово*^{р}*… а и*^{н}*ны*^{и} *иныма боле*^{з}*нми* (л. 6, № 7), *своима думамы и смысламы* (л. 10 об., № 22 × 2), *своими приѣзды и своими приходы, и своима очима и и* (так в ркп. — *А. А.*) <u>*своима*</u> *ногтима, и* <u>*своима*</u> *малы*^{м} ^{и}*па*^{з}*нохтки* (л. 31, № 88). Вероятно, во второй части ОС имеется еще один пример употребления данной флексии. Ср. в публикации В. И. Срезневского: *есть межу двѣма рябинами кудрявым*[*а*] *золота колыбе*^{л} (л. 32, № 90) [Срезневский 1913: 502] (в настоящее время, после реставрации, последняя буква прилагательного *кудрявыи* читается ненадежно).

2.3. Конструкции с глаголом быти

Во второй части ОС обнаруживаются конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени, которые отмечаются в современных северо-западных говорах и памятниках XIII–XVI вв. также преимущественно северо-западного происхождения [Шевелева 1993: 139–141]: *есть чистое поле, и* <u>*е*^{с}*ть*</u> *в чисто*^{м} *полѣ* <u>*стои*^{т}</u> *Его*^{р} *ду*^{б} (л. 21 об., № 52), *есть гумно желѣзное,* <u>*есть*</u> *на то*^{м} *гумнѣ желѣзно*^{м} <u>*стои*^{т}</u> *бы*^{к} *желѣзно*^{и} (л. 20, № 42), <u>*есть*</u> *в морѣ ѡкиянѣ* <u>*стои*^{т}</u> *белъ каме*^{н} (л. 22 об., № 55). Имеются также два примера употребления *есть* в качестве связки при

именном сказуемом*: ка*^{к} *в се*^{и} *и*^{з}*бе двѣ мати*^{ц} *е*^{с} *крѣ*^{п}*ки* (л. 17, № 34), *ко*^{л} *есть сему мертвецу*[17] *тяжело ѡ*^{т} *земли и ѡ*^{т} *камени, сто*^{л} *бы тяжело было моему*[18] *супостатаю* (л. 35, № 104), — что является скорее чертой книжного языка. Заметим также, что оба писца дважды используют связку 3 л. ед. с конечными гласными *-и*: *да еще у мужа у ведуна есть* [...] *ба*^{и}*на па*^{р}*ная* (л. 7, № 10), *есть море ѡкия*^{н}*, есть в то*^{м} *в окиянѣ мори ѿрь Шустия* (л. 44 об., № 124); в первой части также встречается *есть* по отношению ко мн. ч.: *за ѡкияно*^{м} *море*^{м} *есть Сина*^{и}*ския горы* (л. 7, № 9). Не исключено, что в примере из записи № 37 должна была читаться связка 3 л. ед. с конечным *-и* вместо аграмматичного *есми сходится*, поскольку писец мог спутать довольно похожие скорописные написания букв *т* и *м*: *ка*^{к} *есми сходится зоря с свѣто*^{м}*, та*^{к} *бы сходила*^{с} *кро*^{в} *с мѣдью и мѣдь с кро*^{в}*ю* (л. 33, № 37). К тому же связка *есми* встречается в ОС лишь в первом почерке: *бы*^{л} *есми у ѿстго мужа, и ограждае*^{т} *меня, имя*^{р}*, ѿсты*^{и} *му*^{ж} *ѡ*^{т} *лихи*^{х} *люде*^{и} (л. 10, № 19).

2.4. Конструкция типа «вода пити» и прямое дополнение в клаузах с причастиями и личными формами глагола

В ОС достаточно распространены примеры употребления прямого дополнения в И. п. в инфинитивных клаузах (т. н. конструкции типа «вода пити») и в клаузах с причастиями и личными формами глагола. Примечательно, что большинство примеров появляется в так называемых инструкциях, лишь однажды конструкция употреблена в теле заговора, причем инфинитив зависит от предиката *надобно*: *надо*^{б}*но* <u>*ку*^{з}*ница золотая соружа*^{ти}</u> (л. 43, № 122).

В конструкции «вода пити», по данным Р. В. Ронько, употребляется преимущественно И. п. объекта нереферентных, слабоопределенных или неопределенных для говорящего имен [Ронько 2016: 163]. Однако в ОС зачастую речь идет, во-первых, об уже упоминавшемся предмете: *а в друго*^{и} *ру*^{к} *свечю ѡ*^{т}*не*^{с} *и соса*^{ч}[19] *за го*^{р}*ло... прише*^{д} *ко Его*^{р}*ю,* <u>*свеча*</u> [*с ѡ*]*гне*^{м} <u>*постави*^{т}</u> (л. 11 об., № 25), *гдѣ седи*^{т} *же*^{н}*ка, с то*^{г} *мѣста взя*^{т} *ще*^{п}*ка, выколупи*^{т} *да перерѣза*^{т} *на по*^{л}*,* <u>*половина же*^{ч}</u> (л. 12 об., № 27); *и взя*^{т} *воды з берега, и скво*^{зи} *сава*^{н} *и скво*^{зи} *иглу* <u>*та вода процѣдить*</u> *3*^{ж}*... и на*^{д} *водо*^{и} *то*^{ж} *говори 3*^{ж} *сии слова, и* <u>*та вода пи*^{ти}</u> (л. 27–27 об., № 75), *или в рябину наговарива*^{и} *на кореню, у кореня, да наговори*^{в}*,* <u>*выня*^{т} *рябина*</u>*, да положы*^{ти} *на посте*^{ли} *подли ѿлка то*^{г} (л. 22, № 52), *в Велико*^{и} *Че*^{т}*вергъ, вываля*^{в} *тѣсто ис ква*^{ш}*ни, да* <u>*ква*^{ш}*ня ѡскрести*</u> *и руки* (л. 22, № 53); во-вторых, отмечаются контексты, в которых говорится об определенных понятиях, поскольку они снабжаются конкретными указаниями: <u>*взя*^{т}</u> *противо хре*^{б}*та в сорочке* <u>*ни*^{т}*ка*</u> (л. 12 об., № 27); <u>*могила выкопа*^{т}</u>*, гдѣ не*^{з}*наемо*^{и} *ме*^{р}*тве*^{ц}*... да* <u>*ве*^{р}*хняя доска*</u>

[17] В рукописи простой литореей: *ремкшеду.*

[18] В рукописи простой литореей: *роеру.*

[19] Ошибка в рукописи, д. б.: *коса*^{ч}.

сня^{ти} и сава^{н} ѡправи^{т} (л. 27–27 об., № 75) , *пе^{р}вое ста^{т} поутру до зори да взя^{т} рогатина, которая в звѣре бывала* (л. 27 об., № 57). Примеры с нереферентными именами ограниченны: *ка^{к} робя не спи^{т}, взя^{ти} желчь зае^{ч}я да ея* [*вы*]*суши^{ти}* (л. 25 об., № 62) *проня^{т} скво^{зи} сава^{н} з^{ж} игла* (л. 27–27 об., № 75). Далее, как видно из цитат, все имена неодушевленные. По сравнению с материалом Р. В. Ронько [Там же: 170–171], ОС демонстрирует более широкое употребление постпозиции объекта по отношению к инфинитиву: в рукописи обнаруживается семь примеров препозиции и шесть постпозиции.

До недавнего времени конструкцию «вода пити» связывали с северо-западной диалектной зоной, хотя некоторые исследователи также отмечали отдельные примеры в смоленских, полоцких и московских памятниках (см. обзор работ в статье [Ронько 2016: 160–161]). Однако, как показала А. В. Попова, эта конструкция широко использовалась и в московском регионе в XVI — нач. XVIII в. [Попова 2017], что не позволяет считать ее явлением исключительно северо-западных диалектов. Тем не менее вторая часть ОС содержит и типично севернорусскую конструкцию, а именно прямое дополнение в И. п. в клаузе с причастием [Ронько 2016: 158]: *а самом^{у} води^{т} безымя^{н}нымъ пе^{р}стомъ, да взя^{в} рябина, да де^{р}жа^{т} в мо^{ш}н*[*и*] (л. 34 об., № 103).

Итак, в обеих частях рукописи отмечаются такие типично севернорусские черты, как синкретизм двух типов существительных жен. р. с основой на **ā-* в Р.–Д.–М. ед., адъективная флексия *-ыма*/*-има*, субстантивная флексия *-амы*/*-ямы*, конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени и прямое дополнение в И. п. в клаузах с причастиями и личными формами глагола.

3. Заключение

Как показало исследование фонетических и грамматических особенностей ОС, диалектам обоих писцов свойственны черты, характерные для севернорусских говоров (см. таблицу 2).

В дополнение к таблице следует заметить, что переход [’а] в [е] между мягкими согласными, не зарегистрированный в ОС, не противоречит севернорусскому происхождению рукописи, поскольку в некоторых говорах в XVII в. он находился в стадии нивелировки. Однако можно ли точнее локализовать диалекты писцов? Для начала проверим реалистичность гипотезы о связи сборника с Заонежьем и, в частности, Повенецким уездом. К сожалению, подробное лингвистическое исследование средневековых памятников этого региона отсутствует, а территория изучения современных говоров в ДАРЯ ограничена с севера 62-й параллелью: приблизительно половина Олонецкой губернии — в том числе г. Повенец и окрестности — остается за рамками внимания диалектологов. Тем не менее говоры этой местности, во-первых, были частично описаны Е. В. Барсовым во второй

Таблица 2

	1-й писец	2-й писец
переход ударного [ê] > [и]	во всех позициях	во всех позициях
безударный вокализм	полное оканье с элементами неразличения	полное оканье
предлог *ув*	отсутствует	присутствует
качество звонкого задненебного	нет данных	взрывной
качество <ж>	твердый	твердый
долгий глухой шипящий	[ш̄’]	[ш̄’]
долгий звонкий шипящий	[ж̄]	[ж̄]
количество аффрикат	цоканье	цоканье
синкретизм сущ. **ā*-скл. Р.–Д.–М. ед.	два типа	два типа
субстантивное скл. Т. мн.	стандартные флексии	*-амы*/*-ямы*
адъективное скл. Т. мн.	*-ыма*/*-има*	*-ыма*/*-има*
глагол *быти*	конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени	конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени
прямое дополнение	отсутствует	И. п. в клаузах с причастиями

пол. XIX в. [Барсов 1872], во-вторых, они рассматривались в нач. XX в. в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова, в котором Повенецкий уезд находился на территории распространения Поморской и Олонецкой групп говоров [Дурново и др. 1915]. Данная работа делает возможным сопоставление имеющегося материала с хоть и более поздним, но, однако, географически близким материалом.

В причитаниях Е. В. Барсов выявил следующие особенности фонетики и грамматики, которые отражаются или могут отражаться в ОС. Ученый отмечает, что звук [о] часто появляется в конце слова после [ц] и иногда переходит в [у] (единственный пример из списка с безударной позицией: *удолять*) [Барсов 1872: XXIII]. Далее, звук [и] «иногда звучит как» [е] (*доберается*), а звуки [и] и [ê] могут быть взаимозаменяемы (*одинемъ* вм. *одѣнемъ*, *винички* вм. *венички*, *поторопѣлся* вм. *поторопился*, *тихомѣрны* вм. *тихомирны*). Здесь необходимо отметить, что в приведенных примерах зафиксировано лишь употребление [и] на месте **ě* в позиции перед мягким согласным, в то время как перед твердым отмечается обратный эффект:

в целом это явление свидетельствует о близости реализации двух фонем. В возвратных глаголах в 3 л. ед. настоящего и будущего времени, как пишет исследователь, *-ся* переходит в *-ци* (*стоскнетци сгорюхнетци*), что можно сопоставить с произношением, отраженным в рукописи: *-тца* или *-тце* (конечный гласный редуцируется, поэтому однозначно описать звук невозможно) [Барсов 1882: 309]. Что касается консонантизма, по наблюдениям Е. В. Барсова, в причитаниях аффрикаты не различаются [Барсов 1872: XXIV], и это не противоречит материалу ОС. Все эти черты присутствуют в рукописи, однако релевантными для определения диалекта являются только рефлекс **ě* и характер употребления аффрикат.

Важное замечание Е. В. Барсова относится к флексиям Т. мн., который «иногда оканчивается на *мы*, иногда на *мъ*: *за горамы* (90, 31) *сь сусѣдмы* (82, 47) *топоренкамы* (95, 33) *колотушкамъ* (21, 37) *почанчанкамъ* (105, 7) *качелямъ* (83 63)» [Там же: XXVIII]. Здесь следует уточнить, что в первом и третьем примерах употребляется окончание *-амы*/*-ямы*, зафиксированное в обеих частях ОС, в то время как во втором — окончание *-мы*/*-ми* (наблюдается только во второй части сборника). Однако эти флексии характеризуют разные севернорусские говоры, что также не позволяет сделать вывод об олонецком происхождении рукописи.

Авторы «Опыта…» отмечают значительную близость говоров Поморской и Олонецкой групп, наиболее важным различием между которыми является рефлексация **ě*. Так, если в поморских говорах **ě* > [е] во всех позициях, за исключением конца слова, то в олонецких говорах отмечается гораздо более гетерогенная система: в одних говорах ударный **ě* реализуется как [ê] или [e^{i}] перед мягкими и твердыми согласными, в других — как [ê] или [е] перед твердыми согласными и как [и] или [e^{i}] перед мягкими согласными [Дурново и др. 1915: 21]. Как можно заметить, ни один из вариантов не совпадает с данными ОС, в обеих частях которого **ě* > [и] и перед мягкими, и перед твердыми согласными, — такое распределение, судя по «Опыту...», в нач. XX в. было характерно лишь для новгородских говоров [Там же: 22]. Другая черта, которая дифференцирует группы, — это переход [’а] > [е], прошедший в говорах Поморской группы и отсутствующий в большинстве говоров Олонецкой группы. Один пример перехода встречается и во второй части ОС, однако он отсутствовал также и в новгородских говорах этого периода [Там же: 21–22].

Таким образом, среди говоров нач. XX в. наиболее близкими диалектам двух писцов оказываются именно новгородские говоры (единственное отличие — отсутствие флексии *-ма* в субстантивном и *-ма*, *-мы* в адъективном склонении Т. мн.). Что касается синхронного среза, новгородские говоры и говоры северо-восточной новгородской периферии первой пол. XVII в. также демонстрируют наибольшее число соответствий с материалом ОС, поэтому можно предположить, что в это время в данных говорах до распространения Т. мн. = Д. мн. могли существовать и флексии *-ма*

в субстантивном, и *-ма*, *-мы* в адъективном склонении. При этом необходимо отметить, что наличие двух типов синкретизма Р.–Д.–М. ед. существительных с исторической основой на **ā-* может не только отражать тенденцию распределения окончаний в первой пол. XVII в., но и свидетельствовать о наличии нескольких источников, использованных писцами: более ранних и более поздних — поскольку ни в одной записи не находятся сразу два варианта флексии.

Источники

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости. 1876. № 15. С. 161–163.

ОС — НИОР БАН. 21.9.10. Сборник заговоров. Первая пол. XVII в. 8°. 46 л.

РЗРИ 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010.

Чернякова 2006 — И. А. Чернякова. Повенецкая таможенная книга 1612 г. [Электронный документ] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2006. URL: http://illmik.petrsu.ru/Alkonost/pdf_s/Povenets.pdf.

Литература

Алексеева, Гиппиус 2019 — А. С. Алексеева, А. А. Гиппиус. Наблюдения над текстом Олонецкого сборника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 141–157.

Алмазов 1904 — А. И. Алмазов. Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения вора). Греческий устав совершения его по рукописи XVII в., с кратким историческим очерком. Одесса: «Экономическая» типография, 1904.

Барсов 1872 — Е. В. Барсов. Причитанья Севернаго края собранныя Е. В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М.: Современные известия, 1872.

Барсов 1882 — Е. В. Барсов. Причитанья Севернаго края собранныя Е. В. Барсовым. Ч. 2. Плачи завоенные, рекрутские и солдацкие. М.: Университетская типография, 1872.

Бегунц 2006 — И. В. Бегунц. Фонетический строй Белозерско-Бежецких говоров первой половины XVII века. Дис. … канд. филол. наук. М., 2006.

Бегунц 2007 — И. В. Бегунц. К вопросу об отражении цоканья в русской деловой письменности XVII в. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 40–41.

Галинская 1991 — Е. А. Галинская. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.

Дурново и др. 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М.: Синодальная типография, 1915.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Зализняк 2019 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Копосов 1971 — Л. Ф. Копосов. Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Логунова 1984 — Н. В. Логунова. Средства выражения принадлежности в русском языке XVII в. Дис. … канд. филол. наук. Л., 1984.

Лопухина 2011 — А. А. Лопухина. Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в. Дис. … канд. филол. наук. М., 2011.

Мызников 2010 — С. А. Мызников. Карельско-вепсские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010. С. 286–310.

Пауфошима 1983 — Р. Ф. Пауфошима. Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М.: Наука, 1983. С. 55–62.

Попова 2017 — А. В. Попова. Конструкция типа «*вода пити*» по данным московских памятников XVI — нач. XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 251–264.

Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (31). С. 158–181.

СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975 –.

Срезневский 1913 — В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае В. И. Срезневским. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. С. 481–511.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. Л., СПб.: Наука, 1965–.

Сущева 1974 — М. В. Сущева. Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга). Дис. … канд. филол. наук. М., 1974.

ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Шевелева 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 135–155.

Статья получена 14.12.2019

Alina S. Alekseeva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
The Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

RUSSIAN TEXTS IN *OLONETSKY SBORNIK* FROM THE 17TH CENTURY: PHONETICS AND GRAMMAR

The *Olonetsky sbornik* (The Library of the Russian Academy of Sciences. 21.9.10) is one of the biggest collections of handwritten incantations of the first half of the 17th century. The study of phonetic and grammatical features of the manuscript and its comparative analysis with contemporary and later dialectal material allows to conclude that its scribes were speakers of the Novgorod dialect or some dialect of the north-eastern periphery of the Novgorod Land. The following dialect features were discovered in both parts of the manuscript: the realization of **ě* as [i] in stressed position, the distinction between the vowels [o] and [a] in unstressed syllables, the palatalised quality of the long voiceless sibilant [ʃʲː] in contrast with the non-palatalised voiced sibilants [ʒ], [ʒː], merger of the voiceless alveolar affricate /ts/ and the voiceless postalveolar affricate /tʃ/, syncretic inflection of *a*-stem nouns in Gen.–Dat.–Loc. singular, adjective inflection — *yma*/*-ima* in Instr. plural, constructions with the existential modal *est'* and present tense forms. The dialect of the second scribe is also characterized by voiced velar fricative [γ], the use of the preposition *uv*, the desinence *-amy*/*-yamy* in the Instr. plural of the nouns and the use of the Nominative in the function of direct object in infinitival and participial clauses. The co-occurrence of two types of syncretic genitive/dative/locative form of **ā*-stem nouns suggests either simultaneous use of different inflections, which was typical of the Novgorod dialect in the first half of the 17th century, or the use of different protographs by the scribes.

Keywords: Olonetsky sbornik, handwritten charms, Old Russian language, Northern Russian dialects, historical linguistic geography

References

Alekseeva, A. S., & Gippius, A. A. (2019). Nabliudeniia nad tekstom Olonetskogo sbornika. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki, 2*(76), 141–157.

Almazov, A. I. (1904). *Ispytanie osviashchennym khlebom (Vid «Bozh'ego suda» dlia oblicheniia vora). Grecheskii ustav soversheniia ego po rukopisi XVII v., s kratkim istoricheskim ocherkom*. Odessa: Ekonomicheskaia tipografiia.

Barkhudarov, S. G. et al. (Eds.). (1975–). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. (Vols. 1–). Moscow: Nauka.

Begunts, I. V. (2006). *Foneticheskii stroi Belozersko-Bezhetskikh govorov pervoi poloviny XVII veka* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Begunts, I. V. (2007). K voprosu ob otrazhenii tsokan'ia v russkoi delovoi pis'mennosti XVII v. In M. L. Remneva, & A. A. Polikarpov (Eds.), *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka* (pp. 40–41). Moscow: MAKS Press.

Durnovo, N. N., Sokolov, N. N., & Ushakov, D. N. (1915). *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii*. Moscow: Sinodalnaia tipografiia.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Vols. 1–). Leningrad; St Petersburg: Nauka.

Galinskaia, E. A. (1991). K istorii sinkretichnykh imennykh form v russkikh severozapadnykh govorakh. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiia*, 5, 28–36.

Galinskaia, E. A. (2002). *Istoricheskaia fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Izd-vo MGU.

Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moscow: Izd-vo MGU.

Koposov, L. F. (1971). *Vologodskie govory XVI–XVII vv. po dannym mestnoi delovoi pis'mennosti: Fonetika i morfologiia* (Doctoral dissertation). Moscow State Pedagogical Institute, Moscow.

Logunova, N. V. (1984). *Sredstva vyrazheniia prinadlezhnosti v russkom yazyke XVII v*. (Doctoral dissertation). Leningrad State University, Leningrad.

Lopukhina, A. A. (2011). *Fonetika kholmogorskogo i shenkurskogo dialektov XVII v*. (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Myznikov, S. A. (2010). Karel'sko-vepsskie zagovory Olonetskogo sbornika. In A. L. Toporkov (Ed.), *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoi poloviny XIX v.* (pp. 286–310) Moscow: Indrik.

Paufoshima, R. F. (1983). Nekotorye osobennosti sandkhi v severnorusskikh govorakh. In R. I. Avanesov (Ed.), *Russkie narodnye govory: Lingvogeograficheskie issledovaniia* (pp. 55–62). Moscow: Nauka.

Popova, A. V. (2017). Konstruktsiia tipa «voda piti» po dannym moskovskikh pamiatnikov XVI — nach. XVIII vv. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(33), 251–264.

Ronko, R. V. (2016). Differentsirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v infinitivnykh klauzakh v drevnerusskom yazyke. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(31), 158–181.

Sheveleva, M. N. (1993). Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom *byti* i ikh dialektnye sootvetstviia. In B. A. Uspenskii, & M. I. Sheveleva (Eds.), Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu yazykoznaniiu: Pamiati prof. G. A. Khaburgaeva (pp. 135–155). Moscow: Izd-vo MGU.

Sreznevskii, V. I. (1913). *Opisanie rukopisei i knig, sobrannykh v Olonetskom krae*. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.

Sushcheva, M. V. (1974). *Orfograficheskie normy i vozmozhnosti otrazheniia dialektnykh osobennostei v delovoi pis'mennosti pervoi poloviny XVII v. (na materiale dokumentov g. Velikogo Ustiuga)* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2008). *«Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvista*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Zaliznyak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK.

Received on December 14, 2019

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.6

М. Н. ШЕВЕЛЁВА
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРФЕКТЕ И АОРИСТЕ В РАННИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена проблеме семантики распределения перфекта и аориста в ранних восточнославянских текстах, интерес к которой, несмотря на то что она давно привлекала к себе внимание исследователей, в последнее время заметно оживился. Показано, что распределение аориста vs перфекта в древнейшей и более поздних частях «Повести временных лет» неодинаково: в старейшей части летописи, восходящей к XI в., оно в основном соответствует старославянскому, где аорист как нейтральный претерит свободно употребляется не только в нарративе, но и в прямой речи в контекстах «перфектности» (текущей релевантности результата), перфект же используется реже и в значительной части случаев сохраняет, как и в старославянских текстах, дополнительную характеризующую специфику, связанную с источником грамматикализации формы; в поздней части «Повести временных лет», составленной в начале XII в., как и в последующей летописной традиции XII–XIII вв., аорист употребляется как форма нарратива и практически уходит из прямой речи, а перфект используется как форма чужой речи с собственно перфектным значением, утрачивая свою исконную признаковую специфику. Выявленная динамика связана с эволюцией древнерусской глагольной системы в XI–XII вв. и с формированием традиции гибридного регистра книжного языка в XII в.

Обсуждается также выдвинутая в недавних работах М. В. Скачедубовой (Ермоловой) гипотеза о регулярном употреблении в восточнославянских памятниках формы на *-л-* в функции причастия.

Ключевые слова: древнерусский язык, летописи, «Повесть временных лет», аорист, семантика перфекта, форма на *-л-*.

И возва є Ѡльга к собѣ [и ре҃ имъ]
добри гостьє придоша. и рѣша деревлѧне
придохомъ кнѧгине. И ре҃ имъ Ѡльга
да гл҃те что ради придосте сѣмо.
Повесть временных лет, 945 г., Лавр., л. 15

1. К проблеме семантики оппозиции перфекта и аориста в старейших славянских текстах

Хорошо известный диалог Ольги с древлянами из древнейшей части «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) не раз привлекал к себе внима-

ние исследователей. Обращалось внимание прежде всего на употребление здесь аориста в прямой речи — контексте перфектного значения, при том что перфект в этом рассказе о «мести Ольги» тоже встречается, ср. далее в непосредственном продолжении приведенного в эпиграфе фрагмента: *рѣша же древлѧне* ***посла*** *ны дерьвьска землѧ. рькуще сице. мужа твоего* ***оубихомъ****. бѧше бо мужь твои аки волкъ восхищаю и грабѧ. а наши кнѧзи добри суть. иже* ***распасли суть*** *деревьску землю* (ПВЛ, 945 г., Лавр., л. 15 — выделены формы аориста и перфекта в прямой речи).

П. С. Кузнецов, отметивший это употребление аориста в ПВЛ в диалоге Ольги с древлянами, писал: «Здесь, на первый взгляд, даже кажется, что скорее следовало бы употребить перфект, так как древляне находятся налицо, в результате того, что пришли. Но результативность выражается особой формой лишь тогда, когда говорящий специально фиксирует на ней внимание» [Кузнецов 1953: 233]. Позднее он развивает мысль о том, что перфект используется в летописи (т. е. в ПВЛ) как специально маркированная на выражении перфектности форма и между аористом и перфектом, употребленными в таком диалогическом контексте, — при том, что обе формы выражают результативность, — скорее всего, существовали тонкие семантические различия [Кузнецов 1959: 195, 205].

В последующих исследованиях эти примеры из рассказа об Ольге и древлянах обычно трактуются как свидетельство неправильного употребления аориста в контексте перфектности вследствие утраты формы в живом древнерусском языке и забвения ее грамматического значения — недифференцированного употребления аориста и перфекта [Успенский 2002: 216–217 и др.][1].

В действительности вывод о грамматической неправильности таких употреблений аориста в контекстах перфектности (прямой речи) и связи их с утратой аориста в живом древнерусском языке сделан быть не может. Достаточно обратиться к старославянским данным. Старославянские тексты показывают такую же картину — до недавнего времени на это обращалось мало внимания, поскольку сомнений в грамматической правильности употребления аориста в старославянском ни у кого возникнуть не могло. Однако в своё время А. Вайан, а позднее П. С. Кузнецов отмечали возможность колебаний перфекта/аориста в подобных контекстах прямой речи в старославянских памятниках. А. Вайан писал о возможной факультативности выбора между аористом и перфектом в таких контекстах: **еже оубо богъ <u>съчета</u> чловѣкъ да не разлѫчаатъ** (Мт 19: 6) — ср. **еже оубо богъ <u>съчеталъ естъ</u>** (Мк 10: 9); **дъшти твоѣ <u>оумрѣтъ</u>** (Мк 5: 35) —

[1] Формы аориста с перфектным значением в этом и подобных контекстах рассматриваются как «результат искусственной славянизации некнижного текста; славянизация при этом касается лишь форм, а не значений, и поэтому аористные формы оказываются в неаористном значении» [Успенский 2002: 216; ср. также Горшкова, Хабургаев 1981: 331–332].

ср. **отроковица нѣстъ оумрѣла нъ съпитъ** (Мк 5: 39) [Вайан 1952: 381–382]. П. С. Кузнецов предполагал возможность в таких случаях стилистических различий между аористом и перфектом в старославянском: для перфекта (помимо маркированности на выражении результативности) предполагается «выражение большей категоричности» [Кузнецов 1961: 83–84], что, впрочем, относится не столько к сфере стилистики, сколько грамматической (модальной) семантики[2].

Действительно, аорист в старославянских текстах свободно употребляется в контекстах перфектности в прямой речи — многие примеры обнаруживают замечательное сходство с нашими примерами из ПВЛ. Случаи такого рода, сходные с представленными выше примерами А. Вайана, уже приводились в работе [Шевелева 2009], ср. в евангельском рассказе о приходе волхвов к младенцу Иисусу: **се вльсви отъ въстокъ придѫ въ ер҃лмъ глѫще. къде естъ рожды сѧ ц҃ръ июдѣискъ. видѣхомъ бо ѕвѣѕдѫ его на въстоцѣ и придохомъ поклонитъ сѧ емоу** (Савв. кн., Мф. 2: 2); в рассказе об Иоанне Крестителе: **въ вр҃мѧ оно оуслышавъ иродъ тетрархъ слоухъ и҃сѹ і рече отрокомъ своимъ. сь естъ иоанъ кръститель. тъ въскрьсе отъ мрътвыхъ. і сего ради силы дѣѭтъ сѧ о немь** (Мар., Мф 14: 2) [Там же: 152] и др. — число их можно существенно увеличить. Такое употребление аориста совершенно нормально для старославянского языка.

В недавних работах [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018] это также сказано вполне определенно: то, что традиционно понимается под перфектным значением, в старославянском свободно выражает аорист. Авторы присоединяются к мнению, что аорист в старославянском языке может употребляться в контекстах так называемой «текущей релевантности» результата, т. е. той семантики, которая традиционно рассматривается как перфектное значение. Обращается внимание на то, «насколько сложно формализовать правила выбора одной из двух граммем — значение, передаваемое перфектом, не исключено и у части употреблений аористной формы» [Плунгян, Урманчиева 2017: 23], ср. приводимые авторами примеры такого употребления аориста в старославянских текстах и колебаний аориста / перфекта в сходных контекстах, аналогичные приведенным нами выше, — показательно указание авторов на то, что в английской версии соответствующих евангельских фрагментов читается перфект, см. примеры (по Мар. ев.): **ты же съблюде доброе вино доселѣ** (Ин 2: 10); **равьви. виждъ смоковъница ѭже проклѧтъ оусъше** (Мк 11: 21), ср. колебания: **б҃же мои б҃же мои. въскѫѭ мѧ еси оставилъ** (Мф 27: 46) — **б҃же б҃же мои въскѫѭ мѧ остави** (Мк 15: 34) и др. [Там же: 22; см. также Плунгян, Урманчиева 2018: 422]. Наблюдения над употреблением старославянских аориста и перфекта в таких результативных контекстах «текущей релевантности» приводит авторов к мысли о семантической маркированности перфекта по некоторому

[2] В сходном направлении искал основания распределения аориста и перфекта в старославянском Б. Гаспаров [2003].

иному признаку, связанному не с релевантностью результата, а с «характеризационной функцией» — характеризацией субъекта, объекта или ситуации в целом («топика данного фрагмента повествования») [Плунгян, Урманчиева 2017: 29, 42–43]. Обращается внимание и на тяготение перфекта к нелокализуемым во времени ситуациям, где в фокусе оказывается именно эта характеризация субъекта/объекта/ситуации, а не результат действия с конкретной темпоральной локализацией; «результат, — по мнению авторов, — прагматически не так важен», как эта характеризующая функция перфекта [Там же]. Тем самым, согласно данной концепции, оппозиция аориста/перфекта в старославянском признается привативной, но перфекту приписывается маркированность не по «текущей релевантности» результата, как это прежде предполагалось ([Кузнецов 1953: 233; Шевелёва 2009: 152] — см. выше), а по характеризационной функции. В работе [Плунгян, Урманчиева 2018] вывод о свойственности старославянскому перфекту характеризующего, а не результативного значения формулируется еще более решительно: авторы отказывают старославянскому перфекту в результативной семантике вообще, выдвигая предположение, что «в старославянском перфект мог *исходно* иметь экзистенциально-характеризационное, а не результативное значение» и представлять особую типологическую разновидность перфекта — нерезультативную [Там же: 437].

Предложенная гипотеза о характеризационной специфике ст.-сл. перфекта (подкрепленная в [Там же] выявлением характерных для его употребления типов контекста), как кажется, достаточно точно уловила природу семантической маркированности ст.-сл. перфекта, связанную с его тяготением к признаковой, характеризующей семантике. Однако при этом вряд ли можно согласиться с отрицательным ответом авторов на вынесенный в заглавие статьи 2017 г. вопрос («Перфект в старославянском: был ли он результативным?») и с предположением об исконном отсутствии у ст.-сл. перфекта результативного компонента значения, поскольку семантику релевантности результата, представленную практически во всех употреблениях ст.-сл. перфекта, этот характеризующий компонент, думается, никак не отменяет[3]. Исконная нерезультативность, очевидно, предполагается

[3] Тезис об отсутствии у ст.-сл. перфекта результативного компонента семантики базируется в названных работах на двух аргументах: 1) возможности в результативных контекстах употребления аориста; 2) возможности перфекта употребляться в контекстах аннулированного результата, на основании чего делается вывод об индифферентности перфекта к противопоставлению результативных/нерезультативных ситуаций [Плунгян, Урманчиева 2018: 424, 429]. Первый аргумент свидетельствует только о немаркированности по данному признаку аориста и способности его в определенных контекстных условиях выражать релевантность результата — о невозможности перфекта выражать такую релевантность он не говорит ничего.

Второй аргумент о возможности употребления перфекта в антирезультативных контекстах требует более тщательного рассмотрения. Вывод этот делается на основании двух контекстов из Синайской псалтыри, где формы перфекта обозначают

по отношению к славянскому перфекту вообще, несомненно представлявшему собой общее славянское новообразование (см. [Там же: 437], ср. [Плунгян, Урманчиева 2019: 246]). Гипотеза об изначально нерезультативной семантике ст.-сл. перфекта подкрепляется в [Плунгян, Урманчиева 2018] сопоставлением с данными современного македонского языка, где перфект не имеет результативных употреблений [Там же: 429–432, 436], однако предполагать вторичность развития результативной семантики во всем остальном славянском мире (в том числе в болгарском языке) в противоположность сохранению архаичного нерезультативного перфекта в македонском представляется не слишком реалистичным. Гораздо более естественным кажется предположение, что исконная семантика перфекта включала наряду с результативным и характеризующий семантический компонент, осложняющий результативную семантику и во многих случаях употребления формы еще в ст.-сл. текстах оказывающийся в фокусе, — последующее развитие этой «сложной» в семантическом отношении формы могло идти разными путями в разных славянских диалектных зонах. Гипотеза о том, что исконную специфику славянского перфекта определяет именно этот дополнительный семантический компонент, представляется очень вероятной.

ситуации с аннулированным последующим ходом событий результатом, в то время как действия с сохраненным на текущий момент результатом выражены следующими за перфектом формами аориста (ср. один из контекстов: *Сп҃аслъ бо ны еси отъ сътѫжаѭщіихъ намъ і ненавидѧщаѩ насъ потрѣбилъ еси* ⟨…⟩ *Нынѣ же отринѫ посрами ны* (Пс. 43, 7–10)) [Там же: 423]. Замечу, что при отсутствии последующих аористов, указывающих на дальнейшее развитие событий, обозначенная перфектом ситуация несомненно прочитывалась бы как результативная, как она прочитывается во многих других стихах Псалтыри с перфектом, — аннулированность результата здесь задана именно этим указанием на последующий ход событий, превращающим значение сохраненного результата в его аннулированность. Такой механизм превращения первичного результативного значения в антирезультативное хорошо известен для плюсквамперфекта: антирезультативность изначально развивается как контекстная импликатура, связанная с противопоставлением прошлого положения дел последующему развитию событий, отменяющему результативность в прошлом (см. подробнее [Шевелева 2007: 237–246; 2015: 182–190]). Генетическое родство славянских перфекта и плюсквамперфекта несомненно, хотя впоследствии пути их, что вполне закономерно (см. [Плунгян 2016: 21]), расходятся. Плюсквамперфект развивается в сторону неактуального прошедшего, для перфекта эпохи ранних славянских памятников употребление в контекстах аннулированного последующим ходом событий результата было нечастым, но возможным — как в приведенных примерах из Псалтыри. Встречаются такие употребления перфекта в «плюсквамперфектных» контекстах, а также колебания перфекта/плюсквамперфекта по спискам одного текста и в вост.-слав. памятниках XII в. и более поздних, ср. в примерах ПВЛ из рассказа о старце Исакии — с ярко выраженным антирезультативным значением: *Се оуже <u>прелстил мѧ ѥси былъ</u> дьѥволе. сѣдѧща на ѥдино*[м] *мѣстѣ. а оуже не има*[м] *сѧ затворити в печерѣ но има*[м] *тѧ*

Корни такой семантической специфики древнего славянского перфекта можно искать в источниках его грамматикализации: как известно, перфектные кластеры в разных языках могут быть различны, и семантика перфекта существенно зависит от его источника и пути грамматикализации, а также от структурного типа перфекта, т. е. от его генезиса и формальных параметров [Плунгян 2016: 14–15]. Тяготение ст.-сл. перфекта к признаковой, т. е. именной по своей природе, семантике, которая в значительной части употреблений еще в старославянском языке выходит на первый план, связано, по всей видимости, именно с исконно именным характером главного входящего в состав перфекта компонента — причастия на *-л-*.

Вопрос о времени грамматикализации славянского перфекта неясен, но явно её надо относить не к ранней, а позднепраславянской эпохе. В. Н. Топоров полагал, что этот процесс превращения перфекта в грамматическую временную форму был совсем поздним — «не ранее, чем в период, предшествующий началу письменных памятников» [Топоров 1961: 47], и даже «в применении к старославянским памятникам (по крайней мере, македонского извода) едва ли целесообразно говорить об особом, уже полностью сформировавшемся ⟨…⟩ времени — перфекте» [Там же: 40]. По мнению В. Н. Топорова, ст.-сл. перфект представлял собой еще перифрастическое

побѣдити ходѧ в манастырѣ (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65 об.) — во всех списках Ипат. группы, представляющих 2-ю редакцию ПВЛ, как и в Радзивиловском и Академическом списках Лавр. группы, читается перфект *прельстилъ еси* (Ипат., л. 72) в том же значении аннулированного результата; ср. в другом примере колебания по спискам книжного плюсквамперфекта/перфекта также в контексте «отмененного» последующими событиями результата: *бѣсте мене вы* [*первое*] *побѣдили* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66 об.) — *и вы первѣе мене побѣдили есте* (Ипат., л. 72 об.) (см. подробнее [Шевелева 2015: 189–190]). Специальное подчеркивание неактуальности результата с помощью формы плюсквамперфекта всегда было факультативно, в тех же контекстных условиях противопоставления прошлого положения дел настоящему не исключено было и употребление перфекта [Там же].

Обращу при этом внимание на то, что возможность употребления в подобных контекстах аннулированного результата никак не может быть свидетельством «индифферентности» перфекта к семантике результативности — напротив, семантика отношения последующего положения дел к бывшему (отмененному) результату здесь оказывается в фокусе.

Замечу также, что использование в приведенных контекстах для выражения сохраняющих актуальный результат действий аориста связано и с потребностью разграничить ряды этих разных по отношению к текущему положению дел ситуаций, ср. то же в контекстах с плюсквамперфектом в старославянском: *мрътвъ бѣ и оживе. изгыблъ бѣ і обрѣтесѧ* (Лк. 15: 24). Специфика же перфекта в таких контекстах с «антирезультативным» перфектом и результативным аористом состоит не в антирезультативности перфекта, а, по-видимому, в той его признаковой, характеризующей семантике, на которую обратили внимание авторы в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018], — при этом она не отменяет результативного семантического компонента перфекта, а осложняет его и, возможно, в ряде употреблений выходит на первый план.

мотивированное образование, значение составных частей которого было еще вполне автономно, т. е. процесс его грамматикализации как особой формы прошедшего времени не был завершен [Там же: 40–41, 47–48]. Сложные прошедшие времена предлагается — вопреки традиции — считать грамматически оформившимися после (или в самом конце) праславянской эпохи [Там же] — впрочем, отмечается невозможность точной датировки этого предшествующего грамматикализации периода в том числе и «потому, что мы остаемся в неведении об употреблении *l*-причастий в определительной функции» [Там же: 48].

В недавних работах М. В. Скачедубовой (Ермоловой), выполненных на материале древнерусских летописей, предпринимается попытка выявить случаи употребления -*л*- форм в функции причастия, т. е. увидеть в значительной части контекстов употребления перфекта без связки, как казалось, в позиции финитного глагола не инновацию, свидетельствующую о превращении перфекта в универсальный претерит, а архаизм, указывающий на исконно именной характер -*л*-причастия в составе перфекта [Скачедубова 2017; 2018; 2019; Ермолова 2020]. Подробнее к этим работам мы обратимся ниже, поскольку они связаны уже с древнерусским материалом. Сразу же надо сказать, что трактовка столь значительного числа примеров -*л*-формы из летописей, причем не только ранних, как причастия вызывает сомнения: вряд ли архаичная причастность формы на -*л*-, восходящая ко времени до грамматикализации перфекта, могла сохраняться как массовое явление вплоть до конца XVI в. (автором приводится материал не только летописей раннедревнерусских, но и псковских летописей XVI в.), да и для ранних летописей массовость примеров с -*л*-формой в роли причастия сомнительна. В некнижных текстах с раннего времени хорошо известны примеры употребления перфекта (уже бывшего) в функции универсального прошедшего (см. примеры из берестяных грамот №№ 605, 724, 105 и др. [Зализняк 2004: 171]), и на этом фоне предполагать массовое, т. е. вполне регулярное, отражение в текстах гибридного регистра причастного употребления -*л*-формы как системного явления живого языка еще в старорусскую эпоху представляется анахронизмом.

Значительная часть приводимых автором примеров употребления -*л*-формы в характерных для причастия контекстах в действительности не исключает и финитно-глагольной интерпретации (см. подробнее об этом ниже). И даже взаимозаменимость по спискам в ряде контекстов -*л*-формы и претеритного причастия на *-въ (-ъ)* / *-въш- (-ъш-)* не может быть вполне достаточным доказательством их грамматической синонимии (как, например, колебания по спискам одного текста форм аориста/имперфекта в том же контексте нельзя считать надежным доказательством утраты грамматической специфики старых простых претеритов — в большинстве случаев возможны разные грамматические интерпретации, ср. выше о подобных колебаниях форм аориста/перфекта в сходных контекстах в старославянском). К этим вопросам мы еще вернемся в разделе 3.

Однако в некоторых из приводимых случаев трактовка *-л*-формы как причастия действительно кажется вероятной (см. о таких примерах ниже, раздел 3). Такие случаи могут быть следом исконно именного характера *-л*-формы в составе перфекта и плюсквамперфекта, проявлявшегося и в ст.-сл. памятниках (см. выше). Еще ярче об этом свидетельствуют встречающиеся в ст.-сл. и книжных вост.-слав. текстах раннего периода случаи синтаксически однородного употребления перфекта (плюсквамперфекта) и именных сказуемых с действительными или страдательными причастиями или прилагательными (обратим внимание, что отнюдь не только с причастиями на *-въ*/*-въш-*, которые отмечает М. В. Скачедубова), ср.: …**ѣко сн҃ъ моі сь. мрътвъ бѣ и оживе. изгыблъ бѣ і обрѣте сѧ** (Лк 15: 24); **аще и тѣломь ошьла ѥста нъ бл҃годатию жива ѥста** (СкБГ, Усп. сб., 15в); **како прободенъ ѥси**…**како не отъ врага. нъ отъ своѥго брата пагоубоу въсприѩлъ ѥси** (Там же, 13б–13в) и под. (см. [Шевелева 2002: 56; 2007: 216–217]).

Все это, по-видимому, является реликтом первоначального грамматического статуса *-л*-формы в составе перфекта (и плюсквамперфекта) — исконно формы именной, что отражается и на специфике грамматической семантики перфекта в старославянских памятниках, определяемой в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018] как «характеризационная функция» (см. выше).

Обратимся к ранним восточнославянским текстам, и прежде всего к ПВЛ, с обсуждения известных примеров синонимичного употребления аориста и перфекта в которой мы начали выше, — к старейшему памятнику древнерусского летописания, начинающему русскую летописную традицию и впоследствии традицию гибридного регистра книжного языка[4].

---

[4] Употреблению перфекта со связкой в ПВЛ посвящена недавно опубликованная статья [Плунгян, Урманчиева 2019], где авторы выдвигают предположение о том, что использование перфекта (а не аориста) в диалогических контекстах ПВЛ связано с фокусным выделением в противоположность нейтральному в коммуникативном отношении аористу — идея, как кажется, вполне согласующаяся с идеей о «характеризационной» специфике перфекта в старославянском (см. выше). При этом здесь выдвигается гипотеза о связи различного положения связки перфекта относительно смыслового глагола с различными типами фокуса: перфектам с препозицией связки приписывается маркирование непредикатного фокуса, перфектам же с постпозицией связки — маркирование узкого предикатного фокуса либо употребление в контексте контрастивного сопоставления двух ситуаций [Там же]. С идеей о прагматической нагрузке препозиции vs постпозиции связки перфекта, однако, вряд ли можно согласиться. Наблюдаемый авторами эффект непредикатного фокусного выделения в случаях препозиции связки объясняется вынесением прагматически значимого непредикатного элемента (подлежащего, дополнения и пр.) в позицию темы, т. е. в начало фразы — связка же, подчиняясь закону Вакернагеля, ставится в конец первой тактовой группы и оказывается в препозиции к форме на *-л-*, т. е. действует автоматика, описанная в [Зализняк 2008]. Непредикатное фокусное выделение, таким образом, связано с перемещением в препозицию этого непредикатного выделяемого элемента, за которым тянется и связка, находящийся же не в

2. Перфект и аорист в разных частях «Повести временных лет»

Оказывается, что распределение аориста и перфекта в разных частях ПВЛ неодинаково: различия обнаруживаются между наиболее архаичными частями летописи и более поздними — вставками составителя ПВЛ начала XII в. в ранние статьи и текстом летописи после 1016 г. Особенно ярко это различие в распределении аориста/перфекта проявляется в рассказах о мести Ольги древлянам (945–946 гг.), первые три эпизода которых, по мнению А. А. Шахматова, подтвержденному лингво-текстологическим исследованием А. А. Гиппиуса, принадлежат древнейшему пласту ПВЛ, а рассказ о четвертой мести Ольги является более поздней вставкой, сделанной при составлении ПВЛ в начале XII в. [Шахматов 1908: 108–110; Гиппиус 2001: 155–159]. Здесь различие в употреблении аориста / перфекта обнаруживается в находящихся рядом фрагментах текста, подтверждая их текстологическую разнородность. Однако то же различие просматривается и в других частях ПВЛ: наиболее архаичные части и фрагменты текста в данном отношении оказываются сходны с рассказом о первой, второй и третьей мести Ольги древлянам (945 г.), а поздние части ПВЛ — с рассказом о четвертой мести Ольги (946 г.).

Данная работа не ставит задачи детального лингво-текстологического исследования всего текста ПВЛ по названному параметру — цель здесь скорее грамматическая: выяснить, в чем состоят и чем могут объясняться различия в распределении аориста vs перфекта в ранних и поздних частях ПВЛ, как тот или другой тип распределения может быть соотнесен с книжной южнославянской традицией, с одной стороны, и с состоянием системы прошедших времен живого древнерусского языка своего времени — с другой.

При этом определенный значимый для текстологического исследования ПВЛ результат, подтверждающий показательность глагольных параметров для стратификации начальной летописи XI–XII вв., — возможно, дополняющий выявленные А. А. Гиппиусом признаки, связанные с исключительным употреблением архаичных форм аориста типа *рѣша* как маркере древнейшего ядра ПВЛ и некоторых маркерах вторичных вставок при оформлении прямой речи [Гиппиус 2001; 2012: 54], — здесь, как кажется, тоже может быть.

2.1. Итак, приведенные выше (см. раздел 1) контексты из диалога Ольги с древлянами принадлежат старейшему «ядру» ПВЛ (см. [Гиппиус 2001:

фокусе смысловой глагол оказывается отодвинут к концу фразы. Напомню также, что связки перфекта 1–2-го лица vs 3-го лица имеют принципиально разный грамматический статус, т. к., судя по данным некнижных текстов, связки 3-го лица в живом языке отсутствуют вообще — это специфически книжные формы, к реальной древнерусской грамматике не относящиеся, и потому в одном ряду со связками 1–2-го лица их обсуждать не стоит (см. [Зализняк 2004: 178–181; 2008: 236–238 и др.]).

В нашей работе вопрос о позиции связки перфекта не рассматривается.

155–159] об употреблении в рассказе о первых трех эпизодах мести Ольги древних форм аориста типа *рѣша* при полном отсутствии в первоначальном тексте нового аориста типа *рекоша*). Аорист и перфект здесь распределяются так, как в старославянских текстах.

Аорист свободно употребляется в этом рассказе не только в нарративе, но и в прямой речи — в контексте «текущей релевантности» результата, т. е. перфектности. В приведенном выше самом длинном диалоге Ольги с древлянами таких форм аориста с перфектным значением в прямой речи пять (*добри гостье* <u>*придоша*</u> — <u>*придохомъ*</u> *кнѧгине — ...что ради* <u>*придосте*</u> *сѣмо —* <u>*посла*</u> *ны дерьвьска землѧ рькуще сице мужа твоего* <u>*оубихомъ*</u>*...* Лавр., л. 15, см. контекст полностью выше); еще один пример читается в предшествующей этому диалогу чужой речи, введенной союзом *како*, — режим интерпретации текста в таких конструкциях, как правило, совпадает с речевым (см. [Шевелева 2009: 158–164; Власова 2014; 2014а: 13–15]): *и повѣдаша Ѻльзѣ ꙗко деревлѧне* <u>*придоша*</u> (ПВЛ, 945 г., Лавр., л. 15).

Обратим внимание на несомненное сходство этих контекстов с аористами *придоша — придохомъ* и др. со ст.-сл. евангельскими примерами с таким же аористом в прямой речи, ср., например, в приведенном выше контексте из рассказа о приходе волхвов: **видѣхомъ бо ѕвѣѕдѫ его на въстоцѣ и** <u>**придохомъ**</u> **поклонитъ сѧ емоу** (Савв. кн., Мф. 2: 2) — ср. ту же евангельскую цитату в составе Речи Философа в ПВЛ (986 г., Лавр., л. 34 об. = Ипат., л. 40).

Помимо этих шести примеров, в старейшем рассказе о первых трех эпизодах мести Ольги аорист в таком употреблении в прямой речи встречается еще трижды. В предшествующем приведенному диалогу контексте: *Рѣша же деревлѧне. Се кнѧзѧ* <u>*оубихомъ*</u> *рускаго. поимемъ жену его Вольгу за кнѧзь свои Малъ. и Ст҃ослава*[ва] *и створимъ ему ꙗкоже хощемъ* (945 г., Лавр., л. 15 = Ипат., л. 21 об.). В рассказе о третьей мести — тризне, во время которой по приказу Ольги убивают дружину древлян: *и посла къ деревлѧномъ рькущи сице. се оуже иду к вамъ да пристроите меды многи // въ градѣ идеже* <u>*оубисте*</u> *мужа моего* (945 г., Лавр., л. 15 об.–16 = Ипат., л. 22 об.); *И рѣша деревлѧне к Ользѣ. кдѣ суть дружина наша ихъже* <u>*послахомъ*</u> *по тѧ* (945 г., Лавр., л. 16 = Ипат., л. 22 об.).

Такое употребление аориста в прямой речи, как мы видели выше, совершенно нормально и для ст.-сл. текстов.

Перфект в старейшем рассказе о мести Ольги встречается в прямой речи реже аориста (а вне прямой речи не зафиксирован вообще) — всего три случая против девяти случаев употребления аориста. При этом два из этих трех примеров достаточно определенно позволяют предполагать, помимо релевантности результата, ту самую характеризующую семантику, о которой применительно к ст.-сл. текстам говорилось в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018]. Показательно, что перфект здесь оказывается в парах с именными сказуемыми с прилагательными, что замечательно подтверждает признаковую, именную в своей основе природу этого перфектного «харак-

теризующего» наращения, ср. в начале рассказа: *ѡтроци Свѣньлъжи* ***изодѣли сѧ суть*** *ѡружьемъ и порты а мы* ***нази*** (945 г., Лавр., л. 14 об. = Ипат., л. 21 об.); в конце приведенного выше диалога Ольги с древлянами с шестью формами аориста в прямой речи — завершающей формой здесь оказывается перфект, выступающий в одном ряду с причастиями презенса и прилагательным: *Мужа твоего* *<u>оубихомъ.</u>* *бѧше бо мужь твои аки волкъ.* ***восхищаю*** *и* ***грабѧ****. а наши кнѧзи* ***добри суть.*** *иже* ***распасли суть*** *деревьску землю* (945 г., Лавр., л. 15 = Ипат., л. 22).

«Характеризационная» семантика перфекта в этих двух контекстах проявляется очень ярко: в фокусе здесь, конечно, не столько сохранение результата на момент речи говорящего персонажа, сколько характеристика субъекта через указание его свойств (‘твой муж такой (расхищающий и грабящий), а наши князья такие (хорошие, благоустроившие землю древлян)’, ‘воины Свенельда разодевшиеся, а мы нагие’).

Для третьего примера перфекта в древнейшем рассказе о мести Ольги характеризующая семантика не очевидна, хотя такая коннотация и здесь не исключена, — замечу, как и во многих примерах из ст.-сл. памятников, где постулируемая в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018] характеризационная функция перфекта тоже далеко не всегда бесспорна; вполне вероятно, что исконная признаковая специфика перфекта могла выветриваться уже в старославянском. Ср. этот пример ПВЛ из начала рассказа о мести Ольги: *Послаша к нему г҃ще. почто идеши ѡпять* ***поималъ еси*** *всю дань* (945 г., Лавр., л. 14 об. = Ипат., л. 21 об.) — заметим, перфект здесь 2-го лица, что всегда могло быть благоприятным обстоятельством в пользу выбора перфекта даже без ярко выраженного фокуса на характеризационной семантике.

Главным для нас сейчас является то, что в древнейшем рассказе об убийстве Игоря древлянами и мщении Ольги употребление аориста и перфекта, не раз привлекавшее к себе внимание исследователей, совершенно соответствует представленному в ст.-сл. памятниках: оно не инновационно, как нередко предполагалось, а, напротив, архаично. Перфект здесь преимущественно сохраняет свою исконную признаковую (характеризующую) семантику, аорист выступает как нейтральный претерит, свободно употребляющийся в прямой речи в результативном контексте, и преобладает в таком употреблении над перфектом.

Сходная картина наблюдается и в других архаичных частях ПВЛ.

Во фрагментах летописи, определяемых исследователями как принадлежащих древнейшему ядру ПВЛ (см. [Гиппиус 2001; 2012: 54]), да и в части летописи до 1017 г. в целом, исключая позднейшие вставки, аорист в прямой речи решительно преобладает над перфектом — в отличие от поздней части летописи, создание которой связано с составлением ПВЛ. Ср. в рассказе о хазарской дани: *И рѣша имъ. Се* ***налѣзохомъ*** (= Ипат., л. 7 об.) *дань нооу. ѡни же рѣша имъ ѿкуду. ѡни же рѣша. въ лѣсѣ на горохъ надъ рѣкою Днѣпрьскою. ѡни же рѣша что* ***суть въдали*** (= Ипат., л. 7 об.). *ѡни же показаша мечь.* [*и*] *рѣша старци козарьстии. Не добра дань кнѧже мы*

сѧ ***доискахомъ*** (Ипат. — *доискахомсѧ,* л. 7 об.) *ѡружьемь ѡдиною стороною* [*остромъ*]. *рекоша* (вместо *рекше* в других списках, см. [Гиппиус 2001: 154–155]) *саблѧми а сихъ ѡружье ѡбоиду ѡстро рекше мечь. си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ* (Лавр., Введ., л. 6). Аорист в этом диалоге употреблен дважды, в обоих случаях в значении релевантного результата. Перфект использован один раз (*что суть въдали*) в сходном контексте: текущая релевантность здесь несомненна, дополнительный характеризующий компонент не вполне очевиден, хоть и не исключен ('что они дали' с фокусом на характеристике тех, кто дал такую дань, тем более с учетом широкого контекста — отданное в качестве дани обоюдоострое оружие оценивается как характеристика давших его).

В рассказе об осаде Киева печенегами: *Ѡнже изыде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги гл҃ѧ. Не* ***видѣ ли*** *конѧ никтоже. бѣ бо оумѣꙗ Печенѣжьски и мнѧхуть и своего* ⟨…⟩ *видѣвъ же се кнѧзь Печенѣжьскии възратисѧ єдинъ къ воеводѣ Прѣтичю и ре҃. кто се* ***приде****. и ре҃ ему лодꙗ ѡноꙗ страны. и ре҃ кнѧзь Печенѣжьскыи. а ты кнѧзь ли еси. ѡнъ же ре҃ азъ* ***есмь мужь*** *его. и* ***пришелъ есмь*** *въ сторожѣ*[x]. [*и*] *по мнѣ идеть полкъ со кнѧземъ бе-щисла множьство* (968 г., Лавр., л. 19 об. — 20 = Ипат., л. 26–26 об.) — аорист здесь имеет нейтральное «перфектное» значение (обратим внимание на встречавшиеся в таком употреблении в прямой речи и в старославянском глаголы *видѣти*, *прити*), а перфект того же глагола оказывается в ряду именных конструкций (*азъ есмь мужь... и пришелъ есмь*).

Ср. аористы в прямой речи с несомненным значением релевантности результата в рассказах:

— о вокняжении Владимира в Киеве: *И посла Блудъ къ Володимеру сице гл҃ѧ. ꙗко* ***сбысьсѧ*** *мысль твоꙗ. ꙗко пріведу к тобѣ Ꙗрополка* (980 г., Лавр., л. 24 об., Ипат. — *сбысѧ*, л. 30 об.);

— о варяге-христианине: [*и*]*рѣша пришедше послании к нему. ꙗко* ***паде*** *жребии на с҃нъ твои* ***изволиша*** *бо и б҃зи собѣ. да створимъ потребу б҃мъ* (983 г., Лавр., л. 26 об. = Ипат., л. 32 об.);

— об «испытании вер»: ⟨*ц҃рь*⟩ *...наоутриꙗ посла къ патреарху гл҃ѧ сице* ***придоша*** *Русь пытающе вѣры нашеꙗ да пристрои ц҃рквь и крило*[c] *и самъ причини сѧ въ ст҃льскиꙗ ризы* ⟨…⟩ *...ѡни же придоша в землю свою и созва кнѧзь болѧры своꙗ и старци. ре҃ Володимеръ. Се* ***придоша*** *послании наши мужи да слышимъ ѿ нихъ бывшее* (987 г., Лавр., л. 37 = Ипат., л. 41) и др.

Примеров аористов в прямой речи в ранней части ПВЛ очень много, перфект же употребляется реже, и во многих контекстах его употребления, кажется, можно предполагать характеризующую коннотацию — как и в ст.-сл. текстах, след исконно именного характера формы.

Впрочем, далеко не во всех случаях употребления перфекта можно видеть такую признаковую коннотацию — более-менее уверенно о ней можно говорить там, где перфект выступает в ряду именных форм, в большинстве прочих примеров предположение об этом перфектном наращении остается гипотетическим и в значительной степени базируется на теоретических со-

ображениях об отсутствии полной синонимии аориста и перфекта в таких контекстах «перфектности», как, надо сказать, применительно и к старославянскому материалу. Ср. рассмотренные выше примеры с *поималъ еси (всю дань), что суть въдали*, ср. также в рассказе о вокняжении Владимира в Киеве: [*и*] *ждаша за мѣсѧць и не дасть имъ. и рѣша Варѧзи* ***сольстилъ еси*** *намъ. да покажи ны путь въ Греки. ѡнъ же ре*^{ц} *имъ идѣте* (980 г., Лавр., л. 25 = Ипат., л. 31); ср. в том же рассказе в одном контексте с аористом, кажется, в синонимичном употреблении, причем в библейской цитате: *Володимеръ же посла къ Блуду воеводѣ Юрополчю съ лестью гл҃ѧ. поприиаи ми аще оубью брата своего имѣти тѧ хочю во ѿца мѣсто. и многу честь возьмешь ѿ мене. не* ***ѩзъ*** *бо* ***почалъ*** *братью бити. но ѡнъ. азъ же того оубоѩвсѧ* ***придохъ*** *на нь* (980 г., Лавр., л. 24 = Ипат., л. 30–30 об.) — ср. ту же библейскую цитату с аористом и колебаниями аориста/перфекта по спискам ПВЛ под 1015 г. в словах Ярослава рассказа об убийстве Бориса и Глеба: *не ѩ* ***почахъ*** (РА — ***почалъ***) *избивати бра*^{т}*ю. но ѡнъ. да будеть ѿместьникъ бг҃ъ крове бра*^{т}*ѩ моеѩ* (1015 г., Лавр., л. 48). Впрочем, в этом примере с библейской цитатой перфект выступает в конструкции с противопоставлением подлежащих и ярко выраженной эмфазой на местоимении (*не ѩзъ... но ѡнъ*) — обязательной позиции для употребления личного местоимения [Зализняк 2004: 171] — не исключено, что это подчеркивание имени могло способствовать выбору перфекта в силу его характеризующей коннотации. Хотя наличие чтений той же цитаты с аористом показывает, что маркирование соответствующего значения перфектом здесь совсем не обязательно.

Как мы видим, вопрос о наличии у перфекта специфической характеризующей семантики для немалого числа случаев его употребления остается гипотезой, которая вряд ли может быть надежно доказана. Однако в части примеров доказательства в ее пользу есть. Скорее всего, перед нами отражение ситуации, когда в благоприятных контекстных условиях исконная семантическая специфика перфекта проявляется вполне определенно, но в значительной части употреблений уже стирается (в большей или меньшей степени) — как и в старославянском. Совершенно очевидно при этом, что в ранней части ПВЛ перфект остается маркированной формой в оппозиции с аористом: аорист в результативных контекстах прямой речи здесь используется гораздо чаще — как нейтральная форма для контекстов текущей релевантности результата[5].

[5] Не берусь приводить точные количественные данные о соотношении аориста и перфекта в ранней части ПВЛ, поскольку вопрос о ее границах текстологически слишком сложен. Однако даже в рамках тех эпизодов, которые большинством исследователей относятся к старейшему слою ПВЛ, да и в части текста до 1017 г. в целом (исключая доказанные позднейшие вставки — см., например, [Гиппиус 2012: 54 и далее]), аорист в прямой речи преобладает над перфектом в соотношении, близком к установленному для древней части рассказа о мести Ольги.

2.2. В поздней части ПВЛ после 1016 г. и вставках составителя ПВЛ в ранний текст летописи аорист в прямой речи становится редок, а употребительность перфекта, напротив, значительно возрастает. Изменение соотношения частотности аориста и перфекта в прямой речи сравнительно с ранней частью ПВЛ очень выразительно: для составителя ПВЛ перфект оказывается основной формой прошедшего времени в контекстах чужой речи, он резко преобладает над аористом, который остается преимущественно в библейских цитатах и устойчивых книжных формулах. Достаточно сказать, что в части ПВЛ после 1016 г. аорист в прямой речи вне прямых библейских цитат зафиксирован только в 15 случаях, а перфект — в 95 случаях (!) — отличие от ранних частей ПВЛ, где в тех же типах контекстов аорист был приблизительно в три раза частотнее перфекта, громадное.

То же наблюдается в поздних вставках составителя ПВЛ в ранние статьи летописи. Особенно показательна в этом отношении четвертая «месть» Ольги, непосредственно продолжающая первоначальный рассказ о первых трех эпизодах мщения Ольги древлянам: распределение аориста и перфекта здесь оказывается принципиально отличным от представленного в архаичном первоначальном рассказе.

В четвертой «мести» Ольги перфект в чужой речи (прямой и косвенной, совпадающей по употреблению временных форм с прямой [Шевелева 2009]) употребляется в шести случаях, а аорист в «перфектном» значении — только в одном, причем в паре с синтаксически однородным ему перфектом.

Вот эти примеры перфекта в рассказе о четвертой «мести» Ольги:

И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ. кнѧзь оуже ***почалъ*** *потѧгнѣте дружина по кнѧзѣ* (946 г., Лавр., л. 16 = Ипат., л. 23);

Деревлѧне же затвориша сѧ въ градѣ и борѧху сѧ крѣпко изъ града вѣдѣху бо ꙗко ***сами оубили*** *кнѧзѧ и на что сѧ предати* (946 г., Лавр., л. 16 = Ипат., л. 23);

Ре^{ч} *же имъ Ѡльга. ꙗко* ***азъ мьстила*** *оуже ѡбиду мужа своего* (946 г., Лавр., л. 16 об. = Ипат., л. 23);

ѡна же рече имъ ⟨…⟩ *сего прошю оу васъ мало. вы бо* ***есте изъ/немогли*** *в* [*о*]*садѣ да сего оу васъ прошю мала* (946 г., Лавр., л. 16 об. = Ипат. — ***изнемогли бо сѧ есте*** *въ ѡсадѣ*, л. 23);

Вольга же ре^{ч} *имъ се оуже* ***єсть*** (РА — *есте*) ***покорили сѧ*** *мнѣ и моему дѣтѧти* (946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат. — *се оуже сѧ* ***есте покорилѣ*** *мнѣ и моему дѣтѧти*, л. 23 об.).

В одном примере перфект и аорист употреблены как однородные сказуемые в том же значении актуальности результата на момент речи: *Посла ко граду г҃лщи. что хочете досѣдѣти а вси гради ваши* ***предаша сѧ*** *мнѣ и* ***ꙗли сѧ*** *по дань и дѣлають нивы своꙗ и землѣ своꙗ* (946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат. — *а вси ваши городи передашасѧ мнѣ и ꙗлисѧ по дань,* л. 23) — это и есть единственный в рассказе пример аориста в контексте перфектности. Правда, в прямой речи аорист встречается еще дважды (в одном контексте), но этот контекст скорее представляет собой нарративную цепочку, на

что указывают и временные локализаторы, нетипичные для контекстов перфектной семантики, ср.: *ре*^{ч} *же имъ Ѡльга. како азъ мьстіла оуже ѡбиду мужа своего.* ***когда придоша*** *Киеву* ***второе и третьее когда творихъ*** (Р. *сотворихомъ*, А. *сотворихъ*) *трызну мужеви своему* (946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат. — *еже когда творѧху*^{т} *трызъну мужу моему*, л. 23) — аористы во временных придаточных здесь указывают на точную локализацию в прошлом соответствующих действий, а не на текущую релевантность их результата (наличие разночтения с имперфектом в версии Ипат. летописи тем более это подтверждает) — значение текущей релевантности здесь выражает перфект *мьстила* (‘я уже отомстила, когда [древляне] пришли в Киев, во второй и третий раз — когда совершила/совершали тризну по мужу моему’).

Аорист в рассказе о четвертой мести Ольги используется, за единственным исключением, как форма нарратива — прошедшее, не связанное с сохранением результата на момент речи говорящего.

Перфект в этом рассказе, как мы видели, абсолютно преобладает в прямой речи над аористом, выражая актуальность результата; вне чужой речи перфект здесь не зафиксирован. Обратим внимание, что из шести случаев перфекта в четырех он не имеет связки: во всех примерах 3-го лица (три примера) и в одном примере 1-го лица при наличии личного местоимения — в ранней части Мести Ольги перфект во всех примерах, в том числе в 3-м лице, был со связкой (*изодѣлисѧ суть*, *распасли суть*, *поималъ еси* — см. выше). Из представленных здесь шести примеров перфекта (см. выше) говорить о специфической характеризационной семантике некоторые основания есть, как кажется, только в двух случаях (*вы бо есте изънемогли*, *се оуже есть* (вм. *есте*) *покорилисѧ мнѣ,* л. 16 об.), что связано и с лексическим значением соответствующих глаголов. Впрочем, в контексте сходного значения мы встречаем и вариативность аориста/перфекта (*вси гради ваши предаша сѧ мнѣ и ѩли сѧ по дань*, л. 16 об. — см. выше). Явных примеров парности перфекта с именными сказуемыми, свидетельствующих о его характеризационной семантике, какие преобладали в раннем рассказе о мщении Ольги (см. выше, раздел 2.1), здесь нет.

В большей части примеров из этого рассказа доказательных свидетельств в пользу наличия у перфекта характеризующей именной коннотации не обнаруживается (см. выше примеры: *кнѧзь оуже почалъ*; *вѣдѣху бо ѩко сами оубили кнѧзѧ*; *азъ мьстила оуже ѡбиду мужа своего*). По-видимому, тот процесс стирания исконной именной специфики перфекта, который наблюдался уже в старейшей части ПВЛ, здесь продвинулся еще дальше: перфект становится основной формой в контекстах прямой речи с основным значением актуальности (релевантности) сохраненного результата — семантическое наращение, восходящее корнями к именному источнику грамматикализации перфекта, в большинстве случаев употребления формы стирается.

Аорист и перфект теперь распределяются прежде всего в зависимости от режима интерпретации текста: аорист становится формой нарратива, редкие случаи проникновения его в чужую речь можно оценивать как реликты прежнего употребления (поэтому и встречаются они в поздней части ПВЛ преимущественно в библейских цитатах и устойчивых клише — см. ниже), перфект же стал главной формой речевого режима, основное значение которой — классическая «перфектность», т. е. выражение релевантности сохраненного результата на момент речи говорящего. Безусловно, прежние характеризационные коннотации в некоторых употреблениях перфекта еще могут просматриваться, но это, видимо, уже реликты старого значения формы — для эпохи составления ПВЛ в начале XII в. эти компоненты семантики перфекта уже не в фокусе, уходят на периферию и в большинстве случаев его употребления утрачиваются.

Такое распределение аориста и перфекта, наблюдающееся в рассказе о четвертой мести Ольги и решительно отличающее его от первоначального рассказа о мщении Ольги древлянам, характерно для всей поздней части ПВЛ.

Как уже говорилось, аорист в прямой речи в поздней части ПВЛ встречается очень редко, в большинстве своем в библейских цитатах и молитвах, где аористы в результативном значении актуального прошедшего могут быть представлены целыми рядами. Ср., например, большая вставка цитат в рассказе о приходе половцев под 1068 г.: *…вы бо* ***ѹклонистеса*** *ѿ пути моюго глть г҃ь и* ***соблазнисте*** *многы сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противныа... почто* ***не сдерзастеса*** *ѡ* (РА — *не воздержастеся въ*) *грѣсѣхъ вашихъ но* ***ѹклонисте*** *законы моа и* ***не схранисте*** *ихъ. ѡбратитеса ко мьнѣ и ѡбращюса к вамъ глть г҃ь ...* (1068 г., Лавр., л. 57 = Ипат., л. 63) и далее; ср. в молитве под 1096 г. в рассказе о набеге половцев на Печерский монастырь: *тѣмже и мы послѣдующе прр҃ку Дв҃ду вопьемъ. Гі҃ Бе҃ мои положи* [*а*] *ако коло ако ѡгнь пре҃д лицемь вѣтру иже попалаеть дубравы... се бо* ***ѡскверниша*** *и* ***пожгоша*** *ст҃ыи до҃м твои и монастырь Мтр҃е твоеа* (1096 г., Лавр., л. 77 об. = Ипат., л. 85 об.) и т. п.

Вне библейских цитат случаи аориста в прямой речи в поздней части ПВЛ единичны, причем в большинстве своем они тоже представляют собой устойчивые формулы, тем самым приближающиеся к цитатам (а иногда и представляющие собой скрытые цитаты). Ср. в наставлении Феодосия Печерского: *Чадо се предаю ти манастырь. блюди со ѡпасеньемь юго. и аже* ***оустроихъ*** *въ служба х҃ то держи* (1074 г., Лавр., л. 63; Ипат. — *акоже* ***оустроихъ***, л. 69); в рассказе об убийстве Ярополка под 1086 г.: *Ярополкъ выторгну изъ себе саблю и возпи великы м҃ гл҃мь ѡхъ тот ма враже* ***оулови*** (РА — *погуби*) (1086 г., Лавр., л. 69; Ипат. — *ѡхъ тот ма вороже погуби*, л. 76 об.).

Несколько примеров в Повести об ослеплении Василька Теребовльского (1097 г.): *Се повѣдаю ти поистинѣ. ако на ма б҃ъ* ***наведе*** *за мое възвышенье* (1097 г., Лавр., л. 89 об. = Ипат., л. 91); *И послаша к Владимерце м҃ гл҃а. Не вѣ ли* ***придохо м҃*** *на гра д҃ вашь* (РА = ХП — *мы не* ***придохомъ***; Ипат. — *вѣ*

не ***придоховѣ***, л. 91 об.) *а не на ва*$^{\hat{с}}$. *но на врагы своꙗ* ⟨…⟩ *ти бо* ***суть намолвили*** (= Ипат., л. 91 об.) *Дв҃да и тѣ*$^{\hat{х}}$ ***е послушалъ*** (Ипат. — ***есть послушалъ***, л. 91об.) *Дв҃дъ и* ***створилъ*** (= Ипат., л. 91 об.) *се зло* (1097 г., Лавр., л. 90) — обратим внимание, что за первым клише с аористом следуют несколько перфектов в том же значении актуальности сохраненного результата — и некоторые другие примеры.

Связь «перфектного» употребления аориста с библейскими цитатами и устойчивыми книжными формулами, заметим, подтверждает принадлежность его церк.-слав. традиции, восходящей к старославянской. В поздней части ПВЛ, как и в последующей летописной традиции, оно в таком статусе архаичного церковнославянизма и останется.

Перфект в поздней части ПВЛ, как мы уже говорили, становится основной формой чужой речи — более 90 употреблений (вне цитат). При наличии личного местоимения 1–2-го лица или подлежащего при 3-м лице связка перфекта может опускаться — подобные примеры встречались и в ранней части ПВЛ, но здесь их больше — ср. выше о преобладании перфекта без связки в четвертой «мести» Ольги в отличие от первых трех.

Как и в четвертой «мести» Ольги, в большинстве случаев употребления перфекта (как со связкой, так и без нее) в поздней части ПВЛ говорить об особой специализированности перфекта на выражении признаковой семантики нет надежных оснований: судя по всему, перфект теперь используется как нейтральная форма речевого и синтаксического (т. е. косвенной речи) режимов интерпретации текста, нормальная для контекстов ориентации на момент речи говорящего и, соответственно, релевантности для данного момента результатов действия прошлого, — исконные характеризующие компоненты семантики перфекта в большинстве случаев уходят. Ср. некоторые примеры: *И бы*$^{\hat{с}}$ *вѣсть Грькомъ. ꙗко* ***избило*** *море Русь* (1043 г., Лавр., л. 52 = Ипат., л. 57 об.) — контекст типа «косвенной речи» с ориентацией на момент речи воспринимающего персонажа (см. [Шевелева 2009: 158–161]); ср. в рассказе о восстании волхвов в Новгороде в аналогичном контексте «косвенной речи»: *...повѣдаша ѥму Бѣлозерци ꙗко два кудесника* ***избила*** *оуже многы жены по Вользѣ и по Шекснѣ и* ***пришла ѥста*** *сѣмо* (1071 г., Лавр., л. 59; Ипат. — *пришла есть*, л. 65); ср. несколько примеров в прямой речи в том же рассказе о восстании волхвов: *ре*$^{\hat{ц}}$ *има Юнь. поистинѣ* ***прельстилъ*** *вас* ***есть*** (РА нет *есть*) *бѣсъ* (1071 г., Лавр., л. 59 об.); *...и ре*$^{\hat{ц}}$ *има Юнь. что ва*$^{\hat{м}}$ *бз҃и молвѧть. ѡна же рѣста сице нама бз҃и молвѧть не быти на*$^{\hat{м}}$ *живы ѿ тобе. И ре*$^{\hat{ц}}$ *има Юнь. то ти ва*$^{\hat{м}}$ *право* ***повѣдали***. *ѡна же рекоста...* (1071 г., Лавр., л. 60); ⟨…⟩ *бѣси же метавше имь повѣдаша. что ради* ***пришелъ есть*** (1071 г., Лавр, л. 60 об. = Ипат., л. 66 об.) и др.

Показательно, что в этом рассказе о волхвах перфект в чужой речи встречается шесть раз, а аорист в сходном контексте — всего один раз, ср.: *и приведоша є къ Юневи и ре*$^{\hat{ц}}$ *има что ради* ***погубиста*** *толико чл҃вкъ* (1071 г., Лавр., л. 59 = Х.П., Ипат. — *погубисте*, л. 65 об.).

Сходная картина с употреблением перфекта и распределением его с аористом наблюдается в рассказах о Феодосии Печерском и печерских старцах, ср. примеры: *ѡному же изнемагающю възрѣвъ на игумена ре*^{ц}. *Не забываи игумене еже* [*ми*] ***ѥси ѡбѣщалъ***. *и разумѣвъ великыи Ѳеѡдосии ꙗко видѣнье* ***видѣлъ*** (РА, ХП — *видѣ*, Ипат. — *вѣди*) *и ре*^{ц} *ѥму. брате Дамьяне. ѥже* ***ѥсмь ѡбѣщалъ*** *то ти буди* (1074 г., Лавр., л. 64 = Ипат., л. 70); *И рѣша ѥму. Исакие* ***побѣди***^{л} ***ѥси*** *на*^{с} (1074 г., Лавр., л. 66 об.; Ипат. — *побѣдилъ ны еси*, л. 72 об.) — о победе старца Исакия над бесами и др.

В рассказе об обретении мощей Феодосия Печерского: *Игуменъ и черноризци свѣтъ створше рѣша. Не добро есть лежати ѿцю нашему Ѳеѡдосьеви кромѣ манастырѧ* [*и*] *цр҃кве своеꙗ понеже то* (РА — *тои*) ***ѥсть ѡсновалъ*** *цр҃квь и черноризцы* ***совокупилъ*** (1091 г., Лавр., л. 70 = Ипат., л. 77 об.).

В других поздних статьях ПВЛ, в том числе в Повести об ослеплении Василька Теребовльского: *...послаша сѧ къ С҃ославу и къ Всеволоду гл҃ще. мы оуже зло* ***створили ѥсмы***. *кнѧзѧ своѥго прогнавше* ⟨…⟩ *С҃ослав же и Всеволодъ посласта к Изѧславу гл҃ще Всеславъ ти* ***бѣжалъ*** *а не воді лѧховъ Кыеву. противна бо ти нѣту* (1069 г., Лавр., л. 58 об. = Ипат., л. 64–64 об.); ⟨…⟩ *а Мстислав же приде на Волгу. и повѣдаша ѥму ꙗко Ѡлегъ* ***вспѧтилсѧ*** (Р. *взратися*, А. *вратися*) *к Ростову* (1096 г., Лавр., л. 86; Ипат. — ***оузвратилъсѧ есть***, 1097 г., л. 87);

И почаша гл҃ати к Д҃вдви Игоревичю рекуще сице ꙗко Володимеръ ***сложилсѧ есть*** *с Василко*^{м} *на Ст҃ополка и на тѧ. Д҃вдъ же ємъ вѣру лживы*^{м} *слово*^{м} *нача молвити на Василка гл҃ѧ. кто* ***є***^{с} ***оубилъ*** *брат*[*а*] *твоѥго Ꙗрополка а нынѣ мыслить на мѧ и на тѧ и* ***слѹжилсѧ є*** *с Володимеро*^{м}. *да промышлѧи ѡ своеи головѣ* (1097 г., Пов. об ослеплении Василька, Лавр., л. 87 = Ипат., л. 88);

И ре^{ц} *Василко не могу ѡстати бр*^{а}*те. оуже* ***єсмь повелѣлъ*** *товаро*[*ва*]*мъ* (sic!) *поити переди* (Там же, Лавр., л. 87 об. = Ипат., л. 89);

Володимеръ же и Д҃вдъ и Ѡлегъ послаша мужѣ свои гл҃ще к Ст҃ополку. что се зло ***створилъ ѥси*** *в Русьстѣи земли и* ***вверглъ ѥси*** *ножь в ны. чему* ***ѥси слѣпилъ*** *бра*^{т} *свои* (Там же, Лавр., л. 88 об. = Ипат., л. 90) и др.

Примеров очень много.

В нескольких наиболее книжных контекстах есть определенные основания предполагать сохранение исконной характеризационной специфики перфекта, ср. в рассказе о старце Исакии в паре (хоть и в дистантной позиции) с именным сказуемым: *И ре*^{ц} *Антонии се оуже* ***преставилсѧ єсть***. *И посла в манастырь по Ѳеѡдосьꙗ и по бра*^{т}*ю. и ѿкопаше* (РА — *откопавше*) *кдѣ бѣ загражено ѹстье. пришедше взѧша и мертва мнѧще.* [*и*] *вынесше положиша и пре*^{д} *пещерою и оузрѣша ꙗко* ***живъ ѥсть*** (1074 г., Лавр., л. 65 = Ипат., л. 71 об.); еще один пример из того же рассказа: *многажды бо бѣси пакости дѣꙗху ѥму и гл҃ху* ***нашь ѥси*** *и* ***поклонилсѧ ѥси*** *нашему старѣишинѣ и намъ* (1074 г., Лавр., л. 66, Ипат. — *нашь еси поклонилъсѧ еси*, л. 72 об.).

Допустимо, хоть и с меньшей вероятностью, такое прочтение для контекста из рассказа об избрании преемника Феодосия Печерского (впрочем, здесь это связано скорее с лексическим значением глаголов и общей «характеризующей» семантикой контекста): *И начаша бра҃ꙗ просити Стеѳана деместника суща тогда. оучн҃ка Ѳеѡдосьева гл҃ще. ꙗко* ***сесь взрослъ ѥсть*** *подъ рукою твоѥю и оу тобе* ***послужилъ ѥсть*** (1074 г., Лавр., л. 63 = Ипат., л. 69).

Для абсолютного же большинства контекстов из этой части ПВЛ подобных свидетельств в пользу специфической признаковой маркированности перфекта нет. Заметим также, что здесь встречаются и случаи колебания перфекта (в том числе без связки) / аориста по спискам (см. выше примеры), что тоже говорит в пользу их синонимии (хотя, конечно, не доказывает ее).

Таким образом, распределение аориста vs перфекта в ранних и поздних частях ПВЛ оказывается различным. По крайней мере, такие различия несомненно есть между архаичным «первоначальным ядром» ПВЛ и поздними частями, относящимися ко времени составления ПВЛ в нач. XII в. В **древнейшей части ПВЛ**, как мы видели, распределение аориста и перфекта соответствует представленному в ст.-сл. текстах: аорист, как немаркированный претерит, свободно употребляется не только в нарративе, но и в прямой речи, выражая в речевом режиме — благодаря задаваемой контекстом ориентации на момент речи говорящего — так называемое перфектное значение актуальности (релевантности) результата прошедшего действия для момента речи; перфект используется как специально маркированная на выражении представленного в момент речи результата форма, в значительной части случаев сохраняющая специфическую характеризующую (признаковую) семантику, связанную с исконно именной природой *-л*-формы в составе перфекта и самого перфекта как исконно перифрастического образования с основным причастным компонентом. В **поздних частях ПВЛ** перфект используется как основная форма прямой и косвенной речи, в абсолютном большинстве случаев её специфическая признаковая маркированность утрачивается; аорист используется как форма нарратива, случаи проникновения аориста в контексты речевого режима редки и связаны преимущественно с библейскими цитатами и книжными формулами — это церковнославянский архаизм.

Временная дистанция между самой ранней и поздней частями ПВЛ составляет около 100 лет. Можно предполагать, что ровно в это время происходили изменения в статусе перфекта в системе живого древнерусского языка — он все больше расширял свою семантику, все больше отрываясь от первоначальной «признаковой» специфики. Берестяные грамоты кон. XI — первой пол. XII в. об этом отрыве уже несомненно свидетельствуют, ср. примеры: *мене игоумене* ***не поустиле*** *а ѧ* ***прашалъ сѧ, нъ посълалъ*** *съ Асафъмь къ посадьникоу медоу дѣлѧ, а* ***пришьла есвѣ*** *оли* ***звонили*** № 605 (XI/XII в.), ср. также № 109 (XI/XII вв.), ср. длинную цепочку последова-

тельных событий, обозначенных формами перфекта, в грамоте № 724 (60-е гг. XII в.) [Зализняк 2004: 173]. Именно XI в. был, по всей видимости, важным этапом для перестройки системы прошедших времен в вост.-слав. ареале: по крайней мере, «⟨а⟩орист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснен в сферу пассивного знания», в живой устной речи «он уже не употреблялся — его заменял перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени» [Там же: 174]. Однако важно еще обратить внимание на то обстоятельство, что именно в XII в. складывается традиция гибридного регистра книжного языка Древней Руси — языка русского летописания, в основе которой лежит язык ПВЛ в её поздней части, составленной в 10-х гг. XII в. Ранняя часть ПВЛ еще следует собственно церковнославянской традиции, в XI в. еще очень близкой к старославянской. Поздняя часть ПВЛ уже свидетельствует о начавшемся формировании особой традиции гибридного регистра книжного языка, и активная интерференция книжных и некнижных элементов (см. [Живов 2004: 64–69]) здесь уже совершенно очевидна. Обнаруженные нами отличия в изменении статуса перфекта и распределении аориста/перфекта сравнительно с ранней частью ПВЛ есть все основания связывать с влиянием системы живого древнерусского языка.

3. О перфекте и *-л*-форме в последующей летописной традиции

В летописях XII в., продолжающих ПВЛ, — Киевской летописи (КЛ), Суздальской летописи (СЛ) (в части XII в., как известно, восходящей к общему с КЛ южнорусскому источнику [Лурье 1987: 243; Приселков 1996: 110–111]) и Новгородской первой летописи (НПЛ) — распределение перфекта и аориста продолжает традицию поздней части ПВЛ (наиболее последовательно — КЛ, наименее — НПЛ). В КЛ XII в. это распределение аориста/перфекта по режимам интерпретации текста (нарратив vs чужая речь), наблюдавшееся в качестве тенденции в поздней части ПВЛ, представлено еще более последовательно: аорист здесь используется как форма нарратива, перфект (преимущественно без связки, т. е. уже *-л*-претерит) — как прошедшее время чужой речи, т. е. речевого и синтаксического режимов (прямой и косвенной речи) [Шевелева 2009: 154–165]. Перед нами сложившаяся традиция языка киевского (южнодревнерусского) летописания домонгольского периода — гибридного регистра церковнославянского языка, в значительной степени усвоившего черты живого языка, причем прежде всего в прямой (и косвенной) речи светских персонажей (о близости прямой речи светских лиц в КЛ к живому языку см. [Зализняк 2004а: 51, 63; 2008: 23–24 и др.]).

В СЛ, несколько более книжной, чем КЛ, и в НПЛ указанная традиция распределения аориста/перфекта тоже просматривается, хотя с меньшей степенью последовательности (см. [Шевелева 2009]).

Как мы уже говорили выше, в недавних работах М. В. Скачедубовой (Ермоловой) предлагается видеть в значительной части случаев употребления -*л*-формы без связки в КЛ, СЛ и НПЛ причастную форму, синонимичную причастию прошедшего времени на -*въши* [Скачедубова 2017; 2018; 2019; Ермолова 2020]. По всей видимости, предполагается возможность сохранения причастного статуса -*л*-формы и в живом древнерусском языке XII–XIII вв. (параллельно с возможным употреблением этой формы в качестве претерита, развившегося из расширившего свое значение перфекта), а также в более позднее время — как следует из широко привлекаемых автором материалов псковских летописей, — еще в XV–XVI вв. Более того, проводимое автором сопоставление такого «причастного» употребления -*л*-формы с «новым перфектом» северо-западных говоров приводит М. В. Скачедубову (Ермолову) к заключению о синонимии тех и других структур и к предположению о возможности формирования «нового перфекта» с причастиями на -*вши* именно на базе этих «причастных» -*л*-конструкций (при этом наличие таких употреблений в памятниках разной диалектной локализации заставляет автора предполагать, что изначально новый причастный перфект не был исключительно северо-западным образованием) [Скачедубова 2019: 12, 138–139].

Несмотря на остроумие предложенного построения, оно оставляет очень много вопросов. Даже если оставить в стороне вопрос о связи -*л*-причастия с происхождением «нового перфекта» и первоначально общерусском (или общевосточнославянском?) характере северо-западного причастного перфекта, что явно противоречит лингвогеографическим данным, и неясность вопроса о хронологизации и механизмах предполагаемого процесса превращения некоего пра-нового перфекта причастных конструкций на -*л*- в существующий ныне новый перфект на -*вши* (почему произошла такая замена, почему нет следов этой старой причастной -*л*-формы в современных говорах, тем более если это был процесс достаточно поздний, и как она должна была соотноситься в рамках одной диалектной системы с -*л*-формой-простым претеритом на протяжении длительного времени?) — даже если оставить в стороне все эти вопросы, противоречий в предложенном теоретическом построении остается очень много, в том числе и относительно раннедревнерусского этапа истории глагольной системы.

Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что выводы о специфике употребления и грамматическом статусе -*л*-формы в древнерусском языке делаются на материале древнерусских летописей в их нарративной части, что прямо сформулировано в заглавии работы [Скачедубова 2019], ср. также материал в [Скачедубова 2017; 2018; Ермолова 2020]. Однако древнерусские летописи представляют гибридный регистр книжного языка, а не живой древнерусский язык (о специфике гибридного регистра и о летописании как основной составляющей письменной гибридной традиции см. подробно [Живов 2004: 64–69; 2017: 250–270]). Характерная для летописи интерференция книжных и некнижных элементов пронизывает

все ранние летописи, начиная с поздней части ПВЛ, и составляет их специфику как особой системы гибридного языка, при этом наибольшее число черт живого языка оказывается в прямой речи, а не в нарративе — ср. о близости прямой речи КЛ по важным синтаксическим параметрам (расположению энклитик) к бытовым берестяным грамотам и отличию её в данном отношении от авторской речи летописца [Зализняк 2004а: 51; 2008: 23–24]. Различие этих двух компонентов КЛ настолько существенно, что А. А. Зализняк рассматривает их как два разных источника: «⟨б⟩ез указанного разграничения данные Киевской летописи оказались бы смазанными и малопоказательными» [Зализняк 2008: 21; ср. Зализняк 2004а: 51, 63 и др.].

Летописный нарратив отражает черты живого языка в гораздо меньшей степени: очень резко это различие в КЛ, но присутствует оно и в других летописях — в летописной традиции в целом. Как мы уже говорили, в нарративе ранних летописей употребляются ушедшие в пассивное знание простые претериты и книжный плюсквамперфект, в прямой речи — перфект и некнижный плюсквамперфект [Шевелева 2009], см. также выше. Летопись в целом писалась на книжном языке, «⟨о⟩днако равномерно выдерживать стандарты книжного языка летописец не мог, поскольку ориентация на образцы в разной степени могла быть использована в разных сегментах текста. В силу этого разные сегменты характеризуются разной степенью интерференции, хотя сам по себе феномен свойствен любому фрагменту» [Живов 2004: 65–66]. Естественно, что наибольшая степень такой интерференции черт живого языка обнаруживается в летописи в прямой речи светских лиц (хотя и она отнюдь не может быть отождествлена с живым древнерусским языком). Несомненно, те или иные особенности грамматической системы древнерусского языка находят отражение и в нарративной части ранних летописей, однако вряд ли по таким данным можно надежно реконструировать состояние некоторого фрагмента древнерусской грамматической (и, в частности, глагольной) системы и тенденции его эволюции — во всяком случае, в исследованиях такого рода необходимо учитывать гибридную специфику текста, высокую степень вероятности (близкую к обязательности) присутствия в нем черт книжной грамматики, учитывать фактор возможной ориентации на некоторые образцы и следования традиции.

В летописи, конечно, могут проникать черты живого языка даже в нарративные фрагменты, однако надежно доказать их принадлежность живой древнерусской системе может только наличие соответствующего употребления в некнижных древнерусских текстах и в современных говорах.

Для предполагаемого М. В. Скачедубовой (Ермоловой) регулярного употребления *-л*-формы в роли причастия таких подтверждений не обнаруживается — гипотеза остается теоретической гипотезой, которую доказанной признать нельзя.

Рассматривая разные типы контекстов, для которых можно предполагать причастное употребление *-л*-формы, основным доказательством этого автор считает характерность для тех же контекстов причастий на *-въш-*/*-ъш-*

и нетипичность употребления аориста, т. е. личной формы глагола. Действительно, выявляется ограниченный набор определенных типов контекстов, характерных для активных причастий в функции выражения зависимой предикации (здесь автор опирается прежде всего на исследования [Потебня 1888: 185–227; Пичхадзе 2011] — замечу, правда, что соответствующее употребление характерно не только для причастий прошедшего времени на *-въш-*/*-ъш-*, на которых сосредоточивает внимание автор, но и для причастий настоящего времени на *-а (-ѧ)* / *-учи-* и под.), — и те же контексты в летописях оказываются типичны для *-л*-формы и нетипичны для аориста. Именно на том, что один и тот же тип употребления оказывается специфическим (а не просто возможным, как для аориста) и для действительных причастий, и для *-л*-форм, строится гипотеза об их равнофункциональности, т. е. грамматической синонимии: признается мотивированность употребления *-л*-формы в таких контекстах её причастной природой, т. е. способностью, как и причастие на *-(в)ъш-*, служить средством выражения зависимого статуса данной предикации [Скачедубова 2019; Ермолова 2020: 86].

Этот аргумент специфичности определенных типов употреблений для активных причастий и для формы на *-л-* в самом деле очень серьезен. Исследователь языка древнерусских летописей хорошо знает, что нередко появление *-л*-формы в нарративе, особенно в поздних летописях (а в ранних оно практически и не встречается), бывает «предсказуемо» связью с определенными устойчивыми типами контекста, например с контекстом некоторого построенного по принципу некнижного ситуационного синтаксиса дополнительного замечания, вводимого союзом *а*, очень употребительного в псковских летописях, да и в поздних летописях XV–XVI вв. в целом (типа *а был в Литвѣ 10 лѣ*^{т}*, а чернцо*^{м} *былъ на сѣне*^{х} *год и двѣ недѣли, а княжилъ 9 лѣ*^{т} и под. [Скачедубова 2019: 95–96; Ермолова 2020: 91], ср. об этом [Шевелева 2009а: 14])[6]. Действительно, *-л*-форма в таком употреблении как-то противопоставляет выраженное ею действие добавочного замечания действиям основной нарративной цепочки аористов.

Главная проблема для признания этого аргумента «специфичности» определенных контекстов для *-л*-формы, как и для прочих активных причастий, в противоположность личным формам глагола состоит в том, что в роли таких личных глагольных форм в летописях во всех этих характерных типах контекстов выступают утраченные в живом употреблении про-

[6] М. В. Скачедубова (Ермолова) называет такое употребление контекстами обозначения продолжительности действия (чаще «с конкретным указанием на то, сколько оно длилось»), возможно фонового, «противопоставленного по характеру протекания действиям, выраженным формами аориста», ср. контекст: *А в тот же день приеха из Литвы во Псков зять его князь Володимиръ Данильевич, а был в Литвѣ 10 лѣт* (Пск. 2 лет., л. 195 об.) и под. [Скачедубова 2019: 96; Ермолова 2020: 91–92].

стые претериты, преимущественно аорист — основная форма летописного нарратива, в живом языке ушедшая в пассивное знание уже в XII в. (см. выше), а в эпоху составления псковских летописей XV–XVI вв. явно оставшаяся только в книжной традиции стандартного и гибридного регистров письменного языка с присущими им сложившимися стереотипами описания. Если «пересчитать» отношение «специфически причастного» употребления -*л*-формы и употребления финитной формы прошедшего времени с летописного на грамматические формы реального живого языка, мы получим -*л*-форму в «специфически причастных контекстах» и -*л*-форму финитно-глагольную — как их различить, как доказать, что это не одна и та же форма в разных семантико-синтаксических типах употребления? Логический круг замкнулся — доказать, что это две разные морфологические единицы, нельзя, тем более что и сама М. В. Скачедубова (Ермолова) признает, что -*л*-форма в исследованных летописях может употребляться и как единая форма прошедшего времени и что превращение её в единое прошедшее уже в XII–XIII вв. несомненно [Скачедубова 2019; Ермолова 2020].

В таком случае обсуждать можно только вопрос о реликтовом сохранении -*л*-формой своей исконной причастности, актуализирующейся в определенных контекстных условиях (в выводах работы [Ермолова 2020: 94–96] идея формулируется уже именно таким образом — более корректно, чем в предыдущих работах автора).

Важно при этом выяснить, в какой мере «специфически причастные» контексты действительно являются таковыми в живом древнерусском языке, а не только в летописной традиции.

Рассмотренный выше контекст дополнительного замечания-уточнения с союзом *а* типа *а был в Литвѣ 10 лѣ*^{т} на самом деле представляет характерную конструкцию некнижного синтаксиса, и с этой точки зрения очень показателен: перед нами яркий пример ситуационной организации информации по принципу «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [Зализняк 2004: 190] (о ситуационном принципе подачи информации, характерном для древнерусского некнижного синтаксиса, как и для современной разговорной речи, см. [Там же; Живов 2004: 52–54 и др.]). Организованные по этому принципу некнижные синтаксические построения относят уточняющую (т. е. менее важную, дополнительную) информацию в конец сообщения — в этом смысле статус такой предикации действительно оказывается более низким, чем главной части сообщения, и может быть в определенной степени сопоставим со статусом причастных предикаций. Именно поэтому, видимо, в псковских и новгородских летописях, связанных с диалектной зоной, где предикативное употребление действительных причастий особенно активно, в тех же конструкциях широко употребительны и собственно причастные формы на -*въ*/-*въш*- [Скачедубова 2019: 95–100] — образования, специализированные на выражении подчиненного статуса данной предикативной единицы. Однако это не является доказательством причастности всякой такой отнесенной в конец сообщения пре-

дикации подобных некнижных построений. Как уже говорилось выше, конструкции типа *а был в Литвѣ 10 лѣ*^{т} известны и в московских летописях XV–XVI вв., допустимы они и в некнижном языке нового времени. Некоторым аргументом в пользу функционального сближения -*л*-форм в таких некнижных контекстах с причастиями на -*вши*- эти факты параллелизма тех и других форм могут быть, но не доказательством их грамматической синонимии.

Вряд ли достаточно доказательны для утверждения о специфически причастном употреблении -*л*-формы контексты нарративной цепочки с аористами (и имперфектами) и одиночной формой на -*л*- в их ряду — по мысли М. В. Скачедубовой (Ермоловой), «одиночность» -*л*-формы в таких рядах позволяет предполагать её отличное от обычного нарративного прошедшего значение и видеть здесь характерные для причастий конструкции типа «*вставъ (и) рече*» (с союзом или без), чрезвычайно употребительные в древнерусских памятниках [Скачедубова 2017: 118–119; 2019: 83–90; Ермолова 2020: 88–90]. Правда, примеров таких приводится немного и там, где имеются разночтения по спискам с причастием, предположение об использовании -*л*-формы в роли причастия наиболее вероятно (типа *и приде Володимеръ ко королеви. король же* ***поималъ*** (Х.П. — ***поє***^{м}) *Володимера и со всими полкы* <u>*поиде*</u> *к Галичю* КЛ, 1188 г., л. 229 об. [Скачедубова 2017: 118; 2019: 84–85; Ермолова 2020: 89–90]). В прочих случаях, где таких подтверждающих разночтений нет, предположение о причастности одиночной -*л*-формы в ряду аористов трудно доказуемо: в таких рядах в древнерусских текстах вполне возможны как причастия, так и личные глагольные формы. Вряд ли для контекстов типа *кнѧ*^{з} *же Борисъ* ***поѣха*** *в татары. а Ѡлександръ кнѧ*^{з} ***послалъ*** *дары* (СЛ, 1256 г., л. 166 об.) [Ермолова 2020: 90] можно достаточно надежно доказать специфическую причастность употребления -*л*-формы и нехарактерность его для личной формы глагола[7].

[7] В комментарии к этому контексту автор апеллирует к тому факту, что форма *послалъ* здесь обозначает действие зависимого статуса, не входящее в основную нарративную цепочку: ‘князь Борис поехал в Татары, взяв дары от Александра’ [Ермолова 2020: 90], т. е. имеется в виду ‘князь Борис поехал…, после того как Александр послал (прислал ему) дары’. Такое прочтение вполне вероятно, и действительно -*л*-форма обозначает в этом случае отклоняющееся от основной последовательности событий второстепенное действие, результат которого определяет совершение действия главного. Смущает, однако, то, что употребление -*л*-формы здесь может, как и в рассмотренных выше контекстах типа *а был в Литвѣ 10 лѣ*^{т}, иметь характер дополнительного замечания, помещенного по принципу ситуационного синтаксиса после главной части сообщения (см. выше), — как мы уже говорили, именно для таких контекстов в летописном нарративе типично появление некнижной формы на -*л*-.

Для второго приводимого в [Там же] примера употребления -*л*-формы в функции причастия конструкции типа «*въставъ и рече*» надежность доказательств еще меньше.

Замечу, что и при наличии разночтений типа форма на *-л-* / причастие на *-(в)ъ(ш)-* примеры, где *-л*-форма читается в поздних Х.П. списках, а причастие на *-(в)ъ* в Ипат., вряд ли можно считать вполне доказательными: ведь в таком случае надо признать специфически причастное употребление *-л*-формы, позволяющее ей заменять первоначально читавшееся причастие на *-въ*, для очень позднего времени — или надо доказывать, что поздние Х.П. списки в данном случае сохраняют исконное чтение КЛ при вторичности чтения Ипат.

Наиболее показательными контекстами, характерными для причастий, оказываются контексты с относительными местоименными словами: в таких конструкциях, рассматриваемых в свое время А. А. Потебней как придаточные предложения с причастным сказуемым, использование причастий встречается очень широко в разных типах текстов — как книжных, так и некнижных (см. [Потебня 1888: 205–231; Пичхадзе 2011]). Употребление активных причастий (настоящего и прошедшего времени) в таких конструкциях действительно очень типично для древних славянских языков (как показал А. А. Потебня, также для литовского и латышского), а в устойчивых реликтах типа *бить чем попадя, ити куда зря* и под. сохранилось и до современности [Потебня 1888: 217–227]. Ср. в примерах из древнерусских текстов: *Отъ тѣхъ Словенъ разидошасѧ по землѣ и прозвашасѧ имены своими.* ***гдѣ сѣдше*** *на которомъ мѣстѣ* (ПВЛ, Лавр., л. 3); *И оуладишасѧ* ***кдѣ что*** *свое* ***познавъше*** *лицемъ имати* (Лавр., 141, 309); ***Гдѣ оулюбивъ*** *жену или чью дочерь, поимашеть насильемъ* (Ипат., 136); *а друзіи розбѣгошасѧ* ***камо кто видѧ*** (Ипат., 202); *По смерти же великаго кнѧзѧ Болеслава не бысть* ***кто кнѧжа*** *въ Лѧдьскои земли* (Ипат., 208); *Возвратишасѧ съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ не бысть* ***кто*** *и вѣсть* ***принеса*** (СЛ, Лавр., 135); *Оже ли не будеть* ***кто*** *ѥго* ***мьстѧ***… (Рус. правда по Син. сп., 28); *Познаѥть ли надолзѣ* ***оу кого коупивъ*** *то своѥ коуны възметь* (Там же, 37) и др. [Там же: 206–215]; ср. в берестяной грамоте № 582 XIII в.: *цето еси прислале дова целовека те побегли а коне не ведаю* ***г[д]ѣ поимавоши*** [Зализняк 2004: 514]. Такое употребление причастий на *-въ (-въши*) и *-а (-учи*) действительно можно признать для древнерусского языка живым.

М. В. Скачедубова (Ермолова) обращает внимание на случаи употребления в тех же контекстных условиях с относительными словами формы на *-л-*, ср. примеры (особенно их много в новгородских и псковских летописях): *а* ***кто сѧ ѡсталъ*** *в городѣ а тѣ вси взѧти быша* (КЛ, 1185 г., л. 226); *а иное что хотя* ***кто что вынеслъ****. злии человѣци разграбиша* (НПЛмл, 1340 г., л. 208); *изъимаша новгородцевъ.* ***кто ходилъ*** *на Юргу* (sic!) *и ограбиша ихъ* (НПЛст, 1323 г., л. 163); *а ржи наша четверетка.* ***чего кто запросил****. а инии съ оусердиемь даваху* (Пск. II лет., 1422 г., л. 189); *а* ***котории осталися*** *во Пскове и по волости мужи и жены и малии дѣти, тѣхъ множество изомроша* (Пск. II лет., 1422 г., л. 189) и др. [Скачедубова 2017: 116–117; 2019: 74–79; Ермолова 2020: 87].

Сходство подобных контекстов с приведенными выше контекстами с причастиями на *-въ*, *-въше*, *-ъше* (а также с презентными на *-а*, *-учи*) в самом деле замечательное, и особенно значимо то, что *-л*-форма здесь употреблена именно в этой «придаточной» конструкции с относительным словом на фоне других временных форм в главном предложении. Обозначенное таким образом действие оказывается выделенным: вполне возможно, что так маркируется его подчиненный статус (выраженный в этих конструкциях и синтаксически — союзным словом, оформляющим данную предикативную единицу как придаточное предложение). Вполне вероятно, что это след былой «причастности» *-л*-формы, как и предполагает автор.

Однако стоит все-таки обратить внимание на то, что это выделение в летописном нарративе оказывается на фоне уже отсутствующих в живом языке аориста и имперфекта, употребленных в главном предложении. В соответствующих конструкциях с причастием на *-вши* из некнижных текстов в главной части употребляется та же *-л*-форма в функции финитного глагола (ср. выше в БГ № 582: *те* <u>*побегли*</u> *а коне не ведаю гдѣ поимавоши*). Как доказать, что аналогичное летописному выделение зависимой предикации в подобных конструкциях с помощью *-л*-формы возможно было и в живом языке еще в XIV–XVI вв., а перед нами не сложившиеся в летописной традиции стереотипы описания, восходящие к значительно более раннему времени? Кроме того, поздний летописный нарратив мог в таких контекстах заменить по принципу «пересчета» разговорное (а к этому времени уже диалектное) предикативное употребление причастия на *-вши* на более употребительную в гибридном языке летописей форму прошедшего времени на *-л-*, поместив её в относительную конструкцию по принципу контраста с основной нарративной цепочкой (о регулярной допустимости употребления перфекта, в том числе бессвязочного, в придаточных изъяснительных и определительных в языке ранних летописей см. [Шевелева 2009: 165–172]).

Надо признать, что в раннедревнерусскую эпоху придаточные конструкции с относительными словами и формой на *-л-* на фоне нарративных прошедших времен главного предложения, возможно, действительно могли нести след исконной причастности *-л*-формы и, соответственно, признаковой семантики перфекта, в более позднее время это уже следование традиции летописного нарратива — во всяком случае, надежно доказать обратное невозможно.

Напомним к тому же, что в этих «специфически причастных» конструкциях с относительными словами в большей части русских говоров со временем причастия на *-вши*, *-а (-учи)* были вытеснены личными формами глагола прошедшего или настоящего/будущего времени, утвердившимися и в таких придаточных клаузах. Доказать, что в соответствующих контекстах из поздних летописей *-л*-форма не отражает этого процесса вытеснения причастий на *-в, -вши*, тоже оказывается невозможно.

Взвешивая все аргументы «за» и «против» признания причастного характера выявленных специфических употреблений *-л*-формы в языке рус-

ского летописания, надо признать, что для надежного доказательства этой гипотезы нет достаточных оснований; однако для раннедревнерусской эпохи предположение о возможности реликтового сохранения формой на *-л-* своей исконной причастной семантики, реализующейся в определенных типах контекстов, вполне вероятно.

На подобные реликты обращал внимание еще А. А. Потебня, отмечавший при этом, что «⟨у⟩же в древнем языке случаи аппозитивности причастия на *-л-* редки и сомнительны» (примеры типа «*милостыни, съв(ъ)купилася* (= *совокупившися, соединенная*) *съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляеть человека»* Новг. I, 60 и под.) [Потебня 1888: 239], ср. цитируемую А. А. Потебней мысль Ф. И. Буслаева о сохранении реликтовой причастной семантики в некоторых употреблениях прошедшего на *-л-* вместо членных причастий на *-ший* [Там же: 240–241; Буслаев 2006/1959: 128 (§ 198)].

Наиболее доказательными являются те примеры, где предполагаемая остаточная «причастность» *-л-*формы подтверждается её синтаксической однородностью (или как минимум параллелизмом синтаксических конструкций) с причастиями или прилагательными (см. примеры выше, разделы 1, 2). Таких примеров в летописях мало — явно меньше, чем в стандартных церковнославянских текстах и старейшей части ПВЛ, следующих старославянской традиции, где параллелизм перфекта и именных конструкций с прилагательным/причастием периодически встречается (см. выше разделы 1, 2). Надежных примеров такого рода в летописях XII–XIII вв. и более поздних почти нет. Поэтому предполагать регулярное и даже широкое употребление *-л-*формы в роли причастия, связанное с сохранением её исконно именных свойств в живом языке, мало вероятно даже для раннедревнерусской эпохи.

4. Некоторые итоги

Подведем основные итоги.

Древний славянский перфект, судя по данным старейших памятников, был поздно грамматикализовавшейся формой и в эпоху первых (старославянских) переводов еще сохранявшей специфическую признаковую маркированность по характеризующей функции, обусловленную исконно именной природой главного компонента перфекта — формы (причастия) на *-л-*. В оппозиции с аористом, свободно употреблявшемся в ст.-сл. текстах в контекстах так называемого «перфектного значения» в прямой речи (релевантности результата на момент речи), перфект в старейших текстах был маркирован как образование, специализированное на выражении перфектного значения, осложненного, кроме того, названным признаковым семантическим компонентом — во многих случаях эта специфика еще вполне ощутима, хотя, вероятно, уже начинает выветриваться.

Древнейшие вост.-слав. памятники, связанные с книжной традицией, — не только собственно церковнославянские, но и начинающая традицию русского летописания древнейшая часть ПВЛ, — в распределении аориста и перфекта в основном соответствуют старославянским источникам: аорист употребляется как немаркированный претерит, свободно допустимый в том числе и в прямой речи, перфект же в значительной части случаев сохраняет дополнительную характеризующую специфику, связанную с источником грамматикализации формы. Впрочем, тенденция к выветриванию этого дополнительного (а точнее исконного) семантического компонента уже вполне ощутима: для ряда контекстов даже древнейшей части ПВЛ надежных свидетельств именной семантической специфики перфекта нет; скорее всего, эта исконная специфика перфекта проявляется только в благоприятных контекстных условиях, в других употреблениях стирается.

Как свидетельствуют данные бытовых текстов того же времени, в живом языке XI в. перфект переживал следующий этап своей семантической эволюции: находился на пути превращения из перфекта (с основным значением текущей релевантности результата) в претерит, утративший связь с актуальностью результата на момент речи, — см. «нарративное» употребление перфекта в берестяных грамотах №№ 605, 109.

В поздней части ПВЛ, создание которой относится к началу XII в. (т. е. отстоящей от времени создания «древнейшего ядра» ПВЛ примерно на 100 лет), аорист, ушедший теперь из живого языка в сферу пассивного знания, употребляется как форма нарратива и, за исключением библейских цитат и устойчивых книжных клише, практически отсутствует в прямой речи. Перфект используется как форма прямой (и косвенной) речи, выражая собственно перфектное значение текущей релевантности результата и утрачивая в абсолютном большинстве употреблений специфически признаковую маркированность. Видимо, эта исконная именная специфика перфекта, как и употребленного без связки его основного компонента — формы на *-л-*, может еще проявляться в специфических контекстных условиях и в XII в., и даже позднее, но редко и вряд ли регулярно — как остаточный реликтовый архаизм, след исконного морфологического статуса формы. В нарративные контексты в поздней части ПВЛ перфект пока практически не выходит, хотя к XII в., судя по данным некнижных текстов, такое употребление в живом языке было уже вполне возможно.

Летописи XII и XIII вв. в распределении аориста и перфекта в основном следуют традиции поздней части ПВЛ, используя аорист как форму нарратива, а перфект как форму прямой речи — складывается традиция гибридного регистра книжного языка. При этом всё чаще (в СЛ и НПЛ) появляются примеры перфекта без связки в нарративе — проникновение превратившейся в простой претерит *-л-*формы живого языка в летописный текст (см. примеры в [Шевелева 2002; 2009; Скачедубова 2019 и др.]). То же обнаруживается в берестяных грамотах XII в. — см., например, длинную

нарративную цепочку с *-л*-формами в грамоте № 724 [Зализняк 2004: 350–354] и др.

Возможно, в единичных случаях встречалось сохранение реликтового причастного употребления формы на *-л-* в определенных типах конструкций, хотя с полной надежностью такие примеры не выявляются — можно говорить лишь о представленных в летописной традиции нескольких устойчивых типах контекстов, для которых допустимо предположение о причастной функции *-л*-формы, но соответствие их живому употреблению надежно обосновать не удается.

Такова, видимо, была ситуация с эволюцией перфекта в вост.-слав. диалектной зоне в раннедревнерусскую эпоху. Обратим внимание на то, сколь кратким оказался «срок жизни» славянского перфекта в восточнославянских диалектах: старейшие славянские памятники еще указывают на его теснейшую связь с источником грамматикализации, возможно пока не завершившейся полностью, и самый ранний оригинальный пространный вост.-слав. текст — «древнейшее ядро» ПВЛ, восходящее к началу XI в., — этой картине в основном соответствует, что вряд ли может быть искусственным. При этом в разговорном древнерусском языке в XI в. — по крайней мере, на северо-западе — идет активный процесс последующего превращения перфекта в претерит (возможно, с сохранением спорадических реликтовых именных употреблений *-л*-формы). К XII в. такое превращение в живом языке уже несомненно. Оказывается, что собственно перфектом славянский перфект в древнерусском был крайне недолго — яркая демонстрация диахронической нестабильности перфекта [Плунгян 2016: 22–23], в высокой степени проявившейся в вост.-слав. диалектной зоне. Видимо, в этой недолговечности и разрушении в претерит фактически вскоре после грамматикализации кроется решение многих проблем, связанных с историей восточнославянского перфекта и перестройкой всей системы прошедших времен в восточнославянском ареале.

Литература, источники

Буслаев 2006/1959 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. 7-е изд. М.: КомКнига, 2006.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.

Власова 2014 — Е. А. Власова. Jako recitativum в древнерусских летописях XI–XIII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 2. С. 102–112.

Власова 2014а — Е. А. Власова. Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2014.

Гаспаров 2003 — Б. Гаспаров. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянском // Русский язык в научном освещении. 2003. № 5 (1). С. 215–242.

Гиппиус 2001 — А. А. Гиппиус. Рекоша дроужина Игореви… К лингвистической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147–181.

Гиппиус 2012 — А. А. Гиппиус. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37–62.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Ермолова 2020 — М. В. Ермолова (Скачедубова). О соотношении *-л*-форм и причастий на *-ъш-/-въш-* в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 78–100.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2004а — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Издательство Московского университета, 1953.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

Кузнецов 1961 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. М., 1997.

Лурье 1987 — Я. С. Лурье. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л.: Наука, 1987. С. 241–245.

НПЛ — Новгородская первая летопись // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат.).

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библеистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 462–480.

Плунгян 2016 — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семенова (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта (= Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII. № 2). СПб., 2016. С. 7–36.

Плунгян, Урманчиева 2017 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Словѣне = Slověne. Международный славистический журнал. 2017. Vol. 6, № 2. С. 13–56.

Плунгян, Урманчиева 2018 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К типологии нерезультативного перфекта (на материале старославянского языка) // Slavistična revija. 2018. Letnik 66, št. 4. С. 421–440.

Плунгян, Урманчиева 2019 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция // Acta linguistica Petropolitana. 2019. № 15 (3). С. 223–249.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Харьков, 1888.

Приселков 1996 — М. Д. Приселков. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

Пск. II лет. и Пск. III лет. — Псковская II летопись и Псковская III летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Скачедубова 2017 — М. В. Скачедубова. К интерпретации случаев употребления *-л*-формы без связки (на материале Ипатьевской летописи) // Slavistična revija. 2017. Letnik 65, št. 1. С. 115–125.

Скачедубова 2018 — М. В. Скачедубова. Об интепретации *-л*-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76.

Скачедубова 2019 — М. В. Скачедубова. Функционирование *-л*-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей). Дис. … канд. филол. наук. М., 2019.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Топоров 1961 — В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 35–70.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.

Шахматов 1908 — А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55–72.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и в современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.

Шевелева 2009а — М. Н. Шевелева. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 5–43.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209.

Статья получена 28.04.2020

Maria N. Sheveleva
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
mnsheveleva@mail.ru

ONCE MORE ON THE PERFECT AND AORIST IN EARLY EAST SLAVIC TEXTS

The paper deals with the problem of the semantic distribution of perfect and aorist tenses in early Old Russian texts, which has recently attracted a lot of renewed interest. It is shown that the aorist vs. perfect distribution in the oldest vs. the later parts of the *Povest' vremennykh let* is different. In the ancient part of the chronicle going back to the 11th century, this distribution is, for the most part, the same as in Old Church Slavonic: the aorist is a non-marked preterit and can be used not only in narrative contexts but also in direct speech with perfect semantics ("current relevance" of the result), while the perfect occurs not so often and in many cases has a specific connotation of characterization connected with the source of its grammaticalization. In the later part of *Povest' vremennykh let* created in the beginning of the 12th century, as well as in the following chronicle tradition of the 12th-13th centuries, the aorist is used as a narrative preterit and does not occur in direct speech, while the perfect becomes the form of alien (direct and indirect) speech, has resultative semantics and loses its specific characterizational connotation. This change was conditioned by the evolution of the Old Russian verbal system in the 11th-12th centuries and the formation of the hybrid register of literary language in the 12th century.

Finally, the hypothesis about the participle function of *-l*-forms in East Slavic texts put forward by M. Skachedubova (Ermolova) is discussed.

Keywords: Old Russian, chronicles, Povest' vremennykh let, aorist, perfect semantics, *-l*-form

References

Ermolova (Skachedubova), M. V. (2020). O sootnoshenii *-l*-form i prichastii na *-"sh-/ -v"sh-* v drevnerusskom yazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 78–100.

Gasparov, B. (2003). Nabliudeniia nad upotrebleniem perfekta v drevnetserkovnoslavianskom. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 5(1), 215–242.

Gippius, A. A. (2001). Rekosha drouzhina Igorevi… K lingvisticheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi. *Russian Linguistics, 25*, 147–181.

Gippius, A. A. (2012). Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii. In N. A. Makarov (Ed.), *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaia panorama* (pp. 37–62). Moscow; Vologda: Drevnosti Severa.

Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaia grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.

Kuznetsov, P. S. (1961). *Ocherki po morfologii praslavianskogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Lurye, Ya. S. (1987). Letopis' Lavrent'evskaia. In D. S. Likhachev (Ed.), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 1* (pp. 241–245). Leningrad: Nauka.

Pichkhadze, A. A. (2011). Slavianskoe prichastie-skazuemoe v zavisimykh predikatsiiakh kak pokazatel' modal'nosti i evidentsial'nosti. In E. L. Alekseeva (Ed.), *Bibleistika. Slavistika. Rusistika. K 70-letiiu zaveduiushchego kafedroi bibleistiki professora Anatoliia Alekseevicha Alekseeva* (pp. 462–480). St Petersburg: SPbGU.

Plungyan, V. A. (2016). K tipologii perfekta v yazykakh mira: predislovie. In T. A. Maisak, V. A. Plungian, & K. P. Semenova (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 7: Tipologiia perfekt*a (pp. 7–36). St Petersburg: ILI RAN.

Plungyan, V. A., & Urmanchieva, A. Yu. (2017). Perfekt v staroslavianskom: byl li on rezul'tativnym? *Slověne, 6*(2), 13–56.

Plungyan, V. A., & Urmanchieva, A. Yu. (2018). K tipologii nerezul'tativnogo perfekta (na materiale staroslavianskogo yazyka). *Slavistična revija, 66*(4), 421–440.

Plungyan, V. A., & Urmanchieva, A. Yu. (2019). Perfekt so sviazkoi v «Povesti vremennykh let» kak fokusnaia konstruktsiia. *Acta Linguistica Petropolitana*, *15*(3), 223–249.

Priselkov, M. D. (1996). *Istoriia russkogo letopisaniia XI–XV vv*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Sheveleva, M. N. (2002). Sud'ba form prezensa glagola *byti* po dannym drevnerusskikh pamiatnikov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiia*, 5, 55–72.

Sheveleva, M. N. (2007). «Russkii pliuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i v sovremennykh govorakh. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 214–252.

Sheveleva, M. N. (2009a). Pliuskvamperfekt v pamiatnikakh XV–XVI vv. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(17), 5–43.

Sheveleva, M. N. (2009b). «Soglasovanie vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisei (k voprosu o formirovanii otnositel'nogo upotrebleniia vremen i kosvennoi rechi v russkom yazyke). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 144–174.

Sheveleva, M. N. (2015). Nekotorye soobrazheniia po povodu knigi D. V. Sichinavy «Tipologiia pliuskvamperfekta. Slavianskii pliuskvamperfekt». *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 180–209.

Skachedubova, M. V. (2017). K interpretatsii sluchaev upotrebleniia -*l*-formy bez sviazki (na materiale Ipat'evskoi letopisi). *Slavistična revija, 65*(1), 115–125.

Skachedubova, M. V. (2018). Ob intepretatsii -*l*-formy bez sviazki v pliuskvamperfektnykh kontekstakh v Ipat'evskoi i 1-i Novgorodskoi letopisiakh. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 64–76.

Skachedubova, M. V. (2019). *Funktsionirovanie -l-formy v drevnerusskom narrative (na materiale rannikh letopisei)* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Toporov, V. N. (1961). K voprosu ob evoliutsii slavianskogo i baltiiskogo glagola. *Voprosy slavianskogo jazykoznanija*, 5, 35–70.

Uspenskii, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow: Aspekt Press.

Vlasova, E. A. (2014a). *Sposoby peredachi chuzhoi rechi v russkikh letopisiakh XII–XVI vv.* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Vlasova, E. A. (2014b). Jako recitativum v drevnerusskikh letopisiakh XI–XIII vv. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiia*, 2, 102–112.

Zaliznyak, A. A. (2004a). *«Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvista*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2004b). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia yazyka russkoi pis'mennosti* (Vols. 1–2). Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Received on April 28, 2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.7

А. А. ПИЧХАДЗЕ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

ПЕРФЕКТ И КНИЖНЫЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ДРЕВНЕРУССКОМ: МЕСТО СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА*

Статья состоит из двух частей. В первой рассматривается положение отрицания при аналитических претеритах в древнерусском языке. В качестве источников были использованы древнерусские летописи и берестяные грамоты. Исследование подтвердило, что в древнерусском языке, в отличие от древнеболгарского, отрицание примыкало к причастию аналитических претеритов, а не к вспомогательному глаголу. Редкие случаи постановки отрицания при вспомогательном глаголе объясняются церковнославянским влиянием. Во второй части анализируется место вспомогательного глагола в древнерусских аналитических претеритах. Показано, что вспомогательный глагол не только перфекта, но и книжного плюсквамперфекта достаточно регулярно употребляется в летописях в позиции, характерной для глагольной энклитики. Похожая ситуация наблюдается в старославянском Мариинском евангелии. Высказано предположение, что вспомогательный глагол плюсквамперфекта в славянских диалектах мог выступать в качестве энклитики, подобно вспомогательным глаголам в составе других аналитических временных форм — перфекта, сверхсложного плюсквамперфекта и сложного будущего. Энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта, возможно, развилось еще в дописьменную эпоху.

Ключевые слова: отрицание, вспомогательный глагол, плюсквамперфект, энклитики, древнерусский язык.

Место сентенциального отрицания

Одно из самых ярких отличий древнерусской письменности от южнославянской состоит в том, что в сочетании с аналитическими формами прошедших времен глагола (т. е. перфекта и плюсквамперфекта) в средневековых южнославянских памятниках сентенциальное отрицание обычно примыкает к вспомогательному глаголу, а в древнерусских — к причастию

* Статья подготовлена в ходе работы над проектом «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси», поддержанным РФФИ (№ 20-012-00241). Выражаю глубокую благодарность М. Н. Толстой и А. В. Циммерлингу за замечания и соображения, высказанные по поводу настоящей статьи.

[Хабургаев 1978: 46; Migdalski 2006: 104–105, 114–116; Willis 2013: 345–346]. В старославянских текстах отрицание обычно находится в контактной препозиции к формам вспомогательного глагола **быти** и сливается с ними, если они начинаются с гласного, — в результате возникают формы типа **нѣсмъ**, **нѣсть** и т. п. [Večerka 1989: 34; Willis 2013: 347–348]. Между отрицанием и вспомогательным глаголом может помещаться энклитическая частица **бо**, так что отрицание и энклитика образуют проклитико-энклитический комплекс; однако проклитико-энклитические комплексы в славянских языках рано перестали употребляться, поэтому сочетания типа **не бо бѣ**, **не бо то есть** редки не только в старославянском языке, но и в церковнославянских памятниках, не входящих в старославянский канон [Večerka 1989: 46; Зализняк 2008: 72, 227–228], а в древнерусской письменности они фиксируются исключительно в церковнославянских текстах[1] [Зализняк 2008: 76, 78].

Действительно, в Мстиславовом евангелии[2] — типичном представителе преславской редакции Евангелия, возникшей в X в., — отрицание употребляется перед вспомогательным глаголом перфекта 20 раз, а при причастии — только трижды (Мк. X 21, Мф. XIX 20 и Лк. XVIII 22), причем в двух контекстах из трех, видимо, представлен глагол **недоконьчати**, в котором приставка **не-** уже не отделялась: **чесо ѥсмь еще не доконьчалъ** Мф. XIX 20 и **еще ѥдиного не доконьчалъ ѥси** Лк. XVIII 22. В Супрасльской рукописи в перфекте засвидетельствовано 3 случая с отрицанием при причастии — все из одного пассажа, отсылающего к Евангелию от Луки XXIV 18 (**бѫди ѥже не видѣлъ ѥси то не слыша ли** 475.5; **ты ли ѥдинъ живеши иероусалимѣ·** і **не оувѣдѣлъ ѥси бывъшааго вь немь** 475.10; **и не оувѣдѣлъ ѥси бывъшааго** 475.18), в то время как контекстов с отрицанием, слившимся с вспомогательным глаголом, не меньше 23-х[3]. В плюсквамперфекте в Супрасльской рукописи отрицание всегда примыкает к вспомогательному глаголу — 4 раза (121.15; 442.3, еще в двух контекстах отрицание отделено от вспомогательного глагола наречием и частицей-энклитикой: **не оу бо бѣаше дотолѣ видѣлъ аггела** 122.29, **не оу бо бѣ мѫжа познала** 489.9). Похожая картина наблюдается в Успенском сборнике XII–XIII вв., содержащем по большей части южнославянские тексты: при единственном случае употребления отрицания при причастии перфек-

---

[1] По данным НКРЯ, сочетание **не бо** встречается в древнерусских летописях всего один раз — в Суздальской летописи в цитате из Послания к Римлянам XIII 4: **аще ли зло творишь боисѧ · не бо без ума мечь носить** [ПСРЛ I: 422].

[2] По изданию [МстЕв].

[3] 8.8; 115.10; 120.24; 140.13; 147.21; 147.26; 149.23; 149.29–30; 171.23; 195.8; 195.28; 197.19; 225.25; 336.1; 337.9; 337.11; 337.13; 377.4; 428.28; 445.30; 512.11; 520.1; 540.8. Данные получены с помощью созданного в Тромсё (Норвегия) корпуса TOPOT (https://nestor.uit.no); адреса приводятся по изданию [Заимов, Капалдо 1982–1983].

та (**не оустроилъ же сѧ ѥси ц(с҃)рю** 75в7) только слитных форм типа **нѣсмь** в составе перфекта не меньше 17-ти; плюсквамперфект с отрицанием отмечен один раз — отрицание примыкает к вспомогательному глаголу [УСб: 518–519]. Напротив, в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» соотношение обратное: по данным древнерусского подкорпуса НКРЯ, отрицание при причастии перфекта употреблено 21 раз, при вспомогательном глаголе перфекта и плюсквамперфекта — 7 раз[4].

В древнерусских летописях перевес в пользу отрицания при причастии еще больше, чем в церковнославянском переводе «Жития Андрея Юродивого».

В «Повести временных лет» обнаруживаются два контекста, в которых показания древнейших летописных сводов расходятся. Один из них содержит форму перфекта: в Лаврентьевском своде читается **аще и тѣло(м҃) ап(с҃)ли не суть не были. но оученьꙗ ихъ. аки трубы гласѧть по вселен(ѣ)и в цркв҃хъ**, в Ипатьевском — **аще бо и тѣломъ ап(с҃)ли суть. ꙁдѣ не были но оучениꙗ ихъ. ꙗко трубы гласѧть** 32г31. В Лаврентьевском списке одно из двух **не** ошибочно написано вместо **сде**, но какое именно — не ясно; в Радзивиловском и Академическом списках второго **не** (при причастии) нет [ПСРЛ I: 83]. Если первоначальным чтением в списках Лаврентьевской группы было **не суть сде были**, то Лаврентьевский список может отражать первый этап порчи (**сде** → **не**), а Радзивиловская и Академическая летописи — второй (устранение второго **не**). Однако не исключено, что порче подверглось первоначальное чтение **сде суть не были**, с отрицанием при причастии, как в Ипатьевском своде.

Второй контекст содержит плюсквамперфект: в Лаврентьевской летописи читается **еще бо не бѧху сѧ оутвердили вѣрою** [Там же: 119], в Ипатьевской — **и еще бо сѧ бѧху не оутвѣрдилѣ** 44г15. Определить исконное чтение здесь затруднительно.

Кроме того, в одном контексте аналитическая форма отмечена только в Ипатьевском своде: **и еще бо сѧ бѧхуть не собрали к нему вои** И47г29, в то время как в Лаврентьевском читается только **не бѣ бо вои оу него** [Там же: 127].

Наконец, в соответствии с перфектом Лаврентьевской летописи **аще ли по моеи смр҃ти ѡскудѣвати начне манастырь. чернориꙁци. и потребами манастырьсками. то вѣдуще буди** [в др. сп.: **будете**] **ꙗко не оугодилъ ѥсмъ бу҃** [Там же: 188] в Ипатьевской читается **не оугодилъ буду** 69в5 — это чтение, возможно, и было первоначальным.

В остальных случаях показания обеих текстовых ветвей совпадают.

---

[4] Отрицание при причастии — перфект: 500, 681, 1625, 1944, 2031, 2295, 2476, 2820, 2874, 2888, 2983, 3180, 3235, 3603, 3640, 3793, 4068, 4111, 4352, 5181, 5351, ср. еще с наречием и частицей между отрицанием и причастием: **не оу ка сѹть настала хотѧщаꙗ быти** 2482–2483; отрицание при вспомогательном глаголе — перфект: 302 дважды, 1542, 2175, 5968, плюсквамперфект (**не бѣаше**): 3656, 4177.

«Повесть временных лет»[5]

не + причастие	*не* + связка
Перфект	
7	2
(1) **ѡн же р(ч҃)е сего <u>ѥсмъ не молвилъ</u>** Л 265 = И91а24 (2) **идѣте ѡпѧть. ꙗко ѡц҃ї наши сего <u>не приꙗли суть</u>** Л 85 = И33г1 (3) **сего <u>не бывало є(с҃)</u> в Руськѣи ꙁемьли** Л 262 = (**не было есть**) И90а1 (4) **и разумѣ ꙗко <u>не всталъ ѥсть</u> игуменъ** Л 191 = И70г18 (5) **кленусѧ… ꙗко <u>не помослилъ</u>** [в др. сп.: **<u>помыслилъ</u>**] **ѥсмь ꙁла бра(т҃)и своѥи ни в чемже** Л 266 = И91в10 (6) **се ты <u>не шелъ ѥси</u> с нама на поганыѣ** Л 228 = И84а28 (7) **си же того не творѧть. <u>суть не бы҃</u> (!) <u>правили</u> вѣры** Л 87, **и <u>суть не исправили</u>** РА = И34б10	**сде бо <u>не суть</u> ап(с҃)ли <u>оучили</u>. н(и) пр҃роци прорекли** Л 83 = И32г22–23 **дивьно мы находихо(м҃) чюдо. ѥгоже <u>нѣ есмы слышали</u> пре(ж҃) си(х҃) лѣ(т҃)** Л235 = И86б7
Плюсквамперфект	
4	3
(8) **ꙁа маломъ бо <u>бѣ не дошелъ</u> Ц҃рѧгра(д҃)** Л 71 = (**бѣ не шелъ**) И28в6 (9) **лежаць моцьми. но сстави <u>не распалисѧ бѣша</u>** Л 211 = И78б15 (10) **еще бо <u>не скончалисѧ бѧху</u> грѣси ихъ. и беꙁаконьꙗ ихъ** Л 233 = И85в19 (11) **<u>бѣ</u> же єдинъ старець <u>не былъ</u> на вѣчи томь** Л 127 = И48а10	**ѥще бо <u>не бѧху приꙗли</u> ст҃аго кр҃щньꙗ** Л 117 = 44б3, но РА: *бяху* (*бяше* А) *не прияли* **си бо <u>не бѣша</u> преди <u>слышали</u> словесе книжного** Л 119 = И44г24 **предъ симъ бо <u>не бѣ</u> <u>оумиралъ</u> сн҃ъ предъ ѡц҃емь** Л 92 = Погодинский, Хлебниковский (в Ипат 36б опущено **бѣ**) [ПСРЛ II 79]

В «Повести временных лет», как можно заметить по приведенным данным, отрицание обычно примыкает к причастию, а при вспомогательном глаголе оказывается в книжных контекстах.

В Киевской летописи преобладание постановки отрицания при причастии еще более заметно, чем в «Повести временных лет».

[5] Цитаты приводятся по Лаврентьевской летописи с указанием страниц по [ПСРЛ I], далее дается ссылка на параллельное место Ипатьевской летописи с указанием листа и строки по [НКРЯ].

Киевская летопись[6]

не + причастие	*не* + связка
Перфект	
10 (12) а ты еси не восхотѣлъ 144б24 (13) а ѧ есмь на тобѣ ч(с҃)ти не положилъ 151г20 (14) аче есмь тогды не былъ. надъ бра(т҃)мъ своимъ 169а6 (15) съ изѧславомъ есмь не моглъ быти 171в23 (16) аче ти есмь володимирѧ не добылъ 175б11 (17) а чему есте не молвили 177в31 (18) лиха ти есмь не хотѣлъ 178в14 (19) ажь еси не всѣлъ на конь 239а33 (20) и не чаꙗлъ есмь сѧкого возмездьѧ 217г17–18 (21) а ꙗрополка не пустиша. не вьмѣнилъ ны еси того 203а24	2 нѣси приꙗлъ бл҃гословлениꙗ ѿ стѣи софьѣ 173г24 свадбоу акаже несть бывала в роуси 229а21
Плюсквамперфект	
14 (22) предъ симъ бо бѣ не былъ еп(с҃)пъ смоленьскѣ 111в12 (23) и еще бо бѧху половци не пришли к нему 110б13 (24) всеволодъ же бѧше не человалъ кр(с҃)та еще 113б31 (25) а вѧчеславль бѧше полкъ к нему не притѧглъ прити 145г20 (26) давыдъ же бѧше не притѧглъ 213а8 (27) роусь же бѧхоуть не перебѣхалѣ еще рѣкѣ сюрлиꙗ 223г19 (28) не втѧгли бо бѧху съ кн҃земъ 109г18 (29) не тѧгли бѧхоуть ѿ множества всего того вывозити 122г22 (30) не ѡсталъ бо сѧ бѧше оу ни(х҃) ниединъ кн҃зь 171б3 (31) ростиславичи же не затворилисѧ бѧхуть 204а3 (32) ꙗрославъ же не совокупи(л҃)сѧ бѧшеть сь братьею 205а10 (33) кнѧзь же ꙗрославъ черниговьскии не шелъ бѧше с братомь 222г32 (34) зане и еще не пришелъ бѧше ростиславъ киеву 169а13 (35) а инде не сталъ бѧше никдеже 184б7	0

[6] Цитируется по [Юрьева 2017].

Оба контекста с отрицанием при вспомогательном глаголе в перфекте отражают церковнославянское влияние. Выражение **акаже несть бывала**, видимо, восходит к Евангелию от Матфея XXIV 21: **скрьбь велиѣ. ѣкаже нѣстъ была отъ начѧла въсего мира доселѣ** (по Мариинскому евангелию).

В плюсквамперфекте в Киевской летописи отрицание всегда примыкает к причастию. Единственный пример с другим порядком: **не бѧхоуть бо добрѣ смѧлисѧ с ковоуи но мало ѿ простыхъ. или кто ѿ ѡтрокъ боꙗрьскихъ. добрі бо вси бьꙗхоуть(с҃) идоуще пѣши** ‘не сильные [воины] отступили с коуями, но немного простых [людей] или отроков боярских, потому что сильные все бились, идя пешими’ 224в3 — на самом деле содержит не сентенциальное отрицание, а присловное, поскольку оно относится к слову **добрѣ** (= **добри**, им. мн.). Возможно, отрицание находится перед **бѧхоуть** из-за того, что эта форма одновременно играет роль вспомогательного глагола перфекта и связки составного сказуемого (**не бѧхоуть бо добрѣ**), а при составном сказуемом отрицание обычно примыкает к связке, если в предикации опровергается ложная пресуппозиция, которой при помощи союза **нъ** ‘но’ противопоставляется истинная ситуация, как в данном случае [Пичхадзе 2020].

В Новгородской I летописи сентенциальное отрицание в перфекте и плюсквамперфекте зафиксировано, за единственным исключением, при причастии.

Новгородская I летопись[7]

не + причастие	*не* + связка
Перфект	
3 (36) **а ꙁла до васъ есмь не мыслилъ никоторагоже** 105.3–4 (37) **а кнѧꙁю ѥсме ꙁла не створили никоторагоже** 107 об.7 (38) **и ре(ч҃) · ꙗко не мыслилъ ѥсмь до пльсковичь гроуба ничегоже** 104.15	0
Плюсквамперфект	
2 (39) **а кто бѣ нѣ пошьлъ по нихъ · с<тол>бовицѧ съ нѣкольком дроужины · а ꙋ тѣхъ кꙋ(н҃) поима(ш҃) · бивъше** 62 об.16 (40) **а сторожи ночьнии бѧхоꙋ пришли · а днѣвнии бѧхоꙋ не пошли** 87 об.5	1 **не бе бо приспело врѣмѧ ѥго** 89.20

[7] Цитируется по компьютерному набору текста Новгородской I летописи по Синодальному списку, выполненному А. А. Гиппиусом и использованному в НКРЯ.

Контекст **недостало бо оу нихъ бѧше хлѣ(б҃)** 118 об. содержит глагол **недостати**, в котором приставка **не-** уже неотделима.

Единственный случай постановки отрицания при вспомогательном глаголе в плюсквамперфекте отмечен в рассказе об убийстве рязанских князей, читающемся также в Суздальской летописи (см. ниже) и отличающемся обилием книжных оборотов [Комарович 1945: 76; Гиппиус 2009: 194, прим. 2].

В Суздальской летописи также преобладает отрицание при причастии.

Суздальская летопись[8]

не + причастие	*не* + связка
Перфект	
3 (41) **аще єсмъ тогда не былъ надъ брато(м҃) своимъ** 342.7 (42) **то ты коли рать была со мною ѥси ко ц(с҃)рю не бѣжа(л҃)** · **не** [вместо: **но**] **ѡсталъ ѥси в Руси** 482.23 (43) **и не оуспѣлъ ѥси ничтоже** 297.4–5	1+2 **єже нѣ(с҃) было в Ростовѣ** · **оу пре(ж҃) бывши(х҃) єп(с҃)пѣхъ** 459.26 **и хотѣньꙗ оустъ ѥго нѣси ѥго лишилъ** 421.27 = 433.25 (Пс. XX 2)
Плюсквамперфект	
6 (44) **ꙁанеже бѧху не ходили томь лѣ(т҃)** · **со всею кнѧꙁью** 397.2 (45) **не ѡстал бо сѧ бѧшеть оу ни(х҃) никаковъ кнѧꙁь** 343.30 (46) **кнѧꙁи же Русстии не оутѧгли бѧху с Володимеромъ** 395.19–20 (47) **тѣ(м҃)же мноꙁи Новгородци не совокупилисѧ бѣша** 479.2–3 (48) **ꙁане и єще не пришелъ бѧшеть Ростиславъ** 342.11 (49) **по** · **т҃** · **дн҃и бо не пустили бѧху ихъ к водѣ** 398.16	2 **не бѣ бо приспѣло єще времѧ ѥго** 440.29 **жалостно же и слышати ꙗко ѡц҃ь ѥго ч(с҃)тныи Ꙗрославъ великыи не бѣ вѣдалъ такого встаныꙗ на сн҃а своѥго милого Ѡлеѯандра** 478.37

Отрицание при вспомогательном глаголе перфекта один раз встречается в том же клише, что и в Киевской летописи, восходящем к Мф. XXIV 21, дважды — в цитате из Псалтыри. В плюсквамперфекте один из двух контекстов идентичен с контекстом из Новгородской I летописи из рассказа об убийстве рязанских князей, о котором шла речь выше, а второй находится в «Житии Александра Невского».

В Галицкой летописи доля примыкания отрицания к вспомогательному глаголу больше, чем в остальных летописях.

[8] Суздальская, Галицкая и Волынская летописи цитируются по [ПСРЛ II].

Галицкая летопись

не + причастие	*не* + связка
Перфект	
3 (50) чему еси давно не пришелъ 807.13 (51) доселѣ есмь не пилъ 807.16–17 (52) рѧдомь Чьрвьна не предалъ ес(м҃)и 766.5	0
Плюсквамперфект	
4 (53) и еще бо бѧшеть не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Кыевъ 786.2 (54) ѡн же в то времѧ. не приꙗлъ бѣ 826.26 (55) иныи бо кнѧзь не входилъ бѣ в землю Лѧдьскоу толь глоубоко 758.3 (56) зане не оутвердилъ бѣ землѣ. еѣ городы 805.26–806.1	4 не бѣ бо приѣхалъ во времѧ то. потом же приѣха Данилъ 738.11–12 не бѣ бо никоторыи кнѧзь. Роускыи воевалъ землѣ. Чѣшьское 826.12 никтоже не бѣ воевалъ на нѣ в Роускихъ кнѧзи(х҃) 835.28–836.1 не бѣ бо моглъ. зла емоу створити 846.14

Хотя число контекстов, где в плюсквамперфекте отрицание примыкает к вспомогательному глаголу, сравнительно велико, все они содержат сочетание отрицания с **бѣ**, которое составитель Галицкой летописи, вероятно, использовал как книжное клише, к каковым он имел большое пристрастие. Форма **бѣ** сама по себе воспринималась как более книжная, чем **бѧше** [Петрухин 2008: 216, 225; Пичхадзе 2018: 299–300]. В одном случае отрицание было продублировано при вспомогательном глаголе и при причастии: **не бѣ бо на Володимѣрѣ не ѡсталъ живыи** 788.20.

В Волынской летописи отрицание при вспомогательном глаголе в перфекте зафиксировано (дважды) только в цитате из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона [Молдован 1984: 98], в плюсквамперфекте отрицание находится исключительно при причастии.

Волынская летопись

не + причастие	*не* + связка
Перфект	
0	2 нѣси бо оумр҃лъ но спишь д-ѡбьщаго востаниꙗ. востани ниси бо вьмр҃лъ 923.15–17

Плюсквамперфект	
5 (57) **Лѧховѣ же бѧхоу и еще не вошли во свою ꙁемлю** 866.16 (58) **Мьстиславъ же бѧшеть не притѧглъ** 873.8 (59) **ꙁане бы(с҃) не бывалъ оу него ни-ко(л҃)же** 914.5 (60) **река же не стала бѧшеть** 893.19 (61) **ꙁане не входила бѧшеть. никакаже рать. толь глоубоко. в ꙁемлю его** 936.15	0

В берестяных грамотах книжный плюсквамперфект с отрицанием не зафиксирован, а в перфекте отрицание 7 раз употреблено при причастии (№№ 736, Ст. Р. 4, 109, 615, 732, Вит. 1, 445). В грамоте № 820 раньше читали форму **несми** (**ачи то ти почьне п[ь]нати несми вѣрѣ соу[л]и[ле]** --(-) **годьно** [Зализняк 2004: 370]), однако А. А. Гиппиус пересмотрел это прочтение, заметив, что в действительности буква, переданная в издании как **с** в **несми**, представляет собой **ї** (за засечку **с** была принята одна из точек), и предложил для первой части грамоты новую интерпретацию: **ачи то ти почьне п[ь]нати не їми вѣрѣ** ‘Если же начнет тянуть время — не верь!’[9].

Таким образом, исчерпывающий материал летописей и берестяных грамот подтверждает наблюдение о том, что в древнерусском языке, в отличие от древнеболгарского, отрицание примыкало к причастию аналитических претеритов, а не к вспомогательному глаголу. Редкие случаи постановки отрицания при вспомогательном глаголе объясняются церковнославянским влиянием. В перфекте и плюсквамперфекте последовательно реализовалась характерная для древнерусского языка тенденция к постановке отрицания при знаменательной части, отчетливо выраженная и в сочетаниях отрицания с составным сказуемым [Пичхадзе 2020].

Место вспомогательного глагола

Перфект

Вспомогательный глагол префекта в древнерусской фразе занимал место энклитики 8-го ранга (после местоименных энклитик) [Зализняк 2008: 37–38, 223–262]. При этом в 3-м лице вспомогательный глагол гораздо чаще выступал в роли акцентно самостоятельного слова, чем в 1-м и 2-м лице, в том числе и в летописях, поскольку в живом языке вспомогательный гла-

[9] Об этом новом прочтении А. А. Гиппиус сообщил мне в ходе обсуждения настоящей статьи; приношу ему сердечную благодарность.

гол в 3-м лице опускался, а в книжном языке мог трактоваться как акцентно самостоятельное слово [Там же: 236–238]. Приведенный выше материал показывает, что в летописях в предложениях с сентенциальным отрицанием вспомогательный глагол перфекта регулярно ведет себя как энклитика. Отклонения наблюдаются лишь в «Повести временных лет».

В «Повести временных лет» вспомогательный глагол перфекта при наличии сентенциального отрицания занимает позицию, характерную для энклитики, только в примере (1). В (2)–(3) и (7) вспомогательный глагол стоит в позиции, недопустимой для энклитики. Вероятно, такому словопорядку способствовало то, что в этих трех примерах сказуемое представлено формой 3-го лица. Примеры (4)–(6) не показательны, поскольку изъяснительный союз **ꙗко** и частица **се** являются проклитиками, а местоимение **ты** — полупроклитикой (т. е. словом, способным утрачивать самостоятельное ударение и просодически объединяться со следующей за ним тактовой группой); с другой стороны, в (6) после **ты** возможен ритмико-синтаксический барьер [Там же: 7–8, 70]. Общая доля энклитического употребления вспомогательного глагола — как в отрицательных, так и во всех прочих предложениях — в памятнике довольно высока [Там же: 229]. Однако А. А. Зализняком учтены только формы 1-го и 2-го лица, так что напрямую сопоставить его данные с представленными выше, среди которых преобладают формы 3-го лица, не удается.

В Киевской летописи при наличии сентенциального отрицания вспомогательный глагол в перфекте последовательно ведет себя как энклитика, чему способствует то обстоятельство, что во всех зафиксированных контекстах представлены формы 1-го и 2-го лица. В целом — при наличии и в отсутствие сентенциального отрицания — в диалогических частях Киевской летописи вспомогательный глагол в перфекте занимает закономерное для энклитики положение в 91% случаев [Там же: 229].

В Новгородской I, Суздальской и Галицкой летописях при наличии сентенциального отрицания в (36)–(37), (41)–(42), (50)–(51) вспомогательный глагол занимает место энклитики, а примеры (38), (43), (52) не показательны (в последнем возможен ритмико-синтаксический барьер после выделенной темы). К сожалению, данных об употреблении вспомогательного глагола в неотрицательных предложениях в этих летописях нет, но, поскольку в них не встретились контексты, в которых вспомогательный глагол занимал бы недопустимое для энклитики место в отрицательных предложениях, можно утверждать, что при наличии сентенциального отрицания вспомогательный глагол ведет себя как энклитика не менее, а, может быть, даже более последовательно, чем в предложениях без отрицания. Такая же ситуация, как было сказано, наблюдается и в Киевской летописи. «Повесть временных лет» отличается от других летописей низкой долей употребления вспомогательного глагола в позиции энклитики в отрицательных предложениях, что объясняется преобладанием здесь форм 3-го лица, в то время как в остальных летописях отмечены только формы 1-го и 2-го лица.

Плюсквамперфект

Вспомогательный глагол в форме аориста и имперфекта в составе плюсквамперфекта считается принадлежностью сугубо книжного языка [Успенский 2002: 251] и не рассматривается как энклитика. Между тем, как можно заметить, в предложениях с отрицанием он довольно часто — в сопоставимых с вспомогательным глаголом перфекта количествах — оказывается в вакернагелевской позиции. Возникает вопрос, как обстоит дело в неотрицательных предложениях. Ответить на него можно, используя данные НКРЯ. Поскольку контексты с отрицанием при вспомогательном глаголе отражают церковнославянское влияние, ниже рассматриваются только случаи с отрицанием при причастии.

В **«Повести временных лет»** при наличии сентенциального отрицания наблюдается картина, похожая на распределение форм в перфекте. В (8) вспомогательный глагол стоит на месте, характерном для энклитики. Пример (11) содержит вспомогательный глагол в позиции, недопустимой для энклитики. Он выражен односложной словоформой **бѣ**, которая обычно выступала в качестве энклитики, но могла функционировать и как акцентно самостоятельная форма [Дыбо 1975: 68; Зализняк 1985: 145]. Примеры (9)–(10) не показательны: здесь перед сказуемым, возможно, располагался ритмико-синтаксический барьер, часто возникавший после обстоятельств (**еще бо**) и членов предложения, участвующих в противопоставлении (**но сстави**) [Зализняк 2008: 56–57, 95].

В предложениях без сентенциального отрицания в «Повести временных лет» вспомогательный глагол — в любых формах — 28 раз стоит в позиции, характерной для энклитики, и 18 раз — в позиции, недопустимой для энклитик. В одном месте показания двух текстуальных ветвей расходятся: **бѧше была черницею юже бѣ привелъ ѡтець его Ст҃ославъ** Ипатьевская летопись 30а3 vs. **бѣ бо привелъ** [далее: **ю** РА] **ѡц҃ь его Ст҃ославъ** Лаврентьевская летопись [ПСРЛ I: 75][10]. Из 28 контекстов с вспомогательным глаголом в препозиции причастию, стоящим после первой тактовой группы во фразе, в том числе включающей блок энклитик, 18 содержат относительные предложения, в которых вспомогательный глагол следует непосредственно за союзным словом (**все еже бѣ взѧлъ в корсуни** И45г30 = Л 122 и т. п.[11]), в остальных десяти случаях он стоит после союзов **ꙗкоже** и **имьже** и других начальных тактовых групп.

[10] Еще один контекст содержится только в редакции Ипатьевской летописи: **ꙗко и се бѧше и на ны навелъ Б҃ъ грѣхъ ради нашихъ** 98в12.

[11] На первом месте — лист и строка Ипатьевской летописи, на втором — страница [ПСРЛ I]: 6а5 = 11, 15б28 = 38, 15в14 и 18 = 38, 49а10 = 130, 53а31 = 140, 58а14 = 155, 58г4 = 156, 59г30 = 160, 60б8 = 160, 64в22 = 173, 69в28 = 188, 87б30 = 238, 88а5 = 240, 89а30 = 259, 90в9 = 263, 96б27 = 280. Остальные контексты: 23б1 = 58, 37б9 = 94, 40б13 = 103, 59а24 = 158, 59в15 = 159, 61г13 = 165, 66г24 = 180, 72б 31 = 196, 72в19 = 196, 87в14 = 239.

В 18-ти контекстах вспомогательный глагол находится в недопустимой для энклитики позиции: начинает клаузу или — в двух случаях — следует за союзом **и**: **и бѣ ꙁаповѣдала ѡлга. не творити трыꙁны** 27а15 = РА [Там же: 68], **грѣкин(и) бѣ. и бѧше была черницею** 30а2 = Л 75. Предложения, начинающиеся с вспомогательного глагола, обычно обозначают причину: в 14-ти контекстах непосредственно за вспомогательным глаголом следует энклитическая частица **бо** (**бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ** И15б30 = Радзивиловский, Академический [Там же: 38], **бѣша бо мьноꙁи погыбли на полкꙋ** И28в16 = Л 71 и т. п.[12]). В двух контекстах, с частицей **же** после вспомогательного глагола, предложения содержат пояснение или дополнительную информацию: **бѣ же варѧгъ тъ пришелъ ѿ грѣкъ** 32б31 = Л 82, **бѣ же федосии ꙁаповѣдалъ бра(т҃)и положити сѧ в пещерѣ** 69в16 = Л 188.

В пяти случаях вспомогательный глагол следует за причастием; в этой позиции могут находиться как энклитики, так и акцентно самостоятельные слова. В трех случаях при допущении, что вспомогательный глагол являлся энклитикой, перед причастием можно усматривать ритмико-синтаксический барьер, еще в одном причастие стоит после союза **понеже**, который являлся полупроклитикой [Зализняк 2008: 70]. Один раз вспомогательный глагол отмечен в относительном предложении в позиции возможной, хотя и не характерной для энклитики: **се же сбы(с)сѧ ѡ[ц҃]а его еже гл҃алъ бѣ** И80а7 = Л 216.

В **Киевской летописи** при наличии сентенциального отрицания вспомогательный глагол плюсквамперфекта занимает место энклитики в (22)–(27). Три следующих примера не релевантны, а в остальных, где вспомогательный глагол стоит после причастия, можно усматривать наличие ритмико-синтаксических барьеров после выделенной темы (**ростиславичи же**, **ꙗрославъ же**, **кнѧꙁь же ꙗрославъ черниговьскии**, ср. [Там же: 56, 97–98]) и наречий (**и еще**, **а инде**).

В предложениях без сентенциального отрицания в Киевской летописи вспомогательный глагол стоит в препозиции причастию 49 раз, при наличии энклитик помещаясь после них: 22 раза в относительных предложениях после союзного слова (**всѣи своеи братьи. ктоже бѧшеть с нимъ былъ** 117б3 и т. п.), 11 раз — в других придаточных предложениях после союза (**а к нима не идоста ꙗкоже бѧхоуть срекли вси(м҃) снѧтисѧ на оусть медвѣдици** 135в4 и т. п.), в остальных 16-ти случаях он примыкает к другим начальным тактовым группам (**вѧчеславъ же бѧше переже вшелъ** 144б9 и т. п.). В недопустимой для энклитики позиции вспомогательный глагол находится 10 раз: 9 в начале клаузы в предложениях, обозначающих причину, перед частицей **бо** (**бѣ бо и мьстислава.**

[12] На первом месте — лист и строка Ипатьевской летописи, на втором — страница [ПСРЛ I]: 27а7 = 67, 30а31 = 76, 36в2 = 92, 50в19 = 134, 54б1 = 144, 69а19 = 187, 81а19 = 219, 83б24 = 226, 89а15 = 259, 92а13 = 268, 92в7 = 269, 94г25 = 275.

пустилъ. передъ собою. к володимерю 107в21 и т. п.) и один раз после союза **и** (**и бѣ игорь разболѣлъсѧ в пороубѣ** 124б11).

Еще в 26-ти контекстах вспомогательный глагол стоит сразу после союзов **и** (2 раза) или **нъ** (один раз) или занимает место после причастия, которое начинает клаузу (10 раз: **послали бо бѧхуть послы. къ всеволоду** 108г3 и т. п.); в остальных 13-ти случаях допустимо предположение, что причастие помещается после ритмико-синтаксического барьера, а вспомогательный глагол является энклитикой.

В **Новгородской I летописи** в плюсквамперфекте вспомогательный глагол в отрицательных предложениях, как видно из приведенной выше таблицы, оба раза занимает место энклитики. В предложениях без отрицания вспомогательный глагол стоит в препозиции причастию 19 раз в разнообразных контекстах — как в независимых, так и в придаточных предикациях (дважды — в относительных). 13 раз он отмечен после начальной тактовой группы (**а ꙗроунъ бѧше затворїлъсѧ въ градѣ** 84.3), при наличии сентенциальных энклитик помещается после них (**тоу бо бѧхоу вышли соуждальци пълкомь** 43 об.11 и др.). Еще в трех случаях вспомогательный глагол занимает место энклитики, следуя за словом, перед которым можно усматривать ритмико-синтаксический барьер (**а инии** // **оуже бѧхоу ѿобѣдали** 109 об.20), причем он отходит в правую часть после барьера как слабая энклитика, в то время как сильная энклитика остается в левой части (**пльсковїци же** // **тъгда бѧхоу подъвегли нѣмьци** 105 об.10, **еще бо** // **не добрѣ сѧ бѧхоу оумирили с нѣмци** 147.21). Дважды вспомогательный глагол стоит после группы **ꙗкоже и преже** (**ꙗкоже и преже бѧше погорѣлъ** 15.8, **ꙗко(ж҃) и прѣ(ж҃) бѧхоуть грьци поустили на не ·г҃· кораблевъ съ огньмь** 69.13). Отмечен еще контекст, в котором между сентенциальной энклитикой и вспомогательным глаголом вклинивается местоимение **и** в дат. пад. мн. ч.: **вѣсть бо имъ бѧше далъ исаковиць** 69.19 (в «Повести о пленении Царьграда»); форма **имъ**, изначально акцентно самостоятельная, находится здесь в позиции, которую занимают местоименные энклитики. Её энклитическое употребление можно предполагать уже для древнерусского периода, хотя надежных подтверждений этому нет [Зализняк 2008: 167–168, 237–238].

В 5-ти случаях вспомогательный глагол занимает недопустимую для энклитики позицию в начале клаузы: трижды в предложениях, указывающих причину, перед частицей **бо** (53 об.1, 103 об.21, 144 об.5), дважды после союза **и** (139.8, 148 об.20) и один раз после союза **нъ** (19.5). Сюда же нужно отнести три контекста (самый ранний из них относится к 1228 г.), в которых вспомогательный глагол отделен от причастия акцентно самостоятельной формой: **промъкла бо сѧ вѣсть бѧше си** 104.11, **недостало бо оу нихъ бѧше хлѣ(в҃)** 118 об.7, **ѻбадилъ бо его бѧше к горожаномъ** 160 об.12. В последнем случае, впрочем, можно думать, что местоимение **его** воспринималось как слабоударное [Там же].

Еще в 16-ти контекстах вспомогательный глагол следует за причастием, которое стоит в начале клаузы (12 раз), в 4-х случаях перед причастием мог проходить ритмико-синтаксический барьер.

В **Суздальской летописи** в плюсквамперфекте в отрицательных предложениях вспомогательный глагол употреблен в позиции энклитики в примере (44), пример (45) не показателен, в остальных можно предполагать наличие барьеров после выделенной темы (**кнѧзи же Русстии, многи Новгородци**) и наречных групп (**гане и еще, по · г҃ · дн҃и бо**). При отсутствии отрицания вспомогательный глагол отмечен в препозиции причастию на месте энклитики 55 раз, из них 39 — в относительных предложениях после союзного слова (**братьѣ своее · ихже бѧху изъимали Берендѣи** 345.18 и т. п.), 16 раз — в предложениях других типов, независимых и придаточных, после первой тактовой группы (в том числе после союза **гане** — 6 раз, **ꙗкоже/акоже** — 3 раза).

20 раз вспомогательный глагол начинает клаузу, находясь в позиции, недопустимой для энклитики. Некоторые из этих контекстов заимствованы из «Повести временных лет» (**бѣ бо Роговолодъ перешелъ изъ заморьꙗ** 299.25) или источника, общего с Киевской летописью (**бѣ бо повелъ жену собѣ изъ Ѡбезъ** 341.10). Во всех двадцати случаях предложения обозначают причину и за вспомогательным глаголом следует частица **бо**.

Кроме того, нужно указать три контекста, в которых вспомогательный глагол стоит в постпозиции причастию в относительных предложениях: **чюдо новое ст҃ое Бц҃и Володимер[с]кое юже взѧлъ бѧше с собою** 353.9, **славѧще Ба҃ и ст҃ую Бц҃ю · и кр(с҃)тную силу · ꙗгоже переступили бѧху Ростовци и болѧре** 382.14, **ѡ ни(х҃) же почали бѧхо(м҃) пре(ж҃) гл҃ти** 427.30. В постпозиции причастию вспомогательный глагол помещается еще в 28-ми контекстах, где причастие начинает клаузу, стоит после союза **и** или полупроклитики **гане** или же после возможного ритмико-синтаксического барьера (**и са(м҃) Володимерко** // **приступилъ бѧше ближе к Шюмьску** 323.8 и т. п.).

В **Галицкой летописи** при наличии сентенциального отрицания в плюсквамперфекте вспомогательный глагол один раз находится в позиции глагольной энклитики — в примере (53), в (54)–(55) допустимо предполагать ритмико-синтаксические барьеры, а последний пример не показателен, потому что союз **гане** был полупроклитикой [Зализняк 2008: 70, 120]. В отсутствие отрицания вспомогательный глагол находится в препозиции причастию 18 раз, в том числе 6 раз в относительных придаточных после местоимения **иже**. В 15-ти случаях из 18-ти он занимает место глагольной энклитики. В одном контексте вспомогательный глагол отделен от сильной энклитики **же** формой дат. ед. **емоу**, изначально акцентно самостоятельной: **братъ же да Василкови Лоученскъ. и Пересопницю. Берестии же емоу бѣ преже далъ** 751.17; не исключено, впрочем, что форма **емоу** могла употребляться как энклитика, хотя надежных подтверждений этому нет [Там же: 167–168, 237–238]. В другом при-

мере он оказывается перед возвратной энклитикой **сѧ** (**Галичь бо бѣ сѧ затворилъ** 758.20). Возможно, нарушение стандартного расположения вспомогательного глагола по отношению к возвратной энклитике в Галицкой летописи объясняется диалектными особенностями: в современных центральнозакарпатских украинских говорах глагольные энклитики в составе перфекта и составного сказуемого предшествуют возвратной частице *s'a* [Толстая 2012: 195–196, 201]. Еще в одном контексте перед вспомогательным глаголом должен был бы проходить ритмико-синтаксический барьер: **Данилъ бо и вои его.** // **бѣ истроудиласѧ** 773.1 [Там же: 115].

В начале клаузы, в недопустимой для энклитики позиции вспомогательный глагол отмечен 10 раз, почти всегда (за единственным исключением) в предложениях причины перед частицей **бо**: **бѣ бо приꙗлъ богазни ради. Романовы** 717.8 и т. п.

Вспомогательный глагол находится в постпозиции причастию в 39-ти случаях: причастие начинает клаузу или стоит после ритмико-синтаксического барьера — после обстоятельств, выделенной темы, тяжелых клауз (**Є(г҃)же лживыи Жирославъ** // **оукралъ бѣ** 737.27 и т. п.).

В **Волынской летописи** при наличии сентенциального отрицания в плюсквамперфекте в двух случаях вспомогательный глагол находится в позиции энклитики — в примерах (57)–(58), в (60) проходит барьер после выделенной темы, а (61), перефразирующий пример (55) из Галицкой летописи, как и (59), не показателен, потому что союз **зане** был полупроклитикой.

В отсутствие отрицания вспомогательный глагол зафиксирован в препозиции причастию на месте энклитики 14 раз, в том числе 8 раз после первой тактовой группы и энклитик, если они наличествуют (**Лѧховѣ же бѧхоу и еще не вошли во свою землю. но токмо и** [нет в др. сп.] **бѧшеть Ворота прошли** 866.16–17 и т. п.), 3 раза — после местоимения **иже** в относительных предложениях, один раз — после относительного наречия **идеже** (866.1), 2 раза — после изъяснительного союза **оже** (868.23, 871.9).

В начале клаузы, в недопустимой для энклитики позиции вспомогательный глагол отмечен 2 раза (**бе бо забѣглъ из Рѧзанѧ** 855.12, **и бѧхоу в немь заперлисѧ Проузи** 878.4).

В постпозиции причастию вспомогательный глагол находится 30 раз — в начале клаузы (в том числе после причастного оборота: **пославъ Любличѣць** // **взѧлъ бѧшеть оу него. село** 889.24) или после ритмико-синтаксического барьера — после обстоятельств, выделенной темы: **тогда же** // **приѣхалъ бѧшеть Кондратъ** 933.16 и т. п.).

В целом в предложениях без отрицания в летописях наблюдается та же картина, что и в предложениях с сентенциальным отрицанием, а именно отчетливое преобладание контекстов с вспомогательным глаголом в позиции, характерной для глагольной энклитики. В плюсквамперфекте, таким образом, вспомогательный глагол ведет себя так же, как и в перфекте, при-

чем отличие «Повести временных лет» от остальных летописей в плюсквамперфекте не фиксируется — что подтверждает случайный характер этого отличия в перфекте. Количественные данные по неотрицательным предложениям в летописях суммированы в следующей таблице:

Место вспомогательного глагола	«Повесть врем. лет»	Киев. л.	Новг. I л.	Сузд. л.	Гал. л.	Вол. л.
В характерной для энклитики позиции	28	49	19	55	15	14
В недопустимой для энклитики позиции	19	10	8	20	13	2
В нерелевантной позиции	4	26	16	31	39	30

Хотя число контекстов с вспомогательным глаголом в недопустимой для энклитики позиции довольно велико, они чрезвычайно однообразны: за редкими исключениями, они отмечены в предложениях, указывающих на причину и начинающихся с вспомогательного глагола (обычно в форме **бѣ**), за которым следует частица **бо**. Можно предположить, что модель предложения, начинающегося с **бѣ бо**, являлась принадлежностью церковнославянского языка: на это указывает её частотность в наиболее книжных летописях («Повести временных лет», Галицкой и Суздальской летописях) и форма **бѣ**, более книжная, как было сказано выше, чем **бѧше**. В Волынской летописи, менее остальных подвергшейся церковнославянскому влиянию, сочетание **бѣ бо** встретилось только один раз. Большее число контекстов с вспомогательным глаголом в позиции энклитики в отрицательных предложениях, чем в неотрицательных, во всех летописях, кроме «Повести временных лет», складывается именно за счет неотрицательных предложений, начинающихся с **бѣ бо**, поскольку при подсчетах учитывались только контексты с отрицанием при причастии, а сочетания типа **не бѣ бо** с отрицанием при вспомогательном глаголе как не свойственные древнерусскому узусу игнорировались. Таким образом, наличие сентенциального отрицания не влияло на позицию вспомогательного глагола.

По поведению вспомогательного глагола в плюсквамперфекте древнерусские летописи не отличаются принципиально от старославянских памятников. Так, в Мариинском евангелии в большинстве случаев вспомогательный глагол плюсквамперфекта стоит после начальной тактовой группы, замыкая блок энклитик, если их несколько: Ио. IX 8: **сѫсѣди же и иже бѣахѫ видѣли прежде ѣко слѣпъ бѣ**, Лк. V 17: **ꙁаконоучителе. іже бѣахѫ пришъли отъ вьсѣкоѩ вьси галилеискы**, Лк. XXIII 55: **жены. ѩже бѣахѫ пришълы съ нимь**, Ио. IX 22: **юже бо сѧ бѣахѫ съложили июдѣи**, Лк. XXII 47: **се бо бѣ ꙁнамение далъ имъ**, Ио. VI 17: **і не оу бѣ пришелъ къ нимъ и҃с҃**, Ио. VII 30: **не оу бѣ пришелъ годъ его**, Ио. VIII 20: **не оу бѣ пришъла година его**. Сюда же можно причислить контекст из Ио. XI 19: **і мъноѕи отъ июдеи бѣахѫ пришъли къ мартѣ и марии**, если считать **мъноѕи отъ июдеи** единой группой, которую не может разбить

слабая глагольная энклитика. Вспомогательный глагол в позиции, недопустимой для энклитики, встретился в Мк. I 33: **і бѣ весь градъ събьрался къ двъремъ**; еще в двух случаях глагол следует за проклитикой **не** (Ио. XI 30: **не бѣ же не оу ис пришелъ въ весь**, Лк. XXIII 51: **сь не бѣ присталъ съвѣтѣ и дѣлѣ ихъ**).

Церковнославянские тексты, очевидно, поддерживали употребление вспомогательного глагола в позиции энклитики в древнерусских летописях, но объяснить это явление целиком за счет церковнославянского влияния невозможно по двум причинам. Во-первых, плюсквамперфект в церковнославянских памятниках не являлся частотной формой и в силу этого едва ли осознавался как примета книжности; в летописях, как легко убедиться по приведенным данным, он используется гораздо чаще, чем в евангельском нарративе. Во-вторых, правила расположения энклитик довольно сложны, поэтому трудно было бы не нарушать их постоянно, ориентируясь только на образцовые тексты. Более вероятным кажется предположение, что перевод Евангелия и древнерусские летописи отражают тенденцию к употреблению вспомогательного глагола плюсквамперфекта в качестве энклитики в славянских диалектах. Возможно, энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта развилось еще в дописьменную эпоху. Такую же эволюцию пережили вспомогательные глаголы в составе других аналитических временных форм — перфекта, затем древнерусского сверхсложного плюсквамперфекта [Зализняк 2008: 39] и, наконец, уже в старорусский период, — сложного будущего [Циммерлинг 2013: 341–343]. Аналогичный процесс имел место и в других славянских языках [Толстая 2015: 398–399]. Клитизация вспомогательных глаголов закономерна: она объясняется слабостью их грамматических связей [Jakobson 1935/1971: 16].

Книжный плюсквамперфект в древнерусских текстах не был церковнославянским заимствованием, о чем свидетельствует его частотность в летописях, не испытавших значительного церковнославянского влияния (например, в небольшой по объему Волынской летописи). Он был унаследован из праславянского языка и употреблялся в силу письменно-языковой традиции. Он являлся принадлежностью древнерусского книжного языка и, в частности, выполнял важные функции в летописном нарративе [Петрухин 2008], будучи одной из его отличительных черт. Так, в «Поучении» Владимира Мономаха в нарративных пассажах описания «путей» используется именно книжный плюсквамперфект, а в обращении Мономаха к детям — некнижный сверхсложный плюсквамперфект [Шевелёва 2015: 566–571]. В берестяных грамотах книжный плюсквамперфект встретился только один раз — в начальной официальной формуле грамоты № 510 XIII в. [Зализняк 2004: 143]. Трудно сказать, поддерживалось ли энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта в древнерусском летописании XI–XII вв. живым узусом или воспроизводилось по традиции. Можно предположить определенную поддержку со стороны перфекта,

имея в виду, однако, что плюсквамперфект обычно использовался в нарративе в 3-м лице (ср. приведенные выше примеры), а в перфекте именно в 3-м лице вспомогательный глагол часто или опускался, или, являясь элементом книжного языка, выступал как акцентно самостоятельная форма.

В летописях XIII в. нарастает доля контекстов с вспомогательным глаголом в постпозиции причастию. Экспансия такого словопорядка также находит аналогию в эволюции перфекта, вспомогательный глагол которого имел тенденцию закрепляться в постпозиции причастию в книжной традиции — как местоимение **сѧ**, превратившееся в глагольную морфему [Зализняк 2008: 235–236]. Учитывая утрату вспомогательного глагола перфекта и вероятное отсутствие книжного плюсквамперфекта в живом узусе, вытеснение вспомогательного глагола сложных претеритов в постпозицию причастию нужно признать проявлением распространения на книжный язык процесса утраты слабых энклитик, протекавшего в живом древнерусском языке [Там же: 265–266].

Источники

Заимов, Капалдо 1982–1983 — Й. Заимов, М. Капалдо. **Супрасълски** или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.

Молдован 1984 — А. М. Молдован. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

МстЕв — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова; под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

УСб — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Юрьева 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Литература

Гиппиус 2009 — А. А. Гиппиус. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... : Сборник памяти А. С. Хорошева / Сост. А. Е. Мусин. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 181–198.

Дыбо 1975 — В. А. Дыбо. Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XVIII/1. 1975. С. 7–81.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Комарович 1945 — В. Л. Комарович. Рязанский летописный свод XIII в. // История русской литературы. Т. II, ч. I. М.; Л., 1945. С. 74–77.

Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.

Пичхадзе 2018 — А. А. Пичхадзе. Языковая редактура в «Сказании о Борисе и Глебе» и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XVI. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 296–316.

Пичхадзе 2020 — А. А. Пичхадзе. Отрицание при составном сказуемом в древнерусском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 1. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. 2020. С. 222–239.

Толстая 2012 — М. Н. Толстая. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: 2009–2011. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. Вып. 2. С. 191–210.

Толстая 2015 — М. Н. Толстая. Диалектные тексты как источник информации о карпатоукраинских клитиках // Діалекти в синхронії та діахронії: Текст як джерело лінгвістичних студій. Тези доповідей міжнародної конференції. Ін-т укр. мови НАН України. Київ: КММ, 2015. С. 398–416.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2002.

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 1978. № 4. С. 42–53.

Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Шевелёва 2015 — М. Н. Шевелёва. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. Vol. 4. 2015. № 1. Part 2. С. 564–577.

Jakobson 1935/1971 — R. Jakobson. Les enclitiques slaves // R. Jakobson. Selected Writings. Vol. II. Word and Language. The Hague; Paris, 1971. P. 16–22. (Original publication: Atti del Congresso di linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935).

Migdalski 2006 — K. Migdalski. The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Utrecht: LOT, 2006.

Večerka 1989 — R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Bd. I. Die lineare Satzorganization (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. T. XXVII) / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Freiburg I Br.: U. W. Weiher, 1989.

Willis 2013 — D. Willis. Negation in the history of the Slavonic languages // The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean. Vol. I: Case studies / Ed. by D. Willis, Ch. Lucas, and A. Breitbarth. Oxford University Press, 2013. P. 341–398.

Статья получена 03.05.2020

Anna A. Pichkhadze
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
rusyaz@yandex.ru

**PERFECT AND PLUPERFECT IN OLD RUSSIAN:
THE POSITION OF SENTENTIAL NEGATION AND AUXILIARY VERB**

The paper consists of two parts. The first part examines the position of negation in sentences with past compound tenses in Old Russian. The Old Russian chronicles and birchbark letters were analyzed. The analysis confirmed that in Old Russian, unlike Old Bulgarian, negation is regularly adjacent to the participle of the perfect or pluperfect. Rare contexts where negation is placed in front of the auxiliary are accounted for by the influence of Church Slavonic. The second part of the paper discusses the position of the auxiliary in Old Russian perfect and pluperfect. It is shown that in Old Russian chronicles, the auxiliary appears quite regularly in the enclitic position not only in the perfect but also in the pluperfect. In Old Church Slavonic *Codex Marianus*, the pluperfect auxiliary behaves in a similar way. It is proposed that in Slavic dialects, the pluperfect auxiliary could function as an enclitic like the auxiliaries of other compound tenses — perfect, super-compound pluperfect, and compound future. The pluperfect auxiliary might already have been used as an enclitic in the preliterate period.

Keywords: negation, auxiliary verb, pluperfect, enclitics, Old Russian

References

Dybo, V. A. (1975). Zakon Vasil'eva-Dolobko v drevnerusskom (na materiale Chudovskogo Novogo Zaveta). *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 18(1), 7–81.

Gippius, A. A. (2009). Arkhiepiskop Antonii, novgorodskoe letopisanie i kul't sviatoi Sofii. In A. E. Musin (Ed.), *Khoroshie dni...: Sbornik pamiati A. S. Khorosheva* (pp. 181–198). Moscow: LeopArt.

Jakobson, R. (1971). *Selected writings* (Vol. 2, pp. 16–22). Paris; The Hague: De Gruyter Mouton.

Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom yazyke. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiia*, 4, 42–53.

Kniazevskaya, O. A., Demyanov, V. G., & Lyapon, M. V. (Eds.). (1971). *Uspenskii sbornik XII–XIII vv*. Moscow: Nauka.

Migdalski, K. (2006). *The Syntax of Compound Tenses in Slavic*. Utrecht: LOT.

Moldovan, A. M. (1984). *«Slovo o zakone i blagodati» Ilariona*. Kiev: Naukova dumka, 1984.

Petrukhin, P. V. (2008). Diskursivnye funktsii drevnerusskogo pliuskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei). In V. Yu. Gusev, V. A. Plungan, & A. Yu. Urmanchieva (Eds.). *Issledovaniia po teorii grammatiki* (Issue 4, pp. 213–240). Moscow: Gnozis.

Pichkhadze, A. A. (2018). Yazykovaia redaktura v «Skazanii o Borise i Glebe» i v «Chtenii o Borise i Glebe» Nestora. In M. S. Mushinskaia (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 16. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka* (pp. 296–316). Moscow: IRIA RAN.

Pichkhadze, A. A. (2020). Otritsanie pri sostavnom skazuemom v drevnerusskom yazyke. In G. I. Kustova, & A. A. Pichkhadze (Eds.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 1. Pamiati Andreia Anatol'evicha Zalizniaka* (pp. 222–239). Moscow: IRIA RAN.

Sheveleva, M. N. (2015). O nekotorykh glagol'nykh formakh v «Pouchenii» Vladimira Monomakha i yazyke Kieva na rubezhe XI–XII vv. *Slověne, 4*(1), 564–577.

Tolstaya, M. N. (2012). Karpatoukrainskie enklitiki v iuzhnoslavianskoi perspektive. In A. A. Plotnikova (Ed.), *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Yazyk i kul'tura* (Issue 2, pp. 191–210). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Tolstaya, M. N. (2015). Dialektnye teksty kak istochnik informatsii o karpatoukrainskikh klitikakh. In P. Yu. Gritsenko (Ed.), *Dialekti v sinkhronii ta diakhronii: Tekst iak dzherelo lingvistichnikh studii. Tezi dopovidei mizhnarodnoi konferentsii* (pp. 398–416). Kyiv: In-t ukr. movi NAN Ukraini.

Tsimmerling, A. V. (2013). *Sistemy poriadka slov slavianskikh yazykov v tipologicheskom aspekte*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Uspensky, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.

Večerka, R. (1989). *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax* (Vol. 1). Berlin: U. W. Weiher.

Willis, D. (2013). Negation in the history of the Slavonic languages. In D. Willis, Ch. Lucas, & A. Breitbarth (Eds.), *The History of negation in the languages of Europe and the Mediterranean* (Vol. 1, pp. 341–398). Oxford: Oxford University Press.

Yuryeva, I. S. (Ed.). (2017). *Kievskaia letopis'*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaimov I., & Kapaldo, M. (1982–1983). *Supras"lski ili Retkov sbornik* (Vols. 1–2). Sofia: BAN.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zhukovskaya, L. P., Vladimirova, L. A., Pankratova, N. P. (Eds.). (1983). *Aprakos Mstislava Velikogo*. Moscow: Nauka, 1983.

Received on May 3, 2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.8

К. В. ВЕРШИНИН
Институт российской истории РАН
(Москва, Россия)
versh-kv@yandex.ru

РЕМАРКИ КНИЖНИКОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТОЛКОВЫХ КОМПИЛЯЦИЯХ*

В статье публикуются и комментируются четыре записи, сохранившиеся в составе различных древнерусских толковых компиляций. Одна из записей — послесловие книжника, предположительно истолковавшего стихи на легендарной чаше Соломона (сюжет широко известен по Житию Кирилла Философа); две другие выражают экзегетические взгляды книжников; последняя представляет собой пространную реплику против неразумных слушателей. Эти небольшие произведения интересны по содержанию, литературной форме и некоторому языковому материалу. Записи содержат лексику, не зафиксированную в исторических словарях русского языка.

Ключевые слова: экзегетика, древнерусский язык, древнерусская литература, лексикология.

Известно, что толковые сборники имели широкое распространение в восточнославянской книжности начиная с домонгольского периода[1]. Здесь мы находим эти памятники в развитой форме (например, Изборник XIII в., «Кааф») — в отличие от южнославянской рукописной традиции, где сохранившаяся экзегетическая литература существенно беднее и толковый сборник как тип рукописи неизвестен[2]. К сожалению, подобного рода сборники еще далеко не полностью учтены археографами и слабо изучены.

Иногда в сборниках встречаются оставленные книжниками комментарии. Эти тексты, несмотря на краткость, немаловажны: они, во-первых, могут

* Выражаю глубокую признательность Т. В. Анисимовой, а также рецензентам, чьи дополнения оказались для нас весьма ценными.

[1] В качестве terminus ante quem можно назвать вторую пол. XII или (самое позднее) нач. XIII в. Обобщающих работ о русских толковых сборниках и других экзегетических сочинениях не существует. Ценные сведения имеются в работах [Никольский 1892; Мочульский 1893], специально об Изборнике XIII в. и «Каафе» см. [Истрин 1897: 35–82; Бабицкая 1995; Турилов 2009; 2012].

[2] О южнославянской традиции экзегетических сочинений см. в особенности [Милтенова 2004]. То же самое можно сказать о пространных экзегетических компиляциях (о некоторых из них речь идет ниже), которые в дошедших до нас списках составляют лишь часть сборника смешанного состава, но могли прежде бытовать отдельно.

служить «опознавательным знаком» той или иной компиляции и, во-вторых, представляют собой оригинальные письменные памятники, интересные для истории языка и литературы. Несколько таких комментариев-ремарок предлагаются вниманию читателей. Они приводятся по всем доступным автору спискам, разночтения включают значимые орфографические варианты.

1

Основной список: ГИМ, Увар. 515-4º, последняя четверть XV в. (далее — *У*)[3], л. 320 об.

Разночтения: РГАДА, МГАМИД 478/958, третья четверть XVI в. (далее — *А*)[4], л. 533 об.

Се азъ невѣжа [1]**[и неоумѣѧ]**[1] **стоꙗ̑кова.**[x2] **да кто є҃**[3]**[хитрѣе оумѣѧ и ѡнъ паки]**[3] **хитрее истоꙗ̑кꙋи**[4] [5] **не зазри моеи грꙋбости.**[6] **азъ бо не оучихсѧ философьꙗмъ.**[7] **но томꙋ оучихсѧ иже не вѣдати ничтоже.**[8]

[1-1]из *А* [2]**истоꙗ́кова**[x] [3-3]из *А* [4]**тоꙗ̑кꙋи** [5]доб. **и** [6]**хꙋдости** [7]**философи҃** [8]испр. по *А*, в ркп. **что же**

В первой рукописи комментарий читается в той части (*У*, л. 290–338 об.), которая содержит ряд толковых текстов и главным образом — сокращенный список русской компиляции, датированной нами второй пол. XII — нач. XIII в. (нижняя граница датировки определяется наличием здесь фрагментов послания Климента Смолятича с толкованиями). Вторая рукопись — известный толковый сборник, где находится, помимо прочего, самый полный известный список упомянутой компиляции (однако здесь эта компиляция отделена от записи примерно двумя сотнями листов).

В обоих случаях комментарий связан с текстом, хорошо знакомым славистам — Сказанием о потире Соломона с толкованиями ([Петров 1894]; об истории памятника см. [Capaldo 1994]). В *У* он следует за полным списком Сказания, в *А* — за его обрывком (**Числа втораго на десѧ**[т] **лѣта соломонѧ ц҃ртва до х҃а. лѣ**[т] **.ц҃. и .ѳ҃.**). Можно, таким образом, полагать, что автору комментария и принадлежат толкования на стихи, читавшиеся на легендарной чаше. Комментарий едва ли относится к текстам, находящимся после записи: в *А* это посторонние выписки неэкзегетического характера; в *У* — пространное, но прямолинейное толкование на изгнание торгующих из храма, с которым трудно соотнести смирение книжника-«невежи» перед превосходящей его разумение загадкой[5]. Учитывая, что старший список

[3] Описание рукописи см. [Леонид 1894: 49–51]; датировка Ю. А. Грибова, опубликованная в [Демин 2019: 248–249].

[4] Описание рукописи см. [Каталог 2020: 357–369].

[5] Кстати заметим, что толкование на изгнание торгующих известно нам только по рукописи *У*. Оно интересно своей направленностью против современных авто-

толкования Сказания о потире Соломона с толкованиями читается уже в Изборнике XIII в. и не содержит там рассматриваемой записи, следует датировать последнюю временем более ранним, чем упомянутая рукопись.

В списке *А* непосредственно перед рассматриваемым текстом находится известная запись русского паломника о ладане, датируемая, вероятнее всего, второй четвертью XIII в. [Каштанов 2006: 105][6]. Она служит дополнением к двум спискам заметки «О ливане» (основанной на толкованиях Псевдо-Афанасия Александрийского на Пс. 28, 36 и 71), которая, в свою очередь, помещается после некоторых списков толковой компиляции «Сон царя Иоаса». Сказание о потире Соломона в целом ряде списков (в том числе в старшем — в Изборнике XIII в.) читается непосредственно за «Сном». Такое совпадение представляется неслучайным. По-видимому, в протографе *А* список Сказания был полным.

Демонстративное неприятие «философии» — хорошо известный топос древнерусской литературы[7]. Излюбленной формулой древнерусских книжников является и выражение **не ꙁаꙁри(те) моеи грꙋбости**[8]. Среди эпитетов, какими наделяет себя книжник, обращает на себя внимание образование «общего рода» **неоумѣѧ** (только в *А*; не зафиксирован в исторических словарях русского языка; ср., однако, совр. рус. *неумейка*). Его близкий аналог — **недума** из берестяной грамоты № 46 (XIV в.); в комментариях к ней А. А. Зализняк [2004: 542] приводит целый ряд сходно образованных диалектных обозначений человека — *невера*, *негода*, *недея*, *нетуга* и т. п.[9] Надо заметить, что этот ряд оттеняет специфику слова **неоумѣѧ**, заключающуюся в тождественности его номинатива сочетанию **не оумѣѧ**

ру злоупотреблений «архиереев и иереев», а также некоторым лексическим материалом: **бичемь биѧ. рекше поутою** 320 об. (другой ранний пример отмечен в одной из редакций перевода Жития Андрея Юродивого [Молдован 2000: 42]; прочие не старше XVI в.); **кꙋпчины** 320 об.

[6] Запись была издана по рукописи *А* еще Н. В. Калачовым [1855: XXVII–XXVIII]; не знавший об этом А. И. Соболевский заново открыл ее и обнаружил еще один список второй половины XIII в. [Соболевский 1911]. Подробное исследование и переиздание записи принадлежит Д. В. Каштанову [2006]. В последней работе опубликована и запись [Там же: 96]; она атрибутирована как «отсылающая» к Житию Кирилла Философа. Однако, как показал М. Капальдо [Capaldo 1994], Сказание с толкованием лишь восходит к общему с Житием источнику.

[7] Встречается часто, начиная с «Послания брату столпнику» Илариона. Ср. при этом чрезвычайно близкий пример в самой рукописи *А*, а именно в толковании на ирмос 3-й песни 2-го гласа «Процвела есть пустыни, яко крин»: **се же сказа оумъ ѡц҃ь. не оучивсѧ философїи** (л. 510 об.). Текст вошел в состав «Словес избранных Григория Феолога» [Никольский 1892: 177 178], однако там не содержит этой заключительной фразы.

[8] Встречается уже у Нестора в Житии Феодосия Печерского, у Кирилла Туровского [СлДРЯ II: 395; III: 304; Срезневский I: 599].

[9] Ср. и такие прозвища, как *Непея*, *Недоя* [Потебня 1968: 485].

(из списка А. А. Зализняка это свойство разделяет только *недея*). Тождество обыгрывается в самом тексте записи (**Се азъ невѣжа** [**и неоумѣѧ**]… **да кто є** [**хитрѣє оумѣѧ**…])[10]. Нельзя исключать, что первоначально в записи читалось причастие: **Се азъ невѣжа не оумѣѧ** [**и**]**стоковаⷯ**...[11]

Субстантивирующий артикль в записи имеет форму **иже** (а не **єже**), характерную, в частности, для русских текстов Изборника XIII в., — так, она последовательно употребляется в компиляции «Речи к Жидовину» [Wątróbska 1987: 180–196].

2

Основной список: *У*, л. 329.

Разночтения: *А*, л. 374–374 об.

Разнолични[1] **соуть толци**[2] [3] **ѡ єдинои рѣчи. и многыми ст҃ыми толкавано.**[4] [5]**а єдинымъ ст҃ымъ дх҃омъ.**[5] **аще** [6]**кто є**[6] **книжникъ. разоуменъ. то** [7]**вси толки**[7] **хвалїть. аще ли неразоумѣнъ.**[8] **то во-нже толкъ оуперъ**[9] **оумъ безоуменъ**[10] **и неискусенъ. то того толку и**[11] **хвалить. и права твори. а прочаа хоулить а и**[12] **сего не вѣсть. иже рече павелъ хвалю бо вы рече. ꙗко все ми помнїте.** *(1 Кор. 11:2)*

[1]**Ра́лич́на** [2]**толъкованїа** [3]Доб. **а** [4]Так в ркп.; **толкѡвано** *А* [5-5]**ст҃ымъ дх҃омъ а ѡ единомъ** [6-6]**є кто** [7-7]**всѧ токованїа** [8]доб. **и невѣжа** [9]**въпреть** (в *У* начальное **оу-**, вероятно, из ***въ-**; мена характерна для толковых статей рукописи, восходящих к галицко-волынскому протографу) [10]**неразоуменъ** [11,12]нет

Данный фрагмент читается в тех же рукописях, что и предыдущий, в составе упомянутой компиляции второй пол. XII — нач. XIII в. Его можно назвать «программным»: здесь верно схвачена особенность подхода к Писанию, характерная для катен с их стремлением дать различные толкования одного и того же места (и даже терпимостью к трудам еретиков, если они не содержат сомнительных утверждений из области догматики). Прилагательное **разноличьнъ**, уцелевшее в *У*, характерно для восточнославянских памятников [Пичхадзе 2011: 142].

---

[10] Само сочетание **не оумѣѧ** фиксируется в памятниках в сходных контекстах. Ср.: **а҃кто не ѹмеꙗ кни҃ мрѹє. таковы҃ пѡбє ѡплотѹ бе҃ попо҃ стоꙗщѹ**... (Предисловие к Кормчей Нифонта Кормилицына, вторая четверть XVI в., РГБ, Егор. 156, л. 1 об.); **да хотѧ и не оумѣѧ напсалъ**… (запись Якова-Творимира в Стихираре XII в., РГАДА, Син. тип. 145, л. 1). В последнем случае, впрочем, нельзя исключать употребления существительного **неоумѣѧ**.

[11] В этом случае форма **стоковаⷯ** может объясняться тем, что писец вычленил из текста полное причастие **не оумѣѧи**. Более вероятно, впрочем, употребление диалектной формы **столковати**.

3

Основной список: РГБ, Овчин. 526, последняя четверть XVI в. (далее — *О*), л. 120–120 об.

Разночтения: ГИМ, Барс. 1419, вторая пол. XV в. (далее — *Б*), л. 160 об. — 161.

Григорїи[1] **рече бг҃ословець. адамъ вкуси ѿ древа вин́наго.**[2] **такоже дамаскинъ.**[3] **тако і в тотровасилїи. бг҃ъ къ авраамоу повѣда. Аѳонасїи рече. Адамъ вкуси смокви. Писанїе гл҃еть. адамъ бы в раю ѿ ѕ҃-го**[4] **часа до .ѳ҃.-го. разумъныи не вѣрує тому. ни другому реченїю**[5] **тридесѧтному. но сему побає разумѣти. иже рече**[6] **.ѕ҃. лѣтъ .ѕ҃. бо лѣтъ противу .ѕ҃-ми**[7] **днїи. а .ѕ҃. дн҃ии. противу .ѕ҃.-ми тысѧ**[8] **лѣтъ. създанъ бо адамъ въ ѕ҃ ча. а въ .ѳ҃.-и**[9] **игнанъ.** [10]**[но не то дни. ащо бы томъ]**[10] **то ти бы в раи бы .в҃. чс҃а. многи писати рѣчи.** [11]**то ли оуразумити.**[11] **неразумѣвыа. а разумѣвыи ѡдно**[12] **сл҃во слышавше разумѣютъ. и прркъ рече. сказаи правѣному. и**[13] **приложитъ прїима.**[14] *(Притч. 9:9)* **рекше скажи покоривому. и послушливому. и**[15] **прии премрїе будетъ. а безумныи възненавидитъ тѧ.**

[1](г) [2]**виновна** [3]**и адамаскынъ** [4]**ѕ҃** [5]**нет** [6]**ада** **былъ в раии** (!) [7]**семи** [8]**тысѧщи** [9]**ѳ҃.** [10-10]из *Б* [11-11]В ркп. **тому разумѣти**, испр. по *Б* [12]**ѡдино** [13]нет [14]**приимати** [15]нет

Запись в обоих списках следует за «Беседой трех святителей» под особым заглавием: **слово ст҃го григорїа. и василѧ. и івана. истолковано ѿ патерика римъскаго** (приводим по *О*, л. 116)[12]. В рукописи *Б* перед «Беседой» помещается ряд экзегетических статей (большинство из них находит соответствия в «Каафе»): выдержки из толковых Евангелия, Апостола, Екклисиаста и др.

Основной смысл здесь, очевидно, тот же, что и в записи № 2: автор призывает тщательно исследовать Писание и, если нужно, не ограничиваться каким-то одним толкованием. Книжника интересовали два апокрифических сюжета: о «винном древе» в раю и о том, сколько провел там Адам (**ѿ ѕ҃-го часа до .ѳ҃.-го**). Последний происходит, несомненно, из «Бе-

[12] Так озаглавлены некоторые списки второй редакции по В. Н. Мочульскому [1893: 144–145]; к ней относятся и наши рукописи. Нельзя исключать, что запись имеется при других, недоступных нам списках. Упоминание «Римского патерика» объясняется не «какой-то связью с западными источниками», как думает Я. С. Лурье [1988: 91], а тем, что в протографе соответствующих списков «Беседа» помещалась в той же рукописи, что и славянский перевод «Диалогов» Григория Двоеслова — иначе говоря, «Римского патерика». Именно так обстоит дело в старшем из списков второй редакции «Беседы», указанных В. Н. Мочульским — РГБ, Тр. 256, вторая пол. XV в. («Диалоги» занимают л. 1–54 об., обрываются механически; «Беседа» читается на л. 175 об. — 178 об., ее конец также утрачен).

седы трех святителей»[13]; объясняя, что часы относятся не к одному дню, книжник привлекает другой апокриф — о том, что Адам пробыл в раю семь лет[14]. Сюжет о древе встречается в некоторых списках «Беседы» (не относящихся, однако, ко второй редакции), откуда попал из «Откровения Варуха» [Соколов 1888: 132–133]. Автор, вероятно, располагал другим списком «Беседы» (иначе трудно объяснить ссылку в начале **Григорїи рече бг҃ословець**: в подлинных творениях Богослова мы, разумеется, не найдем упоминаний «райского винограда»). Ниже приводятся еще два авторитетных мнения, что древом познания добра и зла был виноград, и одно в пользу смоквы[15]. Точной датировке запись не поддается.

О месте составления текста можно судить по употреблению союза **то ти** ‘так, ведь’, характерного для восточнославянских памятников [Пичхадзе 2011: 132]. О том же свидетельствует выражение **покоривомꙋ. и послꙋшливомꙋ**: «покорение и послушание» (или «послушание и покорение») — распространенный топос книжности Древней Руси (не встречавшийся, однако, ранее в виде прилагательных)[16]. Отметим артикль **иже** (как в записи № 1).

Представляет интерес упоминание **тотровасилїи** (буквально ‘четырех Царств’) — этот грецизм как обозначение 1–4 Цар. в славянской книжности встречается нечасто и в основном в хронографической литературе (переход [е] в ['о] имеется в обоих списках; это явление характерно вообще

---

[13] Ср.: **Иванъ рє҃ колико пребы҃ адамъ в раи. Василии рє҃ ѿ шестаго часа до девѧтаго** (РГБ, Тр. 256, л. 178).

[14] Цифра восходит к Книге Юбилеев, неизвестной в полном славянском переводе; откуда она попала в нашу запись, неясно. К дальнейшему тексту, однако, имеются близкие параллели: в «Сказании, како сотвори Богъ Адама»: «И бысть Адамъ въ раи 7 днии… а та 7 дней противъ седми тысящь лѣтъ» [Памятники 1862: 13]; в статье «О всей твари» — русском сочинении не позднее XV в.: «И постави Богъ противу 7 дней седмь тысящь лѣт, да якоже человеку изыдет 7 дний, тако Богу 7000 лѣт» [Савельева 2009: 427].

[15] Ссылка на Дамаскина туманна; имеется в виду, вероятно, не «Богословие», а какой-то стих из канона (одного из написанных Иоанном Дамаскиным), понятый весьма прямолинейно. Дальше приводятся сведения из «Откровения Авраама»: «и бѣяше плодъ сада того яко видъ грозда винична» [Порфирьев 1877: 125]; книги Царств упомянуты ошибочно (см. ниже). Версия о смокве отсылает к вопросоответам Псевдо-Афанасия Александрийского князю Антиоху: **истиннѣишеє оубо єсть смоковноє** (РГБ, Тр. 122, л. 244 об.).

[16] Специальных исследований об этой формуле не существует, однако зафиксирована она только в древнерусских памятниках, где встречается, по утверждению Г. П. Федотова, «весьма часто» [2001: 191]. Исследователь приводит примеры из сравнительно поздних (не ранее XV в.) текстов. Можно добавить, что формула имеется в «Слове некоего христолюбца и наказании отца духовного», предположительно домонгольском [Никольский 1907: 109], а также в Несторовом Житии Феодосия Печерского [Демин 2003: 79].

для рукописи *Б*, но, однако, не для *О*). При этом автор записи не знал греческого и, по-видимому, понимал под словом «Тетровасилия» тот свой источник, где он прочел «Откровение Авраама» (хронографический текст или, что также нельзя исключать, книги Царств с «Откровением» в конвое)[17].

Любопытно выражение **томꙋ… дрꙋгомꙋ… тридесѧтномꙋ**. По-видимому, здесь отразилась система счета, известная по сказочной формуле *в тридевятом царстве, в тридесятом государстве*. Если это верно, то прилагательное **тридесѧтныи** здесь имеет значение ‘относящийся к какому-то (неизвестно какому) очень большому числу’, не засвидетельствованное историческими словарями[18].

4

Основной список: БАН, 13.3.36, 1462 г. (далее — *Я*)[19], л. 55 об.

Разночтения: РГБ, Муз. 9091, кон. XV — нач. XVI в. (далее — *М*), л. 175–175 об.; ГИМ, Увар. 157-4º, XVII в. (далее — *Ув*), л. 152–152 об.[20]

Сеа[1] вамъ сказа[х 2] ѿ моїсеѡвы[х] книгъ. вы же что ре[ч]те. имже жестость непокоренїа. ни послушанїа имоуще. жестокы[м] бо[3] повѣзени[4] покровомъ. и жестоко ср[д]це имуще. всег[д]а книгы почитающе. а николи[5] [6]разоума имуще.[6] и[7] всег[д]а оучащесѧ. а николи[ж 8] оумѣюще. а[9] и еще ли не вѣсте ничто[ж]. толко[10] ми сказавшю ѿ ст҃хъ кни[г]. кы[11] миръ може[т] вымѣстити.[12] пр[о]рькыхъ притчеи[13] силу. кто ли стерпи[т 13] тацѣ[х] несмыслъ слыша гл҃анїе ненаказанны[х] слове[с]. мнѧть[с] ѿ кни[г] гл҃ще. а ѿ оустенъ и[х] исхо[дѧ]ть мшаръ болотныи. имже словѣне. [14]мша[т] парꙋшѣ.[14]

---

[17] О конкретном источнике нашего книжника заключить не решаемся. Как пример неточного употребления заглавий можно указать, что Хронику Георгия Амартола книжники могли именовать «Царствами» [Анисимова 2009: 197–203]. Стоит вспомнить и заглавие Летописца Еллинского и Римского (1-й редакции; во всех списках 2-й редакции начало утрачено), где сказано: «Сия книгы писаны Бытиискыя от Тетровасилия» [Летописец 1999: 3], но «Откровение», однако, отсутствует, а также знаменитую приписку, сохранившуюся в Полной Хронографической Палее: **та[к] бо бѣ пи[с]но во книга[х] е[ж] предръжи[т] фр[г]онографъ по великомоу изложю[н]. совокоупи и списа ꙗко бѣ пре[д]писано в нача[л] кни[г] си[х] ѿ палѣа и ѿ тратовасилїа**… [Истрин 1907: 36]. Вопреки В. М. Истрину, «совокупил и списал» упоминающиеся книги не сам автор приписки, а «Хронограф по великому изложению» (как доказывает Т. В. Анисимова [2020: 111]; ср. также [Станков 2012: 12–13]).

[18] В современном русском языке отмечено прилагательное *тридесятый* в том же значении; ср. по данным НКРЯ: *И Глеба уже в тридесятый раз толкнуло подозрение, мол, вот, опять женщина не для меня...* (Д. Симонова, «Сорванная слива», 2002).

[19] Рукопись составляет одно целое с БАН, 13.3.21; описание см. [Metropolis Kijoviensis 2010: 1–9].

[20] Описание рукописи см. [Леонид 1894: 250–252].

[1]**Сиѧ** *М,* **Се а҃** *Ув* [2]**искаꙁаю** *М* [3]нет *М, Ув* [4]**повѧꙁани** *М* [5]**николиже** *М, Ув* [6-6]**раꙁумевающе** *М* [7]нет *М, Ув* [8]В ркп. **коли҃**, испр. по *М, Ув* [9]нет *М, Ув* [10]**толико** *М,* **толика** *Ув* [11]**кои** *М* [12]**въꙁвестити** *М* [13]**причь** *М,* **прито҃** *Ув* [14-14]**мьшать паруши** *М*

Запись читается в составе толковой компиляции, открытой В. М. Истриным в сборнике *Я* [Истрин 1897: 53–58][21], а точнее, после ряда вопросоответов Феодорита Кирского на Пятикнижие. Все ее списки — западнорусского происхождения. Компиляция использована уже в Изборнике XIII в. [Вершинин 2020: 58–67] и поэтому не моложе этого столетия; нижняя граница датировки определяется наличием выдержки из 3-й редакции «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона [Молдован 1984: 25], которая основывается на 2-й и возникла едва ли ранее конца XI в. Как видим, перед нами весьма высокомерный отзыв книжника о нерадивых читателях. Его тон совпадает с пренебрежительной репликой записи № 3 по адресу «неразумивых», которых не просветят и «многие речи». Представляется важным ранний пример употребления слова **пароуша** ‘парная баня’, известного по русским, прежде всего северным и сибирским, говорам [СРНГ 25: 246–247]. В нашем случае его применяет, вероятно, южнорусский книжник. Отношение последнего к «словенам» (новгородским) напоминает хрестоматийное описание бань в «Повести временных лет», в котором обычно не без оснований видят насмешку над новгородцами. Здесь же находим не зафиксированную в исторических словарях лексему ***мъшаръ** ‘мох, лишайник’ (ср. *мшара* ‘место, поросшее мхом’, а также диалектное *мшары* ‘лишайники, растущие на камнях’ [Там же, 19: 48]), а также глагол ***мъшити** ‘затыкать, конопатить мхом’, известный по источникам не ранее XVII в. [СлРЯ XI–XVII 9: 327].

Надеемся, что дальнейшие разыскания приведут к обнаружению новых записей, немаловажных по содержанию и языку.

Литература

Анисимова 2009 — Т. В. Анисимова. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М.: Индрик, 2009.

Анисимова 2020 — Т. В. Анисимова. «Изборные» 3-я и 4-я Книги Царств в Тихонравовском хронографе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 99–119.

[21] Еще один ее список находится в сборнике третьей четверти XVI в. РНБ, Погод. 840 [Книги Погодина 2010: 148–153], однако запись читалась в нем на утраченном листе между л. 77 и 78. Другие два списка — Национальная библиотека Украины, Мел. м./п. 119, кон. XVI в., и Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника НАН Украины, АСП-134, нам недоступны; они указаны У. Федером [1982: 159], которому остались неизвестны рукописи *Я*, *М* и Погод. 840.

Бабицкая 1995 — М. Б. Бабицкая. Источники Изборника XIII в. // Byzantinoslavica. 1995. Т. 56. № 3. S. 631–635.

Вершинин 2020 — К. В. Вершинин. О некоторых источниках Изборника XIII в. // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика — 3. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 52–73.

Демин 2003 — А. С. Демин. О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Демин 2019 — А. С. Демин. Художественная семантика древнерусских литературных форм и средств // Герменевтика древнерусской литературы. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. Сб. 18. С. 180–306.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Истрин 1897 — В. М. Истрин. Замечания о составе Толковой Палеи. Вып. 1 [Отд. отт. из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1897. Т. II. Кн. 1]. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1897.

Истрин 1907 — В. М. Истрин. Редакции Толковой Палеи. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1907.

Калачов 1855 — Н. В. Калачов. Предисловие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Кн. 2. Ч. 1. М.: Типография Александра Семена, 1855. С. I–XLII.

Каталог 2020 — Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 3: Сборник аскетический — «Священные параллели» Иоанна Дамаскина. М.: Индрик, 2020.

Каштанов 2006 — Д. В. Каштанов. Русь и Фессалоника в XII–XIII веках: люди, идеи, пути // Византийский временник. М., 2006. Т. 65 (90). С. 94–106.

Книги Погодина 2010 — Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог. Вып. 4. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010.

Леонид 1894 — Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа Уварова. Ч. 4. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1894.

Летописец 1999 — Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Лурье 1988 — Я. С. Лурье. Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 89–93.

Милтенова 2004 — А. Милтенова. Erotapokriseis. Съчинения от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София: Дамян Яков, 2004.

Молдован 1984 — А. М. Молдован. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.

Мочульский 1893 — В. Н. Мочульский. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса: Типография штаба войск Одесского военного округа, 1893.

Никольский 1892 — Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1892.

Никольский 1907 — Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № XIV: Слово некоего христолюбца и наказание отца духовного (о покорении и послушании) // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1907. Т. LXXXII. № 4. С. 118–126.

Памятники 1862 — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. СПб.: Типография Кулиша, 1862.

Петров 1894 — А. Н. Петров. Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христе, находящееся в пространном Житии св. Кирилла Философа, по списку XIII в. (Памятники древней письменности и искусства. Вып. CIV). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011.

Порфирьев 1877 — И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1911. Т. XVII. № 1). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1877.

Потебня 1968 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968.

Савельева 2009 — Н. В. Савельева. Апокрифическая статья «О всей твари» и ее бытование в составе древнерусских сборников // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 60. СПб., 2009. С. 394–435.

СлДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I–XII–. М.: Русский язык: Азбуковник, 1988–2019–.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30–. М.: Наука: Азбуковник: Нестор-история, 1975–2016–.

Соболевский 1911 — А. И. Соболевский. Неизвестный русский паломник [Отд. отт. из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1911. Т. XVI. Кн. 1]. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911.

Соколов 1888 — М. И. Соколов. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1888.

Срезневский, I–III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890–1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51–. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019–.

Станков 2012 — Р. Станков. Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола и Хронограф по великому изложению // Преславска книжовна школа. Т. 12. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2012. С. 191–209.

Турилов 2009 — А. А. Турилов. Изборник XIII в. // Православная энциклопедия. Т. 21. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. С. 540–541.

Турилов 2012 — А. А. Турилов. Кааф // Православная энциклопедия. Т. 29. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. С. 15.

Федер 1982 — У. Р. Федер. Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы // Palaeobulgarica. 1982. Т. 6. № 3. С. 154–165.

Федотов 2001 — Г. П. Федотов. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001.

Capaldo 1994 — M. Capaldo. Respect of the Textus Traditus or Venture into Conjecture? On a Recent Interpretation of Vita Constantini 13 // Полата кънигописьная. № 25/26. P. 4–92.

Metropolis Kijoviensis 2010 — Metropolis Kijoviensis: каталог і тексти петербурзьких зібрань / Підг. В. Зема, С. Зінченко, В. Фрис. Київ: Інститут історії України, 2010.

Wątróbska 1987 — H. Wątróbska. The Izbornik of the XIII cent. (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18). (Полата кънигописьная. № 19/20). Nijmegen: W. R. Veder, 1987.

Статья получена 24.04.2020

Konstantin V. Vershinin
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
versh-kv@yandex.ru

BOOKMEN'S NOTES IN OLD RUSSIAN EXEGETICAL COMPILATIONS

The paper presents a publication, with a commentary, of four notes contained in different Old Russian exegetical compilations. One of the notes is an afterword by a bookman who supposedly interpreted the verses on the legendary Solomon's Chalice (the story is widely known from *Vita Constantini-Cyrilli*); two others express exegetical views of the bookmen; the last one is a lengthy remark against unreasonable listeners. These short opuscula are interesting in their content, literary form, and some linguistic material. The notes contain words not registered in historical dictionaries of the Russian language.

Keywords: exegesis, Old Russian language, Old Russian literature, lexicology

References

Anisimova, T. V. (2009). Khronika Georgiia Amartola v drevnerusskikh spiskakh XIV–XVII vv. Moscow: Indrik.

Anisimova, T. V. (2020). «Izbornye» 3-ia i 4-ia Knigi Tsarstv v Tikhonravovskom khronografe. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki, 4 (82), 99–119.

Babitskaia, M. B. (1995). Istochniki Izbornika XIII v. Byzantinoslavica, 56(3), 631–635.

Barkhudarov, S. G. et al. (Eds.). (1975–). Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (Vols. 1–). Moscow: Nauka; Azbukovnik; Nestor-istoriia.

Capaldo, M. (1994). Respect of the Textus Traditus or Venture into Conjecture? On a Recent Interpretation of Vita Constantini 13. Polata k"nigopis'naia, 25/26, 4–92.

Demin, A. S. (2003). O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Ilariona do Lomonosova. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Demin, A. S. (2019). Khudozhestvennaia semantika drevnerusskikh literaturnykh form i sredstv. In O. A. Tufanova (Ed.), Germenevtika drevnerusskoi literatury (pp. 180–306). Moscow; Berlin: Direktmedia Pablishing.

Feder, U. R. (1982). Meletskii sbornik i istoriia drevnebolgarskoi literatury. Palaeobulgarica, 6(3), 154–165.

Fedotov, G. P. (2001). Sobranie sochinenii (Vol. 10). Moscow: Martis.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). Slovar' russkikh narodnykh govorov (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka.

Kashtanov, D. V. (2006). Rus' i Fessalonika v XII–XIII vekakh: liudi, idei, puti. Vizantiiskii vremennik, 65(90), 94–106.

Krysko, V. B. et al. (Eds.). (1988–). Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) (Vols. 1–). Moscow: Russkii yazyk; Azbukovnik.

Lurye, Ya. S. (1988). Beseda trekh sviatitelei. In D. S. Likhachev (Ed.), Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi (Vol. 1, Iss. 1, pp. 89–93). Leningrad: Nauka.

Miltenova, A. (2004). Erotapokriseis. S"chineniia ot kratki v"prosi i otgovori v starob"lgarskata literatura. Sofia: Damian Iakov.

Moldovan, A. M. (1984). «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona. Kiev: Naukova dumka.

Moldovan, A. M. (2000). Zhitie Andreia Yurodivogo v slavianskoi pis'mennosti. Moscow: Azbukovnik.

Pichkhadze, A. A. (2011). Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Porfiryev, I. Ya. (1877). Apokrificheskie skazaniia o vetkhozavetnykh litsakh i sobytiiakh po rukopisiam Solovetskoi biblioteki. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.

Savelyeva, N. V. (2009). Apokrificheskaia stat'ia «O vsei tvari» i ee bytovanie v sostave drevnerusskikh sbornikov. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 60, 394–435.

Stankov, R. (2012). Drevnebolgarskii perevod Khroniki Georgiia Amartola i Khronograf po velikomu izlozheniiu. Preslavska knizhovna shkola, 12, 191–209.

Turilov, A. A. (2009). Izbornik XIII v. In Patriarch Kirill (Ed.), Pravoslavnaia entsiklopediia (Vol. 21, pp. 540–541). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.

Turilov, A. A. (2012). Kaaf. In Patriarch Kirill (Ed.), Pravoslavnaia entsiklopediia (Vol. 29, p. 15). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.

Tvorogov, O. V. (Ed.). (1999). Letopisets Ellinskii i Rimskii. T. 1. Tekst. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Vershinin, K. V. (2020). O nekotorykh istochnikakh Izbornika XIII v. In V. S. Efimova (Ed.), Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Paleoslavistika-3 (pp. 52–73). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Wątróbska, H. (1987). The Izbornik of the XIII cent. (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18). Nijmegen: W. R. Veder.

Zaliznyak, A. A. (2004). Drevnenovgorodskii dialekt. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zema, V., Zinchenko, S., & Fris, V. (Eds.). (2010). Metropolis Kijoviensis: katalog i teksti peterburz'kikh zibran'. Kyiv: Institut istorii Ukraini.

Zhuchkova, I. L., Morozov, B. N., & Moshkova, L. V. (Eds.). (2020). Katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig XVI veka, khraniashchikhsia v Rossiiskom gosudarstvennom arkhive drevnikh akto (Issue 3). Moscow: Indrik.

Received on April 24, 2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.9

Ж. Ж. ВАРБОТ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
zhannavarbot@yandex.ru

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВ. **kastь**

Статья посвящена проблеме происхождения праслав. **kastь*, которое реконструировано как составляющее праславянского лексического фонда в двух славянских этимологических словарях: ЭССЯ и ЭСБМ, на базе русской и белорусской лексики (русских имен существительных и производных от них глаголов и белорусских производных глаголов) с семантикой ‘вред, порча, сор, гадость; портить, вредить, пачкать, сорить, бранить’. Существуют две версии происхождения слова. Предполагаемая О. Н. Трубачевым производность от праслав. **kostь* [ЭССЯ 9: 157] означает признание возможности удлинения корневого гласного *o* > *a* в отыменном имени, что не характерно для славянского отыменного словообразования. Более вероятна производность **kastь* от **kostiti* ‘бранить, ругать’, по версии Я. К. Грота (цит. по [Фасмер II: 208]). В настоящей статье обосновывается версия об образовании **kastь* от праслав. (и общеслав.) глагола **kaziti* ‘портить, осквернять’ с суф. *-tь* (ср. производность праслав. **mazati* → **mastь*). Праслав. **kastь* признается праславянским диалектизмом.

Ключевые слова: славянская этимология, праславянский лексический фонд, славянское словообразование.

В «Этимологическом словаре славянских языков» праславянская реконструкция **kastь* основана на материале только русского языка: ст.-русск. Касть, прозвище (Наволоцкий погост, 1495 г.), русск. диал. *касть* ж. р. ‘потрава, хлебная шалость, пакость’ (пск., твер.), ‘наказание’ (нарым.), ‘принудительное покаяние’ (том.), ‘крыса или мышь; порча, вред, убыток’ (твер.), собир. ‘о вредных животных и насекомых’ (твер., яросл., пск., ряз., новгор.), ‘дрянь, гадость’ (ряз., новгор., печор.), ‘вонючая, смрадная грязь’ (арханг., твер.), ‘грязь на дороге, распутица’ (арханг., олон.), ‘ненастная погода’ (арханг.), ‘ругательство, брань’ (арханг., волог., пск., новгор.), также *кась* ‘нечистота, сор; ненастная погода’ (арханг.) [ЭССЯ 9: 157] (в настоящей статье значения несколько перегруппированы).

О более широком распространении слова *касть* в славянских языках — кроме русского, еще в белорусском — свидетельствует производный глагол

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

**kastiti (sę)*: др.-русск. *кастить под собе* ‘мараться и мочиться в постель’, *кастити* ‘извергать’, русск. диал. *кащу́* ‘испражняюсь’ (XVIII в.), *касти́ть* ‘портить’ (печор., смол.), ‘вредить’ (урал.), ‘бранить; пачкать, грязнить’ (олон.), ‘пакостить, испражняться, извергать рвоту’ (вят.), ‘мусорить’ (белозер.), ‘ругать, поносить, позорить’ (яросл.) и блр. диал. *ка́сьціць* ‘портить без надобности’, *касьці́ць* ‘сорить на пол’, *ка́сьціцца* ‘мучиться’ [Там же: 156]. Авторы «Этимологического словаря белорусского языка», толкуя глагол как производный от **kastь* (об этой производности свидетельствует корневое подударное *á* в глаголе), отмечают фиксацию имени только в русском и признают за ним статус праславянского диалектизма [ЭСБМ 4: 299].

Относительно этимологии сущ. **kastь* предложено две версии. По разработке О. Н. Трубачева, **kastь* — «древнее производное типа врддхи, с продлением корневого гласного *o* → *ō (a)* от **kostь*», с семантической эволюцией ‘костный’ → ‘бренный, нечистый’, подобной семантическим отношениям **kostь* и его другого производного → **koščupъ* [ЭССЯ 9: 157]. Однако модель врддхи, с продлением корневого гласного *o* → *ō (a)*, не известна славянскому именному о т ы м е н н о м у словообразованию, но характерна для славянского именного о т г л а г о л ь н о г о словообразования: см. **tvoriti* — **tvarъ*. Поэтому более вероятной представляется версия Я. К. Грота — образование сущ. **kastь* от глагола **kostiti* (цит. по [Фасмер II: 208]). (Сомнения в отношении производности **kostiti* от **kostь* несостоятельны, см. [ЭССЯ 11: 156–157].)

Относительно вероятности образования **kastь* от **kostiti* в семантическом аспекте ср. значения продолжений глагола **kostiti* в русском и украинском языках и приведенных выше русских продолжений существительного **kastь*: рус. *костить* ‘осыпать бранью, ругать’, диал. ‘бранить, ругать’ (влад., вят.), укр. *костити* ‘костить’ [Там же] и русск. диал. *касть* ‘нечистота, сор, смрад, вонь’, ‘ругательство, брань’.

Несмотря на достаточную вероятность изложенной выше версии Я. К. Грота об образовании сущ. **kastь* от глагола **kostiti*, представляется нелишним указать еще на один возможный путь возникновения **kastь* — производность от праславянского глагола **kaziti* с суф. **-tь*.

Продолжения праслав. **kaziti* представлены во всех группах славянских языков, к русск. *касть* семантически наиболее близки следующие глаголы: др.-русск. *казити* ‘портить, причинять вред; развращать; искажать; увечить (об оскоплении)’, *казитися* ‘портиться’ [СДРЯ IV: 187], русск. лит. *исказить*, русск. диал. *казить* ‘портить’ (ворон.), *казиться* ‘кривиться (о человеке)’ (том.), ‘шалить, беспокоиться, вести себя буйно’ (краснодар.), укр. *казити* ‘искажать, портить’, диал. *казити* ‘бить, разбивать (посуду, яйца, стекло)’, *казитися* ‘ломаться, портиться’, ст.-блр. *казити* ‘уничтожать’, блр. *казіць* ‘искажать, портить; кривить (лицо)’, ст.-слав. **казити** ‘портить, вредить’, сербохорв. диал. *казити се* ‘портить себя, свой вид’, словен. *kazíti* ‘портить, искажать’, чеш. *kaziti* и слвц. *kazit’* ‘портить, разрушать, вредить’, в.-луж. *kazyć* и н.-луж. *kazyś* ‘портить, повреждать’, польск. *kazić*

‘портить, губить, разрушать; заражать; осквернять; разбивать’, словин. *kazëc* ‘разбивать, разрушать, губить’ [ЭССЯ 9: 171]. Ср. приведенные выше значения русск. диал. *касть*: ‘потрава, хлебная шалость, пакость’, ‘порча, вред, убыток’, ‘наказание’, ‘крыса или мышь’, собир. ‘о вредных животных и насекомых’, ‘дрянь, гадость’, ‘нечистота, сор, смрад, вонь’, ‘кал, испражнение’. Очевидна общность для сущ. *касть* и глаг. **kaziti* семантики порчи, вреда, разрушения (вплоть до тела человека — ср. русск. диал. *касть* ‘наказание’ и др.-русск. *казити* ‘увечить’, сербохорв. диал. *казити се* ‘портить себя, свой вид’) и осквернения. С точки зрения славянского словообразования возможность производности **kastь* от **kaziti* не подлежит сомнению: ср. однотипную модель в образовании **mastь* от **mazati*. Принятие этой модели образования для русск. *касть* означает признание его праславянской древности. Примечательно, однако, что при почти общеславянском распространении производящего глагола **kaziti* производное **kastь* известно только древнерусскому, русскому и, очевидно, ст.-белорусскому (см. выше производный от **kastь* блр. диал. глагол *ка́сціць*), так что для **kastь* вероятен статус восточнославянского праславянского диалектизма.

Следует отметить, что предлагаемая версия происхождения праслав. **kastь* (как, впрочем, и две изложенные выше и здесь не принимаемые версии) исключает родство этой лексемы с праслав. **pakostь* (русск. *пакость*, ст.-слав. **пакость** и др.), для которого наиболее вероятно образование от **pako* ‘обратно, назад’ с первичной мотивацией ‘обратное нормальному состоянию, качеству’ [ЭССЯ 40: 227–230].

Словари

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улуханов, В. Б. Крысько. Т. I–X– М.: Русский язык: Азбуковник, 1988–2013–.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўник беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–14–. Минск: Навука и тэхника: Беларуская навука, 1978–2017–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–41–. М.: Наука, 1973–2018–.

Статья получена 11.03.2020

Zhanna Zh. Varbot

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
zhannavarbot@yandex.ru

TO THE ETYMOLOGY OF PROTO-SLAVIC *KASTЬ

The article is devoted to the problem of the origin of Proto-Slavic **kastь*, which is reconstructed based on Russian and Belarusian words (Russian dialect nouns and derived verbs and

Belarusian derived verbs) with the semantics ‘harm, damage, rubbish, something nasty; to harm, spoil, litter, scold’. There are two versions of the origin of *kastь. Derivation from the noun *kostь ‘bone’, proposed by O. L. Trubachev, requires the assumption of the lengthening *o>a* in a denominal noun, which is not characteristic of Slavic derivation. Ya. K. Grot’s hypothesis supposes the derivation of *kastь from the verb *kostiti ‘to scold’, which seems more plausible. The present paper argues that *kastь is derived from Proto-Slavic *kaziti ‘to harm’ with the use of the suffix *-tь* (cf. Proto-Slavic *mazati → *mastь). Proto-Slavic *kastь is considered as a Proto-Slavic dialect word.

Keywords: Slavic etymology, Proto-Slavic lexicon, Slavic word formation

References

Avanesov, R. I., Ulukhanov, I. S., & Krys'ko, V. B. (Eds.). (1988–). *Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.)* (Vols. 1–). Moscow: Russkii yazyk; Azbukovnik.

Martynau, V. U., & Tsykhun, G. A. (1978–). *Etymalagichny slounik belaruskai movy* (Vols. 1–). Minsk: Navuka i tekhnika; Belaruskaia navuka.

Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1973–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* (Vols. 1–). Moscow: Nauka.

Received on March 11, 2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.10

И. Б. ИТКИН

Институт востоковедения РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ О НАДПИСИ НА РУЧКЕ КУВШИНА ИЗ ТЬМУТАРАКАНИ*

В настоящей статье предлагается новое чтение древнерусской надписи (предположительно второй половины XI в.) на ручке кувшина, найденного в 1985 г. при раскопках Таманского городища. От надписи сохранилась правая часть: ...**ДЮШЬНИК**[**Ъ**]. В работе выдвигается гипотеза о том, что рассматриваемая надпись представляет собой производное от укр., рус. диал. *ке́ндюх* ‘один из отделов желудка жвачных животных; блюдо из свиного (реже — говяжьего) желудка с начинкой’, имеющего тюркское происхождение. Наиболее вероятной признается конъектура **(КЄНЪ)ДЮШЬНИК**[**Ъ**] ‘сосуд для приготовления ~ хранения кендюха’ (или, быть может, ‘(сосуд, где хранится) блюдо из кендюха’).

Ключевые слова: древнерусские надписи, названия сосудов, диалектная лексика, тюркизмы.

В 2008 г. А. А. Медынцева и В. Н. Чхаидзе опубликовали древнерусскую надпись на обнаруженном в 1985 г. в ходе раскопок Таманского городища «фрагменте ручки лощеного кувшинчика» [Медынцева, Чхаидзе 2008: 101]. Исследователи убедительно датируют находку второй половиной XI в.

Сохранившиеся буквы надписи читаются с полной надежностью (на фотографии они выглядят так, как будто были процарапаны «вчера»), образуя последовательность …**ДЮШЬНИК**[**Ъ**]…; начало слова, однако, не сохранилось.

По предположению А. А. Медынцевой и В. Н. Чхаидзе, «[н]аиболее вероятно, что это название сосуда, представляющее собой суффиксальное производное от неизвестного корня, от которого сохранилась одна буква **Д**. С известной долей вероятности можно предположить, что это могло быть слово **кадь**. ⟨…⟩ Такая реконструкция возможна и логически оправдана…» [Там же]. На наш взгляд, однако, данная гипотеза представляется в высшей степени уязвимой сразу в трех отношениях — морфонологическом, словообразовательном и семантическом.

* Автор выражает искреннюю благодарность А. В. Дыбо, С. В. Дьяченко, С. И. Переверзевой и Д. В. Сичинаве за помощь в работе над статьей.

С точки зрения морфонологии аномальным оказывается сохранение мягкости *д*. Слово *кадь* входит в большую группу существительных III склонения, не сохраняющих мягкость конечной согласной основы ни перед какими суффиксами [Иткин 2007: 66]. В древнерусском языке соответствующая закономерность соблюдалась даже еще более строго, поскольку мягкость согласных перед флексиями III склонения имела чисто позиционно обусловленный характер. Помимо широко употребительных и поныне производных *кадка* и *кадушка*, о таком поведении лексемы *кадь* свидетельствуют также редкий диминутив *кадулька* ‘небольшая кадка, кадушка’ [СлРЯ XI–XVII, т. 7: 13] и устаревшее и диалектное *кадаш* ‘бочар, кадочник’ [СРНГ, т. 12: 298].

С точки зрения словообразования не усматривается никаких причин для использования очень редкого составного суффикса *-уш-ник* вместо обычного *-ник*.

Наконец, с точки зрения семантики остается неясным, что, собственно, могло бы означать гипотетическое производное ***кадюшник*. Независимо от того, понимаем ли мы слово *кадь* в исходном значении ‘небольшая бочка’ или в значении ‘мера объема сыпучих тел’, такая деривация, по-видимому, не находит себе аналогов.

Тем самым, мы полагаем, что границу между основой и суффиксом в рассматриваем названии следует проводить иначе: ...**ДЮШЬ-НИК**[**Ъ**]; это означает, что мотивирующая лексема должна заканчиваться на *-дюх* или *-дюха*. Безусловно, в данном случае исследователям повезло: наличие в тексте надписи редчайшего для столь раннего времени сочетания **ДЮ** значительно сужает область поиска.

Как кажется, в восточнославянских языках обнаруживается едва ли не единственная лексема, удовлетворяющая всем необходимым условиям. Речь идет о слове *ке́ндюх* ‘один из отделов желудка жвачных животных; блюдо из свиного (реже — говяжьего) желудка с начинкой’. Хотя кендюх считается прежде всего блюдом украинской национальной кухни (ср. «**Ке́ндюх** — українська національна страва зі шлунку тварини (переважно свинячого), начиненого м’ясом і незначною кількістю сала або взагалі без нього» («Википедия» на украинском языке, ст. «Кендюх (страва)»), лексема *кендюк* ~ *кендюх* известна во многих областях европейской части России [СРНГ, т. 13: 181]. Далее ср. белор. разг. *кіндзюк* ‘желудок’; из белорусского или украинского заимствовано польск. *kindziuk* [ЕСУМ, т. 2: 423], а из него, в свою очередь, — литовск. диал. *kindziukas* «скиландис, фаршированный свиной желудок».

По происхождению слово *кендюх*, несомненно, представляет собой тюркизм, ср. тур. *kindik* ‘пуп’ и др. [Там же]. Мы не располагаем свидетельствами бытования лексемы *кендюх* в древнерусском языке, однако заимствование кулинарного термина могло произойти сколь угодно рано. Наличие тюркских вкраплений в речи русских жителей Тьмутаракани, разумеется, более чем естественно.

Если надпись на тьмутараканском кувшине действительно содержит производное от слова *кендюх*, это означает, что 1000 лет назад его ауслаут выглядел так же, как сейчас. Это может показаться маловероятным, поскольку конечное *-юх* отстоит достаточно далеко от *-ik*, представленного в большинстве тюркских диалектов [ЭСТЯ, т. 5: 68]. Отметим, однако, что гласный второго слога выглядит как *ю*, кажется, во всех славянских фиксациях этой лексемы. В связи с этим обращает на себя внимание, что в то время, как в [Там же: 69] говорится об «аффиксе **-тик** с уменьшительным значением», в этимологической базе данных starling соответствующая пратюркская форма приведена в виде ***kīn-dük**[1]. Если эта реконструкция верна, не исключено, что речь действительно идет об очень старом заимствовании из какого-то тюркского диалекта, еще сохранявшего исходную лабиализацию. Что касается колебания *х* ~ *к*, то первичным с равным успехом может быть любой из этих двух вариантов.

Однозначно восстановить утраченную часть надписи невозможно, поскольку немыслимая для позднего праславянского последовательность «*к* + *е* + *н*/*м* перед согласным» могла отражаться в древнерусском и старославянском самыми разными способами, ср., например:

др.-рус. **декабрь**, **декамбрь**, ст.-слав. **декѫбр҃ь** ‘декабрь’ < греч. δεκέμβριος (на этот пример наше внимание однажды обратил С. Г. Болотов);

др.-рус. **китоврасъ** ‘мифическое существо, кентавр’ < греч. κένταυρος;

ст.-сл. **к҃ентъторионъ** ‘центурион’ < греч. κεντυρίων.

Если исходить из того, что в XI в. фонетический облик лексемы *кендюх* был максимально близким к современному, наиболее вероятной выглядит конъектура (**КЄНЪ**)**ДЮШЬНИК**[**Ъ**].

Примечательным образом, слово *кендюшник* существует и в настоящее время — по крайней мере, в некоторых украинских диалектах. Правда, оно обозначает не сосуд, а густой суп с кендюхом, овощами и другими ингредиентами. Ср., например, начало записи в блоге weloveua.com: «В отдельных селах Западной Украины и сейчас готовят блюда, названия которых, скорее всего, совсем не известны для молодежи. Например, *кендюшник* и *пшенянники*, которые наши предки готови⟨ли⟩ каждый раз, когда кололи кабана»[2] (курсив в источнике. — *И. И.*). Весомым подтверждением достоверности сведений, сообщаемых в этой записи, служит то, что она была переведена на украинский язык[3]. Это значит, что тьмутараканская надпись в принципе может пониматься и как «(сосуд, где хранится) блюдо из кендюха», хотя более вероятным все же представляется понимание «сосуд для приготовления ~ хранения кендюха».

---

[1] См. https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=%2fdata%2falt%2fturcet&text_number=+320&root=config.

[2] См. http://weloveua.com/blyuda-prababushek-gotovim-s-lyubovyu/; автор — Елена Егорова.

[3] См. http://vsviti.com.ua/ukraine/58572.

Конечно, изложенная выше гипотеза не может считаться полностью надежной. Мы рассчитываем, однако, что настоящая заметка послужит стимулом к дальнейшим разысканиям в этой области[4].

Литература

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: У 7 т. к., 1982–.

Иткин 2007 — И. Б. Иткин. Мягкие основы в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 62–72.

Медынцева, Чхаидзе 2008 — А. А. Медынцева, В. Н. Чхаидзе. Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // Российская археология. 2008. № 1. С. 101–103.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М., 1965–.

Фасмер 1986–1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–.

Статья получена 17.05.2020

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ONCE MORE ON THE INSCRIPTION ON THE HANDLE OF THE JUG FROM TMUTARAKAN

This article proposes a new reading of the Old Russian inscription (presumably the second half of the 11th century) on the handle of a jug found in 1985 during the excavations of the Taman settlement. The right side of the inscription is preserved: ...ДЮШЬНИК[Ъ]. The hypothesis is put forward that the inscription in question is a derivative of the Ukrainian and the Russian dialect word *kénd'ukh* ‘a section of the stomach of ruminants; stuffed pork (less often — veal) stomach dish, salceson’, which is of Turkic origin. The most probable is the conjecture (КЕНЪ)ДЮШЬНИК[Ъ] ‘a vessel for cooking ~ storing salceson’ (or, perhaps, ‘(a vessel for storing) salceson’).

Keywords: Old Russian inscriptions, names of vessels, dialect vocabulary, Turkisms

[4] Один из рецензентов статьи, А. Ф. Журавлёв, обратив внимание на тверск. *кандюшка* ‘ендова и др.’ [СРНГ, т. 13: 41] и прочие слова того же этимологического гнезда, в конечном счете восходящие, по-видимому, к ср.-греч. κοντίον «медная чаша, служившая в монастырях колокольчиком» [Фасмер 1986–1987, т. 2: 179–180], предложил для рассматриваемой надписи чтение (**КѦN**)**ДЮШЬНИК**[**Ъ**]. Этот вариант представляется нам существенно менее вероятным — как по хронологическим соображениям, так и потому, что названия сосудов с суффиксом *-ник* образуются от названий соответствующих продуктов, — ср. *чайник*, *супник*, *соусник* и т. д.

References

Barkhudarov, S. G. et al. (Eds.). (1975–). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* (Vols. 1–). Moscow: Nauka; Azbukovnik; Nestor-istoriia.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka.

Itkin, I. B. (2007). Miagkie osnovy v sovremennom russkom yazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 62–72.

Medyntseva, A. A., & Chkhaidze, V. N. (2008). Novaia drevnerusskaia nadpis' iz Tmutarakani. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1, 101–103.

Melnichuk, O. S. (Ed.). (1982–). *Etimologichnii slovnik ukrains'koi movi* (Vols. 1–). Kyiv: Naukova dumka.

Sevortian, E. V., Levitskaia, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh yazykov* (Vols. 1–). Moscow: Nauka.

Received on May 17, 2020

МАТЕРИАЛЫ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.11

А. В. МАЛЫШЕВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
annamalys@mail.ru

А. В. ТЕР-АВАНЕСОВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
teravan@mail.ru

СЕЛИГЕРО-ТОРЖКОВСКИЙ ГОВОР ДЕРЕВНИ ЛУЖНИКОВО И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

В публикации представлены некоторые черты фонетики и грамматики одного селигеро-торжковского говора и образцы расшифрованных записей от трех информантов.

Количественный анализ встречаемости аллофонов фонем /а/, /о/, /е/ в первом предударном слоге после мягких согласных показал достаточно устойчивое яканье в идиолектах информантов, рожденных в д. Ситниково в начале 30-х гг. XX в., и тенденцию к иканью у информантки из д. Осовец 1941 г. р. В идиолектах всех трех информантов обнаруживается сложная, видимо, переходная система вокализма, в частности, наблюдается частичное различение фонемы /а/, с одной стороны, и фонем /о/ и /е/ — с другой. У информантов из д. Ситниково система вокализма близка к ассимилятивно-диссимилятивному яканью Култуковского типа.

Рассмотрены особенности функционирования в говоре возвратной частицы *-ся*, некоторые из которых не встречаются нигде, кроме небольших ареалов в пределах селигеро-торжковских говоров.

Набор перфектных (результативных) конструкций в лужниковском говоре характерен для селигеро-торжковских говоров и включает: 1) субъектно-результативные конструкции с предикатами — *ш*-причастиями от непереходных глаголов (*он был пришёдцы* ‘он пришёл’); переходные глаголы образуют три синонимичных морфолого-диатезных типа конструкций: 2) объектно-результативные конструкции с *н*/*т*-причастиями (*он был принесён* ‘его принесли’), 3) объектно-результативные с *ш*-причастиями (*он был принесши* ‘его принесли’) и 4) активные «посессивно-результативные» конструкции (*люди его принесши* ‘люди его принесли’). Субъект в конструкциях (3) и (1) может быть выражен сочетанием «предлог *у* + Р. п.», для конструкций (2) выражение субъекта не характерно. Объект в конструкциях (2)–(3) и субъект в конструкции (1) могут быть выражены не И., а Р. падежом — при наличии отрицания или выражении количества. Перфектные конструкции без синтаксического подлежащего относятся к безличному, неопределенно-личному и определенно-личному типам.

Ключевые слова: диалекты русского языка, северо-западные говоры, яканье, гласные в предударном слоге, возвратная частица, перфектные конструкции, текст

Бывший Вышневолоцкий район Тверской области был обследован экспедициями ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН трижды: в 2017, 2018 и 2019 гг. Предлагаемое ниже исследование проведено на материалах экспедиции 2018 г., в которой принимали участие сотрудники отдела диалектологии и лингвогеографии С. В. Дьяченко, Е. В. Колесникова, А. В. Малышева и А. В. Тер-Аванесова.

Экспедиция базировалась в д. Лужниково, расположенной на р. Белая в 52 км к юго-западу от г. Вышний Волочёк. Это центр Лужниковского сельского поселения, на территории которого находятся 34 населенных пункта. С 1929 г. Лужниково относилось к Есеновичскому району, с 1958 г. — к Вышневолоцкому району Тверской области, а после его упразднения в 2019 г. деревня вошла в состав Вышневолоцкого городского округа. В Лужникове есть действующий храм Преображения Господня, средняя школа, дом культуры, библиотека, несколько продуктовых магазинов. На момент составления переписи населения 2008 г. здесь проживало 362 человека.

Кроме д. Лужниково, записи велись в расположенных неподалеку пунктах: с. Красная Заря (Яконово), дд. Емельянова Горка и Ситниково. Всего было опрошено 13 человек, уроженцев деревень, входящих в Лужниковское сельское поселение (Лужниково, Ситниково, Емельянова Горка, Богайкино, Борки, Кресилово, Осовец).

Многие деревни в составе Лужниковского сельского поселения в настоящее время полностью заброшены, примерно в трети нет постоянных жителей, туда приезжают только дачники на лето. Постепенное уменьшение количества населенных пунктов, исчезновение маленьких деревень и отток их жителей в город или центральную деревню — Лужниково во многом определяют специфику языковой ситуации в этом пункте. Мы наблюдали довольно значительные языковые различия у местных жителей старшего поколения, родившихся в разных деревнях Лужниковского сельского поселения. Пока неясно, связаны ли различия идиолектов «с разной степенью продвинутости» каждого из идиолектов, в основе которых лежит общая диалектная система, в сторону некоего местного стандарта или же особенности идиолектов отражают различия между говорами деревень Лужниковского сельсовета, сглаженные в процессе конвергенции, а изначально бывшие гораздо более глубокими. Язык информантов 1960–1970-х годов рождения (библиотекарь, директор клуба, староста в храме) приближается к литературному стандарту с немногочисленными региональными чертами.

Изучаемый говор расположен на территории распространения селигеро-торжковских говоров, которые относятся к западным среднерусским акающим говорам. Селигеро-торжковские говоры не объединены в самостоятельную группу, поскольку их границы не выделяются пучками изоглосс и они не однородны «по наиболее существенным сторонам языковой структуры, в частности, по характеру безударного вокализма» [Образование 1970: 414].

Все публикуемые ниже описания явлений фонетики и грамматики лужниковского говора основаны на полных выборках данных из текстов — расшифровок аудиозаписей речи носителей говора, беседы с которыми проводились в форме интервью на свободные темы (о прошлом, о семье, о работе и т. п.). Опрос по вопросникам при сборе материала практически не применялся. Объем расшифровок, использованных в разных частях исследования, колеблется от 3 до 5 часов. В ближайшее время ожидается публикация корпуса по лужниковскому говору.

В этой работе использованы записи речи четырех носителей говора:

1. Лидия Ивановна Доброхотова (далее — ЛИД) родилась в 1933 г. в д. Ситниково, с пяти лет помогала матери в полевых работах — полола лен, жала, возила снопы на молотилку. Окончила 4 класса. Вышла замуж в д. Лужниково, работала в колхозе, потом техничкой в школе.

2. Антонина Михайловна Сергеева (далее — АМС) родилась в д. Ситниково в 1932 г., в школе проучилась два класса, больше в школу не ходила, присматривала за младшими детьми. С тринадцати лет работала на лесоповале, где условия работы были лучше, чем в колхозе (платили зарплату, полагался отпуск), вышла замуж в д. Барсуки, работала на ферме, ухаживала за телятами. Позже семья снова переехала в Ситниково, чтобы быть ближе к поселку Красная Заря, куда ходили в школу дочери.

3. Зоя Ивановна Румянцева (далее — ЗИР) родилась в 1941 г. в д. Осовец, окончила 7 классов, вышла замуж в Лужникове. Всю жизнь проработала в колхозе дояркой.

4. Людмила Васильевна Костина (далее — ЛВК) родилась в 1952 г. в д. Емельянова Горка, окончила 8 классов в д. Лужниково, затем ветеринарный техникум в Осташкове, работала ветеринаром.

Расшифровки аудиозаписей речи АМС, ЛИД и ЗИР выполнены А. В. Малышевой, ЛВК — А. В. Тер-Аванесовой.

В настоящей публикации представлены следующие материалы:

I. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в лужниковском говоре: количественный аспект (*А. В. Малышева*);

II. Возвратная частица *-ся* в лужниковском говоре (*А. В. Малышева*);

III. Перфектные конструкции в лужниковском говоре (*А. В. Тер-Аванесова*);

IV. Тексты (*расшифровка А. В. Малышевой*).

I. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в лужниковском говоре: количественный аспект

1. Вводные замечания

В позиции после парных мягких согласных в селигеро-торжковских говорах отмечено несколько типов предударного вокализма: иканье, сильное яканье, умеренное яканье, в некоторых говорах обнаруживается тенденция

к еканью. К северу и востоку от Вышнего Волочка находится ареал икающих говоров (Вышневолоцкий, Бологовский, Удомельский р-ны), с запада и юго-запада к рассматриваемой территории примыкают говоры с сильным яканьем (Кувшиновский, Осташковский р-ны), с юго-востока — говоры с умеренным яканьем (Спировский, Торжокский р-ны), еще дальше на юг расположены говоры с умеренно-ассимилятивным яканьем (Ржевский, Старицкий р-ны) [Кириллова 1975: 59–60].

По данным ДАРЯ, вокруг Вышнего Волочка расположен компактный ареал, в пределах которого сосуществуют частичное различение фонем /о/, /е/, /а/ в первом предударном слоге после мягкого согласного перед ударными /о/, /е/, /а/ и разные типы неразличения фонем (иканье, с одной стороны, и сильное яканье — с другой). Лужниково примыкает к этому ареалу с юго-запада, далее на запад и на юг распространено сильное яканье [ДАРЯ I, карта 3]. В лужниковском говоре обнаруживается сложный, переходный тип вокализма.

Особенности предударного вокализма говора с. Есеновичи (в 25 км к юго-востоку от Лужникова) и близлежащих деревень по материалам экспедиций 1949, 1959 и 1974 гг. описаны в вышеуказанной работе [Кириллова 1975: 73–75]. Система вокализма в говорах Есеновичского района в этой работе определяется двояко. С одной стороны, отмечается, что позиционная мена гласных первого предударного слога после мягких согласных зависит от качества гласного под ударением и от твердости или мягкости последующего согласного: [а] произносится перед твердыми согласными и перед ударным [а] независимо от качества согласного, [и] произносится перед мягкими согласными при условии, что под ударением не [а]. Таким образом, тип яканья определяется как умеренно-ассимилятивный. С другой стороны, в системе вокализма есеновичского говора обнаруживается и диссимилятивный принцип: [а] произносится перед всеми ударными гласными, кроме [е] любого происхождения и [о]; следовательно, система оказывается близкой к ассимилятивно-диссимилятивному яканью Кидусовского типа. В говорах деревень Яконово, Кресилово, Борки в составе Лужниковского сельского поселения, то есть в говорах, о которых идет речь в этой статье, отмечена несколько иная система: [а] произносится перед всеми гласными, кроме [е] любого происхождения: [н’асла́, р’ака́, н’асу́, в’аду́; п’асо́к, н’ас’о́т; н’ас’и́, р’ак’и́], но: [нъ р’ик’е́, ул’ит’е́л, гл’ид’е́л, д’ит’е́й, т’ип’е́р’]. Модель такого вокализма соответствует ассимилятивно-диссимилятивному яканью Култуковского типа [Там же: 73–74].

Далее предлагается количественный анализ встречаемости аллофонов фонем /а/, /о/, /е/ в трех идиолектах: ЛИД и АМС (родились в д. Ситниково, которая находится в 1,7 км к северо-западу от Лужникова) и ЗИР (родилась в д. Осовец в 8 км к юго-западу от Лужникова; в настоящее время постоянно проживающих жителей в деревне нет). Общая длительность проанализированных записей — около 3 часов.

2. Встречаемость [а], [е], [и] — аллофонов фонем /а/, /о/, /е/ в первом предударном слоге и «тенденция к различению» /а/ и /о/, /е/

Во всех трех идиолектах наблюдается частичная нейтрализация /а/, с одной стороны, и /е/ и /о/ — с другой. На месте всех трех фонем возможно произнесение в первом предударном слоге звуков [а], [е], [и], однако идиолекты различаются пропорцией примеров с указанными аллофонами в каждой из фонологических позиций. Кроме того, эти пропорции неодинаковы для /а/ и /е/, /о/, что говорит о частичном различении этих фонем.

В идиолекте ЛИД фонема /а/ чаще реализуется в звуке [а] (53 % случаев), [е] представлен в 24 % случаев, [и] — 23 %. Фонемы /о/ и /е/ в большинстве случаев нейтрализуются в звуке [е] — 42 %; количество реализаций в звуке [а] — 26 %; количество реализаций [и] составляет 32 %.

Похожее распределение наблюдается в идиолекте АМС. Фонема /а/ в этой позиции у АМС так же, как у ЛИД, чаще реализуется в звуке [а] — 83 %, [и] — 17 %; [е] не отмечено (очевидно, из-за неполноты материала, поскольку зафиксировано всего 12 примеров с /а/ в этой позиции). Количество реализаций фонем /о/ и /е/ в [а] и [е] у АМС почти равное — соответственно 40 и 38 %, а процент произношения [и] несколько меньше, чем у ЛИД, — 22 %.

Идиолект ЗИР из Осовца отличается от двух вышеописанных прежде всего тем, что реализация /е/, /о/ в варианте [а] почти отсутствует (3 %), чаще всего они представлены звуком [и] — 61 %, [е] отмечено в 36 % случаев. Фонема /а/ представлена аллофоном [а] несколько чаще, чем /о/ и /е/, — в 14 % случаев, наиболее частотным вариантом реализации /а/ является звук [е] — 50 %, [и] употребляется в 36 % случаев, см. Таблицу 1.

Таблица 1

Количество реализаций фонем /а/, /о/, /е/ в [а], [е], [и] у разных информантов

Инф-т	Фонема	[а]	[е]	[и]
ЛИД	/а/	53 %	24 %	23 %
	/о/, /е/	26 %	42 %	32 %
АМС	/а/	83 %	0 %	17 %
	/о/, /е/	38 %	40 %	22 %
ЗИР	/а/	14 %	50 %	36 %
	/о/, /е/	3 %	36 %	61 %

Таким образом, фонема /а/ чаще реализуется в звуке [а] у ЛИД и АМС и в [е] — у ЗИР, а фонемы /е/, /о/ чаще совпадают в [е] у ЛИД и АМС и в [и] — у ЗИР, то есть имеет место частичное различение фонемы /а/, с одной стороны, и /о/ и /е/ — с другой.

Факт частичного различения фонем неверхнего подъема позволяет предположить, что в данных говорах предударный вокализм после мягких согласных является развитием системы севернорусского типа (с различением фонем неверхнего подъема в предударном слоге), подобный гдовскому и полновскому типам вокализма (см. о них в [Касаткин и др. 2005: 51–52]). На это может указывать и лингвогеографическая характеристика рассматриваемого типа предударного вокализма в районе Вышнего Волочка — Осташкова: его ареал как бы «вдвинут с юга» в пределы распространения систем севернорусского типа, окружен этими системами с северо-запада, севера и востока [ДАРЯ I, карта 3].

3. Зависимость реализации /о/, /е/ от ударного гласного и качества последующего согласного

Далее предпринимается попытка установить зависимость реализаций фонем /е/ и /о/ от положения перед твердым или мягким согласным и от гласного под ударением. Во всех трех идиолектах нет строгого распределения репрезентаций фонем: фонемы /е/ и /о/ могут нейтрализоваться в звуках [а], [е] и [и], можно говорить лишь о количественном преобладании того или иного варианта в зависимости от позиции. Фонема /а/ не включена в подсчеты, но для некоторых позиций приводится материал также по фонеме /а/.

3.1. Идиолект ЛИД. Материал. Далее представлен весь материал, отдельно внутри выделенных фонологических позиций сгруппированы примеры с частицей *не* и примеры, где рассматриваемые фонемы находятся после отвердевших шипящих.

Перед ударной /а/: [а] перед тв.: *ляжа́ла* (10), *мяшка́* (2), *дяржа́ли* (2), *сямйа́* (2), *слягла́, сястра́, дява́ть, принясли́, нъмята́ют, чиряда́, ня бра́ла, ня хва́тит, ня на́шы, ня на́ш*; *шасна́цътъм* (2), *шаста́я, жана́, дъ Ръжаства́*; перед мягк.: *тяля́т, дирявя́ннъе, пръвяря́ли*;

[е] перед тв.: *умерла́* (8), *сперва́* (4), *притседа́тиль* (8), *держа́ть* (7), *приежжа́ть* (4), *сестра́* (4), *двена́цъть* (3), *нъмера́* (2), *имена́* (2), *деся́тки* (2), *теля́ты* (2), *ребя́ты* (3), *привела́, гекта́ра, девя́ты, лежа́ла, Герма́нию, семйа́, диревня́м, цьвета́м, всегда́, щепа́ть, везла́, нела́днъ* (2), *не зна́ю* (7), *не ста́ла* (2), *не ба́бушка, не ра́да, негра́мътнъя*; *жэна́* (3), *жэна́тый*; перед мягк.: *меня́* (7), *меня́ли* (2), *ътмеча́ли* (2), *фстреча́ла* (2), *стреля́ли, шыстидеся́тъм, диревя́ннъя, племя́нника, ътмеря́ли, девя́тъвъ, седьма́я, нельзя́, смея́лсы*;

[и] перед тв.: *всигда́, ни ста́вить*; перед мягк.: *миня́* (7), *тибя́, сича́с* (3), *вилéла* (2).

Перед ударной /е/: [и] перед тв.: *вирте́ли, тирпе́ния, ни в э́тъй*, а также: *Чигре́нка* (д. Чигиринка в Могилевской области Белоруссии)[1]; перед мягк.:

[1] В качестве примеров приводится как исконная, так и заимствованная лексика.

дире́вне (4), *дире́вню* (2), *дире́вня* (4), *типе́рь* (15), *дите́й* (5), *ище́* (16), *тиле́ге*, *тиле́гу* (5), *тиле́к*, *тиле́гъх*, *риве́ла*, *интире́снъ*, *нибе́снъе*, *сибе́*, *бире́ста* (2), *бире́сьтину*; *жыле́знъй*, *жыле́зъчку* (4);

[е]: *тепе́рь*.

Перед ударной /о/: [а] перед тв.: *пяско́м* (3), *яво́* (2), *вядро́* (4), *кузняцо́м*, *сяво́дня*, *свякро́фка*, *нядо́лгъ*, *пясо́к*, *ня по́льзъвълъсь*, *ня шо́л*; *яво́шный* (2), *мяшо́к*, *мяшко́м*, *пяшко́м*, а также *кълянко́р* (3); *шасто́въ* (2), *шасто́й*, *шасто́м*, *тижало́*, *жасто́къя*; перед мягк.: *бярёзы*; *къшалёчек* (2);

[е] перед тв.: *ево́* (36), *кузнецо́м*, *ничево́* (3); *ево́шный* (3), *метро́вый*, *немно́гъ* (2), *не по́мню* (4), *не хо́дит*, *не до́йинъ*, *не ф шко́лы*; *шэссо́т*, *жэсто́къя*; перед мягк.: *верёвъчка* (2), *верёфка* (3), *бельё* (2), *берёзы, берёзъвыи*, *метёш* (2), *зерён*, *свезёт*, *смеёццы*, *берём*, *серётку*, *четьвёртый*;

[и] перед тв.: *иво́*, *йиво́*, *ничиво́*, *чиво́* (8), *ни схо́дит*, а также *Есино́вичъх*, *Эсино́фский*, *Есино́фскъя*, *Есино́вичя* (2), *Есино́вичи* (8); перед мягк.: *ищё* (18), *читьвёртый*, *рибёнка* (2), *рибёнок*, *тилёнка* (2), *тилёнком*, *грибёнки* (2), *грибёнку*, *тичёт*, *бирёза*, *зилёна*, а также *Симён* (2).

Перед ударной /и/: [а] перед тв.: *сястры́* (2), *принясли́*, *ляжы́т* (2), *вязли́* (5), *черяды́*, *ня вы́валиццы*; перед мягк.: *привяли́*, *плялі́*, *лятѝм*, *пиряби́фшы*, *ня ви́дит*; *жани́фшы*;

[е] перед тв.: *сестры́* (2), *лежы́т*, *не вы́йдиш*, *не кры́ли*; перед мягк.: *съеди́м*, *мели́* (2), *плели́* (2), *привезли́*, *кресьти́ла*, *замесьти́тиль*;

[и] перед тв.: *читы́ри* (6); перед мягк.: *лити́* (2), *дили́ли*, а также *мидѝчка*, *тихни́чки* (3), *тихни́чка* (2) (это недавние заимствования, возможно, в свойственном литературному языку фонетическом облике).

Перед ударной /у/: [а] перед тв.: *яму́* (11), *тряску́* (4), *пяску́* (4), *нясу́* (2), *вязу́т*, *пъвязу́*, *в лясу́* (2), *пирьдяру́т*, *ъбдяру́т* (2), *сямѝу́*, *ътвярну́вшы*, *пяку́*, *свярну́ццы*, *пъчяму́*, *ня ну́жын*, *ня бу́ду*, *ня бу́дет*; *жану́*; перед мягк.: *яю́* (6), *нъвярьху́*; *жаню́ся*;

[е] перед тв.: *ему́* (4), *черни́лу*, *сестру́*, *верну́лси*, *несу́* (2), *уберу́ся*, *деру́т*, *без му́жа*, *не бу́ду*, *не бу́дет*, а также *метпу́нк* (4); перед мягк.: *ею́* (8), *велю́*;

[и] перед тв.: *иму́*, *йиму́*.

Звуки [а] и [е] акустически достаточно близки, часто произносятся трудно различимые на слух промежуточные варианты [а^{е}], [е^{а}]. Далее при подсчетах звуки [а]/[е] объединены в условном варианте типа «а» и противопоставлены [и] («не а»). В идиолекте ЛИД независимо от твердости/мягкости последующего согласного перед ударным /у/ практически без исключений произносится [а]/[е], а перед ударным /е/ — [и]. Перед ударными /а/, /о/, /и/ перед твердыми согласными [а]/[е] встречается чаще, чем перед мягкими, при этом особенно высок процент [а]/[е] перед ударным /а/ (98 %). Наиболее заметна зависимость от качества последующего согласного перед ударным /о/: здесь перед твердым согласным [а]/[е] употребляются в 78 % случаев, а перед мягким — только в 35 %. Перед ударными /а/ и /и/ перед мягкими согласными преобладает [а]/[е] (66 и 59 %), см. Таблицу 2.

После шипящих [и] фиксируется только перед ударным /е/: *жыле́знъй*, *жыле́зъчку* (4), в остальных позициях — [а]: *жана́*, *жани́фшы*, *шасто́й* и др. (16 примеров) — и [е]: *шэссо́т*, *жэсто́къя* и др. (6 примеров).

Таблица 2

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от гласного под ударением и от твердости/мягкости последующего согласного у ЛИД

Позиция	Перед /а́/		Перед /е́/		Перед /о́/		Перед /и́/		Перед /у́/	
	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.
[а]/[е]	101 (98%)	25 (66%)	—	1 (1%)	91 (78%)	18 (35%)	17 (74%)	16 (59%)	55 (96%)	17(100 %)
[и]	2 (2%)	13 (34%)	4 (100%)	67 (99%)	25 (22%)	33 (65%)	6 (26%)	11 (41%)	2 (4%)	—
Всего	103	38	4	68	116	51	23	27	57	17

3.2. Идиолект АМС. Материал. Перед ударной /а/: [а] перед тв.: *дяла́* (4), *Алякса́ндра* (2), *въсямна́цътува*, *пиринъчява́ть*, *пирьвязла́*, *даяда́ли*, *сикрята́рь*, *пиряса́жывъла*, *ляжа́ть*, *ляжа́нка*, *ляжа́нки*, *ляжа́нъчку*, *ня зна́ю*, *ня зна́им* (2); *жана́*; *перед мягк.: тяля́тъм* (3), *тяля́т, вмясьтя́х* (2), *дяля́нку* (2), *тябя́* (2), *маня́, пъяж'жя́й*, *Нача́йиф*, *дяв́ятъм*;

[е] перед тв.: *держа́ли* (4), *держа́ла* (4), *фчера́ся* (2), *фчера́сь* (3), *фчера́*, *Алекса́ндра* (2), *лежа́нки* (2), *лежа́нку*, *въсемна́цътува*, *тетра́ткъ*, *сенца́*, *пъмерла́*, *бес па́спърта* (2), *не зна́ю* (7); перед мягк.: *уйеж'жя́ити* (2), *прийеж'жя́ют* (3), *теля́там*, *меня́* (5), *вмесьтя́х*, *ребя́ты*;

[и] перед тв.: *Аликса́ндра*, *асимина́търу*; перед мягк.: *пися́т* (8), *тиля́тъм*, *сича́с*.

Перед ударной /е/: [и] перед мягк.: *типе́рь* (9), *сибе́* (3), *дите́й* (3), *дире́вня* (3), *дире́вней*, *дире́вни*, *пътипле́й*, *висиле́я*, *пъне*^{и}*де́льник*, *ище́*, *ни не́мцы*.

Перед ударной /о/: [а] перед тв.: *пиряшо́л* (2), *пирянло́тиш*, *сяво́ни*, *дяфчо́нки*, *фсяво́*, *Яго́р*, *ръскряжо́фку*, *чяво́-тъ*, *кой-чяво́*, *ня хо́чит*, *ня по́мню* (3); *тижало́*, *жано́й*, *шасто́й* (2); перед мягк.: *чятьвёртый* (3), *сядьмо́й* (3), *привязёти*, *привязёт*, *снясёш*, *сядьмо́въ*;

[е] перед тв.: *чево́* (13), *ничево́* (3), *зерно́* (2), *нево́*, *йево́*, *сео́ни*, *сео́не*, *тепло́*, *фсево́*, *фсе*^{о}*во́*, *свекро́вушки*, *ево́шнъм*; перед мягк.: *ещё*, *семьёй*, *деньжо́нки*, *не бо́йтиси* (2);

[и] перед тв.: *чиво́*, *тилифо́н*, *нимно́гъ*; перед мягк.: *тилёнъчик*, *ищё* (6).

Перед ударной /и/: [а] перед тв.: *прибяжы́т* (2), *бяжы́т*, *сямйи́*, *пиривязли́*, *ня бо́йтись*; перед мягк.: *стрями́лися* (2), *пиряки́нула*, *дяли́шычки*, *ня йти́ть*; *жани́лися*;

[е] перед тв.: *четы́рнъцътъвъ*, *сестри́цъ, семйи́*;

[и] перед тв.: *читы́ри*; перед мягк.: *тиливи́зиру*, *Дини́сынька* (3).

Перед ударной /у/: [а] перед тв.: *в лясу́* (5), *яму*, *ня бу́ду*, *ня бу́иш*; перед мягк.: *яю́*;

[е] перед тв.: *в лесу́*, *ему́*, *верну́лъсь*, *нъберу́т*, *пъчему́*, *не бу́ду*;

[и] перед тв.: *Са́н-Питирбу́рги*; перед мягк.: *ею́*.

В идиолекте АМС наблюдается преобладание [а]/[е] (более 50 %) перед всеми ударными гласными, кроме /е/. Практически без исключений произносится [а]/[е] перед ударными /а/ и /у/, а перед ударным /е/ – всегда [и]. Перед ударными /о/ и /и/ перед мягкими согласными процент [а]/[е] несколько ниже, чем в других позициях, см. Таблицу 3.

После шипящих не перед ударным /е/ зафиксирован только вариант [а] (6 примеров): *тижало́*, *жана́*; примеров /о/ и /е/ перед ударным /е/ не встретилось, но есть пример реализации /а/ в [и] в этой позиции: *сыжыле́ли* (2).

Таблица 3

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от гласного под ударением и от твердости/мягкости последующего согласного у АМС

Позиция	Перед /а́/		Перед /е́/		Перед /о́/		Перед /и́/		Перед /у́/	
	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.
[а]/[е]	53 (96%)	27 (90%)	—	44 (94%)	15 (68%)	9 (90%)	6 (55%)	14 (93%)	2 (100%)	53 (96%)
[и]	2 (4%)	3 (10%)	—	26 (100%)	3 (6%)	7 (32%)	1 (10%)	5 (45%)	1 (7%)	2 (4%)
Всего	55	30		26	47	22	10	11	15	55

3.3. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Култуковского типа у ЛИД и АМС. Деревня Ситниково, в которой родились ЛИД и АМС, находится в нескольких километрах от обследованной Т. Н. Кирилловой д. Яконово. Распределение вариантов у АМС и ЛИД близко к системе ассимилятивно-диссимилятивного яканья Култуковского типа, описанной в [Кириллова 1975]. Таблица 4, в которой не учитывается зависимость от твердости/мягкости последующего согласного, еще более наглядно иллюстрирует эту систему.

Таблица 4

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от гласного под ударением у ЛИД и АМС независимо от твердости/мягкости последующего согласного

Позиция	Перед /а́/		Перед /е́/		Перед /о́/		Перед /и́/		Перед /у́/	
Инф-т	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС
[а]/[е]	87 %	93 %	1 %	—	65 %	86 %	66 %	71 %	97 %	99 %
[и]	13 %	7 %	99 %	100 %	35 %	14 %	34 %	29 %	3 %	1 %

Реализация фонемы /а/ также зависит от гласного под ударением: перед ударным /е/ отмечен только [и], см. Таблицу 5.

Таблица 5

Зависимость /а/ в первом предударном слоге от гласного под ударением у ЛИД и АМС независимо от твердости/мягкости последующего согласного

Позиция	Перед /а́/		Перед /е́/		Перед /о́/		Перед /и́/		Перед /у́/	
Инф-т	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС
[а]/[е]	83 %	—	—	—	100 %	100 %	67 %	75 %	100 %	100 %
[и]	7 %	—	100 %	100 %	—	—	33 %	25 %	—	—

Некоторая зависимость от характера последующего согласного (без учета позиции перед /е/) в идиолектах ЛИД и АМС также просматривается: перед твердыми согласными выбирается [а]/[е] в 88–94 % случаев, перед мягкими согласными процент [а]/[е] несколько ниже (57–77 %). Однако и здесь вариант «а» преобладает, то есть тенденция к умеренности выражена достаточно слабо (особенно у АМС), см. Таблицу 6.

Таблица 6

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от твердости/мягкости последующего согласного без учета позиции перед ударной /е/

Позиция	Перед тв.		Перед мягк.	
Инф-т	ЛИД	АМС	ЛИД	АМС
[а]/[е]	264 (88 %)	120 (94 %)	76 (57 %)	50 (77 %)
[и]	35 (12 %)	7 (6 %)	57 (43 %)	15 (23 %)
Всего	299	127	133	65

3.4. Идиолект ЗИР. Материал. Перед ударной /а/: [а] перед тв.: *адява́ть*; *жавла́к*;

[е] перед тв.: *привезла́* (4), *лежа́нку* (4), *лежа́т* (2), *дьвена́цыть* (2), *Ленгра́т*, *вела́*, *напекла́*, *въсемна́цътиквартúрных*, *пъмерlа́*, *чеса́лъх*, *ръщепа́ть*, *напрема́я*, *пеха́ют*, *ътреза́ют*, *сестра́*, *приежжа́л*, *не зна́ю* (13), *не на́дъ* (4), *не тка́lа*, *не па́хнит*, *не наплева́ть*; *кружэва́* (2); перед мягк.: *себя́* (2), *шыэся́т*, *ребя́та*;

[и] перед тв.: *диржа́ли* (4), *унисlа́*, *двухыта́жныи*, *адно́ита́жный*, *зъдиржа́лъся*, *плимя́нники*, *пиха́ют*, *нипра́вильнъ* (2), *ни тка́лъ* (2), *ни на́литъ, ни зна́ю*; перед мягк.: *миня́* (24), *тибя́* (2), *пидьдися́т* (2), *сича́, ъбища́лися, ътмиря́ют*.

Перед ударной /е/: [а] перед мягк.: *дяре́вни* (3);

[е] перед мягк.: *тебе́* (3), *не де́лъ* (2);

[и] перед тв.: *пътипле́йе*; перед мягк.: *типе́рь* (18), *тибе́* (6), *сибе́* (2), *дире́вни* (3), *дире́вня*, *дириве́нь*, *ве́шъла*, *ни ве́шаю*, *бире́сты*, *визьде́*; *жыле́зныи* (2).

Перед ударной /о/: [а] перед тв.: *тижало́*; перед мягк.: *ляпёшэк, ляпёшки*;

[е] перед тв.: *Йего́рий* (2), *Йего́рия* (4), *йево́* (2), *весно́й*, *фсево́*, *кълен-ко́ръвыйи*, *стекло́м*, *далеко́*, *delо́в*, *челно́к*, *Трелко́вы*, *майево́*, *не по́мню*; перед мягк.: *лепёшки* (3), *ничево́* (3), *телёнушка*, *наверёх*, *ве^{и}зёт*;

[и] перед тв.: *ниво́* (2), *чиво́* (2), *дишо́выйе* (2), *чилно́к* (2), *дифчёнки* (2), *дифчёнък*, *тилифо́н*, *тилифо́нный*, *ни то́лькъ* (2), *ни хо́чеш*; *шысто́въ*; перед мягк.: *ищё* (9), *навирёх* (6), *ийо́* (2), *у нийо́*, *скатирётка* (2), *читьвёртъвъ*, *читьвёртъм*, *на вирёф…*, *убирёш*, *бирёт*, *абдирёццъ*, *снисёт*, *абдирём*.

Перед ударной /и/: [е] перед тв.: *привезли́*, *семйи́*; перед мягк.: *тельви́зър*;

[и] перед тв.: *читы́ри* (3), *читы́рнъцъти*, *иликтри́чиския*, *иликтри́чиский*, *биз ды́му*, *ни вы́нъшыный*, *ни с ни́тък*; перед мягк.: *Катири́нъ* (2), *тиливи́зър* (2), *бири́ти*, *фпириди́*, *пирибили*.

Перед ударной /у/: [е] перед тв.: *свезу́*, *бегу́н*, *лежу́*; перед мягк.: *нъверьху́* (2);

[и] перед тв.: *чиму́* (2), *пръпихну́т*; перед мягк.: *адию́ццъ*, *ни ви́жю*.

У ЗИР вариант [и] преобладает (78–100 %) во всех позициях, кроме следующих: позиция перед ударным /а/ перед твердым согласным (71 % [е]/[а]), перед ударным /о/ перед твердым согласным (53 % [е]/[а]); перед ударным /у/ независимо от твердости/мягкости согласного зафиксировано одинаковое количество реализаций [и] и [е]/[а] (50 %), см. Таблицу 7. После шипящих произносится [а]: *жавла́к*, *тижало́*; зафиксировано также [и] перед ударным [е]: *жыле́зный* — и [о]: *шысто́въ*.

Таблица 7

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от гласного под ударением и от твердости/мягкости последующего согласного у ЗИР

Позиция	Перед /а́/		Перед /е́/		Перед /о́/		Перед /и́/		Перед /у́/	
	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.	Тв.	Мягк.
[а]/[е]	40 (71 %)	4 (11 %)	—	8 (18 %)	19 (53 %)	11 (28 %)	2 (18 %)	1 (13 %)	3 (50 %)	2 (50 %)
[и]	16 (29 %)	31 (89 %)	1 (100%)	37 (82 %)	17 (47 %)	28 (78 %)	9 (82 %)	7 (87 %)	3 (50 %)	2 (50 %)
Всего	56	35	1	45	36	39	11	8	6	4

Если не учитывать характер последующего согласного, получается, что у ЗИР [а]/[е] несколько чаще произносятся перед ударными /а/, /у/ и /о/ (40–50 %), перед ударными /е/ и /и/ процент [а]/[е] всего 16–17 %, см. Таблицу 8.

Таблица 8

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от гласного под ударением у ЗИР независимо от твердости/мягкости последующего согласного

	Перед /á/	Перед /é/	Перед /ó/	Перед /и́/	Перед /у́/
[е]/[а]	48 %	17 %	40 %	16 %	50 %
[и]	52 %	83 %	60 %	84 %	50 %

Количество употреблений фонемы /а/ в данной позиции очень небольшое (всего 23 случая), однако и этот материал показывает преобладание варианта [е]/[а] перед ударными /а/ и /у/, позиций перед /о/ не встретилось, см. Таблицу 9.

Таблица 9

Зависимость /а/ в первом предударном слоге от гласного под ударением у ЗИР независимо от твердости/мягкости последующего согласного

	Перед /á/	Перед /é/	Перед /ó/	Перед /и́/	Перед /у́/
[е]/[а]	100 %	20 %	—	—	67 %
[и]	—	80 %	—	100 %	33 %

Более отчетливо, чем у ЛИД и АМС, в идиолекте ЗИР выявляется тенденция к умеренности: перед мягким согласным в 80 % случаев употребляется [и], см. Таблицу 10. Перед твердыми согласными незначительное преобладание [е]/[а] (58 %), преимущественно за счет позиций перед ударными /а/ и /о/, см. Таблицу 7.

Таблица 10

Зависимость /е/, /о/ в первом предударном слоге от твердости/мягкости последующего согласного у ЗИР

	Перед тв.	**Перед мягк.**
[е]/[а]	64 (58 %)	26 (20 %)
[и]	46 (42 %)	105 (80 %)
Всего	110	131

4. Выводы

Проведенный количественный анализ показывает, что яканье достаточно последовательно сохраняется в идиолектах ЛИД и АМС, в идиолекте ЗИР яканье в значительной степени разрушено. Ни ассимилятивно-умеренного яканья, ни ассимилятивно-диссимилятивного яканья Култуковского

типа в чистом виде ни в одном идиолекте не обнаруживается. Однако во всех трех идиолектах есть тенденция к умеренности, более отчетливо выраженная в идиолекте ЗИР. У всех информантов обнаруживаются ассимилятивно-диссимилятивные черты: предпочтительными позициями для [а]/[е] оказываются позиции перед ударными /а/ и /у/ (у ЗИР перед /а/ только в позиции перед твердым согласным). По характеру зависимости от гласного под ударением различаются идиолекты ЛИД и АМС, с одной стороны, и ЗИР — с другой. У ЛИД и АМС вариант [а]/[е] предпочитается перед всеми гласными, кроме ударной /е/ (то есть система очень близка к ассимилятивно-диссимилятивному яканью Култуковского типа). У ЗИР эта позиция как строго предпочтительная для [и] не выделяется.

Вместе с тем в говоре обнаружены статистические различия между реализациями фонем /е/, /о/, с одной стороны, и /а/ — с другой (последняя чаще, чем /е/, /о/, реализуется как [а]), что свидетельствует о частичном различении этих фонем.

II. Возвратная частица *-ся* в лужниковском говоре

1. Возвратная частица в говоре д. Лужниково описывается на материале аудиозаписей речи ЛИД (85 мин), двух записей АМС (общей длительностью 84 мин), ЗИР (51 мин). Всего проанализировано 213 глагольных форм.

Возвратная частица в говоре представлена большим количеством вариантов, которые различаются твердостью или мягкостью согласного, качеством гласного в составе частицы, а также характером ассимилятивных процессов между конечным согласным глагольной формы и частицы. Выбор варианта зависит от фонетической позиции (после гласного или согласного глагольной формы), отмечаются также различия в идиолектах отдельных информантов. В целом картина функционирования в лужниковском говоре возвратной частицы укладывается в систему, описанную для говоров восточной части северо-западной диалектной зоны. Согласно материалам ДАРЯ, в этих говорах наблюдается сосуществование вариантов [с’а], [с’и], [сы], [са], [с’], [ца] и [цы] [ДАРЯ II, карты 104–108]. Отмечается, что параллельное употребление возвратной частицы с гласными [а] и [и] — характерная черта говоров северо-западной зоны [Образование 1970: 113–116]. Кроме того, в говоре есть некоторые особенности, которые не встречаются нигде, кроме небольших ареалов в пределах селигеро-торжковских говоров, например форма 2 ед. с завершителем [с’т’и] [Там же: 115, 118].

2. Слоговой и неслоговой варианты возвратной частицы после гласных. После гласных в говоре Лужникова, как и в большинстве русских говоров, возможны слоговой и неслоговой варианты: *вернýлись* и *вернýлися*/*си.* Соотношение слогового и неслогового вариантов примерно одинаково у ЛИД (с легким преобладанием слогового варианта), у АМС преоб-

ладает неслоговой вариант, у ЗИР — слоговой, см. Таблицу 1. При этом все три идиолекта объединяет довольно высокий процент «диалектных» слоговых форм.

Таблица 1

Слоговой и неслоговой варианты возвратной частицы после гласных

	Слоговой	Неслоговой	Всего
ЛИД	21	20	41
АМС	18	22	40
ЗИР	14	9	23

Неслоговой вариант частицы после гласных у всех информантов представлен с мягким согласным [с’]: **1 ед.** *ни каса́юсь* АМС; *баю́сь*, *ъбижа́юсь*, *ътпрашу́сь* ЛИД; **прош. ж.** *учи́лысь*, *верну́лысь*, *ко́нчилъсь* (2), *ръдила́сь* (2) АМС; *учи́лъсь*, *начяла́сь*, *радила́сь* (2), *му́чилъсь* (2), *ко́нчилысь*, *баялъсь*, *въраті́лъсь*, *познако́милъсь* ЛИД; *ба́lъвъlъсь*, *ръдиlа́сь*, *испуга́лъсь*, *забра́лъсь* ЗИР; **прош. ср.** *ко́нчилъсь*, *нъзыва́лъсь*, *щита́лъсь*, *пъдабра́лысь* АМС; *дъстава́лъсь* ЛИД; *хатélъсь*, *называ́лъсь*, *ъказа́лъсь*, *пънра́вилъсь* ЗИР; **прош. мн.** *пагрéлизь бы*, *ръзашли́сь*, *скапи́лись*, *ъстава́лись*, *пастро́ились*, *пъяви́лись*, *съглаша́лись* (2) АМС; *жа́лъвълись*, *пънзако́мились* (2), *баялись*, *по́льзывълись* ЛИД; *ста́вились*, *фстрéтились* ЗИР; **имп.** *ня бо́йтись*, *приса́жываитись*, *сади́сь* АМС; *свёнти́сь* ЛИД; *сади́сь* ЗИР.

Таблица 2

Характер возвратной частицы в разных глагольных формах

	[с’а]	[с’и]	[с’]
1 ед.	4	1	4
1 мн.	—	3	—
прош. ж.	18	2	20
прош. ср.	2	—	9
прош. мн.	19	5	15
имп. ед.	—	—	3
имп. мн.	1	1	2

3. Формы инфинитива и 3 л. наст. вр. В формах инфинитива и 3 л. презенса произносится [а], [ъ] или [ы], при этом у АМС и ЗИР преобладают варианты [а] и [ъ], у ЛИД — [ы] и [ъ]. У АМС и ЗИР наблюдается тенденция употребления в формах инфинитива только частицы с гласным

[а]/[ъ] (14 примеров), в формах 3 л. преобладает также [а]/[ъ] (33 примера), но в редких случаях возможен также [ы] (8 примеров); у ЛИД вариант с [ы] преобладает во всех формах.

АМС: **3 ед.** *атно́сицца*, *начнёцца*, *нъзыва́ицца* (5), *нъзыва́йеццъ*, *взгля́ницца*, *пагре́йиццъ*, *те́лиццъ* (2), *у́чиццъ*, *бо́риццъ*, *прасти́ццъ*, *вы́лижыццы*, *дярёцца*, *дирёцца*; **3 мн.** *свя́жуццы/ъ*, *пагре́юццъ*, *де́лъюццы*, *пръдаю́цца*, *уберу́ццъ*, *стано́вюццъ*; **инф.** *учи́цца* (4), *нъкланя́цца*, *памы́цца*, *ръзмнажа́цца*, *выле́жывъццъ*, *улажы́ццъ*, *нъдрыва́ццъ*;

ЛИД: **3 ед.** *ру́шыццы*, *даста́ниццы* (2), *притваря́ицы* (2), *вы́въличцы*, *валя́ицы*, *ъстаёцы*, *збива́ицы*, *пъпада́ицы* (2), *стучи́ццъ* (2), *прихо́диццъ*, *смяёццъ*; **3 мн.** *лама́юцы*, *вы́спюцы*, *свярну́цы*, *любу́юцы*, *абва́люцца*, *аста́нуцца*; **инф.** *свя́зывъцы*, *удержа́цы-тъ*, *притваря́ццъ*;

ЗИР: **3 ед.** *нъзыва́ицы* (2), *че́шыцы*, *ъпуска́ицъ/ы*, *хвата́йицы*, *даёца*, *ахо́тицъ*, *даста́ниццъ*, *пъдним́аицъ*, *хочицъ* (2), *нъзыва́ицъ* (3); **3 мн.** *кася́ццъ*, *папра́вюццъ*, *ахо́тюцц*ъ, *пъдним́аюццъ*; **инф.** *запи́сывъцца*, *валя́ццъ*, *трепа́ццъ*.

4. Формы м. ед. прош. времени. Только в формах м. ед. прош. и в одном случае в форме 2 ед. наст. (см. ниже) отмечены варианты с твердым согласным возвратной частицы, причем не у всех информантов. Варианты только с твердым согласным [сы] в форме м. ед. прош. употребляются в идиолекте ЛИД (10 случаев): *смея́лсы*, *призна́лсы*, *разьби́лсы*, *фстре́тилсы*, *ъстънави́лсы*, *верну́лсы*, *аста́лсы* (3), *аказа́лсы*; один пример с частицей [са] зафиксирован у ЗИР: *учи́лса* (наряду с *учи́лся*). Об отвердении согласного частицы в положении после *л* в говорах северо-западной зоны см.: [Образование 1970: 112]. У АМС в этой позиции употребляются [с’а] и, реже, [с’и]: *ръшшата́лси*, *гна́лси*, *нъзыва́лся* (2), *аста́лся*, *нару́шылся* АМС.

5. Форма 2 ед. наст. вр. В формах 2 ед. презенса в говоре отмечается регрессивная ассимиляция согласного *ш* по месту образования последующему согласному *с* возвратной частицы. В [Там же: 115] для этой зоны указаны варианты возвратной частицы в формах презенса 2 ед. [шс’и], [с’с’и], [с’т’и]. В говоре Лужникова отмечены [с’с’и], [с’с’а], [шс^{ш}ы], [шс’а], [с’т’и] (всего зафиксировано 13 примеров).

В нашем материале преобладает вариант [с’с’и]: *нъгре́йисси*, *насмо́трисси* (2), *wло́жысси*, *спу́сьтисси* АМС; *стано́висси*, *смиёсси*, *падни́мисси* ЗИР; реже произносится [с’с’а]: *наслу́шысся* АМС; *гато́висся* ЗИР.

Выделяется также и в этой позиции идиолект ЛИД. Только у ЛИД встретилась форма [с’т’и] с расподоблением [с’с’] > [с’т’], характерная для вышневолоцких диалектов: *сади́сти* — и форма [шс^{ш}ы]: *ни устро́и*[шс^{ш}ы]. Кроме того, видимо, под влиянием литературного языка, в передаче речи врача отмечен вариант [шс’а]: *а пато́м, — гъвари́т, — е́сли бу́дит… е́сли ни папра́ви**шся**, то мы́ вот че́рись три дня́ прие́дим к ва́м сюда́*.

6. Формы имп., ж., ср., мн. прош. и 1 ед. и мн. наст. вр. Слоговая возвратная частица в формах имп., ж., ср., мн. прош. и 1 ед. и мн. наст. представлена вариантами [с'а] и [с'и]. Наиболее частотный вариант у всех информантов [с'а] (44 случая), он обнаруживается во всех глагольных формах, кроме 1 мн. (возможно, это объясняется ограниченностью материала).

Вариант [с'и] встретился в 12 случаях. При этом наблюдается тенденция более частого употребления [с'и] в формах мн. ч. (по сравнению с другими глагольными формами) у информантов, рожденных в д. Ситниково: **1 мн.** *баи́мси*, *увидимси* (2); **прош. мн.** *жани́лиси*, *старали́си*; имп. *ни бо́йтиси* АМС; **прош. мн.** *ръдили́си*, *ръзвали́лиси*, *бая́лиси* ЛИД.

В рассмотренных фрагментах расшифровки представлены следующие слоговые формы:

1 ед. *пънъкланя́юси* АМС; *пове́ртываюся*, *притваря́юся*, *жаню́ся* ЛИД; *нъкланю́ся* ЗИР; **1 мн.** *баи́мси*, *уви́димси* (2) АМС; **прош. ж.** *щита́лъся*, *ръдила́ся*, *ръсхади́лыся*, *учи́лъся* АМС; *оста́лася*, *съгласи́лъся*, *учи́лъся* (2), *заду́мълыся*, *ка́йилъся*, *въраті́лъся*, *стънави́лъся*, *пръстуди́лъся* ЛИД; *учи́лъси*, *каса́ласи*, *учи́лъся*, *лажы́лъся*, *ъстънави́лъся*, *нъзыва́лъся*, *зъдиржа́лъся* ЗИР; **прош. ср.** *пришло́ся* АМС; *стира́лыся* ЗИР; **прош. мн.** *жани́лиси*, *стара́лиси*, *капшы́лися*, *зънима́лися*, *пъяви́лися*, *стрямилися* (2), *би́лися* (2), *нъзыва́лися* АМС; *ръдили́си*, *ръзвали́лиси*, *бая́лиси*, *учи́лися* (2), *разбива́лися*, *меня́лися*, *называ́лися*, *дажжа́лися* ЛИД; *гато́вилися*, *занима́лися*, *згарбатилися*, *ради́лися*, *ръсчи́хълися* ЗИР; **имп.** *ни бо́йтиси*, *ня бо́йтися* АМС.

7. Зависимость гласного возвратной частицы от конечного гласного/согласного глагольной формы, предшествующей частице. Наибольшим разнообразием вариантов глагольной частицы отличается идиолект ЛИД: вариант [с'а] представлен в 1 ед. *пове́ртываюся*, *притваря́юся*, *жаню́ся*, прош. ж. *оста́лася, съгласи́лъся, учи́лъся* (2), *заду́мълыся*, *ка́йилъся*, *въраті́лъся*, *стънави́лъся*, *пръстуди́лъся*, прош. мн. *учи́лися* (2), *разбива́лися*, *меня́лися*, *называ́лися*, *дажжа́лися.* Вариант [си] наряду с [с'а] встречается в прош. мн.: *ръдили́си*, *ръзвали́лиси*, *бая́лиси*. Вариант [сы] встречается только в прош. м. (см. п. 4): *смея́лсы*, *фстре́тилсы*, *верну́лсы аста́лсы* (3), *аказа́лсы*, *ъстънави́лсы*, *разьби́лсы*, *призна́лсы*; в инф. и 3 л. ед. и мн. — преимущественно [ццы], во 2 ед. наст. вр. — [с'т'и], [шс^{ш}ы], [шс'а].

Если обобщить все вышесказанное, выявляется зависимость гласного глагольной частицы не столько от глагольной формы, сколько от того, заканчивается ли эта глагольная форма на гласный или согласный звук. Наиболее стройная система наблюдается у ЛИД: после согласных (в формах прош. м. ед., 2 ед. наст., 3 ед. и. мн. наст. и инф.) преобладает /и/; после гласных — /а/ (кроме форм прош. мн., где возможно /и/ и /а/). У АМС и ЗИР эта система в большой степени разрушена, наблюдается экспансия [а] во всех формах, кроме 2 ед. наст., см. Таблицу 3. Намечено противопоставление форм ед. и мн. ч. в прош. вр. и имп. у ЛИД и АМС.

Таблица 3

/а/ и /и/ в формах возвратной частицы у разных информантов

	Прош. м. ед.	2 ед. наст.	3 наст. и инф.	Остальные формы
	После согласного			После гласного
ЛИД	*-лсы*	*-сти* *-шсы* *-шся*	*-ццы* (17) *-цца* (7)	*-ся* (18) *-си* (3, только в прош. мн.)
АМС, ЗИР	*-лся* (5) *-лси* (2) *-лса* (1)	*-сси* (8) *-сся* (2)	*-цца*/*-ццъ* (43) *-ццы* (8)	*-ся* (26) *-си* (8)

III. Перфектные конструкции в лужниковском говоре

Селигеро-торжковские говоры отличаются особым набором морфолого-диатезных типов перфектных конструкций. Наибольшее разнообразие их свойственно западной части говоров, где сохраняется система старых типов перфектных конструкций (со строгой зависимостью залоговой формы причастия прошедшего времени в составе перфектной формы от переходности глагола и строгой зависимостью типа диатезы от залоговой формы предиката: *он был приехавши* ‘он приехал’; *у него изба была построена* ‘он построил избу’) и в полной мере присутствуют свойственные этой группе говоров инновационные типы, в которых эти зависимости нарушены.

Главной селигеро-торжковской инновацией считается распространение *ш*-причастий в перфектных конструкциях с предикатами — переходными глаголами: *у него изба была построивши* ‘он построил избу’ — и вытеснение из этой позиции *н*/*т*-причастий [Кузьмина, Немченко 1971: 128–188; Трубинский 1983: 217]. При этом развиваются два типа инновационных перфектных конструкций: с сохранением пассивной диатезы, как в приведенном примере, и с падежным маркированием субъекта и объекта, характерным для активной диатезы: *он был избу построивши* ‘он построил избу’. Этим селигеро-торжковские инновации не ограничиваются. Параллельно с возможностью употребления в перфектных конструкциях *ш*-причастий от переходных глаголов в этих говорах развивается, хотя и не столь значительно, возможность выражения субъекта сочетанием «предлог *у* + Р. п.» при предикатах — непереходных глаголах (что характерно для пассивной диатезы): *у змеи ползши* ‘змея ползла’, ср. более употребительный тип *змея была выползши* ‘змея выползла’. Таким образом из элементов системы со строгим распределением морфологических и синтаксических средств выражения перфекта в селигеро-торжковских говорах сформировалась система с синонимией перфектных конструкций разного устройства. По всей вероятности, варьирующие конструкции в действительности являются квазисинонимичными, различаясь тонкими оттенками значения.

По мнению И. Б. Кузьминой и В. И. Трубинского, опиравшихся на материал ДАРЯ, экспедиций 1950–1980-х гг. и литературу предшествующего периода, перфектные конструкции в русских говорах стремительно развивались в их современные типы в самое последнее время — в XIX–XX вв. Вместе с тем активное изучение этих конструкций приходится на тот же отрезок времени. Действительно, недавно полученные данные позволяют говорить о том, что в некоторых диалектных ареалах, а именно в псковских говорах окрестностей Опочки, в послевоенный период распространяется «мода» на употребление в составе перфектных конструкций усеченных несогласованных форм *н*/*т*-причастий: *трава скошен*, *окно открыт*, *было освобождён* и под.: в речи женщины 1939 г. р. зафиксированы почти исключительно такие формы, в то время как в речи лиц конца 1920-х — самого начала 1930-х гг. р. варьируют согласованные и несогласованные, усеченные и неусеченные формы *н*/*т*-причастий [Дьяченко и др. 2020]. Вместе с тем данные И. Б. Кузьминой и В. И. Трубинского свидетельствуют о том, что усеченные несогласованные формы в обширном и компактном ареале северо-западных говоров существовали по крайней мере в XIX в. Возникнув и распространившись в среде псковских, новгородских и западных тверских говоров предположительно под прибалтийско-финским влиянием [Аркадьев, Вимер 2018: 48], несогласованные с подлежащим формы причастий, а также конструкция «*у* + Р. п.» со значением субъекта не проникли в севернобелорусские говоры, иначе говоря, «не пересекли границы» Псковской и Витебской губерний (ранее бывшей границей России и Польши), см. [ДАРЯ III, ч. 2, карты 2, 3]. Распространение (не возникновение) этих конструкций, таким образом, можно связывать с тем периодом, когда названная политическая граница была особенно актуальна (XVI–XVIII вв.).

В настоящей работе приводятся данные по перфектным конструкциям, образованию и синтаксическим функциям причастий прошедшего времени в западном селигеро-торжковском говоре деревень Лужнико́во, Си́тниково, Осове́ц и Емелья́нова Го́рка бывшего Лужниковского сельсовета Вышневолоцкого р-на Тверской области. Использованы записи речи АМС 1932 г. р., ЛИД 1933 г. р., ЗИР 1941 г. р. и ЛВК 1952 г. р. (см. выше предисловие к описанию говора). В записях общей продолжительностью приблизительно 5 часов было зафиксировано около 140 форм причастий прошедшего времени. Часть расшифровок выполнена в фонетической транскрипции, часть — в стандартной орфографии; эти особенности расшифровок в настоящей работе сохранены всюду, кроме разделов, посвященных образованию форм причастий, где примеры представлены только в фонетической транскрипции. Употребление перфектных конструкций во всех четырех идиолектах одинаково.

Семантики перфектных форм мы в этой работе касаемся лишь вскользь, в связи с характеристикой обстоятельств места и времени при предикатах в перфекте. Отчасти этот недостаток искупается полным приведением мате-

риала, что дает возможность увидеть лексическую базу перфектных форм в говоре и контекстные условия их употребления.

1. Образование причастий прошедшего времени: **суффиксы и ударение**. Действительные причастия большинства *С*-корневых глаголов образованы от основ *л*-причастий, или форм прош. времени, присоединением суффиксов *-ш-* или *-вш-* к основе без суффикса *-л-*. Присоединение этих суффиксов к основам на дентальные сопровождается не вполне стандартными фонетическими особенностями.

Твердый [ш] в суффиксе причастий выступает после корней на *р*, *к*: *пóмир**ш**ы* 2×, *ýмир**ш**ы* 2×, *напёк**ш**ы*, *привы́к**ш**ы* 2×, *намóк**ш**ы*. Твердый [ш] представлен и после *в* ([ф]) в составе алломорфа причастного суффикса *-вш-*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на гласный: *пастрóи**фш**ы*.

Если корень заканчивается на *с*, то имеет место ассимиляция в сочетании *сш* и мягкость получившегося кластера: *пр'ин'ó**ш':**и* (*-нес-ъш-*) ЛИД, *зарó**ш':**е* (*-рос-ъш-*) ЛВК; в *вы́пъл**ш**ы* ЛВК (*-пълз-ъш-*) смягчению, видимо, препятствует предшествующий *л*.

Глаголы с корнями на дентальный смычный *т*, *д* образуют «новые» формы *ш*-причастий — от основ *л*-причастий, оканчивающихся на гласный после отбрасывания суффикса *-л-*: *упá**фш**ы* 2×, *упá**фш**е*, *наклá**фш**ы*, *расцвё**фш**ы* (ср. *л*-причастия *пал-*, *клал-*, *цвъл-*, в которых *л* — результат упрощения сочетаний **тл*, **дл*). Однако глагол *идти* образует *ш*-причастия от претеритной основы (присутствующей и в *л*-причастии, но «затемненной» указанным выше упрощением **тл*, **дл*): *вы́шыт**с**ы* ЛИД, ЛВК, *пришóт**с**ы* ЛИД (< **-шьд-ъш-*), причем [с] < *ш* в суффиксе есть, видимо, результат ассимиляции согласному *д* по месту образования, см. интерпретацию этой формы в [Николаев 2005: 94–112]. Иное объяснение дается в учебных пособиях по русской диалектологии, например в [Касаткин 2005: 65].

Наконец, при образовании *ш*-причастий от глагола *-ехать* одни говорящие используют основу инфинитива/прошедшего времени, оканчивающуюся на гласный: *пр'ийéха**вш**ы* 3×, *пр'ийéха**вш**е* ЛВК, другие — специфическую «достроенную дентальным согласным» основу: *уйéхач'**ч'**и* 4× ЗИР, ЛИД, АМС, *пр'ийéхъч'**ч'**и* 2× АМС. Как и в случае основ на *с*, здесь происходит ассимиляция в сочетании *Тш* и смягчение всего кластера.

От основ инфинитива/прошедшего времени, оканчивающихся на гласные, *ш*-причастия образуются при помощи алломорфа ***-вш-***: *астáфшы* 4×, *пиряби́фшы*, *пакры́фшы*, *закры́фшы*, *разры́вшы*, *вы́пифшы*, *патпи́фшы*, *взя́фшы* 3×, *вдéфшы*, *адéфшы*; *атвярну́фшы*, *уснýфшы*, *загнýфшы*, *нътинýфшы*, *вы́кинуфшы* 2×; *назвáфшы* 2×, *набрáфшы* 2×, *набрáфше*, *взарвáфшы*, *скавáфшы*, *нъгарéфшы*, *фстáвифшы*, *атпрáвифшы*, *разрýшыфшы*, *пристрóифшы*, *пастрóифшы*, *афóрмифшы* 3×, *вы́пилифшы*, *вы́садифшы*, *вы́ключифшы*, *жани́фшы*, *нъгрузи́фшы*, *купи́фшы* 4×, *фключи́фшы*, *развали́фшы*, *завали́фшы*, *пусти́фше*, *пъкаси́фшы* 3×, *ради́фшы*, *нарадú фшы*, *нъматáфше*, *здéлафшы*, *разрéзъфшы*.

Большинство неизменяемых *ш*-причастий имеют конечный гласный суффикса [ы], гораздо реже встречается [е].

Ударение причастий повторяет ударение форм прош. времени м. рода: у глаголов с суффиксальной основой прош. времени акцентной парадигмы (а. п.) *a* ударение падает на корень, у глаголов а. п. *b* и *c* — на суффикс глагольной основы. У корневых глаголов обобщается накоренное ударение: а. п. *a* — *аста́фшы*, *пирябі́фшы*, *пакры́фшы*, а. п. *c* — *патпі́фшы*, *взя́фшы*, и только причастия от тематических глаголов с корнями на *р* а. п. *c* сохраняют начальное ударение, восходящее к ударению форм-энклиноменов: *по́миршы*, *у́миршы*.

У страдательных причастий суффиксы *-н-* и *-т-* распределены так же, как в литературном языке. Ударение полных и кратких форм, видимо, одинаково. У *V*-корневых глаголов различается ударение причастий а. п. *a* и *c*, ср. накоренное ударение словоформ: ср. *пакры́та*, ж. *аткры́та*, *перекры́т*, *разбі́т*, *обші́тые*, *наду́тые* (а. п. *a*), и ударение на приставке: *про́дан*, *про́даный*, ср. *про́дана*, ср. *при́нята* (а. п. *c*). Отмечено насуффиксальное ударение *C*-корневых и *пи*-глаголов а. п. *c*: *привезёно* 2×, *загну́тый*. У *н*-причастий *i*-глаголов а. п. *a*, *b* и *c* зафиксировано только накоренное ударение: *отпра́влен*, *разру́шена*, *кра́шеный*, *окра́шены*, *бро́шены*, ср. *пастро́ена* 2×; *около́ченые*, *ку́пленый* 2×, *ку́пленое*, тв. *ру́бленай*; ж. *пало́жына* 2×, *сло́жыная*, ср. *не до́ена*. Прочие формы *н*/*т*-причастий: ж. *зако́лота*; *вя́заны* 2×, ж. *падвя́зана*, *привя́зана*, ср. *прапа́хана* 4×, ср. *напі́сана*; *сло́маная* 2×, ж. *сде́лана*; ж. *зъплані́ръвънъ*, ср. *варо́ванае*.

2. Образование форм перфекта. Формы перфекта образуются при помощи вспомогательного глагола *быть* и причастий прошедшего времени, действительного или страдательного. Вспомогательный глагол *быть* в составе форм перфекта в прошедшем времени имеет формы рода и числа: м. *был*, ж. *была́*, ср. *бы́ла*, мн. *бы́ли* и в лужниковском говоре, как и во всех известных диалектных системах, согласован с синтаксическим подлежащим в роде и числе: подлежащее м. рода — *он был привы́кшы кузнецо́м*; *он в ызбы́ был принёщи*; ж. р. — *като́рая-то была́ вы́шетцы*; *О́линька была́ нъраді́фшы*; *была́ уе́хаччи же́нщинъ*; *wы на́с ызба́-та купі́фшы была́*; *две́рь-тъ аткры́та была́*; *стро́йкъ-та... была́ зъплані́ръвънъ*; *газе́тина... пало́жына была́ ф пълкамо́йнике*; ср. р. — *аде́фшы пальте́чка бы́ла*; мн. ч. — *бы́ли прийе́хъччи эти*; *со́сны бы́ли упа́фшы*; *бы́ли стёклы фста́вифшы, сьтёклы бы́ли фста́влины, кълабу́шки бы́ли напёкшы* (всего 19 примеров). В будущем времени глагол *быть* согласован с подлежащим в лице и числе: *коро́вы бу́дут не до́ено*, см. пример (48). В настоящем времени вспомогательный глагол имеет нулевую форму.

Пример (48) — единственный во всем материале, свидетельствующий о положении отрицательной частицы перед причастием в случае «ненулевой» формы вспомогательного глагола *быть*.

Вместе с тем имеется два примера ЗИР, в которых можно усматривать отсутствие согласования вспомогательного глагола с подлежащим, однако они допускают и другие интерпретации, в том числе и речевой сбой:

(1) *Э́ть у нас або́иф, у миня́ там або́иф, наве́рнъ, тако́й слой… або́иф. А чё, ра́ньшы ани́ па три́цът капе́ик сто́или, а у миня́ мале́нькъ дымо́к зъхади́л, у миня́ вот* ***бы́лъ*** *ис то́й избы́* ***труба́*** *вот та́к* ***пра-ло́жынъ*** *в э́ту и ф пе́чку* ЗИР;

(2) *Ну што́ ш, я винава́ть, как он тре́снул ы згаре́лъ вот э́та приста́фкъ-та? Вот, приста́фка згаре́лъ, ща́з бы… Хърашо́ пака́зывъит теливи́зър ат э́тъй таре́лки-тъ, хърашо́. А вот… был нъприже́нийе baIшо́йе, а у миня́ нигде́,* ***фсе бы́лъ вы́ключифшы ла́мпъчки****, я́ и ни ви́жу, и не зна́ю, и глежу́* ЗИР [*все было выключивши лампочки*].

В примере (1) можно видеть а) конструкцию с вспомогательным глаголом, не согласованным с подлежащим: *было труба проложена*, подобную формам плюсквамперфекта с несогласованным вспомогательным глаголом типа *трубу было проложили*, однако других подобных примеров в материале нет; б) безличную конструкцию с номинативом объекта: *было проложено труба*, но это был бы единственный релевантный пример такого рода во всем материале, ср. одно из возможных прочтений примера (2), где объект выражен И. или В.: *все было вы́ключивши ла́мпъчки*; в) *было* и *проложена(о)* являются самостоятельными предикатами: *было... труба проложена(о)* ‘у меня вот было так: из той избы труба вот так проложена(о)’. Пример (2) допускает те же синтаксические интерпретации, что и пример (1), кроме (в), учитывая положение *было* во фразе, соответствующее позиции энклитики.

Есть лишь два примера, где при отсутствии синтаксического подлежащего вспомогательный глагол употреблен в прошедшем времени. В одном из них он имеет форму ср. рода, при *т*-причастии (пример (3)), что соответствует конструкции безличного предложения. В другом (пример (4)) вспомогательный глагол имеет форму мн. числа, при *ш*-причастии от непереходного глагола, что соответствует конструкции неопределенно-личного предложения. Другие предложения без синтаксического подлежащего вспомогательного глагола прош. или буд. времени не содержат; определение морфосинтаксической конструкции в этих случаях часто неоднозначно, поскольку опирается только на контекст (см. примеры в разделах 4.1.2, 4.2.1.2, 4.2.2.2, 4.2.3).

(3) *А вот* ***бы́ла при́нита****, как… э́тъю… пра́зничек како́й, пра́зники... Мы ище ма́ленькие бы́ли, шоб пла́тьице к пра́знику но́вье шшы́ли* ЛИД;

(4) *Вот та́м, ну-к вот как итти́ в Лужнико́въ, там о́н-ка до́м-тъ то́же стайи́т. Там то́же с Пятри́лъвъ* ***прийе́хъччи бы́ли****, йим да́ли кварте́ру, оне́ здесь зъ тиля́тъм у нас хади́ли. А пато́м зани-*

ма́лися пи… винцо́м ане́. Ане́ бы́стра тут, пръдава́ли э́ти… ка́к он называ́ицъ, спиртя́гу-та. Вот сь… ни съхрани́ли свайу́ жысь АМС [Вот там, ну вот как идти в Лужниково, там вон дом-то тоже стоит. Там тоже — приехали из Петрилова, им дали квартиру, они тут ухаживали за телятами. А потом они занимались винцом, продавали, как он называется, спиртягу-то. Вот, не сохранили свою жизнь.]

Безличных перфектных конструкций с *ш*-причастиями от непереходных глаголов с выраженным вспомогательным глаголом типа *было приехатчи*, *было заросши*, *было жениви́ши* или от переходных глаголов, как в опочецких говорах [Дьяченко и др. 2020], в лужниковском материале не встретилось.

Действительные причастия, или *ш*-причастия, в составе перфектных форм являются неизменяемыми и оканчиваются на безударный [ы] или, реже, [е] (вероятно, [ы] — результат редукции /е/).

Страдательные причастия, или *н*/*т*-причастия, в формах перфекта всегда краткие, имеют формы рода и числа, однако формы ср. и ж. рода совпадают из-за редукции гласных в заударном положении.

Страдательные причастия могут быть согласованы или несогласованы с подлежащим. Несогласованные формы могут быть неусеченными, совпадающими с формами среднего рода: *пастро́ина*, и усеченными, совпадающими с формами м. рода: *разби́т*. Из-за омонимии ряда форм релевантные данные, однозначно свидетельствующие о наличии или отсутствии согласования причастия с подлежащим, оказываются совсем невелики. Так, в следующих примерах с подлежащим ж. рода согласованные и несогласованные неусеченные формы не различаются: *две́рь-то откры́та была́*, *газе́тина… поло́жена была́* ЛИД, *стро́йкъ-та была́ зъплани́ръвънъ*, *труба́ пралóжынъ* ЗИР, *полоса́ пропа́хана*, *дырочка сделана* ЛВК. В примерах с подлежащим м. рода не различаются согласованные и несогласованные усеченные формы: *который отправлен*, *про́дан дом*, *дом перекрыт* ЛВК. При подлежащем ср. рода согласованные и несогласованные неусеченные формы совпадают: *всё пропахано*, *всё опахано* ЛВК.

Немногие примеры, показательные для наличия/отсутствия согласования *н*/*т*-причастия с подлежащим, таковы. Согласованная форма причастия выступает при подлежащем мн. числа: *ребятишки брошены у родителей* ЛВК. Несогласованные неусеченные формы причастий: *дом пастро́ена* ЛИД, *каро́вы бу́дут не до́ина* ЛИД. Несогласованная усеченная форма причастия при подлежащем ж. рода: *като́ра разби́т* ЗИР.

При подлежащем, выраженным количественным сочетанием, и при отсутствии подлежащего *н*/*т*-причастие имеет форму ср. рода, усеченных несогласованных форм причастий в этой позиции не зафиксировано: *три*, *читы́ри до́мика и пастро́йена* АМС; *привезёна* 2×; *пакрыта*; *про́дана*; *па́хана*, *прапа́хана* 4× ЛВК; *напи́сана*; *бы́ла при́нита* ЛИД (см. примеры в разделе 4.2.1.2).

3. Перфектные конструкции в лужниковском говоре. В Лужникове и его ближайших окрестностях зафиксировано несколько типов старых и инновативных перфектных (результативных) конструкций, некоторые из них свободно варьируют.

Система перфектных (результативных) конструкций, которая, по-видимому, была исконной для русских говоров северо-запада и северо-восточных белорусских говоров, включает следующие морфолого-диатезные типы (ср. [Трубинский 1983]), представленные и в говоре Лужникова:

1) «субъектно-результативные конструкции», с предикатами, в состав которых входят действительные причастия прош. времени (или *ш*-причастия) от непереходных глаголов, а в позиции синтаксического подлежащего находится субъект, маркированный И. падежом: *он (был) ушедши*;
2) «объектно-результативные конструкции», с предикатами, в состав которых входят страдательные причастия прош. времени (или *н*/*т*-причастия) от переходных глаголов, в позиции синтаксического подлежащего находится объект, маркированный И. падежом; согласование причастной формы с подлежащим факультативно: *трава (была) скошена*/*скошено*/*скошен*;
3) безличные результативные конструкции; распределение *ш*- и *н*/*т*-причастий в составе предикатов первоначально, по-видимому, зависело от переходности глагола, ср. опочецк. *там было заросши*; *так было принято*/*принят*.

В современных говорах безличные конструкции очень разнообразны, что отчасти является результатом позднего развития перфектных конструкций (например, это относится к конструкциям с *н*/*т*-причастиями от непереходных глаголов типа *У него жененось*; *Было жито*; *Напитось*; в лужниковском говоре такие конструкции отсутствуют), отчасти же это связано с интерпретацией некоторых конструкций как безличных, не имеющих синтаксического подлежащего в И. падеже (*Льгот не дано*; *Валенков не оставши*; *Фигур наставлено*).

В русских говорах встречаются формально безличные конструкции с предикатом, имеющим в составе *н*/*т*-причастие от переходного глагола, и объектом, маркированным В. падежом: *траву скошено* [Кузьмина 1975]. Известная особенность этих конструкций в том, что в них пассивная диатеза распространяется только на субъект (в русских говорах он может быть выражен сочетанием «*у* + Р. п.»: *у него траву скошено*, реже — сочетанием *от* + Р. или Т. падежом), в то время как объект сохраняет падежное маркирование, характерное для активной диатезы. Утверждение о полном совпадении ареалов конструкций типа *трава скошена(о)* и *траву скошено* в русских говорах [Лопатина 2000] следует считать преувеличением: по крайней мере, в псковских опочецких говорах конструкции типа *траву скошено* отсутствуют [Дьяченко и др. 2020]; отсутствуют они и в селигеро-торжковском говоре Лужникова и окрестностей.

Эти базовые конструкции могут подвергаться трансформации в зависимости от более общих принципов организации синтаксической системы. Так, при наличии отрицания субъект или объект могут быть маркированы Р., а не И. п., а субъектно-результативная и объектно-результативная конструкции с синтаксическим подлежащим при этом трансформируются в «безличную» (без подлежащего в И. п.): *Нам льгот не дано*/*дан*; *Валенков не оставши.* Далее, Р. падеж маркирует объект, реже — субъект, выражая семантику количества, ср. примеры из гдовского говора д. Ремда: *Во́зли сабо́ра, што в варо́та-та фхади́ть, наведёна ста́рцэф-та* [Возле собора наведено старцев]; *Там* (на Исаакиевском соборе) *фся́ких фигу́р нако́вана* [Трубинский 2004: 22]; *Нае́хавши наро́ду-то* [Там же: 23]. Конструкции с Р. падежом объекта и субъекта зафиксированы и в лужниковском говоре.

Система названных морфолого-диатезных типов перфектных конструкций характерна в первую очередь для большинства северо-восточных и центральных белорусских говоров (см. [ДАБМ, карта 205], где показано распространение конструкций с *ш*-причастиями от непереходных и переходных глаголов). Та же система встречается в довольно широкой полосе прилегающих к границе с Белоруссией говоров на территории России, в пределах распространения говоров белорусского наречия, согласно классификациям первой четверти XX в., прежде всего [Карский 1903; Опыт 1915]. Из русских говоров (по [Опыт 1915] и по [Захарова, Орлова 1970]) такую же систему имеют только «граничащие с белорусскими» говоры Опочецкого, частично Новоржевского, частично Великолукского р-нов (см. изоглоссы на картах 2 и 3 в [Кузьмина 1993]).

В русских говорах (в отличие от белорусских) объекто-результативная конструкция, а также безличная с предикатом — причастием от переходного глагола могут быть «расширены» за счет выражения субъекта (агенса). Известны по крайней мере три способа маркирования субъекта в пассивных конструкциях: сочетание предлога *у* + Р. падеж, сочетание предлога *от* + Р. падеж, беспредложный Т. падеж. Все эти способы маркирования субъекта сохранились и в современных говорах, однако в русских северо-западных говорах наиболее регулярным является сочетание «*у* + Р. п.». По-видимому, в какой-то степени этот способ маркирования субъекта присутствует и в современных украинских и белорусских говорах, о чем упоминает А. Даниленко, без приведения примеров и географических указаний [Danylenko 2020], но, вероятно, он достаточно редок и не отражен в национальных белорусском и украинском диалектологических атласах. Регулярность маркирования субъекта сочетанием «*у* + Р. п.» в северо-западных и северных русских говорах настолько высока, что современная изоглосса этого явления на «наиболее западном» своем участке может служить надежной границей распространения систем перфектных конструкций «белорусского» и «русского» типов (см. [ДАРЯ III, ч. 1, карта 3]). Примечательно, что эта изоглосса проходит по территории России, отделяя в районе Опочки и Великих Лук говоры Псковской группы от так назы-

ваемых южнопсковских, по диалектному членению в [Опыт 1915] считавшихся говорами белорусского языка; она совпадает с границей России и Польши до XVIII в. (ранее Псковской земли и Тверского княжества, с одной стороны, и Великого княжества Литовского — с другой).

Говоры Селигеро-Торжковской группы демонстрируют несколько инновативных морфолого-диатезных типов перфектных конструкций. В дополнение к конструкциям «исходной системы» здесь фиксируются:

4) объектно-результативные конструкции с *ш*-причастиями в составе предикатов, образованными от переходных глаголов, и маркированием объекта И. падежом (*он был принёщи* ‘его принесли, он был принесён’); эти конструкции при предикате — действительном причастии демонстрируют пассивную диатезу и синонимичны объектно-результативным конструкциям с *н*/*т*-причастиями (*он был принесён*); как и «классические» русские конструкции с *н*/*т*-причастием, данные конструкции могут быть расширены за счет выражения субъекта сочетанием «*у* + Р. п.» (*у нас изба была купивши* ‘мы купили избу’);

5) безличные конструкции с *ш*-причастиями в составе предикатов, образованными от переходных глаголов, разного устройства: с маркированием объекта Р. падежом: *у нее* ***домов*** *набравши* ‘она накупила домов’; с маркированием субъекта сочетанием «*у* + Р. п.» и невыраженным объектом: ***у меня*** *выкинувши* ‘я выбросила’; с невыраженными субъектом и объектом: *нигде не включивши* ‘не включено’;

6) безличные конструкции с *ш*-причастиями в составе предикатов, образованными от непереходных глаголов: «понижение субъекта» субъектно-результативной конструкции, маркирование его сочетанием «*у* + Р. п.»: *у змеи ползши* ‘змея ползла’;

7) «посессивно-результативные конструкции» [Трубинский 1983] с предикатами — *ш*-причастиями от переходных глаголов и маркированием субъекта И. падежом, объекта — В. падежом: *Солдаты кухню взявши.* Зафиксированы примеры подобных конструкций с невыраженным объектом типа *Солдаты взявши*, однако примеры с невыраженным субъектом и объектом в В. п. типа **кухню взявши* отсутствуют.

4. Частотность различных типов перфектных конструкций в лужниковском говоре и материал. В Таблице 1 показано количество примеров с перфектными конструкциями разных типов в материале по лужниковскому говору.

4.1. Конструкции с предикатами — непереходными глаголами; в составе предикатов — *ш*-причастия.

4.1.1. «**Субъектно-результативные конструкции**»: с синтаксическим подлежащим, в которых И. падеж маркирует семантический субъект. В составе предикатов — *ш*-причастия от непереходных глаголов *помереть* 2×, *умереть* 2×, *выйти* (замуж; ‘прорасти’) 2×, *прийти, уехать* 3×, *приехать* 6×, *упасть* (о дереве, о доме) 3×, *расцвести*, *выползти*, *зарасти*, *привыкнуть* 2×,

Таблица 1

Частотность типов перфектных конструкций

Конструкции с предикатами — непереходными глаголами; *ш*-причастия в составе предикатов	
Субъектно-результативные; субъект маркирован И. п. (*он был пришёдцы*)	37
Безличные-1: «субъектно-результативный тип при отрицании»; субъект маркирован Р. п. (*валенков не оставши*)	1
Безличные-2: субъект маркирован «*у* + Р. п.» (*у змеи ползши*)	1
Безличные-3: субъект не выражен (*оставши*)	1?
Неопределенно-личные (*были приехавши*)	1 + 3?
Конструкции с предикатами — переходными глаголами; *н*/*т*-причастия в составе предикатов	
Объектно-результативные; объект маркирован И. п. (*дверь была открыта*/*открыто*/*открыт*)	14
То же с выражением субъекта сочетанием «*у* + Р. п.» (*ребятишки брошены у родителей*)	1?
Безличные-4: объект и субъект не выражены (*пропахано*)	12
Конструкции с предикатами — переходными глаголами; *ш*-причастия в составе предикатов	
Объектно-результативные; объект маркирован И. п. (*он был принёсщи* ‘его принесли’)	26
То же с выражением субъекта сочетанием «*у* + Р. п.» (*у нас изба была купивши* ‘мы купили избу’)	6
Безличные-5 — «объектно-результативный тип с количественным Р. п. объекта»? субъект: «*у* + Р. п.» (*у всех куриц набравши* ‘все накупили кур’)	1?
Безличные-6: объект не выражен, субъект маркирован «*у* + Р. п.» (*у меня выкинувши* ‘я выбросила’)	1
Безличные-7: объект и субъект не выражены (*не включивши* ‘не включено’ (о свете))	2
Неопределенно-личные, определенно-личные	1 + 4?
«Посессивный результатив», *ш*-причастие (*солдаты взявши кухню*)	5
(*он был выпивши*)	2
Всего	119

намокнуть, нагореть ‘израсходоваться’ (об электричестве), *сгореть*, *уснуть*, *отвернуться*, *остаться* 3×, *родиться*, *народиться*, *жениться*, *отправиться*, *покоситься* ‘искривиться’ (о пальцах) 3×, *развалиться*, *перебиться* ‘получить много ушибов и ссадин’.

В примерах (5)–(34), где подлежащее выражается одиночным именем или местоимением либо сочетаниями типа *двоешки с мальчиком* (32), вспомогательный глагол в прош. времени, если он имеется, согласуется с подлежащим в роде и числе. В примере (35) подлежащее выражено количественным сочетанием: *три дома оставши* ‘три дома осталось/остались’, но грамматическая характеристика предиката не ясна.

(5) *Вот Ма́ня Кълапко́въ, я не зна́ю, зна́ит ана́ или не́. Тка́лъ ана́ кагда́, или не́. Ана́ с три́цът пя́тъвъ го́да, зна́йит ана́, или не́. А та́к* ***фсе-фсе по́миршы*** *пъ дире́вни, никто́ ни ска́жыт. Ну во́т* ***Ва́ря Ко́стылива****, ну* ***ана́*** *чё,* ***уе́хаччи*** *в го́рът, не́ту йей зде́сь. Бо́льшы не́ту, фсе мълады́и. Никто́ не зна́ит э́тъ* ЗИР [Разговор о ткачестве: сейчас никто в деревне не умеет ткать; неизвестно, умеет ли Маня Колпакова, она с 1935 г.; все умевшие умерли, а Вари Костылевой в деревне нет, она уехала в город];

(6) *Там вот были* (жители), *но теперь* ***умерши*** *все* ***они*** ЛВК;

(7) *У него мать когда была в Яконове, ну* ***она померши*** *теперь-то, тоже можно было в Яконово переехать, нам* ЛВК [Когда мать мужа жила в Яконове — сейчас-то она умерла — мы могли бы переехать в Яконово];

(8) *Вот, а пото́м, когда́ умерла́, председа́тель уже э́тот не рабо́тал, а пото́м с на́шым где́-то в Есено́вичи встре́тилсы, ну, стал спра́шывать про всех: «А как Ники́тина Татья́на-то? — О,* ***она у́мершы*** *давно́! — Да?» Во́т только когда́ по́нял, что́ она ляжа́ла* ЛИД [Потом, когда мать умерла и этот председатель уже не работал, то, встретившись с новым председателем, стал спрашивать его о работниках лужниковского колхоза. «А как Никитина Татьяна?» — «Она давно умерла!» Только тут он понял, почему она тогда не выходила на работу];

(9) *И ана́ та́м вот, где* ***я вы́шытцы была́*** *за́муш-та, в Барсука́х-та уже та́м, как называ́ица, хутъра́-та. И ана́ э́тът дом-тъ пирьвязла́ в Барсуки́, вот э́тый дом* АМС [И она в ту деревню, куда я вышла замуж-то, в Барсуки… и она этот дом-то перевезла в Барсуки];

(10) *Пошла — картошку-то убило, нам, мороз-то был когда.* ***Которая-то была вышедцы*** *— убило. А сегодня пошла поглядела, вроде ну вот эта чернота-то, ну отходит маленько* ЛВК;

(11) *А идём са шко́лы. А шко́лъ-тъ была́ нъ пagóсти, вот где цэ́рква там. И прихо́дим — чево́-тъ там была́ ста́ръ то́жъ нежила́я уже́, ф Куже́нькинъ* ***была́ уе́хаччи же́нщинъ*** *с семьёй. У не́й дьве избы́, то́жъ ба́йня. Прихо́дим, чё ш тако́й? Вайе́нныи* АМС [Идем из

школы, приходим — что-то там был старый нежилой дом: женщина с семьёй уехала в Куженькино — приходим, что ж такое? (В этом доме стоят) военные];

(12) *Вайéннаа кýхня стайúт, салдáты, бáйню тóпют. Иттúть ⟨…⟩ или ня йтúть? Баúмси. А тáмъ э́ти салдáтики гъваря́т: ня бóйтись, этъ сваú, сваú. Рýскийи. Ни нéмцы. ⟨…⟩ Кáшы нам наклáли: ⟨…⟩ не бóйтиси, не бóйтися. Вот. Пайéли. Наýтра фстáли — никавó нéту,* ***фсе уйéхъччи****, фсе салдáты, фсё взя́фшы — кýхню, фсё* АМС.

(13) *Бы́ли мнóгъ нарóду-тъ, калхóзники. Вóта. А прийеж’:áли не тóль… ни мéсныйе жы́тили-та, а с Вълачкá, вот,* ***бы́ли пришóц****…* ***прийéхъччи*** *здéсь жы́ли и рабóтъли вот* ***э́ти****, кáк анé…* АМС;

(14) *Я спрашивала тут, и она, грю: «Лен, есть там в Межуихе-то?» Она говорит: «****Приехавши дачники****»* ЛВК;

(15) *Ну вот молодые, а тут похоронили Валеру. Пил беспробудно. С Казакстана. Ну* ***они приехавши*** *очень давно, наверно лет двадцать* ЛВК;

(16) *В Богайкине существует* (деревня), *там ну какие-то в общем — мать с двумя детьми алкашами. Ну* ***дети*** *взрослые,* ***приехавше*** ЛВК [Деревня Богайкино существует, там живет мать с двумя детьми пьяницами. Ну взрослые дети, вернулись в деревню из города];

(17) *Там всё врéмя сáми вот пилúли лéтом, колóли и клáли в полéнницы нá зиму. А тó не хватáло, когдá дров ня хвáтит, ходúли на клáдбище, сукú собирáли, пилúли, и там* ***сóсны бы́ли упáвшы****, и пилúли, колóли, и к восьмú пéчкам, нáдо вóсемь пéчек истопúть, наносúть пó три охáпки* ЛИД [Как отапливали школу дровами: технички сами пилили дрова летом, кололи и клали в поленницы, а если дров не хватало, то шли на кладбище, там собирали и пилили сучья — и там упали сосны — их пилили и кололи];

(18) *Ну там была да, порядошная деревня тоже, а сейчас вообще никого нету. Там эти* ***дома упавши****.* ***Которые сгоревши, которые упавше*** ЛВК;

(19) *У ней, как-то мой убивал, даже бывало приезжает — у ней всегда около крыльца. Змея всегда жила. Потом мой убил. Пошёл —* ***она*** *на дороге* ***выползши****, дак он убил* ЛВК [У соседки-«дачницы» как-то раз моему мужу случалось убивать змею. Даже, бывало, приезжает — у нее всегда змея около крыльца. Змея всегда жила. Потом мой муж убил. Пошёл, а она выползла на дорогу, так он убил];

(20) *А, ну колючка есть.* ***Они*** *еще* ***не расцвёвши*** ЛВК [А, есть такое растение колючка. Они еще не расцвели (о репейнике)];

(21) *А теперь* ***всё зароще****, пойдешь, еще идешь и боишся: где наступишь, а там змея, в этой травы* ЛВК;

(22) *Он на все рýки мáстер был. Он и кузнéц. Он и топóр у его из рук ня вы́валитсы. Возúл молокó на лóшади с молóшной… с колхóзного*

двора́ на моло́шную. ⟨…⟩ *То что* ***он был привы́кшы*** *кузнецо́м, молото́к поднёма́л. Никто́ ня шёл, а он бито́ны воро́чал. Попро́буй бито́н воро́чать на тиле́гу. А то́нны вози́л* ЛИД;

(23) *Ну* ***вы привыкши*** *к столицы* ЛВК;

(24) *А вот карто́шку вы́копали тогда́, ле́том я за́муж вы́шла, наве́рно, в ию́не, вот дили́ли карто́шку в по́дполе. И его́шная* (мужа) *тётка была́, е́йного* (свекрови) *бра́та жана́. Кида́ли в ку́чи, а э́та тётка возьмёт, в на́шу и ку́чу и ки́нет.* ⟨…⟩ *Ну, она́ зна́ла, что нас дво́е бу́дет, она́ возьмёт и ки́нет, и ки́нет, пока́* ***она́*** (свекровь) *ня ви́дит,* ***отвярну́фшы*** ЛИД;

(25) *И вот я прихожу́, иду́ домо́й… прихожу́ с рабо́ты домо́й.* ***Она́*** *вот* ***намо́кшы*** *в э́тим па́льто-то, мо́края вся, в крови́ вся. Я чуть с ума́ не сошла́,* ***вся перябы́фшы****! И ба́бушка до́ма! Вот, ка́к?* ⟨…⟩ *Вы́пустить вы́пустила, а э́тою… а не взела́ ни к сибе́, ни домо́й не фпусти́ла* ЛИД;

(26) *По́мню, в Хи́нскомйу войну́,* (мать с работы) *прие́дет, стучи́тся, стучи́тся, а* ***я уснýфшы****. Ляжу́ на полу́ и… за подсо́бку кача́ю* (люльку) *и усну́* ЛИД;

(27) *За свет сегодня пришла квитанция* Диал. — ***Кото́рый*** *ра́ньше* ***нагоре́фшы****? Да?* ЛИД. — *На старое имя, на Гусеву Клавдию* Диал.;

(28) *Куда-то* ***отправивши он*** *этот теперь* (владелец предприятия). *А он же хозяин вот этого, деньги на самолёте, гът, приезжает забирает* ЛВК;

(29) *Тут в Сушине никого у нас теперь, там всё,* ***развалившы деревня****, на Подоле никого, в Хорёве только дачники* ЛВК;

(30) *То́ ру́ки вот, ну чё во́т ру́ки, во́т* ***ани́*** *у миня́ фсе* ***пъкаси́фшы****, ну што́, ани́ ни баля́т. А я́ не зна́ю, ът чево́ ани́ у миня́, ат до́йки* ***ани́*** *у мня* ***пъкаси́фшы*** *и́ли ат ва́лки* ***пъкаси́фшы****, не зна́ю* ЗИР;

(31) *А у друго́й-то* (сын) *жывёт там. Дво́е дите́й у его́. В го́роде жывёт.* ***Жани́фшы****, жена́. Дво́е дите́й. Ну, де́ти взро́слые, уш свои́ се́мйи* ЛИД;

(32) *Я пя́тая. Э́тою... ста́ршая сестра́ была́. Пото́м... э́тою… втора́я сестра́* ***двое́шки роди́фшы с ма́льчиком*** *— тро́е. А пото́м ма́льчик ищё читьвёртый. А я пя́тая. Пото́м в три́тцать шасто́м — шаста́я. Три́дцать возьмо́м — седьма́я де́вушка. И... в со́рок пе́рвом в ма́е — опя́ть двое́шки, девя́ты* ЛИД;

(33) *Я ня по́мню, ф како́м гаду́* (умерла мать). ⟨…⟩ *Я уже́ здесь жыла́, ана́ уже́ ня́нчила правну́чку, Акса́нушку, ня́нчила. И уже́* ***О́ленька была́ нъради́фшы****. Се́мдисит с че́м-тъ ана́ пъмерла́* АМС;

(34) *И это я вчера в магазин ходила.* ***Он****-то* ***оставши был****, с пчёлам, ну я говорю, ланно, я пешком пойду схожу в сельсовет* ЛВК;

(35) *Ну тут* ***оставши*** *в Сушине — тоже теперь там никого.* ***Оставши*** *вот на Горке, я говорю,* ***три дома*** ЛВК.

4.1.2. **Конструкции без подлежащего в И. п.** с предикатами *остаться*, *не остаться*, *ползти*, *приехать* 4×. В этом разделе помещены очень разнородные конструкции, общими чертами которых являются отсутствие синтаксического (или канонического) подлежащего и непереходность предиката. В примере (36) субъект при предикате с отрицанием маркирован Р. падежом, в примере (37) субъект выражен сочетанием «*у* + Р. п.». В обоих примерах отсутствуют вспомогательные глаголы, и предикат грамматически не охарактеризован. Примеры (4), (38)–(40) с предикатами *приехавши*/*приехавше*/*приехатчи* и невыраженным субъектом, видимо, представляют собой неопределенно-личные конструкции, на что в примере (4) указывает форма мн. ч. вспомогательного глагола *были.* В примере (41) *у меня в мешках оставши* можно видеть безличную конструкцию ‘у меня в мешках осталось’ или неполную конструкцию с предикатом, согласованным с подлежащим ж. рода ‘у меня в мешках осталась (картошка)’.

4.1.2.1. Конструкция с отрицанием и субъектом, выраженным Р. падежом:

(36) *А я́, я валя́лъ, я валя́лъ. У мня* ***ва́линкъф ни аста́фшы****.* ***Ни аста́фшы****. А кало́тки йе́стя. Кало́тки* ЗИР [А я — я валяла валенки. У меня валенок не осталось, а колодки есть].

4.1.2.2. Конструкция с субъектом, выраженным сочетанием «*у* + Р. п.»:

(37) *Я говорю, вот недели две назад, мой говорит: «Найда чё-то орёт». Пошёл и говорит: «Конечно,* ***у змеи*** *прям говорит от дома* ***ползши*** *сюда к гаражу»* ЛВК [Вот, недели две назад, мой муж говорит: «Что-то лает собака». Пошел посмотреть и говорит: «Понятно, почему она лаяла: змея прямо, — говорит, — от дома ползла сюда к гаражу];

4.1.2.3. Конструкции с невыраженным неопределенным субъектом; предикаты — перфектные формы глаголов *приехать* 4×, *остаться*:

(38) *Ну вот, много у нас тут ещё есть там,* ***приехавше****, тоже это с Волочка* ЛВК [много у нас тут еще есть (таких людей), приехали с Волочка];

(39) *В Межуихе тоже* ***приехавши****, потому что машина сейчас ездит, товар… Ездит, и она... это, я спрашивала тут, и она, грю: Лен, есть там в Межуихе-то? Она говорит: приехавши дачники.* ЛВК [В Межуихе тоже приехали. Потому что машина сейчас ездит, и я спрашивала, говорю: Лен, есть там в Межуихе-то (кто-нибудь)? Она отвечает: приехали дачники];

(40) *Да, она для себя оставляла. Был там вот Писаревой про́дан дом. А Писаревой — покрыли, всё там, я не знаю,* ***приехавши*** *или нет сейчас*. ЛВК [Да, она (скупщица домов) для себя оставляла (дом, не продавала). Вот дом Писаревой она продала. А этот дом Писаревой — покрыли крышей, всё там (сделали). Я не знаю, приехали сейчас или нет];

(41) *Вот пойдём картóшку сажáть, а не хватáет картошка-то* ⟨…⟩ *А тётка егóшная, отцóва сестрá, уж éйный посадúли огорóд, подподря́д сажáли, онá: «Идú, у мя там в мяшкáх* ***остáвшы****», — вот, даёт. Э́тою… берём и досáжываем наш огорóд* ЛИД.

4.2. Конструкции с предикатами — переходными глаголами.

4.2.1. Конструкции с предикатами — переходными глаголами, в составе предикатов — ***н/т*-причастия**. В объектно-результативных конструкциях (см. 4.2.1.1, а также пример (64)) объект маркирован И. падежом, субъект, как правило, не выражен: в единственном из 15 примеров объектно-результативных конструкций, в котором можно усматривать субъект, выраженный сочетанием «*у* + Р. п.» (пример (53)), это сочетание может иметь и другое, «локативно-посессивное» прочтение. Данный тип конструкций представлен, при одном из прочтений, в примере (1). В безличных конструкциях с предикатами — *н/т*-причастиями от переходных глаголов субъект и объект не выражены (см. 4.2.1.2).

О согласовании *н/т*-причастия и вспомогательного глагола с синтаксическим подлежащим см. раздел 3.

4.2.1.1. **«Объектно-результативные конструкции» с предикатами — *н/т*-причастиями** от переходных глаголов (*разбить*, *открыть* (дверь), *продать*, *пропахать* 2×, *опахать*, *сделать*, *оставить*, *не доить*, *положить*, *построить*, *отправить*, *запланировать*):

(42) *Разóк вúдела, как я блины́ растворя́ю, пяку́, и вот натворúла тéста, а чё-то* ***двéрь-то откры́та былá****, онá, бáбушка, навéрно, откры́ла. Она возьмёт э́то, дéржыт, дéржыт и вы́валит за двéрь, э́то тéсто-то. Глу́пая, ну, рибёнок, глу́пый* ЛИД;

(43) *Да, она для себя оставляла.* ***Был*** *там вот Писаревой* ***прóдан дом*** ЛВК [(Скупщица домов) оставила (этот дом) для себя. Там вот был продан (ею) дом Писаревой];

(44) *Вот бóжинкъ былá там, а мужúк партúйный, и я́ былá партúйнъя, и снял сваю́ и, мóжнъ сказáть,* ***катóра разбúт****, но я атнелá и щас ф цéркви анá* ЗИР [Вот икона была там, а муж — член партии, и я была членом партии. И снял свою (икону), и, можно сказать, какая-то икона и разбита. Но я отняла (одну из икон, которой рассказчицу благословляла мать), и сейчас она в церкви];

(45) *Ну, дóм-тъ у йéй кадá-тъ был свóй харóший там нъ краю́ на сáмъм дóм, где сичá мъгазúн стаúт. Вот тáм был дóм у йéй. А патóм там задýмъли вот э́тый,* ***стрóйкъ-та*** *вот э́тъя фсё* ***былá зъпланúръвънъ****. Вот мъгазúн. У нас у магазúни, где мъгазúн, там далжнá и былá гасьтúница нъверьхý, кэбэó вот там тóже на фтарóм итажé бы́лъ, и сталóвъя. Фсё в аднóм магазúни вот в э́тъм здáнии бы́лъ. Патóм бы́лъ зъпланиръвъть от сначáлъ дéсить катэ́джий, сáдик, шкóлъ, вот вмéсьти с э́тим са фсéм* ЗИР;

(46) *«А потóм, — говорúт* (врач)*, — э́сли бу́дет… э́сли не попрáвишься, то мы вот чéресь три дня́ приéдем к вáм сюдá». Ну, приéдут в медпу́нк, медпу́нк ря́дом шкóлы был,* ***дом пострóена****. «Вот, придёшь к нам сюдá, мы здесь бу́дем»* ЛИД [Ну, приедут врачи из больницы в деревенский медпункт, он был рядом со школой, дом построен];

(47) *Бы́ли мнóгъ нарóду-тъ, калхóзники. Вóта. А прийеж':áли не тóль… ни мéсныйе жы́тили-та, а с Вълачкá, вот, бы́ли пришóц… прийéхъччи здéсь жы́ли и рабóтъли вот э́ти, кáк анé… Э́ти ни катэ́джы, кáк анé нъзывáюцъ, э́ти дóмики-т, вот.* ***Три, читы́ри дóмика*** *и* ***пастрóина*** АМС;

(48) *Вот, а потóм когдá стал другóй председáтель, жáловались председáтелю всё: мол, чё онá не хóдит на рабóту. Привялú председáтеля, что не вы́йдешь на рабóту,* ***корóвы бу́дут не дóено*** *— за твóй счёт бу́дут* ЛИД;

(49) *А вообще-то этот Сивый, депутат-то этот* ***который*** *сейчас вот* ***отправлен****, куда он, в Таджикистан... да, Васильев, депутат-то, он сейчас же — его Путин отправил* ЛВК;

(50) *В музéе моя… мóжет, бы́ли там, нé? Моя́* ***газéтина*** *э́то, Стáлин. Я ею́ всё соблюдáла. Я не стáла на ей писáть.* ***Полóжена былá*** *в я́щичке, в полкомóйнике, так и ляжáла* ЛИД [В музее моя — может, вы были там, нет? — моя это газета (с речью Сталина об окончании войны). Я всё ее хранила, я не стала на ней писать (школьники писали на газетах вместо тетрадей). Положила ее в ящичек, в полукомодник, так она и лежала];

(51) *Это от пожаров, это каждый год пропахивают у нас. Тут* ***всё пропахано****, там за деревней пропахано. Там пропахано, Хорёво там, это* ***всё опахано*** ЛВК;

(52) *Вот примерно отсуда, вот еще верхотуры столько, а вот он бежит там, там* ***дырочка сделана****, и вода бежит* ЛВК [Об устройстве родника: вот примерно на этой высоте — вот еще настолько высоко стоит вода в запруде, а вот ручеек бежит там. Там сделали дырочку, и вода бежит];

(53) *Тоже баба и мужик,* ***ребятишки брошены у родителей****, а она еще беременна, ей сорок три года* ЛВК [О приезжих рабочих: муж и жена, а детей они (родители) бросили, оставили в другом месте — «агентивное» прочтение сочетания «*у* + Р. п.»; но более убедительно «локативно-посессивное» прочтение этого сочетания: муж и жена, детей оставили у своих родителей].

4.2.1.2. **Безличные конструкции с предикатами — *н*/*т*-причастиями** от переходных глаголов *принять* (*принято*), *написать* (*написано*), *привезти* (*привезёно* 2×), *покрыть* (крышу) (*покрыто*), *продать* (*продано*), *пропахать* (*пропахано* 4×), *пахать* (*пахано*), см. примеры (3), (54)–(60). Предикат имеет форму ед. ч. ср. рода. Особенностью безличных перфектных

конструкций с *н*/*т*-причастиями является невыраженность субъекта, ср. выше о невыраженности субъекта в объектно-результативных конструкциях.

(54) *И вот э́тою… Ста́лина-то купи́ла я и всё соблюда́ла* (газету, где была опубликована речь Сталина о победе). *Э́ва то́лько ны́нче, девя́того ма́я... Ка́к он поздравля́ет там* ***напи́сано****, там и стихо́в мно́го, и поздравля́ет всех, что вот, э́тою... одержа́ли побе́ду* ЛИД;

(55) *Да, и тут вот* ***привезёно****, я вот... я думу, что с Питера, или с Москвы,* ***привезёно*** *— ну, рабочие, ну такие вот что никуда не берут после тюрьмы, вот таких привозят — ходят* (ухаживают за скотиной) ЛВК;

(56) ***Покрыто****. Они приезжали крыли сами ли, кто ли, я не знаю* ЛВК;

(57) *Вот, а потом ещё там у ней* (дом)*, проданый или нет, Валеры Васильева. Там как поворот на город — тут* ***продано*** *кому-то* ЛВК;

(58) *Это пашня. Нынче я не знаю,* ***пахано*** *там за Ситниковым-то, не?* ЛВК;

(59) *В Лужникове есть, вот от нас идешь — у складудобрения* ***пропахано****. На правой стороне-то, вот тут, мост-то перейдешь, поднимешься — тут тоже* ***пропахано****. Там* ***пропахано****, Хорёво там, это всё опахано. Это от пожаров, это каждый год пропахивают у нас. Тут всё пропахано, там за деревней* ***пропахано*** ЛВК [В Лужникове есть противопожарная полоса, вот от нас идешь — около складоудобрения пропахано…];

(60) *А это полоса от пожарных, это у нас тут тожо* ***пропахана****, это от пожаров* ЛВК;

4.2.2. Конструкции с предикатами — переходными глаголами, в составе предикатов — ***ш*-причастия**. В говоре представлены объектно-результативные, безличные конструкции, а также конструкции, которые В. И. Трубинский называет «посессивным результативом на *-ши*» [Трубинский 1983: 218].

4.2.2.1. «Объектно-результативные конструкции» с *ш*-причастиями в составе предикатов (от переходных глаголов *взять*, *покрыть*, *закрыть*, *разрыть* ‘развалить, разрушить’, *назвать* 2×, *набрать* 2×, *принести*, *накласть*, *напечь*, *одеть*, *вдеть*, *натянуть*, *загнуть*, *пристроить*, *купить* 3×, *завалить*, *выпилить*, *вставить*, *поставить*, *высадить*, *выключить*, *оформить* 2×, *разрезать*, *намотать*, *сделать* (примеры (61)–(85)).

Объектно-результативные конструкции определяются однозначно лишь в тех случаях, когда объект выражен И. падежом (нет омонимии И. и В., что имеет место у существительных *а*-склонения в ед. числе, у одушевленных существительных во мн. числе, у местоимений 3 лица): *он был принёщи* ‘он был принесён = его принесли’; *у нас изба купивши* ‘у нас изба куплена = мы избу купили’; *он у них не оформивши* ‘он (дом) у них не оформлен = они его не оформили’; *конюшня разрывши* ‘конюшня развалена’; *труба вдевши* ‘труба вдета, вставлена’, *трудовая книжка давши* ‘трудовая книж-

ка выдана = трудовую книжку выдали’, примеры (1), (61)–(63), (79), (80), (82), (85). Омонимия И. и В. у имен и местоимений в позиции прямого объекта представлена в примерах (64)–(78), (81), (83), (84): *кромки не загнувши* ‘кромки не загнуты’, *были стёклы вставивши*, *всё покрывши* и т. д., однако она может быть снята в пользу И. п. в тех примерах, где имеется согласованный с подлежащим вспомогательный глагол *быть* в прош. времени: *пальтечко было одевши*, *колобушки были напёкши* и т. п., примеры (64)–(66), (75), (84).

Косвенным указанием на пассивную диатезу и тем самым на И. падеж объекта может быть выражение субъекта сочетанием «*у* + Р. п.». В лужниковском говоре в объектно-результативных и в безличных конструкциях с предикатами — *ш*-причастиями от переходных глаголов субъект выражается при помощи сочетания «*у* + Р. п.» достаточно регулярно, см. примеры (79)–(84), (86)–(87), что делает эти специфические селигеро-торжковские конструкции полностью подобными «классическим» русским объектно-результативным конструкциям с предикатами — *н*/*т*-причастиями от переходных глаголов, ср., например, ситуацию в опочецких говорах [Дьяченко и др. 2020]. Можно видеть, что в некоторых примерах представлено сочетание всех перечисленных прямых и косвенных указаний на И. п. объекта.

Тем не менее в примерах типа *мать взявши* ‘взяли мать к себе в дом жить’, *дома купивши* ‘купили дома’, где отсутствуют какие бы то ни было указания на И., а не В. падеж объекта, т. е. в 12 примерах из 26, нельзя исключать В. падеж объекта и активную диатезу (примеры (64,) (67)–(74), (76)–(78)).

Таким образом, в конструкциях с переходными предикативными *ш*-причастиями типа (*у меня*) *дом построивши* в лужниковском материале нет ни одного релевантного примера маркирования объекта В. падежом. Вместе с тем В. падеж объекта представлен в другом типе конструкций — с активной диатезой, который В. И. Трубинский называет «посессивный результатив на *-ши*», но лишь в одном релевантном примере: <u>*солдаты*</u> ***кухню*** *взявше* (пример (93)). Такие конструкции встретились в нашем материале всего в пяти примерах (основной их ареал расположен восточнее, это говоры Тверской группы и часть ярославских говоров), см. раздел 4.2.3; причем в четырех примерах объект выражен синкретической формой И.-В. падежа существительного или местоимения, к тому же часть примеров содержит неполные конструкции: <u>*он*</u> ***гредер*** *пустивше* (94), *(<u>солдаты</u>)* ***всё*** *взявши* (93), ***(дом)*** *купивши была <u>бабка Марфа</u>* (95), *(<u>вы</u>* ***дом****) закрывши* (96). Как можно видеть, в «посессивном» типе перфектных конструкций субъект выражен И. п.

Не однозначна трактовка примера (63), который можно рассматривать и как неполную объектно-результативную пассивную конструкцию, с объектом *дети*: *дети были, и назвавши* ‘дети были, и (дети) названы… = детей назвали’, и как активную неопределенно-личную конструкцию с предикатом *назвавши* ‘назвали’ и невыраженным объектом.

(61) *Пришла́ домо́й, а он лежы́т у е́того, у крыльца́. Привезли́ его́ и положы́ли. Ве́ра Миха́лна здесь, она́ председа́тель сельсове́та вро́де уж была́ или на по́чте ище рабо́тала, она бу́дет его двоюродного бра́та жена́. Ну и замо́к они́ откры́ли. А, вро́де уж* ***он*** *в избы́* ***был принёщи****. Да́, уж он в избы́. Сперва́ положы́ли, а пото́м не дожжа́лися, замо́к слома́ли и в и́збу принясли́. Я пришла́, а он здесь, мёртвый уже́* ЛИД [...А, кажется, его уже принесли в избу...];

(62) *И пошла́ к па́пке в ку́зницу. А там у колхо́зного двора́, где* ***конюшня*** *ща* ***разры́фшы****, там пруд. И в пруд э́тою… туда́* ***труба́ вде́фшы****. И по э́той трубы́ тичёт вода́ в бо́чку. И вот. А ей интире́сно, поглиде́ть на́до. И она́ ста́ла глиде́ть и упа́ла в э́тим… в бо́чку-то. Ка́к она́ с ей вы́лезла? А у бо́чки э́ти* ***кро́мки-то не загну́фшы****, а как-то о́стрые. Вот она́ и здесь перецара́пала всё. Ка́к она вы́лезла, я не зна́ю. А пальто́-то зи́мнее, намо́кло всё. И она́ пришла́ к ба́тьке в ку́зницу* ЛИД [А там у колхозного двора, где сейчас разрушена конюшня, там пруд. И в пруд… туда вставлена труба… А у бочки эти края-то не загнуты, а какие-то острые];

(63) *У него там и дети были?* Диал. — *Да, да, да,* ***де́ти*** *бы́ли, и* ***назва́фшы*** *так же, как и на́ши имена́, и там* ***назва́фшы*** *так* ЛИД [Дети были (в новой семье отца), и названы так же, как и наши имена, и там названы так];

(64) ***Бы́ли стёклы фста́вифшы****, фсё бы́лъ, фсё пирибили́. И стёклы чуть-чуть мале́нькъ, то́къ адде́лкъ бы́лъ на́дъ бы и пусьти́ли бы. И вот. Чуть-чуть зъдиржа́лъся,* ***пакры́фшы фсё, и сьтёклы бы́ли фста́влины****, и фсё, адде́лкъ про́стъ вну́триннъя. И никаму́ ни да… ни аста́лъся ничио́* ЛИД [В старом здании школы были вставлены стёкла, и всё перебили. И стёкла чуть-чуть немножко, только нужна была отделка, и можно было бы использовать это здание. И вот, чуть-чуть только поработала в нем школа — и всё покрыли крышей, и стёкла вставили — надо было только внуреннюю отделку сделать. И никому не до… не осталось ничего];

(65) *Она́ зна́ла, где па́пка в ку́знице рабо́тает. И пошла́ к яму́,* ***оде́вшы пальте́чко бы́ло****, ба́бушка у нас шы́ла тут всё, с мате́рией тако́е, аккура́тненько, сейча́ валя́ется где́-то, со скла́дочкам здесь. Пото́м уж бы́ло ку́пленное, вот ма́ленькое. В э́тим пальте́чке. И пошла́ к па́пке в ку́зницу* ЛИД;

(66) *А вот де́вки кото́рые уже ста́ршие гуля́ли, вот пойду́т, а наро́ду мно… пра́здники отмеча́ли! Наро́ду! Йись не́чего! По́мню,* ***колобу́шки*** *с се́мя* ***бы́ли напёкшы****, а наро́ду по дире́вне не пройти́ть, вот ско́лько наро́ду!* ЛИД;

(67) *Ф чилно́к фставля́ют вот э́ту с ни́тками-та. Ни с ни́ткъми. Он, па-мо́иму, ну пълаwу́шки ни с ни́тък. Пълаwу́шки —* ***ни́тки нъти-ну́фшы*** *вот так,* ***нъмата́фше,*** *та́м ыдёт ни́ччинки. А пеха́ют… ф чильнке́, ф чилнаке́ э́тъ де́ржут напи́хывъют э́ту… тря́пки рвут то́ниньк-то́ниньк, и вот тку́т, пръпихну́т, щёлнут э́тим…* ЗИР;

(68) *Раз, по́мню, в Есино́вичи чё-то посыла́л, вот уж не по́мню, че́м мы вот с тихни́чкой вдвоём е́здили. А отту́да колхо́зная машы́на бра́ла я́щики с че́м-то в магази́не, везла́. И вот борта́ и* ***я́щики*** *вот та́к* ***накла́вшы*** *це́лая машы́на. А вот, вот та́к я́щики. А мы се́ли вот сюда́ на́верьх, не́ за что взя́ться-то! Вот тепе́рь вспомина́ю, ка́к же, чё ж мы ду́мали-то? Лу́чше б сле́зли да но́чью пяшко́м бы пошли́, так ночь, лес — боя́лися. А доро́га-то худа́я! Как тряхнёт — мы на е́тот бок, как тряхнёт — мы на э́тот бок* ЛИД;

(69) *Ой. Тяжёлая на́ша жизнь была́, ох. Рабо́тали. Я по́мню, снопы́ вози́ла. Ой, как э́тим снопа́м наколо́тют но́ги, а штано́в-то не́ было, одёжы-то не́ было. Что типе́рь* ***завали́вши всё****, выки́дывай. Кому́ ничё не нужно́, тря́пок вот. И ду́маешь, что́б это бы́ло б ра́ньше, когда́ мы носи́ли, вжы́ли, росли́. А типе́рь дява́ть не́куда тряпья́* ЛИД;

(70) *Потом вот тут она смотрела, но тут* ***не оформивши ни один дом*** ЛВК;

(71) *И много здесь рубят леса?* Диал. — ***Весь выпиливши****, можно сказать* ЛВК;

(72) *Вот она бежит у нас. Хорошая вода, у меня даже дочка вот с Куженькина приезжает, набирают, а с этого — и* ***фильтры поставивши****, и всё, с-под крана худая, гът, вода, невыносимо* ЛВК;

(73) *Щас дочка звонит: вчера опять мороз в Фирове. Картошку остатки убило. Она говорит, вот, хорошо* ***огурцы*** *грит* ***не высадивши****, уже гът цвет набирают* ЛВК;

(74) *Вот где это, жила дочка, фу, да, жена его, а родители-то в деревню переехали, они глухонемые. А сейчас* ***мать взявши****, и отец. А живут — отцу купили однукомнатн... по отдельности. Я говорю: под старость лет, а уж им тоже, наверно, за восемьдесят, родители-то* ЛВК [О родителях жены сына: А сейчас невестка и сын мать взяли к себе, отцу купили квартиру, и родители на старости лет — а им уже за 80 — живут отдельно друг от друга];

(75) *Стол там, а потом вот, ну как и щас вот, вот эти, навесные-то, потом стали, а то* ***были сделавши самодельные*** *такие, ну как,* ***шкафчики****-та. Ставили тоже* ЛВК;

(76) *Ны́нчи ъбища́лися мне ф то́й избе́ зде́лъть ремо́н, то́же пакле́ить па-но́вой и пакра́сить там. Вот. А я́ гъвpю́: «Зна́ити што́, у ва́с типе́рь сваи́х дело́в,* ***дама́ купи́фшы****, де́лът там на́дъ. Дъ бу́ити мой. Ничё мне не на́дъ. Я́ вод здесь жыву́, мне о́чинь хъраш́о* ЗИР;

(77) *И лепёшки бы́ли: аржано́й хле́п, вот та́к нъпъпала́м, и лепёшки бы́ли. —* (*А кто сделал?* Диал.) — *Дъ* ***хле́п*** *чёрный, э́тъ са́мъе,* ***купи́фшы, разре́зъфшы*** *пъпала́м, лепёшки даста́ли* ЗИР [Для спектакля сделали лепёшки: ржаной хлеб разрезали напополам. — А кто их сделал? — Да (просто) хлеб чёрный, купили, разрезали напополам, и получились лепёшки];

(78) *А пато́м вот бы́лъ ищё пла́ны бы́ли вот э́ти: три до́ма въсемна́цътиквартúрных пастро́или, и ищё де́сить катэ́джий, у на́з два́цъть щита́й пя́ть катэ́джий. Два́цъть катэ́джий-тъ самúх вот э́тих ка́минных-та, а* ***пристро́ифшы вот што*** *ча́йнъя зьдесь ф стъране́ дом, эт са́мъе, бло́чный, уже́ э́тъ Т́они Кучино́въй вот пастро́или дом.* ***И Каря́шкины дом, дьве́ семьйи́ вот*** ЗИР;

(79) *Пато́м прихо́дит ана́ с Лужнико́въ и гъварúт: «То́лька, у мяня́ Яго́р Нача́йиф прасúл úзбу-тъ, мо́жъ пръдадúм?» А уже́* ***вы на́с ызба́-та купúфшы была́*** *вотъ э́та. Вот. «Мо́жъ пръдадúм? Чево́ ш вмястя́х жыть и?» А я гъварю́: «От ка́к хо́чиш. Пу́сь он пръдаёт, йе́сли ня хо́чит жыть, а я, — гъварю́, — я тада́ зъбира́ю рибятúшък, уйду́ сюда́ вот ф Сúтникъвъ жыть к ма́мки. Я не бу́ду жыть»* АМС;

(80) *За свет сегодня пришла квитанция* Диал. — *Кото́рый ра́ньше нагоре́вши? Да?* ЛИД — *На старое имя, на Гусеву Клавдию* Диал. — *А, зна́чит, он Кла́вдин. Зна́чит,* ***он*** (дом) ***у йих*** *и* ***не офо́рм… офо́рмифшы****, он Гу́сев и есь <…>. Зна́чит, все дома́ зада́ром купúла* ЛИД;

(81) *Там вот така́я вот то́жъ па́лка вот така́я шыро́къя, и атту́да нама́тывъют, нама́тывъют вот э́ты сте́ны. А е́сли када́ бо́льшы* ***у кава́ нúтки набра́фшы,*** *дък ътреза́ют, тижало́, наве́рнъ* ЛИД (о сновании ткацкого станка);

(82) *Она много домов-то скупала. Она вот тут хотела, там дом. Я говорю,* ***он оформивши****, всё.* ***У мурманских*** ЛВК;

(83) *На трех работах. Я говорю: ну зря, ещё надо взять, я говорю, у одной* ***пять работ набравше****, и ты, я говорю, еще две бери* ЛВК [(Дочь работает) на трех работах. Я ей говорю: это ты зря, надо ещё найти работу. Одна (дочь) набрала пять работ, и ты, я говорю, еще три найди];

(84) *И а потом переделали, переделали, стали тут и телевизоры покупать.* ***Был маленький*** *сначала* ***купивши у нас****, маленький* АМС [Сначала маленький телевизор мы купили];

(85) *Выходных не было, работали. Я последний год, девяноста шестой, у меня триста шестьдесят четыре дня рабочих, в этом...* ***трудовая книжка давши*** ЗИР [В 1996 году (мне) выдали трудовую книжку].

4.2.2.2. **Конструкции без подлежащего в И. п.** с предикатами — *ш*-причастиями от переходных глаголов.

В нашем распоряжении имеются только примеры конструкций без подлежащего в И. п., в которых лицо и число предикатов не выражено. В примерах (86) и (87) субъект маркирован сочетанием «*у* + Р. п.», что может указывать на пассивную диатезу; однако активные конструкции с «понижением субъекта» тоже не исключаются. В примере (88), по всей видимости, представлена безличная конструкция.

а) Объект маркирован Р. п., выражающим семантику количества (однако здесь возможен и редкий случай маркирования одушевленного объекта В. падежом):

(86) *Чё, щас* ***куриц у фсех набравши*** ЛВК [Что, сейчас все накупили помногу кур = у всех набрано кур].

б) Объект не выражен (или возможна неполная конструкция с объектом *покрывалы*):

(87) *А вя́заны э́тъ са́мъйе, э́тъ кружева́. Да, вя́заны йесь пакрыва́лы, да.* ***У миня́ вы́кинуфшы****, у миня́ фсё этъ бы́лъ, я… Типе́рь уш наве́рнъ и мо́ль сйе́ла, э́тъ, мы́шы сйе́ли,* ***вы́кинуфшы****, ничё не́ту, я и ни… ни люби́лъ я. Ни май́, я ни вышива́… ни веза́ла ни э́тъ са́мъйе вот э́ти ска́тирти, ну, падзо́рины э́тъ фсё э́тъ* ЗИР [Да, есть вязаные покрывала, да. Я выкинула (покрывала), у меня всё это было... теперь уж, наверное, и моль съела, мыши съели, выкинула; буквально: *у меня выкинуто* или *у меня выкинуты (покрывала)*].

в) Субъект и объект не выражены:

(88) *Тельви́зър рабо́тъит, а негде́* ***ни фключи́фшы****… То́лька се́ла, каг баба́хнул, про́пки там вы́скъчили, и здесь. Я та́к ы патпры́гнулъ, испуга́лъсь. Я ду́мълъ, чё взарва́лъся зьдесь. Пъглежу́, фсё стаи́т, нигде́* ***не взарва́фшы,*** *не… Ды́му не па́хнит, ничё́м ничё палёнъм не́ту* ЗИР [а нигде не включено... нигде не взорвалось...].

Другие примеры (89)–(91), где не выражены ни субъект, ни объект, ни число и род предиката, допускают несколько различных трактовок: как неполных предложений с пассивной диатезой — (школа) *разрушивши* ‘школа разрушена’, (дом) *построивши* ‘дом построен’, (овцы) *купивши* ‘овцы куплены’, ср. объектно-результативные конструкции в разделе 4.2.2.1; как безличных предложений с предикатами ‘разрушено’, ‘построено’, ‘куплено’, ср. безличные предложения в примере (88) и в примерах (55)–(60) с предикатами — *н*/*т*-причастиями от переходных глаголов, см. раздел 4.2.1; и, наконец, как неопределенно-личных предложений с предикатами ‘разрушили’, ‘построили’, ‘купили’, ср. неопределенно-личные предложения в примерах (4), (38)–(40) с предикатами — *ш*-причастиями от непереходных глаголов.

Пример *взявши журнал* (92) можно интерпретировать и как объектно-результативную конструкцию с объектом *журнал* в И. п. ‘журнал взят = (я) взяла журнал’, и как активную определенно-личную конструкцию с объектом *журнал* в В. п. В последнем случае этот пример встает в один ряд с рассматриваемыми в разделе 4.2.3 примерами «посессивного результатива на *-ши*».

(89) *Ни в э́той шко́ле, вот. Там вот, на́ поле кото́ра была́. А э́ту но́вую постро́или типе́рь. А там на́ поле* ***разру́шывшы****, где це́рьков.*

*В це́рьквы учи́лися, кла́ссы бы́ли. Вот. И шко́ла там она́ разру́шена стои́т. Хоро́шее зда́ние бы́ло, чё там, ш**ы́**фер сня́ли и, то́лько оби́ли, окра́сили всё, потолки́-то* ЛИД [Не в этой школе (я работала), а там вот, которая была на поле. А эту новую построили сейчас. А там, на поле разрушили… И школа там, она стоит разрушенная. Хорошее здание было, шифер сняли…];

(90) *А е́тъму до́му я теб… вам ни скажу́ как ско́лькъ лет. Он снача́лъ здесь ж**ы**л, так ы стая́л тут. А ка́к **пастро́ифшы**, ф како́м гаду́, ни магу́ сказа́ть* АМС [А этому дому я вам не скажу, сколько лет. Он так и стоял тут… А как построен, в каком году, не могу сказать];

(91) *Их было привезли двести штук... **купившы**, а потом одна по одной.... Стричь не стригли, а ведь овец надо стричь* АМС [Их (овец) было привезли 200 штук. Купили, а потом одна за другой (все пропали)];

(92) *Щас вну́чкъ зво́нит: «Ба́бушкъ, чё там де́лъиш?». А ничево́, лежу́ дъ чита́ю. Вот, **взя́фшы журна́л**. Чё я зде́лъю* ЗИР.

4.2.3. **«Посессивный результатив на *-ши*»** представляет собой активную конструкцию с предикатом — *ш*-причастием от переходного глагола, субъектом в И. п. и объектом в В. п. Об этом диатезном типе результативных конструкций в русских говорах В. И. Трубинский пишет: «Отмечается данная структура лишь спорадически, в основном в говорах за пределами ареала регулярно употребляемого субъектного результатива. Особенность ее семантики заключается в том, что результат действия, обозначенного основой формы на *-ши*, сказывается здесь прежде всего на агенсе, а не на пациенсе» [Трубинский 1983: 218]. В лужниковском говоре мы наблюдаем спорадическое употребление «посессивного результатива» на фоне регулярно употребляемых субъектного и объектного типов.

Конструкция «посессивного результатива» представлена в примерах (93)–(96), а также, при одном из прочтений, в примере (92), причем только в примере (93) субъект и объект однозначно выступают в формах И. п. и В. п. соответственно.

(93) *Вайе́ннаа ку́хня стайи́т, салда́ты, ба́йню то́пют. Итти́ть… или ня йти́ть? Баи́мси. А та́мъ э́ти салда́тики гъваря́т: ня бо́йтись, этъ сваи́, сваи́. Ру́скийи. Ни не́мцы. ⟨…⟩ Нау́тра фста́ли, никаво́ не́ту, фсе уйе́хъччи, фсе **салда́ты**, **фсё взя́фшы** — **ку́хню**, **фсё*** АМС;

(94) *Хорошая дорога!* Диал. — *Дак Зеленин сейчас **он гредер** опять **пустивше**. Он разобьёт, а теперь на него стали наезжать Рощин и Барисов, что дорогу-то разбивают* ЛВК;

(95) *Сын ста́рш**ы**й жил в Маскве́, вот, и прийе́хъл про́дъл э́тъ дом, тут **купи́фшы была́ ба́пкъ Ма́рфа**. И ана́ та́м вот, где я вы́ш**ы**тцы была́ за́муш-та, в Барсука́х-та уже та́м, как называ́ица, хутъра́-та. И ана́ э́тът дом-тъ пирьвязла́ в Барсуки́, вот э́тый дом* АМС;

(96) *А да́, **вы до́м**-тъ закры́ли? **Закры́фшы**? И ключи́ у вас?* АМС.

4.2.3.1. Морфолого-диатезному типу посессивного результатива, по В. И. Трубинскому, полностью соответствуют примеры типа *он выпивши* ‘он пьян/навеселе’, см. ниже примеры (97), (98). Употребления типа *он выпивши* имеют общерусское распространение. См. трактовку их как субъектно-результативных конструкций в статье [Ландер 2005].

(97) *И она́ пришла́ к ба́тьке в ку́зницу. Пришла́, а он, чего́,* ***он там вы́пившы****: «Иди́ обра́тно домо́й»* ЛИД;

(98) *И вот он пришёл, я даю́ эт эму жыле́зочку-то и говорю́… А он и смеётся и да говори́т: «У его́ бо́льше те́хники, чем у меня́, заче́м я э́ту бу́ду пили́ть-то, он мо́жыт сам распили́ть». Ну а* ***подпи́фшы был****. Ну и… э́тою… в го́лову попа́ло, он взял эту жыле́зочку и пое́хал к ему́ в Я́коново* ЛИД.

5. Выражение субъекта сочетанием «*у* + Р. п.». Как показывают приведенные примеры перфектных конструкций, данное сочетание с более или менее явным значением субъекта (агенса) в лужниковском говоре характерно прежде всего для объектно-результативных конструкций с предикатами — *ш*-причастиями от переходных глаголов (6 примеров, (79)–(84)) и для конструкций без подлежащего в И. п. с предикатами — *ш*-причастиями от переходных глаголов (2 примера, (86) и (87)). В объектно-результативных конструкциях с *н*/*т*-причастиями субъект (агенс) не выражается (см. выше раздел 4.2.1.1).

Вместе с тем данный способ выражения агенса, очевидно, в говоре приобрел более универсальную функцию, распространившись и в конструкции с *ш*-причастиями от непереходных глаголов. В нашей коллекции имеется один пример с глаголом движения: *у змеи ползши* (пример (37)), еще три примера с глаголом *идти* приводит И. Б. Кузьмина: селигероторжковские говоры — *не у лисицы ли к нашему сараю прошоццы* (Язвиха Сандовск. Калининской обл.), ладого-тихвинские говоры — *у тебя с годов вышоццы* (Чидово) и *у меня со вторым сошоццы* (Гимрека Ленинградской обл.) [Кузьмина, Немченко 1971: 188–190]. Как можно видеть, все эти примеры зафиксированы в восточной части зоны распространения перфектных конструкций.

«Бессубъектность» конструкций с *н*/*т*-причастиями от переходных глаголов ставит лужниковский говор в один ряд с восточнорусскими говорами, ср., например, положение дел в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. [Тер-Аванесова 2019] или в говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. [Тер-Аванесова 2013]. В случае с лужниковским говором мы тем самым сталкиваемся с системой перфектных конструкций, совмещающей черты западно- и севернорусских систем, с одной стороны, и восточнорусских — с другой[2].

[2] Недавно в ходе работы над Лужниковским корпусом А. В. Малышева обнаружила один пример, в котором сочетание «*у* + Р. п.» маркирует субъект при

6. К вопросу о значениях перфектных форм: обстоятельства места и времени. Обращают на себя внимание обстоятельства места при перфектных предикатах — глаголах перемещения в пространстве. В лужниковском говоре конечная точка перемещения, с которой связано достижение результата действия и которая, как правило, доступна наблюдению говорящего, находясь вблизи от него, маркируется локативом или наречием с локативным значением, а начальная — «направленным» Р. падежом с предлогом (о противопоставлении направленных и ненаправленных падежей см. [Якобсон 1985: 112–135]). В первую очередь это характерно для предикатов — глаголов движения, обозначающих приближение: ***Тут*** *ещё есть* ***там****, приехавше, тоже это* ***с Волочка*** (38); ***В Межуихе*** *тоже приехавшы* (39); ***Там*** *то́же* ***с Пятри́лъвъ*** *прийе́хъччи бы́ли* (43); ***Тут*** *вот привезёно...* ***с Питера*** *или* ***с Москвы*** (55); *Вро́де уж он* ***в избы́*** *был принёщи* (61), но то же отмечается и в случаях, когда глагол движения не имеет столь явной семантики приближения: *Пошёл — она* (змея) ***на дороге*** *выползшы, дак он убил* (19); в том числе в случае *выйти замуж*: *Та́м вот,* ***где*** *я вы́шитцы была́ за́муш-та,* ***в Барсука́х****-та уже* ***та́м*** (рассказчица родилась в Ситникове, вышла замуж за жителя Барсуков и туда переехала) (9). Маркирование локативом конечной точки перемещения имеет место и при других перфектных предикатах, обозначающих перемещение предметов: *Поло́жена была́* ***в я́щичке, в полкомо́йнике*** (50), ***нъ саня́х, нъ саня́х*** *нъгрузи́фшы* (101).

По-видимому, обозначение локативом (как местонахождения субъекта или объекта) той точки перемещения, с которой связано достижение результата этого перемещения, непосредственно связано с результативной семантикой перфектных предикатов — глаголов перемещения в пространстве. Это явление повсеместно встречается в говорах русского Северо-Запада, см. материал в [Кузьмина, Немченко 1971: 182–188].

Маркирование ненаправленным падежом конечной точки перемещения в пространстве, по-видимому, тесно связано с актуальностью этой точки для говорящего, непосредственной близостью к нему. Так, при перфектных предикатах с семантикой удаления зафиксированы только обозначения конечной, удаленной от говорящего точки перемещения; во всех примерах конечная точка маркирована «направленным» В. падежом: *Ну во́т Ва́ря Ко́стылива, ну ана́ чё, уе́хаччи* ***в го́рът*** (5), ***ф Кужéнькинъ*** *была́ уе́хаччи же́нщинъ с семьёй* (11) и под.

В примерах типа ***Там*** (на кладбище) *сосны были упавши* (17) наречие *там* не тождественно *там*, например, в (9), поскольку обозначает не конечную точку перемещения, а место осуществления перемещения в целом.

При редкой форме перфекта несовершеного вида, имеющей эвиденциальную контекстную семантику, начальная и конечная точки перемещения маркированы «направленными» падежами: *у змеи прям говорит* ***от дома*** *ползши* ***сюда к гаражу*** (37).

предикате — *н*-причастии. Тем самым единичные употребления такого рода в говоре все же встречаются.

Что касается обстоятельств времени, то при перфектных предикатах обычны указания времени (временной промежуток или относительно точное время), ср. *сейчас*, *теперь*: *у нас депутат-то этот который* ***сейчас вот*** *отправлен в Таджикистан* (49), *я не знаю, приехавши или нет* ***сейчас*** (40); *А* ***теперь*** *всё зароще* (21); *ну она померши* ***теперь-то*** (7); *давно, раньше*: *она у́мерши* ***давно́*** (8); *Ну они приехавши* ***очень давно****, наверно* ***лет двадцать*** (15); *Кото́рый* ***ра́ньше*** *нагоре́вши?* (свет) (27). Ср. об этом [Аркадьев, Вимер 2018: 26–27], см. богатую коллекцию примеров в [Кузьмина, Немченко 1971: 187–188]. Также отмечены наречия, указывающие на достижение или недостижение результата к моменту речи, ср. *уже: И* ***уже́*** *О́ленька была́ нъраді́фши* (33), *еще (не)*: *Они* ***еще не*** *расцвёфши* (20).

7. Другие синтаксические функции причастий прошедшего времени. В нашей коллекции имеется 25 форм причастий прошедшего времени, употребленных не в роли предиката в перфектных конструкциях или допускающих такую трактовку наряду с перфектным употреблением. Весь имеющийся материал по причастиям прош. времени распределяется в зависимости от их синтаксических функций следующим образом:

Таблица 2

Синтаксическая функция	Число примеров
Сказуемое в перфекте	119
Сказуемое не в перфекте	11
Определение	13
Дополнение	1
Обстоятельство	3

Подавляющее большинство примеров «неперфектных» употреблений причастий прош. времени принадлежит ЛИД.

С синтаксическими функциями причастий связано употребление полных, кратких и неизменяемых форм. Выше сказано, что в составе форм перфекта зафиксированы только неизменяемые *ш*-причастия и краткие формы *н*/*т*-причастий (о возможности трактовки некоторых примеров с полными *н*/*т*-причастиями в составе сказуемого как употреблений перфекта см. ниже). В составе сказуемого не в перфекте отмечено 9 причастий в полной форме (примеры (113)–(116), (119), (120)) и 2 — в краткой (примеры (117), (118)). В роли определений употреблено 7 причастий в полной форме (примеры (103), (106)–(109), (112)) и 5 — в краткой или стяжённой (примеры (104), (110), (111), (119)). Наконец, в роли обстоятельства отмечены неизменяемые *ш*-причастия (деепричастия) (примеры (99)–(101)).

Залоговые формы причастий также зависят от их синтаксической функции. В составе перфектных конструкций *ш*-причастия употребляются не-

зависимо от переходности глагола, а *н*/*т*-причастия являются образованиями только от переходных глаголов. В других синтаксических функциях наблюдается иное распределение залоговых форм, не затронутое инновациями, развившимися в перфектных конструкциях. Не в перфектных конструкциях зафиксированы только причастия от переходных глаголов; в роли обстоятельств употреблены *ш*-причастия (деепричастия); в роли определений, дополнения, предикатов не в перфектной форме употребляются почти исключительно *н*/*т*-причастия (102)–(120). Единственным исключением является *забывшие вещи* ‘забытые вещи’, в данном контексте — старинные вещи, вышедшие из употребления (107); такое же образование от переходного глагола *забыть* представлено и в опочецких говорах, где распределение залоговых форм причастий относительно переходности глагола не нарушено [Дьяченко и др. 2020].

7.1. *Ш*-причастия в роли обстоятельств, в том числе в деепричастных оборотах:

(99) *Он рабо́тал в ку́знице, по́мню, вот. Она* [свекровь] *ушла́ т нас в ту и́збу. И э́тою… а он прино́сит* ***в ку́знице сова́фшы*** *ухва́ты и говори́т: «Вот, на́ тебе ухва́ты, чур ни ста́вить, и будь хозя́йкой». Пото́м уж мы дом с йим стро́или, э́тот* ЛИД;

(100) *Мы с йей ка́к-тъ выступа́ли дво́йе. Са́ва де́тка был, ве*[и]*зёт нъ база́р. «Ой, вазьми́ миня́ с сабо́й». — «Да што́ ты…» В о́пщим, вот тако́е. Нъ саня́х,* ***нъ саня́х нъгрузи́фшы.*** *«Ну ла́днъ уш, сади́сь». Се́лъ я* ЗИР [сценка из спектакля: дедка Савва участвовал, везёт на базар, нагрузив на сани. «Возьми меня с собой»…];

(101) *Вот, ела мясо. Я баранину люблю, покупала. Они зарезали прям целиком, тушу привезли* ***обработавши*** ЗИР.

7.2. Причастия прош. времени в роли определений представлены в примерах (102)–(112); в (105) можно видеть употребление субстантивированного причастия в роли дополнения; возможно, предикативное употребление (не в перфекте) представлено в примерах (104), (108).

7.2.1. Причастия без зависимых слов:

(102) *Пое́дет дои́ть, да ище на велисыпе́д дерявя́нное вядро́ с* ***ру́бленой карто́шкой*** ЛИД;(103) *А смону́ли-то пяско́м, пол-то* [оттирали и мыли некрашеный пол в школе]. *Кало́шы́ной, ве́ником. ⟨...⟩ И э́тою… ото́пком* [старым изношенным лаптем]. *Ла́птем, сно́сют, а рва́ные остава́лись, и мы э́тим ла́пком. А то э́тою… очи́нки от э́тих… бире́ста-то… так скобли́ли отхо́ды-то, вот э́тим очи́нком. ⟨…⟩ Пото́м уж мно́го-мно́го годо́в под концо́м окра́сили то́лько* ***пол, кра́шеный*** ЛИД;

(104) *А* ***вя́заны*** *э́тъ са́мъйе, э́тъ кружева́. Да,* ***вя́заны*** *йесь пакрыва́лы, да* ЗИР;

(105) *Ну э́то молоти́ли валько́м… э́тою* ***воро́ваное*** [унесенный с колхозного поля лён], *валько́м, да. Валёк тако́й с ру́чечкой. А то бельё полоска́ли больши́м валько́м, э́ва я воро́ты подпира́ю* ЛИД;

(106) *Мы ходи́ли колоти́ть-то, э́то уже в колхо́зных. Ри́гу наса́ж****ы****вали и подноси́ли ма́тери снопы́. И относи́ли* ***около́ченые****, счита́ли, бригади́р принима́л. И трудони́ писа́л. А на трудони́ ничего́* ЛИД (2×);

(107) *У на́с где́-тъ там лапте́й па́ръ лежы́т в э́тъм, ка́к нъзыва́йица, где́-ка где фсе́ вот э́ти што* ***забы́фшыйи*** *ве́щи-та, эх, как ано́, правле́ние тако́е-тъ, йе́сь там ко́мнъта, там мно́гъ ищё там ы пря́лки там, и ско́въръды там, утюги́ стари́нныи, като́ры угля́ми. Там фсё-фсё-фсё йе́стя. Да́-да́-да́.* ***Забы́фшыи*** *ве́щи* ЗИР;

(108) *Вот, а потом ещё там у ней,* ***проданый*** *или нет, Валеры Васильева* [дом] ЛВК.

7.2.2. Причастия с зависимыми словами:

(109) *Ма́мка уе́дет в го́род, а я с йи́м под лю́лькой. Дво́е ляжа́т в лю́льке: таки́е бы́ли* ***па́лки****. И э́тою...* ***мяшко́м обшы́тые*** ЛИД;

(110) *Вот, где на стороны Вали Бойковой и туда в сторону города,* ***дом****,* ***перекрыт*** *такой* ***коричневой****. Ну они небольшие листы, вот такие примерно* ЛВК;

(111) *И па́рты-то тяжёлые. Ра́ньше ведь бы́ли па́рты: вот так па́рта сади́стя, а тут скаме́ечка вме́сте она с э́тим. Вы не вида́ли, наве́рное? Вида́ли? Заста́ли? Ну во́т, заста́ли, вот. Таки́е* ***па́рты*** *бы́ли. А э́тою… бы́ли* ***таки́е чёрным окра́шены****, пото́м но́вые привязли́ ищё грузне́й, жёлтые* ЛИД;

(112) *А вот «Кра́сный Май» был, ле́спромхо́з был, э́то наро́д тут в лясу́ рабо́тали, дак там дава́… вози́ли проду́кты все, и ры́бу тряску́, по́мню, вози́ли.* ***Она́*** *как* ***кирпича́м сло́женая така́я****, ни косте́й, ничего́* ЛИД.

7.3. Причастия в роли сказуемых не в перфекте:

(113) *Он* [дом] *стои́т, никому́ ня ну́жен.* ***Он ку́пленый, ку́пленый он****. А у́мер дя́дька-то, кото́рый жил. Он вино́ пил и у́мер* ЛИД [Дом купленый (т. е. имеет хозяина)];

(114) *Она́ зна́ла, где па́пка в ку́знице рабо́тает. И пошла́ к яму́, оде́вши пальте́чко бы́ло, ба́бушка у нас ши́ла тут всё, с мате́рией тако́е, аккура́тненько, сейча́ валя́ется где́-то, со скла́дочкам здесь. Пото́м уж* ***бы́ло ку́пленое****, вот ма́ленькое. В э́тим пальте́чке. И пошла́ к па́пке в ку́зницу* ЛИД [Потом уже было покупное (детское пальто)];

(115) *А мне́ вот ви́ш, вот э́ти ве́ны, щас, э́тъ то́къ я ща́с, я ни каса́юсь, а щас ста́ну вот мы́т-тъ, ся́ду глиде́ть: ɣо́спъди, о́,* ***каки́и ве́ны наду́тыйе****, но ни баля́т* ЗИР;

(116) *И я изо все́х одна́ оста́лася. Но́ги боля́т, а* ***рука́ сло́манная****. Ко́сти лома́ютсы — сла́бые. Я бою́сь да́же но́чью… повя́ртываюся… бою́сь но́гу слома́ть, уж* ***она́ не́сколько раз была́ сло́манная*** ЛИД.

7.3.1. Депиктивные употребления:

(117) *Там… дрова́ кла́ли, коло́ли и кла́ли на́ зиму топи́ть шко́лу-то, шко́ла-то эн там на́ поле была́, где це́рьков сийча́с.* ***Она разру́шена сийча́с стои́т****. Большо́е зда́ние. И но́вое бы́ло, хоро́шее оно́ зда́ние-то бы́ло, чё йиго разру́шыли всё. Ши́фер сня́ли, когда́ постро́или э́ту. И оби́ли, и окра́сили, а* ЛИД;

(118) *Ни в э́той шко́ле, вот. Там вот, на́ поле кото́ра была́. А э́ту но́вую постро́или типе́рь. А там на́ поле разру́шивши, где це́рьков. В це́рьквы учи́лися, кла́ссы бы́ли. Вот. И шко́ла там* ***она́ разру́шена стои́т****. Хоро́шее зда́ние бы́ло, чё там, ши́фер сня́ли и, то́лько оби́ли, окра́сили всё, потолки́-то* ЛИД.

7.3.2. Близкие к депиктивным употребления:

(119) *Как пра́здники отмеча́ли? Де́нь на рабо́ты, то́лько но́чью! ⟨…⟩ Ве́чером, мо́же быть, я уже́... Ну по дире́вне. А ребити́шки, ребя́ты, и вот де́вка идёт,* ***рука́в загну́тый****, у ка́ждой в рукаве́ плато́чек носово́й. А мальчи́шки бе́гали, э́тот плато́чек вы́тащут. И грибёнки - у ка́ждой в головы́ была́, в во́лосы* ***зако́лота****. И грибёнки таска́лись! Ребетня́!* ЛИД;

(120) *Качаю за что? За…?* Диал. — *А* ***верёвочка подвя́зана*** *под лю́лькой — кача́ю* ЛИД. — *А как вы сказали?* Диал. — *Ну,* ***верёвочка привя́зана*** *к лю́льке... Таки́е лю́льки ве́шали. Специа́льно бы́ли они́ вот таки́е...* ЛИД.

Выводы. В подборке текстов, записанных в деревне Лужниково и ее окрестностях, употребления в составе форм перфекта составляют около 80 % от общего числа употреблений причастий прошедшего времени.

Лужниковский говор, как и селигеро-торжковские говоры вообще, демонстрирует тенденцию к унификации *ш*-причастий как средства выражения перфекта (результатива). Эти причастия, в большинстве русских систем употребляющиеся только в «субъектно-результативных» конструкциях с предикатами — непереходными глаголами (*змея была выползши*), в лужниковском говоре распространяются и в пассивные «объектно-результативные» конструкции с предикатами — переходными глаголами (*изба была построивши*), не вытесняя, однако, полностью *н*/*т*-причастий в этой позиции (*изба была построена*); реже они встречаются в активных «посессивно-результативных» конструкциях с предикатами — переходными глаголами (*соседи избу построивши*). Тем самым в говоре встречаются все три известных диатезных типа результативов (перфектов) «на *-ши*» [Трубинский 1983: 217–218], а также «объектно-результативные» конструкции с *н*/*т*-причастиями от переходных глаголов.

Некоторые из перечисленных четырех типов конструкций в говоре могут быть достроены или модифицированы за счет оборота «*у* + Р. п.» со значением субъекта (агенса), что отмечено в «объектно-результативных»

конструкциях с предикатами — переходными глаголами (*у соседей изба была построивши*) и единично — в «субъектно-результативных» конструкциях с предикатами — непереходными глаголами (*у змеи ползши*, с эвиденциальным значением). Последний тип конструкций, в литературе по русским причастиям прош. времени представленный единичными примерами, является замечательной особенностью лужниковского говора, явно относящей его к восточной части среднерусской территории распространения перфектных конструкций. В этих употреблениях можно видеть тенденцию к унификации оборота «*у* + Р. п.» как способа маркирования субъекта у перфектов «на *-ши*».

Оборот «*у* + Р. п.» не встретился в двух других типах конструкций (**у соседей изба построена*; **у соседей избу построивши*). Невыраженность субъекта в перфектных («объектно-результативных») конструкциях с *н*/*т*-причастиями — не менее важная особенность лужниковской системы, сближающая ее с восточнорусскими, в первую очередь «центральными» и юго-восточными системами. Напротив, способность *н*/*т*-причастий выступать в согласованной и несогласованной с подлежащим форме, а будучи несогласованными, выбирать усеченную или неусеченную формы, объединяет селигеро-торжковскую систему с псковско-новгородским ареалом.

В лужниковском говоре зафиксированы безличные результативные конструкции в основном с предикатами — *н*/*т*-причастиями от переходных глаголов: *тут продано кому-то* (всего 11 примеров); с *ш*-причастиями от переходных глаголов имеется два таких примера, достаточно достоверных (*нигде не включивши*, *не взорвавши*); еще один сомнительный пример содержит предикат с *ш*-причастием от непереходного глагола (*там в мешках оставши*). Около десятка примеров с предикатами — *ш*-причастиями можно интерпретировать как активные неопределенно-личные конструкции, но однозначно такую интерпретацию допускает лишь один пример (*С Петрилова приехаччи были*).

Лужниковский материал содержит интересные сведения о результативном значении перфектных форм глаголов перемещения в пространстве: конечная точка перемещения у глаголов со значением приближения во всех без исключения случаях маркируется в говоре местным падежом или наречием с локативным значением (*там*, *в Межуихе приехавши*; *он в избы принёщи*). Однако не было проверено корпусными методами маркирование конечной точки перемещения при формах прош. времени тех же глаголов (*приехал в Межуихе* или *в Межуиху*).

IV. Тексты

Тексты публикуются в упрощенной фонетической транскрипции; мягкость согласных передана средствами орфографии. Знак мягкости употребляется в бифонемных сочетаниях в словах типа [óч’чисвъ], [прийеж’жя́ли]. Шепелявость согласных в расшифровке не передается.

Лидия Ивановна Доброхотова

А вы с какого года рождения?

С три́цыть тре́тивъ. Во́т трина́цътъвъ ию́ня бу́ит во́симьсит пя́ть лет.

А вы родились здесь?

Ф Си́тникъви вод дире́вня. Сюда́ за́муш вы́шла.

А учились здесь?

Ни в э́тъй шко́ли. Во. Та́м вот, на́ пъле като́ра была́. А э́ту но́въю пастро́или типе́рь. А там на́ пъли разру́шыфшы, где цэ́рькъф. В цэ́рьквы учи́лися, кла́сы бы́ли. Вот. И шко́лъ там ана́ разру́шына стаи́т. Харо́шъе зда́нийь бы́лъ, чё там, шы́фир сьня́ли и, то́лька аби́ли, акра́сили фсё, пъталки́-та. Ра́ньшы мы́ли с пяско́м сьте́ны и пъталки́, я та́м рабо́тъла. Вот. То́лька аби́ли вот таки́м листа́м, акра́сили и но́въю ста́ли стро́ить. Ни пришло́сь там ы… Ади́н го́т я в но́въй пъраб о́тъла и…

А сколько классов вы закончили?

Читы́ри. Тагда́ бо́льшы ни зъставля́ли, как хо́ш. Тагда́ и вапще́ ни зъставля́ли: хош хади́, хош ни хади́. Читы́ри. Ф шко́лы учи́лъсь ужэ́, я́ ищ[и] ни пънима́ла ничё.

Работа в колхозе

Ма́мка привяла́ на́ пълё меня́, пъказа́ла лён ы п[ъ]каза́ла трawу́. И заста́вила, ну, ф калхо́зи пало́ть. И во́т я пало́ла. На ка́ждъва… На ка́ждую сямью́ по́ двъ гекта́ра атмеря́ли што́бы льну́. Ра́ньшы лён-тъ… типе́рь апры́скивъют, а ра́ньшы рука́м пало́ли траву́-та. И вот. А я ни пънима́ла ищ[и], мне васьми́ ищ[и] гадо́ф не́ былъ. И я пало́ла.

А пато́м э́тъю… снапы́ вази́ли… кагда́ жа́ли, в ба́пки[3] ста́вили, а пато́м нъ каня́х нъ тиле́ги вази́ли. И вот нъ вазу́. А ра́ньшы ни штано́ф, ни чюло́к не́ былъ, ничео́. Ка́к ки́нут туда́ сно́п-та, фсе но́ги пирьдяру́т. Ничео́ не́ былъ, во́т как жы́ли.

А в бабки снопы укладывали, да?

Ба́пки во́т так. А пъто́м ани́ вы́съхнут так. И нъ тиле́гу кла́ли и… И пирьвази́ли г гумну́, ф ко́пны кла́ли, в бальшы́и ко́пны кла́ли.

Куда привозили?

Г гумну́. Гумно́ тако́е бы́лъ калхо́знъе, и там мълати́лка стая́ла, нъ каня́х мъла[о]ти́ли. Вот ста́вют ф ко́пны, в бальшы́и-бальшы́и ко́пны, капна́ли. Мы вази́ли на тиле́гъх, кида́ли, а их капна́ли. Вот вайна́ нъчяла́сь, по́мню, з два́цъть читы́ри капны́ таки́γ бы́лъ. И вот мълати́ли в гувне́. Мълати́лк[ъ]: ко́ни е́зьдют, мълати́лку во́зют ка́к-тъ и, и нъ каня́х мълати́ли мълати́лкой.

Корова-кормилица

Камба́йны не́ былъ тагда́, фсё рука́м. Каси́ли каса́м рука́м. Ну, каса́м-тъ каси́ли — вод давно́ ль бро́сили, а то́ мы нъ каро́ву фсё вре́ме каси́ли. Я бяз

[3] *Ба́бка* — несколько снопов, сложенных в поле особым образом для просушки.

му́жа во́сим гадо́ф, уш мне зъ шыися́д бы́лъ, а я во́сем гадо́в биз йево́ держа́ла. А типе́рь ни хатя́т. Вот мълако́ приво́зют с Я́кънъва[4], щя́с маши́на привязла́ калхо́знъйъ. Во́т как. В калхо́... в э́ту... в дире́вни адна́ каро́ва. А щя́с с каро́въй мо́жнъ жыть. Вот. И каси́ где хо́ш. А мы́! Ой, ф куста́х где найдёш. А ищ[и] по́лъсу-та атме́рют, а хърашо́, што э́тъ паме́ньшы кусто́ф, а то́ атме́рют адни́ кусты́, во́т ы каси́, где хо́ш. С… з го́рем каси́ли, што́бы нъкаси́ть нъ каро́wу.

Фсё равно́ нъзыва́ли карми́лица каро́ва. Вът. И в вайну́ карми́лица. Хоть мълако́ бы́лъ. А у каво́ и не́ былъ, кто ни хате́л, мы паня́тиа ни име́ли веть. Как тагда́ бъбыли́ бы́ли. Вот, э́т ыщё дъ калхо́зъф. Кто́-тъ сваи́ по́лъсы име́л, сваю́ зе́млю име́ли, а… э́тъю… а кто́-тъ… их бъбыля́м нъзыва́ли, ани́ ни име́ли. Вот. Каси́ли, каро́в держа́ли — они́ ни хате́ли держа́ть. А мы то́лькъ… И каро́ву карми́ли, карми́лицый нъзыва́ли. Мълако́ сваё, тво́рък свой. Ку́рък дяржа́ли, я́ицы. Гъваря́т: каро́wушка да ку́ръчька — саст-ря́пъит ы ду́ръчька. Вот. Ой.

Братья и сестры. Двухлетняя нянька

Я ръдила́сь три́цъть тре́тим... вот... трина́цътъвъ ию́ня. А по́сле меня́ ради́лась три́цъть шасто́въ… Три́цъть шасто́въ ади́нъцътъвъ йинваря́. Три́цъть шасто́й уш ана́... Ско́лькъ? Три́цъть тре́тий, три́ четьвёртый, три́ц[ъ]ть пя́тый и три́цъть... Два с пълави́нъй го́да, да? И я ужэ́ сь йе́й сиде́ла в ня́нькъх.

И с три́цъть васьмо́м ыщё wръдила́ся. Вот. А ра́ньшы… э́тъю… там йе́зьдили в го́рът нъ каня́х, клать вази́ли. Хъмуты́, бо́ръны, плуги́, фсё тако́ё. Из го́ръда нъ каня́х вази́ли. Ма́мка уйе́дит в го́рът, а я сь йи́м пад лю́лькъй. Дво́е ляжа́т в лю́льки: таки́и бы́ли па́лки. И э́тъю... мяшко́м апшы́тыи. По́мню, ф Хи́нскъмйу[5] вайну́, прийе́дит стучи́ццъ, стучи́ццъ, а я усну́фшы. Ляжу́ нъ палу́, и зъ пацсо́пку качя́ю, и усну́.

Качаю за что?

А вярёвъчька падвя́зъна пад люлькъй — качя́ю.

Как вы сказали? За…?

Ну, верёвъчька привя́зъна к лю́льки. Таки́и лю́льки ве́шъли. Спица́льнъ бы́ли ани́ вот таки́йи... Ну у нас… э́тъю... пя́тъвъ ма́я ма́мка двай́х ръдила́. А в ыю́… два ра́за бы́ли вон пидвайе́шки… а в ыю́ни вайна́ нъчяла́сь. Ну ани́... Уж я сь йи́м сиде́ла, ка́к я йей наси́ла ф по́ле — пъ черяды́ карми́ть, не зна́ю. А ма́льчик до́жыл... в синьтибре́ у́мер, а де́wушка – да сле́дущива го́да, да ма́рта, в ма́рти умерла́. Ну... Кане́шнъ, им ни хвата́лъ мълака́, ма́мкъ съма́ гало́днъя была́. З го́лъда умира́ли.

---

[4] *Село Я́коново* (современное название — поселок Кра́сная Заря́) — старинное село, расположенное в 30 км к юго-западу от г. Вышний Волочёк и в настоящее время входящее в состав Лужниковского сельского поселения. С конца XIX в. в селе существовал стекольный завод, который в 30-е гг. XX в. получил название «Красная Заря».

[5] Финскую.

А рабо́тали. Рабо́тали, а ф калхо́зи-тъ ничё ни плати́ли, то́лькъ труданы́. Фсё для вайны́, фсё для а́рмии, фсё. А на́с ни щита́ли. Вот.

Газета военных времен

То́лько вот хоть Ста́лина руга́ли, а Ста́лин вот... Фсё разру́шыли-та, фсё раз... А он за́ въсим лет фсё пастро́йил. Вот. И се́мдисить рубле́й, у каво́ де́ти, дава́ли пе́ньсию. Кто нъ вайны́ — э́тъ Ста́лин дава́л. У мя́ газе́тина фсё ляжа́ла яво́шнъя. Ка́к он пъздравля́ит с каньче́нием въйны́. Бальшо́й стаи́т партре́т нъ газе́тины.

А я газе́ты пъкупа́ла, и писа́ли. Писа́ли на газе́тъх, кто там пъбаγа́ти бы́л, выпи́сывъл. И пъ... мм… в э́тъю… выпи́сывъли газе́ты и писа́ли нъ газе́тъх. А писа́ли… э́тъю... мали́нину атарву́т ру́чьку... пёрушки дава́ли учиника́м ско́лькъ-тъ там на́ гът. Привя́жым ни́тъчькъй… э́тъйу... к мъли-ня́жыны[6] ру́чьку. А черни́лу де́лъли ись сьвёклы. Сьвёклину сатрём! Вот.

А то́ с си́ньки ръзвади́ли, бельйо́. Вы типе́рь ни пътсиня́ити. А ра́ньшы пътсиня́ли. Си́нька пръдава́лъсь. Ищ[и] у мя́ где-тъ в ба́нке нът хъладиль-ники... в э́тъй... пад га́зъм стаи́т. Вот, сь си́нькъй ръзвади́ли, вот то́ са свёклъй, то с си́нькъй, э́тим писа́ли нъ газе́тых. И вот… э́тъю… Ста́лина-та купи́ла я и фсё съблюда́ла[7]. Э́ва то́лька ны́ньчи, девя́тъва ма́я... Как о́н пъздравля́ит там напи́сънъ, там ы сьтихо́ф мно́гъ, и пъздравля́ит фсех, што во́т… э́тъю... ъдяржа́ли пабе́ду. И я взяла́ э́ту газе́тину-тъ пръчита́ть, там събира́лись у па́метника. И wот пръчита́ли э́тът, у мя газе́тину-тъ и взя́ли: да́й нъм в музе́й. В музе́и мая́… Мо́жът, бы́ли там, не́? Мая́ газе́тина э́тъ, Ста́лин. Я ею́ с… фсё съблюда́ла. Я не ста́ла на йе́й писа́ть. Пало́жына была́ в я́щичьки, ф пълкамо́йники[8], так ы ляжа́ла.

Ну вы ее читали иногда?

Да. Чита́ла. Ка́к-ту прийежжа́ли к Лю́ды падру́ги, падру́га с му́жым, то́жъ чита́ла. Там ы мно́га и сьтихо́ф ра́зных, ну и фсё пръ вайну́ и. Да сьтихи́-ты ни пръ вайну́, наве́рнъ уш, я забы́ла — па́мети нет. Я гъварю́, а и нела́днъ загъварю́.

Антонина Михайловна Сергеева

Печка

Я сео́ни пе́чьку прътапи́ла, фчера́сь ни тапи́лъ я пе́чьку, а сео́не прътапи́ла. А лежа́нку[9] не зна́ю, бу́ду я тапи́ть или ня бу́ду, мо́жэт таг бу́ит тепло́, не зна́ю.

А эти лежанки не так давно стали делать?

---

[6] *Малиня́жина* — ветка куста малины.

[7] *Соблюда́ть* — хранить.

[8] *Полкомо́йник* — небольшой комод.

[9] *Лежа́нка* — дополнительная печь в избе.

Из… а и фсю жы́сь фсё пе́чьки. Ве́к свой! Ско́д держы́… де́ржым. Чё ж лежа́нки! И ляжа́нка ве́к свой! А биз ляжа́нки ка́к жы? Зима́ така́а э́сли лю́тъя, ат пе́чьки ни нагре́йисси. А сто́пиш ляжа́нъчьку, трубу́ закро́йиш, и жысь висиле́е. А та́к. А жывати́ну де́ржыш. На́дъ то́ карто́шки свари́ть. Вод дяржа́ли-тъ ра́ньшы. Я и каро́wу держа́ла. Вот. На до́йку хади́ла вот, дайи́ла калхо́знъю на фе́рми, я уш ня зна́ю, ско́лькъ гадо́ф я. Де́сит-тъ я, наве́рнъ, къ прие́хъла атту́дъ, бо́льшы, я… наве́рнъ, я сра́зу каро́ф ста́лъ даи́ть. И свая́ каро́ва те́лиццъ, тилёнычик, пърасёнка держа́ла, и аве́чьки бы́ли. Фсё бы́лъ хазя́йства, и ку́рычьки. А типе́рь ни пат си́лу. Типе́рь ни пат си́лу. Каро́фка была́ wot, Ната́ша тагда́, был э́тый зятёк-тъ жыф, он туда́ забра́л. Я гъварю́: зъбира́йти, а мне мълака́ привязёти. Ане́ дьве каро́вы держа́ли. Дьве. И тя-ля́т держа́ли нъ прада́жу, бычько́ф, вот, ы пыра°ся́т держа́ли.

Военные годы

А раньше дома были меньше, где вы родились, у родителей?

Ма́линька, три ако́шычька йизба́ была́. И то́жэ ско́лька нас. Вот Саш́ок, я, То́ля, вот сестри́цъ, че́твиръ, а пато́м… Че́твиръ, ду́маю, нас. И пъмира́ли. Щя мидицы́нъ бо́риццъ хърашо́ за… зъ дите́й. А тагда́ чево́, никаки́х приви́вък, ничево́ не́ былъ ф те́ гада́. В вайны́, чево́ там, со́рък чятьвёртъй гот, чё тут, са́мъя разру́хъ. Кагда́ тут чево́ начьнёца вустана́вливъть. Вот, таки́и дяла́.

Вот мы въ фтаро́м кла́си с падру́шкъй хади́ли, там ря́дъм ана́ то́жэ жыла́. Ну пашли́ ф шко́lу. Фсё нърма́льна. Вот. А идём са шко́lы. А шко́лъ-тъ была́ нъ пagóсьти, вот где цэ́рква там. И прихо́дим, чево́-тъ там была́ ста́ръ то́жъ, не жыла́я ужэ́, ф Кужэ́нькинъ была́ уе́хач'чи жэ́нщинъ с семьйо́й. У не́й дьве избы́, то́жъ ба́йня. Прихо́дим, чё ш тако́й? Вайе́нныйи. Вайе́ннъа ку́хня стайи́т, салда́ты, ба́йню то́пют. Итти́ть м... са… или ня йти́ть? Баи́мси. А та́мъ э́ти салда́тики гъваря́т: ня бо́йтись, этъ свай, свай. Ру́скийи. Ни не́мцы. Этъ нас гна́ли, нам на́дъ где́-тъ вот с э́тъвъ, с Вили́къва Ъктября́ [10] и куда́-тъ сюда́ их гна́ли — пиринъчява́ть, памы́ца. Вот. И ку́хня-тъ. Ка́шы нам накла́ли, ня бо́й… не бо́йтиси, не бо́йтися. Вот. Пайе́ли. Нау́тра фста́ли, никаво́ не́ту, фсе уйе́хъч'чи, фсе салда́ты, фсё взя́фшы — ку́хню, фсё.

Ма́мкин ы… брате́ник то́жэ, он з два́цъть фтаро́въ го́да, папа́л, лы́жник. Зайе́хъл сюда́ к ма́мки, к нам, прасти́ццъ, гъвари́т: пади́ знай, мо́жэ быть, уви́димси, и ни уви́димси. И фсё. Пато́м пъхаро́н'нинькъ пришла́, што фсё, уби́ли.

Как же это он на лыжах пришел?

А прийе́хали лы́жники, то́жэ гна́ли, лы́жы, лы́жники, ни ади́н он. От. Ма́мкин брат, то́лькъ он в… в Нъвасе́льйах там жывёт, дире́вня Гъраро́к. А на́шъ дире́вня Си́тникъвъ называ́йица. Вот таки́ дяли́шычьки.

---

[10] *Вели́кий Октя́брь* — поселок Великооктябрьский в Фировском районе Тверской области.

Это у вас здесь были солдаты, которые отступали?

Наве́рна! Наве́рна. А мы ня зна́им. То́чьнъ ничё-тъ мы ня зна́им. Ра́зьви бу́иш спра́шывыть? Ня бу́иш спра́шывыть. И не… и ни раска́зъвут. Гара́с ы не раска́зыут. Вот.

А вайна́-тъ када́ кончилъсь-тъ, о́, зьдесь-тъ зажы́ли, блъγада́ть. Мале́нькъ ста́ли хъть и паёк дава́ть, хлеп. Вот, кой-чяво́ па ка́ртычькъм, и съхарку́ даду́т, и фсе°во́ дадут, а та́к. Где чево́. Чево́, вре́ме смо́трити?

Нет, нашу девочку высматриваю.

Ну да, да, да. А да́, вы до́м-тъ закры́ли? Закры́фшы? И ключи́ у вас? Ей и ни…

Нет, у нас кодовый замок.

И ана́ так мо́жыт аткры́ть? Мо́жыт? Тябя́ как зва́ть-та? А́ня?

А меня Саша.

Та́ся? Ка́ся? Аликса́ндра? Да-да-да-да. А ту́ю? Я и гъварю́, и забы́лъ и спраси́ть-та. А, Ле́на! От, ви́диш как. А то́ я ище́ и ня зна́ю. А пато́м вы́шли фчера́ся, гляжу́: На́дя, канфе́тки да́ли! А я гъварю́: ужэ́ ана́ ушла́ э́къни, и тетра́ткъ стайи́т нъ стале́ и с ру́чькъй. Забы́ли! Я вы́шлъ нъ крыльцо́, ду́мълъ, ты в Лужнико́въ пашла́ – не́ту. Я гърю́, уш куда́ кричя́ть, мо́жэ, приду́т пато́м ы гъварю́… На́дя гъвари́т: ма́м, пато́м снясёш, или приду́т са́ми. А пато́м вы́шла, гляжу́, ты идёш. Алекса́ндра. Алекса́ндра. А о́ч’чисва-та? А у мяа́ па́мить, я ужэ и забы́лъ о́ч’чисвъ ва́шывъ.

История дома

А эти дома построили в пятидесятые годы?

Да, да. Э́тъ ужэ калхо́с тут ужэ́. Бы́ли мно́гъ наро́ду-тъ, калхо́зники. Во́та. А прийеж’жя́ли не то́ль… ни ме́сныйе жы́тили-та, а с Вълачька́, вот, бы́ли пришо́ц… прийе́хъч’чи зьде́сь жы́ли и рабо́тъли вот э́ти, ка́к ане́… Э́ти ни катэ́джы, ка́к ане́ нъзыва́оццъ, э́ти до́мики-т, вот. Три, читы́ри до́мика и пастро́йена. Тро́йе йих. Муж ж жано́й, а пато́м ане́ сибе́ рабо́тника, то́жъ ма́сьтиръ, бра́ли. Вот та́м, ну-к вот как итти́ в Лужнико́въ, там о́н-ка до́м-тъ то́жэ стайи́т. Там то́жэ с Пятри́лъвъ прийе́хъч’чи бы́ли, йим да́ли кварте́ру, оне́ зьдесь зъ тиля́тъм у нас хади́ли. А пато́м занима́лися пи… винцо́м ане́. Ане́ бы́стра тут, пръдава́ли э́ти… ка́к он называ́иццъ, спиртя́гу-та. Вот сь… ни съхрани́ли сваю́ жысь.

Даже жизнь не сохранили?

Ну, по́мирли. Сначя́ла жана́, а пато́м ы он по́мир.

А вот этому дому сколько лет?

А э́тъму до́му я теб… вам ни скажу́, как ско́лькъ лет. Он сначя́лъ зьдесь жыл, так ы стая́л тут. А ка́к пастро́ифшы, ф како́м гаду́, ни магу́ сказа́ть. Вот. Зьдесь ана́ жыла́ то́жэ, дво́йе рибити́шык, тётка Шу́ра. Ана́ папа́ла в э́ту, пат су́т за кра́жу. Пъсади́ли ею́. Вот. А рибяти́шки — Зо́йка до́чька и мальчи́шка — йих куда́, ня зна́ю, куда́ йих атпра́вили.

А что ж она украла?

Го́лът. Го́лът был, дак чё-тъ на́дъ. Карто́шычьки. Гара́с нибальшо́ва, а во, а карто́шки... Пайдёт на калхо́знъйе по́лё. Вот. Да.

А пато́м про́дъли. Сын ста́ршый жыл в Маскве́, вот, и прийе́хъл про́дъл э́тъ дом, тут купи́фшы была́ ба́пкъ Ма́рфа. И ана́ та́м вот, где я вы́шыццы была́ за́муш-та, в Барсука́х-та ужэ та́м, как называ́ицца, хутъра́-та. И ана́ э́тът дом-тъ пирьвязла́ в Барсуки́, вот э́тый дом. На е́тим ме́сьте двор ско́тный стая́л. На е́тим ме́сьти. Нимно́гъ там, а штук де́сить, наве́рнъ, каро́ф бы́лъ, то́жэ тако́й сара́й нибальшо́й, ка́к... Вот. Ну а мы када́... А пато́м ана́ в Го́ркий уйе́хъла. До́м-та е́тый аста́лся в Бърсука́х. Вот.

У нъс там зерно́ бы́ла, се́йили, убира́ли. И тут ана́ как къл́дау́шка[11] была́. Э́тъ щяс он ръшшата́лся пол, туда́-сюда́ ще́льйа. А тада́ пло́тнъ бы́лъ, зерно́ сы́пале, сушы́ли. Вот.

Жизнь замужем

А мы када́, вот То́ля, ну жани́лися, за́муш я вы́шла, чё ш ф сямйи́, я три го́да там ф семйи́ жыла́. А у свекро́вушки-та йищё дво́йе, тро́йе сынаве́й. Де́нюшки-тъ вмесьтя́х. Рабо́таш, а вмясьтя́х. А чево́. А уш у меня́ свайи́ дво́йе пъяви́лися. Вот. Ната́ша и На́дя вот, што была́ фчера́ся. Купи́ть-тъ на́дъ чяво́-тъ, э́тъ ра́ньшэ, то́ калго́тки… Типе́рь фся́кийи, то́лькъ де́ньги бы́ли бы, на дите́й мо́жыш-ка. А тагда́ мо́жыш падда́ть и э́ту, ка́к те, ис-пад вы́ручьки, тихама́лъчькъй, мале́нькъ пиряпло́тиш, э́ти даду́т. Вот.

А ана́ палу́чит палу́чьку, пълучя́ли в Лужнико́ви, бы́лъ правле́ньйе там. Ну, рабо́талъ, ана́ пайдёт пълучя́ть, палу́чит. Бари́с служы́л в а́рмийи. Ой, на дэ́, в дире́в… го́рът-тъ забы́ла я, како́й там. Ана́, а о́н то́жэ пифцо́, кури́ть. Она́ то́ йе де́лъ пъсыла́ть йему́ деньжо́нки-та. На́м рибяти́шкъм ру́гънь, ни даёт де́ник купля́ть, а йи́м пъсыла́йет. Вот.

Пато́м прихо́дит ана́ с Лужнико́въ и гъвари́т: То́лька, у мяня́ Яго́р Нячя́йиф праси́л и́збу-тъ, мо́жъ, пръдади́м? А ужэ́ wы на́с ызба́-та купи́фшы была́ вотъ э́та. Вот. Мо́жъ, пръдади́м? Чево́ ш вмясьтя́х жыть, и…? А я гъварю́: от ка́к хо́чиш. Пу́сь он пръдаёт, йе́сли ня хо́чит жыть, а я, гъварю́, я тада́ зъбира́ю рибяти́шък, уйду́ сюда́ вот ф Си́тникъвъ жыть к ма́мки. Я не бу́ду жыть. Ну, он ы фсё. Никаки́х прада́ш, бу́дим са́ми жыть. Пъдримантиръвъл фсё, фсё та́г жэ, фсё хърашо́.

Ухаживала за телятами

Там то́жэ держа́лъ я и каро́ву, и аве́чик держа́лъ, ну фсё бы́лъ, и ку́ры. Вот, и зъ тяля́тъм я хади́лъ там, за тяля́тъм. А што́ зъ тяля́там. А и амма́нывъли… э́ти… Бы́к был, быку́ как асимина́търу он, зна́чит, тёлки бы́ли, он быку́ вы́пишыт пасы́пки, сваю́ жывати́ну туда́ дамо́й. А на фе́рму нам ы ни привязёт. Вот ви́диш.

А прийе́хъли то́жэ с Вълачька́. Чё-тъ: бычёк-тъ кро́йет? Мы гъвари́м: кро́йет, вот, вод бы пасы́пъчьки п на́дъ бы. А то́ он эт ади́н сило́с и дъ

[11] *Калдау́шка* — кладовка.

сен… сенца́. А ка́г жэ? Щяс. Пайе́хъли, в Лужнико́ви гъвари́т: выпи́сывают там в Барсуки́ э́тъ пръизвади́тилю пасы́пку? Каг жъ, выпи́сывают. А где́ ш? А он сибе́ фсё, свой ско́т карми́л. Во́т как.

И вот пришло́ся, та́м вот я гъвари́ла фчера́сь ей, пъдраста́ют дяфчёнки-тъ, ф шко́лу на́да. А ф шко́лу-тъ на́дъ в Я́кънъвъ хади́ть в ытырна́т, в ытырна́ти жыть. Вот, дава́й. Ну де́ти-тъ майи́ у ма́мки жы́ли, вот ы Ната́ша, и На́дя. Вот. На́дя дъ сядьмо́въ кла́са. Пажа́луй и вась… а васьмо́й ужэ мы э́ту сюда́ пиривязли́, пастро́или. Ана́ уш васьмо́й клас зьдесь ко́нчила и в э́ту… Бълаго́йе паступи́лъ. Ана вот три го́дъ ника́к учи́лъсь, а пато́м атпра́вили яю́. Вот таки́ дяла́.

А в какие годы осудили женщину? В тридцатые?

Нет, па… ужэ́ тут наве́рнъ по́сле вайны́. По́сле вайны́.

И она не вернулась?

А ва… я бо́льшэ не зна́ю, ана́ как уйе́хъла, где́ ана́ там, и ни верну́лъсь, не зна́ю.

И дети не вернулись?

И пръ дите́й не зна́ю. Ну йих тада́ в ытырна́т зда́ли. Вот. А ка́к ане́, никто́… Бох зна́йет, как судьба́ слажы́лъсь йи́хна.

А старший сын у нее был?

В Маскве́.

И он не вступился?

А чё, ка́г жэ фсту́пиш? Су́т йесь су́т, апсу́дит. Стро́га ра́ньшы бы́лъ, стро́га. Да и сича́с, а вот укради́-ка, нападёт на како́въ челаве́къ, не… Пасы́пку иш съ двара́ украду́т и пръдаю́т нъ вино́. Быва́йет и асу́дят и штра́фу даю́т.

Ну все-таки штраф, а не в тюрьму.

Каг взгля́ницца. Вот. Как взгля́ницца.

Хоть бы учли, что дети.

Да, да, ни учьтя́т. Хърашо́, што хо́ть и у каво́ сваи́ ро́цвиники или ради́тили мо́гут есь за ним пъглиде́ть, взять их сибе́. А так бизро́нныйи, куда́ ане́, ътправля́ют. Э́въ, пъ тиливи́зиру насмо́трисси на фс… фся́ка. Вы смо́трити, зна́ити.

Стараемся не смотреть.

Да. Друго́й ра́с как наслу́шъисся, насмо́трисси и ду́маиш: во́ глу́пъ-та, заче́м я сматре́ла-та, заче́м мне на́дъ бъ сматре́ть. То́лькъ ля́жыш: чюк-чюк-чюк се́рцъ, тук-тук-тук, вот. Стръхата́, ой.

Щяс вро́де как пати́шы. И wот мале́нькъ и ъбращя́ют внима́ньйе, што́бъ спиртя́гъй-тъ ни… не тър… А то́ пайе́дут в Вълачёк там, нъберу́т и тарту́ют, и тра́вит люде́й, мно́гъ по́мирлъ, и мущи́н-тъ ва… ф си́лы, здаро́выйи, то́лькъ п рабо́тъй, а… а свя́жуццъ с э́тим, йи́сь ни дъйе́… ни дая-да́ли, чё там па пья́нки, вот, и жы́въ, гляди́ш, паме́… по́мирли.

Работа в лесу. Получение паспорта

А вы, значит, всю жизнь работали с телятами?

Я снача́лъ в лесу́.

В лесу?

Да, рабо́тълъ в лясу́. Я да́жэ ни магу́ сказа́ть, ско́лькъ гадо́ф, наве́рнъ, бо́льшы диситы́, я ужэ́ и ня… и ня по́мню. Вот, а пато́м вы́шла за́маш-та, а чё ш, мы атсю́да нас в ле́с-тъ бра́ли, машы́на нас вази́ла. Где́ дяля́нку там наре́жыт, и за дире́вней, и туда́ ф те… за те́ дире́вни йе́зьдили нъ рабо́ту, где дяля́нку наре́жыт, йе́зьдили. А пато́м куда́ ш, и… и пашла́ ращёт взяла́. Так што́ я… пато́м, как туда́ пашла́, я́ и зъ… зъ теля́там там ста́ла хади́ть нъ дваре́, вот. Тижа…

А это были какие годы? Пятидесятые?

Да, ма́лыи тут таки́ пися́т... Вот пися́т тре́тий, я по́мню, мы то́жэ в ле́с йе́зьдили, а сказа́ли: Ста́лин по́мир, ф пися́т тре́тим он гаду́ по́мир. Мы тада́ в ле́с ни пайе́хъли. А тагда́ у на́с ни ра́дива, ничево́. А та́м нъ краю́ жыл ади́н мужы́к. Он служы́л где́-тъ, атту́дъ привёс приёмник. Называ́лъсь приёмник-та «Ро́дина», бальшо́й тако́й стая́л. И во́т мы фсе скапи́лись у нево́, по́хърърны сматре́ли Ста́линъ. Вот.

Слушали?

Слу́шыли, слу́шыли. И… а ту́т пися́т шасто́й, пися́т сядьмо́й, пися́т васьмо́й, э́тъ-тъ фсё то́жэ в васьму́, я ф пися́т дявя́тъм…

А люди огорчались, что Сталин умер? Или не очень?

Не́т, што́-та сыжыле́ли.

Сожалели, да?

Съжыля́ли. Съжыле́ли. А вот пато́м кто́ на ево́шнъм ме́сьти бы́л, я да́жэ ни магу́ сказа́ть.

А вы не были в колхозе, получается?

А я так када́ за ма́мку хади́ла, ду́маю, папро́сит ба́пка: пайдём с там… с або́йей пало́ть. Лён вот пало́ли, лён, карто́шку.

Но вы не считались работником колхоза?

Нет, ни щита́лъсь э́тъ. Фсё на ма́мку писа́ли, а я́ ни щита́лъся.

А другие дети колхозников считались в колхозе?

Я да́жэ… нет, а то́жэ э́тъ типе́рь-тъ, щяс… А ра́ньшы до́ма сиде́ли. Щя́с вод де́вить кла́съф ко́нчют, на́дъ где́-тъ в вы́шшъйе. А тагда́ из дире́вни фсе до́ма капшы́лися. Тада́ в вы́шшъйе не… ни стара́лися.

А никого не посылали из деревни учиться?

Пъсыла́ли. Адде́льна. И на то́рф вирбава́ли. Пъяж'жя́й на то́рф рабо́тыт.

Ездили кто-то?

Йе́зьдили. Йе́зьдили. Та́м где вот ы ъстава́лись и выхади́ли за́муш. Вот.

А других вербовали в лес?

Да́, в лес.

А вы там считались как рабочие?

Ну ка́к, уш то́т па́спърт я пълучи́лъ, уш ту́т ка́к ка́дръвъя. О́тпуск, ътрабо́тыиш го́т, о́тпуску ме́сиц даду́т. Тада́ в лясу́-тъ хърашо́ пълучя́ли.

И стремились в лес?

Стрями́лися, стрями́лися. А куда́ бо́льшы ит'ти́, в горът ни пайе́диш.

Почему?

Ну чё-та тада́ ма́лъ, като́ры йе́зьдили в го́рът. Фсё в лясу́, ско́лькъ нас мъладёжы в лясу́ рабо́тълъ.

А вы паспорт в лесу получили?

Да́, из ле́су. Тут ф сельсаве́ти рабо́тъли, сильсаве́т не дава́л да на́с санда́рку на па́спърт, а ту́т па бла́ту мале́нькъ. Пихнёш чево́, жэ́нщина была́, санда́рку даст, напи́шыт, ы пайдёш.

Что напишет?

Станда́рка написа́йеццъ… нъзыва́йецца. Што́бы па́спър-та. Вот. Бис станда́рки ни даду́т ничево́, придёш. Я здала́ дъкуме́нты там ка́к-тъ, пайе́хъла то́жэ в го́рът, ду́мъю, пълучя́ть ужэ́, назна́чили како́ число́ пълучя́ть, пашла́, пашла́ са мно́й бра́тъва тёща пашла́. Пайдём. Вызыва́ют меня́. Вызыва́йет высо́кий тако́й мущи́нъ. А пъчему́ ф калхо́зи ни рабо́тъити? Ф калхо́с на́дъ рабо́тыть. А я́ гъварю́: а чё ш, я бу́ду фсё в лясу́ рабо́тыть? Ле́сшы лъма́ть? Я гъварю́, я уе́ду учи́ццъ, я хачю́ учи́ца. Вот. Ну, пайдём. Во́т я и палучи́ла па́спърт. А кто́ у ва́с там ф се́льсаве́те гла́вный ф сильсаве́т? Мы гъвари́м: Миха́л Ива́нычь. А сикрята́рь вот та́м вот Ве́ткинъ была́. А как… пъ како́й жэ? А я́ гъварю́: вот пъпраси́ли, меня́ вазьму́т учи́ццъ туда́. Вот я́, а Ве́ткина и дала́ станда́рку мне́. Вот. Вот та́к.

А, все-таки Веткина вам дала стандартку? В колхозе?

Нет. В калхо́зе де́ там да́с. Э́тъ ужэ́ ф сельсаве́те, ка́к вот типе́рь э́тъ нъзыва́юццъ-та, аминистра́цыя, а тагда́ се́льский саве́т. Во́т, пълучи́ли.

А в лес ездили молодые люди?

Фся́кийи. И пъжылы́йи. Ну пъжылы́х гара́с не́ былъ. Ну та́к вот со́рък, пиися́т лет, вот таки́и йе́зьдили, мущи́ны йе́зьдили и ребя́ты. Мно́гъ на́дъ бу́дит и на ва́лку, на ръскряжо́фку, и трътари́сты, бы́лъ мно́гъ. И машы́н и трътаро́ф-тъ.

А мама ваша не получала паспорта?

Ма́мка бес па́спърта ана́. Да́, бес па́спъртъ.

В каком году она умерла?

Я ня по́мню, ф како́м гаду́. Да, ня по́мню. Я ужэ́ зьдесь жыла́, ана́ ужэ́ ня́ньчила правну́чьку, Аксáнушку, ня́ньчила. И ужэ́ О́ленька была́ нъраді́фшы. Се́мдисит с че́м-тъ ана́ пъмерла́.

Это где-то было годы семидесятые?

Наве́рна. Наве́рнъ. Па́пка ра́ньшы по́мир. Пе́ньсию пълучи́л, ника́к ра́с то́лькъ о́н ы пълучи́л пе́ньсию-тъ, вот шыися́т яму ле́д бы́лъ, и у́мир.

Зоя Ивановна Румянцева

Вышивка

По́сли, ка́к сказа́ть, ни весно́й, не… ни на́ литъ, а вот зьде́сь где́-т-нибу́ть, мо́жэ, с фивраля́, зьдесь вот пътиплéй вот, вот зьде́сь стая́ли, фсе́ ста́вили станки́. Пълау́шки[12] тка́ли, вот типе́рь не́т тех, у мня, у мня́ пъла-

[12] *Полову́шка* — домотканый половик.

wýшки там ста́рыи… не́ту. А типе́рь вот таки́и даро́шки вя́жут вот. Э́тъ, э́тъ я ни уме́ю, я то́жэ, я ни уме́ю э́т-ка везáть. Я… у мня… я вáлинки валя́лъ, и кадá я… мне́ и бы́лъ-тъ фсево́-тъ с читы́рнъцъти дъ двыцати́, ну пусь с петнáцъти, пакá учи́лъсь, и да двъцати́ я валя́la вáленки. Я ни везáла, я крючько́м мале́нь…, ой, вышывáлъ мале́ничькъ э́ти вот э́ти скáтирти до́ этъ вот тáк, вы́шыфкъй бáлъвълъсь мале́нькъ, да и то́ бы́лъ не́къгда. Я каро́в даи́лъ сразу жэ по́сли шко́lы, и вáлинки валя́ла, и пъгуля́ть хате́лъсь. Ну вот ы фсё.

А что вы вышивали? Есть такие старинные занавески…

Зънаве́ски ни вышывáли. Вышывáли скáтирсьти, падзо́рины[13]. Падзо́рины к кравáти, жыле́зны бы́ли кравáти, э́тъ ни типе́рь как вот дивáны или чё там. А бы́ли жыле́знъи кравáти.

А там какие-то вязаные есть у многих.

А вя́заны э́тъ сáмъйе, э́тъ кружэвá. Да, вя́заны йесь пакрывáлы, да. У миня́ вы́кинуфшы, у миня́ фсё этъ бы́лъ, я… Типе́рь уш, наве́рнъ, и мо́ль сйе́la, э́тъ, мы́шы сйе́ли, вы́кинуфшы, ничё не́ту, я и ни… ни люби́лъ я. Ни май, я ни вышывá… ни везáла, ни э́тъ сáмъйе вот э́ти скáтирсьти, ну, падзо́рины э́тъ фсё э́тъ… Падзо́рины къленко́ръвыи были, клáли нъ матрáс, а э́ти кружэвá пришывáли к ним. Ну, краси́ва.

Уборка перед Пасхой

К Пáски вот начьнёш убирáть к ызбы́ вот, вы́т… сни́миш фсё, вот тако́й гуl, тако́й э́тъ бы намо́иш къда и́збу, вот тако́й гуl, ътгalóски. Пато́м нъчинáиш срежáть. Вот. Кравáти аде́ниш, фсё э́тъ сáмъйе, вот падзо́рины, пъкрывáлы, фсё э́тъ сме́ниш про́стыни, э́тъ фсё к Пáске-т гато́вилися. Фсё э́тъ нáвълъчьки аде́ниш чи́стыйи, пато́м э́тъ скáтирти пасьте́лиш, дивáны, э́тъ ути́рки[14] паве́сиш. Типе́рь ути́рки лежáт, ни ве́шъла, ни ве́шъю. А ути́рки лежáт.

А куда вы вешали утирки?

На киёт. Во́т на э́ти киётки на кáртычьки… ве́шъли. Бо́жынка былá вот в углý. Не́ту. Былá парти́йнъя, мужы́к парти́йный. Вон адне́ паути́ны то́къ, то́къ щяс увидáлъ вон тáм паути́ны.

А я не вижу. Плохо вижу.

Я́-тъ ви́жу хърашо́ и ни ви́диlъ, и вот то́къ щяс сиде́lъ атсю́да и ръзглиде́lъ. Вот бо́жынкъ былá там, а мужы́к парти́йный, и я́ былá парти́йнъя, и снял сваю́ и, мо́жнъ сказáть, като́ра разбит, но я атнелá, и щяс ф цэ́ркви анá.

Вы отдали в церковь?

Ну а кудá ш ё?

А какая у вас боженка?

Ну такáйъ былá нибальшáйъ, а я дáжы ни знáю, какáйъ. Не, не по́мню, какáйъ там, са сьтекlóм, ы фсё там анá.

---

[13] *Подзо́рина* — край простыни, спускавшийся при застилании кровати ниже покрывала.

[14] *Ути́рка* — полотенце.

Это еще от мамы, да?

Да, маё бlъгъславлéнийе. Миня мáмъ бlъгъславлялъ былá, и тáк я снеlá и, анá лежáла, а кадá цэ́ркъфь аткры́ли, тудá Катирúнъ Михáлнъ унисlá. Вот, нéту. Так што тóжэ я не знáю, я не ткálа, не знáю, как нъзывáиццъ, ну станóк. Там мнóгъ, там ы…

А вот утиральники повесили бы вот на эти кивоты?

Пъlатéнцы. Да. Да. На зéркъlа вот, на… в э́тъ сáмъи. И вот адéниш, тáк красúвъ, красúвъ убирёш в ызбы́ к Пáски. А патóм начинáиш жыть, тáм абадрé… абдирёццъ, тáм кудá-тъ снúмиццъ, нáдъ ищё апя́ть да Пáски. Ну к Пáски убирáиш хырашó. Дажъ ф старину́… ф старину́ вод дáжэ… Дáжэ партя́нки, с э́тъвъ… с пéчьки фсё, наскú — фсё-фсё-фсё сьтирáлъся. Ни тóлька, машы́н нé быlъ, рукáми фсё, замóчиш ф кары́ты, фсё-фсё э́тъ: наскú там, вáришки худы́и там, партя́нки — пъдъ́бъвáли [подобували. — *А. М.*] мужыкú в вáлинки. Вот фсё э́тъ фсё-фсё сьтирáиш, фсё. А типéрь, типéрь ни сьтирáим, типéрь фсё в машы́ну кúниш. Вот сичя́с вáришки, што насúлъ вáришки, вот дьве пáры убрáла, вы́сьтирала. А то йéсли их ни пъсьтирáиш, их моль сйéс, шырсьтины́и. Вот.

Выступления на сцене

А старинная обувь какая была, которую сами делали?

Чю́ни, лáпти ни насúла. Ни насúла. Ну, чю́ни… Пъгадú. Лáпти изь бирéсты. А чю́ни из льнá. Вот э́ти су́чют такúи вот, ну, нúтки такúи наэ́рнъ ф пáлиц тълщины́, вот, и вот такúи тóлстыи, и начинáют вот ы плясьть, плесьт. Вот, умéл кто чё дélъть. Ни насúlъ я. А э́ти, кáк сказáть, лáпти… у миня́ гдé-тъ… Эн лáпъть тарчúт! Э́тъ я выступáлъ, сцэ́нку дélъlъ, с лаптя́м. Адúн láпъть тóлькъ мне дáли. А прицтавля́лъ я каг двá. Я накланю́ся, каг бу́ттъ дъстаю́ фтарóй. Вот, лáпъть.

Вот какой, новенький даже. Не выношенный.

Да, он ужэ́ тут гря́зный. Ни вы́нъшыный, да. У нáс гдé-тъ там лаптéй пáръ лежы́т в э́тъм, кáк нъзывáйица, гдé-ка где фсé вот э́ти што забы́фшыйи вéщи-та, эх, как анó, правлéние такóе-тъ, йéсь там кóмнъта, там мнóгъ ищё — там ы пря́лки там, и скóвъръды там, утюгú старúнныи, катóры угля́ми. Там фсё-фсё-фсё йéсьтя. Тóкъ вы спрасúли бы, кто…

А мы были там. Музей. Там много «забывших» вещей.

Да-да-да. Забы́фшыи вéщи. А э́тъ я сцэ́нку дélala, как мужы́к уйéхъl в Ленгрáт, вот, в Масквý, ну а я́ в дирéвни жывý… И вот кáк, щяс спаю́… вот… прийé… Да!

Я прийéхълъ з дирéвни нъ Ваню́шу пъглидéть.
Ой, зьдесь сафсéм нарóду мнóга, майевó Ваню́шы нет.

Выхóдит он.

— Здрáствуй, Мáнька! — Здрáствуй, Вáнька!
Вóт ы фстрéтились с табóй.
Ой, вúжу, Вáнька, стыл [так!] ты, Вáнькъ, сафсéм пáринь гърацкóй.
Óх ы трýдная дарóга дъ Масквú миня́ велá

Са́мы лу́чьшыйе пада́рки из дяре́вни привезла́.
Ой, привезла́ тибе́ я, Ва́ня, армя́к но́винький сафсе́м.
— Што́ ты, Ма́нька, адуре́ла? Бу́ду ль я армя́к наси́ть?
Я пайду́ в Маскве́ в мага́зин и касьтю́м сибе́ куплю́.
— Ох, привезла́ тибе́ я, Ва́ня, да ла́пти но́выйе сафсе́м.
— Што́ ты, Ма́нька, адуре́ла, бу́ду ль я́ лъпти наси́ть?
Я пайду́ в Маскве́ в мага́зин и бати́нки там куплю́.
— Ой, напекла́ я тибе́, Ва́ня, да ляпёшэк аржаны́х.
— Ой, што́ ты, Манька, адуре́ла, бу́ду ль я ляпёшки йесьть?
Я пайду́ в Маскве́ в мага́зин, са́йик там сибе́ куплю́.
— Ой, привезла́ я из дяре́вни да са́мый лу́чьшый съмаса́т…

Таба́к. У мня где́-тъ и таба́к там. А я ищё аткры́ла, да вот та́к фу́ — каг ду́нула, да ръсчи́хълися как! А армя́к у миня́ он бы́л, армя́к был э́тый са́мый, э, ну вот тако́й, пальто́ зи́мние, давнёшнъе, э́тъ са́мъе, ка́к сказа́ть, с пе́чьки там, ста́ръе. А я ищё туда́ взяла́, муко́й насы́пъlъ, да и вот так пятёрла, дъ пато́м, а на сцэ́ну-тъ вы́шла: «Дъ армя́к но́вый» – ка́к трихану́ла. Ну сме́ху бы́lъ, вапще́ э́тъ мы…Тако́е вот. А пато́м во́т:

— До́лго ш в го́ръди ты жыл да сваю́ Ма́ньку пъзабы́л,
Сваю́ харо́шъю, приго́жъю.

Пляса́ть пайдём.

— Пайдём, Ма́ня нъ крыле́чькъ, пъдарю́ тибе́ кале́чькъ,
Пайдём, Ма́ничька! — Пайдём, Ва́ничька!

Вот так зака́нчивъим.

Значит, какое-то примирение наступило все-таки! Не то что он её отправил обратно?

Ни атпра́вил, он про́стъ… ни пънра́вилъсь йему́ гасьти́нцы йе́йныи. Ой, выступа́ли.

Понятно. Это вы сами придумали такую сценку?

Дъ наве́рнъ, То́ня, наве́рнъ, То́ня. Ана́ мно́гъ приду́мывъит. Мо́жъ ана́ как ы́сстъри, ана́ ж давно́ учи́lъся где́ фсё э́тъ и вида́lъ. У йе́й мно́гъ, мы с йей ка́к-тъ выступа́ли дво́йе. Э́тъ са́мъе. Са́ва де́тка бы́l, ве^{и}зёт нъ база́р:

— Ой, вазьми́ миня́ с сабо́й. Да што́ ты…

В о́пщим, вот тако́е. Нъ саня́х, нъ саня́х нъгрузи́фшы.

— Ну ла́днъ уш, сади́сь.

Се́лъ я.

— Ой, Са́вушка, а ка́к мы… Но́чь-тъ бальша́я, ни… захва́тит нас но́чь-тъ, ну, ка́к мы бу́дим спа́ть-та?

— Ну чё, ля́жым дъ спа́…

— А мы праспи́м с табо́й го́рът-тъ.

— Сца́ть захо́чиш, сама́ саско́чиш!

Вот так.

Это прямо на сцене?

Так ы гъвари́м на сцэ́ни: сцать захо́чиш, сама́ саско́чиш. Ой, кърау́л. А пато́м… Пато́м уш йе́хъли, йе́хъли, прийе́хъли.

— Ой, а мужы́к-тъ испра́вный. За ниво́ п ы за́муш мо́жнъ.

Э́тъ я гъварю́. А он:

— И бабёнка-тъ ничево́.

Я фстаю́:

— Фсё магу́, фсё уме́ю, фсё уме́ю де́лъть: и каро́вушку даи́ть, и телёнушка паи́ть, съмаго́нъчьку вари́ть.

Ой, во́т выступа́ли. Ну я вапще́ ш выступа́ю шу́тъчьнъе тако́е, у мне фсе пе́сни шу́тъчьныйи… и визьде́.

Отлично! Это вы собрали и армяк, и лапти, да?

Да, э́тъ фсё бы́лъ, вот та́к в жгуле́. Я э́тъ каг гро́хнулъ ево́, ста́лъ дъстава́ть. Во, а о́н: «Хо́, — сра́зу, — э́тъ не на́дъ, э́тъ не на́дъ». И лепёшки бы́ли, аржано́й хле́п, вот та́к нъпъпала́м, и лепёшки бы́ли.

А кто сделал?

Дъ хле́п чёрный, э́тъ са́мъе, купи́фшы, разре́зъфшы пъпала́м, лепёшки даста́ли. Ну када́ тако́е, асо́биннъ вот к Но́въму го́ду тако́е, ну када́ идёт приме́рнъ к смо́тру како́му гато́висся, та́м уш пе́сьни паёш таке́и нърма́льныи, там пръ Раси́ю приме́рнъ или каки́, ну, паём, я люблю́ о́чинь пръ Раси́ю петь пе́сни.

Валенки

Нам говорили, что вы из семьи валяльщиков? А вы сами делали валенки? Вот эти самодельные?

Э́тъ ни май, э́тъ з го́ръдъ привезли́. Кане́шнъ, ани́ съмаде́льныи, чё там. Во́йлък, кто́-тъ шшыл. Эт са́мъе, мо́жы где́ и... Там мой сы́н, у йево́ тако́й ка́минный дом, тако́й ни́зинькей, ну, адно́ита́жный, и этъ… ба́бушкъ жыlа́ ищё, этъ ба́бушкин. Оне́, када ба́бъшкъ пъмерlа́, ста́ли разбира́ть её ве́щи, о́н ы нашо́ў. Хате́ли уш на сва́lку, а о́н гыт: о́, я ищё г ба́бушки Зо́и свезу́, на пе́чьки там бу́дут ъдява́ть. Вот аны́, о́н ых привёс, тёпlыи. Во́йlъчьныи. А я, я валя́лъ, я валя́lъ. У мня ва́линкъф ни аста́фшы. Ни аста́фшы. А каlо́тки йе́сьтя. Кало́тки.

А валять могли и мужчины, и женщины?

Ну, ка́к сказа́ть, фсе, фсе. Да́, да, и жэ́нщины валя́ют, и... У на́с фсе валя́ли. У на́с ско́лькъ мы бы́ли, у на́с в двух ба́нях мы валя́ли. В ба́нях де́лъли э́та като́к, и э́тъ... У на́с Ри́нъ валя́lа, Лёлькъ, Ма́ня валя́lа, Ду́ня валя́lа, я валя́lа, Ва́ля Макси́мъва валя́lъ. Вот дифчёнки, мы тро́е валя́ли дифчёнък, дифчёнки. Вот. Три жэ́нщины валя́ли, жэ́нщины за́мужым, ужэ́ бы́ли рибити́шки. И мущи́ны. Па́пкъ мой валя́l, дя́дя Ва́ня Кругlо́ф валя́l, у нас нъ Асафцэ́ вод бы́lъ, наве́рнъ, дамо́ф дьвена́цыть, щита́й, фсе валя́ли. Там то́лькъ бы́ли два… дво́йе, занима́лися ка́ткъми, бо́ндари, ка́тки де́lъли. А та́к, щита́й, фсе валя́ли, дире́вня од быlа́ така́я фся, снъва́ли. Машы́н бы́lъ три, три машы́ны би́ли. У на́с би́ли то́къ вот на́шы, сваи́, ту́тъ вот па́пкины плимя́нники и вот брат, во́т, вот би́ли в машы́ну шэрсьть. Па о́чириди, што́ ш там машы́нъ-тъ она́ ни иликтри́чиския, крути́ть на́дъ.

А машину сами делали?

Наве́рнъ… Как скъза́т, я да́жы и не зна́ю, я кагда́ ръдила́сь, ана́ ужэ́ была́. А чьйа́, ну фсё-тъки та́м ы, там мно́гъ приспъсабле́ний то́жэ. Бъраба́н, нъ бъраба́н адию́ццъ ва́лики. Таки́и вот, ну́, ме́тръ, метр два́цъть приме́рнъ, таки́и вот наве́рнъ. Ва́лики: бы́стрый ва́лик ы ти́хий ва́лик. Вот ыдёт ти́хий ме́длинна, а бы́стрый вот та́к че́шыт бы́стръ ът ниво́ шэрсьть. Пато́м бегу́н. Бегу́н вот тако́й, иго́lки вот таки́и, бегу́н. Бо^{у}йки́ фпириди́. И этый…

А бегун для чего?

Ну то́жэ э́тый, то́жъ, как ва́лик, но то́къ жэ он пабо́льшэ сам, и он з бъраба́на ачёсывъит, а ва́лики с нево́ снима́ют ужэ́, идёт, и во́т шэрсть че́шыца, как на чеса́лъх. Ну вот нъ чеса́лъх-тъ папро́буй, нъ кусо́чик пало́жыш, че́шыш, че́шыш, а йе́тъ бы́стра, приме́рнъ килагра́мъ два́ ръзабьйо́ш ы э́тъ са́мъе, за чя́с, э́тъ меньшы, э́тъ ме́ньшы, мно́гъ би́ли.

А где брали шерсть? Она вся своя была?

Кане́шнъ, шэрсь. Фсе аве́ц диржа́ли. Фсе аве́ц диржа́ли. И би́ли.

По скольку надо было держать валяльщикам овец?

Аве́ц кру́глый гот диржа́ли и вапще диржа́… Ни то́лькъ валя́льщики. Я тибе́ сказа́ла: принаси́ли и сасе́ди, принаси́ли из други́х дириве́нь свайи́, кто там зака́зывъйит ва́линки, принаси́ли шэрьсьть…

Не только для себя валяли?

Ни то́лькъ для себя́, и … мо́жнъ сказа́ть, фсю акру́гу снабжа́ли. Вот приме́рнъ Асаве́ц он ади́н то́къ и… да ф Пе́рвитини ко́й-кто валя́л. И Асаве́ц. А зьде́сь вот фсе́ зьдесь, никто́. Ну вот на Вlа́съфке валя́ли вот э́тъ там, там нъ краю́, где Ма́ня жывёт, Търака́нъвы, бы́l там мушчи́на, он валя́л то́жэ. На Вла́съфке. Вот. А та́к вот э́ти фсе.

А продавали куда-то? За пределы уже своих деревень?

Пръдава́ли. Пръдава́ли, пръдава́ли. Ну, кто из го́ръдъ да́жэ приежжа́л, пъкупа́ли, я да́жэ не зна́ю, пачём. Типерь, ну, адни́ ш. Фсё бы́lъ дишо́въе тагда́. Как сказа́ть. Я йе́й сказа́lъ. Ва́линки сваля́ть па́ру. А ю́ на́дъ, йе́сли вот па́ру ва́линък, йе́сли сесь с утра́, ръщепа́ть шэрьсть, разби́ть, зълажы́ть и сваля́ть. Да́й бох то́къ па́ру адну́. Читы́ри пидьдися́т тагда́ бы́lъ. Читы́ри пидьдися́т рубля́. Цэ́lый день рабо́ты. Ну и фсё.

Дом

Вот приме́рнъ у миня́ дом кагда́ руби́ли, то́жэ пять рубле́й на́ динь я плати́lъ ка́ждъму. У миня́ бы́lъ шэсь чиlаве́к, вот. Ну бы́стръ у миня́ де́lъли, наве́рнъ. Ну, эт у на́с тапо́рнъ, рабо́ты-тъ нет так, што́бы там чи́стъ-гlа́ткъ. Э́тъ у нас або́иф, у миня́ там або́иф, наве́рнъ, тако́й сlой… або́иф. А чё, ра́ньшы ани́ па три́цът капе́ик сто́или, а у миня́ мале́нькъ дымо́к зъхади́l, у миня́ вот бы́lъ ис то́й избы́ труба́ вот та́к праlо́жынъ в э́ту и ф пе́чьку. И ано́ далеко́, а уклон на́дъ, што́бы шо́бы вы́шы и вы́шы, штоп тя́га была́. А у миня́ не́ бы́lъ асо́бъ.

Дък ы… я када́ за́муш вы́шlъ, паста́вили там э́тъ, пастро́или э́тъ в шыэся́т читьвёртъм, ну где́-тъ, мо́жэ, ф шыися́т шысто́м. У миня́ Жэ́ня как ра́с

учи́лся нъ тръктари́стъ, я вы́шlъ, он у мня тръктари́стъм бы́l. Вот, зътаплю́ там лежа́нку, у миня́ да са́мъвъ ни́зу дым. Я сижу́, а дя́дя Пе́тя тако́й идёт: де́фкъ, ты до́ма? До́ма, дя́дя Пе́тя. Сижу́, пла́чю сижу́ у лежа́нки. Не́, э́тъ не де́лъ, не де́лъ, дава́й, де́фка, мы тебе́ зьдесь снисё… Там вот типе́рь наверьху́… навирёх прям нъ пъталóк, на кры́шу напрема́я труба́. Хърашо́ то́пицъ, ни дыми́нки, а зьдесь э́тъ вод жара́, зьдесь мале́ничькъ этъ закро́ю, пажа́рчи штоп, то́жэ то́пица хърашо́. И биз ды́му типе́рь, ни капти́т.

А, там он провёл?

Он та́м лежа́нку зьде́lъл и вы́вил иё туда́ навирёх, дя́дя Пе́тя. А зьдесь другу́ю зьде́lъл, вот сюда́. А то́ йей не́ бы́lъ сра́зу. Вот так таплю́, эт са́мъйе. И… а або́и-тъ дишо́выйе, зъкапти́т, я вазьму́ эт са́мъе но́выи, но́выи, та́к ы приклéю.

Тут ребя́та: дава́й абдирём, ин у тиа́ сьте́ну на́дъ вы́примить, вот э́тый бу́гор. Я гу: ничево́ не бу́ду я. Кто́ эсли прълади́ти дом, каму́ бу́дит то́шнъ, пузь де́лъит пъ-друго́му. А мне́ и та́к хърашо́. А што́, у тя там слой або́й. Ну и наплева́ть, а мне́ хъдь бы́лъ бы изба́ паме́ньшы п. Во́т я гъвpю́: пашли́ вы на́фик. И вот. Ны́нчи ъбищя́лися мне ф то́й избе́ зьде́лъть ремо́н, то́жэ пакле́ить па но́вой и пакра́сить там. Вот. А я́ гъвpю́: зна́ити што́, у ва́с типе́рь сваи́х delо́в, дама́ купи́фшы, де́лът там на́дъ. Дъ бу́ити мой. Ничё мне не на́дъ. Я́ вод зьдесь жыву́, мне о́чинь хърашо́.

Щяс вну́чькъ зво́нит: ба́бушкъ, чё там де́лъиш? А ничево́, лежу́ дъ чита́ю. Вот, взя́фшы журна́л. Чё я зьде́лъю. Дъ слыха́лъ я, с тваи́м... Я гу́: типе́рь дава́йти мне ку́пим за ты́щю, за две́ ты́щи тако́й, я гу́, на два́цъть кана́лъф. А тибе́ и за э́тът, э́т са́мъйе… Ну, тагда́ никако́въ, ничё не на́дъ. Бу́ду спать, бу́ду чи́та́ть, бу́ду карто́шку пало́ть, я гъвpю́. И не на́дъ мне тагда́ тиливи́зъра.

Ну што́ ш, я винава́тъ, как он тре́снул ы згаре́лъ вот э́та приста́фкъ-та. Вот, приста́фка згаре́лъ, щя́з бы… Хърашо́ пака́зывъит теливи́зър ат э́тъй таре́лки-тъ, хърашо́. А вот… Бы́l нъприжэ́нийе баlшо́йе, а у миня́ нигде́, фсе бы́lъ вы́ключифшы ла́мпъчьки, я́ и ни ви́жю, и не зна́ю, и глежу́.

Мне то́къ э… вот пъзвани́лъ вон че́риз два до́мъ саса́тка: у тибя́ харо́шый свет? Ле́н, а я и не зна́ю. Тельви́зър рабо́тъит, а негде́ ни фключи́фшы. Сь йей пъгъвари́лъ, то́lка се́la, каг баба́хнул, про́пки там вы́скичили и зьдесь. Я та́к ы патпры́гнулъ, испуга́lъсь. Я ду́мъlъ, чё взарва́lъся зьдесь. Пъглежу́, фсё стаи́т, нигде́ не взарва́фшы, не… Ды́му не па́хнит, ниче́м ничё палёнъм не́ту. Абашlа́, вы́ключиlъ, про́пки фключи́lъ, а Ле́на зво́нит, до́чька: вы́ключи и про́пки сно́въ пусь вы́б… а то́ у тибя́ там ы щёчиг згари́т. Фсё вы́билъ.

Это что, был такой подскок напряжения?

Кане́шнъ. У миня́ о́чинь я́ркъя, о́чинь я́ркъя, а у саса́дий, вон да́льшы О́льга: а у на́с, гъвpи́т, е́ли-е́ли. Ни рабо́тълъ ничё. Мо́жэ где зъхлесну́лъ, пръвада́ или чё, да. Пато́м зьде́лъли, зьде́лъли, к утру́ ужэ́ нарма́льный свет.

Диалектологические атласы

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III, часть 1. Лексика. Минск, 1997. Вып. III, часть 2. Синтаксис. Лексика. Минск, 2000.

Литература

Дьяченко и др. 2020 — С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Тер-Аванесова. Перфектные конструкции в опочецких говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. XXIII. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти Андрея Анатольевича Зализняка)» (27–29 мая 2019 г.). М., 2020. С. 53–87.

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.

Карский 1903 — Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. СПб., 1903.

Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин (ред.). Русская диалектология. М.: Academia, 2005.

Кириллова 1975 — Т. Н. Кириллова. Очерки по фонетике говоров Калининской области: Учебное пособие по спецкурсу. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1975.

Кузьмина 1975 — И. Б. Кузьмина. Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано*, *кони запряжено*, *пол помыто* в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М.: Наука, 1975.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.

Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм. М.: Наука, 1970.

Ландер 2005 — Ю. А. Ландер. Русский разговорный субъектный результатив (рукопись).

Лопатина 2000 — Л. Е. Лопатина. Конструкции типа рус. *корова* (*корову*) *подоено*, бел. *грыбы пазбірана*, укр. *гроші узято* // Восточнославянские изоглоссы 2000. Вып. 3. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2000. С. 139–141.

Николаев 2005 — С. Л. Николаев. Рефлексы *s (*z), *š (*ž) и *sj (zj) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 94–112.

Образование 1970 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М.: Наука, 1970.

Опыт 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Тер-Аванесова 2013 — А. В. Тер-Аванесова. Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре // Иссследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 211–239.

Тер-Аванесова 2019 — А. В. Тер-Аванесова. Синтаксические функции и формы страдательных причастий прошедшего времени в южнорусском говоре // Фортунатовские чтения в Карелии. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2019.

Трубинский 1983 — В. И. Трубинский. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 216–226.

Трубинский 2004 — В. И. Трубинский. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. М.; СПб.: Academia, 2004.

Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

Arkadiev, Wiemer 2018 — P. Arkadiev, B. Wiemer. Perfects in Baltic and Slavic // URL: https://www.academia.edu/37595991/Perfects_in_Baltic_and_Slavic.

Danylenko 2020 — A. Danylenko. On the grammaticalization of the -(v)ši- resultative in North Slavic // Historical Linguistics 2017 Selected papers from the 23rd International Conference on Historical Linguistics, San Antonio, Texas, 31 July — 4 August 2017. John Benjamins Publishing Company, 2020.

Получено 21.07.2020

Anna V. Malysheva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
annamalys@mail.ru

Alexandra V. Ter-Avanesova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
teravan@mail.ru

SELIGER-TORZHOK DIALECT OF THE VILLAGE LUZHNIKOVO AND ITS SURROUNDINGS

The publication presents some features of the phonetics and grammar of one Seliger-Torzhok dialect and samples of transcribed records from three informants.

Quantitative analysis of the occurrence of allophones of the phonemes /a/, /o/, /e/ in the first pretonic syllable after “soft” consonants showed a fairly stable “yakanje” in the idiolects of informants born in the village Sitnikovo in the early thirties of the 20th century, and the tendency to “ikanje” in the speech of the informant from the village Osovets, born in 1941. The idiolects of all three informants are characterized by a complex, apparently transitional system of vocalism. In particular, there is a partial distinction between the phoneme /a/, on the one hand, and the phonemes /o/ and /e/, on the other hand.

Functional features of the reflexive particle in the dialect are considered, some of them are not found anywhere except in small areas within the territory of Seliger-Torzhok dialects.

In the collection of texts recorded in the village of Luzhnikovo and its surroundings, the perfect predicates make up about 80% of the total number of usages of past participles. Luzhnikovo dialect, as well as the other Seliger and Torzhok dialects, shows a tendency to use both subject- and object-oriented *sh*-participles in perfect constructions. These participles, which in most Russian systems are used only in "subjective resultative" constructions, are also found in the Luzhnikovo dialect in "objective resultatives", but do not completely displace *n*/*t*-participles in this position; they are less common in active "possessive resultative constructions". Thus, all three known diathetic types of *sh*-perfect constructions are found in the dialect, as well as "objective resultatives" with *n*/*t*-participles. All types of perfect constructions except "possessive resultative" and "objective resultative" with *n*/*t*-participles can be extended by the phrase "preposition *u* + genitive" denoting the subject (agent). A remarkable feature of the Luzhnikovo dialect is the usage of "*u* + genitive" in "subjective resultative" constructions with intransitive verbs as predicates. This must be a characteristic of the East of the Russian "perfect area"; a tendency to unify the phrase "*u* + gen." as the marker of the subject in the *sh*-perfects is observed. The absence of the subject in "objective resultatives" with *n*/*t*-participles is also an important feature of the Luzhnikovo perfect system, which brings it closer to the Eastern Russian, primarily central and South-Eastern resultative systems. At the same time, both agreement and the absence of agreement between the syntactic subject and *n*/*t*-participle, as well as both "truncated" and "non-truncated" forms of participles in case of disagreement are attested in Luzhnikovo and unite the dialect with the Pskov-Novgorod area. In the Luzhnikovo dialect, the recorded impersonal constructions mainly use *n*/*t*-participles of transitive verbs.

Keywords: North-Western Russian dialects, yakanye, vowels in the pretonic syllable, reflexive particle, perfect verb constructions, text

References

Arkadiev, P., & Wiemer, B. (2020). Perfects in Baltic and Slavic. In R. Crellin, & T. Jügel (Eds.), *Perfects in Indo-European languages and beyond* (pp. 123–214). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Avanesav, R. I., Krapiva, K. K., & Matskevich, Yu. F. (Eds.). (1963). *Dyialektalagichny atlas belaruskai movy. Karty*. Minsk: Tipografiia Akademii nauk BSSR.

Avanesov, R. I., & Bromley, S. V. (1986–2000). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* (Vols. 1–3). Moscow: Nauka.

Danylenko, A. (2020). On the grammaticalization of the *-(v)ši-* resultative in North Slavic. In B. Drinka (Ed.), *Historical Linguistics – 2017. Selected papers from the 23rd International Conference on Historical Linguistics (San Antonio, Texas, 31 July — 4 August 2017)* (pp. 294–316). John Benjamins Publishing Company.

Dyachenko, S. V., Zhidkova, E. G., & Ter-Avanesova, A. V. (2020). Perfektnye konstruktsii v opochetskikh govorakh. In A. A. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 23. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii (pamiati Andreia Anatol'evicha Zalizniaka)» (27–29 maia 2019 g.)* (pp. 53–87). Moscow: IRIA RAN.

Jakobson, R. O. (1985). *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress.

Kasatkin, L. L. (Ed.). (2005). *Russkaia dialektologiia*. Moscow: Academia.

Kirillova, T. N. (1975). *Ocherki po fonetike govorov Kalininskoi oblasti: Uchebnoe posobie po spetskursu*. Kalinin: Kalininskii gos. un-t.

Kuzmina, I. B. (1975). Eshche raz o konstruktsiiakh tipa *kartoshka vykopano*, *koni zapriazheno*, *pol pomyto* v russkikh govorakh. In L. L. Kasatkin, E. V. Nemchenko, T. Yu. Stroganova (Eds.), *Russkie govory: k izucheniiu fonetiki, grammatiki, leksiki* (pp. 202—234). Moscow: Nauka.

Kuzmina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka.

Kuzmina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1970). *Sintaksis prichastnykh form*. Moscow: Nauka.

Lopatina, L. E. (2000). Konstruktsii tipa rus. *korova (korovu) podoeno*, bel. *gryby pazbirana*, ukr. *groshi uziato*. In T. V. Popova (Ed.), *Vostochnoslavianskie izoglossy – 2000* (Issue 3, pp. 139–141). Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.

Nikolaev, S. L. (2005). Refleksy *s (*z), *š (*ž) i *sj (zj) v pskovskikh govorakh i v dvukh pskovskikh rukopisiakh XV–XVI vv. In L. E. Kalnyn, & G. P. Klepikova (Eds.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* (Issue 6, pp. 94–112). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Ter-Avanesova, A. V. (2013). Proizvodnye formy glagol'noi paradigmy i nekotorye otglagol'nye chastitsy v odnom srednerusskom govore. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* (Issue 16, pp. 211–239). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Ter-Avanesova, A. V. (2019). Sintaksicheskie funktsii i formy stradatel'nykh prichastii proshedshego vremeni v iuzhnorusskom govore. In N. V. Patroeva (Ed.), *Fortunatovskie chteniia v Karelii*. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo gos. un-ta.

Trubinskii, V. I. (1983). Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh. In V. P. Nedialkov (Ed.), *Tipologiia rezul'tativnykh konstruktsii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* (pp. 216–226). Leningrad: Nauka.

Trubinskii, V. I. (2004). *Russkaia dialektologiia: govorit babushka Marfa, a my kommentiruem*. Moscow; St Petersburg: Academia.

Zakharova, K. F., & Orlova, V. G. (1970). *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka*. Moscow: Prosveshchenie.

Zakharova, K. F., Orlova, V. G., Sologub, A. I., & Stroganova, T. Yu. (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov: po materialam lingvisticheskoi geografii*. Moscow: Nauka.

Received on 21.07.2020

DOI https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.12

С. В. ДЬЯЧЕНКО
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru

ГОВОР Д. СКНЯТИНО КАЛЯЗИНСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Публикация представляет собой подробную фонетическую расшифровку диалектной аудиозаписи с кратким описанием некоторых черт диалекта.

Запись сделана на диктофон Roland-09 Edirol в формате .wav летом 2019 г. в экспедиции в д. Скнятино Нерльского сельского поселения. Информант — В.И. Сорокина 1947 г.р. — рассказывает о себе, своих родственниках и односельчанах, сообщает яркие подробности из жизни деревни в периоды коллективизации, сталинских репрессий, в военные и послевоенные годы и позднейшие, более благополучные времена. Её рассказ содержит любопытные образцы русского и советского фольклора и авторской поэзии.

В тексте представлен западный среднерусский говор, в котором наблюдаются следующие характерные черты: непоследовательное оканье, при котором случаев произношения [о] в первом предударном слоге примерно в 2,5 раза больше, чем случаев произношения не-*о* ([а] или [ъ]); различение [а] на месте /а/ и [е] на месте /е/, /о/ в первом предударном слоге после мягких согласных; гласный [у] на месте [о] во втором предударном неприкрытом слоге при наличии примеров с [о] в этой позиции; редукция до нуля во втором предударном слоге после твёрдых согласных; единичные примеры выпадения *j* в позиции между двумя гласными и стяжение гласных; твёрдый [с] в глагольном постфиксе; конкуренция окончаний *-ам* и *-ами* во мн. ч. Т. п. существительных; случаи опущения предлогов, обычно *в*.

Ключевые слова: диалектный текст, расшифровка, западный среднерусский говор, окающий среднерусский говор, нерегулярное оканье

Работа основана на материалах экспедиции в д. Скнятино Калязинского района Тверской области и её окрестности и представляет собой расшифровку аудиозаписи в подробной транскрипции с небольшим комментарием к этой расшифровке.

Деревня Скнятино входит в Нерльское сельское поселение, находится на левом берегу реки Нерль в месте её впадения в Волгу.

Современные деревни, расположенные на берегах рек Нерль и Волнушка, всё больше напоминают дачные посёлки: в них много дачных домов и коттеджей, принадлежащих в основном москвичам. Коренных жителей, не уезжавших надолго в город и постоянно проживающих в этих деревнях, отыскать было довольно сложно.

Экспедиция 2019 г. в составе сотрудников отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН А. В. Тер-Аванесовой, А. В. Малышевой, Е. В. Колесниковой и С. В. Дьяченко работала, помимо д. Скнятино, в д. Волнога, д. Коротково и с. Капшино.

Запись, расшифровка которой приводится в этой работе, сделана в д. Скнятино А. В. Малышевой и С. В. Дьяченко. Информант — Вера Ильинична Сорокина, 1947 года рождения, образование среднее специальное.

Скнятинский говор относится к западным среднерусским окающим говорам по классификации К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [1970: 143–145]. Об этом свидетельствуют следующие черты:

1) различение гласных *о* и *а* после твёрдых согласных в первом предударном слоге (впрочем, непоследовательное);
2) нерегулярные случаи произношения *у* в соответствии с *о* во втором предударном слоге в абсолютном начале слова;
3) случаи произношения слова *когда* как *ко/в/да*;
4) наличие стяжённых форм прилагательных и глаголов;
5) окончание *-а* в Р. и В. падежах местоимений *меня*, *тебя*, *себя*;
6) твёрдый [т] в окончаниях глаголов 3 л.

Далее подробнее рассматриваются некоторые фонетические и грамматические особенности говора, о которых можно судить по данной расшифровке.

Оканье нерегулярно: наряду с [о] на месте /о/ в первом предударном слоге наблюдается [а], а также звук средне-заднего ряда средне-нижнего подъёма, средний между [о] и [а]; в расшифровке он обозначается знаком ъ, хотя от звука [ъ], наблюдаемого обычно на месте /а/ и /о/ после твёрдых согласных в безударных прикрытых слогах, кроме первого предударного слога, он существенно отличается большей длительностью, более задним рядом и нижним подъёмом. Количественное соотношение трёх этих звукотипов[1], посчитанное на материале данной расшифровки, таково:

[о]	[а]	[ъ]
1088	212	248

В безударных слогах, кроме первого предударного слога, в том числе на конце слова, /о/ и /а/, как правило, совпадают в звуке типа [ъ]: *п**ъ**л’ива́т’*, *п**ъ**стойа́ннъ*, *помы́л**ъ**с*, *спра́шыв**ъ**т’*, *з до́ч’к**ъ**й*, *пло́х**ъ***, *ма́м**ъ***, *д’е́душк**ъ***, *мно́г**ъ*** и т. д. Однако спорадически встречаются случаи произношения, свидетельствующего об их различении в позиции конца слова: *то́к**о***, *ма́л**о***, *бы́л**о***, *то́ч’н**о***, *ско́к**о***, *д’е́л**о***, *од’д’е́л’н**о***, *мордо́фк**а***, *тата́рк**а***, *кото́р**а***, *д’е́душк**а***, *оста́в’ил**а***, *рабо́тъл**а*** и др., реже в неконечной позиции: *п**о**каза́т’*, *пъс’ид’е́л**о**к*. Во втором предударном слоге после твёрдых согласных часто происходит редукция гласного до нуля или почти до нуля: *пснако́м’ил’ис* (этот пример, кроме того, интересен оглушением звука [з], возможно, в ре-

[1] Сюда относятся и слова с приставкой *раз-* типа /розб’ит’/.

зультате выпадения гласного и последующей прогрессивной ассимиляции согласных по глухости), *п*ъ*дар'ил*, *пр'ип*ъ*дава́т'ил'*, *П*ъ*л'ако́ф*, *п*о*могла́*, *пмогл'и́*, *Крас'о́ва*, *фтогра́ф'ии*, *рздвойо́нъйъ*, *пд'ержа́т'*, *нбл'уд'е́н'ий*, *г'имглоб'и́н*, *хрон'и́ла*, *млодо́й*, *квал'е́ръв*, *пшут'и́ла* и т. д., но при этом и: *пъзнако́м'ил'ис*, *пъто́му́*, *ръзбомб'и́л'и*, *пръдава́л'и*, *ръд'ила́с*, *ръзгово́р*, *съпог'и́*, *къмсомо́ла* и т. д. В редких случаях до нуля редуцируется даже гласный [у]: *Кпр'ийа́нъву*.

Во втором предударном неприкрытом слоге на месте [о] обычно произносится [у]: ***у****горо́д'иш'ш'е*, ***у****стоно́фку* («остановку»), ***у****зорн'и́к*, ***у****тошо́л*, ***у****торва́лсъ*, ***уш****'уш'а́йу*, ***уд****'ейа́лъ*. Но встречаются также [о] и [ъ], причём возможны колебания в одной и той же словоформе: ***о****тслужы́л*, ***о****тв'езл'и́*, ***о****д'ейа́лъ*, ***о****тошо́л*, ***ъ****горо́т*, ***ъ****гл'ан'и́с'*, ***ъ****торва́л*.

После мягких согласных в первом предударном слоге различаются [а] на месте /а/ и [е], в котором совпадают фонемы /е/ и /о/, реже встречается реализация /е/ и /о/ в звуке [и]: *ч'асо́ф*, *вз'ала́*, *мъл'ара́*, *св'ато́й*, *зъйавл'е́н'ийе*; *ъбр'еза́т'*, *д'ефч'о́нк'и*, *в'есно́й*, *сн'ес'о́т*, *д'ела́*, *пр'ин'есла́*, *пъс'ел'и́т'*, *з'имл'а́нк'и*, *д'ив'а́тоо*. В единичных случаях на месте фонемы /е/ отмечен звук [о]: *йово́*, *н'ич'ово́* и некоторые другие. Скнятинское ёканье требует особого рассмотрения, и мы надеемся посвятить ему отдельную работу.

Выпадение интервокального *j* и стяжение гласных отмечено нерегулярно: *он ду́мът*, (вода) *пръ́т'ека́т*, *кото́ра*, *како́-тъ сло́въ тако́*, *на како́ ч'исло́*, *вот кака́ у м'ин'а́ пробл'е́мъ-тъ*, но *кака́йа*, *кот'е́л'нъйа*, *гн'ила́йа*, *трухл'а́въйа*, *вон'у́ч'ъйа*, *харо́шуйу*, *рабо́тъйът*, *пълуча́йът*, *хвата́йът*, *игра́йът* (2×).

[с] в постфиксе твёрдый: *хъ́т'е́лъ****с***, *пр'иход'и́лъ****с***, *оста́лъ****с***, *горба́т'илъ****с***, *зъполн'а́лъ****с***, *поднапла́ч'им****с****а*, *апш'а́им****с****ъ*, *вз'а́л****с****ъ-тъ*, *вы́въл'ил****с****ъ*, *утвал'и́лъ****с***, *зъ́н'ала́****с*** и т. д.

Тв. падеж множественного числа существительных имеет окончание *-ами* (*-ми*) (чаще) или *-ам* (реже). Приведём все примеры из данной расшифровки: *ъ́н'и́ ш'ш'ита́л'ис с'ир'идн'ак****а́м'и***, *фступ'и́л'и съ сл'еза́****м'и*** *ф колхо́с*, *п'ирога́****м'и***, *ш'ш'****а́м'и*** *с м'а́съм*, *на н'о́м на́шъ Ка́пшынскъйъ це́р'къф' с пр'истро́йк****ъм'и***, *зъ остано́фк****ъм'и***, *с уч'т'ел'****а́м'и*** *м'ен'а́ тут псад'и́л'и*, *нъгръжд'ена́ м'еда́л'****ъм'и***, *нъгражд'о́н мно́г'им'и м'еда́л'****ем'и***, *пъмогла́ д'ен'г****а́м'и***, *шес'т' со́тък, рук****а́м'и***, *коза́ с козл'а́т****ъм'и***, *га́тк'им'и слов****а́м'и*** *фс'а́к'им'и*, *пос'е́йилъ с'им'ен****а́м'и***, *з гр'иб****а́м'и*** (4×), *съ свои́м'и д'ет'****м'и́*** *с ма́л'ин'к'им'и*; *ийо́ дожд'****а́м*** *розмо́йет*, *го́лым рук****а́м*** *ис сн'е́гу выкавы́р'ивъл'и*, *р'е́зъну́йу сушы́лъ пр'ам стр'уч'к****а́м***.

Постпозитивная частица *-то* в редких случаях проявляет стремление к созвучию с предшествующим словом, если оно оканчивается на согласный или [у]. Таких примеров встретилось всего три: *пото́м-****ъ́т***, *к къте́джу-****ту***, *ф канто́ру-****ту***, обычно же частица имеет вид *-то*, вне зависимости от слова, к которому присоединяется: *б'из зубо́ф-****тъ***, *во Рже́ф-****тъ***, *д'н'о́м-****тъ***, *уснова́т'ил'-****тъ***, *фтогра́ф'ийъ-****тъ***, *от'е́ц-****тъ***, *кол'а́тк'и-****тъ***, *воло́с'ъ-****тъ***, *с поэ́тъм-****тъ*** и т. д.

Есть случаи опущения предлогов, обычно *в*: *пойéхъл'и* (в) *бáн'у*; (в) *къкóшн'ик'е, и тут вон къкóшн'ик*; *мой* (в) *сáд'ик ход'ил пáр'ин'*, (в) *п'ид'ис'ат фторóм годý был п'éрвый вы́пуск* и др.

Текст

Йа так плóхъ с'а ч'ýствуйу. Помы́лъс, пр'ишлá с угорóдъ, у м'н'á вон л'имфостáс, рукá в'ид'ит'и какáйа, вот, э́въ[o]. Фс'о и тут фс'о вон опýхшы, онó вот э́тъ[o] м'éстъ[o]. Ч'уд' жывá, в óпш'им, д'ефч'óнк'и. Сход'ит'и к комý другóму, а?

Д. (диалектолог)[2]*: А мы, давайте, к Вам, может, попозже, вечерком?*

И, и попóж'ж'е тóжъ, попóж'ж'е в'éч'ръм пойдý мудóхъццъ пъл'ивáт' ъгорóт. Вожý вот оцс'ýдъ на тáч'к'е, вот.

Д.: Ну, Вы знаете, а к другим-то тут ведь, местных-то совсем мало. Так мало осталось местных, Вы просто вот такая ценность. Может, завтра? Мы ещё побудем.

У м'н'á знáит'е, у м'ин'á мнóгъ ч'о йес'т', каэ́шнъ, у м'ин'á йес'т' ал'бóм. Ой…

Д.: Ну, вот нам Вас очень хвалили, говорили, что уж такой коренной, как Вы, больше тут нету. Мы потому и пришли.

Йес'т' ал'бóм у м'ин'á. Ну, знáит'е ч'о, тóко дóмъ у м'ин'á б'испор'áдък, зъход'ит'е, ш'ас йа закрóйу, а то дв'ер' открывáйт… н'и ръзувáйт'ес, у мн'á дóмъ ч'орт нóгу слóм'ит.

Д.: Да ну, у Вас чисто так! Нет-нет, мы разуемся.

П'ер'е… Н'е нáдъ, йа прошý, н'е нáдъ. Пол гр'áзный. Ид'ит'е давáйт'е, вон тудá ид'ит'е. Ид'ит'е.

Д.: Спасибо!

Так. Ш'ас йа ал'бóм достáну. Фс'е ут с'еб'á, ут с'еб'á тóкъ ⟨сплáв'ил'и⟩. Комý ш'ас? Ш'ас у фс'éх д'елá. Сплáв'ил'и ут с'еб'á. И н'икомý мы н'е нужны́. Так. Пр'ин'еслá вон лук сушы́т' на э́тъ. Вот с'удá сад'ит'ес, д'ефч'óнк'и.

Д.: Спасибо!

Ат сад'ит'ес.

Д.: Уже убираете лук, да?

Н'е уб'ирáйу, а бýду йевó, он згн'ил'и фс'е кóрн'и. Ч'ерф' фс'о съжрáл, бýду выб'ирáт', мыт', ъбр'езáт' и, в óпш'им, сушы́т', пътомý што з'ймý пр'ид'óццъ сушóный йес'т'. Н'и накýп'ишсъ с нáшъй п'éн'с'ийий. Сад'ит'ис, сад'ит'ис. Так, йа могý побл'ижъ, э́сл'и…

Д.: Да мы вот как-то так к Вам, отлично.

Ч'орт нóгу слóм'ит. Зън'имáйус тóкъ угорóдъм, птомý штъ угорóт кóрм'ит, а здорóв'йа н'éту. Ой. И давл'éн'ийе и фс'о. Так, вы о ч'óм хот'ит'е спрáшывът'?

---

[2] Реплики диалектологов не разграничены по авторам.

Д.: Ну, мы сначала спросим, наверно, про Ваших родителей. Где они родились, как жили?

Оо, др'е́во, о́ох, у м'н'а́ пръ род'и́т'ил'ей. У м'ин'а́, зна́ч'ит, ма́мъ мордо́фка пълов'и́ну, нъпълов'и́ну тата́рка.

Д.: Да Вы что?

Да, ана́ во вр'е́м' въйны́ была́ нъ трудово́м фро́н'т'е пт Кал'и́н'инъм, нъ Кал'и́н'инскъм, и ан'и́ там пснако́м'ил'ис. Мо́жнъ кра́ткъ што́-тъ зъп'иса́т' там. Пънзнако́м'ил'ис с оццо́м. А от'е́ц то́жъ был нъ трудово́м фро́н'т'и, снач'а́ла йево́ н'е бра́л'и, птому́ штъ он был мла́тшый сын. У одново́ была́ брон'а́. Он был мла́тшый, зна́ч'ит, пъ ухо́ду за ма́т'ер'йу, пото́м фс'о ж забра́л'и, пътому́ шт когда́ ръзбомб'и́л'и там фс'о в Твер'и́, э́тъ вот Кал'и́н'инск'ий фронт, жыд' бы́ло н'е́гд'е. И ан'и́ снач'а́лъ-тъ ако́пы ры́л'и, а пото́м стро́ил'и з'имл'а́нк'и, бара́к'и. В о́пш'им, э́т'и вот з'емл'а́нк'и с нака́тъм, ма́мъ раска́зывъла, штоп пъс'ел'и́т' куда́-тъ л'уд'е́й. Фс'о, с'е́м'йи, фс'о бы́лъ згор'е́фшы, пр'ицтавл'а́ит'е. Он йейо́ пр'ив'о́з, зна́ч'т, отту́да, кагда́ война́ зако́нч'илъс, пр'ив'о́с, и д'ив'а́тоо ма́йе со́рък п'а́тъвъ го́дъ у н'и́х была́ сва́д'бъ. Вод д'ер'е́вн'а Кърóткъвъ. Пр'ив'о́с йейо́ н'ижыла́ннуйу н'икаку́йу, ф фуфа́йк'е. И, зна́ч'ит, бушла́т на н'е́й како́й-то, да́жъ н'е́ было н'и трусо́ф, н'и руба́шк'и — н'ич'ево́. Вот, она́ о́ч'ин' ма́л'ин'къвъ ро́ста, мн'е вот так, ма́ма, о́ч'ен' смуш'ш'ена́... Вот, и, зна́ч'ит, э́тъ са́мъйе, фс'е бы́л'и про́т'иф, пока́ оцца́ н'е́ былъ, ба́бушкъ дава́лъ д'е́н'г'и: «Ра́йа, уйеж'ж'а́й! Куда́-н'ибу́т' туда́ на ро́д'ину, ф свойу́ Мордо́в'ийу». Она́… Ой, вот тут йа́йц пръдава́л'и с ых с'ела́, йа так пла́къл, забы́лъ назва́н'ийе, уже́ па́м'ит'и н'е́ту, вот. И е́тъ са́мъйо, уйеж'ж'а́й, ма́мъ, она́ н'и уйе́хълъ фс'и рано́, пътъму́ штъ, грт, йа л'убл'у́ Ил'у́шку, йа н'икуда́ н'и пойе́ду. Ну, она́ о́ч'ин' пло́хъ, у н'и́х, в'и́днъ, в йизык'е́ э́т'их букф н'ет, она́ вэ н'и выгова́р'ивълъ и кэ. М'е́стъ, н'ет, м'е́стъ хэ у н'е́й был са-ка́р, мор-ко́в, л'у-бо́в, вот как, зна́ч'ит. И она́ так с оццо́м оста́лъс, ба́бушкъ ушл'и́ из до́мъ, фс'е ушл'и́, оста́в'ил'и им го́лый дом, го́лыи с'т'е́ны. Вот д'ив'а́тоо ма́йа со́рък п'а́тъво го́да.

Д.: Вот так были против?

Э́тъ бы́лъ д'ен' пъб'е́ды. Ста́ршъ м'ин'а́ ръд'ила́с д'е́въч'къ, ум'ерла́. Вспал'е́н'ийе л'о́хк'их, бы́лъ о́ч'ин' хо́лъднъ. Со́рък шыстóй гот, йа вот с со́рък с'ед'мо́въ го́дъ.

Д.: А отец тутошний, он вот из Коротково?

Да, он с Кърóткъвъ, он с Кърóткъвъ, он м'е́сный, зна́ч'ит. Во вр'е́… Дъ войны́ он'и́ бы́л'и зач'и́сл'ины ф с'ир'идн'ак'и́. Снач'а́лъ ш'ш'ита́л'ис с'ир'идн'ак'и́, с'ир'идн'ак'и́, зна́ч'ит. Кулако́м ну́жнъ бы́лъ им'е́т' тр'и ло́шыд'и, пъ-мо́йму, и́л'и тр'и коро́вы и дв'е ло́шъд'и. А у н'и́х бы́лъ дв'е кърóвы и ъдна́ ло́шат'. И ън'и́ ш'ш'ита́л'ис с'ир'идн'ака́м'и, и фс'е́х вот их выган'а́л'и, зна́ч'ит, ну, там, ф С'иб'и́р' куда́-та. На́шх уставл'а́л'и, птаму́ штъ у н'и́х н'е́ былъ бътрако́ф и как с'ир'идн'ак'и́, а пато́м спуска́йут пла́н жъ отту́дъ, на́дъ иш'ш'о́, а гд'е вз'ат'? Н'е́гд'е!

Д.: И уже середняков стали…

И их, зна́ч’ит, то́жъ пр’ич’и́сл’ил’и к кулака́м. Вот, ну, он’и́ тру… трудъл’уб’и́выйе, бы́ло п’ат’ сынов’е́й и дв’е до́ч’р’и, до́ч’р’и па до́му, п хаз’а́йству, мужык’и́ э́тъ. Пото́м от’е́ц о́ч’ин’ хърошо́ шыл съпог’и́, д’а́д’е М’и́т’а нъ войе́ннъм заво́д’е. Ну, он’и́ бы́л’и рукод’е́л’ныйе, ба́бушкъ нъ кокл’у́шкъх в’язла́, и п’еву́н’йъ и пл’асу́н’йа. Л’у́д’и жы́л’и трудо́м. Вот йа вот ш’ас горба́ч’ус’, вон в угоро́д’и рука́ н’и дайо́д д’е́лът’ н’ич’о́, ой. С’о равно́ мы, пока́ н’е здо́хн’ом… Пр’ишла́ вон, помы́лъс, пъс’ид’е́лъ снач’а́лъ, уддохну́лъ, пото́м по… Ну, вот.

А у на́с са́мый мла́чшый д’а́д’ъ Л’о́н’а. Зна́ч’ит, он пог’и́п на фро́н’т’е, там муз’е́й з’д’е́лън, им там па́м’т’н’ик н Полта́фш’ин’е. Зна́ч’ит, он был в йач’е́йк’е, вот в э́тъй в къмсамо́л’скъй, и он пр’ишо́л и сказа́л ба… ну, ма́ма, мъйе́й ба́бушк’е и д’е́душк’е, он мой д’а́д’а, што и́л’и ступа́йт’е, н’ес’и́т’е зъйавл’е́н’ийе, была́ п’а́т’н’ица, ф пън’ед’е́л’н’ик, гъвър’и́т, н’ес’и́т’е зъйавл’е́н’ийе ъ пр’ийо́м’е ф кълхо́с, ън’и́ н’и хот’е́л’и фступа́т’. Им оста́в’ил’и, зна́ч’ит, у н’и́х забра́л’и ло́шът’, кърóву, ов’е́ц ско́к-тъ забра́л’и, оста́в’ил’и д’е́с’ат’ ку́р’иц и ов’е́ч’ку, знат’, вот. И ба́бушка фс’о ход’и́ла, а скот па́дал. Подв’е́швъл’и нъ в’ер’о́фкъх, хъд’и́ла кърм’и́ла их. Там му́ч’илз, б’е́днъйа. Вот тайко́м пот па́зухой то хл’е́бушкъ, то оха́пку с’е́на свойе́й коро́в’е но́ч’йу сн’ес’о́т. Там стърожа́ в’есно́й пъдыма́л’и нъ в’ер’о́фках, а куда́ бы́ло д’ева́цца, вот, зна́ч’ит. Ба́бушка, а пъто́м, ба́бушка мъйа́, она́ ръд’ила́с в ад’и́н д’ен’, зна́ч’ит, съ Ста́л’иным. В ад’и́н д’ен’ и в ад’и́н гот. И ка́к-тъ зашо́л ръзгово́р, што вот она́ грд: «Дъ мы съ Ста́л’иным-т как бра́т’йа, в од’и́н д’ен’, как двойн’и… двойн’а́шк’и, што л’и ръд’ил’и́с». И кто́-тъ п’е́р’идъл туда́. И пр’ийе́хъл’и за ба́бушкъй, а у ба́бушк’и, зна́ч’ит, бы́л’и ш’о ма́л’ин’к’ии д’е́т’и: п’ат’ сынов’е́й, дв’е до́ч’ир’и. Ну, туда́, ф т’ур’а́гу зъб’ира́т’. Вот, а д’е́душка, ну, муш йейо́, мой д’е́душка, Вас’и́л’ Порф’и́р’йич’, он, зна́ч’ит, вз’ал ско́к-тъ м’ешко́ф карто́шк’и, два м’ешка́ з’ерна́, хоро́шы ко́жънъйе съпог’и́, кото́ры шыл, и пойе́хал туда́ в уйе́ст, тогда́ уйе́зды бы́л’и, вот, с покло́ном, штоб ба́ушку н’и зъб’ира́л’и. Вот э́тъ фс’о одда́л йей, он’и́ забра́л’и. Вот, зна́ч’ит, и кагда́ вот ан’и́ фступ’и́л’и съ сл’еза́м’и ф колхо́с, их н’и угна́л’и н’икуда́, их оста́в’ил’и з’д’ес’, ан’и́ так э́тъ, б’е́цтввъл’и. А во́т Б’е́л’скъй в д’ер’е́вн’е, там Б’е́л’скъйъ, и́л’и Пло́т’н’ица, там адна́ жэ́н’ш’инъ, ът за Ка́пшынъм, раска́звъл’и, у н’е́й бы́лъ п’а́т’еръ д’ит’е́й. Д’е́т’и голо́дныйе, помы́т’ да́жъ н’е́къгдъ, рабо́тъл’и в войну́ д’ен’ и ноч’, д’ен’ и ноч’, с утра́ до но́ч’и. Вот, и она́ бр’игад’и́ру грт: «Дъ н’и могу́ йа». Он: «На́д наво́с воз’и́т’ там с ф’е́рмы нъ пол’а́». «Йа н’и могу́, дай хот’ од’и́н выходно́й, помы́т’ д’ет’и́шък. Голо́дныи, н’ева́р’инъ н’ич’о́, з’има́ з’и́мн’ийа». «Н’ет, э́тъ Ста́л’ин пр’иказа́л! Зна́ч’ит, дава́й, б’ер’и́ в’и́лы и наво́з груз’и́т’». Она́: «Дъ што́бы э́тъму Ста́л’ину дъ в’и́лы бы ф сра́ку!» И вот за э́тъ л’е… йейо́ забра́л’и, д’ет’е́й одда́л’и в д’еддо́м. Э́тъ вот уш на́шъй э́тъй раска́зывъл’и. Одда́л’и в д’еддо́м и, когда́ суд’и́л’и, сказа́л’и: «Ско́л’къ д’ет’е́й?» Мол, ск’и́тку хът’ зд’е́лът’. П’ат’ д’ет’е́й, ну, ла́днъ, п’ат’ л’ет, п’ат’ л’ет уд звонка́ дъ звонка́.

Вот, ну, што сказа́т’? Ма́мъ ум’ерла́… Вы гъвор’и́т’е, э́тъ у на́с у фс’е́х пъ пр’иро́д’е рак: по оццо́фскъй л’и́н’ии, по ма́м’инъй. С’естра́ ум’ерла́,

друга́йа с’естра́ п’ир’ин’есла́ ъп’ера́цыйу, у м’ин’а́ вот гру́д’и н’ет. Э́тъ г д’е́лу н’и ътно́с’итццъ. Вот, што иш’ш’о́ сказа́т’.

З’ес’ была́ шко́лъ у на́с вот. Вот гд’е охотхоз’а́йствъ тр’и жо́лтыйе до́м’ика, была́ шко́лъ, и в ад’и́нцтъм гаду́, э́тъ ч’ир’из го́т по́сл’и ъп’ира́цыи, йа съб’ира́лъ в’е́т’ир… в’е́ч’ир фстр’е́ч’и, вам гъвор’и́л’и, н’ет?

Д.: Нет.

От ш’ас зд’ес’ фътогра́ф’ии пкажу́, в’е́ч’ир фстр’е́ч’и. Зна́ч’ит, шко́лу на́ч’ил’и стро́ит’ гд’е́-то в два́ццът’ п’а́тых гъда́х. Пр’ивъз’и́л’и, кагда́ зътоп’и́ло у на́с фс’у окру́гу, вы ф ку́рс’е, што зътопл’а́лъ. Во́ш’им, ста́рыйе э́т’и бр’о́внъ с Кобы́л’инъ там пр’ивоз’и́л’и з’имо́й нъ сан’а́х, и вот из э́тъвъ пъстро́ил’и шко́лу. П’ид’ис’ат фторо́м году́ был п’е́рвый вы́пуск, помо́йъму, п’ис’а́т фторо́й гот. А закры́л’и йийо́ ф с’е́м’д’ис’ът шысто́м. Вот тут у м’ин’а́ нап’и́сънъ, йа уш и забы́лъ, и́л’и с’е́м’с’ вос’мо́м. В о́пш’им, суш’ш’иствъва́лъ она́ ма́лъ, снач’а́лъ бы́лъ мно́гъ, о́къ́лъ двухсо́т ч’илов’е́к. А уже́ зъкрыва́л’и — одна́ д’е́воч’ка оста́лъс, наро́т фс’о́, изм’ел’ч’а́л, фс’о, фс’о, ну, зна́ит’и, кака́ пол’и́т’ика была́ и фс’о. Вот. И вот съб’ира́ла, пр’ишло́, ой, дължно́ бы́лъ пр’ийе́хът’ во́с’м’с’т п’ат’ ч’илов’е́к, а бы́ло со́рък во́с’ем’. Из н’и́х п’ат’ уч’т’ел’е́й. Ну, фото́гръф был, зна́ч’ит, у на́с, э́тъ са́мъйъ, канце́рт. Йа сама́ уч’а́ствълъ ф съмод’е́йтнъст’и и, в о́пш’им, ърг ън’изова́лъ атту́дъ канце́рт. У на́с и в’еду́ш’ш’ийе бы́л’и, и цв’еты́, зна́ч’ит, и посл’е́д’н’ий звоно́к, ну, фс’о, коро́ч’е. Вот тут вот у м’ин’а́ ал’бо́м, фс’о нап’и́снъ.

Д.: А Вы учились в этой школе, да?

Да, йа уч’и́лас.

Д.: А сколько тут было? Десять было классов? Или семь? Восемь?

Н’ет, бы́лъ с’ем’, с’им’ил’е́ткъ была́. Пъто́м з’д’е́лъл’и ч’иты́р’е, и с т’ем ско́къ-тъ она́ пръсуш’ствова́ла, и фс’о закры́лос, да.

Д.: А ещё где-то учились после школы?

По́сл’и шко́лы йа уч’и́лъс в Оста́шкъв’и в ынтырна́т’е. Вот, зна́ч’ит, интырна́т бл’ис Кал’а́з’ина. Там бы́ло дв’е́с’т’ с’е́м’с’т, по-мо́йиму, ч’илов’е́к, п’ита́н’ийе бы́ло. Ч’ты́р’и рубл’а́ и с’е́м’с’т’ коп’е́йик — э́тъ пос’т’е́л’. Ма́мъ б’и́лъс, нас тро́йо, от’е́ц у́м’ир, она́ трои́х нас рас’т’и́лъ, жу́ткъ, в о́пш’им. Вот, ну, шко́лъ была́, спарта́нск’ий о́бръз жы́з’н’и, нас пъд’н’има́л’и ф с’ем’ ч’асо́ф. Зар’а́ткъ снач’а́ла, в во́с’им’ ч’асо́ф ка́ждый д’ен’ лы́жы и́л’и што́-та, нас ган’а́л’и, в о́пш’им. Ну, ф т’е вр’им’ена́, мы фс’е пр’ийе́хъл’и туда́ з’ел’о́ныйе, кон’е́шно, а пото́м там вы́пръв’ил’ис’. Корм’и́л’и у́тръм мъкаро́ны, зна́ч’ит, лапша́ и́л’и в’ирм’ише́л’, в об’е́т суп и́л’и ш’ш’и и мъкаро́ны и́л’и в’ирм’ише́л’ и в у́жын мъкаро́ны. С ма́слъм рас’т’и́т’ным жа́р’ин… эт така́йа была́ п’и́ш’ш’а харо́шыйа. До́мъ н’е́ былъ и э́тъвъ. До́ма съб’ира́л’и вот по́сл’и войны́ была́ ма́л’ин’къйа… кто́-тъ жыл пъбога́ч’е, тошно́т’к’и укра́ткъй, штоб бр’игад’и́р н’е в’и́д’ел. Э́тъ ф по́л’е вот остайо́ццъ карто́шка по́д з’иму, кото́райъ н’е вы́кпъйиццъ, ийо́ дожд’а́м розмо́йет, и она́ гн’ила́йа, трухл’а́въйа, вон’у́ч’ъйа, вот мы йийо́ съб’ира́л’и и до́ма ма́мъ йийо́ жа́р’ила про́стъ нъ вод’е́. Ой, э́тъ, и корм’и́ла,

ой, ой, э́то н’е вы… н’е вы́скажыш, н’е йе́л’и, бл’ева́л’и с н’ейо́, а фс’о равно́ в рот зап’и́хывала, а то умр’о́т’е з го́лду. Ой, о́спъд’и то́л’къ. Ну, вот пълу́ч’ч’и ста́лъ жыт’ э́тъ кагда́ вот, вот как нам л’и́ч’нъ, друг’и́йе жы́л’и уже́ и ф шыс’т’ид’ес’а́тых гъда́х н’ич’о́, кагда́ кълхо́зы ста́л’и, вот, э́т’и, съфхо́зы и ста́л’и дава́т’ пъспорта́.

Д.: Это типа семидесятые?

Ма́мъ была́ рабо́ч’ийъ… А? Шыйс’а́т п’а́тый гот. Вот п’ид’д’ис’а́т вос’мо́м году́, па-мо́йму, гор’е́лъ вот э́то фс’о. Гар’е́л в’ес’ л’ес, тут фс’о згор’е́лъ. И гор’е́лъ, нав’е́рнъйъ, дъ Нерл’и́, гор’е́лъ бо́л’шъ н’ед’е́л’и. Тушы́л’и салда́ты с э́т’их, стра́шный был пъжа́р. Фс’о згор’е́лъ, карто́шкъ была́, вот э́тът гот сухо́й, вы зна́ит’е, н’и ъднаво́ дож’ж’а́ н’ет. От бры́з’н’ет так вот, э́тъ… Вот таку́йу б’ир’егл’и́, м’е́лоч’ йе́л’и, зна́ч’ит. Н’е йе́л’и, нъ поса́тку, нъ поса́тку. Лук то́жъ м’е́лкъй, ш’ас у м’н’а́ хт’ сушы́лкъ, йа вот нъсушу́. А кто йе зна́т, уже́ гъвор’а́т, вон гд’е́-тъ шыс’а́т два рубл’а́ лук. С п’е́н’с’ии куп’и́ лук, куп’и́ морко́фку. Прл’ежы́т н’ед’е́л’у, згн’ийо́т. На́дъ таш’ш’и́т’ нъ с’еб’е́ отку́дъ-тъ в д’ер’е́вн’е. Дъ ч’о там. Свойо́, како́ н’и йе́с’т’, свойо́. Ну, э́тъ ла́днъ фс’о, ч’о иш’ш’о́ там? А-а, ста́лъ вот пол’е́хч’е, когда́… И йа уйе́хъла в шыз’д’ис’а́т… п’е́рвъм гаду́ йа ако́н’ч’илъ с’ем’ кла́съф, ф шыз’д’ис’а́т ч’ит’в’о́ртъм — д’е́с’ет’. Од’и́нц… В Оста́шкъв’е, од’и́нцтый клас ма́мъ н’и дала́ дъуч’и́ццъ. Па́спърт пълуч’и́лъ, фс’о, ид’и́ рабо́тъй. А йа попа́лъ пъд од’и́нцт’ил’е́тку. По́сл’и м’ен’а́ уже́ ста́лъ д’с’т’ил’е́тка. Йа вот уйе́хълъ, зд’е́лъл’и тако́й од’и́нцтый гот, уч’и́л’и нас нъ ыл’е́ктр’икъф и нъ трктър’и́стъф, йа была́ в э́тъй, ф кама́н’д’и эл’е́ктр’икъф, но йа н’идоуч’и́лъс, мн’е н’е да́л’и э́тъва… иш’ пл’и́тк’и ч’ин’и́ла, так ко́й-ч’ово́ прово́тку гд’е, э́тъ. Да, э́то обуч’а́л’и у на́з, д’ир’е́ктър шко́лы уч’и́л нас, у н’ео́ был э́тът пр’едм’е́т. А д’ефч’о́нк’и са́м’ паха́л’и, бы́ло дв’е трктор’и́стк’и. И два па́рн’а, он’и́ э́т’и, трктър’и́сты. Там сажа́л’и карто́шку, опа́хывъл’и ъгъро́т, капу́сту, мы уха́жвъл’и и э́тъ з’и́му йе́л’и. И вот што о́с’ин’йу ф софхо́з’е зъраб́отъим на л’н’е́… На л’о́н, карто́шку уб’ира́л’и дъ мъро́зъф ф худы́х съпога́х, го́лым рука́м ис сн’е́гу выкавы́р’ивъл’и. Вот эт, э́ту вот карто́шку, ъбыкнов’е́ну, э́тъ н’е тъшно́т’к’и. Псыла́л’и, птаму́ шт уб’ира́т’ н’и хвата́лъ рук. И мы п’е́рвуйу ч’е́тв’ирт’ практ’и́ч’ск’и н’е уч’и́л’ис’, так нам вы́стъв’ат оце́нк’и, вот. И плат’и́т’ н’ич’о́ н’и плат’и́л’и, од’и́н гот то́л’къ зъплат’и́л’и. А то даду́д, зна́ч’ит, вот до́хнут т’ел’а́тк’и з’имо́й, вот э́ту од дохла’а́т’инку нам э́ту, кото́ра уже́ во́т-во́т под но́ш, и даду́т, су́пч’ик нам вар’а́т в интырна́т’е. Вот карто́шк’ софхо́з даст, капу́стъ даст. Пътому́ што, ч’о свойо́ вы́ръс’т’им нъ уч’а́ск’и. И зъ п’ита́н’ийи с наз бра́л’и ч’ты́р’и рубл’а в м’е́с’ец. Ну, вот так’и́и бы́л’и д’е́н’г’и. Вот. А в’ит’ корм’и́л’и ка́ждый д’ен’ тр’и ра́зъ. Гъсуда́рствъ дава́лъ, йа забы́лъ, то́жъ ско́къ-тъ, то́ л’и тр’и рубл’а́ н ч’лов’е́ка, то́ л’и ч’ево́-тъ, да́жъ н’е зна́йу, ч’о́-тъ о́ч’ин’ ма́лъ. Пото́м уже́ ста́л’и дава́т’ тр’и́ццът’, вот йа уже́ рабо́тлъ буга́лт’еръм ф с’ел’сав’е́т’е. Уже́ дава́л’и тр’и́ццът’. Да! Што да́л’шъ, зна́ч’т, атуч’и́лъс йа. З’д’ез’ д’е́лт’ н’е́ч’ивъ. Ма́мъ: пъйеж’ж’а́й хот’ в н’а́н’к’и, то́л’къ в го́рът. С’истра́

двойу́ръднъйъ м’ин’а́ вз’ала́ к с’еб’е́ въ Ржéф. И йа въ Ржéв’е два го́дъ рабо́тълъ на хл’е́бъкъмб’ина́т’е, устро́илъс ч’е́р’ис трудову́йу ко́мнъту, так н’икуда́ н’е бра́л’и. Был шыйс’а́т ч’етв’о́ртый гот и был стра́шный го́лът. Нъсад’и́л’и кукуру́зу пъ пр’ика́зу Хруш’о́ва, н’е́ былъ н’и са́хръ, н’и хл’е́ба. Н’и мук’и́, н’и канф’е́т, н’и пр’а́н’къф — н’икак’и́х сла́цст’ий. В о́пш’им, н’и муч’но́въ, н’икако́въ н’е́ былъ, и са́хъра н’е́ былъ, одна́ кукуру́за. И хл’е́п п’екл’и́ — кукуру́зъ пъпола́м з горо́хъм, вот он пока́ м’а́гън’кой, засо́хн’от, йово́ н’и рздолба́иш, моч’и́л’и, зу́бы слама́иш, он зъсыха́л. Вот. И вот таг бы́лъ, пока́ э́тъ бы́лъ шыйс’а́т тр’е́т’ий гот, а ф шыйс’а́т п’а́тъм и́л’и ф шыйс’а́т шысто́м Хруш’о́въ с’н’а́л’и и кукуру́зу сток с’е́ит’ н’е ста́л’и. Уба́в’ил’и. Оп’а́т’ стал з’ерно́, стал харо́шый хл’еп. Зна́ч’ит, но там йа жыла́ два го́да.

Д.: А эта сестра — это по маме? По отцу?

Двайу́рднъйъ, н’ет, э́тъ мъйаво́ мойе́й т’о́тк’и, отцо́въй т’о́тк’и доч’. Она́ и ш’ас жыва́ ф Кал’а́з’н’, да, отцо́въй с’естры́ доч’. Вот, йа жыла́, зна́ч’ит, у н’ейо́ снач’а́лъ ф ко́мнт’е, пото́м мн’е да́л’и ад’е́л’нъ ко́мнту в ъпш’е-жы́т’ийе. Так, што иш’о́, зна́ч’ит. И йа там два го́да атрабо́тъла, ко́н’ч’ила од’и́нцътый клас в’еч’е́рн’ий, м’ин’а́ избра́л’и с’икр’итар’о́м къмсомо́л’скъй ърган’иза́цыи, н’иъсвъбожд’о́ннъм, со́ръг два ч’лов’е́ка наз бы́лъ ърган’иза́цыйа хл’е́бкъмб’ина́т. О́ч’ин’ хъро́шыйи прожéктъры выпуска́лъ, ра́ншъ э́тъ бы́лъ, вот там, фс’у злъбодн’е́внъс’т’, зна́ч’ит, гд’е кто нап’и́лсъ, туда́ от с р’ису́нкъм’и, фс’о э́тъ, ну, э́тъ ла́днъ. Да́жъ выставл’а́л’и в райо́н’е, э́тъ Ржев был. Пато́м, зна́ч’ит, йа пъ къмсамо́л’скъй пут’о́фк’е, от н’е́ту пут’о́фк’и у м’ин’а́, уйе́хла на с’е́в’ир. А штоп п’е́н’с’ийу пр’иба́в’ил’и, п’иса́лъ туда́, там тр’и го́дъ зъ ч’ты́р’и с пълов’и́нъй ид’о́т. А отв’е́тъ н’и пр’ив’е́тъ. Йа зъп’еч’а́тла э́ту, зъказны́м п’ис’мо́м къмсомо́л’скъйу пут’о́фку, на́дъ бы́лъ ход’ бы ко́п’ийу сн’ат’. Вот, кра́снъйа кн’и́жъч’къ така́йа, по… Ой, ка́г жъ, ш’ас. По… пр’изы́ву па́рт’ии прав’и́т’ил’ствъ ой, къмн’д’иру́ицъ, што л’и, на стро́йк къмун’и́зма, там и п’еч’а́т’, зна́ч’т э́тъ, вот так. От къмсомо́ла, наз бы́лъ од’и́нцът’ ч’илов’е́к с о́блъс’т’и. На с’е́в’ир, э́тъ был цыл’уло́знъ-бума́жный къмб’ина́т. Тр’е́т’йъ о́ч’ир’ит’, п’е́рвуйу о́ч’ир’ит’ на́ч’ил’и стро́ит’ ф тр’и́цц с’ед’мо́м году́. Пато́м фтара́йа была́ ф п’ит’ид’ес’а́тых, знат’, и вот йа пр’ийе́хълъ на тр’е́т’йу о́ч’ир’ит’.

Д.: Это куда же?

Нас… Арꙋбу́м къмб’ина́т, арꙋбу́м къмб’ина́т.

Д.: Архангельск?

Э́тъ од го́ръда два́ццт’ п’ат’ килом’е́траф. С’ич’а́с там Но̀водв’и́нск, н’и Арꙋбу́м къмб’ина́т, а го́рът Но̀водв’и́нск. Вот. Ну и къмб’ина́т наэ́нъ суш’еству́ит, он фторо́йе м’е́стъ по́сл’и Дълн’иво… На Да́л’н’им Восто́к’е был како́й-т цыл’уло́знъ-бума́жный. Вот. Т’еп’е́р’, зна́ч’ит, йа там утрабо́тла тр’и го́да, вы́уч’илс на штукату́ръ, мъл’ара́, пл’и́тъч’н’икъ, полго́дъ пръуч’и́лъс ф строи́тнъм т’е́хн’икум’е, и у на́с разб’и́лъз д’е́вушка. В о́ш’им, по́сл’и т’е́хн’икумъ рабо́тла ма́с’т’иръм, с во́с’м’с’ п’а́тъй отм’е́тк’и, изла-ма́лъс фс’а об э́т’и, та́м жъ л’еса́, но оста́лъз’ жыва́. И йа н’е ста́лъ уч’и́ццъ.

Во-п’ёрвꙋ, зарпла́тъ м’ён’шъ ма́с’т’иръм, и вот э́т траг’ёд’ийъ… Вот. Зна́ч’ит, эт йа по́сл’и уже́ зао́ч’нъ зако́н’ч’илъ ф’ина́нсъвый т’ёхн’икум, кагда́ з’д’ес’ уже́ была́ за́мужъм, ну э́тъ ла́днъ фс’о. Вот. Тр’и го́да. Пото́м йа пр’ийёхълъ с’уда́, вы́шлъ за́муш, вот муш бы́фшый, про́жыл’и мы с н’им два́цц тр’и го́да. П’ил, узърова́л, дра́лсъ… Ръзошл’и́з, д’ёт’и уже́ бы́л’и взро́слыъ, сын пр’ишо́л с а́рм’ии, до́ч’къ зако́н’ч’илъ кул’тпросв’ёточ’и́л’иш’е. Вот. Сч’ас ан’и́ ъддыха́йут — а вод гд’е, н’е зна́йу — на йу́г’е. Уйёхъл’и, два, знад’, дн’а то́къ йезды́. На мо́р’е. «Мам, тр’иц шес’т’ гра́дусъф э́тъ и двац во́с’им’ вода́». Вот ш’ас она́ мн’е то́л’къ звон’и́ла.

Д.: Оба, и сын, и дочь поехали?

Да. До́ч’къ с му́жъм ръзошла́с. Сын с му́жъм жыву́т в Масквʼе́, зна́ч’ит. А сын жыв’о́т ф Кал’а́з’ин’е. Вот. Ж жено́й пойёхъл и з до́ч’къй с мла́чшъй. А ста́ршый сын ш’аз зака́нч’ивъйит, у н’ео́ иш’о́ ч’о́-т с ыгза́м’инъм’и. Моско́фск’ий инс’т’иту́т афтъмаб’и́л’ный, пъсл’ёд’н’ий гот вот. Он н’е мо́жът ш’ас. Вот.

Д.: Выпускник, да?

Да, да. Вот у до́ч’к’и сын уже́ отслужы́л а́рм’ийу. И рабо́тъйет в Масквʼе́ по́въръм, в о́пш’им, вот ф како́м-тъ магдо́нъл’с’и, што́ л’и, н’е зна́йу, ла́н’ч’и гото́в’ит. С утра́, с с’ем’и́ утра́, зна́ч’ит. Вод зарпла́тъ тр’и́ццъд’ дв’е ты́ш’ш’и, но иногда́ и п’ийс’а́т выхо́д’ит. Вот. Што иш’о́, н’е зна́йу. Д’ёвъч’къ иш’о́ ма́л’ин’къ, ъна́ ч’ир’из д’ёс’ит’ л’ет ръд’ила́с у сы́на. Ста́ршый сын здров’ённый лоп. Со́рк с’ед’мо́й разм’ёр бат’и́нк’и. Ну ч’о, до́ч’к фторо́й раз за́муш н’е вы́шлъ, так у н’ёй йес’т’ э́тъ. Вы за́мужъм о́б’е?

Д.: Я — нет.

Н’ед, да? Да… Вот. Л’убо́вн’икф у м’ин’а́ бы́ло мно́гъ, но йа н’икъво́ н’и нашла́. Фторо́й раз за́муш выхои́т’ пр’иду́… Гла́внъ д’ёлъ, што, д’ефч’о́нк’и, пот ста́ръс’т’, пр’идлага́йуд за́мъш. У м’н’а́ как от с му́жъм ръзошла́с йа, мн’е уже́ нстъйеб’ён’илъ фс’о э́тъ, вот э́т’и дра́к’и, фс’о. Уйёхълъ с’уда́, зда́л’и вот э́ту мн’е кварт’и́рку, рабо́ту, фс’о. Э́тъ са́мъйо. Как пр’исо… Вот пзнако́м’ишсъ с како́м-н’т’, так ы нров’и́т пр’исоса́цца. А у м’н’а́ коро́а была́, т’ел’о́нък, пърс’о́нч’ик тут. С му́жъм-тъ коро́ва и два т’ел’о́нкъ, два пърс’о́нкъ, о́фцы, а ту́т то́къ э́та. Да́жъ коза́ была́, и то́ пр’иду́т — ой, как у т’а́ хърошо́!

Д.: Ну, Вы такая бойкая, так конечно.

Нъ балко́н пъдыша́т’, да, ой-ой. Ой! Мы́ бы к т’… Йа́ бы к т’еб’ё и йа́ бы к т’еб’ё, а мн’е н’е на́дъ ко мн’ё! Йа бы сама́ бы куда́ бы, вот. Дъ нкормл’у́ п’ирога́м’и, ш’ш’а́м’и с м’а́съм, са́л нар’ёжу! Ш’ас н’ёту н’ч’ово́. Ну, ч’ай мо́жнъ поста́в’ит’. Вас кто пои́л, корм’и́л?

Д.: Да мы вот пили, мы тут в охотхозяйстве живём, спасибо!

А, ну, ла́дно, ла́днъ. Ла́днъ. Так.

Д.: Так а вы с мужем-то не здесь жили?

Н’ет, мы жы́л’и ф Ка́пшын’е, там гд’е це́р’къф’. Зна́ит’е, да, Ка́пшинъ?

Д.: Ну, мы ещё не были, мы хотим туда завтра поехать.

Н’е́ был’и там. О! Там у м’ин’а́ падру́гъ жыв’о́т, кста́т’и. Вы… она́ о́ч’ин’ слъвъъхо́тнъйа, с му́жъм ан’и́ жыву́т. Йа вам могу́ сказа́т’, куда́ да́жъ зайт’и́.

Д.: Скажите.

Вот. Ъна́… Ра́н’шъ ан’и́ жы́л’и Б’е́л’скъйъ и́л’и Пло́т’н’ица. У н’и́ɣ была́ уже́ зълота́йъ сва́д’ба и, по-мо́йиму, иш’о́ кака́йи-тъ. Пътъму́ штъ им под во́с’м’д’с’ит обо́им. Вот. Фс’у жыс’ труд’и́л’ис ън’и́ — он м’ихън’иза́тър, ъна́ дойа́ркъ. То́л’къ уже́ но́г’и ста́л’и бол’е́т’, зав’е́душ’ъй са́д’иком п’ир’ет п’е́нс’ийъй она́ рабо́тла. И йа с н’ей вм’е́ст’и ф са́д’ик’е пъто́м рабо́тла, снач’а́лъ во́с’им л’ет, когда́ уч’и́лъс, т’е́хн’икум ко́нч’илъ. Ну, я пступ’и́ла снач’а́лъ рабо́тт’, пото́м ко́нч’илъ т’е́хн’икум, во́с’им’ л’ет пръраб́отълъ ф фина́нсъвъй, с адно́й тро́йкъй, ъстал’ны́йи ч’иты́р’и и п’ат’. Зао́ч’нъ, д’е́т’и бы́л’и ма́л’ин’к’ии. Вот, а ъна́ рабо́тла зав’е́душ’ий, йа въсп’ита́т’л’м. Д’е́в’ит’ л’ет йа отрабо́тла. Вот она́ уш… йа уйе́хла с’уда́, а она́ ушла́ на п’е́н’с’ийу. Хъро́шъйъ о́ч’ин’ же́н’ш’инъ, слъвъохо́тнъйъ, ч’а́йем нъпойа́т.

Д.: А она всю жизнь жила в этом Капшине?

Н’ет. Ана́ жыла́ то́ л’и Б’е́л’скъйъ, то́ л’и э́тъ… с му́жъм гд’е́-тъ. Когда́ ъбйид’ин’а́л’и колхо́зы, фс’ем там дава́л’и кварт’и́ры. И йа вы́шлъ з’д’ес’ за́мъш пр’ийе́хла, нам то́жъ да́л’и ф Ка́пшын’и, бы́лъ укрупн’е́н’ийе, ъбйид’ин’е́н’ийе. Вы э́тъ зна́ит’е, да?

Д.: Нет-нет, кстати.

Укрупн’а́л’и, укрупн’а́л’и. Фс’е да́л’н’ии д’ер’е́вн’и — фс’е в бол’шо́йъ с’ело́. П’ир’иган’а́л’и и скот, и фс’о на́ з’иму. З’д’ес’ во́с’им’ ф’ерм бы́лъ. А на л’е́тъ в одго́нныйъ па́зб’иш’ш’а… одган’а́л’и туда́, гд’е там пъпас’т’и́ скот, и туда́ воз’и́л’и дойа́рък пъ д’ир’евн’а́м, пон’а́тнъ, да? Вот. Ну ч’о сказа́т’, н’е зна́йу, фс’е плуч’и́л’и кварт’и́ры, но́выи дома́. Зна́ч’ид, др’е-в’а́нныи на́ двъ хаз’а́инъ, вот вы сйе́з’д’ит’е аб’иза́тнъ, там р’иставр’и́-ръвънъйъ це́р’къф’. Е́сл’и у ва́с вр’е́м’е йес’. Она́ вопш’е́ из руйи́н, из руйи́н. Од’и́н бога́тый ч’лов’е́к, туд, гвор’а́т, у н’оо́ в’и́нно-во́дъч’ный заво́т, што́ л’и, он йейо́ въстана́вл’ивъл, э́ту це́р’къф’. Вот. Ну как, н’е о́н, рабо́ч’х нън’има́л, це́р’къф’ рабо́тъит пъ пра́з’н’икъм. Слу́жбъ быва́ит, там йа н’е зна́йу, ф как’и́и дн’и. Йа ра́н’шъ иногда́ ход’и́ла, а ш’ас ф’из’и́ч’ск’и н’е́ нъ ч’им добра́цца. Маш́ыны н’е́ту.

Д.: А автобус не ходит?

Хо́д’ит. На́дъ стойа́т’ къраɣу́л’ит’, а но́г’и бол’а́т. Так’и́ шы́шк’и нъ нога́х, уже́ н’е зна́иш, как хъд’и́т’. Вот ма́жу пстъйа́ннъ, у м’н’а́ тут, э́тъ вот йа ма́жу — м’ин’а́ укус’и́л’и, а э́тът, б’е́лъйъ с’ир’е́н’ вот нъ сп’ирту́, подру́гъ пъдар’и́ла, и… ɣо́спъд’и, знат’, урон’и́лъ йа, индъм’итацы́нъвъйъ, бо́л’иутол’а́йуш’ш’ъйъ расса́сывъйуш’ъйъ, во!

Д.: Вот эта?

То э́т’им, да, то вот э́т’им ма́жу, н’и нступ’и́т’ на п’а́тк’и. Ън’и́ у м’ᵢн’а́ и ра́н’шъ бы́л’и, э́т’и шпо́ры, а т’еп’е́р’ во фс’е́ оцс’у́дъ вы́л’еза́йут уже́, э́т’и ко́с’т’и-тъ. Ръзросл’и́съ фс’о, ой.

Д.: А там никакой остановки, нигде не сядешь, ничего?

Н’ет, там йес’т’ ъстано́фка ф Ка́пшын’е…

Д.: А тут-то? Тут вот ждать-то?

Н’е, с’ид’е́т’ н’е́гд’е, и тут н’е́гд’е, н’е́гд’и, н’е́гд’и, н’е́гд’и, с’ид’е́т’ н’е́гд’и.

Ну, йа уч’а́ствъвлъ до́лгъ о́ч’ин’ ф съмъд’е́йтнъс’т’и. И та́м, и з’д’е́с’, и йе́з’д’ила ф Кал’а́з’ин в ансáмбл’и «Жыво́й ръд’н’и́к»! И з’д’ес’, и ф Ка́пшын’и, пото́м клуп туд закры́л’и, в Нерл’ нас отту́дъ пр’ивоз’и́л’и, сама́ д’ир’е́ктър воз’и́ла, пото́м д’ир’е́ктър ушла́, пътому́ штъ заму́ч’ил’и, ъна́ ш’ас рабо́тъит в мъгаз’и́н’е. У м’н’а́ раса́ду капу́сты б’ир’о́т и пъ̂м’идо́р. Иногда́ опш’а́имсъ, хъро́шъйъ же́н’ш’инъ. И зън’има́л’и мы фс’о вр’е́м’ъ п’е́рвыи м’еста́ пъ райо́ну ис с’е́л’ск’их.

Д.: Вы пели, да?

Да, да. Вот. И сп’екта́кл’и игра́л’и, у м’н’а́ да́жъ д’и́ск’и гд’е́-тъ йес’, сп’екта́кл’и. Зна́ит’и, как’и́и ста́в’ил’и? Вал’у́шку — въйе́нный, пъто́м ста́в’ил’и мы… ш’ас. Пр’ишо́л с фро́нта, рад’и́т’ил’и йево́ н’ узна́л’и, Йего́р Др’о́мъф. Зна́ит’е э́тъва… Б… Б… Ой, Бон… Йу́р’ийъ Бо́ндър’ива, вот. По́лнъст’у ста́в’ил’и сп’екта́кл’. Под му́зыку, у на́з была́ зву́ч’нъ му́зыкъ из ра́зных э́т’их, там ы кла́с’с’ка и н’екла́с’с’ка. Да́жъ ра́мъ была́ пов’е́шъна, как о́н стуч’и́т, в о́пш’им, взры́вы нъстъйа́ш’ш’ии бы́л’и. И избу́шкъ, и го́сп’итъл’, м’ен’а́л’и карт’и́ны. Жал’, мы пъ̂каза́л’и од’и́н рас то́л’къ, и у на́с закры́л’и клуп. Сйе́зд’ид’ бы куда́-тъ с н’им ыш’ш’о́, засн’а́л’и на д’и́ск. Йа иногда́ до́ма фкл’уч’у́, псмотр’у́, попла́ч’у. Йа игра́лъ мат’ Др’о́мова. И пла́къл на сце́н’и, и фс’е пла́къл’и. Ну, когда́, што гр’у, э́тъ, э́тъ наш сын. Наш Йего́рушка. Да что ты, мат’! Дъ йе́сл’и б был ръдно́й, дъ ра́зв’и он н’и пр’изна́лсъ бы? Ф ку́рс’е вы, да? Ну, ч’та́л’и э́тът раска́с?

Д.: Этот не читали.

Н’и ч’ита́л’и…

Д.: Тёмные люди.

Да. Да. Да, жал’, э́тъ вайе́нный, о́ч’ин’ харо́шый. Йево́ фс’иво́ изра́н’ил’и, танк’и́стъм, фс’о л’ицо́ обожгл’и́. Пч’ита́йт’е, ваз’м’и́т’е б’ибл’ът’е́к’и. И он пр’ишо́л домо́й, а сказа́л, што он од дру́га. Друк йево́ посла́л. И вот он спал на п’е́ч’к’и, п’еч’ с’д’е́лъл’и, э́ту кардо́ннуйу, спал он про́стъ на ла́фк’и у п’е́ч’к’и, йа лъскуто́шнъйъ уд’ейа́лъ пр’ин’есла́. Ну, в о́пш’им фс’ом нъ пълъв’ич’к’е́, тут фс’о бы́лъ з’д’е́лнъ, ой, вопш’е́. Да́жъ войе́нный был э́тът, р’угза́к, как йево́, н’е р’угза́к он нъзыва́лсъ — с’и́дър. В’иш’евы́йе м’ешк’и́ — с’и́дър пъ-стар’и́ннъму. Вот, фс’о́, свой сцена́р’ий п’иса́л’и, фс’о бы́лъ пъ-друго́му, ну, п’иса́лъ н’е йа́ сцена́р’ий. Вот. И ъзву́ч’инъ бы́лъ, му́зыкъ была́, ой, вопш’е́ с му́зыкъй… У на́з да́жъ в за́л’е, когда́ эт са́мъйе, а сн’има́л’и сваи́ р’иб’а́та, ну и удново́, зна́ч’ит, как, фс’е там ра́н’иных, а од’и́н л’ежы́т уб’и́тый. А д’ефч’о́нк’е он д’а́д’а, ма́л’ин’къй. И она́ р’ев’о́т: «Уб’и́л’и, уб’и́л’и, софс’е́м уб’и́л’и!» Ой, н’и забу́ду, см’ейа́л’исъ, ой. Наро́ду с’о вр’е́м’ъ хад’илъ по́лный клуп. Да.

Д.: Это вот в Капшине это всё?

Э́тъ ф Ка́пшын’е, да, ф Ка́пшын’е. Так…

Д.: А как же Вашу подругу-то зовут капшинскую?

В’éра. М’ен’á В’éръ и йейó В’éра, да. Муш Ънатóл’ий. А знáит’е как?

Д.: А по отчеству?

Э́тъ бýд’ит п’ир’ет шкóлъй тр’éт’йъ л’ин’ийъ. В óпш’им, как сказáт’. Дъ спрóс’т’е Бобрóвых, фс’е знáйут Бобрóвых. Бобрóвы В’éра… Скáжъ̆т’е, подрýгъ В’éръ отпрáв’илъ из Охóтхъз’áйства. Зайт’и́.

Д.: Хорошо.

Да. Да, скáжд, бы́л’и у м’ин’á. Вот.

Д.: А во сколько автобус? Может, мы туда на автобусе завтра?

Нъ афтóбус’е… м’инýт п’етнáццът’ нáдъ стойáт’ нъ ъстанóфк’е. З’з’ес’ вот на нáшъм п’ер’екр’óск’и вот тут вот. М’инýт п’етнáццът’. Т’епéр’, фтóрн’ик, ср’éду он н’е хóд’ит.

Д.: Да, а завтра суббота, значит, ходит.

Субóта. Субóта — мóжът ход’и́т’, но н’инад’óжно. Сáмъйъ лýчшъйъ пън’ед’éл’н’ик и п’áтн’ица. Ч’итв’éрк ыш’ш’ó, вот э́т’и дн’и да.

Д.: Надо было сегодня…

Да.

Д.: А во сколько ходит?

П’етн… У́тръм? Ну, у́тръм — п’етнáцц м’инýт въс’мóвъ. Н’и вос’мóвъ — с’ед’мóвъ!

Д.: Ой, так рано!

Рáнъ, да, п’етнáцц м’инýт с’ед’мóвъ, ну мóшт пр’ийт’и́ и пóлч’исъ. Мы знáит’и как, мы тут къ̆раýл’им, в óш’им, п’етнáцц м’инýт лýч’шъ пстойáт’. Ну вы смóшт’е пр’ийéхът’, пойт’и́ по лáвъм, дойт’и́ псмотр’éт’ цéр’къф’, с’елó фс’о. Вот э́т’и вод домá, кътéджы — э́тъ фс’о стрóинъ пóсл’ пожáра, фс’е домá поч’т’и́. У нáж жъ з’д’ес’ с’елó згър’éлъ пóлнъс’т’у поч’т’и́. Был стрáшный пожáр, каг говр’и́ццъ, фс’ем’и́рный. П’éрвый был ф ты́ш’ш’у въс’ем’сóт въс’м’ид’ес’áтъм гд’é-тъ гъдý, ат тавó пажáра астáлъз два дóма. И од’и́н дом ужé упáл, згн’и́л съфс’éм, а одн’и́н дом ът пъжáра — э́тъ т’от’ Н’ýшы, э́тъй, как йевó, т’от’ Н’ýшы и т’от’ Вáл’и Фъм’инóй, у н’и́х нп̆ъ̆пъ̆лáм — он, э́тъд дом жыф. Э́тъд дом жыф.

Д.: Такой древний дом с XIX века?

Да. Да, да, вот од’и́н дом жыф. А иш’ó был э́тъ, Анн Гр’игóр’ны, там у н’и́ꞷ был муз’éй ф шкóл’е. Ш’ас йа н’е знáйу, муз’éй схран’и́лсъ и́л’и н’ет.

Д.: Да вроде есть, нам говорила Татьяна Владимировна.

Йес’т’, да? Фс’о ръзворовáл’и, покá вот в’илá Н’и́нъ Ивáнъвна муз’éй, уч’и́т’ил’ истóр’ии, ой, скóл’къ там фс’евó бы́лъ.

⟨*Телефонный звонок информанту, сброшен.*⟩

Потóм, мóжъд быт’, пъзвън’ý И́р’е. С н’ей óч’ин’ дóлгъ ръзговáр’ивът’. Да. Вот. А ш’ас фс’о ръсташ’ш’и́л’и. Остáл’ис’ корч’áг’и-ут’уг’и́ и ч’óрт’е што. И плов’и́на ткáцкъвъ, наэ́рнъ, станкá, фс’о ръзварóвъна, фс’ó ростáш’ш’инъ.

Д.: А там были, что, наверно, костюмы разные, да?

Ну, йа дáжъ н’е зна… Знáйу, што мнóгъ бы́лъ фс’евó. Йа нашлá м’идал’йóн такóй, тóжъ ъддавáл̆ъ̆ тудá. И э́тъвъ м’идал’йóнъ н’éту. И на

н’óм нáшъ Кáпшынскъйъ цéр’къф’ с пр’истрóйкъм’и. И св’атóй э́тът, как йевó, был. Уснова́т’ил’-тъ э́тът. А-а, н’éту, н’éту. В’и́д’имъ, гд’é-тъ э́тъ д’éлъл’и. И когдá йа нашлá, покáзъвъ… гвр’и́т, э́тъ нáшъ цéр’къф’. Вот, и тот, кто вот э́т’им зав’éдвъл, штó л’и, ой, н’е знáйу, как сказáт’. Так. Ну, ч’о ф Кáпшын’е там, ф Кáпшын’е посмотр’éт’ мóжнъ пр’ийт’и́, цéр’къф’, кон’éшнъ, н’иктó н’и открóйот… Ну, Рáич’къ мóжът ъткры́т’. Но Рáич’ку вам найт’и́, Рáич’ку. Вам покáжуд гд’е, Рáич’къ в нов… ф том с’ел’é. Онá фстайóт, наэ́нъ, рáнъ, вам нáдъ снач’áлъ знáит’и как, сход’и́т’, нъэ́нъ, ф тó с’елó, в другóйъ ч’ир’из лáвы.

Д.: Через лавы нужно идти в Капшино?

Да, ч’ир’из лáвы. Ч’ир’из лáвы, мош, ктó-тъ покáжът. Э́тъ м’и́мъ шкóлы, ч’ир’из мъс’т’ич’óк, а мóжнъ пъ бъл’шакý кругóм. А кругóм знáит’ как? Вас э́тът шаф’óр мóжъд дъв’ес’т’и́ до дорóг’и, котóръйъ пр’ам ф Кáпшынъ пр’ив’ед’óт, б’ес фс’áк’их м’инýйъ лаф. Э́тъ нýжнъ пройéхът’ останóфк’и нáшы, зъ останóфкъм’и. Вот. Мош, ктó-т потскáжъд, дъ н’икоó в афтóбъ̂с’и-тъ н’éту. Вот там ид’óш м’и́мъ сушы́лк’и, м’и́мъ э́тъва, и сáмъйъ посл’éдн’ъйъ ф Кáпшынъ там, хóд’ът там нъпр’амýйу, кому… конч’áиццъ гд’е Кáпшынъ. Гд’е нч’инáиццъ, тут в однóм м’éс’т’и с’áдут, в другóм с’áдут. Потóм там с’áдут, и мóжнъ иш’ó тудá пъдáл’шъ. Ну, шаф’óр ругáиццъ, гвър’и́т однá ъстанóфка, а фс’е равнó ъстанáвл’ивъит. Вы пъгвър’и́т’ с шаф’óръм, как удóбн’ийе пройт’и́ ф Кáпшынъ. И вот там по э́тъй дорóг’и Рáйъ-тъ жыв’óт бл’и́скъ. Но тó, что вы пр’ийéит’и тудá ф с’ем’ ч’асóф, фс’е л’ýд’ дóбрыйъ сп’ат. Да. Йа н’е знáйу, как вам. И́л’и вам снач’áлъ лýч’шъ к В’éр’е. Йа йей пзвон’и́лъ бы, éсл’и дъ̂звън’ýс. Пъ̂звън’и́лъ бы и сказáлъ бы, што вы́ пр’ийéд’ит’е. Он’и́ бы хот’ д’в’ер’ откры́л’и, а тó тóжъ н’и дъ̂стуч’áццъ. У н’и́ŋ бы пъ̂с’ид’éл’и бы, а потóм бы и пошл’и́ бы тудá. Вот. Н’и знáйу, как лýч’шъ. Пъ̂тъмý што óч’ин’ рáнъ, л’ýд’и дóбры сп’ат ыл’и́ в угорóдъх.

Д.: Ну, мы, может, договоримся, там, от охотхозяйства чтоб нас на машине в человеческое время какое-то отвезли.

А. А ф ч’илъв’éч’скъйъ — дойéт’т’и дъ Бобрóвых снач’áла. И́л’и до Рáи, и онá там св’ед’óт ф цéр’къф’. Иш’ó кудá, кто ш ш’ас д’ир’éктър шкóлы-тъ. Ой, кто ж д’ир’éктър шкóл-тъ. А, школ… шкóл-тъ закры́л’и ил’ н’и закры́л’и ф Кáпшын’е… Там ы муз’éй был.

Д.: Нам вроде сказали, что закрыли, в Нерль теперь все ездят.

Фс’е в Нерл’? Закры́л’и, так… дък нав’éрнъ, и муз’éй-тъ н’е знáйу гд’е т’еп’ер’ там. А, там клуп остáлсъ. Клýбъм зав’éдуит Шылд’акóвъ Св’етлáнъ Вас’и́л’ивна. У мн’á йес’ йейó т’ел’ифóн. Так.

Д.: А Светлана Васильевна нам вроде дала.

Далá т’ил’ифóн? Кто дал?

Д.: Татьяна Владимировна дала. Нестеренко Татьяна Владимировна.

А. Ну вот. Тат’йáнъ далá, вы мóжът’е пъ̂звън’и́т’, пр’ийéхът’. Анá вас, онá óч’ин’ такáйа слъвъохóтнъйъ, онá вас и пръвóд’ит и фс’о там покáжыт. Вот. Шылд’акóва.

А, д’е́въч’к’и, вот йа вам н’и пказа́л, зна́ч’ит. Ну, исто́р’ийу шко́лы н’ет, тут вот со́рък шесто́й, со́рък п’а́тый гот. Э́тъ вам. Как ъна́ была́ ъргъ-н’изо́вънъ, э́тъ вот кла́с наш. Вот йа стайу́.

Д.: О, какая, с косичками!

Да. Вот. Ш’ас пъкажу́, тут дължны́ быт’ у на́с… Э́тъ ат’еста́т вот ъб ъкънч’а́н’ии б’ес тро́йък с’им’ил’е́тк’и, мой и Н’и́ны. Падру́г’и майе́й гд’е́-тъ, вот, Н’и́н’ин. Мы то́жъ б’ес… Б’ес тро́ик, ч’ты́р’и и п’ат’ у фс’ех. Т’ип’е́р’ йа йе́ж’ж’у к н’ей, ана́ жыв’о́т в Ы́л’йи́нскъм, К’и́мрскъвъ райо́нъ бу́ит. Так, а гд’е́ жъ э́тъ фтогра́ф’ийъ-тъ у мн’а́? На́шых фс’ех вы-пускн’ико́ф, цв’етна́йа, цв’етна́йа. Э́тъ фс’е по кла́съм тут, по кла́съм. Тут каза́д’ до́лгъ. Вот ана́, падру́гъ мъйа́, ъднъкла́с’н’ицъ. Вот э́тъ ъднъ-кла́с’н’ик бы́фшый. У́м’ир уже́, рабо́тъл в ба́нк’е в Москв’е́. Э́тъ мы вы-ра́ш’ш’ивъл’и кукуру́зу.

Д.: Ой, какая большая!

Э́тъ забо́р ч’ин’и́л’и. Хоро́шъйъ росла́ кукуру́зъ! Пол’а́ вон туда́ зъ Бо-гда́нъвъ. Э́тъ то́жъ, м’е́с’т’и уч’и́л’ис’, В’е́ръ, ъна́ фс’у жыс’ пръраб́отълъ на шв’е́н’ик’е. Ъпш’а́имсъ. Вот. А иш’ш’о́ дв’е пъдру́г’и у мн’а́ у́м’ирл’и вот э́т’им го́дъм. Тут вот уна́, вот.

Д.: Это вот встреча, которую Вы организовали?

Вот уч’т’ел’а́. Да, э́тъ вот фстр’е́ч’ъ. Ш’ас, йа́-тъ б’из оч’ко́ф н’е в’и́жу. Э́тъ вот уч’т’ел’а́. Вот Вълент’и́н Ф’о́рнъ Шыро́къва, йей уже́ д’ив’ано́стъ, нав’е́рнъ. Ана́ жыв’о́т ф Кал’а́з’ин’е, ъна́ жыва́. Вот Купр’ийа́нъф, като́рый нъп’иса́л кн’и́гу «Скн’а́т’инъ и скн’а́т’инцы».

Д.: О! Мы читали, ну-ка, ну-ка, какой?

Ч’ита́л’и, вот он. Он у́м’ер. Въс’мо́въ, па-мо́йиму, йинвар’а́ мы с н’им апш’ш’а́л’ис, он у́м’ир.

Д.: Он учителем был?

Н’ет. Он зав’е́дъвъл… гла́вный, што́ л’и, р’еда́ктър ры́б’инскъй газ’е́ты. Го́рът Ры́б’инск, вот. Э́тъ вод жыва́ Н’и́нъ Ф’о́дъръвна, вы бы́л’и? Ф сос’е́д’н’им до́м’ъ жыв’о́т, она́ ру́ку ш’ас слама́ла.

Д.: Нет, не были. А нам про неё не говорили.

Ъна́ зав’е́дъвъла нач’а́л’нъй шко́лъй уже́, она́ пр’ийе́хълъ по́ж’ж’ъ, оста́лъс уже́ ч’ иты́р’и кла́са. И ана́ з’д’ез’ зав’е́дъвъла э́тъй шко́лъй.

Д.: А она не местная, не коренная?

Н’ет, ъна́ ътку́д-тъ ис-път Тв’ер’и́. Как кар’е́лы там, как, жы́л’и как’и́-тъ, вот она́ отту́да. Вот. Вот уч’и́т’ил’н’ицъ, э́тъ вод бы́л’и уч’т’ел’а́. Так. Э́тъ жыва́, уч’и́т’ил’н’ица ф Ка́пшын’и жыв’о́т, на п’е́н’с’ии. Э́тъ вод д’ир’е́ктър Ка́пшынскъй шко́лы, она́ и з’д’ес’ уч’и́лъ, а пото́м школ за-кры́л’и, ъна́ ш’ас ф К’и́мръх жыв’о́т. Э́тъ вот йа.

Д.: Да?

Да. С уч’т’ел’а́м’и м’ен’а́ тут псад’и́л’и. Э́тъ вот падру́гъ мойа́, э́тъ вот фс’е на́шы. Вот э́тъ вот, ф со́рък шысто́м гаду́ он ко́н’ч’ил ч’ет’в’о́ртый клас. Вот Вълóд’ъ, он жыф иш’о́, жына́ у н’ио́ ум’ерла́, вод жына́, а он жыф. И он’и́ воз’и́л’и нъ лъшад’а́х вот стро́ил’и э́ту шко́лу. Он со́рък

шес… ч’итв’ортъм закóнч’ил и воз’ил стрóил. Э́тъ вот на Вóлнъг’и жыв’от, жыва́. Э́тъ вот подру́гъ, катóръйъ шв’ейа́.

Д.: А, а это кто, это не…

Э́тъ Н’инъ Сувóръвъ с Вóлнъг’и.

Д.: А, так мы знаем Нину Суворову, мы с ней разговаривали, у неё отец художник.

Вот. Да, ът’éц у н’ейó худóжн’ик. Кста́т’и, вот карт’и́на.

Д.: Это его, да?

Э́тъ она́ и йейó мат’ съб’ира́йуд з’имл’ан’и́ку там, за Нéрл’ийу.

Д.: Это тоже он?

Да, он р’исъва́л, он. Вот.

Д.: Мы сфотографируем потом обязательно.

Фътограф’и́руйт’е. Мóжнъ побл’и́жъ пъдойт’и́ и́л’и как. Вот. Мóшт’и вот э́тъ п’ир’ифтъграф’и́ръвът’. Так. Кто у на́с зд’ес’, так. Так, так-так-так. Вот, э́тъ проф’éссър, дóктър м’ид’ицы́нск’их нау́к База́нъв Г’ена́д’ий Ъл’ексáндръв’ич’. У́м’ир он два гóдъ, наэ́рнъ, как.

Д.: А, это его брат рыбак?

Йевó брат рыба́г, да. Этъ óч’ин’ уважа́йимый ч’илов’éк, у йевó… и по т’ил’ив’и́зъру, у н’оó п’атна́цц кн’ик и зъруб’ежóм и в’ез’д’é. Он мн’е пъдар’и́л свои́х кн’ик э́т’их, ну он врач’ тра́вн’ик. Пр’ипъдава́т’ил’ в э́тъм, ъкад’éмийъ э́тъ, Тв’ерска́йа, м’иицы́нскъйа. Йа прóстъ вам гвор’у́ про так’и́х в’ел’и́к’их л’уд’éй. Вот. Вот э́тът нъгражд’óн ра́зъ два и́л’и тр’и ърд’ена́м’и фс’а́к’им’и нъ завóд’е. Так, э́тъ Н’и́ны вот Сувóръвъй брат, кътóръй вы ъпш’а́л’ис, вот йейó. Он н’е зд’éз’ жыв’от. Э́тъ вот на Вóлнъг’и жыв’от, На́д’ъ Кр’у́къва. У н’и́х вон напрóт’иф угорóт.

Д.: О, да, тоже знаем мы её. Были вчера у неё.

Зна́ит’е, фч’ера́ бы́л’и, вот. На́д’ъ Кр’у́къва. Так, т’еп’éр’. Так, так, так. Вот Сла́въ Афс’éйиф, вы к н’ему́ схъд’и́т’е ъб’иза́т’ил’нъ.

Д.: Слава Авсеев. Слава его зовут, а то нам сказали Авсеев, а как зовут, не сказали.

Сла́ва. Сла́ва. Он ч’имп’иóн.

Д.: Он в Рогу живёт?

В Ръгу́, да, но у н’евó там, наэ́н, закры́тъ. Ой. Ну вы как-н’ибу́т’. Т’ил’ифóн-тъ у м’ин’а́. Йа зна́ит’е как, ч’ир’из жену́ звон’у́ с н’им. Он мн’е то йа́блъкъ, брал у м’ен’а́ з’имл’ан’и́ч’ны усы́, э́тъ мой удноклáс’н’ик. Тут н’е тóкъ удноклáс’н’ик’и, но ис на́шъвъ клáсъ бы́лъ с’ем’ и́л’и вóс’им’ ч’илов’éк, бол’ш фс’евó, наш клас. И из друг’и́х клáсъф бы́л’и, ра́зныйи выпуска́. Фс’е выпуска́ бы́л’и, што вот э́тъ. Он, зна́ч’ит, ш’ас скажу́.

Д.: Ой, дайте я ещё тут сфотографирую.

Так. Ну, з’д’ес’ вот гд’é-тъ он у м’ен’а́ угу́, угу́, угу́. Угу́, вот он.

Д.: Вот он, да-да-да.

Так, ш’ас пръ н’евó. Та-ак. Афс’éйъф. Ма́с’т’ер спóртъ пъ л’óхкъй атл’éт’к’е, ч’имп’иóн съв’éцкъй а́рм’ии в б’éг’и на стó и на дв’éс’т’и м’éтръф. Ч’имп’иóн съсъэ́р шыйс’а́д д’ив’а́тъвъ гóдъ ср’ед’и́ с’éл’ск’их

спърцм’énъф. Б’éг’е на стó м’éтръф, брóнзъвый пр’из’óр съсъэ́р с’им’ид’ес’áтъвъ гóда. Он знáит’е с к’ем брóнзъвый? Э́тъ н’и съсъэ́р, пъгод’и́т’икъ, он иш’ó… Брóнзъвый пр’из’óр — э́тъ съсъэ́р, а э́тъ иш’ó он брóнзъвый пр’из’óр, кагдá Бодрóф и́л’и как йевó, Йеврóпы, иш’ó тут, тут йес’ уч’áс’н’ик мáч’ч’а збóрнъй э́тъ, л’éтъм пръжывáит в д’ер’éвн’е Рок.

Д.: А какое же отчество у него? Не могу прочесть.

Ой. Иóс’иф от’éц-тъ бы́л, штó л’и. Тóч’нъ н’е знáйу, врóд’и Иóс’ифъв’ич’. Э́тъ вот стар’éйшъ уч’и́т’н’ицъ выпýст… эт. Так нъгръжд’енá м’едáл’ъм’и, в’ит’ерáн трудá. Йавл’áиццъ роднóй с’естрóй г’ерóйъ Съв’éцкъъ Сойýза — Шырóкъвъ Н’икалáйъ Ф’óдърръв’ич’ъ. У нáс п’ад’ г’ерóйъф Сов’éцкъвъ Сойýза вот пъ Кал’áз’ину. Вот анá с’естрá, ънá жывá. А вот э́тъ сын уч’и́т’ел’н’ицы, катóръйъ вот нач’áл’нъйъ шкóлъ, вы к н’ей схóд’ит’е. Д’ир’éктърръм катóръйъ былá, ф сас’éд’н’ем дóм’и Н’и́нъ Ф’óдърръвна. Так. Пʰл’акóф Вáс’а. Р’азáнскъйъ вы́шшъйъ уч’и́л’иш’ш’е, акад’éм’ийъ и́м’ин’и П’етрá В’ел’и́къо, пр’ипъдавáт’ил’ Р’азáнскъвъ въйéннъвъ уч’и́л’иш’ш’а. Нъгражд’óн мнóг’им’и м’едáл’ем’и. Э́тъ йейó сын. Вот. Э́тъ йейó доч’, ънá пъмоглá нам — и кафé далá, и пъмоглá д’ен’гáм’и. Мы… пóсл’и у нáз банк’éд был, мы п’éл’и-пл’асáл’и. У нáз бъйан’и́сткъ былá, и мýзыка такáйа. И там и торжéс’в’енныйе р’éч’и, и угош’ш’éн’ийе, и фс’о. Фс’о бы́лъ, по дв’éс’т’и рубл’éй ш’ ч’илъэ́къ съб’ирáл’и, и спóнсъры пмогл’и́. Ну, зън’имáлс йа фс’о э́т’им, кон’éшнъ. Оргън’изóвъвълъ, што онá помоглá вот пъ продýктъм, фс’о э́тъ сáмъйъ. Э́тъ вот нáшъ пъытéсъ, Кърас’óва Л’ýдм’и́лъ, гóрът К’и́мры. Ну онá былá н’и Крас’óва, вот с’т’их’и́ ийó от дв’енáццътъвъ с’ин’т’абр’á, онá тóжъ пр’исýцтъвълъ. Так.

Д.: Тоже училась здесь, в вашей школе?

Уч’и́лъз, да, уч’и́лъс. Так. Йа, ой, тут фс’о утрывáиццъ. Тут вот ръсказáт’. Кан’éшнъ, у нáс тут мнóгъ. Вот нáшъ стáръйъ шкóла. П’ир’ифтъграф’и́ръвъл’и ис крóхътнъй фтогрáф’ии. Пʰч’емý ънá такá бл’éд’н’ин’къйъ. И знáит’е, от н’ейó ч’о уцел’éлъ? Вот э́тъ б’ер’óзъ, огрóмнъйъ стоúд б’ер’óзъ óкълъ кътéджъй. Вот э́т’и жóлтыйъ кътéджы, рздвойóнъйъ б’ер’óзъ вот э́та.

Д.: Как раз мы там и живём, около этой берёзы.

Вод б’ер’óза рздвойóнайа, котéдж знáит’е какóй? Крáйн’ий тудá бýит. Вот как пъ мъс’т’ич’кý ид’óш, вы пъ мъс’т’ич’кý хóд’ит’е? М’и́м котéджъй хóит’е и́л’и гд’е вы хóит’е? И́л’и на крýк?

Д.: Сюда, к Вам пришли?

Да.

Д.: На круг.

На крýк. А вот пр’áмъ э́сл’и ит’т’и́ от’с’ýда, а йéсл’и на крýк к н’омý ит’т’и́, он п’éрвый. И м’éжду н’им и э́т’им вот э́тъ рздвойóнъйъ б’ер’óза, и вот э́та былá шкóла, вот. А вот с’удá жóлтый дом, вот тáк вот два жóлтыу дóма, а с’удá вот жóлтый-то дóм, тут нъ фудáм’ин’т’е, тут бы́л’и нáшы трудовы́йе э́т’и, клáсы, уч’и́т’ел’скъйа.

⟨*Телефонный звонок.*⟩

Так, ла́днъ, позво́н’ит, н’е бу́ит звон’и́т’. От как’и́и сорк п’а́тый, со́рк шесто́й гот. Он как’и́и, кто ф ч’ом од’е́т.

Д.: Хорошие. Фотография какая.

Вот со́рък ч’ет’в’о́ртый гот, эт вот ма́ма вот э́тъвъ п’иса́т’ел’а Купр’ийа́нъва. Вот. Йа кн’иг п^{о}могла́ Кпр’ийа́нъву прода́т’ штук п’етна́ццът’. Он два д’е́лъл э́т’их, как йево́, два ра́з зака́зывъл. Н’е зна́йу, скок ыкзымпл’а́ръф, мно́го. Мно́гъ, так ын’т’ир’е́снъ. А?

Д.: Как это называется? Да, два тиража.

Ч’о?

Д.: Два раза выпускали книгу.

Два ра́зъ, да, два т’ираж́а. Птшъ н’и хват’и́лъ. П’е́рвый т’ира́ш вот он ръспръстран’а́л нам, свои́ свои́м, а уч’н’ико́ф-тъ ско́къ бы́лъ. Фс’е пкупа́л’и. Йа снач’а́лъ, йа п’е́рвъйа пъч’т’и́ за Ко́л’ей доста́лъ йейо́ ка́к-тъ ч’е́р’ес… гд’е́-тъ зъказа́лъ уш йа, а пъто́м он пр’ин’о́с це́лый р’угза́к: «В’ер, пъмо́ъш?» Йа гу: «Дъ прода́м, у м’ин’а́ спра́шывъйут!» Ой, п’е́рвыйи бы́л’и по дв’е́с’т’ п’ис’а́т, по дв’е́с’т’и рубл’е́й, а фторы́йе по дв’е́с’т’и п’ис’а́т, птаму́ штъ… ш’о одна́ кн’и́гъ у м’н’а́ оста́лъс. Даро́жъ э́тъ, как йево́… Там пръ отца́ мъйево́ нап’и́сънъ. Так, э́тъ фс’о э́тъ, так. Вот Вълʼент’и́н-тъ Ф’о́ръна. Вот д’ир’е́ктър шко́лы. Эт вот Купр’ийа́нъв ж жено́й. Э́тъ вот Купр’ийа́нъва ма́мъ и от’е́ц. Вот. У-у. Мно́гъ уш у́м’ирлъ у на́с тут. Тут вот мойа́ с’естра́ вот э́тъ вот. То́жъ уч’и́лъс, эд друго́й клас. Э́тъ вот тр’е́т’йъ с’естра́, като́ръйъ ум’ерла́, вот э́та. И Н’и́на Ф’о́рна вот, што там. Схо́д’ит’е к н’ей. А, а э́тъ вот Пъл’ако́ва ма́л’ин’къйа, кътóръйъ пъмога́лъ нам оргън’изо́въвът’ э́тъ, ба́л-тъ, ба́л-тъ. Фс’о то́жъ дгова́р’ивъл’ис. Бы́ло вр’е́м’а, ой, канце́рд был, тък о́й. А од’и́н, вот э́тт, ой, вот э́тът, упа… да, ш’ас скажу́, Ко́кър’еф, у н’оо́ тр’и м’еда́л’и, упа́л нъ кол’е́нк’и: «В’е́ра, умр’о́ш, когда́ мы т’е бро́нзъвый па́м’итн’ик поста́в’им за то́, шъ ты ърган’изова́лъ э́тът пра́з’н’ик!» Ой! Йа гу: «Ты с ума́ съшо́л!» Вод зд’ес’ йа з База́нъым, з до́ктъръм нау́к вот с э́т’им. Э́тъ вот в’ила́ когда́ вот в’е́ч’ир тут. Э́тъ Купр’ийа́нъф выступа́йет, э́тъ вот стар’е́йшый са́мый уч’ен’и́к, э́тъ то́жъ Па́влъф, йево́ ма́мъ…

Д.: А вот Соколов Владимир Михайлович.

Да. Да, ф Каро́ткъв’е, вы бы́л’и у н’ево́?

Д.: В Короткове, мы не были ещё у него.

Дъ што́ вы! И он, наэ́рнъ, в д’ер’е́вн’е. Аб’иза́т’нъ схаи́т’, зъп’ишы́т’е!

Д.: У нас записан.

Так. Йа вам ко́ръткъ. Зна́ч’ит, выпускн’и́к ста́ръй вълного́фскъй шко́лы, со́рк шысто́й гот. Уч’а́ссвъл ф строи́т’ил’ств’и но́въй, вот э́тъй, што, кото́руй уже́ слама́л’и, а ста́ръйа была́ ф Коро́ткъв’и шко́лъ, там была́ кото́ра в два́цц п’а́тыу года́х-та. П’ис’а́т фторо́м году́ постро́йк’и, рабо́тъл ф Скн’а́т’инскъм охо́тхаз’а́йств’е зъм’ес’т’и́т’ил’ем нач’а́л’н’ика. Пръжыва́ит в д’ер’е́вн’е Коро́ткъвъ, в выступл’е́н’иих ръсказа́л о шко́л’ных года́х, о тру́днъй по́сл’ивойе́ннъй жы́з’н’и. А вот э́тат, он, мож бы́т’ и на го́рк’е ш’ас. Йа н’е зна́йу, он то́жъ… Зна́ч’ит, Па́влоф, йево́ ма́мъ была́ уч’и́-

т’н’ицъй пъ л’ит’иратýр’е, рýскъму йизыкý. И двоúҷ д’ит’éй онá рос’т’úла, од’úн йа н’и знáйу гд’е, а э́тъ, знáч’ит, рабóтъит в Москв’é нъ однóм ызъ завóдъф, од’úн из рукъвод’úт’ил’ий. Вот. Т’е дал’óк’ийе вр’е… Зз’ес’ оммъ-лод’úл’и фтогрáф’ийу. Э́тът. Знáч’ит, эт Слáвъ Вълент’úнъ Ф’óдъръвна, э́тъ Тáн’е, вот онá ш’ас ужé такáйа, дáжъ онá ш’ас ужé н’и такáйа, ужé внýк’и у Н’úны Ф’óрны. А, а э́тъ вот д’и… знáч’ит, э́тъ д’ир’и… вот, вы… знáч’ит, вруч’áит цв’еты́ и йей был звънóк пъруч’óн, анá былá пъсл’éдн’ъйъ уч’ен’úцъ нáшъй шкóлы, йéйу закры́л’и, вот. Ач’… патóм анá ужé рабóтлъ д’ир’éктърьм, по-мóъму, шкóлы. Ш’ас анá в Нерл’úй рабóтъит. Вот. И йей был звънóк э́тът, и фс’о. И вот онá вруч’áит цв’еты́. Цв’еты́ съб’ирáлъ йа, В’éръ пр’ив’езлá цв’еты́. Бук’éты, уч’т’ел’áм там, стар’éйшым э́т’им. Вот. А э́тъ вот канцéрт мы выступáим, срáзу пóсл’и. Вот. Э́тъ вот мáл’ч’ик, óч’н’ хърошó пойóт, Мýх’ин Дан’úлкъ, он кал’áз’инск’ий, он лъур’иáт какóй-тъ. Вот. Э́тъ застóл’йе нáшъ, мы с’ид’úм тут в’из’д’é. Вот. А э́тъ мы съб’ирáл’ис ыш’ш’ó рас ф кафé на Скн’áт’ин’е. Наз бы́ло óч’ин’ мáло, он с’ид’úм йед’úм, гърмон’úст с нáм’и. Сᵇбрал’úс вот так, койе-ктó. Вот. Б’ер’óз-тъ ръздвойóнъйа, вот йа стойý у котéджа, Н’úнъ пр’ийéхлъ Жáръва, фтъграф’úръвъла. От, йа покáзывъла, кудá га…, как што, вод, гвор’ý. Покá… вот э́та б’ер’óза, э́т’и д’ер’éв’йъ ужé фс’е друг’úйе. Там ы свал’úл’ис, нóвыйе вы́рсл’и, а вот э́тъ ъстáлъс.

Д.: Вот она.

Да, вот ънá, ънá.

Д.: Ну, это как бы не так снято, не с той стороны.

Н’е тáк с’н’áтъ, н’е тáк сн’áтъ, мал’éн’къ э́тъ, н’е тáк. Вот. Вот, ой, ръспъ… э́тъ. Ну, ч’о иш’ш’ó сказáт’-тъ?

Д.: Какой прекрасный альбом! Да, отличный.

Ну, вот нáшы, э́тъ сáмъйъ, вот то пр’ихóит, э́тъ покáзывъйу. Ръскл’епáлъс, т’еп’éр’ самóй н’и скл’епáт’. Фс’о ужé онó в’етшáйет, как, от, от л’ижáн’йе. Ой, ну, што, д’ефч’óнк’и, сказáт’, н’е знáйу. Вот жыс’ пръжытá, стáръс’ н’е рáдъс’т’, здорóв’йъ н’éту. А здорóв’йъ н’éту — фс’у жыз’н’ рабóтлъ как лóшът’ лъмовáйъ, вы знáит’е, снóсу н’é былъ. Ой, скóл’къ йа рабóтъла, нáэнъ, стóл’къ н’иктó н’и рабóтъл. Угрóб’илъс от ы дó. Ой, угрóб’илъс, прóстъ угрóб’илъс. И с’ем’éйнъйъ жыз’н’ угрóб’илъ. Н’икакóо. Давл’éн’ийе уш йа н’е гвор’ý, давл’éн’ийе, ат’иръскл’ерос, ст’инъкард’úйа, нóг’и. Сáмъйъ вот, што м’ин’á мýч’иит, вот пóсл’и ъп’ирáцыи л’имфостáс, рукá ръздувáиццъ. Д’éлът’… пл’ивáйу л’éвъй, кал’áску в’езý л’éвъй. Старáйус’ л’éвъй, э́тъй так, э́сл’и вот ч’о, крýшку пд’ержáт’ там, кóфшыч’ек, старáйус’. А копáйу так вот э́тъй и вот тáк ногóй мал’éн’къ и рукóй.

Д.: Ой, да что Вы, ещё копаете!

Ой, ну, къпáйу, угорóд’иш’ш’е знáит’е у м’ин’á какóй. Шес’т’ сóтък, рукáм’и.

Д.: Ну, вроде дождь должен быть, так, может, Вам не поливать хоть.

Нам, нам п’ир’идайýт фс’у в’óсну дош’, кáждый д’ен’. Йа ч’ó-тъ н’е в’éр’у, йа слýшълъ, што такáйъ погóдъ за фс’ý истóр’ийу нбл’уд’éн’ий ф

ср’е́дн’ей пълос’е́ ийу́н’ тако́й, п т’ил’ив’и́зъру вот гъвор’и́л’и. Ну што, ма́мъ ум’ерла́ ра́нъ, ф п’ис’а́т п’ат’, с’естра́ ф тр’и́ццъд’ д’е́в’ит’, птаму́ штъ вод бал’ны́йе, ма́мъ то́жъ здъро́в’йъ н’е́ былъ. У н’е́й был рак ма́тк’и и пр’ида́ткъф, пато́м он пошо́л в м’итаста́зы. А у с’естры́ — раг груд’и́ и м’итаста́зы ва фс’е́ о́ргъны, а друга́йъ с’естра́ — ана́ жыва́. Ф С’ирпухо́фскъм райо́н’е, у н’ейо́ ф’ибръм’ео́ма, фс’о удал’о́нъ, фс’о там, ну она́ бо́драйа. Ана́ п сравн’е́н’и с на́м’и, ана́ фс’у жыз’н’ рабо́тлъ ф са́д’ик’е въсп’ита́т’ил’ем. И рабо́та л’о́хкъйа, и п’ита́н’ийе, и фс’о, ъгоро́т н’и сажа́ла. С му́жъм ръзошла́с, д’е́т’и пр’и н’е́й. Ну, в о́пш’им, она́ пол’е́хч’ пъжыла́, и она́ иш’ш’о́ л’ета́йит как лы́ска. Она́ м’ин’а́ на го́т во́с’им’ м’е́с’цъф… э́тъ, пъмоло́жъ, но как лы́ска. Гд’е́-т фтогра́ф’ийу пр’исла́лъ мн’е, л’ежы́т, ой, как лы́ска. Сто к’илом’е́тръф, д’е́т’и жыву́т од’н’и́ за сто́, друг’и́и за сто два́цц, йа к н’им йе́ж’ж’у б’ис конца́. Йа гъвор’у́, а йа уже́ н’и могу́ одну́ устоно́фку, ф Кал’а́з’ин. Пр’ийиж’ж’а́ит сын, св’ез’о́т, пр’ив’ез’о́т, проду́ктоф пр’ив’ез’о́т. Зъкажу́ йиму́, то в ла́фк’и вот ту́т фс’о купл’у́. А так сын пр’иво́з’ит. Внук, пр’ийеж’ж’а́л внук. Вот. Кон’е́шнъ, по до́му фс’о сама́. В’ез’д’е́ фс’о, в’и́д’т’ нава́л’ино, но на Па́сху мы́ла. Мы́лъ с’т’е́ны, в бътар’е́йъх, до́ч’ка л’у́стру помы́ла, око́шк’и. И што́ры пов’е́с’ила ч’и́стыйе, так стара́йус’ мал’е́н’ко, уже́ нъ т’ил’ив’и́з’ир’е пыл’. На Па́сху как т’о́рлъ, таг бо́л’шъ и н’е т’о́рла, от так мал’е́н’къ тут. Ой. Д’ефч’о́нк’и, ч’айку́ поста́в’ит’, мо́жът?

Д.: Да, может, ещё немножко спросим кое-что.

Дава́йт’е, ч’о ин’т’ир’есу́йет?

Д.: А вот Вы говорите, мама родом не отсюда.

Н’ет.

Д.: А Вы бывали когда-нибудь там, на её родине?

Н’ет. Мы ф т’е вр’им’ена́, мы н’и могл’и́ быт’. Пътому́ што наз бы́лъ тро́йе ма́л’ин’к’ийе. Ма́мъ рабо́тла д’ен’ и ноч’, до́ма коза́ с козл’а́тъм’и, н’и уйе́хът’ йей бы́лъ. И она́, как гъвор’и́ццъ, св’ас’, што́ л’и, н’и д’ержа́лъ н’и с к’е́м. Но к нам пр’ийеж’ж’а́лъ… У м’ина́ уже́ была́ вод до́ч’къ мла́чшъйа, и ъна́ о́ч’ин’ бол’е́з’н’инъйъ была́, йа ръд’ила́ нъ году́ двои́х. Ръд’ила́, гот прошо́л, и ръд’ила́ иш’ш’о́. И р’еб’о́нък род’и́лсъ сла́бый, из-з тово́, што йа с э́т’им р’еб’о́нкъм, з грудны́м, йа уже́ рабо́тла ф хвост ы в гр’и́ву, и б’ер’е́м’иннъйъ была́ друг’и́м и йево́ до го́ду корм’и́ла. И йа сама́ — г’имглоб’и́н упа́л, и до́ч’къ ръд’ила́с с н’и́ск’им г’имглоб’и́нъм. И йа йийо́ воз’и́ла по фс’е́м бол’н’и́цъм, пото́м-ът уже́ ф Тв’ер’ да́л’и нъправл’е́н’ийе, вот ис Тв’ер’и́ пр’ив’езла́ — вы́л’ич’ил’и. Она́ в гот в’е́с’ила п’ат’ с’ем’со́т. П’ат’ с’ем’со́т в гот. У м’ин’а́ вон йес’ ал’бо́м, ш’ас она́ нърма́л’нъйа. Ф Тв’ер’и́ рабо́тъит, вот. И э́тъ са́мъйъ, в о́пш’им, и от’е́ц когда́ у́м’ер, от’е́ц у́м’ер, йа уч’и́лъс въ второ́м кла́с’е, одно́й д’е́въч’к’и бы́лъ, ч’ай, два и́л’и тр’и́ го́да. Да, мла́чшъй бы́ло два, вот кото́ра ум’ерла́, друго́й бы́ло п’ат’. Вот, фс’е бы́л’и ма́л’ин’к’ийе, и ма́мъ хрон’и́ла, он ф Кал’а́з’ин’е как в бол’н’и́цъ л’ежал, она́ йео́ пхърон’и́ла там нъ Мака́ръфскъм кла́дб’иш’ш’е. И мы́ н’и ра́зу н’е́ был’и. А уже́ когда́ ма́мъ

ум’ерла́, с’естра́ мла́чшъ од’и́н рас была́ на кла́дб’иш’ш’е. Грт: «В’ер, хот’а́ бы кр’ест поста́в’ит’». Туда́, нъ мог’и́лку. Мы зъказа́л’и кр’ест, пойе́хъл’и, а мог’и́лы уже́ э́тъй н’ет. Кла́дб’иш’ш’е огро́мнъъ, она́ грт: «Дъ то́ч’но тут, но похоро́н’ины муж ж жыно́й на э́тъм м’е́с’т’е, птоу́ ш прошло́ бо́л’шъ тр’иццат’и́ л’ет. А р’а́дом ч’йа́-тъ мог’и́ла, но, э́тъ, грт, н’е на́ш от’е́ц. И вал’а́ицц сло́мъный кр’ест, н’е на́ш, мы в э́ту мъг’и́лку поста́в’ил’и э́тът кр’ест, што́бы хот’ ка́к-тъ. Коэ́ш, л’у́д’и ув’и́д’ът, што в ых мог’и́л’е там ч’е́й-тъ ч’ужо́й кр’ест, ну н’и в’ест’и́ жъ, он жел’е́зный, т’ажо́лый, йево́ обра́тна, п’ешко́м. Там шл’и ско́ко, о, йа н’е зна́йу, с э́т’им въз’и́л’и. И бо́л’шъ йа там н’и была́, там н’и найд’о́ш. То́т-тъ рас э́тъ был, но йа была́ уже́ за́мужъм. Йа была́ уже́ за́мужъм и была́ б’ир’е́м’иннъйъ. И зашл’и́ мы, на ры́нк’е был туал’е́т, там пото́м з’д’е́лъл’и мъгаз’и́н. А из мушско́въ туал’е́та вот така́ дыра́ просв’е́рл’ина в же́нск’ий. С’естра́ сход’и́ла, су́мк’и у на́с нъ окн’е́ стойа́л’и, нъ э́тм, н пъдоко́н’н’ик’и. А йа с’е́ла, а по-бол’шо́му, а в дыр’е́ глас! Улыба́йуш’ш’ийсъ мушско́й глас, восто́ржънъй тако́й! И м’ел’ка́ит гълуба́йа с ч’о́рнъй кл’е́тъч’къй руба́ха. Йа гр’у: «Ч’о ты вы́лу-п’илса, гр’у, скро́йса!» А он — глас улыба́ицца. О́ш’им, пока́ йа н’и сл’е́зла, он гл’ад’е́л. Ока́зыиццъ, млодо́й па́р’ин’, он за на́м’и йе́хал. А мы́ уже́ шл’и нъ вагза́л, йе́хъл фс’о и см’ейа́лсъ н в’илс’ип’е́д’и за на́м’и. Понра́в’ил’с мы йом, ну, мы моло́д’ин’к’и бы́л’и, но йа б’ер’е́м’иннъйъ была́ сы́нъм, нав’е́рнъ, п’е́рвым, вот. И э́тъ са́мъйъ, и, в о́пш’им, за на́м’и йе́хал, а мы шл’и, у на́с, снач’а́ла мы н’есл’и́ с’ем’ су́мок. Пото́м Та́н’ъ грт, дава́й фс’о в м’ешо́к ис-път кр’еста́, и йа, грт, пон’есу́. Вро́д’и йа б’ир’е́м’инъйъ. Мы э́т’и с’ем’ су́мък, м’ешо́к от та́к нъ заго́рбок, а он нас, йе́д’ит зза́д’и: «Д’е́вушк’и, вы д’ир’ев’е́нск’ийе?» Мы гвор’и́м — да. Ой, ш’ас фъто-гра́ф’ийу покажу́. Тут вот вну́к’и май, вот.

Д.: О, какие хорошенькие!

Э́тъ вот а́рм’ийу отслужы́л уже́, рабо́тъит по́въръм. Вот э́тът ынст’иту́д, гр’у: «Пр’ив’ез’и́т’е мн’е поста́ршъ фтогра́ф’ии!» Инст’иту́д зако́нч’ил. А д’е́въч’ка хо́д’ит нъ бъраба́н ф тънцева́л’ный. Уже́ ско́ко на н’е… Л’ед д’е́в’ит’, нъэ́нъ, хо́ит, и́л’и во́с’им’, ш’ас уже́ ста́ршуйу гру́пу. Ой, на бра-ба́н’е, ф тънцева́л’ный и куда́-тъ иш’ш’о́, Го́спъд’и! А э́тъ вот йа съ свои́м’и д’ет’м’и́ с ма́л’ин’к’им’и. До́ч’къ и сын, вот он’и́ пого́дъч’к’и, вот. Ста́ръйъ фтогра́ф’ийъ, с’е́р’ин’къйъ.

Д.: Ну-ка, ну-ка, какая Вы? Ну, красавица!

Ой, у мн’а́ йес’ фътогра́ф’ийа вопш’е́, ну, ваз зън’има́т’ н’е бу́ду вр’е́м’ин’и. Была́ харо́шъйа, млода́йъ была́ же!

Д.: Ну, и понятно, как они все к Вам липли.

Да-а, квал’е́ръв бы́лъ! Да. Майо́р с Масквы́ пр’ийеж’ж’а́л, нъб’ива́лсъ, ой!

Д.: Сюда уже?

Дъ да, пъзнако́м’ил’и, ой, тако́й, твар’у́гъ така́йъ. Главн д’е́лъ, пр’ийе́хал. «Ну ла́дно, гвор’у́, пр’ийеж’ж’а́йт’и». Пзнако́м’ил’ис’ пъ т’ил’ифо́ну. «А гд’е́ мы бу́д’им спат’ с ва́м’и?» Йа гр’у: «Го́с’т’и у м’ин’а́ тут сп’ат, а йа вод з’д’ес’». «А н’е вм’е́с’т’е?» Гвор’у́ — н’ет. Вот. Так вот утошо́л с’уда́. А йа

рабо́тла нъ коте́джъ туд го́рн’ич’нъй. И м’ин’а́, машы́ну пъпрос’и́ла, отв’езл’и́ нъ вагза́л, с вагза́лъ, и йево́ зъхват’и́л’и, птому́ штъ у м’ин’а́ там п’ирог’и́ п’екл’и́с э́т’им, дл’а э́т’их, а на́дъ фстр’е́т’ит’ э́тъва. И вот он таг з’з’ес’ стои́т, а он в’и́д’ел, што шес’т’ ч’лов’е́к у м’ин’а́ там, когда́ нас пъдвоз’и́л’и к кътéджу-ту, вот. Йа п’иро́г вз’ала́ од’и́н домо́й, он’и́ мн’е ръзр’ешы́л’и, вот. П’екла́ д’е́с’т’ штук, наэ́нъ, ъд’и́н э́тъ, въз’м’и́т’е, зна́ч’ит, и м’ин’а́ дос’у́да. И он… Да, и, зна́ч’ит, лажы́ццъ-тъ ста́л’и, а он так тут стои́т, а йа в р’иту́зах. Ду́мъйу, н’и пр’иста́л бы. Ну, йа н’и бойу́с мужыко́ф, вот. А он так: «И… а ты мн’е с’о́д’н’е даш?» Йа гр’у: «Н’ет, н’е да́м». «А ты, ты там с’им’еры́м, нав’е́рнъ, йа, шес’т’ вас там! Шес’т’ мужыко́ф». Йа гр’у: «Да, а ты с’ед’мо́й». «Ты фс’ем дава́лъ». Йа гу: «Да, а т’еб’е́ н’е да́м». Су́ка! О так’и́, д’е́фк’и, у мн’а так’и́и бы́л’и пр’иколы! Аӯа́, так’и́ п… Вот вы зна́ит’е, ужа́сныйе! Ты фс’о сн’има́иж, да? А? В ынтырне́т н’и выставл’а́т’!

Д.: Нет, нет, нет, ни в коем случае!

Упас’и́ Бо́жъ! Ты мн’е, ты мн’е… Гвор’у́ — н’ет. Упас’и́ Бо́же. Тако́й был, ой! И главн д’е́лъ: «Уйе́ду!» Гър’у́: «Уйе́хът’ н’е́ нъ ч’ем». «Йа за́фтра». Йа гр’: «Ну вод за́фтра пойе́д’иш». А на за́фтръ оп’а́т’ он н’е хо́ч’ит йе́хът’. В’е́ч’иръм оп’а́т’: «А мош, с’о́дн’е даш?» Гъвор’у: «Н’ет и с’ево́дн’е». Вот. Оп’а́т’ оста́лсъ. Ну, гнат’ н’иудо́бнъ, вро́д’и сама́ пр’иглаша́лъ. А пъто́м тр’и дн’а прошло́, уш н’и зна́йу, как йо вы́пръвъит’, вы́пръвъд’ила. Стал уйеж’ж’а́т’: «Йа пр’ийе́ду ч’ир’из м’е́с’иц, мо́шт, тогда́ даш?» Йа гр’у: «И тогда́, н’икогда́». «Тък ты надо мно́й изд’ева́ишсъ, да?» Ну, ну прот’и́вный. И л’ок вод з’д’ес’ вот. Прийе́хъл с Москвы́, ма́йкъ на н’о́м п’ир’ис’ек’и́ огн’а́. Пр’иставл’а́йет’е, п’ир’с’ек’и́ огн’а́ э́тъ што зна́ч’ит?

Д.: Нет, что это?

Э́то гр’а́знъйа-розгр’а́знъйъ зна́ч’ит, п’ир’ис’ек’и́ огн’а́ гвор’а́т. Ну, и кра́сныи трусы́, и вод з’д’ес’ тр’и пу́гъв’ицы на н’и́х. И так, гла́внъ д’е́ло, йа пошла́, ну, в ва́ннуйу, подмы́лъз, зна́ч’ит, од’е́лъ р’иту́зы, спа́т’-тъ лажы́ццъ, фс’о, ко́фту, зна́ч’т, таку́йу, эт т’ел’на́шъч’къ у м’ен’а́. Иду́ обра́тна, а он ду́мът, йа ш’ас к н’ему́ пр’иду́, ду́мъл-тъ, йа пшут’и́ла. Так ут од’ейа́лъ задра́л, л’ежы́т, ну, майо́р как сълда́т, вот та́к вот, от та́к. И трусы́, и тр’и пу́гъв’ицы тут, у н’ево́ полшесто́ва. Вы пън’има́ит’и, ч’о пълшесто́въ, да? От та́к. И уд’ейа́лъ уголко́м. Йа гр’у: «Закро́йса! Ч’о, гр’у, ты э́тъ са́мъйе?» Ой. Звон’и́л, ой, нъдъйеда́л, звон’и́л, ой.

Д.: Целый майор!

Це́лый! А иш’ш’о́ од’и́н ко мн’е́ сва́тълсъ. У на́с. Пънзако́м’ил’ис мы, муш’ш’и́нъ хъро́шый он, до́брый тако́й. Ну, как, пзнако́м’ил’ис, ну как, изза дру́жбы, он нъб’ива́лсъ в го́с’т’и, йа йиво́ пр’иглас’и́лъ. Он ш’ас у́м’ер. Он мн’е пъдар’и́л н’е́скъл’къ кн’ик. Э́тъ Ко́мл’еф. С э́тъвъ… П’иса́т’ел’ с э́тъвъ, как йево́. П’иса́т’ел’, поэ́т, он с э́тъвъ, з Зар’е́ч’йъ с Кал’а́з’ина. Он ш’ас у́м’ир, у н’ио́ мно́гъ кн’ик. Вот ы мн’е́ пъдар’и́л, «В’ершы́нъ» одна, ст’их’и́ там. И мн’е нъп’иса́л ст’ихтвор’е́н’ийе псв’ат’и́л он. «Йа гъс’т’и́л тр’и дн’а у В’е́ры». Но н’е тр’и́, а п’ат’ он был. От навра́л. «Йа гъс’т’и́л

тр’и дн’а у В’е́ры, хо́ч’иш в’ер’, хо́ч’иш н’е в’ер’. Но она́ оста́лъз д’е́въй, н’и откры́ла в ло́нъ дв’ер’. Улыба́лъс она́ м’и́лъ, гвор’и́лъ н’и лгала́, фс’а́к’им фку́с’н’ин’к’им корм’и́ла, то́л’ко вм’е́с’т’е н’и спала́. А спала́ нъ ръскладу́шк’и». Йа оц’с’у́дъ ушла и ръскладу́шку пложы́ла на ку́хн’е. «На ръскладу́шк’е ку́хн’е пр’а́ч’ъс’ ът л’убв’и́, дъв’ер’а́йъ л’иш паду́шк’е мы́сл’и та́йныйе свои́. Вод за э́ту н’ипр’исту́пнъс’т’ йа йийо́ зъуважа́л, а с’еб’е́ за ду́м б’еспу́цтвъ йа бы йа́йцъ ъторва́л». Ой, и път кон’е́ц ч’о́-тъ и… «Хоч’у́ сказа́т’ йей: В’е́ръ, йа т’еб’а́ л’убл’у́!» Вот пръпус’т’и́лъ стро́ч’ку гд’е́-тъ, вот. Ну, ну ч’ево́ стър’ику́ ф с’е́м’с’д д’е́в’ид’ годо́ф, и то́жъ л’ижы́т… Пр’ийе́хъл, ну пгос’т’и́, мы, йа йево́ в л’ес вад’и́ла, пр’иро́ду фс’о мы хад’и́л’и, ну ч’ио́ хът’, ну ч’иво́ хът’ полшесто́ва? Ну? Йа ш, йа ш в’и́жу, ну. И фс’о равно́ так: «Мо́шт, вм’е́с’т’и, В’е́ръч’ка?» Йа гъ: «И ч’о мы бу́д’им д’е́лът’?» «А мош, ч’о-н’ибу́т’?» Йа гр’у: «А ч’о хът’? Ч’о хът’ ч’о́-н’ибу́т’-тъ?» Он: «Ну, так». По… э́тъ. Йа гвор’у́: «Вы пън’има́ит’е, гвор’у́, же́н’ш’инъ фс’егда́ мо́жът, хот’ и н’е хо́ч’ит, а муш’ш’и́нъ и хо́ч’ид дъ н’е мо́жът. И как вы бу́ит’и вы́гл’ид’ит’ в мои́ɣ глаза́х?» Он: «Да, дава́йт’и, пожа́луй, од’д’е́л’но тогда́ спат’».

Д.: Согласился.

Аɣа́.

Д.: Да.

Как’и́м, гр’у, вы в мъи́ɣ глаза́х-тъ бу́д’ит’е? Ой, пр’ико́лоф бы́ло фс’а́к’их. Ну, знако́м’илъс, ну. Н’ет, бы́л’и, ад’и́н был харо́шый хахо́л, пънзнако́м’илъс. Ай. Тр’и го́дъ, фс’о гд’е́-тъ ув’и́д’имс’ъ, а он зд’ес’ рабо́тъл. Ув’и́д’имсъ, ув’и́д’имсъ. И он фс’о мн’е нам’о́к’и, фс’о йа к т’иб’е́. Гд’е ув’и́д’иццъ, йа к т’иб’е. Пато́м, б’ис с’а́къ пр’иглаше́н’ийъ, а подру́гъ у м’ин’а́ знако́мъ была́ с ых па́рт’ийъй, вот, пр’ишо́л. Пр’ишо́л: «В’е́ръч’къ, йа пр’ишо́л т’е помо́ч’. Зна́йу, што у т’иа́ мно́гъ д’ел п хаз’а́йству. Кран ч’о́-тъ уторва́лсъ, вода́ прът’ека́т! Д’е́лът’ н’е́къму, йа пр’ишо́л т’е помо́ч’, скажы́, што». Пъв’ела́. Ой, моло́жъ м’ен’а́ нъ ч’ты́р’е с пълъи́нъй го́да. Пъв’ила́, кран зд’е́лъл, куст вы́къръч’ивъл сморо́д’ины, и мн’е ну́жнъ бы́лъ слама́т’ т’епл’и́цу. Вы пр’ицтавл’а́ит’е, т’епл’и́цу ръзлама́т’? С’т’екл’а́ннъи вот так’и́и вот ра́мк’и. Ръзъбра́л, фс’о э́тъ п’ир’ируб’и́л, жжок, д’ир’ев’а́нъйе, э́т’и, с’т’о́клышк’и фс’е сложы́л сто́пъч’къй. Ой. Ой, э́тъ тако́йе бол’шо́йе д’е́лъ мн’е з’д’е́лъл, ой, што́-тъ мн’е он ыш’ш’о́ з’д’е́лъл. И хъд’… пр’иход’и́л он къ мн’е́ с нъч’л’е́гъм н’ед’е́л’у. А! С’о з’д’е́лъл, зна́ч’ит, фс’о, и пы́л’ныйе э́т’и, и он грт, пойе́д’им там, к нам туда́. Ну йа быва́лъ, птъ шъ у мн’а́ там подру́га рабо́тълъ, ъна́ и ш’ас там рабо́тъйът. Вот, пойе́д’ем, мы, грт, ба́н’у то́п’им, пойе́хъл’и ба́н’у. Вот фс’о, и по́сл’и, зна́ч’ит, йа в’и́жу, што он вро́д’и обра́тнъ бы в’ирну́ццъ, йа т’иа́ пръвожа́т’ и фс’о. Йа гр’у: «Муш’ш’и́ны, йа у ва́с Ва́с’у зъб’ира́йу с’иб’е́». Ан’и́: «Ла́днъ, ла́днъ, то́къ што́бъ нъ рабо́ту н’и упозна́л!» Он’и́ с с’ем’и́ ч’асо́ф. Вот пр’ишл’и́, там с’ид’е́л’и зъ стъло́м, п’е́л’и, ой, по́сл’и ба́н’и, там мужык’и́ п’ивуны́. Пр’ишл’и́, и сра́зу воц’ с’уда́ нъ д’ива́н’ч’ик. Пото́м он ушо́л с’уда́, тут он спал. О, и он ход’и́л ко мн’е́ н’ед’е́л’у. И мрач’н’е́й, и

мрач’н’éй д’éлъиццъ, и мрач’н’éй, и мрач’н’éй. А посл’éд’н’ий рас ужé он оц’с’ýдъ н’и уход’ил, так л’ежáл со мнóй. И нъ другóй д’ен’ мн’е гът: «В’éръ, йа бóл’шъ н’и пр’идý, йа н’и магý пр’ихъд’ит’. У м’н’á жынá и йа в’éн’ч’иный. И доч’. Йа н’и магý. Мин’á, грт, так к т’еб’é т’áн’ит, йа, грт, н’и мъгý, былá бы э́тъ, ну, йéсл’и бы…» Къро́ч’е, йéсл’и бы йа… ну кáк, моглá бы йа с н’им бы, йéсл’и бы вот он бы, он так тут ы рабóтъит, он йéз’з’ит дамóй óч’ин’ р’éткъ, и у н’ио́ йез’ друг’и́и жéн’ш’ш’ины. Он гът, и дъ м’ин’á он гд’е рабóтъл, у н’о былá, óн жъ мълъдóй мужы́к. Йа гър’: «Дък ты в’ит’ тр’и гóда фс’о мн’е нъм’екáл и дъб’ивáлсъ и фс’о. Ч’о ш, ф ч’ом д’éлъ-тъ?» «А вот кагдá коснýлъс, йа н’и магý. М’ин’á настóл’къ т’áн’ет, и йа н’и м…» Г друг’и́м он н’и пр’ивыкáл срáзу вот, ну, з’д’éлъл свойó д’éлъ и ушóл, ну, пъмогáл. И кáждый рас пр’ид’óт, фс’о ч’ó-н’ибут’ мн’е помóжът. Вот пр’ид’óт, пр’иб’ежы́т в’éч’иръм, ч’о-н’ибýт’. И э́тъ сáмъйо… Мн’е так йиó бы́лъ жáлкъ, такóй хърóшый мужы́к. Он вот такóй и хъз’áйс’т’в’инный, и лáскъвый. Прóстъ вот он, он вот ну как вот раднóй вот. И вот э́тъ вот п’ир’идавáлъс нам вот, и йемý, и мн’е. И, и бóл’шъ н’и пр’ишóл. Он грт: «Йа н’и мъгý». Угу, грýснъ и н’и могý.

Д.: Хороший, да.

Хърóшый. И он: «Найд’и́ ты с’иб’é! Ну, ты такáйа жéн’ш’ина, ну, псмотр’и́, ъгл’ан’и́с’ вакрýк. Пъсмътр’и́, найд’и́-ка къвó-н’ибýт’». Ну а ковó у нáс тут найд’óш? ʒóспъд’и! Н’иковó. Дъ мошт, йа самá-т такáйа, бóл’нъ э́тъ, спрóсу мнóгъ. Друг’и́и жывýт так ы жывýт. И н’и развóд’уццъ. Т’éрп’ат.

Д.: А Вы со своим мужем как познакомились?

Мы с н’им уч’и́л’ис в однóм клáс’е, вот там и фтогрáф’ии, и фс’о йес’т’, в однóм клáс’е. Йа когдá с’удá пр’ийéхъла, ф клуп пр’ишл’и́, он м’ин’á ув’и́д’ил, йа йивó ув’и́д’ила. Он с áрм’ии как рас пр’ишóл. Ну, тáк ы… Двáццъд’ два гóда, и мн’е двáццъд’ два, так ы пъжын’и́л’ис. Ну н’е тó штъ, вот пр’ам йа вл’уб’и́лъс в н’евó, а тó што былá порá. И мн’е хот’éлъс остáццъ дóмъ в д’ер’éвн’и, з’д’ес’ в д’ер’éвн’е. Вод жыт’ в д’ер’éвн’е, мн’е мáмъ н’и ф какýйу н’и соглъ… хот’ в н’áн’к’и, тóкъ в гóрът и н’éч’ с’удá, а мн’е хът’éлъс в д’ир’éвн’у. Вот, ну, п’ил, кон’éшнъ, ой, п’ил, п’ил. И страм’и́л! Ой. Гáтк’им’и слова́м’и фс’áк’им’и. М’ин’á н’иктó так н’и страм’и́л, как он. И был он, был он на прáз’н’ик’и, тут ой, н’и пказáлъ йа вам йоó, могý пказáт’. И́л’и насрáт’… Вот, был он на прáз’н’ик’е и стойáл и плáкъл. Там у нáс кот’éл’нъйа, отошóл ф стóръну, вот, а сос’éт вот э́тът и гъвор’и́т: «От, т’еб’é нáдъ пъм’ир’и́ццъ бы ж жынóй». Он скóкъ рас со мнóй хот’éл пъм’ир’и́ццъ. Он пóсл’и жыл з другóй, зър’иг’истр’и́ръвълсъ. Но онá ушлá от н’евó, птъ штъ узорн’и́к. Вот, но дом вы́стръинъ у н’и́х ф Кал’áз’ин’и. Онá с’ н’им н’и развóд’иццъ — дом. Пън’имáит’и, да? Дом. Дом. З’з’ес’ он прóдъл. Ъш’им, йа ушлá ът н’евó, йа фс’о остáв’ила, вз’алá тóл’къ офцý и два йагн’óнъч’къ. Он н’ич’ó н’и давáл, а йа, мн’е туд дáл’и кварт’и́рку врóд’е и… А кварт’и́ръ э́тъ былá служéбнъйъ, и выган’áл’и п’ир’ет п’éн’с’ийей. Ой, нът’ерп’éлъс йа, ну э́тъ фс’о лáднъ. В óш’им, а он пóсл’е, у нáс кварт’и́ръ былá и дом бъл’шóй ф Кáпшын’е, там ш’ас нóвый

ру́ск’ий жыв’о́т, он нъ б’ир’егу́, тако́йе м’е́стъ напро́т’иф це́ркв’и. З’ел’о́ный забо́р, о́ч’ин’ харо́шъйъ м’е́стъ. Ан’и́ про́дъл’и с но́въй жено́й. Он сказа́л, д’е́н’ик н’е да́ст н’и коп’е́йк’и мн’е. Зъ д’ив’ано́ст с’ем’ м’ил’ио́нъф тъгда́ бы́лъ. Вот, йа йе́з’д’илъ к йур’и́сту, он сказа́л, што пъско́л’ку уже́ бо́лшъ го́ду разво́т, тр’ицц тр’и проце́нта мн’е то́л’къ. И йа скъза́лъ: «Дай д’е́т’ъм э́т’и д’е́н’г’и, мн’е н’е на́дъ». Ну от он о́ддъл, ина́ч’е сут. Дъбръво́л’нъ, грт, н’и одда́ст, то фс’е суд’е́бнъи изд’е́ршк’и, с э́тъй су́ммы бу́ит мно́гъ плат’и́т’, нъ н’ево́ пъв’е́с’ут, птому́ штъ он н’е пра́ф. И он дал д’е́т’ъм по два́цц м’ил’ио́нъф, мн’е пр’иход’и́лъс со́рък. А ан’и́ мн’е куп’и́л’и т’ил’ив’и́зър, н’и э́тът, ну от нъподо́б’ийе был у м’ин’а́. «Мам, мош, т’иб’е́ иш’ш’о́ ч’о?» Йа гр’у: «Мн’е н’ич’о́ н’е на́дъ». До́ч’ка куп’и́лъ м’е́б’ил’, фс’о куп’и́лъ ф кварт’и́ру ф Ка́пшын’е. Напро́т’иф вот вы бу́ит’е Бобро́вых, напро́т’иф. Ш’ас ъна́ прълда́ э́ту кварт’и́ру. То́ч’н така́йъ жъ, вот, и куп’и́ла ф Тв’ер’и́. Таку́йу вот сту́д’ийу, ма́л’ин’куйу, зна́ит’е, ф Твер’и́, вот. Ну ч’о́ бо́л’шъ сказа́т’… А сы́ну, доба́в’ил он, он’и́ пкупа́л’и зъ п’иса́т п’ат м’ил’ио́нъв дву́шку, вод два́цц м’ил’ио́нъф йево́, п’етна́ццт’ зъраб о́тъл сын и два́ццъд’ доба́в’ил снох’и́ д’е́душка. Доба́в’ил, он в’ит’ира́н войны́, вот. Уважа́имый ч’лъэ́к, д’ив’ано́стъ тр’и́ го́дъ, их ф Кал’а́з’ин’е оста́лъс н’и зна́йу ско́л’къ, на ш’ш’от, вот.

Д.: Да.

На Да́л’н’им восто́к’е въйева́л, он жыф иш’о́, д’е́душка. А от’е́ц у́м’ир у снох’и́. От’е́ц у́м’ер, ма́мъ жыва́ и д’е́душкъ жыф, и д’е́душкъ жыв’о́т с ма́мъй. Ну от, з до́ч’къй. Ой, ну ч’о́, н’е зна́йу, д’ефч’о́нк’и.

Д.: А муж у Вас в охотхозяйстве работал?

Н’ет. Он рабо́тъл ф съфхо́з’и тръктър’и́стъм. Снач’а́лъ, къда́ йа выхъд’и́лъ за́муш, он был шаф’о́р, пото́м он здал нъ тръктор’и́ста, рабо́тъл ы нъ камба́йн’е, и на тра́ктър’и, в о́пш’им, и йему́ ф с’е́м’д’ис’ът п’а́тъм гаду́ да́л’и м’еда́л’ зъ пр’иъбр’ъзова́н’ийъ н’ич’ирноз’е́м’йа. Он рабо́тал нъ изно́с, о́ч’ин’ хърошо́ рабо́тъл.

Д.: Это в Капшине?

Э́тъ ф Ка́пшын’е, да, м’еда́л’ да́л’и. Г’е́н’и С’ир’ибр’ако́ву тода́ то́ л’и зъ трудову́йу до́бл’ис’т’, и иш’о́, по-мо́йиму, каку́-тъ кому́-тъ дава́л’и, а йему́ зъ пр’иъбръзова́н’ н’ич’ирноз’е́мйа. Он и п’е́н’с’ийу пълуча́йът харо́шуйу, птому́ штъ у н’ево́, у н’ево́ п’е́н’с’ийа, б’ер’о́ццъ жъ она́ з зарпла́ты, а пото́м он был м’ихън’иза́тър, а йа хъд’и́лъ ф софхо́з’е рабо́тат’, у н’ио́ с’естра́ п’иса́лъ фс’о нъ н’ево́, мойу́ зарпла́ту, вот л’он мы пъд’н’има́л’и там, ск’ирдова́л’и соло́му, с’е́нъ, з’ерно́ зата́р’ивъл’и, она́: «Йа нъ Воло́т’ку там зъп’иса́лъ, што он вро́д’и э́тъ». «П’ишы́ нъ л’убо́ва». А когда́ на п’е́н’с’ийу йа ста́лъ ъформл’а́цца, л’убы́йе в’и́ды за́ръбъткъ мо́жнъ, йа пошла́ ф канто́ру-ту, а Ра́ич’къ, вот кото́ръйа т’еп’е́р’ ф це́ркв’и-тъ вот зав’е́дуит, она́ мн’е сказа́лъ: «В’е́ра, ит’ Н’и́нкъ-тъ п’иса́лъ, она́ была́ бр’игад’и́ръм, с’естра́-тъ, п’иса́лъ фс’о нъ н’ево́». И у мн’а́ п’е́н’с’ийъ ма́л’ин’къйъ. От, м’ин’има́лкъ.

Д.: Вот как.

Ну от та́к вот, в о́пш’им, вот.

Д.: То есть Вы в совхозе много поработали тоже, да?

Н’ет. Йа, зна́ит’е как, нас, ф с’ил’сов’е́т’и вот рабо́тъла, два выхъдны́х, выходны́йе — ф съфхо́с. И мы ф софхо́з’и зъраба́твъл’и иш’о́ таку́ ж зарпла́ту, как в э́т’им. Л’он, с’е́нъ, пъстойа́ннъ, фс’е выхъдны́и, з’имо́й, зна́ч’ит, карто́шк п’ир’иб’ира́т’, з’ерно́ зата́р’ивът’, л’е́тъм вот ск’ирдова́л’и и́л’и кос’и́л’и вруч’ну́йу и́л’и згр’еба́л’и. Т’еп’е́р’ — и л’он, л’он, вот, карто́шка ко́пка. Иш’о́ п’е́рвъйъ вр’е́м’, пока́ у мн’а́ бы́л’и ма́л’ин’к’ии д’е́т’и, йа два го́дъ выра́ш’ш’ивъла раса́ду им, капу́сту з бр’у́квъй туда́ нъ дъму́. Б’ел’йо́ с’т’ира́лъ, прос’и́л’и нъ кънако́фск’их рабо́ч’их, птъму́ штъ мн’е н’и уйт’и́, до́мъ съ свъйе́й машы́нъй с’т’ира́л’нъй. Ну фс’у жыз’ горба́т’илъс как ло́шат’.

Д.: Да.

Нъ сушы́лк’и нъч’а́м’и рабо́тъла, пока́ грудно́й р’еб’о́нък ад’и́н, сама́ б’ер’е́м’иннъйъ друг’и́м. Там з’ерно́ э́тъ п’ир’ева́л’ивъъш ис сус’е́къ ф сус’е́к. А птом така́ъ машы́нъ су́шыт. Там што́бъ она́ пстойа́нъ зъполн’а́лъс, трънспорт’о́р, л’е́тъм. Ну о́ш’им, ой, вспъм’ина́т’ н’е хо́ч’иццъ. Хъро́шъъ-тъ спо́мн’ит’-тъ н’е́ч’иъ. Вот ушла́ на п’е́н’с’ийу, кан’е́шнъ, йа тут, ну, иш’ш’о́ на по́ч’т’и гот пъраб о́тъла, ну, тут два рас в н’ед’е́л’у, вот, йа фс’и равно́ хъръшо́ на п’е́н’с’ии пъжыла́. Йа йе́з’д’илъ вот ф съмъд’е́т’нъс’т’ жыво́й род’н’и́к ф Кал’а́з’ин. Ой, два́ ра́зъ и́л’и тр’и в н’ед’е́л’у.

Д.: Ничего себе!

Да. Там он’и́ и ш’ас, наэ́н, там жыво́й род’н’и́к, волжа́нка, н’е зна́йу, Ра́ич’къ См’ирно́въ зав’е́дуит, вы бы́л’и там, н’ет?

Д.: Нет, не были.

Н’е́ был’и. Вот, йе́з’д’ила. И там ыш’ш’о́ зна́ит’е, гд’е вот б’еспла́тнъ дайу́т в’е́ш’ш’и, там, ой, как сказа́т’, бы́лъ, во́ш’им, зън’има́л’ис ф’искул’ту́ръй, шыт’йо́-в’аза́н’йе нам пока́зъвъл’и, за́фтрък’и бы́л’и и э́т’и, пра́з’н’ик’и справл’а́л’и, вот йа там с поэ́тъм-тъ с э́т’им пзнако́м’илъс, с Ку́мл’ивым, вот, в о́пш’им, мно́гъ ход’и́лъ же́н’ш’ин, йа це́лый гот йе́з’д’илъ туда́. Од’и́н рас корм’и́л’и наз б’еспла́тнъ. У ко́ п’е́н’с’ийъ бол’ша́йъ, тод допла́ч’ивъл ско́к-тъ, йа н’ допла́ч’ивъла. П’е́л’и фс’о вр’е́м’е, ф клу́б’и выступа́л’и, по о́блъс’т’и йе́з’д’ил’и. Вот, ф Ка́шын йе́з’д’ил’и, пото́м в э́тът, ф Кра́сный Холм, Ста́р’ицу, ой, иш’о́ куда́-тъ, п райо́ну.

Д.: Песни пели, да? А какие песни?

Да. П’е́с’н’и? Ой, ра́зныйъ. Ну как’и́йе, пръ л’убо́в’ бо́л’шъ, бо́л’шъ пръ л’убо́ф’. Дъ фс’ево́ у м’ин’а́ п’ат’ тыш’ въс’ем’со́д, знат’, п’е́с’ен, хървы́х и ъд’ино́ч’ных, йа и ъдна́ п’е́ла, и вдвайо́м ы… И ч’асту́шък, в о́ш’им, п’ат’ ш’ ч’е́м-тъ зъ майу́ в’ек, гд’е́-т йа зъп’иса́лъ, т’етра́дъч’ка, ад’н’и́ назва́н’ийъ, птаму́ шт па́м’ит’и н’е́ту, а пойду́ вон куда́, ч’ево́, гъвр’у́, на́дъ хот’ вз’ат’ хот’, хът’ назва́н’ийъ, што́бы, каку́йу п’е́с’н’у зап’е́т’ — н’е зна́йу. Ну, са́мыйъ л’уб’и́мыйъ да́жъ н’е зна́йу кака́йа п’е́с’н’ъ. У м’н’а́ мно́гъ л’уб’и́мых. От в бол’н’и́цъ когда́ йа л’ежа́лъ ф Тв’ер’и́, йа там, ф пала́ты м’ин’а́ пр’иглаша́л’и, п’ир’ет т’е́м, как вот оп’ер’а́цыйа, же́н’ш’инъ: «Ой, В’ер, пр’ид’и́ попо́й». И вот пр’иду́, он’и́ попла́ч’т там. И от йа там

п’ела «Иш’ш’о́ он н’е шшыт», ръма́нс, «твой нар’а́т пъдв’ен’е́ч’ный», и ба́бы пла́ч’т, поднапла́ч’имса. Вот. Ан’и фс’о: «Пр’ид’и́ пъпо́й». Вот э́тъ мн’е о́ч’ин’ нра́лс, ш’ас слова́ уже́ н’е о́ч’ин’, наэ́нъ, по́мн’у. И н’и ъдново́ зу́ба н’ет, ъпш’е́ н’и ъдново́.

Д.: Да что Вы?!

Н’и аднаво́! Вот. Нос’и́лъ, д’е́в’ит’ рас д’е́ллъ прътéзы, то э́тъ н’е то́, то… то оп’а́т’. П’ир’ед’е́лъвъла, то износ’и́л’ис’, то слама́л’ис’. А пото́м, в о́пш’им, у м’ин’а́ по́сл’и ънколо́г’ии, у м’н’а́ како́й-тъ там н’ипор’а́дък, в го́рл’е што́-та. И, мошт йа нам’а́лъ э́т’им, мо́жът, што обръзъва́н’ийе н’ихоро́шъйе. И йа пошла́ снач’а́л к на́шым, пото́м у́хо-го́рлъ, он сказа́л н’и нос’и́т’ протéзы. И хъро́шыйе у м’ин’а́ л’ежа́т. С одн’и́м, пра́вдъ, одново́ зу́бъ н’и хвата́йът, но ад’и́н зуп йа н’еда́внъ удал’и́лъ. Бы́л’и с адн’и́м зу́бъм уже́, кар’е́гъй по́л’зъвълъс, йе́лъ фс’о подр’а́т. Так’и́йе, свои́ бы́л’и н’и о́ч’ин’ крас’и́выи, а э́т’и крас’и́выи з’з’е́лъл’и. Так’и́и ро́внъи, улы́пкъ была́ пр’ам, ну крас’и́выи зу́бы. А ут ш’ас ч’о б’из зубо́ф-тъ? С’е́м’с’т тр’е́т’ий гот мн’е. Так ш’е йа вро́д’ н’е бо́л’нъ ста́ръйъ, а п здоро́в’йу, мн’е ка́жъцъ, мн’е во́с’имд’ис’ът. От так йа сама́ с’еб’а́ уш’уш’а́йу. Мн’е ка́жъцъ, как мн’е во́с’имд’ис’ът.

Д.: А по виду-то и не дашь и семьдесят Вам.

Да. Спас’и́бъ зъ къмпл’им’е́нт, спас’и́бъ.

Д.: Вы очень энергичная.

Вот, нъэ́нъ, мо́жъ быд’, за ш’ш’о́т э́тъвъ йа и э́тъ… И в ъгъро́д’е, вот йа в ъгъро́д’и сажу́, вы зна́ит’е, ко́шнъ, э́тъд гот, вр’а́т л’и ч’о вы́ръс’т’ит. Што йа выра́ш’ш’ивъйу. Ну, карто́шкъ, капу́стъ, мърко́фкъ, зна́ч’ит, лук, э́тъ ла́днъ. Пъм’идо́ры. Кро́м’е, зна́ч’ит, с’ил’д’ер’е́й крн’ево́й раш’ш’у́, листъво́й. Л’иставу́йу п’етру́шку и кърн’еву́йу п’етру́шку, пъстерна́к…

Д.: С ума сойти!

Т’ип’е́р’, зна́ч’ит, ды́н’и, ну выраста́йут вот так’и́йе гд’е́-т, колхо́з’н’ицъ й зълот’и́стъйа. Ну, ло́шкъй пскобл’у́, пойе́м. Што иш’ш’о́. В’иногра́дъ, кон’е́шнъ, у м’н’а́ н’е́ту. Ну, з’имл’ан’и́ка. Клубн’и́къ в э́тъм гаду́ н’е́ту, згор’е́лъ фс’о, пън’има́ит’и, згор’е́лъ.

Д.: Из-за жары такой, да?

Из-зъ жары́, да. Тако́й жары, вот сказа́л’и, н’е́ былъ. Мал’и́нъ в ъгъро́д’е, т’еп’е́р’ ч’о́, сморо́д’инъ кра́снъйъ, сморо́д’инъ ч’о́рнъйъ, сл’и́вы, бо́л’шъ н’ич’о́. Йа́блък’и мн’е дайу́т, то вот э́т Сла́въ Ч’имп’ио́н пр’ишл’о́т, то од Г’е́н База́нъф, проф’е́ссър. Йе́дут — пр’ив’езу́т, ну ч’о́… Апш’а́имсъ. Вот, т’еп’е́р’ што.

Д.: А дыня-то не в теплице у Вас?

Н’ет, на у́л’ицъ. Раса́ду выра́ш’ш’ивъйу до́мъ вон нъ око́шк’е и́л’и э́тъ… А в э́тъм гаду́ йа э́тъ, рас’т’и́ла в огур’е́ч’нъй т’епл’и́цъ в горшо́ч’къх. Огурцы́ то́жъ, ну огурцы́ само́ сабо́й. Так, пато́м тра́ву пр’ипра́ву сажу́: ч’абр’е́ц, бъз’ил’и́к, так, тарху́н. Так, што иш’ш’о́ у м’ин’а́. М’ил’и́ссъ л’имо́ннъйъ, м’а́тъ п’е́р’ич’нъйъ, кто́wн’ик л’имо́нный. Ой, што сказа́т’ иш’ш’о́, н’е зна́йу. И в о́ш’им сушу́, вот э́т вот сушы́т’ то́жъ.

Д.: У Вас разнообразие. А как Вы потом это всё используете?

В ба́нк’и, э́т’и, ба́нк’и. Э́тъ зава́р’ивъйу ч’ай. Вот тра́вы зава́р’ивъйу ч’ай. Дъбавл’а́йу там ф тако́й ч’… Ну и пъкупа́йу ч’ай. Вот улу́н э́тът мало́ч’ный л’убл’у́. В э́тъм, з б’иргамо́тъм л’убл’у́, б’из б’иргамо́тъ ч’ай йа э́т’и пъкупа́йу. Ну, быва́ит, и свои́ зава́р’ивъйу. Вот. Што иш’ш’о́?

Д.: А вот эти все сельдереи там, петрушка такая, сякая?

А, э́тъ вот, вот ш’ас у м’ин’а́ нат’о́ртъ два лотка́, зна́ч’ит, што у м’н’а́ в н’о́м. П’етру́шкъ ко́р’ин’, ко́р’ин’ сил’д’ер’е́йа, он’и́ вот так’и́йе ко́рн’и. Ко́р’ин’ с’ил’д’ер’е́йъ, ко́р’ин’ п’етру́шк’и, ко́р’ин’ пъстерна́къ и марко́ф’ ко́р’ин’. Э́тъ фс’о нат’о́ртъ, зъморо́жънъ. И насу́шънъ. Та́г жъ вот э́т’и ко́рн’и насу́шыныйе. Там, зна́ч’ит, вот э́тъ фс’о́, и ф суб броса́йу. З’имо́й ч’и́с’т’ит’ ка́ждъй рас, рука́-тъ бол’на́йа. Доста́н’иш холо́днъйъ, на́дъ мыт’, с’о… Ду́мъй бро́шу сух’и́м, от ш’ас лук нъсушу́. Сушы́лкъ у м’н’а́ йес’. Гр’ибо́ф уже́ тр’е́т’ий гот, нав’е́рнъйи, н’е бу́д’ет. Но у м’н’е́ гр’ибо́ф иш’о́ дв’е ба́нъч’к’и оста́лъс: ъдна́ це́лъйъ, одна́ н’еце́лъйъ тр’охл’итро́въйъ. Так ка́к-тъ го́д за́ гъд захо́д’ут. Сморо́д’ну ч’о́рнуйу сушу́, з’имл’ан’и́ку, клубн’и́ку р’е́жу на ч’а́с’т’и, сушу́, йа́блък’и сушу́, фс’о тако́йъ вот, ну што́ иш’ш’о́, тра́вы фс’а́к’ии сушу́. В э́тъм гаду́, ра́н’шъ раса́дъй сажа́лъ, а в э́тъм гаду́ пос’е́йилъ с’им’ена́м’и, и вот ч’абр’е́дз з бъз’ил’и́към вот тако́й. По́ дв’е лу́нъч’к’и, то́къ иш’ш’о́ взошо́л. Ну мн’е э́тъвъ доста́тч’нъ, йа ш н’е од’и́н йево́ йем, вот. Там ра́зныи тра́вы. Так от откры́т’ показа́т’ вам, на ку́хн’у, бу́ит’е ч’ай п’ит’, йа вам пкажу́, могу́ и зувар’и́т’. Как вы́?

Д.: Да нет, поговорим. Ну да, ещё немножко, если мы Вас не утомили. А я вот хотела ещё спросить про грибы.

А.

Д.: Сами ходите Вы в лес, собираете?

Р’а́дышкъм въд, дал’о́къ н’и хожу́, вод зд’ес’ вот, как’и́и йес’т’, фс’о подр’а́т. Бы́л’и вот ъп’а́тк’и сушо́ныи, про́шлый гот нъсушы́ла оп’а́тък. Вам дат’ на су́пч’ик? Сва́р’ит’и. Гр’ибо́ф-тъ н’е́ту. Вы з’д’ес’ гото́в’ит’е ч’иво́, н’ет?

Д.: Да готовим, но как-то нам…

А ч’о, на су́пч’ик мал’е́н’к-тъ йа вам дам и пр’ипра́въг дам на су́пч’ик. И сва́р’ит’е. У м’а́ ш’ас вар’о́ный суп йес’. З гр’иба́м’и. Бу́д’ит’и, дък нал’йу́. Ток, наэ́н, н’е бо́л’нъ фку́снъ, йа фс’о по́снъйе вар’у́-то.

Д.: А лес у Вас вот прямо тут, сразу за двором?

Да, да, тут ч’ерн’и́къ, ну ч’ерн’и́къ иш’ш’о́ н’и посп’е́ла. Но мы́ с Л’и́дъй ход’и́л’и, набра́л’и ч’ерн’и́ч’нъвъ л’иста́, уже́ нъсушы́л’и, и з’имл’ан’и́ч’нъвъ. З’имл’ан’и́ч’нъвъ л’итро́въйъ ба́нкъ, а ч’ерн’и́ч’нъвъ тр’охл’итро́въйъ л’иста́.

Д.: Тоже заваривать?

Зава́р’ивъд’, да. Брус’н’и́ч’ный л’ис сушо́ный, с про́шлъвъ го́дъ иш’ мн’ це́лъйъ ба́нкъ. Ну там, до́ч’к’е дайу́. Про́шлъ гот иш’о́ ч’о йа сушы́лъ? Да, фасо́л’ у м’ин’а́, горо́х иш’ш’о́. Фасо́л’ э́тъм, спа́ржывъйъ. Прош гот йа р’е́зълъ, р’е́зънуйу сушы́лъ пр’ам стр’уч’ка́м, и зъмъро́жънъйъ была́, в борш’

кла́лъ. Бъбы́ то́жъ, пока́ з’ел’о́ныи, их ш’ш’илуш́ылъ, зъморо́з’илъ, в бърш’и́, ф ш’ш’и, бро́шу го́рстъч’ку туда́, и капу́скъ, и фкус’н’е́йе, а пъто́м та́м жъ эт, как, прътэи́н сод’е́ржыццъ, там с’а́къ, б’ело́к. М’а́с-тъ мы т’ип’е́р’ как клад’о́м, ч’ут’-ч’у́т’. Ра́з’и наку́п’шсъ, вот. От с’о́д’н’и вар’и́лъ з гр’иба́м’и. Ну ч’о́, д’ефч’о́нк’и, могу́ су́пъм, суб з гр’иба́м’и.

Д.: Да мы пойдём, наверное, сейчас.

Бо́л’шъ н’ич’о́ у м’н’а́ н’ед, дъ ч’а́йу могу́.

Д.: А мы лучше к Вам ещё зайдём потом.

Пото́м-та?

Д.: Завтра, может, если в Капшино вот не уедем.

Н’ет, кан’е́шнъ, ф Ка́пшынъ бы на́дъ вам сйе́з’ит’. К Н’и́н’и Ф’о́рн’е на́дъ вам зайт’и́. Она́ така́йъ, она́ й ч’а́йем нъпои́т, она́ фс’о вр’е́м’ъ э́тъ…

Д.: А если вечерком, например, мы к Вам зайдём, Вы не… ничего?

В’е́ч’иръм в ъгар… Йа така́й изм… Йа магу́ вот, зна́ит’и, вот йа, вот ш’ас как рас йа помы́лъс и ч’асо́ф дъ шыс’т’и́ йа з’д’ес’. А в’е́ч’ръм йа иду́ мудо́хъццъ.

Д.: А если дождь пойдёт, Вы же не пойдёте поливать?

До́ж, до́жд’ик-тъ кон’е́шнъ н’е пъйду́. И йа э́тъ са́мъйе, в ъгаро́д’и. Е́сл’и йа н’и пъл’ива́йу, то йа пал’у́ што́-тъ. Ка́ждый д’ен’ йа въжу́ э́ту на та́ч’к’и вот ыз э́тъвъ кало́ццъ, а ъгъро́т вон туда ун… н’е э́тът, эт н’е мо́й. Наш вон туда́. На та́ч’к’и п’етна́ццъ буты́лък важу́ туда́ п’т’ил’итро́вых. Вот у́тръм — в’е́ч’ръм. Кагда́ дв’е та́ч’к’и у́тръм, адну́ в’е́ч’иръм, сио́дн’е адну́ пр’ив’езла́ у́тръм и, наэ́рнъ, адну́ то́къ в’е́ч’иръм. Там у м’н’а́ запа́с йес’т’ в ва́ннъх въды́.

Д.: А где же этот огород, я не поняла?

Ъгъро́т, йа бы вас св’ела́ бы, ну вы зна́ит’е ч’о, вы в’е́ч’ръм мо́жт’е пр’ит’т’и́. Тък з’а́т’-тъ в ъгъро́д’и н’ич’о́ н’е́ту — н’и клубн’и́к’и. От лу́къ вам магу́ дат’, пр’ипра́ф магу́ сушо́ных.

Д.: Не надо, не надо, спасибо!

Н’ет, про́стъ гъвар’у́, што йа, ч’о, н’ич’о́. От э́тъ отку́дъ бо́лт’ик, н’и у ва́с?

Д.: Это вот у Вас на полу тут лежал.

Отку́дъ он вз’а́лсъ-тъ? А, а! Оцс’у́дъ вы́въл’илсъ.

Д.: А, да, этот был, видимо, скручен, и вот ещё.

Да. Вот, э́тъ ч’ево́?

Д.: Это от него. Давайте я сделаю?

Ч’ево́? Э́тъ утвал’и́лъс э́тъ, да?

Д.: Сейчас сделаю.

Ой, ма́тушкъ, зд’е́лъй-ка. Ну ч’о, дава́йд’, д’ефч’о́нк’и, ч’ай поста́вл’у?

Д.: Да мы пойдём, наверное.

Н’е жа́лко. У м’н’а́ кл’у́квъ йез’ в ба́нк’е там прот’о́ртъйъ с са́хърьм, ч’о иш’ш’о́, обл’еп’и́х’и мал’е́н’къ в ба́нк’и оста́лъс.

Д.: У нас ещё там третья дома.

Тр’е́т’йъ кто?

Д.: Наша руководительница.

Рукъвод’и́т’ил’н’ицъ?

Д.: Да. У нас сегодня там тоже всякие… Небольшое ЧП. Авария, да.

Так, вы ис како́й ъргън’иза́цыи-т, сказа́л’и?

Д.: Мы из Москвы, из Института русского языка.

А, инст’иту́т ру…

Д.: Академии наук.

А-а, а-а. Вы, нэн, съб’ира́ит’е стар’и́нныи ру́ск’ии слова́ так’и́йе.

Д.: И их тоже, да.

Ой, а йа сто́къ иꞷ зна́йу, то́къ вот къгда́ на́дъ вот ых, он’и́ выл’ета́йут из гъловы́ вот.

Д.: А Вы ничего, в речи. Они в речи вспоминаются.

В р’е́ч’и вот, ужо́, ужо́. Вы зна́ит’е, ч’о тако́ ужо́?

Д.: Что?

Ужо́ — э́тъ пото́м. Вот ма́мъ ска́жът. Э́тъ, бу́д’им, мам, там сва́р’ит су́пч’ик, м’асца́ ч’ут’-ч’у́т’. «Мам, а м’асца́-тъ поло́жыш?» «Ужо́». И́л’и: «Ужо́тко». Ужо́ткъ. Ужо́ткъ — зна́ч’ит, н’и дожд’о́шсъ и пото́м. Коро́ч’и гъвор’а́ ужо́, вот. Вот пъто́м, по́мн’у, у на́с в’ис’е́л са́хър ф с’е́тк’е, бы́л’и аво́с’к’и, зна́ит’е, с’е́т’ч’итыи так’и́йе? В’ис’е́л зъ кр’уко́м. В’ес’ му́х’и ъбъсра́л’и йево́, а куск’и́ вот так’и́йе бы́л’и ко́лътые. Э́тъ вот по́сл’и войны́. «Мам, дай съхарку́». «П’е́йт’и б’ес са́хъра». «А вот са́хър-тъ в’ис’и́т». «П’е́йт’е так». «Мам, дък н’е сла́ткъ». «А вы фпр’игл’а́тку п’е́йт’е». А как пр’игл’а́тку? А вод гл’ад’и́т’е и пр’ип’ива́йт’е, гл’ад’и́т’е. П’йом, гл’ад’и́м. «Мам, дък н’е сла́ткъ. Фс’и равно́ н’е сла́ткъ». «А вы поч’а́ш’ш’е взгл’а́-дывъйт’е, поч’а́ш’ш’е!»

Д.: Вот так вот.

Ой, сто́ко слов бы́лъ вот э́т’их фс’а́к’их так’и́х стар’и́нных. Тъ куда́ он’и́ фс’е пъд’ева́л’ис’-тъ? Ну, а закл’о́пк-тъ йес’, фс’о йес’ там?

Д.: Вот.

Да, сто́л’къ бы́ло слоф. И вот э́тъ В’е́ръ Бобро́въ мн’е, ана́ мн’е дала́ с’т’ихтвор’е́н’ийе, йа йиво́ ч’та́ла, оно́ стар’и́ннъйъ, дър’ивъл’уцио́ннъйъ, ну как раска́с. Вам скажу́ раска́с пот’е́шный, хот’е́л жен’и́ццъ йа, с’ерд’е́ш-ный. Ой, ка́г жъ, ш’ас.

Д.: Вот она.

И с’ич’а́с вам п’е́с’н’у св’е́жу, вам, друз’йа́, зън’ив’е… зън’ив’е… в’е́жу. Како́-тъ сло́въ тако́, за… Ой, в гълов’е́… зъ… зъ… Ну, бох с’ н’им. Во́зл’и на́шъвъ двора́ жыл сос’е́т д’а́д’ъ Фома́. И жена́ йево́ Пара́н’ъ, кръсов’и́тъ была́ кра́л’ъ. Ох ы пондра́в’илъс, ы́м’инъ пондра́в’илъс, н’и по-нра́в’илъс, она́ мн’е. Ка́к-тъ ра́нъ пътру́ стр’е́нул йейо́, ну, фстр’е́т’ил на́дъ, стр’е́нул йейо́ нъ пруду́. Йа от ра́дъс’т’и аж здро́гнул, йей лапт’и́шкъй в бок толкну́л, а она́, мол, н’и з’ева́й, пр’иход’и́ ко мн’е ф сара́й. У́тръм ра́но, сло́внъ п’ос, път пъдворо́т’н’ей йа пропо́лс, а тут случ’и́лъсъ б’еда́ — пр’идо мно́й д’а́д’ъ Фома́, схват’и́л м’ин’а́ он зъ воло́с’йъ и дава́й их выд’ира́т’. Йе́л’и вы́рвълса, как вор, йа пол’е́с ч’ир’из забо́р, а з забо́ръ-тъ сорва́лсъ, нъ порка́х н’и ув’ис’е́л. И стойу́, смотр’у́ в дозо́р’е, а порк’и́-тъ

нъ забо́р’е. Вам, друз’йа́, сов’е́т тако́й: н’и ход’и́ г жен’е́ ч’ужо́й. Случ’и́ццъ так, йедр’о́нъ вош, б’ис порто́к домо́й пр’ид’о́ш. Э́тъ вон она́ мн’а дала́, йа ч’ита́лъ на сце́н’е, пр’ич’о́м ч’ита́лъ, ш’ас вы м’ин’а́ н’и узна́ит’е. Вот э́тъ, наэ́нъ. Э́тъ мы с’у… Э́тъ сце́нку вот ыгра́л’и. От э́тъ сце́нку.

Д.: Ага.

Э́ту сце́нку йа вам ш’ас ко́рътъкъ ръскажу́, вот э́т вот о́ч’ин’ инт’ер’е́снъйъ. Э́тъ йа вот ыду́ с съмава́ръм и нъ груд’и́ у м’ин’а́ бара́нк’и иш’ш’о́ в’ис’а́т. На́ч’т, вы́шлъ йа, а э́тъ вот йа йе́ду с Ва́с’кой, как нъ машы́н’и с н’им. Ну ът така́ сце́нкъ, зна́ч’ит, Ва́с’къ — д’ир’е́ктър клу́ба. Э́тъ наш клуп Ка́пшынск’ий, т’ип’е́р’ там це́р’къф’, вот. Йа вы́шлъ, зна́ч’ицъ, спра́шывъйу: «Род’и́мыйе, от ф таку́-тъ д’ер’е́вн’у н’иктó н’и пдв’ез’о́т?» «Дъ он гд’е́-тъ Ва́с’къ был н машы́н’и». «Ой, дъв’ез’и́, род’и́мый, ток у м’н’а́ плат’и́т’-тъ н’е́ч’ем». «Ла́днъ, ба́уш, пото́м ръш’ш’ита́имсъ». И вот йа с н’им с’е́ла и йе́ду. Вот. На сва́д’бу к вну́ку йе́ду. Дойе́хл’и дъ пол’а́нк’и: «Ба́пкъ, выл’еза́й!» Ну йа вы́л’излъ. С’т’е́л’ит про́стын’. «Т’еп’е́р’ дава́й рош’ш’о́т». «Дъ што ты, род’и́мый, дъ ит’ мн’е во́с’им’з’ годо́ф! Дъ ит’ у м’н’а́ ч’е́т’в’иръ д’ет’е́й и д’е́в’ит’ вну́къф, дъ ты с ума́ што́ л’и сошо́л?» «А у м’ин’а́ со́рък кро́л’икъф, рв’и траву́». Вот така́ сце́нкъ была́. А йа с съмава́ръм, иш’ш’о́ у м’н’а́ йа́йцъ ф карз’и́нк’е, ско́к-тъ штук. Так, этъ мы фс’о пойо́м, пойо́м, пойо́м в’ез’д’е́. Пойо́м, пл’а́шъм. А э́тъ вот подру́гъ, ум’ерла́, э́тъ мы вод дуэ́тъм п’е́л’и. М’иха́йлъф Сла́въ с Кал’а́з’инъ был бъйан’и́ст, възыва́л’и в охо́тхаз’айстъ, э́тъ пр’ийеж’ж’а́л’и, зна́ит’и, в’ит’ера́ны въйны́, тут ад’и́н г’еро́й Съв’е́цкъвъ Сойу́зъ, вот на ба́зу, в гост’и́н’ицу в охо́тхаз’а́йствъ. И д’ир’е́ктър вот пр’иглаша́л и мы п’е́л’и, иш’о́ сказа́л’и, мы плат’и́т’ н’е бу́д’им вам, вот э́тъ как по́мъш’ б’езвозм’… Дъ мы и та́к спойо́м. А нам там стол сабра́л’и, угост’и́л’и, мы с’ид’е́л’и, вот Сла́фка, он по́м’ер, ца́рствъ н’еб’е́снъ, и мы с Тама́ръй, Тама́ръ ум’ерла́. От в э́тъм гаду́, ма́ск’и пра́зн’ик’и, вот. П зака́зу п’е́л’и два́ ч’иса́ два́цц м’ину́т. П’е́рвый гот и нъ фтъро́й гот то́жъ о́къл ъ двух ч’асо́ф. Тол’къ адну́ п’е́с’н’у… Вод з’д’ес’ д’е́-тъ фъ… Э́тъ д’ир’е́ктър. Адну́ п’е́с’н’у, вот, мы вы́шл’и муш’ш’и́ны, и ан’и́ нам сказа́л’и, а мы́ н’е зна́йем, вот. А мы гр’м: «Дава́йт’е с на́м’и, мы вам пътпъйо́м». Вот он’и́ вы́шл’и п’е́л’и, как йему́ ру́ку уторва́лъ. Он п’ел, а мы н’е зна́л’и йейо́, вот одну́ п’е́сн’у, а Сла́фкъ пъдыгра́л. Вот, вот он нам ыгра́йът, пъйо́м. Э́тъ вот йа пр’ийе́хълъ с канце́ртъ дамо́й, вон. Къко́шн’ик’е, и тут вон къко́шн’ик.

Д.: О, красота!

Э́тъ ф Кал’а́з’ин’е выступа́йъм. Вот, э́тъ вот на Ма́сл’ин’ицу, э́тъ то́жъ ф Кал’а́з’ин’е, э́тъ пл’а́шъм, вот гърмон’и́ст у на́с. И э́тъ пл’а́шъм ф клу́б’и. Э́тъ вот танцу́им с мои́м, мой са́д’ик ход’и́л па́р’ин’. А вот э́тъ вот, то́къ ма́л’ин’къйъ, э́тъ мы ид’о́м кол’а́тк’и-тъ вот э́т’и, съб’ира́им: «Ба́ушкъ, пода́й л’еп’о́шъч’ку здо́бн’ин’ку!» Вот ид’о́м, йа за́йч’към нър’ад’и́лъс. Э́тъ вот къто́ръйъ, сп’екта́кл’-тъ вот она́, сцена́р’ий п’иса́лъ, она́ ша́с уйе́хълъ. Э́тъ то́жъ фс’о пл’а́шъм. А, вот Ко́мл’еф-та. Пр’ийеж’ж’а́л к на́м ф клу́п, он з’д’ес’ свои́ кн’и́г’и про́дъл. И ч’ита́л з’з’ес’ с’т’ихтвър’е́н’ийъ. Э́тъ вот

подру́гъ, мы с н’е́й дуэ́тъм п’е́л’и фс’о вр’е́м’ъ, с Кал’… с Ка́пшынъ. Э́тъ вот мы с’ид’и́м с Ко́мл’ивым та́м жъ, ф клу́б’и. Э́тъ вот пъ̆с’ид’е́лк’и так’и́йе. Во́ш’им, ф фо́рм’е пъс’ид’е́лък, и там пъйо́м мы. Как сп’екта́кл’ тако́й ф фо́рм’е пъс’ид’е́лок. ⟨*Поёт.*⟩ Д’е́ло к в’е́ч’еру, а со́лнышко с’ийа́йед гор’ач’о́. Пос’ид’и́м у пр’а́сла, ба́бы, потолку́им кто про ч’о́. ⟨*Закончила петь.*⟩ Вот. Ну от тако́въ т’и́пъ, в о́пш’им. З’ес’ фтройо́м пойо́м. Вот, вот йа ч’ита́йу.

Д.: Как это?

Вот йа.

Д.: Да?

Да, и во́лъсы-тъ йа вот таг, гъвор’у́: схват’и́л он зъ воло́с’йъ и фс’е мн’е пъвыд’ира́л ых. И в ма… э́тъ ма́скъ така́йъ, ма́ска. Нъ л’исо́ р’из’и́нъвъйъ ма́скъ од’е́та, руба́хъ кл’е́т’ч’итъйа, и йа нъклон’а́йус, э́тъ са́мъйъ, зъ подо́л хвата́йу каг бу́ттъ йейо́ зъ подо́л, а пото́м лапт’и́шкъй пока́звъйу, как йа э́тъ, вот. Зъ подо́л, зна́ч’т, снач’а́лъ, птом пока́звъйу. А когда́ вот он воло́с’йъ-тъ драл, йа вот так, што у м’н’а́ лы́съйъ гълова́, фс’е см’ейа́л’исъ. Ну от фтогра́ф’ийъ. Ла́днъ ро́стъм-тъ ма́л’ин’къ, а с’ рно́ мужыч’о́к.

Д.: Да, не узнать вообще.

А э́тъ вот мы пойо́м п’е́сн’у Ка́дышъвъй, но мы пойо́м на ру́скъм изык’е́. ⟨*Поёт.*⟩ Ва в’ишн’о́вам ва саду́. ⟨*Закончила петь.*⟩ Слы́шъл’и? ⟨*Поёт.*⟩ Там салав’е́йка ш’ш’иб’ита́л. Да до́му йа прас’и́ласа. ⟨*Закончила петь.*⟩ Мы йийо́ п’ир’ив’ел’и́ на ру́ск’ий йазы́к. ⟨*Поёт.*⟩ А ты́ м’ен’а́ фс’о н’е пуска́л. ⟨*Закончила петь.*⟩ Вот э́ту п’е́с’н’у. С Л’у́бъй ид’о́м на сце́ну, э́т’им нъч’ина́им вот э́т’и пъс’ид’е́лк’и. А там уже́ наро́т съб’ира́иццъ, и ка́ждый ид’о́т съ свои́м но́м’иръм. Ну э́тъ, ла́днъ э́тъ фс’о, вот с Л’у́бъй мы тут с Л’у́бъй. А э́тъ вод гърмон’и́с, мы с н’им то́жъ п’е́л’и вдвъйо́м. П’е́л’и мно́гъ вдвъйо́м, пр’ич’о́м йа фторы́м, а он п’е́рвым го́лъсъм. Так тру́днъ бы́лъ пр’инъръв’и́ццъ, н’ика́к. Када́ ста́л’и, он пъйо́м. И он: «Пой с Ко́л’къй. С н’им н’и у коо́ н’и пълуч’а́ицъ». Йа г: «Ну ка́г жъ та́к-тъ?» А у н’ио́ высо́к’ий го́лъс. А у м’ин’а́-тъ, йа п’е́рвым пъйу́, мн’е пр’ишло́с нъ фтъро́й п’ир’ейт’и́. И мы с н’им сла́д’ил’ис, нарма́л’нъ. Нас жена́ ста́лъ р’ивнова́т’. Ну у на́с н’ич’о́ н’е́ былъ. И з’д’ес’ вот э́въ пойо́м. И тут вот пайо́м. У м’н’а́ иш’ш’о́ йез’ бъл’шы́йъ фтогра́ф’ии, ну т’е та́м дал’о́къ, огро́мныйе кол’а́-з’инск’ийе. А э́тъ вот нъ Зар’е́ч’е с Тама́ръй пъйо́м. Нъ Зар’е́ч’йе. Тама́ръ ум’ерла́. Э́тъ то́жъ нъ Зар’е́ч’… э́тъ в Нерл’и́ выст… вот йа, выступа́им. Э́тъ то́жъ с Л’у́бъй. А вот э́тъ мн’е пъдар’и́ла… Э́тъ тв’ерск’и́йе, ой, родны́йе узо́ры и́л’и родны́и просто́ры — ансáмбл’, тв’ерско́й. Б’ибл’иат’е́-кър’им рабо́тла в ънкъло́г’ии же́н’ш’инъ, э́тъ вот, он как’и́е доро́дные ста́л’и. Э́тъ уже́ пъсл’е́дн’ий вод гот, по́сл’и оп’ира́цыи. Мас… э́тът, в Нерл’и́ пра́з’н’иг б’ер’о́ск’и, пра́з’н’иг б’ер’о́ск’и. Э́тъ до́ч’ка.

Д.: Это какие-то старые.

Тут ско́к-тъ йес’ фтогра́ф’ий так’и́х вот цв’етны́х. Э́тъ до́ч’къ в Мъскв’е́ была́. Ой, н’е зна́йу, тут уже́ л’и́ч’ныйе. Насра́т’, насра́т’, гвор’у́. А-а. Ну, тут росмат… Эт йа ма́л’ин’къйъ была́. Тут ма́мы, ма́мъ и св’екро́ф’ вот. Э́тъ подру́г’и мои́, фс’о подру́г’и. Э́тъ на с’е́в’ир’и йа с йа с пъдру́гъй, э́тъ

ум’ерла́ з’д’е́шн’ийъ подру́гъ, э́тъ то́жъ вот ум’ерла́. Ой, ну, гъвор’и́т’… Пъум’ира́л’и. Э́тъ на стро́йк’и на с’е́в’ир’и пъ къмсамо́л’скъй пут’о́фк’е, э́тъ ф па́рк’и на с’е́в’ир’е. Э́тъ з’д’ес’ вот. Вот мой муш, ма́л’ин’къй когда́ он был. Ч’о тут тако́въ вам пъказа́т’. Э́тъ сыно́к ма́л’ин’к’ий, род’и́лсъ, съ св’екро́в’йу. Э́тъ пл’ем’а́н’н’ик, вот с’истра́, што ум’ерла́, мла́чшъ. Таг жа́лкъ, така́ была́ краса́в’ицъ. Э́тъ то́жъ сыно́к, э́тъ до́ч’ка. Э́тъ пл’ем’а́н’ик’и, пл’ем’а́н’ик’и-пл’ем’а́н’ицы, э́тъ сын в а́рм’ии, э́тъ пл’ем’а́н’н’ик, н’ич’о́ тако́въ. Э́тъ м’ин’а́ на п’е́н’с’ийу пръважа́л’и. Он йа кака́ ху́д’ин’-къйъ была́, зън’ала́с собо́й, пхуд’е́лъ на два́цц тр’и к’ила́, пото́м оп’а́т’ ръзн’есло́. Тъ на́шъ ба́н’ъ нъ б’ир’егу́.

Д.: А вон с грибами, да?

Э́тъ ч’ерн’и́ку съб’ира́йъм вод з’д’ес’, эт сноха́ мойа́, в мойе́й ко́фт’е, ф штана́х. Э́тъ, сы́нъ жына́. Э́тъ с’естра́ двайу́рд… радна́йъ с сваи́м’и съ фс’е́м’и. Там она́ на э́т’им. Ну ч’о́ бо́л’шъ пка… Э́тъ йа йе́з’д’илъ в э́ту, в Ыл’йи́нскъйу. Вот туд База́наф. Вот Купр’ийа́нъф нъ г’ита́р’е игра́йът, кото́рый нъп’иса́л кн’и́гу, тут то́жъ База́нъвы, База́нъвы, э́тъ Окса́нкъ, вот Н’и́нъ Сувóръва, вот она́, э́тъ мы йей с’ем’и́д’ис’т’ил’е́т’ийе справл’а́йем.

Д.: А это Лида, мы тоже знаем её. Мы были у неё.

Л’и́дъ, да, Л’и́да. Зна́ит’е? Л’и́да. Э́тъ вот Н’и́нъ Жа́ръвъ с Ыл’йи́нскъвъ, вот она́ пр’ийеж’ж’а́лъ, мы йе́з’д’ил’и, гд’е́-т тут церко́внъйъ фтогра́ф’ийъ была́. Вот у це́ркв’и мы фтограф’и́ръвъл’ис’ нъ б’ир’егу́. Пъклон’а́л’ис’ мош’ш’а́м Мака́р’ийъ э́тъвъ, йе́з’д’ил’и, Кал’а́з’инскъвъ. Ой, фс’о, ой. До́ч’къ вон с… выхъд’и́лъ за́муш, вот с му́жъм, ръзъшл’и́с, э́тъ ъна́. Э́тъ йа в го́с’т’и йе́з’д’илъ, ч’о йа тут, внук. Вот сыно́к с жъ… э́тъ жына́ йево́, э́тъ вот сыно́ч’ек.

Д.: О, какие красивые!

Аɣа́, он похо́ш нъ м’ин’а́, а до́ч’къ похо́жъ нъ оцца́. Э́тъ сва́т’йа, вот сноха́ с р’еб’о́нкъм. А гд’е́ жъ у м’н’а́… А, вот Та́н’ъ-тъ, вот Та́н’ъ, Та́н’ъ нъ оцца́ похо́жъ вот, до́ч’къ. Э́тъ двойу́рднъйъ, вот ъна́ м’ин’а́ ув’езла́ во Ржéф-тъ, вод двойу́рднъйъ с’естра́. Э́тъ друга́йъ двайу́рднъйъ, иш’ш’о́ адна́ ста́р’ин’къйъ. Э́тъ йа с вну́към, кото́рый вот ш’ш’ас ф столо́въй-тъ раб… н’и ф столо́въй, а э́тът, как, магдо́нъл’с, с вну́към с ма́л’ин’к’им. Э́тъ с’е́стр’ин сын с р’еб’о́нкъм ж жено́й. Э́тъ ум’е́ршъй, д’е́т’и ум’е́ршъй с’естры́ вот э́т’и, сын ы до́ч’. Э́тъ с’истра́ двойу́рднъйъ, вот што м’ин’а́ увоз’и́лъ, иɣ з’ат’, их внук вот э́тъ. А э́тъ вот с’естры́ мойе́й ум’е́ршъй бу́д’ет, в о́ш’им, внук, ну, она́-тъ ум’ерла́, э́тъ внуч’о́к. Вод до́ч’къ, уч’и́лъс ъна́, э́тът къ́н’ч’а́лъ ко́л’ечш нъ музыка́л’нъм ъд’д’ел’е́н’ии, тв’ерско́й. База́нъф. Э́тъ сноха́ и вну́ч’къ ма́л’ин’къйъ. Ът э́т фтогра́ф’ийъ мн’е о́ч’ин’ нра́в’иццъ. Са́м’и фтъграф’и́ръвъл’и, ш’ас ъддыха́йут на йу́г’е.

Д.: Понятно.

А, э́тъ мы гл’ад’е́л’и, иш’ш’о́ гд’е́-тъ адна́ йес’ с э́т’им’и, н’е зна́йу гд’е, н’и вз’ала́, с э́т’им’и, с канце́ртъм’и. Дъ насра́т’.

Д.: Ну, какие у вас, вообще!

Ой, насра́т’, ра́з’и фс’о п’ир’еска́жъш!

Д.: Готов! (О фотоальбоме.)

Фс’о з’з’éлла? Ой, спас’и́бъ, ма́тушкъ! Дъ йа ра́дъ пъопш’а́ццъ, но вот то́къ д’н’о́м-тъ. Д’н’о́м-тъ вы ч’иво́ д’е́лъит’е?

Д.: Можем, да.

У м’н’а́ в’инцо́ свойо́ йес’т’! У м’н’а́ подру́гъ должна́ пр’ийт’и́ ка́к-тъ вот, И́на. И мы поп’е́л’и бы, мо́жъд быт’, ч’ево́. И́ннъ хо́д’ит, вод зд’ес’ вот съб’ира́имс’ъ, э́тъ фс’о згр’еба́йу туда́ и вот с’уда́, а в’инцо́ сво́йскъйъ. Харо́шъйъ в’инцо́, кра́снъйъ. И ва́шу падру́гу мо́жнъ. То́къ на́дъ како́й-тъ д’ен’ съглъсъва́т’, она́ хот’е́лъ сйе́зд’ит’ с’ел’о́дъч’к’и куп’и́т’, птъ штъ у м’ин’а́ пойе́с’т’ практ’и́ч’ск’и н’ич’ио́ н’е́ту, вот што з’е́л’ин’ дъ карто́шк’и свар’и́т’. Ана́ тот рас пр’ив’езла́ с’ел’о́дъч’к’и, кусо́ч’ик калба́ск’и, зъ с’ел’о́тку йа йей оддала́ сто рубл’е́й, йа прос’и́ла. Да́жъ хл’е́бъ н’е́ту, йа свой п’еку́.

Д.: Да, свой печёте?

Да, ф хл’ибоп’е́ч’к’е. Ну на э́тът слу́ч’ъй мо́жнъ исп’е́ч’.

Д.: Может, Вам принести из магазина-то? Хлеба? Может, что нужно? Мы сходим.

Зна́ит’е, ч’ево́? Н’е и́м’иннъ с’ево́дн’ъ, а дава́йт’е на како́ ч’исло́ дъгъвор’и́мсъ, вы мн’е и пр’ин’ес’о́т’е, йа вам д’е́н’г’и одда́м.

Д.: Да мы и сегодня Вам можем занести, если нужно. Мы можем занести, мы же тут рядом.

Дъ ну ход’и́т’, мн’е ка́ццъ, так т’ижело́!

Д.: Мы ходим всё равно туда. А нам тут два шага пройти! Мы всё равно в магазин пойдём, не тяжело, скажите, что?

Так т’ижело́. Так, мо́жнъ буха́нку ч’о́рнъвъ вз’ат’, два д’ес’а́ткъ йаи́ц, так. Ну а ръносо́лы йа н’икак’и́ н’е йе́м. Вот йа гр’у, у м’ин’а́ вон суб з гр’иба́м’и, дъ ч’о вот. Хл’еп сво́й исп’екла́, а кста́т’и, во́н ън о́н. Оста́ток, но он уже́ н’е м’а́хкой, он йево́ так нълама́лъ.

Д.: Может, что-нибудь Вам там, чай нужен? Печенье там, чего ещё?

Ч’ай йес’т’, мъйоне́с йе… ой, п’еч’е́н’йъ н’и л’убл’у́ вот, н’ика́к н’е сйе́м, н’ика́к н’е сйе́м, он л’ежы́т. А канф’е́ты, д’е́н’г’и б’ир’огу́ нъ канф’е́ты. Вот э́т’и въд дъйеда́йу, фку́сныйе.

Д.: Молоко, может.

Мълако́ н’ил’з’а́ мн’е, оно́ н’и п’ир’ева́р’ивъцъ, у м’н’а́ йес’т’ ъно́ в запа́с’е, исп’еч’и́ ч’о. Ът йа́йцъ, хл’еп, а ч’о́ иш’ш’о́, йа н’е зна́йу.

Д.: Ну, подумайте, может, сметана там или что такое.

Йа ч’о́ ма́сл’у, с ма́слъм рас’т’и́т’ным, ма́слъ йес’т’. И мъйоне́с, ну, зна́ит’и, как в д’ер’е́вн’и, ну, йа опш’ш’е́ така́ эконо́мнъйъ, зр’а н’е тра́ч’у. Ну как сказа́т’, н’е зна́йу.

Д.: Вы нам скажите, что Вам хочется, мы хотим Вас угостить, Вы нам столько уделили времени.

Дъ йа н’ич’о́ н’ич’о́ н’и хоч’у́. Н’ет, н’ет, н’ет, н’е на́дъ м’ин’а́ угош’ш’а́т’, йа вам д’е́н’г’и одда́м, н’ет. Но йа н’е зна́йу, ч’о, ч’о́ бы куп’и́т’. Йа даш с’о́д’н’и в ъфтола́фку н’и пошла́, пъгл’ад’е́лъ, оста́лъз два йайца́. Б’е́лый-тъ йа п’еку́, а ч’о́рный плъхо́й пълуч’а́ицъ ф хл’ибап’е́ч’к’и,

э́тът-тъ харо́шый. Зна́ит’е, д’ефч’о́нк’и, на́дъ к ва́шъму пр’ихо́ду когда́, но н’и с’ево́д’н’е, с’о́д’н’и йа уже́ уста́лъ и йа н’и гото́въ, и вр’е́м’ъ уже́ тр’и́, мн’е на́дъ иш’ш’о́ с лу́към зан’а́ццъ, штоб мн’е быт’ свъбо́днъй, и жа́лкъ зна́ит’е ч’о? Йа фс’егда́ п’е́ч’ивъ п’еку́, у м’н’а́ ч’ерн’и́къ йез’ зъморо́жънъй. Вот, а у м’н’а́ слама́лъз духо́фкъ, н’ек… у ва́с там н’е́къму пъч’ин’ит’? В’ерх н’и п’еч’о́т.

Д.: У нас мужчин нет, к сожалению.

А-а. В’ерх н’и п’еч’о́т у м’ин’а́. И йа п’иръг’и́ он когда́ нъп’еку́ мно́гъ и зъмъро́жу. А н’и п’еч’о́т в’ерх, вот кака́ у м’ин’а́ пробл’е́мъ-тъ. Вот ч’о́, ну, иногда́ ф скърова́рк’и п’еку́ п’ирог’и́. Вот, ф скърова́рк’е, ф скърова́рк’и то́жъ хрошо́. Ну а та́к мо́жнъ, вот ч’о́ йа могу́, карто́шк’и нъвар’и́т’, лу́ку там, э́тъ, сала́т’къ зд’е́лът’, сала́т, тако́йи вот э́тъ йа пр’игото́вл’у. Вот, ч’а́йу пап’и́т’ с тра́фкъм’и. Ну, н’е зна́йу ч’о, ну а пото́м, ш’аз жа́ркъ, н’и фс’ег… окро́шку д’е́лъйу, окро́шку, квас у м’ин’а́ иш’ш’о́ стои́д буты́лкъ. Вот ч’ово́, вы куп’и́т’е кусо́ч’ик калба́ск’и в ъкро́шку плъжы́т’, так, ну и ч’о́ тагда́, мъйоне́с. Мъйоне́с у м’ин’а́ йес’т’.

Д.: Огурчик?

Огу́рч’ик йа, мож быт’, свой найду́ сн’иму́ там, на́дъ йе́сл’и, од’и́н. У м’ин’а́ то́къ на́ч’л’и он’и́, мал’у́с’ин’к’ийи. Ну от йа найду́ укро́пч’ик, сала́т, карто́шъч’ка, йаи́ч’к’и, зна́ч’ит, в акро́шку, ну, калба́ску на́дъ пъложы́т’ в ъкро́шку.

Д.: Хорошо.

Пр’ин’ес’о́т’е. Йа фс’о з’д’… В о́ш’им, нъ како́ дъгъвор’и́мсъ, йа фс’о з’д’е́лъйу, намо́йу фс’о, што́бы то́л’къ пъкрошы́т’ и з’д’е́лът’. Накро́шым бл’у́до. У м’н’а́ вот када́ База́нъф пр’ийеж’ж’а́л з жыно́й, вот э́т пръф’е́сър — бл’у́до окро́шк’и и бл’ино́ф и́л’и п’иръго́ф, ой, нажр’о́мса и п’е́с’н’и пойо́м, вот. Йа ду́мъйу, вы акро́шку бу́ит’е. Штоб вам н’е ду́мълъс’, што гр’а́знъ ч’о́, йа фс’о пр’игото́вл’у, намо́йу, мо́шт’и са́м’и крашы́т’, што́бы вы…

Д.: Мы не подумаем, но можем и сами.

…н’и съмн’ева́л’ис, вот. Пр’игото́вл’у ч’о ско́къ, намо́йу, а пъто́м пр’ид’о́т’е и бы́стр’ин’къ нар’е́жъм. Там карто́шънък н’е́скъл’къ. Так, вас ско́к пр’ид’о́т? Тро́йе, да? Тро́йо. У м’н’а́, мо́жъд быт’, И́ннъ пр’ид’о́т и йа. На́ч’ит, ч’е́тв’иръ, и И́нъ йе́сл’и п’а́тъйъ, наз бу́ит п’ач’ ч’илов’е́к.

Д.: А Инна-то здешняя?

Н’ет, ана́ маскв’и́ч’къ, но ана́ там пръдала́ и куп’и́лъ ф Кънако́в’е кварт’и́ру. Но з’д’ес у н’е́й р’а́дъм со Сла́въй с э́т’им, у н’ийо́ туд да́ч’ка. Ана́ там хаз’а́йн’ич’иит, зъ забо́ръм. Вот. Йа ра́н’ш к н’ей ход’и́лъ, пъйду́, ъна́ м’ин’а́ пр’иглаша́ла. Ну йа н’и могу́ хъд’и́т’, йа п с удово́л’ств’ийем к н’е́й сход’и́лъ. От, а дал’о́къ фс’о ж доро́гъ-тъ. Ч’ер’из Богда́нъвъ, да жара́-тъ. Н’и пайду́.

Д.: Да конечно, далеко.

Она́ къ мн’е́ ъбы́ч’нъ в ъд’и́нц пр’ихо́… Хл’еп харо́шый, м’а́хкъй, про́стъ йа иво́ нълама́лъ. Йа иво́ нълама́ла, о, от так помн’и́т’и, погл’а́ит’ како́й хл’е́п-тъ.

Д.: Хороший, да.

Вот. М’áхкъй, ой. Нъ вод’é на гóлъй, вот йа такóй п’екý и йем. Сйем однý бухáнку, ну йа св’éжуйу исп’екý на э́тъ д’éлъ. А ч’ó там, брóс’ил фс’о, онá самá п’еч’óт. Так. Да, д’ефч’óнк’и. И к’ем вы там рабóтъит’е, в э́тъй оргън’изáцыи? Дóлжнъс’т’и у вáс как’ийе? Как нъзывáн’ийе?

Д.: Я называюсь научный сотрудник. И Света тоже.

Наýч’ный. И скóл’къ зарплáта? Ну, н’и ст’есн’áйт’ес. Мáлъ, наэ́рнъ, плáт’ъд, да?

Д.: Да мало.

Мáлъ, птъ штъ гъсудáрствъ…

Д.: Около двадцати.

Да? Дъ ну нъпл’евáт’. А у м’ин’á вон дóч’къ пры́гъид, двáцц п’ат’ тыш’ш’ — цéлый д’ен’ вон мъгаз’и́н’и, корóпк’и тудá — с’удá, у вáс с’ид’áч’ъйъ рабóтъ, л’óхкъйъ. А з’д’ес’ вы как óтпуск и́л’и как съб’ирáт’ил’и фол’кл’óръ?

Д.: Нет, как командировка.

Да? Дък вам нáдъ штó-т тудá пр’ив’ес’т’и́ с събóй!

Д.: А мы вот везём.

С сабóй пр’ив’ест’и́.

Литература

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.

Получено 08.07.2020

Svetlana V. Dyachenko
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svet-lan-a@list.ru

THE DIALECT OF THE VILLAGE SKNYATINO IN THE KALYAZINSKY DISTRICT, TVER’ REGION

The publication features a detailed phonetic transcript of an audio recording of the interview with a dialect speaker, accompanied by a brief description of the dialect.

The recording was made on a Roland-09 Edirol recorder in .wav format in the summer of 2019 during an expedition to the Sknyatino village, Nerlskiy rural settlement. The informant — Vera I. Sorokina born in 1947 — speaks about herself, her relatives and fellow villagers, and gives vivid details of the life of the village during the periods of collectivization, Stalinist repressions, the Second World War and post-war years, and later, more prosperous times. Her story contains interesting examples of Russian and Soviet folklore and poetry.

The text presents a Western Central Russian dialect, in which the following characteristic features are observed: inconsistent okanye, in which there are about 2,5 times more cases of

pronunciation of [o] in the first pre-stressed syllable than cases of pronunciation of non-*o* ([a] or [ъ]); distinguishing [a] as a reflex of /a/ and [e] as a reflex of /e/ or /o/ in the first pre-stressed syllable after soft consonants; vowel [y] in place of [o] in the second pre-stressed onsetless syllable along with examples of [o] in this position; reduction to zero in the second pre-stressed syllable after hard consonants; single examples of the loss of *j* in the intervocalic position and of vowel contraction; non-palatalized [s] in the verbal postfix; competition of the endings *-am* and *-ami* in the plural instrumental forms of nouns; cases of omission of prepositions, usually *v*.

Keywords: dialectal text, decoding, Western Central Russian dialect, Central Russian dialect with okanye, irregular okanye

References

Zakharova, K. F., & Orlova, V. G. (1970) *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka*. Moscow: Prosveshchenie.

Received on July 08, 2020

Адреса университетов и институтов
Adresses of universities and institutes

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia

Институт российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
Institute of Russian History, RAS
19 Dmitriya Ulyanova st., Moscow, 117292 Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт славяноведения РАН
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский переулок 1/12
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/12 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что…».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 2. 2020

Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 15.12.2020. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ № 2038

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82